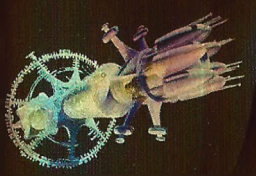
аластер рейнольдс

ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ

АЗБУКА

Увиденное Рейнольдсом будущее — это абсолютный холод
и кромешная мгла межзвездного пространства,
где господствует искусственный разум.

Publisher's Weekly

аластер рейнольдс

ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ

«Пространство Откровения» — впечатляющий первый роман цикла
и, вполне возможно, лучшая космоопера года.

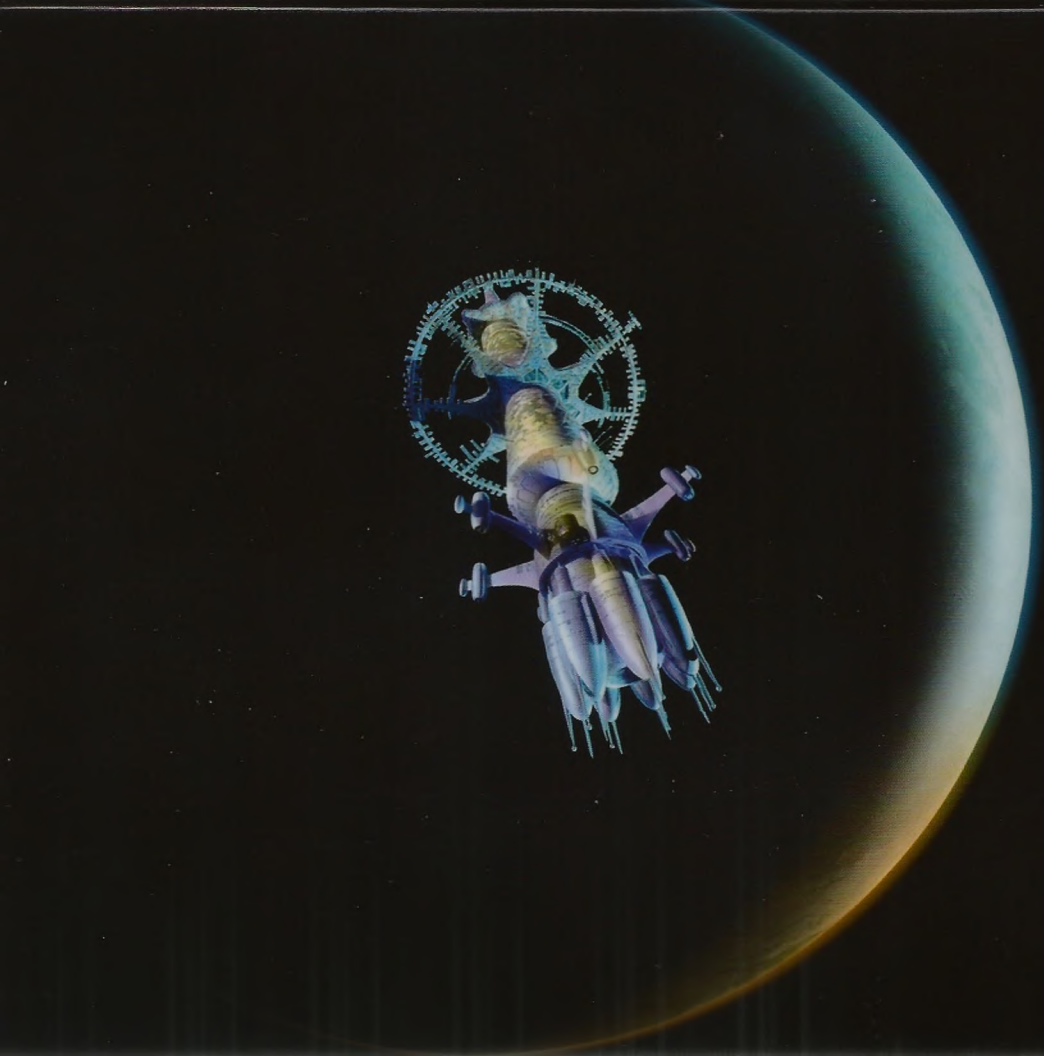
Locus

АЗБУКА

ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ

аластер рейнольдс

звезды новой фантастики

аластер рейнольдс

ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445
Р 35

Alastair Reynolds
REVELATION SPACE
Copyright © 2000 by Orion Publishing Group
All rights reserved
First published by Gollancz, London

Перевод с английского В. Ковалевского, Н. Штуцер

Оформление обложки В. Манацковой

© В. Ковалевский (наследник), перевод, 2015
© Н. Штуцер (наследник), перевод, 2015
© ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-07864-2

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сектор Мантель, северная часть массива Нехбет, Ресургем, Система Дельта Павлина, год 2551-й

Надвигалась бритвенная буря.

Силвест стоял на краю раскопа и думал: переживут ли плоды его трудов эту ночь? Территория археологических раскопок представляла собой ряд глубоких шурфов квадратного сечения, разделенных крутобокими холмами извлеченной земли. Шурфы закладывались по классической сетке Уиллера. Они уходили вглубь на десятки метров и были обтянуты прозрачной тканью, сотканной из гипералмазных нитей. Миллионы лет стратифицированной геологической истории лежали за этим покрытием. Но что дальше? Одна-единственная песчаная буря — и все шурфы будут засыпаны до самого верха.

— Получено подтверждение, сэр, — сказал кто-то из рабочих, подойдя к Силвесту со стороны первого вездехода; дыхательная маска приглушала его голос. — Кювье только что передал штормовое предупреждение для всей северной части горного массива Нехбет. Всем бригадам, работающим на поверхности, рекомендовано вернуться на ближайшие базы.

— Ты хочешь сказать, что мы должны собрать манатки и укатить в Мантель?

— Ожидается буря невероятной силы. — Рабочий нервно стянул ворот своей ветровки. — Прикажете дать распоряжение о полной эвакуации?

Силвест поглядел на раскопки. Стенки шурфов сверкали под лучами прожекторов, установленных по всей площадке. Дельта Павлина в этих широтах никогда не поднималась достаточно высоко над горизонтом, чтобы дать хорошую осве-

щенность. Сейчас же она висела почти у самой линии горизонта, да к тому же была полускрыта густыми облаками пыли — слабый ржавый мазок на небе, почти незаметный для невооруженного глаза. Скоро появятся и пыльные вихри, они помчатся над птеростепью тысячами раскрученных до бешеной скорости волчков. А за ними последует и главный удар бури, вздымающейся над горизонтом огромной черной наковальней.

— В отъезде нет необходимости, — сказал Силвест. — Мы тут вполне прилично прикрыты. Ты, должно быть, не заметил, но вон на тех валунах почти отсутствуют следы ветровой эрозии. Если будет очень сильная буря — что ж, запремся в вездеходах.

Рабочий бросил взгляд на валуны и покачал головой, словно не поверил собственным ушам.

— Сэр, Кювье дает предупреждения такой категоричности не чаще раза или двух в год. Эта буря посильнее любой, что мы видели.

— Не говори за всех; она посильнее любой, что видел ты, — отозвался Силвест, заметив, что взгляд собеседника вильнул в сторону. — Вот что я тебе скажу: мы не можем бросить раскопки. Это ясно?

Подчиненный снова обвел взглядом площадку:

— Мы можем прикрыть шурфы чем-нибудь сверху. Вкопать радиомаяки. Даже если шурфы засыплет буря, мы найдем их и вернемся. Вот на это самое место, где стоим. — За толстыми стеклами защитных очков метались перепуганные умоляющие глаза. — Так ведь лучше, чем рисковать людьми и оборудованием?

Силвест шагнул вперед, заставив собеседника отступить к ближайшему шурфу.

— Вот что ты сейчас сделаешь. Передай всем бригадам, чтобы продолжали копать вплоть до поступления новых распоряжений. И никаких разговоров о возвращении в Мантель. Ладно, самые чувствительные приборы можно убрать в вездеходы. Приказ понятен?

— Но как же люди, сэр?

— А люди будут делать то, для чего они сюда прибыли. Будут копать.

Силвест зло глядел на рабочего, как будто провоцируя на пререкания, но после долгой паузы тот побежал с привычной ловкостью по тропке через отвалы. Расставленные вокруг площадки хрупкие гравитометры, похожие на пушки со склоненными к земле стволами, слегка подрагивали под усиливающимися порывами ветра.

Силвест подождал, а потом по такой же тропе прошел мимо нескольких шурфов к центру участка раскопок. Там четыре шурфа были объединены в одну шахту сечением тридцать метров на тридцать; ее стены тоже укрепили гипералмазом. Силвест ступил на лестницу, ведущую вниз. В эту шахту он спускался за последние недели столько раз, что отсутствие головокружения удивляло его едва ли не больше, чем открывающаяся глазам картина. Продвигаясь вдоль стены, выстланной прозрачным материалом, он будто проплывал сквозь пласты времени: с момента События прошло более девятисот тысяч лет. Бóльшая часть этих пластов представляла собой вечную мерзлоту, что было характерно для приполярных широт Ресургема. Эта земля никогда не оттаивала. Ниже ее, совсем близко к Событию, лежал слой реголита, свидетельство ударно-взрывных процессов, имевших место в последующий период. Само Событие отмечалось тонкой черной чертой — пеплом сгоревших лесов.

Дно шахты не было совершенно ровным. Оно сужающейся лестницей спускалось на глубину сорока метров от поверхности. В самом низу пришлось установить дополнительные осветительные приборы. Небольшая площадка раскопа буквально кипела человеческой энергией. Дыхание приближающейся бури тут просто не ощущалось. Группа копачей трудилась почти беззвучно, стоя на коленях на циновках. Инструменты, которыми велась работа, были столь тонки и сложны, что в другую эпоху могли бы служить хирургам. Главными здесь были три студента из Кювье — уроженцы Ресургема. Рядом томился робот, ожидая распоряжений. Хотя на ранних этапах раскопок машинам не приходилось простаивать, на финальной стадии им не доверяли. Рядом с копачами сидела брюнетка в черном пальто, с геометрически четкой челкой; компад у нее на коленях показывал таблицу эволюции черепов амарантий-

цев. Как только женщина увидела Силвеста — тот спускался почти бесшумно, — она встала и захлопнула компад.

— Да, вы были правы, — сказала она. — Что бы тут ни лежало, оно большое и на вид прекрасно сохранившееся.

— У вас есть какие-нибудь предположения, Паскаль?

— А это уж, скорее, по вашей части. Я тут только комментировать имею право. — Паскаль Дюбуа, молодая журналистка из Кювье, с самого начала освещала раскопки в прессе, но не гнушалась и лопату брать в руки, легко овладевая тонкостями археологии. — Мрачное зрелище эти скелеты. Хоть и инопланетяне, все равно их жалко.

В одной из стен шахты, там, где начинались ступени, ведущие еще ниже, были вскрыты два захоронения, выложенные каменными плитами. Хотя могилам было как минимум девятьсот тысяч лет, они хорошо сохранились. Анатомическое строение костей позволяло предположить, что они принадлежали родственникам. Это были типичные костяки амарантийцев. Неискушенный в археологии наблюдатель принял бы их за человеческие, так как эти существа тоже имели четыре конечности, две из которых служили для передвижения; рост примерно соответствовал росту человека. Сходство наблюдалось и в других деталях: объем черепа примерно такой же, органы чувств, дыхания и речи расположены сходно. Но черепа обоих амарантийцев были вытянуты и походили на птичьи — четкий гребень шел от затылка вперед, мимо объемистых глазниц, до клювообразной верхней челюсти. На костях там и тут висели лохмотья коричневой ткани, она как будто предназначалась для удержания умирающих в позе, говорящей об агонии. Это не были окаменелости в полном смысле слова: минерализация костей отсутствовала. Сами могилы пустовали, если не считать костей и нескольких предметов явно техногенного происхождения, с которыми хоронили мертвецов.

— Возможно, — сказал Силвест, наклоняясь и трогая пальцем череп, — они хотели вызвать у нас именно эти чувства.

— Нет, — ответила Паскаль. — Просто ткань высохла и кости изменили свое положение.

— А может, они в таком виде с самого начала?

Ощупывая череп сквозь ткань перчатки, передававшую ощущения пальцам, он вдруг вспомнил желтый зал на верхнем яру-

се Города Бездны, с акварелями на стенах, изображавшими метановые ледники. Меж гостей ходили ливрейные роботы, предлагая сласти и ликеры, драпри из ярких шелков свисали со сводов дворца. В воздухе, согласно последней моде, светились и колыхались изображения серафимов, херувимов, колибри и фейри. Он вспомнил даже гостей, в основном связанных с семьей, — людей, которых либо едва знал, либо недолюбливал; его друзей здесь было очень мало. Отец, как обычно, сильно опоздал. Уже близилась ночь, когда Кэлвин наконец-то соизволил появиться. Впрочем, это никого не удивило: то было время самого последнего и самого великого проекта Кэлвина, так что сам процесс его реализации был как бы медленной смертью его творца. Не говоря уже о последующем самоубийстве, случившемся в разгар работ.

Силвест отлично помнил, как отец вручил ему шкатулку с инкрустацией в виде сплетающихся рибонуклеиновых спиралей на стенках.

— Открой, — велел Кэлвин.

Он помнил, как взял шкатулку, оказавшуюся на удивление легкой. Поднял крышку и увидел гнездо, выложенное невесомыми прядями упаковочного материала. В нем покоился коричневый купол, по цвету ничем не отличавшийся от ларца, разве что усеянный крапинами. Это была верхняя часть черепа, видимо человеческого. Нижняя челюсть отсутствовала.

Вспомнил он и тишину, сразу воцарившуюся в зале.

— И это все?! — воскликнул Силвест достаточно громко, чтобы его услышали во всех углах. — Старые костяшки? Ну, спасибо, папочка. Я в восторге!

— Что ж, вполне понятное чувство, — ответил Кэлвин.

Беда была в том, как сейчас же понял Силвест, что Кэлвин говорил совершенно серьезно. Череп не имел цены. Ему было двести тысяч лет. Женщина из испанского муниципалитета Атапуэрка, как он вскоре узнал. Время ее погребения определялось весьма точно самим характером захоронения, но ученые, которые его раскопали, изменили первоначальные оценки, использовав самые последние методы датирования: анализ соотношения калия и аргона в стенах пещеры, где была похоронена испанка, расчет ее возраста по полураспаду урана

в натеках травертина, трековое датирование вулканического стекла, термолюминесцентный анализ кремния. Эти же методики в несколько улучшенном виде и сейчас применялись при раскопках на Ресургеме. Физики пока еще не нашли более надежных способов определения возраста археологических находок.

Конечно, Силвест должен был тогда мгновенно понять, что перед ним самые древние человеческие останки на Йеллоустоне, привезенные с Земли в систему Эпсилона Эридана несколько столетий назад. Эта вещь пропала во время колониальных мятежей, и то, что Кэлвин снова ее отыскал, само по себе маленькое чудо.

Силвест устыдился не столько собственной неблагодарности, сколько выказанного перед всеми невежества, которое так легко было скрыть. И он поклялся, что эта оплошность никогда не повторится. Много лет назад он привез череп сюда, на Ресургем, чтобы тот служил напоминанием о клятве.

Вот и сейчас Силвест не должен ударить в грязь лицом.

— Если ваше предположение верно, — сказала Паскаль, — значит их похоронили в таком виде по некой важной причине.

— Возможно, в качестве предупреждения, — отозвался Силвест и шагнул к студентам.

— Я боялась услышать от вас нечто в этом духе, — шепнула она, следуя за ним. — И о чем же можно предупреждать столь жутким образом?

Вопрос был риторическим, и Силвест это хорошо понимал. Паскаль отлично знала все, что он думал об амарантийцах. Ей нравилось дразнить его, добиваться повторения одних и тех же объяснений: авось запутается в собственных теориях и совершит какую-нибудь логическую ошибку, достаточно серьезную, чтобы пришлось признать крушение всей стройной системы своих взглядов.

— Событие... — начал Силвест, ощупывая тонкую черную полоску сквозь прозрачную облицовочную плиту.

— Событие произошло с амарантийцами, — подхватила Паскаль, — но они вряд ли могли его предвидеть. И продолжалось очень недолго. Не было у них времени хоронить трупы так, чтобы те служили предупреждением, даже если хоронив-

шие имели хоть малейшее представление о том, что их ждет впереди.

— Они разгневали богов, — сказал Силвест.

— Да, — согласилась Паскаль. — Думаю, никто не станет возражать, что они могли бы интерпретировать Событие как свидетельство божественного неудовольствия и включить его в систему своих религиозных верований, но у них не было времени оформлять эти верования в виде памятников, так как все амарантийцы погибли. И вряд ли можно предполагать, что подобные специфические захоронения они делали ради будущих археологов, тем более принадлежащих к совершенно иным биологическим видам. — Паскаль накинула на голову капюшон пальто и крепко затянула завязки. Клубы пыли уже залетали в шурф, а воздух в нем теперь не казался таким неподвижным, как несколько минут назад. — Но вы-то думаете иначе, не так ли? — Не дожидаясь ответа, Паскаль надела толстые противопыльные очки, нарушив ими безупречность челки, и наклонилась к предмету, который студенты осторожно выкапывали из грунта.

С помощью своих специальных очков Паскаль могла считывать данные с «рисующих» гравитометров, расставленных по периметру сетки Уиллера. Показания этих приборов давали стереоскопическую картину масс, погребенных под поверхностью грунта. Силвест тоже адаптировал свое зрение к этой задаче. Грунт, на котором они стояли, сделался как бы прозрачным, как бы несуществующим. Образовалась туманная матрица, в которой отчетливо виделся некий огромный предмет. То был обелиск — громадный одинокий каменный монолит, заключенный в каменный же саркофаг. В высоту он достигал двадцати метров. Пока была откопана только его верхушка. И похоже, на одной стороне была выбита надпись стандартными позднеамарантийскими иероглифами. Разрешающей способности гравитометров не хватало, чтобы прочесть текст. Для этого надо было откапывать весь обелиск.

Силвест вернул глазам обычное зрение.

— Работайте быстрее, — обратился он к студентам. — Если слегка поцарапаете обелиск, ничего страшного. К вечеру вы должны открыть хотя бы метр этой поверхности.

Кто-то из студентов, стоя на коленях и продолжая копать, сказал:

— Сэр, мы слышали, что раскопки будут остановлены.

— Это еще почему?

— Буря, сэр.

— И черт с ней! — Силвест повернулся к Паскаль, которая внезапно сильно сжала его руку.

— Они имеют право волноваться, Дэн, — сказала журналистка тихо. — Я ведь тоже слышала штормовое предупреждение. Нам уже давно следовало отправиться в Мантель.

— И потерять вот это?

— Что мешает вернуться потом?

— Мы можем не найти этого места, даже если я вкопаю тут радиомаяк.

Он знал, что прав. Положение раскопа на картах нелегко определить, так как сами карты не отличаются ни точностью, ни детальностью. Они были сделаны на скорую руку сорок лет назад, во время полета «Лореана», оставившего пояс навигационных спутников. Этот пояс был уничтожен через двадцать лет после съемки, когда половина колонистов решила захватить корабль и вернуться домой. Теперь определить точно свое местоположение на Ресургеме — весьма непростая задача. А радиомаяки во время песчаных бурь часто ломаются.

— И все же ради этого не стоит рисковать людьми, — ответила ему Паскаль.

— Ради этого я рискнул бы и бóльшим. — Силвест повернулся к студентам и крикнул: — Торопитесь! Если нужно, используйте робота. Но к рассвету чтобы верхняя часть обелиска была на виду.

Слука, старшая из студентов, что-то пробормотала под нос.

— Есть предложения? — осведомился Силвест.

Она прекратила работу — очевидно, впервые за несколько часов. Силвест видел, как ее лицо обретает выражение решимости. Лопатка выскользнул из ее руки и упала рядом с ногой, затянутой в меховой муклук. Девушка сдернула маску — значит собирается что-то сказать.

— Надо поговорить.

— О чем, Слука?

Она вдохнула из маски, чтобы произнести следующую фразу:

— Не слишком ли вы полагаетесь на свою удачу, доктор Силвест?

— А ты свою только что пустила насмарку.

Казалось, студентка его не слышит.

— Вы знаете, что мы не равнодушны к тому, чем занимаемся здесь. Мы разделяем ваши взгляды. Вот почему работаем от зари до зари, гнем спину на вас. Но вы напрасно считаете нас рабами. — Она блеснула белками глаз, бросив взгляд на Паскаль. — Скоро вам могут понадобиться все ваши союзники, доктор Силвест.

— Это угроза?

— Это констатация факта. Если бы вы уделяли больше внимания тому, что происходит в колонии, то знали бы, что Жирардо решил пойти на конфликт с вами. И похоже, ждать осталось недолго, гораздо меньше, чем вы думаете.

По спине у Силвеста побежали мурашки.

— О чем, черт побери, ты болтаешь?

— О чем? О перевороте! — Слука обогнула Силвеста, направляясь к лестнице, ведущей на поверхность. Поставив ногу на ступеньку, она обернулась к оставшимся двум студентам, которые, не поднимая головы, продолжали сосредоточенно откапывать обелиск. — Давайте вкалывайте, но не говорите потом, что вас не предупредили. А если слабо представляете себе, что бывает с попавшими в бритвенную бурю, то гляньте на доктора Силвеста.

Один из студентов робко поднял голову:

— Куда ты, Слука?

— Поговорить с другими бригадами. Может, не все знают о штормовом предупреждении. А когда узнают, вряд ли многие захотят продолжать работу.

Она полезла вверх, но Силвест схватил ее за муклук. Девушка посмотрела на него. Теперь она была в маске, но Силвест все равно прочитал на ее лице презрение.

— Слука, это конец твоей карьеры.

— Нет, — ответила она, рывком высвободив ногу. — Это только начало. Переживайте лучше за свою карьеру.

Силвест прислушался к своим ощущениям и обнаружил, сам тому подивившись, что совершенно спокоен. Однако это было то особое спокойствие, которое свойственно океанам металлического водорода на огромных газовых планетах, — океанам, сдерживаемым колоссальным давлением сверху и снизу.

— Так что же ты решил? — спросила Паскаль.

— Сначала нужно кое с кем посоветоваться, — ответил Силвест.

Он по пандусу вошел в свой вездеход. Другая машина была забита мешками и контейнерами, а каждый сантиметр оставшегося места занимали гамаки копачей. Студентам приходилось спать в кузове, так как почти все раскопки в этом регионе находились в сутках езды от Мантеля. Вездеход Силвеста был куда комфортабельнее. Примерно треть его объема была отведена под кабинет начальника экспедиции и его спальню. Остальная часть вмещала склад, а также каморки для старшего персонала — в данном случае для Паскаль и Слуки. Сейчас весь вездеход был в распоряжении Силвеста.

Обстановка кабинета заставляла забыть о том, что это всего лишь часть кузова. Обивка из красного бархата, полки с копиями древних инструментов и археологических реликтов. Большая, элегантно изданная карта Ресургема в проекции Меркатора демонстрировала места главных находок, принадлежавших различным эпохам истории амарантийцев. Остальное пространство стен было занято медленно пополняющимися текстами: это были академические статьи в процессе подготовки.

Запись собственного сознания Силвеста на бета-уровне проделывала всю черную работу. Эту копию своего «я» Силвест натренировал так, что она могла выдерживать его литературный стиль даже лучше, чем он сам, особенно если учесть нынешнюю нервотрепку.

Позже надо будет выкроить время и вычитать эти статьи, но сейчас он лишь окинул их беглым взором, направляясь к секретеру. Этот дивный образец мебельного искусства был инкрустирован мрамором и малахитом. Его мозаика, сделанная в японском стиле, изображала сцены из ранней истории освоения космоса.

Силвест выдвинул ящик и достал из него карту квантовой памяти — серый брусок без всякой маркировки, вроде кафельной плитки. В верхней части секретера, набитого всякой электроникой, была прорезь. Чтобы пробудить сознание Кэлвина, требовалось лишь вложить в эту прорезь карту. Тем не менее Силвест колебался. Прошло много времени — по меньшей мере несколько месяцев — с тех пор, когда он последний раз возвращал Кэлвина к жизни, и та последняя встреча выглядела исключительно скверно. Он тогда же поклялся, что в следующий раз оживит Кэлвина только в кризисной ситуации. Теперь следует определить, наступил ли кризис и так ли он силен, чтобы оправдать пробуждение отца. Дело осложнялось еще и тем, что советы Кэлвина были полезны лишь в пятидесяти процентах случаев.

Силвест вложил карту в прорезь.

Из света и теней, словно по волшебству, в середине комнаты соткалась фигура Кэлвина, сидящего в своем кресле, достойном средневекового феодала. Изображение выглядело реальнее любой голограммы — присутствовали даже теневые эффекты, — поскольку создано оно было на основе записи образа отца, хранящегося в зрительной памяти самого Силвеста. Восстановленное на бета-уровне «я» Кэлвина представляло его таким, каким он был на вершине своего успеха, то есть в возрасте около пятидесяти; в ту пору Йеллоустон носил его на руках. Странно, но он все же выглядел старше Силвеста, хотя в реальном времени изображение было на семьдесят лет моложе. Сам Силвест уже восемь лет как разменял третье столетие, но омоложение, которому он подвергся еще в Йеллоустоне, было совершеннее, чем во времена Кэлвина.

Если не считать этого различия, то их телосложение и черты лиц были почти идентичны. На губах у обоих играла одна и та же ироническая улыбка. У Кэлвина была стрижка покороче, и одет он был в пышном стиле демархистской Бель-Эпок, что контрастировало с практичностью экспедиционной одежды Силвеста. Кэлвин носил плиссированную сорочку, элегантные бриджи в шахматную клетку, заправленные в высокие буканьерские сапоги, а его пальцы сверкали драгоценными камнями и металлами. Великолепно подстриженная бородка

казалась мазком рыжей краски на нижней челюсти. Одной рукой он ощупывал щетину на горле, а другой поглаживал резной шар, которым кончался деревянный подлокотник кресла.

Дрожь оживления прошла по его телу, в бледных глазах зажегся огонек интереса. Кэлвин приподнял пальцы в еле заметном жесте приветствия.

— Похоже, — произнес он, — уровень дерьма достиг опасной отметки.

— Воображение у тебя будь здоров...

— Тут и воображать-то нечего, мой милый мальчик. Я просто подключился к Сети и прочел несколько тысяч последних новостных сообщений. — Он повел шеей, чтобы получше осмотреть помещение. — Неплохой кабинетик ты себе обустроил. А кстати, как твои глаза?

— Работают, а что?

Кэлвин кивнул:

— Разрешение не слишком высокое, но ничего лучшего я добиться и не мог с теми инструментами, что оказались в моем распоряжении. Нельзя же дать Микеланджело зубную щетку и потребовать, чтобы расписал Сикстинскую капеллу. Мне удалось сшить примерно сорок процентов нервных волокон твоего глазного нерва, так что устанавливать лучшие камеры не имело смысла. Но если на этой планете найдется хирургическая техника более высокого качества, я мог бы оказать тебе услугу.

— Хватит меня дразнить!

— Да я и не думал, — притворился непонимающим Кэлвин. — Просто решил, что уж если ты позволил Алисии захватить «Лореан», то мог бы по меньшей мере вернуть нам часть медицинского оборудования.

Жена Силвеста возглавила мятеж против него двадцать лет назад, и Кэлвин никогда не упускал случая напомнить об этом факте.

— Что ж, стало быть, я принес себя в жертву. — Сказанное сопровождалось жестом, означающим просьбу помолчать. — Извини, Кэл, но я аниминировал тебя не ради дружеского трепа.

— Я предпочел бы, чтобы ты называл меня не другом, а отцом.

Силвест демонстративно проигнорировал эту ремарку.

— Ты знаешь, где мы находимся?

— Надо думать, на раскопках. — Кэлвин прикрыл глаза и прижал пальцы к вискам, чтобы сосредоточиться. — Да. Подожди... Два экспедиционных вездехода из Мантеля... где-то на окраине птеростепи. Сетка Уиллера... Довольно старомодно... Впрочем, думаю, для твоих целей годится. А это что такое? «Рисующие» гравитометры... сейсмограмма... Ты нашел что-то важное?

В этот момент на столе заработала рация — из Мантеля поступил сигнал. Силвест дал знак Кэлу умолкнуть, решая, принять вызов или нет. На связь выходил Анри Жанекен — специалист по биологии птиц и один из самых преданных Силвесту людей. Но хотя Жанекен хорошо знал Кэлвина при жизни, Силвест был уверен, что орнитолог никогда не видел отца в бета-записи... и уж конечно, не видел его в процессе общения с собственным сыном. Новость о том, что Силвесту понадобилась помощь и что для этого он вызвал сознание Кэла из небытия, может быть воспринята как проявление слабости.

— Чего ты ждешь? — спросил Кэл. — Прими его.

— Он не знает о тебе... о нас...

Кэлвин покачал головой, и вдруг совершенно неожиданно в комнате возник Жанекен. Силвест не сразу опомнился, не сразу понял, что случилось. Кэлвин, видимо, каким-то образом подчинил себе потайные функции секретера.

Ты всегда был пронырой, подумал Силвест. Собственно, именно благодаря этому качеству тебя и можно использовать теперь.

Изображение Жанекена, в натуральную величину, было чуть менее четким, нежели изображение Кэлвина, так как передавалось с помощью спутниковой связи из Мантеля. Сеть спутников была весьма несовершенна, да и передающие камеры видели лучшие дни, как и многое другое на Ресургеме.

— Ну наконец-то, — обратился Жанекен к Силвесту, которого он заметил первым. — Я уже чуть ли не час терзаю пе-

редатчик. Неужели с тобой нельзя связаться, когда ты в раскопе?

— Можно в принципе, — ответил Силвест, — но я отключил входящие. Надоело.

— Ах вот как! — проворчал Жанекен. — Очень разумно, черт побери! Особенно для человека в твоей ситуации! Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю? Близятся проблемы, Дэн, и они себя ждать не заставят, уж поверь... — Тут Жанекен обнаружил, что они не одни, уставился на сидящего в кресле и после некоторого молчания воскликнул: — Ну ничего себе! Это ты, что ли?

Кэлвин молча кивнул.

— Это его бета, — вмешался Силвест.

Необходимо было это прояснить, прежде чем продолжать разговор. Уровни альфа и бета фундаментально различались, и йеллоустонский этикет эти различия всячески подчеркивал. Силвеста могли обвинить по меньшей мере в нарушении общественного порядка, сложись у Жанекена впечатление, что перед ним считающаяся давно утерянной альфа-запись Кэлвина.

— Я консультировался с ним... с бетой, — признался Силвест.

Кэлвин скорчил гримасу.

— О чем? — спросил Жанекен.

Он был очень стар, старше всех на Ресургеме, причем с каждым годом приобретал все больше схожести с обезьяной, с каким-нибудь редким видом мартышки; седые волосы, усы и борода, обрамлявшие розовое личико, немало этому способствовали. На всем Йеллоустоне не было другого столь талантливого эксперта по генетике, если не говорить о миксмастерах; впрочем, многие считали Жанекена куда умнее любого члена этой секты. Правда, его гений не бросался в глаза, не ослеплял внезапными озарениями, а находил выражение в долгих годах спокойной, но исключительно тонкой работы. Жанекен уже разменял четвертое столетие, и слои, наложенные многими сеансами омоложения, теперь опадали с него, подобно осенней листве. Силвест полагал, что Жанекен будет первым человеком на Ресургеме, который умрет от старости. И это вы-

зывало грусть: хотя они с орнитологом часто спорили, их разногласия никогда не касались главного.

— Он что-то тут раскопал, — вмешался Кэл.

Глаза Жанекена сверкнули, бремя лет будто скатилось с его плеч при упоминании о научном открытии.

— Неужели?

— Да, я...

И тут случилось почти невозможное. Комната в вездеходе исчезла. Теперь они стояли на балконе здания, расположенного высоко над городом, в котором Силвест сразу узнал Город Бездны. Опять шуточки Кэлвина! Электронный секретер последовал за ними и сюда, подобно верному псу. Если Кэлвин добрался до его потайных функций, подумал Силвест, то и подобный фокус ему вполне по силам. Он воспользовался стандартным набором «ландшафтов» из памяти секретера. Отличная имитация — вплоть до порывистого ветра, щекотавшего щеки Силвеста, вплоть до почти неощутимого запаха, свойственного этому городу, запаха, который трудно определить, но который начисто отсутствует в более дешевых панорамах. Это был город его — Силвеста — детства, город Прекрасной Эпохи. Потрясающие воображение золотистые громады зданий уходили вдаль и там, у горизонта, выглядели как изваяния облаков. Оттуда доносилось гудение воздушного транспорта; оттуда же парки и сады спускались великолепными каскадами террас в зеленую дымку, где лежали поля и пастбища.

— Разве не приятно вновь увидеть родные места? — спросил Кэл. — И подумать, что все это могло бы принадлежать нашему клану, стоило только протянуть руку... Кто знает, каким путем пошла бы история, если бы нам удалось удержать этот город в своей власти.

Жанекен получше утвердился на ногах, крепко держась за перила.

— Все это очень мило, Кэл, но я сюда явился не красотами любоваться. Дэн, что ты собирался сказать до того, как нас столь...

— Столь грубо прервали? — продолжил его фразу Силвест. — Я хотел попросить Кэла, чтобы обработал данные гравиразведки, поскольку он уже явно научился читать мои личные файлы.

— Это пустяк для человека моих способностей, — ответил Кэл.

Миг — и туманное изображение раскопа и обелиска в натуральную величину повисло прямо перед балконом.

— Ох как интересно! — воскликнул Жанекен. — Просто потрясающе!

— Совсем неплохо, — отозвался Кэл.

— Неплохо?! — вскричал Силвест. — Да он больше по размерам и лучше сохранился, чем все раскопанное до сих пор! Это явно доказывает существование развитой фазы амарантийской цивилизации... Возможно, фазы, непосредственно предшествовавшей промышленной революции...

— Полагаю, этот обелиск может оказаться в высшей степени важной находкой, — неожиданно согласился Кэл. — Ты что, собираешься откопать его?

— Еще несколько минут назад собирался, — ответил Силвест. — Однако возникли новые обстоятельства. Я... только что узнал из своих источников, что Жирардо планирует выступить против меня гораздо раньше, чем я ожидал.

— Он не осмелится выступить против тебя, если у него нет большинства в Совете экспедиции, — возразил Кэл.

— Это если бы он планировал выступить в обычном порядке, — возразил Жанекен. — Но информация Дэна верна: Жирардо намечает более короткий путь.

— Но ведь тогда... это будет что-то вроде мятежа?

— Полагаю, термин вполне подходит, — ответил Жанекен.

— Уверен? — Кэлвин снова сосредоточился, глубокие морщины пересекли его лоб. — Да, ты прав. Пресса в последние дни открыто рассуждает, каковы будут следующие ходы Жирардо в ситуации, когда Дэн пропадает на раскопках, а сама колония переживает кризис власти. Отмечено резкое увеличение числа шифровок, курсирующих между известными сторонниками Жирардо. Эти шифровки мне не прочитать, но интенсивность обмена ими действительно кое о чем говорит.

— Значит, и впрямь что-то затевается...

Слука была права, подумал Силвест. Получается, она оказала ему услугу, хотя и угрожала покинуть раскопки. Без ее предупреждения он не оживил бы Кэла.

— Похоже на то, — подтвердил Жанекен. — Вот почему я тебя так упорно разыскивал. Мои опасения подтверждаются тем, что Кэл сказал о сторонниках Жирардо. — Пальцы Жанекена еще крепче сжались на перилах. Обшлаг его пиджака, свисавший с костлявой руки, как с вешалки, был украшен павлиньими «глазами». — Дэн, я не думаю, что тебе следует оставаться здесь. Я пытался держать связь с тобой на уровне, который не вызвал бы подозрений, но есть достаточно оснований считать, что этот разговор прослушивается. Поэтому я кончаю. — Он отвернулся от висевшего в воздухе обелиска и обратился к сидящему археологу: — Кэлвин... мне было приятно встретиться с тобой после столь долгой разлуки.

— Побереги себя, — ответил Кэлвин, протягивая руку в направлении Жанекена. — И желаю удачи с павлинами.

Удивление Жанекена было непритворным.

— Ты знаешь о моем маленьком проекте?

Кэлвин улыбнулся и промолчал. Вопрос Жанекена не имеет смысла, подумал Силвест.

Старик махнул рукой, панорама срослась с офисом Жанекена. Затем он сделал шаг назад и исчез вместе с этой обстановкой.

На балконе остались двое.

— Итак? — спросил Кэл.

— Я не могу рисковать потерей контроля над колонией.

Силвест все еще был номинальным начальником всей ресургемской экспедиции. Даже после предательства Алисии. По логике все, кто решил остаться на планете, а не возвратиться домой, должны были стать союзниками Силвеста и тем самым укрепить его позиции. Но вышло совсем не так. Далеко не каждому, кто принял сторону Алисии, удалось попасть на борт «Лореана» до того, как корабль ушел с орбиты. Да и среди оставшихся по убеждению было немало таких, кто, первоначально симпатизируя Силвесту, понял, что с кризисом он справляется плохо, прибегая чуть ли не к криминальным методам. Противники Силвеста распространяли слухи, будто изменения в мозгу, которым он подвергся у жонглеров образами перед встречей с затворниками, вызвали патологию, граничащую с безумием. Изучение цивилизации амарантий-

цев продолжалось, но очень вяло. Зато политические разногласия и склоки вспыхнули с такой силой, что погасить их было уже невозможно. Те, у кого еще сохранилась привязанность к Алисии — главным среди них был Жирардо, — создали организацию увлажнистов. Археологи Силвеста злились, в их поведении проявлялись черты «психологии осажденной крепости». В обеих группах гибли люди, причем их смерть никак не укладывалась в рамки несчастных случаев. Теперь все эти противоречия достигли точки кипения, а Силвест сейчас занимал отнюдь не ту позицию, которая позволила бы ему покончить с кризисом.

— И в то же время я не могу бросить его. — Он указал на обелиск. — Мне нужен твой совет, Кэл. И я получу его, так как ты полностью зависишь от меня. Ты уязвим, не забывай.

Кэлвин заерзал в своем кресле:

— Если говорить прямо, ты шантажируешь родного отца? Просто прелестно.

— Нет, — ответил Силвест сквозь зубы. — Я лишь намекаю, что ты можешь попасть в плохие руки, отказавшись мне помочь. С точки зрения толпы, ты всего лишь рядовой представитель нашего блистательного клана.

— А ты, значит, можешь еще и не воспользоваться моим советом? С твоей точки зрения, я всего лишь компьютерная программа, движущаяся картинка. Когда разрешишь мне попользоваться твоим телом?

— На этот счет я не стану тебя обнадеживать.

Кэлвин угрожающе поднял палец:

— Не надо наглеть, сынуля. Это я тебе понадобился, а не наоборот. Можешь засунуть старого джинна обратно в лампу, мне там хорошо.

— Так я и поступлю. Но сначала получу от тебя совет.

Кэлвин наклонился в его сторону:

— Скажи, что ты сделал с моей альфой, и тогда я, может быть, соглашусь обдумать твою просьбу. — Он ехидно ухмыльнулся. — Я бы даже мог рассказать кое-что о Восьмидесяти. То, чего ты не знаешь.

— А чего я не знаю? — хмыкнул Силвест. — Погибло семьдесят девять невинных душ, вот и все. В этом нет секрета. И я не

считаю тебя ответственным за их гибель. Нельзя же обвинить фотографию тирана в военных преступлениях.

— Я вернул тебе зрение, неблагодарный щенок! — Кресло повернулось к Силвесту крепкой деревянной спинкой. — Готов признать, что твои глаза трудно назвать шедевром, но чего можно было ждать в той обстановке? — Кресло снова развернулось. Теперь Кэлвин был одет точно как Силвест, так же подстрижен, и лицо тоже невозмутимое. — Расскажи о затворниках, — попросил он. — Поделись своими грязными тайнами, сыночек. Выкладывай, что случилось у Завесы Ласкаля, только не надо той вонючей лжи, которую ты сочинил, возвращаясь назад.

Силвест подошел к секретеру, чтобы вынуть карту.

— Подожди! — взвизгнул Кэл, простирая руки. — Хочешь услышать мой совет?

— Наконец-то мы подошли к сути.

— Ты не можешь позволить, чтобы Жирардо одержал верх. Даже если мятеж неотвратим, тебе следует вернуться в Кювье. Там соберешь те небольшие силы, которые еще верны тебе.

Силвест поглядел в окно, на площадку с шурфами. По отвалам двигались тени — люди бросали работу и бесшумно прятались в своем единственном убежище — втором вездеходе.

— Возможно, это самая важная находка из всех сделанных на этой планете.

— И не исключено, что тебе придется ею пожертвовать. Если сумеешь обуздать Жирардо, у тебя появится роскошный шанс вернуться и выкопать обелиск. Если Жирардо победит — тогда все, что ты здесь найдешь, не будет стоить ломаного гроша.

— Знаю, — ответил Силвест.

На какой-то момент вражда между ними как будто прекратилась. Суждения у Кэлвина здравые, глупо притворяться, что это не так.

— Значит, ты последуешь моему совету?

Силвест положил ладонь на секретер, собираясь вынуть карту.

— Я подумаю об этом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На борту корабля-субсветовика,
межзвездное пространство, год 2543-й

«При общении с мертвецами, — подумала триумвир Илиа Вольева, — самое сложное в том, что они не понимают, когда им следует заткнуться».

Она только что перешла из рубки в лифт; восемнадцать часов непрерывных консультаций с симами людей, в отдаленном прошлом живших на этом корабле, вымотали ее до крайности. Илиа пыталась всеми правдами и неправдами вытянуть из них какие-нибудь сведения о тайном оружейном складе. Работа была неимоверно тяжелая, в частности, потому, что некоторые из старейших бета-копий не говорили на современном норте, а программа, «одушевлявшая» их, по каким-то непонятным причинам отказывалась переводить. Во время допроса Вольева непрерывно курила, ломая голову над особенностями грамматики среднего норта, и даже теперь не могла не наполнять легкие дымом. Да и как тут не курить, если от долгого пребывания в неподвижной позе жутко разнылась спина? Кондиционер в лифте работал из рук вон плохо, кабина через считаные секунды заполнилась густым дымом.

Вольева подтянула кверху обшлаг кожаной куртки с шерстяной подкладкой и сказала в браслет, болтавшийся на тонкой руке:

— Капитанский уровень.

Фраза немедленно была переадресована «Ностальгии по бесконечности», и корабль тут же поручил микроскопической части самую примитивную задачу — очистку воздуха в лифте. Мгновение, и кабина рванулась вниз.

— Желаете музыкальное сопровождение в пути?

— Нет. И ты мог бы уже запомнить по тысячам предыдущих поездок, что мне нужно только одно — тишина. Заткнись и дай подумать.

Она спускалась по главной оси корабля — четырехкилометровой шахте, которая проходила через весь корабль, сверху донизу. Вольева вошла в лифт почти у верхнего устья шахты (ей

было точно известно о существовании тысяча пятидесяти уровней, или дистриктов) и теперь снижалась со скоростью около десяти уровней в секунду. Стенки у лифта были стеклянные, удерживался он на весу силой какого-то поля, и время от времени гладкая внутренняя обшивка шахты тоже становилась прозрачной, позволяя определять положение кабины без помощи схемы корабля.

Сейчас Илиа продвигалась сквозь лесные заросли: то были ярусы садовых растений, одичавших без ухода и уже гибнущих из-за того, что ультрафиолетовые лампы, имитировавшие солнечный свет, почти все перегорели и никто не позаботился их заменить. Заросли кончились, а ниже восьмисотого этажа пошли обширные помещения, где когда-то жила и отдыхала команда, насчитывавшая несколько тысяч человек. Еще ниже помещались громадные и неподвижные теперь машины, которые в былые времена обеспечивали вращение жилых секций и неподвижность подсобных. Потом лифт проехал мимо уровней с криогенными капсулами для нескольких тысяч «спящих». Теперь таковых там не наблюдалось.

Вольева находилась уже на километр ниже отправной точки, но бортовое давление воздуха не изменилось, поскольку его поддерживала одна из тех редких систем жизнеобеспечения, которые еще продолжали нормально функционировать. Все же какой-то атавистический инстинкт подсказывал Вольевой, что при столь быстром спуске должно бы закладывать уши.

— Атриум, — произнес лифт, имея в виду уже давно не используемую часть былого великолепия. — На этом уровне вы можете чудесно отдохнуть и развлечься.

— Как заманчиво!

— Прошу пояснить.

— Поясняю: ты плохо представляешь себе, что такое отдых. Если, конечно, не считаешь таковым постоянное пребывание в скафандре высшей защиты и последующую противорадиационную терапию, от которой у тебя выворачивает кишки. Лично мне это отнюдь не кажется приятным времяпрепровождением.

— Прошу пояснить.

— Ладно, забудь, — вздохнула триумвир.

Еще километр помещений с сильно пониженным атмосферным давлением. Вольева чувствовала, как уменьшается ее вес, и понимала, что пролетает мимо двигателей, вынесенных за пределы корпуса корабля и укрепленных там на элегантно изогнутых стойках. Своими широко разинутыми пастями двигатели всасывали ничтожно малые количества межзвездного водорода, а затем подвергали его непостижимым процессам переработки. Никто, даже Вольева, не пытался узнать, как работают машины сочленителей. Работают, и слава богу. Еще важно, что они излучают устойчивое мягкое сияние из каких-то необычных элементарных частиц. Бóльшая часть этой радиации поглощается защитным покрытием корпуса, но кое-что проникает и внутрь. Вот почему лифт здесь заметно разогнался. Когда опасность миновала, он понизил скорость до прежней.

Было уже пройдено почти две трети пути. Оставшуюся часть Вольева знала лучше, чем другие члены команды: Садзаки, Хегази и остальные не забирались так глубоко без крайне важной причины. Да и можно ли их за это упрекнуть? Ведь чем ниже спускаешься, тем ближе ты к капитану. Лишь ее одну не пугала мысль об этом сближении.

Она не только не боялась этой части корабля, но даже превратила ее в свое царство. Нередко Илиа выходила на уровне 612, добиралась до «Паука» и, выведя его за пределы корпуса, слушала голоса призраков, обитающих в бескрайних межзвездных просторах. Как же хочется проделать это и сейчас! Но у нее срочная работа — специальное задание, а призраки всегда к ее услугам, куда они денутся!

На пятисотом уровне мимо пронесся центральный артиллерийский пост. Вольева даже успела вспомнить о связанных с ним проблемах. Пришлось побороться с искушением перейти туда и кое-что выяснить. Но вот ЦАП исчез; теперь Вольева пролетала мимо помещения, где находился тайный склад — одна из капсул внутри корабля, где давление было на нуле.

Это помещение было гигантским, с максимальной шириной, почти полкилометра. Сейчас там царила темнота, так что Вольевой пришлось вспоминать, где расположено содержи-

мое. Это было не слишком трудно. Хотя многие вопросы, касавшиеся происхождения и назначения этих механизмов, так и оставались без ответа, Вольева знала их местонахождение и форму так же хорошо, как слепой знает мебель в своей спальне. Даже в лифте она легко представляла себе, как протягивает руку и касается гладкой поверхности ближайшего орудия, просто чтобы увериться в его существовании. С тех пор как Вольева вошла в триумвират, она почти все свободное время отдавала изучению этих машин и все же не могла сказать, что привыкла к ним. Приходя сюда, она нервничала, как на первом свидании, понимая, что знает о них совсем чуть-чуть, а если копнуть глубже, сложившиеся представления того и гляди разлетятся вдребезги.

Тайный склад она всегда покидала с чувством облегчения.

На уровне 450 лифт миновал еще одну переборку, отделявшую служебные секции от постепенно сходившего на конус кормового отсека, достигавшего почти километровой длины. И снова кабина заметно ускорила движение, пролетая зону радиационной опасности, а затем началось медленное торможение, что говорило о близящейся остановке. Вот лифт уже вошел во вторую секцию криогенных уровней, коих насчитывалось двести пятьдесят, так что они могли вместить сто двадцать тысяч «спящих», но сейчас там лежал только один. Правда, вряд ли кто решился бы назвать состояние капитана сном.

Теперь лифт еле двигался. Пройдя без малого половину криогенных уровней, он остановился и радостным голосом оповестил, что достиг конца маршрута.

— С вами говорит консьерж пассажирского спального уровня, — сказал лифт. — Мы готовы удовлетворить вашу потребность в криосне. Спасибо, что решили воспользоваться нашими услугами.

Дверь открылась, и Вольева ступила через порог, глядя вниз, на сходящиеся стены шахты, обрамляющие бездну под ногами. Она проделала путь, равный почти всей длине корабля (или его высоте — проще было представлять его гигантским зданием), а шахта уходила дальше на невообразимую глубину. Корабль был так огромен — по-дурацки огромен, — что это излишество просто не укладывалось в голове.

— Да-да. А теперь проваливай.
— Прошу пояснить.
— Убирайся!

Этого сделать лифт, конечно, не мог — по крайней мере без реальной причины, только по капризу Вольевой. Ему ничего не оставалось, как дожидаться ее. Будучи единственным бодрствующим человеком, Вольева была и единственной, кто мог пользоваться лифтом.

От «хребта» корабля до того места, где держали капитана, путь пешком был немалый. Короткой прямой дорогой она идти не могла, так как целые секции корабля были заражены вирусами, вызывавшими повсеместное нарушение функций. Одни участки были затоплены охлаждающей жидкостью, другие — наводнены бродячими крысами-уборщицами. Третьи — патрулировались сошедшими с ума электронными сторожевыми буями, что делало эти помещения далеко не безопасными, разве что Вольевой вздумалось бы заняться экстремальным спортом. А еще были отсеки, заполненные токсичными газами, отсеки, где царствовал вакуум, отсеки с высоким уровнем радиации, отсеки, в которых водились призраки.

В призраков Вольева не верила (хотя, вообще-то, у нее были свои призраки, доступные через «Паука»), но к остальному относилась с полной серьезностью. В некоторые места она не рисковала заходить без оружия. Однако окрестности капсулы капитана она знала достаточно хорошо, чтобы не принимать уж слишком жесткие меры безопасности. Конечно, тут было холодно, и Вольева подняла воротник куртки, а шапку надвинула на лоб. Потом зажгла новую сигарету, и от глубокой затяжки вакуум в голове сменился холодной боевой настороженностью.

Одиночество ее не смущало. Конечно, хотелось с кем-нибудь пообщаться, но не до мурашек на коже. И уж совсем не было желания повторить судьбу Нагорного. Возможно, когда корабль достигнет системы Йеллоустона, надо будет подумать о новом начальнике артиллерийской части.

Каким же образом это чувство тревоги пробилось через непроницаемые переборки разума?

Нет, ее встревожило не имя Нагорного. Дело в капитане. Он тут, рядом, вернее, не он, а то, чем он стал. Вольева попы-

талась взять себя в руки. Сделать это совершенно необходимо! Ведь предстоящая встреча с Бреннигеном вызывает уже привычный приступ тошноты.

Каким-то чудом установка для криосна, в котором пребывал Бренниген, продолжала функционировать. Это была старая модель, очень добротно сделанная, насколько могла судить Вольева. Капсула ухитрялась держать клетки капитана в стазисе, хотя ее оболочка растрескалась и через щели полезла, отсвечивая металлом, мерзкая поросль. Она походила на грибницу и заполняла всю внутренность камеры. Что бы ни осталось от Бреннигена, оно находилось в плену этой поросли.

Вблизи камеры стоял дикий холод. Вольева совсем продрогла. Однако работа есть работа. Она достала из кармана кюретку и с ее помощью взяла соскобы металлической поросли для анализа. В лаборатории она напустит на паразита смертельные вирусы в надежде найти такой, что подрубит его под корень. По опыту Илиа знала, что эксперимент ничего не даст. Плесень обладала фантастической способностью разрушать те молекулярные орудия, которые применяла против нее Вольева. Правда, особой спешки тоже не было. Морозильник обеспечивал Бреннигена температурой лишь на несколько сот милликельвинов выше абсолютного нуля, и это явно замедляло размножение грибка. С другой стороны, Вольева знала, что ни одно человеческое существо еще не выжило, побывав на таком холоде. Это ей, однако, не казалось особенно важным, учитывая состояние капитана.

Немного охрипшим голосом она сказала в браслет:

— Открыть мой файл с информацией о капитане. Добавить нижеследующее.

Браслет зачирикал, сообщая о готовности.

— Третье посещение капитана после моего пробуждения. Границы распространения...

Она замешкалась, сообразив, что непродуманная фраза наверняка вызовет гнев триумвира Хегази. Впрочем, не страшно. Назвать, что ли, эту мерзость плавящей чумой, как ее уже окрестили йеллоустонцы? Едва ли это будет разумно.

— ...Болезни кажутся не изменившимися в сравнении с предыдущим осмотром. Пораженная площадь увеличилась

лишь на несколько квадратных сантиметров. Криогенная камера чудом продолжает работать, но мне кажется, что нам следует приготовиться к ее неизбежному отказу в самом недалеком будущем. — Говоря это, Вольева подумала, что, когда это произойдет, у них сразу станет на одну проблему меньше, если не удастся переместить капитана в другую работающую камеру. (Как это сделать? Вопрос без ответа.) Ну и у самого капитана тоже не останется проблем. Во всяком случае, можно на это надеяться.

Вольева велела было браслету закрыть файл лабораторного журнала, но тут же добавила, искренне жалея, что не сэкономила затяжку для этой минуты:

— Согреть мозг капитана на пятьдесят милликельвинов.

Опыт подсказывал, что это минимальная величина того необходимого подогрева, без которого мозг капитана останется в ледяном стазисе. Чуть больше — и чума пожрет его слишком быстро.

— Капитан? — обратилась Вольева. — Вы слышите меня? Я Илиа.

Силвест выбрался из вездехода и направился к шурфам. Пока он говорил с Кэлвином, ветер заметно окреп. Щеки горели от ведьминской ласки летящего песка.

— Надеюсь, беседа пошла вам на пользу, — сказала Паскаль, снимая дыхательную маску, чтобы перекричать шум ветра. Она знала о Кэлвине, хотя напрямую с ним не общалась. — Вы готовы смотреть на вещи здраво?

— Слуку сюда.

В обычной обстановке она бы непременно взбунтовалась от такого приказного тона. Теперь же приходилось учитывать душевное состояние Силвеста, а потому Паскаль отправилась ко второму вездеходу и вернулась вместе со Слукой и горсткой ее сторонников.

— Как я поняла, вы готовы прислушаться к нам? — Ветер гонял выбившуюся прядь волос по выпуклым очкам. Время от времени Слука глотала воздух из маски, которую держала в руке; другая рука упиралась в бедро. — Если так, возможен разумный компромисс. Мы позаботимся о вашей репутации.

Когда вернемся в Мантель, никто и словом не упомянет о том, что тут происходило. Скажем, что вы приказали нам собираться сразу же после получения штормового предупреждения. Все заслуги — ваши.

— И ты думаешь, это имеет какое-то значение?

Слука оскалилась:

— А какое значение имеет ваш проклятый обелиск? И уж если говорить напрямик, то кому нужны ваши гребаные амарантийцы?

— Значит, ты до сих пор не поняла, насколько это важно?

Осторожно — но не настолько, чтобы Силвест этого не заметил, — Паскаль начала снимать разговор, стоя чуть в стороне и держа камеру от компада в одной руке.

— Многие скажут, что тут и видеть нечего, — ответила Слука. — Это вы сами раздули значение амарантийцев, чтобы хоть чем-то занять своих археологов!

— Вот, значит, какого ты мнения, Слука? А впрочем, чего еще можно было от тебя ожидать. Не наш ты человек, не наш.

— В каком смысле?

— А в таком, что, если бы Жирардо понадобилось завербовать среди нас предателя, ты стала бы первым кандидатом.

Студентка повернулась к тем, кого Силвест про себя называл слукиными детьми.

— Вы только послушайте этого придурка! Уже в конспирологию ударился. Теперь и мы видим, что это псих, а большинство колонистов его давным-давно раскусили. — Она резко повернулась к Силвесту. — Короче, не о чем нам договариваться. Мы уедем, как только погрузим оборудование... или даже раньше, если буря усилится. Можете ехать с нами. — Она снова вдохнула из маски; ее лицо покраснело. — А можете рискнуть и остаться. Выбор зависит только от вас.

Он смотрел мимо Слуки на рабочих:

— Что ж, уезжайте. Бросайте раскопки и спасайте свою шкуру. Уж такой пустяк, как верность профессиональному долгу, вас, конечно, не остановит. Ну а если у кого-то все-таки хватит мужества закончить работу, ради которой мы притащились в такую даль, я возражать не стану.

Силвест переводил взгляд с одного копача на другого, но все стыдливо отводили глаза. Он не знал их по именам, толь-

ко в лицо, и то лишь потому, что работал с ними. Разумеется, никто из них не прилетел на корабле с Йеллоустона, никто не бывал нигде, кроме Ресургема с его немногочисленным населением, сосредоточенным в нескольких городишках посреди пустынь. Этим юнцам Силвест кажется неким дремучим пережитком.

— Сэр... — заговорил парень — возможно, тот самый, который первым сообщил Силвесту о штормовом предупреждении. — Сэр, вы уж не сочтите, что мы вас не уважаем. Но ведь и о себе надо подумать. Неужели не понимаете? То, что здесь закопано, не стоит такого риска.

— Вот тут-то ты и ошибся, — ответил Силвест. — Рискнуть стоит даже бóльшим, чем жизнь, гораздо бóльшим. Не понимаешь? Событие не было ниспослано амарантийцам свыше. Они сами устроили его.

Слука медленно кивнула:

— То есть они заставили свое солнце вспыхнуть? И вы верите в эту чушь?

— Если коротко, то да.

— Тогда крыша у вас поехала куда сильнее, чем мне казалось. — Слука повернулась к нему спиной. — Заводите вездеходы, мы уезжаем!

— А оборудование? — спросил Силвест.

— Останется тут, пусть хоть сгниет, мне плевать!

Толпа разделилась, люди пошли к машинам.

— Подождите! — закричал Силвест. — Выслушайте меня! Вам хватит одного вездехода, вы разместитесь все, раз бросаете оборудование!

Слука снова обернулась к нему:

— А вы?

— А я останусь. Вместе с теми, кто не бросит меня, доведу дело до конца.

Студентка покачала головой, сорвала маску с лица и с отвращением плюнула на землю. Однако, догнав свою бригаду, повела ее ко второму вездеходу, ближайшему, оставив Силвесту тот, где был его кабинет. Копачи забрались в машину, кое-кто из них нес детали оборудования и ящики с археологическими находками. Видимо, инстинкты ученых возобладали над желанием спастись. Силвест смотрел, как поднимаются тра-

пы, как задраиваются шлюзы, как колоссальная машина встает на ноги, разворачивается и уходит прочь. Через минуту она уже скрылась с глаз, а грохот двигателя потонул в вое ветра.

Силвест огляделся, чтобы узнать, кто остался с ним.

Рядом стояла Паскаль. Ничего удивительного — эта женщина последует за ним даже в могилу, если будет знать, что там ее ждет тема для очередной сенсационной статьи. Была еще крошечная группка студентов, устоявших перед демагогией Слуки. К своему стыду, Силвест их имен не помнил. Может быть, в шурфах сидит еще десятка полтора ребят.

Немного успокоившись, он щелчком пальцев подозвал двоих рабочих:

— Демонтируйте гравитометры, они нам больше не понадобятся. — Следующая пара тоже получила задание. — Двигайтесь с дальней стороны площадки. Собирайте все инструменты, брошенные дезертирами, а также полевые дневники и упакованные образцы и находки. Когда кончите, приходите в большую шахту, я буду там.

— Что вы задумали? — спросила Паскаль, выключая и вставляя в компад камеру.

— Разве это не очевидно? Хочу узнать, что написано на обелиске.

Город Бездны, Йеллоустон, система Эпсилона Эридана, год 2524-й

Консоль чирикнула как раз в тот момент, когда Ана Хоури чистила зубы. Она вышла из ванной, не стерев с губ белую пену.

— Доброе утро, Ящик.

Герметик вплыл в комнату. Его дорожный паланкин был покрыт ярким орнаментом из завитков, на передней стенке виднелось темное окошко. При хорошем освещении Ане удавалось рассмотреть мертвенно-бледное лицо К. С. Нга, покачивающееся сразу за зеленым стеклом.

— А ты шикарно выглядишь! — полился из разговорного устройства скрипучий голос. — Где бы мне раздобыть то, что так сильно взбадривает тебя?

— Ящик, меня взбадривает кофе. И пить его надо литрами.

— Да я пошутил, — ответил Нг. — Выглядишь ты как разваренное дерьмо.

Она стерла ладонью пену с губ.

— Я только что проснулась, подонок ты этакий.

— Ну извини. — Сказано это было таким тоном, словно утреннее пробуждение — некий атавизм, от которого сам Нг уже давно избавился, как избавляются от аппендикса.

Возможно, он действительно обходился без сна. Хоури никогда не присматривалась к человеку, заточившему себя в ящик. Герметики — одна из самых экзотических сект, возникших после эпидемии плавящей чумы, а появилась она считаные годы назад. Эти люди так дорожили своими имплантированными органами и так боялись вирусов чумы, по их убеждению все еще витавших в относительно чистой атмосфере Пролога, что покидали свои ящики лишь в герметичных помещениях. Иными словами, вести нормальный образ жизни они себе позволяли лишь на нескольких орбитальных станциях.

Опять заскрипел голос Нга:

— Прошу прощения, но, если не ошибаюсь, на сегодняшнее утро у нас запланировано убийство. Ты не забыла, что вот уже два месяца мы пасем некоего Тараши? Очень надеюсь, что не забыла, — ведь это тебе предстоит избавить беднягу от его никчемной жизни.

— Ящик, отцепись!

— А разве я цеплялся к тебе? Для меня это физически трудновыполнимо. Ну а если серьезно, то мы определили и место, и точное время убийства. Ты уже достигла нужной остроты?

Хоури снова наполнила чашку, а кофейник оставила на плите — выпьет, когда вернется домой. Кофе — ее единственная порочная привычка, память о солдатской службе на Окраине Неба. Штука в том, что необходимо уподобиться острому лезвию, а не накачаться кофеином до такой степени, когда голова гудит, а рука, держащая оружие, дрожит.

— Если ты имеешь в виду объем крови в моей системе кофеинообращения, то он понизился до приемлемого уровня.

— Тогда давай обсудим некоторые нюансы предстоящей операции, по крайней мере те, которые непосредственно касаются этого Тараши.

Нг буквально засыпал Хоури деталями будущего убийства. Бóльшую их часть Ана уже знала — они были в плане, а кое-что она предложила сама, основываясь на опыте предыдущих умерщвлений. Тараши должен был стать ее пятой жертвой; она уже выявила некоторые закономерности «Игры». Хотя это не всегда было очевидно, но «Игра» имела свои правила, которые определяли основные подходы к каждому убийству.

Успехи Хоури не ускользнули от внимания прессы, и имя Хоури все чаще звучало в контексте «Игры теней», так что Ящик наверняка уже выбирал для нее очередную жирную дичь. В Ане крепло ощущение, что очень скоро она попадет в первую сотню убийц планеты. А это элита из элит.

— Ладно, — сказала она. — У Монумента, площадь восьмого уровня, западное крыло, в час. Проще некуда.

— Ты ничего не забыла?

— Ах да. Где оружие, Ящик?

Нг кивнул за зеленым стеклом:

— Там, дорогая малютка, где его оставила твоя зубная фея.

Герметик развернул паланкин и выехал из комнаты, оставив за собой слабый запах машинного масла. Хоури, нахмурясь, осторожно сунула руку под подушку. Там, как и сказал Ящик, что-то лежало. А вчера, когда укладывалась спать, ничего не было. Впрочем, теперь такие вещи ее не волновали. Действия Компании всегда отличались загадочностью.

Вот она и готова.

Хоури спрятала «подарок зубной феи» под одеждой и вызвала с крыши фуникулер. От его датчиков оружие, конечно, не укрылось, как и имплантаты в голове; машина наверняка отказалась бы брать пассажирку, если бы та не предъявила знак «Точки Омега» — сияющее голографическое изображение мишени, подрагивающее под слоем кератина на ногте правого мизинца.

— К Монументу Восьмидесяти, — сказала она.

Силвест спустился по лестнице и прошел по ступенчатому дну шахты к лужице света, где виднелась верхушка обелиска. Слука и один из ее помощников дезертировали, но оставшийся студент с помощью робота ухитрился откопать около метра

сооружения. Для этого пришлось разобрать каменную кладку саркофага, и тогда обнажился массивный, покрытый искусной резьбой обсидиановый блок. На одной из его поверхностей виднелись четкие линии — амарантийское графическое письмо. Идущие рядами идеограммы говорили о том, что бóльшая часть изображения — текст.

Ученые давно постигли основы этого письма, хотя им бы очень пригодился здешний Розеттский камень. Амарантийский был восьмым мертвым инопланетным языком, обнаруженным людьми в радиусе примерно пятидесяти световых лет от Земли. Не имелось никаких доказательств тому, что эти восемь видов разумных существ когда-либо контактировали друг с другом. Ни жонглеры образами, ни затворники тут помочь не могли — у них не было ничего даже близко похожего на письменность. Силвест, которому приходилось иметь дело с обеими расами — по крайней мере, с их технологиями, — понимал это не хуже других.

Амарантийскую письменность разгадали компьютеры. На это ушло более тридцати лет — потребовалось коррелировать миллионы артефактов, пока не удалось создать базовую модель, с помощью которой раскрыли общий смысл большинства найденных надписей. Помогло то, что к концу существования этой расы сложился единый амарантийский язык, менявшийся очень медленно, так что одна и та же модель дала возможность расшифровывать надписи, разделенные несколькими десятками тысяч лет. Разумеется, оставались смысловые нюансы, сложные для истолкования. И тут на помощь теории приходила человеческая интуиция.

Амарантийская письменность ничем не походила на те, которые уже были известны человечеству. Все тексты были стереоскопичны. Они состояли из сплетающихся линий, которые должны были создать определенный рисунок в зрительном центре головного мозга. Предки амарантийцев были чем-то вроде птиц или летающих динозавров, но с разумом лемуров. В далеком прошлом их глаза располагались по обеим сторонам черепа, что привело к развитию двухкамерного мозга, где каждая половина синтезировала собственную модель мира. Позднее амарантийцы стали охотниками, обзавелись бинокулярным

зрением, но система связей в мозгу все еще сохраняла следы ранних фаз развития. Большинство амарантийских артефактов отражали эту ментальную двойственность, в частности в виде ярко выраженной вертикальной симметрии идеографических символов.

Этот обелиск не был исключением.

Силвест не нуждался в специальных очках, какими пользовались его сотрудники при чтении амарантийских иероглифов. Стереоскопичность видения достигалась благодаря особому устройству его глаз, где был использован один из наиболее удачных алгоритмов Кэлвина. Но сам процесс чтения все равно оставался пыткой, ибо требовал невероятного напряжения.

— Посвети мне, — сказал он студенту, который тут же отцепил ближайший переносной прожектор и направил его на ту сторону обелиска, где была выбита надпись.

Наверху полыхнула молния — сильный разряд электричества между разнозаряженными пылевыми облаками.

— Что-нибудь можете прочесть, сэр?

— Пытаюсь, — ответил Силвест. — Это, знаешь ли, непросто, особенно когда ассистент плохо держит лампу и свет прыгает по поверхности.

— Извините, сэр. Я стараюсь, но сюда задувает все сильнее.

Студент не преувеличивал. Даже в шахте появились пылевые вихри. Было видно, что они растут и крепнут; в воздухе уже колыхались серые пылевые завесы. В таких условиях долго не проработаешь.

— Ладно, не обижайся, — сказал Силвест. — Я очень ценю твою помощь. — Чувствуя, что его слова далеко не соответствуют ситуации, он добавил: — И очень обязан тебе за то, что ты остался со мной, а не ушел со Слукой.

— Выбор был не так уж труден. Тут не все готовы отмести ваши гипотезы с порога.

Силвест перевел взгляд с обелиска на студента:

— Ты имеешь в виду все мои гипотезы?

— Мы считаем, что все они достойны, как минимум, проверки. В конце концов, узнать, что случилось в те далекие времена, для колонии было бы небесполезно.

— Ты имеешь в виду Событие?

Студент кивнул:

— Если амарантийцы и в самом деле сами вызвали катастрофу, причем она совпала по времени с началом космических полетов... то наша экспедиция имеет более чем академический интерес.

— Мне не очень нравится окончание фразы. «Академический интерес»... Это звучит так, будто все остальное автоматически становится выше его. Но ты прав, нам нужно разобраться.

Подошла Паскаль:

— И в чем именно нам нужно разобраться?

— А что, если они действительно сумели как-то повлиять на солнце и оно убило их? — Силвест обернулся к Паскаль, будто хотел пронзить ее взглядом фантастически больших серебристых фасеточных глаз. — Так вот, нам не следует повторять их ошибок.

— Вы полагаете, это был несчастный случай?

— Я очень сомневаюсь, Паскаль, что они сделали это умышленно.

— Это-то я понимаю. — Журналистка не выносила, когда Силвест переходил в разговоре с нею на насмешливый тон. — И еще я понимаю, что инопланетяне каменного века не могли никак повлиять на поведение своего солнца. Ни случайно, ни целенаправленно.

— Мы знаем, что они были довольно развиты, — возразил Силвест. — Пользовались колесом и даже порохом. У них были рудиментарные познания в оптике, они занимались астрономией в связи с интересами земледелия. Путь от такого же уровня и до космических полетов человечество проделало за пятьсот лет. Было бы дурацким предрассудком считать, что иные биологические виды не способны на то же самое.

— Но где доказательства? — Паскаль встала, чтобы стряхнуть с пальто наслоившуюся мелкую пыль. — О, я прекрасно знаю, что вы скажете: никакие высокотехнологичные артефакты не уцелели — они были слишком хрупкими по сравнению с изделиями ранних эпох. Впрочем, если бы даже подобные свидетельства уцелели, что это изменило бы? Даже

сочленители не умеют зажигать и гасить звезды, а они в техническом отношении развиты куда сильнее прочего человечества, включая нас с вами.

— Я знаю. И это меня беспокоит больше всего.

— Ладно, так что же говорит надпись?

Силвест тяжело вздохнул и снова повернулся к обелиску. Он позволил отвлечь себя от изучения артефакта, надеясь, что в перерыве мозг поработает на подсознательном уровне и тогда смысл надписи внезапно прояснится, станет ослепительно-очевидным, как было с ответом на одну из психологических проблем, что не давали ему покоя перед визитом к затворникам. Но истина упорно пряталась, иероглифы все еще таили свой смысл. А может, виновато напряженное ожидание? Ведь он надеялся на что-то монументальное, на что-то такое, что сразу подтвердит его идеи, хоть они и пугали его самого.

Надпись, похоже, просто сообщала о каком-то имевшем здесь место событии. Возможно, оно имело большое значение для истории амарантийцев, но надежды Силвеста едва ли оправдывало. Конечно, еще предстоит сложный компьютерный анализ, да к тому же пока Силвест располагает лишь малой частью текста, но бремя разочарования уже согнуло его плечи; обелиск его больше не интересовал.

— Что-то произошло в этих местах. Может, сражение, может, сошествие бога. Вот и все. Памятный столб. Мы узнаем больше, когда откопаем его целиком и займемся датировкой слоев. Кроме того, мы проведем ЗЭ-анализ и выясним, из какого материала сделан артефакт.

— Значит, это не то, что вы искали?

— Сначала я думал, что именно то.

Силвест присмотрелся к нижнему краю раскопанной поверхности обелиска. Текст кончался в нескольких дюймах от кладки саркофага, а чуть ниже виднелось еще что-то, уходившее под слой вечной мерзлоты. Что-то вроде карты или диаграммы — просматривались лишь верхние части концентрических кругов или дуг.

И что же это такое?

Силвест не мог да и не хотел гадать. Буря усиливалась. Звезды исчезли, над шахтой был виден лишь пылевой покров — как машущие крылья гигантской летучей мыши. Оглушитель-

но ревел ветер. Оказаться там — значило попасть в дьявольскую переделку.

— Дайте мне что-нибудь, буду копать.

Получив лопату, Силвест начал соскребать мерзлый грунт, составлявший поверхность слоя саркофагов. Он работал с рвением заключенного, которому предстояло до рассвета прорыть длинный спасительный тоннель. Паскаль и студент тоже копали. А наверху дико выла песчаная буря.

— Я мало что помню, — сказал капитан. — Мы все еще крутимся вокруг Пухляка?

— Нет. — Вольева старалась не показать, что объясняла это уже многократно — каждый раз, как согревала ему мозг. — Мы покинули Крюгер Шестьдесят-А несколько лет назад. После того, как Хегази добыл для нас ледяную оболочку, в которой мы безумно нуждались.

— Вот как?! Но тогда где же мы?

— Идем к Йеллоустону.

— Зачем?

Капитанский бас гремел из динамиков, расположенных поодаль от криокапсулы. Сложные алгоритмы шарили по мозговым извилинам «спящего», преобразуя результаты в речь, отбрасывая все лишнее. Вообще, загадкой было уже то, что к капитану возвращалось сознание — ведь вся его нервная деятельность должна была прекратиться, когда температура мозга упала ниже точки замерзания. Но в мозгу капитана трудилось множество микроскопических машинок. Строго говоря, думали именно они, причем в условиях, когда температура была всего лишь на полкельвина выше абсолютного нуля.

— Зачем мы идем к Йеллоустону? — Вольевой было не по себе, причем вовсе не из-за общения с капитаном. — Хороший вопрос...

— Каков же ответ?

— Садзаки полагает, будто там живет человек, способный вам помочь.

Капитан долго вникал в ее слова. На своем браслете Илиа видела карту его мозга, по которой пробегали разноцветные волны, будто атакующие армии на поле боя.

— Тогда этот человек — Кэлвин Силвест, — произнес капитан.

— Кэлвин Силвест умер.

— Значит, Дэн Силвест. Это его решил разыскать Садзаки?

— Полагаю, больше некого.

— Он не согласится прийти. В прошлый раз отказал.

Наступило молчание. Температурные колебания время от времени отключали мозг капитана.

— Садзаки следовало бы это знать. — Капитан снова обрел способность мыслить.

— Я уверена, что Садзаки рассмотрел все возможности. — Судя по тону Вольевой, она была готова поверить во что угодно, но только не в собственные слова.

Нет, надо быть осторожнее, когда говоришь о другом триумвире. Садзаки — самый верный адъютант капитана. Они были знакомы давно, задолго до того, как Вольева вошла в команду. Насколько она знала, никто, кроме нее, не разговаривал со «спящим» и даже не знал о подобной возможности. Ни к чему было так глупо рисковать, даже учитывая пробелы в памяти капитана.

— Тебя что-то беспокоит, Илиа? Раньше ты доверяла мне. Дело в Силвесте?

— Нет, причина беспокойства находится не так далеко.

— На борту корабля?

«Вряд ли я когда-нибудь привыкну к этому», — подумала Вольева.

Но визиты к капитану в последние недели казались ей куда более привычным и естественным делом, чем раньше. Получалось, что посещение трупа, сохраняемого в условиях сверхнизких температур, трупа, несущего временно подавляемую, но опасную для всего сущего болезнь, стало для нее немного неприятной, но совершенно необходимой обязанностью. Чем-то таким, что ты просто вынужден время от времени делать.

Сейчас, однако, она сделала еще один шаг навстречу капитану, и черт с ним, со страхом, который остановил ее мгновение назад, когда она была уже готова выразить свое недоверие к Садзаки.

— Это насчет центрального артиллерийского поста, — начала она. — Помните его? Помещение, из которого управляют орудиями, хранящимися на тайном складе?

— Кажется, помню. Так что с ними?

— Я обучала артиллериста-стажера. Ему предстояло занять место в ЦАПе и взять контроль над орудиями с помощью вживленных в мозг имплантатов.

— Кто этот стажер?

— Борис Нагорный... Нет, вы его не знаете, он появился на борту сравнительно недавно. Я старалась держать его подальше от остальных. И даже помыслить не могла о том, чтобы привести сюда. Причина очевидна.

Причина заключалась в том, что болезнь капитана могла перекинуться на имплантаты Бориса. Вольева тяжело вздохнула. Она подходила к кульминации своего повествования.

— Нагорный всегда был не вполне уравновешенным. Во многих отношениях человек, стоящий на грани психопатии, был для меня предпочтительнее абсолютно нормального. Так, во всяком случае, я думала тогда. Оказалось, что я недооценила душевное нездоровье Нагорного.

— Ему стало хуже?

— Все случилось после установки имплантатов и первой попытки контакта с орудиями. Он стал жаловаться на кошмары чрезвычайной силы.

— Какое испытание для бедняги!

Вольева кивнула. Она догадывалась о том, что пережил капитан, когда болел, но все еще сохранял сознание. Какие кошмары, наверное, посещали его! Испытывал ли он при этом боль? И что такое боль в сравнении с пониманием, что тебя едят заживо, одновременно превращая в нечто совершенно чужеродное!

— Я не знаю, каковы были его кошмары, — сказала она. — Знаю лишь, что для Нагорного, чья голова и без того была набита страхами — их хватило бы на всех нас, — это оказалось невыносимым.

— И как ты поступила?

— Все заменила. И интерфейс ЦАПа, и имплантаты Нагорного. Совершенно без толку — кошмары продолжались.

— Уверена, что они как-то связаны с ЦАПом?

— У меня такая версия просто в голове не укладывалась, но несколько сеансов контроля дали весьма красноречивую статистику. — Илиа закурила новую сигарету — зажгла одинокую оранжевую звездочку в космосе капитана. Находка целого блока сигарет — ее единственная радость за последние недели. — Я снова заменила всю систему, но это ничего не дало. Ему стало еще хуже. — Сделав паузу, она призналась: — И тогда я посвятила в проблему Садзаки.

— Какова была его реакция?

— Он потребовал, чтобы я перестала экспериментировать, по крайней мере до тех пор, пока мы не доберемся до орбиты Йеллоустона. Пусть Нагорный проведет несколько лет в криосне, может, — это благотворно скажется на его рассудке. Сама я могу сколько угодно возиться в ЦАПе, но Нагорного туда допускать нельзя.

— Что ж, по мне — вполне разумный совет. Ты, разумеется, его отвергла?

Вольева кивнула и поймала себя на парадоксальном чувстве: ей было приятно, что капитан догадался о ее проступке и теперь не надо выдавливать из себя признание.

— Меня ведь разбудили на год раньше других. Дали время ознакомиться с системой, велели контролировать ваше состояние. Этим я и занималась несколько месяцев. До тех пор, пока не решила разбудить Нагорного.

— Ты продолжала эксперименты?

— Да. До вчерашнего дня. — Она глубоко затянулась сигаретой.

— Не тяни из меня жилы, Илиа. Что случилось вчера?

— Нагорный бежал. — Вот! Наконец-то она высказалась. — У него случился сильный приступ, он накинулся на меня. Я защищалась, он удрал. Спрятался где-то на корабле, но где именно, не знаю.

Капитан задумался. Илиа догадывалась, о чем он размышляет. Корабль очень велик, в нем есть места, которые невозможно просканировать, поскольку датчики там давно не работают. А если беглец будет почаще менять укрытия, это еще больше затруднит поиски.

— Необходимо разыскать этого парня, — сказал капитан. — Нельзя, чтобы он гулял на свободе, когда Садзаки и другие проснутся.

— А потом что?

— Вероятно, придется его убить. Но сделать это надо аккуратно. Заморозить тело в капсуле и сказать, что так и было.

— То есть представить это как несчастный случай?

— Да.

На лице капитана, которое Илиа видела в смотровое окошко, по обыкновению ничего не отразилось. У него мимические возможности, как у мраморной статуи, подумала она.

Это было хорошее решение. Замороченная собственными проблемами, Илиа не смогла до него додуматься. До последней минуты она боялась конфронтации с Нагорным, поскольку та могла привести к его смерти, а такое развитие событий представлялось неприемлемым. Оказывается, оно вполне приемлемое, если взглянуть с правильной точки зрения.

— Спасибо, капитан, — сказала Вольева. — Вы мне очень помогли. А теперь, с вашего разрешения, я вас снова заморожу.

— Но ведь ты скоро вернешься, да? Мне приятно разговаривать с тобой, Илиа.

— Я ни за какие коврижки не пропущу нашей встречи. — Она приказала браслету снизить температуру мозга капитана на пятьдесят милликельвинов. Это отправит его назад, в дрему, в бездумное небытие. Так она считала.

Вольева в тишине докурила сигарету, а потом перевела взгляд с капитана в темный изгиб коридора. Где-то там, в корабельных недрах, ее подкарауливает Нагорный. Он затаил на нее глубокую обиду. Он болен. У него поехала крыша.

Это бешеная собака, которую надо пристрелить.

— Кажется, я знаю, что это такое, — произнес Силвест, когда последний мешавший камень кладки был удален и открылась верхняя часть грани обелиска площадью два квадратных метра.

— И что же?

— Это карта системы Дельты Павлина.

— Что-то мне подсказывает: вы уже давно знаете это.

Паскаль глядела через выпуклые очки на сложный рисунок — две группы слегка искаженных концентрических окружностей. Стереоскопически совмещенные, они должны были дать единую картину, как бы висящую в воздухе перед обсидиановым обелиском. Это были орбиты планет. Сомнений быть не могло. Солнце — Дельта Павлина — находилось, как и полагается, в центре, помеченное амарантийским иероглифом — пятиконечной звездой, что сразу же напомнило о Земле. Затем следовали четкие орбиты главных небесных тел этой системы. Ресургему был присвоен символ, означавший мир. Сомнений нет. Это не случайный набор окружностей — около главных планет изображены их спутники.

— Были кое-какие догадки, — сказал Силвест.

Он совершенно выдохся, проработав в шахте всю ночь, да еще испытывая постоянный страх, но дело того стоило. Очистить второй метр обелиска было куда труднее, чем первый, да и буря выла, точно эскадрон баньши, примчавшийся с дикими воплями за душами археологов. Но, как это бывало и раньше, как будет и впредь, буря так и не достигла той силы, о которой предупреждал Кювье. Теперь самое худшее позади, хотя тучи пыли еще мечутся в небе, точно черные знамена. Тем не менее розовый рассвет уже прогоняет ночь. Похоже, опасность миновала.

— Все это ничего не меняет, — стояла на своем Паскаль. — Мы ведь давно в курсе, что они занимались астрономией. Находка говорит лишь о том, что на каком-то этапе своего развития амарантийцы узнали о гелиоцентричности этой планетной системы.

— Нет, находка дает гораздо больше, — медленно произнес Силвест. — Далеко не все эти планеты видны невооруженным глазом, даже если учесть возможные физиологические особенности амарантийцев.

— Значит, у них были телескопы!

— Не так давно вы назвали их инопланетянами каменного века. А теперь приписываете им умение делать телескопы?

Журналистка вроде бы улыбнулась, но маска на ее лице не давала уверенности в этом. Паскаль запрокинула голову: что-то блестящее пронеслось между барханами. Это под пылевыми облаками летел дельтоид.

— Похоже, у нас гости, — сказала Паскаль.

Они так быстро взобрались по лестнице, что запыхались, когда оказались наверху. Хотя ветер начал слабеть несколько часов назад, ходить по отвалам было чистым наказанием. На территории раскопок царил хаос: прожекторы и гравитометры опрокинуты, некоторые сломаны, прочее оборудование валяется где попало.

Самолет кружил над головами; пилот высматривал место для посадки. Силвест сразу понял, что дельтоид прилетел из Кювье — в Мантеле таких больших нет. На Ресургеме летающих аппаратов вообще было мало и ценились они высоко, поскольку лишь благодаря им поддерживалась связь между поселками, расположенными в нескольких сотнях километров друг от друга.

Все действующие ныне самолеты были изготовлены еще в первые годы существования колонии. Делали их роботы, используя местное сырье. Роботы-конструкторы были уничтожены или похищены во время мятежа, и все, что осталось после них, ценилось на вес золота. Конечно, самолеты могли самовосстанавливаться после небольших аварий, так что особого ухода не требовали. Но некоторые стали жертвами диверсий или небрежности; с годами воздушный флот колонии сокращался.

Блеск дельтоида резал Силвесту глаза. Нижняя поверхность крыла была усеяна тысячами тепловых элементов. Они-то, раскаленные добела, и обеспечивали термический подъем машины. Их сияние было слишком сильным для органов зрения, которыми снабдил сына Кэлвин.

— Кто это? — спросил кто-то из студентов.

— Мне и самому интересно, — отозвался Силвест.

Его не радовало, что дельтоид прибыл из Кювье. Он смотрел, как тот снижается, отбрасывая на землю яркие разноцветные тени — это остывали термические элементы, проходя всю гамму радуги. Самолет сел на полозья. Тут же опустилась аппарель, и по ней сошла группа людей. Глаза Силвеста перешли на инфракрасный режим, так он лучше разбирал движущиеся в его направлении силуэты.

Гости были облачены в темные комбинезоны, шлемы, большие дыхательные маски и что-то вроде пуленепробиваемых

жилетов с блестящими знаками различия администрации. Словом, это была пресловутая милиция колонии. Каждый держал наперевес оружие — длинную, весьма зловещего вида винтовку с рукоятками и подствольным ракетометом.

— Выглядят они не слишком дружелюбно, — осторожно произнесла Паскаль.

Отряд остановился, не дойдя нескольких шагов.

— Доктор Силвест? — Ветер, еще довольно сильный, отчасти заглушил голос милиционера. — Боюсь, сэр, у меня для вас плохие новости.

Силвест ничего другого и не ждал.

— В чем дело?

— Второй вездеход, сэр, тот, что уехал раньше...

— Что с ним?

— Вашим людям не удалось добраться до Мантеля, сэр. Мы их обнаружили. Они попали под оползень. На гряде собралось много пыли. У них не было ни единого шанса, сэр.

— Слука?

— Все погибли, сэр. — Громоздкая маска делала человека из администрации похожим на слоноволего бога. — Нам очень жаль. Какая удача, что не все уехали одновременно.

— Это больше чем удача, — вздохнул Силвест.

— Сэр, есть еще кое-что. — Представитель власти крепче сжал оружие, скорее демонстрируя его наличие, чем угрожая. — Вы арестованы, сэр.

Резкий голос К. С. Нга заполнил всю кабину вагончика. Больше всего он был похож на пронзительное жужжание пойманной осы.

— Так ты работаешь над своим вкусом? Я имею виду красоту нашего великолепного города.

— Про вкус и красоту уж кто бы говорил, — хмыкнула Хоури. — Ящик, когда ты в последний раз вылезал из своего идиотского кокона? Вряд ли это было на памяти ныне живущих.

Естественно, Нг не мог находиться рядом с ней, его паланкин не втиснулся бы в такой маленький вагончик канатной дороги. Машина была узкофункциональной — ничего лишнего, способного привлечь внимание посторонних, особенно сей-

час, на завершающем этапе охоты. Припаркованная на крыше, она походила на бесхвостый вертолет, частично сложивший свои лопасти. Ее важнейшими деталями были тонкие телескопические рычаги, которые заканчивались захватами, зловеще изогнутыми наподобие когтей ленивца.

Когда Хоури села в машину, дверца автоматически захлопнулась, оставив снаружи дождь и басовитый гул городского транспорта. Ана сказала, куда ехать — к Монументу Восьмидесяти, глубоко увязшему в Мульче. Машина на мгновение задумалась, вероятно рассчитывая оптимальный путь, оценивая состояние транспортных потоков и проверяя непрерывно меняющуюся топологию ведущих туда тросов. Процесс этот требовал времени, так как бортовому электронному мозгу было далеко до совершенства. Наконец Хоури почувствовала, что центр тяжести машины немного сместился. Через верхнее стекло дверцы она увидела, как одна из «рук» вытянулась, вдвое увеличив свою длину, и ухватилась за трос, проходивший над крышей здания.

Затем нужную точку на другом тросе разыскала вторая «рука». Резкий скачок — и вагончик уже в воздухе. Несколько секунд он скользит по двум тросам, затем один из них уходит в сторону, так что машина должна его отпустить. Она разжимает «когти», а третья «рука» тут же хватается за новый трос, пересекающий дорогу машине. Снова несколько секунд скольжения в нужном направлении, снова падение, снова подъем, и вот появляется хорошо знакомая противная тяжесть в желудке. И невозможно избавиться от жуткого ощущения, что машина не выбирает тросы целенаправленно, а хватает их наугад. Чтобы хоть немного отвлечься, Хоури занялась дыхательными упражнениями, поочередно напрягая и расслабляя пальцы рук, затянутых в черные кожаные перчатки.

— Должен признаться, — продолжал болтать Ящик, — что я уже довольно долго не подвергал себя воздействию присущих городу ароматов. Но то я, а тебе беспокоиться совершенно не о чем. Система его очистки — одна из немногих, которые не прекратили функционировать после эпидемии.

Теперь, когда вагончик уже миновал скопление зданий, которое можно было с натяжкой назвать жилым районом и в ко-

тором обитала Хоури, перед ней разворачивалась гигантская панорама Города Бездны. Казалось невероятным, что этот дремучий лес уродливых строений был когда-то самым процветающим городом в истории человечества, что отсюда на протяжении двух столетий изливался обильный поток научных и художественных новаций. Теперь даже местный люд признавал, что этот край видывал лучшие времена. С некоторой долей иронии жители называли его Городом Вечного Сна, поскольку многие тысячи его самых богатых обывателей улеглись в криогенные установки, рассчитывая провести там период упадка, который, по их мнению, являлся лишь случайным провалом на восходящей кривой роста благоденствия и процветания.

Естественной границей Города была кромка кратера диаметром шестьдесят километров. Сам город имел форму кольца, окаймлявшего зев Бездны. Город был укрыт восемнадцатью куполами, занимавшими пространство между стеной кратера и пропастью. Купола соприкасались гранями и удерживались на подпорных башнях. Эти купола больше всего напоминали покровы, которыми завешивают мебель в спальне недавно усопшего. Местные прозвали все это Москитной Сеткой, хотя существовало еще с десяток названий, заимствованных из разных языков. Без куполов город не мог бы существовать. Атмосфера Йеллоустона — холодная смесь азота и метана, соотношение между которыми все время менялось, приправленная коктейлем сложных соединений водорода и углерода, — была для человека убийственной. К счастью, кратер защищал от самых страшных ветров и селей жидкого метана, а смесь горячих газов, изрыгаемых Утробой, могла быть превращена в пригодный для дыхания воздух весьма простым и дешевым технологическим процессом. Были на Йеллоустоне и другие колонии, куда меньше Города Бездны, но у них возникли огромные проблемы с созданием локальной биосферы, особенно с обеспечением населения воздухом.

В первые дни своего пребывания на Йеллоустоне Хоури спрашивала у местных, кому вообще пришло в голову заселить столь негостеприимную планету? На Окраине Неба бесконечно полыхают войны, но там хоть можно жить без куполов и техники, создающей пригодную для дыхания атмосферу. Од-

нако вскоре Хоури поняла: рассчитывать на более или менее содержательный ответ не стоит даже в том случае, если подобный вопрос не воспримут как дерзость чужака.

Впрочем, ответ и так был ясен. Бездна привлекла к себе первых исследователей, они создали скромное поселение, а затем образовалось что-то вроде пограничного городка. Безумцы, игроки, мечтатели с горящими глазами летели сюда как мотыльки на огонь, привлеченные слухами о богатствах Бездны. Кто-то возвращался разочарованным, кто-то погибал в ядовитых пламенных глубинах вулкана. А выжившие энтузиасты гордились дивной красотой этих мест. Быстро пролетели двести лет, и кучка жалких лачуг превратилась в Город Бездны.

Он непрерывно и беспорядочно рос во всех направлениях и казался живой чащобой, которая вот-вот исчезнет в туманной дымке Бездны. Самые старые постройки сохранились на удивление хорошо. Эти здания, похожие на ящики, не поддались эпидемии, потому что в них не было систем саморемонта и самоперестройки. Напротив, новейшие небоскребы теперь напоминали трухлявый валежник с торчащими обломками ветвей и корней.

Когда-то эти небоскребы обладали симметрией и поражали величественной красотой, но плавящая чума изуродовала их, заставив расти вкривь и вкось, выбрасывая в стороны шарообразные утолщения и извилистые мерзкие щупальца. Потом эти здания умерли, окоченели в диковинных позах, — казалось, Город строили безумные архитекторы, чтобы постоянно будить в людях страх и дурные предчувствия. Возле таких домов образовались нижние ярусы, они представляли собой сплошные трущобы и блошиные рынки, освещавшиеся по ночам кострами и очагами.

В трущобах копошились человечки: кто шел пешком, кто ехал на рикше по шатким мосткам, переброшенным через развалины. Тут почти не использовались иные виды энергии, кроме мускульной и в меньшей степени паровой.

Трущобы никогда не поднимались выше десятого этажа небоскребов, так как могли легко обрушиться под собственной тяжестью. Поэтому над ними еще на двести-триста метров взбирались относительно ровные, сравнительно мало изуродованные эпидемией стены огромных зданий. И никаких при-

знаков того, что там живут люди. Только на самых верхних этажах человеческое присутствие давало о себе знать. Это были какие-то пристройки на столбах, похожие на гнезда аистов среди ветвей. Стекла этих пристроек отражали блеск власти и богатства. Они были ярко освещены. Сверкали неоновые рекламы. Лучи прожекторов, подвешенных к карнизам, выхватывали миниатюрные фуникулеры-такси, связывавшие между собой различные районы города.

Эти машины торопливо пробирались по канатам, оплетавшим здания, точно паучьи тенета. Имя этого возвышавшегося над трущобами города в городе было Полог.

Здесь не бывает настоящего дня, подумала Хоури. В Пологе она ни разу не чувствовала себя проснувшейся. Казалось, он погружен в вечные светлые сумерки.

— Ящик, когда у властей найдется время отчистить от грязи Москитную Сетку?

Нг засмеялся — будто затрясли жестяное ведро со щебнем.

— Наверное, никогда. Разве что кто-то придумает способ делать из грязи деньги.

— И кто из нас сейчас хает город?

— Мы-то с тобой можем себе это позволить. Когда сделаем дело, почему бы не махнуть на «карусели» и не пожить как приличные люди?

— Это в душных коробках-то? Нет уж, Ящик, мне такого восторга не вынести, так что на мою компанию не рассчитывай.

Перед Хоури открылась Бездна; фуникулер приблизился к внутренней стороне тороидальной воронки. Бездна представляла собой глубочайший провал в материнских породах, ее изъеденные ветровой эрозией стены сначала были отлогими, а затем круто обрывались. Их покрывали трубы, которые уходили в ревущую пропасть; оттуда извергались клубы паров. Там находилась фабрика по переработке газов, она снабжала Город воздухом для дыхания и теплом.

— Кстати, о деле. Что скажешь насчет оружия?

— Думаю, ты сумеешь с ним разобраться.

— Ты платишь, я разбираюсь. Но надо знать, с чем я имею дело.

— Если у тебя с этим проблемы, то советую поговорить с Тараши.

— Он что, сам изобрел эту штуковину?

— До самой последней детали.

Теперь вагончик скользил над Монументом Восьмидесяти. Хоури еще никогда не видела его в таком ракурсе. По правде говоря, если смотреть снизу, он выглядит куда величественнее. Сейчас он производил впечатление сильно побитого непогодой — довольно жалкое зрелище.

Это была пирамида с квадратным основанием, наподобие зиккурата. Нижние этажи обросли халупами на сваях, как днище корабля ракушками. Наверху мраморная облицовка сменялась зеркальными окнами, но с улицы не видно, что многие стекла побиты, металлические рамы частью сломаны, частью вовсе вылетели. Похоже, именно здесь и должно случиться убийство.

Обычно о подобных вещах не ставили в известность заранее. Должно быть, Тараши сам настоял на этой детали. В контракт с будущей жертвой такие пункты вносились разве что в тех случаях, когда клиент считал свои шансы выжить и избавиться от преследователя за условленный период времени очень высокими. Таким образом практически бессмертные богачи разгоняли скуку, переставая подчиняться законам и правилам. Если удастся пережить «Игру» — а так и бывало в большинстве случаев, — богатенький охотник будет потом долго хвастать своими подвигами.

Хоури отлично помнила, как сама включилась в «Игру теней». В тот день она очнулась на орбите Йеллоустона, на спутнике с криогенными установками, которым заправлял орден ледяных нищенствующих. На Окраину Неба эти нищенствующие никогда не забредали, но она кое-что слышала об их промысле. Эта добровольная религиозная организация дала обет помогать тем, чье здоровье серьезно пострадало при космических перелетах. Например, очень частым явлением была посткриогенная амнезия — побочный результат размораживания после криосна.

Пробуждение на спутнике ледяных нищенствующих — это уже причина для беспокойства. А в случае с Хоури амнезия

была настолько серьезной, что стерла даже память о космическом перелете. Последнее ее воспоминание было весьма специфическим: она лежит в госпитальной палатке на Окраине Неба, а рядом ее муж Фазиль. Обоим досталось в очередном сражении. Ранения не угрожали жизни и могли быть излечены в любом орбитальном госпитале. Пришел санитар и стал готовить пациентов к кратковременному криосну. Их охладят, отправят на орбиту в шаттле, а там поместят на склад — дожидаться, когда у хирургов дойдут до них руки. Процедура могла продлиться несколько месяцев, но санитар намекнул, что есть неплохие шансы вернуться в строй до окончания войны. Хоури и Фазиль поверили санитару, — в конце концов, они были настоящими профессионалами.

А потом она пробудилась. Но вместо того, чтобы перебраться в палату для выздоравливающих, оказалась на попечении ледяных нищенствующих. У вас, заявили ей с йеллоустонским акцентом, нет ни амнезии, ни иных осложнений, какие бывают у «слякоти». Все гораздо хуже.

Причину случившегося главный нищенствующий назвал бюрократической ошибкой. На орбите Окраины Неба в криогенную установку попала ракета. Хоури и Фазиль оказались среди немногих счастливцев, оставшихся в живых, но все их документы пропали. В ходе опознания замороженных ошибок избежать не удалось. Хоури приняли за наблюдательницу-демархистку, которая изучала войну на Окраине Неба и уже собиралась вернуться на Йеллоустон, когда попала под обстрел. Хоури прооперировали, а затем погрузили на борт корабля, уже готовившегося к старту.

К сожалению, с Фазилем такой ошибки не произошло. Пока корабль уносил спящую в криокапсуле Хоури за многие световые годы к Эпсилону Эридана, Фазиль старел — на один год за каждый год ее полета. Разумеется, сказали нищенствующие, подмену вскоре обнаружили, но было уже поздно. Рейсов до Окраины Неба нет и не ожидается еще лет десять. Даже если бы Хоури отправилась на Окраину Неба сейчас же (что опять-таки невозможно, учитывая, на какие планеты предстоит лететь кораблям, висящим ныне на орбитах Йеллоустона), до воссоединения с Фазилем прошло бы лет сорок. А Фазиль

и знать не будет, что она возвращается, — вполне может жениться, завести детей и даже внуков. Прилети Хоури к нему, и она станет призраком былой любви, давно поглощенной Небытием. А ведь еще необходимо учитывать, что Фазиль мог погибнуть, вернувшись на фронт.

До того как нищенствующие изложили все эти доводы Хоури, она никогда не задумывалась о скорости света. Знала только, что во всей Вселенной нет ничего быстрее... Но, как она теперь убедилась, эта скорость слишком мала, чтобы сохранить жизнь любви.

Один беспощадный момент истины — и она поняла, что важнейшие свойства Вселенной, ее физические законы, сговорились между собой, чтобы подвести ее к пропасти, полной ужаса и одиночества. Ей было бы легче, куда легче, если бы она знала, что Фазиль умер. Теперь же между нею и им лежит океан неизвестности — пространство и время.

В ней бушевал гнев, грозя сжечь ее дотла.

Позже в тот день пришел человек и предложил Хоури убивать по найму, и она удивительно легко согласилась.

Имя этого человека было Таннер Мирабель. Он тоже был солдатом с Окраины Неба. Таннер считался настоящим специалистом по выискиванию потенциальных убийц; он заинтересовался Хоури, как только ее разморозили. Мирабель связал ее с мистером Нгом, известным герметиком.

Вскоре Нг пригласил ее на собеседование. За этим последовали психометрические тесты. Убийцы, как считали на этой планете, должны быть людьми здравомыслящими, склонными к аналитическому мышлению. Чтобы четко различали законное умерщвление и уголовное преступление и не переступали весьма зыбкую границу. В противном случае акции компании могут рухнуть в Мульчу.

Все эти тесты Хоури прошла легко.

Были и другие. Иногда заказчики требовали чрезвычайно хитроумных способов своей потенциальной ликвидации, поскольку в глубине души не верили, что дойдет до убийства, и считали себя достаточно умными и изворотливыми, чтобы протянуть условленные дни и даже месяцы охоты и оставить убийцу с носом. Поэтому Хоури надлежало свести близкое знакомство со всеми видами оружия, используемого в «Игре».

Ну, уж чем-чем, а орудиями убийства профессионального солдата с Окраины Неба не удивишь.

Но даже она не видела ничего похожего на ту штуковину, которую ей доставила «зубная фея» в этот раз.

Потребовалось не меньше минуты, чтобы понять, как собирается это ружье. Получилось нечто вроде снайперской винтовки с чудовищно толстым перфорированным стволом. Обойма содержала несколько черных, похожих то ли на дротики, то ли на мальков рыбы-меча патронов. На каждой пуле присутствовала красноречивая метка — голографическое изображение черепа. Это удивило Хоури — она еще никогда не применяла отравленные боеприпасы.

А что за дела с этим Монументом?

— Ящик, — сказала она, — мне хотелось бы кое-что...

В этот момент фуникулер резко устремился вниз. Рикши прямо по его курсу изо всех сил закрутили педали, чтобы избежать столкновения. Перед глазами полыхнуло, на сетчатке отпечатались цифры — плата за проезд.

Хоури провела мизинцем по кредитному терминалу, переводя деньги с защищенного счета — у этого банка, находящегося в Пологе, не было никаких контактов с «Точкой Омега». «Цель» с хорошими связями способна отследить передвижения своего охотника по ряби на поверхности финансового моря. Заметанием следов пренебрегать нельзя.

Хоури открыла дверцу и выскочила. Здесь, как и всегда на поверхности планеты, шел мелкий дождь; его называли внутренним. Специфическая вонь Мульчи — смесь запахов канализации, пота, пряностей, озона и едкого дыма очагов — с силой ударила в ноздри. Шум тоже был невыносим: повозки, рикши, колокольчики, клаксоны. В этот фон вплетались выкрики уличных торговцев, визг животных в клетках, куплеты бродячих певцов, объявления голографической рекламы на всех наречиях, от современного норта и до каназиана.

Хоури надела широкополую фетровую шляпу и подняла воротник пальто, доходившего до колен. Фуникулер вытянул «руку» и ухватился за свисающий трос. Вскоре он затерялся среди других вагончиков, качающихся, как маятник, и стремящихся побыстрее подняться к бурому куполу «неба».

— Эй, Ящик, — сказала она, — твой ход.

Его голос прозвучал прямо в ее мозгу:

— Доверься мне. У меня хорошие предчувствия.

Совет капитана хорош, думала Илиа Вольева. Убийство Нагорного — единственный надежный выход. Безумец сам облегчил ей задачу — тем, что поднял на нее руку. Рассуждения на моральные темы теперь абсурдны.

Нападение произошло несколько месяцев назад по бортовому времени. Она тянула с решением проблемы, но сейчас обстоятельства требуют немедленных действий. Очень скоро корабль подлетит к Йеллоустону, экипаж выйдет из криосна. Когда это произойдет, ей придется солгать, будто Нагорный скончался, будучи замороженным, из-за какого-то вполне объяснимого сбоя в работе капсулы.

Надо собрать волю в кулак, выйти из лаборатории и сделать то, что должно быть сделано.

Помещение, которое занимала Вольева, по стандартам «Ностальгии по бесконечности», было совсем скромным. Она ведь могла взять себе целую анфиладу залов. Только зачем ей это? Часы бодрствования тратятся на уход за боевыми системами, на остальное времени почти не остается. А когда она спит, ей снятся все те же боевые системы.

Конечно, иногда она разрешала себе попользоваться — не скажешь же «насладиться» — корабельной роскошью.

Места ей хватало вполне. У нее была постель, кое-какая мебель, довольно аскетичная на вид, хотя, откровенно говоря, корабль мог предоставить ей мебель любого стиля и качества. К ее комнате примыкал небольшой «аппендикс», там она устроила лабораторию. Илиа испытывала различные методы борьбы с болезнью капитана. Ее работа в этом направлении носила весьма любительский характер, результатами она ни с кем не делилась. Зачем возбуждать напрасные надежды?

Здесь же она потом хранила и голову Нагорного. Голова была заморожена. Держала ее Вольева в старом шлеме космического скафандра, который, обнаружив, что хозяин умер, сам явился к Вольевой, чтобы пройти надлежащий ремонт и

чистку. Она что-то слышала о шлемах с острой как бритва диафрагмой на уровне воротника, которая при необходимости быстро и безболезненно отделяла голову от тела. Однако этот был не из их числа.

Впрочем, Нагорный умер весьма любопытным образом. Вольева разбудила капитана и изложила ему ситуацию со стажером. По-видимому, тот сошел с ума в результате ее экспериментов. Она подробно рассказала о проблемах, возникших при попытке подключить его к орудийным системам с помощью датчиков, вживленных в мозг. Даже упомянула о мучивших Нагорного кошмарах, а потом вкратце поведала, как артиллерист напал на нее, а затем исчез в неведомых глубинах корабля. Капитан не стал донимать ее вопросами о кошмарах, чему тогда Вольева обрадовалась, так как ей не хотелось обсуждать эту тему, а особенно содержание снов Нагорного.

Потом она обнаружила, что абстрагироваться от темы кошмаров становится все труднее. Дело в том, что это были не отдельные обрывки снов, не разрозненные дурные видения, хотя и такие могут сильно влиять на психику. Нет. Из того, что она слышала от Нагорного, можно было заключить, что кошмары повторялись многократно и отличались детализацией. По большей части они касались некоего существа, которое называлось Похитителем Солнц. Это был личный палач Нагорного. Не было ясности в том, чего Похититель Солнц старался добиться от Нагорного, но он вызывал у последнего ужас, представая воплощением мирового зла.

Как-то Вольева заглянула в блокнот, который нашла в комнате Нагорного. Там были карандашные наброски, сделанные как будто в лихорадочном состоянии. Они изображали жутких существ, похожих на птиц, с пустыми глазницами и выпирающими костями скелета. Если это видения, посещавшие Нагорного в бреду, то ему было чего бояться. Однако оставался вопрос: как соотносятся эти фантомы с занятиями в ЦАПе? Какое замыкание при подключении нейронной системы стажера к бортовой технике ударило по той части мозга, которая рождает кошмары?

Теперь, оглядываясь назад, Вольева понимала, что действовала слишком поспешно и грубо. Впрочем, она лишь вы-

полняла приказ Садзаки привести корабельное вооружение в боевую готовность.

Итак, у Нагорного произошел срыв, и он бежал в неконтролируемые недра полуразрушенного корабля. Рекомендация капитана — найти и убить этого человека — полностью совпадала с ее инстинктивным решением. Однако исполнить его удалось далеко не сразу. Вольевой пришлось установить датчики во множестве коридоров — конечно, далеко не во всех. Она получила тьму докладов от крыс-уборщиц, пытаясь выяснить, где прячется Нагорный. Временами ей казалось, что все напрасно, что Нагорный будет разгуливать на свободе, даже когда корабль окажется на орбите Йеллоустона и проснутся остальные члены команды...

И тут Нагорный совершил две ошибки — надо полагать, вследствие критического обострения его болезни. Первая заключалась в том, что он вломился в каюту Вольевой и оставил послание, написанное на стене его артериальной кровью. Очень простой текст, всего два слова. Ничего неожиданного для нее: «Похититель Солнц».

Затем, уже в полном безумии, он украл шлем от ее скафандра, бросив все остальное. Каким-то образом обойдя поставленные Вольевой защитные устройства, он взломал замок каюты и устроил там засаду, а когда хозяйка примчалась к себе, отобрал у нее пистолет и прыжками потащил по длинному, постепенно закругляющемуся коридору, к ближайшей лифтовой шахте. Вольева пыталась сопротивляться, но силы Нагорного словно удесятерились, он держал ее стальной хваткой. И все же она считала, что у нее есть шанс — ведь ее увлекали туда, где ходят лифты.

Однако, как оказалось, Нагорный вовсе не собирался ждать лифта. С помощью ее пистолета он взломал дверь, ведущую к бездонным глубинам шахты, где бродило гулкое эхо. Без всяких церемоний — даже не попрощавшись — Нагорный швырнул Илиа туда.

Это была его вторая грубая ошибка.

Шахта пронизывала весь корабль — от носа до кормы. Вольевой предстояло пролететь несколько километров, прежде чем она ударится о дно. Через несколько секунд, когда ей

стало казаться, что сердце вот-вот остановится, она вдруг поняла, что́ должно произойти. Она будет падать, пока не разобьется, и не важно, сколько мгновений или минут займет этот процесс. Стены шахты отвесны и ровны, шансов ухватиться за что-то или замедлить падение нет.

Ее ждет смерть.

И вдруг... Нет, это случилось не сразу, отчего ей потом было очень стыдно. Вдруг какая-то часть ее мозга занялась анализом ситуации совсем в другом направлении. Илиа увидела себя не падающей сквозь корабль, а стоящей на месте по отношению к звездам, висящей в невесомости, тогда как мимо нее несутся вверх стенки корабля. Сама Вольева не испытывала никакого ускорения. Ускорением обладал лишь корабль.

А ускорение корабля поддавалось управлению с помощью браслета.

На детали у нее не оставалось времени. Была лишь идея — будто вспышка в голове. Вольева понимала: необходимо эту идею немедленно реализовать или... встретить свою погибель. Падение можно прекратить, включив торможение корабля на то время, которое необходимо для получения нужного эффекта.

Номинальное ускорение сейчас составляло одно *g*, вот почему Нагорный с такой легкостью представил себе корабль в качестве дома огромной высоты, с которой он и сбросил Вольеву. Она падала уже не меньше десяти секунд — именно столько времени ее ум перерабатывал информацию. Что же необходимо? Десятисекундный тормозной импульс с обратным ускорением одно *g*? Нет, это мало что даст. Лучше односекундный импульс и десятикратное ускорение. Она знала, что двигатели на это способны. Такой маневр не повредит и команде, спящей в криокапсулах. Не опасен он и для Вольевой — она лишь увидит, как бег стенок корабля мимо нее резко замедлится.

А вот Нагорный почти беззащитен.

Выполнить решение было непросто. Рев воздуха в шахте почти заглушал ее голос, когда она отдавала приказ через браслет. Потом наступил страшный момент: корабль будто не желал реагировать на ее слова. А дальше наступило блаженство: он взялся за ум и выполнил распоряжение.

Позже Вольева обнаружила Нагорного. Пиковое ускорение в течение одной секунды, вообще-то, не было бы фатальным, но Вольева сбросила скорость не за один прием, а за несколько, методом проб и ошибок, причем каждый импульс швырял безумца между полом и потолком.

Сама Вольева тоже пострадала — удары о стены шахты стоили ей сломанной ноги. Правда, нога потом срослась, остались лишь мрачные воспоминания о боли. Она помнила, как пользовалась лазерной кюреткой, чтобы отделить голову Нагорного, зная, что еще предстоит удаление вживленных в его мозг датчиков. Имплантаты были тоненькие, крохотные, выращенные в ходе трудоемкого процесса на молекулярном уровне. Ей очень не хотелось, чтобы кому-то удалось этот процесс потом продублировать.

Она вынула голову Нагорного из шлема, погрузила ее в жидкий азот. Затем сунула руки в две пары рукавиц, висевших среди прочих инструментов над рабочим столом. Крошечные блестящие орудия тут же пришли в движение и сами опустились на поверхность черепа, готовые трепанировать его, а потом зашить с фантастической точностью. Однако до того, как череп будет восстановлен, Вольева заменит настоящие датчики на фальшивые — в случае расследования никто не спросит, что́ она вынула из мозга погибшего.

Голову, конечно, придется пришить, но тут особой спешки нет. Когда все проснутся и узнают, что произошло с Нагорным, — вернее, что им положено узнать, — у них не появится желания скрупулезно изучить труп. Конечно, может возникнуть проблема с Суджик — она была любовницей Нагорного, когда тот пребывал в здравом рассудке.

Как и многие люди, Илиа Вольева считала, что проблемы надо решать по мере их возникновения.

А пока ее инструменты глубоко проникали в голову Нагорного в поисках того, что принадлежало ей. И тут пришла мысль: кем же его заменить?

Конечно, не кем-нибудь из тех, кто находится на борту. Впрочем, на орбите Йеллоустона она наверняка отыщет нового стажера.

— Ящик, а не становится ли тут жарковато?

Его голос, дрожащий, чуть утративший внятность, проник сквозь массивные дома, которые громоздились над головой Хоури.

— Милая девочка, тут будет так жарко, что мы раскалимся добела. Держись. И смотри, не потеряй отравленные дротики.

— Да, кстати, о них... Я...

Хоури отпрянула в сторону, и мимо нее промаршировали трое комусо в шлемах, похожих на лыковые корзины. Своими бамбуковыми флейтами якухати они размахивали, как мажоретки жезлами. При их появлении стая обезьян капуцинов в панике рассеялась и попряталась в тенях.

— Я просто хочу спросить: а ну как случайно подстрелю постороннего?

— Ничего страшного не случится, — отозвался Нг. — Этот яд рассчитан исключительно на биохимию Тараши, любой другой получит лишь довольно неприятное проникающее ранение.

— А если это будет клон Тараши?

— Ты полагаешь такое вероятным?

— Просто спрашиваю. — От нее не укрылось, что Ящик вдруг занервничал.

— Если такой клон существует и мы его по ошибке пристрелим, то это будет проблемой Тараши, а не твоей и не моей. Все это записано в контракте. Как-нибудь почитай его на досуге.

— Только если меня тоска заест, — ответила Хоури.

И замерла, так как все вокруг неожиданно изменилось. Нг умолк, его голос сменился четким пульсирующим гудком, — тихий и зловещий, он напоминал эхолокационные импульсы хищника. За последние полгода Хоури слышала этот гудок не меньше десяти раз, и он всегда означал, что цель близка.

Значит, Тараши сейчас в радиусе пятисот метров от нее, не далее. Этот факт, соотнесенный с моментом возникновения гудка, говорит о том, что Тараши внутри Монумента.

В подобные моменты «Игра» становится всеобщим достоянием. Тараши знает об этом — такой же приборчик, как у Хоури, имплантировали и ему в одной из тайных клиник Полога.

Эта штуковина генерирует в мозгу Тараши похожие импульсы. По всему Городу Бездны различные информационные Сети, специализирующиеся на «Игре Теней», посылают свои мобильные группы туда, где должно произойти убийство. Самые везучие, наверное, уже совсем рядом.

По мере приближения Хоури к Монументу пульсация становилась напряженнее, но частота нарастала небыстро. Вероятно, Тараши находился где-то наверху, так что расстояние между ними менялось мало.

Цокольная часть Монумента была вся в трещинах, они образовались из-за подвижек грунта — сооружение находилось в опасной близости от Бездны. Изначально в этом фундаменте и ниже располагался торговый комплекс, но потом он достался Мульче. Самые нижние уровни были затоплены, пешеходные мостки и лестницы окунались в воду цвета жженого сахара. Но над цоколем и затопленной площадью все еще высился тетраэдр Монумента — благодаря еще одной, меньшей, пирамиде, перевернутой и вмурованной глубоко в материнские породы. Там и находился единственный вход в Монумент.

Теперь, если Хоури удастся проникнуть в здание, Тараши может считать себя стопроцентным покойником. Но для этого ей надо пройти по мостику, подвешенному над затопленной площадью. А там она будет хорошо видна засевшему внутри Монумента человеку. Интересно, о чем думает ее будущая жертва...

В своих снах Хоури нередко видела одно и то же: почти обезлюдевший город, где ее преследует неутомимый охотник. А Тараши это же переживал наяву. Она вспомнила, что ее охотник никогда не спешил, — и от этого кошмар был еще страшнее. Спасаясь, Хоури бежала на ватных ногах в вязком, как тесто, воздухе, а мудрый преследователь передвигался спокойно, неторопливо — и неизменно сокращал расстояние.

Когда Хоури пересекла мост, пульсация участилась. Теперь под ногами чавкала грязь. Временами пульсация ослабевала, потом учащалась вновь — Тараши перемещался внутри Монумента. Ему уже не уйти. Может, рассчитывает завести Хоури на крышу? Если он намерен воспользоваться там воздушным

транспортом, это будет нарушением контракта. В салонах Полога такое считается более постыдным, чем легкая смерть от пули охотника.

Она вошла в атриум внутри перевернутой пирамиды-опоры. Постояла несколько секунд, чтобы глаза привыкли к слабому освещению. Достала из-под полы ружье с отравленными пулями. Осмотрела выход на случай, если Тараши надеется улизнуть. В том, что клиента здесь не оказалось, не было ничего удивительного.

Атриум пуст. Видны отчетливые следы мародеров. Лупит по металлу дождь. Хоури всматривалась в изувеченные, запыленные скульптуры, что на медных тросах во множестве свисали с потолка. Некоторые упали на мраморную террасу, острые металлические крылья птиц воткнулись в пол. Похожая на известь пыль покрывала их маховые перья.

Хоури подняла глаза к потолку.

— Тараши! — позвала она. — Слышишь меня? Я иду.

Ее немного удивляло отсутствие телевизионщиков. Раньше такого не бывало. Конец охоты близок, а нет ни прячущихся по углам операторов, ни толпы пьяных от предвкушения крови зевак, которые всегда увязываются за съемочными группами. На зов никто не ответил, но Хоури знала: цель где-то выше потолка.

Охотница пересекла атриум, направляясь к винтовой лестнице, ведущей в сам тетраэдр Монумента. Поднималась быстро, высматривая крупные предметы, с помощью которых можно перекрыть путь отступления жертвы. Тут хватало разбитых произведений искусства и ломаной мебели. Хоури свалила их в кучу на верхней площадке лестницы. Пусть эта баррикада и преодолима, она задержит Тараши, а Хоури ничего другого и не надо.

Пока она работала, с нее сошло семь потов и разнылась спина. Слегка переведя дух, Хоури приступила к наблюдению за окрестностями. Непрестанное арпеджиато в голове говорило о том, что Тараши совсем близко.

Верхняя часть Монумента была отведена под индивидуальные усыпальницы Восьмидесяти. Эти маленькие мемориалы располагались в стенных нишах, а сами стены из величествен-

ного черного мрамора поднимались на головокружительную высоту, к потолку, поддерживаемому колоннами с кариатидами в соблазнительных позах. Стены, пронизанные арками, перекрывали обзор, и в любую сторону было видно лишь на несколько десятков метров. Три треугольника, составлявшие потолок, местами были пробиты, сквозь дыры в зал проникал тусклый серый свет. Из самых больших пробоин хлестали дождевые струи.

Хоури заметила, что половина ниш пустует: может, гробницы разграблены, а может, родственники усопших забрали их бренные останки, чтобы захоронить в более надежных местах. Из оставшихся могил две трети сохранились хорошо: есть и портреты погребенных, и таблички с их биографиями, и их любимые вещи, расставленные в определенном порядке. Были и такие, где виднелись голограммы статуй, а в двух открытых гробницах лежали забальзамированные тела, явно побывавшие в руках опытного таксидермиста, который заштопал наиболее страшные раны, явившиеся причиной смерти.

Хорошо сохранившиеся могилы не привлекали внимания Хоури, она осматривала лишь те, что подверглись надругательствам вандалов. Тут хватало всяких обломков. Пригодились и бюсты — их можно было легко переносить, ухватившись за подставку. Хоури не пыталась аккуратно укладывать их на ступеньках, а просто громоздила в кучу. Раньше у бюстов были глаза из самоцветов, но о них позаботились мародеры. Полноразмерные статуи перетаскивать было трудно, она едва справилась с одной.

Вскоре баррикада была завершена. Ее основу составили как попало наваленные головы. Столь невежливое обращение никак не отразилось на лицах — они хранили каменное достоинство. Кучу окружали всякие мелкие предметы: вазы, Библии, даже роботы-уборщики. Если Тараши начнет разбирать этот завал, Хоури услышит и моментально окажется рядом. Убить его на этой куче голов было бы даже забавно — она чуть-чуть напоминает Голгофу.

Делая свое дело, Хоури одновременно прислушивалась к мерным шагам где-то за стенами.

— Тараши! — позвала она. — Не трудись. Отсюда нет выхода.

Его ответ прозвучал удивительно громко и уверенно:

— Ты ошибаешься, Ана. Выход будет — недаром же мы здесь.

Вот черт! Клиент не должен знать ее имени!

— Куда выход? В царство мертвых?

Казалось, он забавляется.

— Что-то в этом духе.

Такую браваду в предчувствии неизбежного конца Хоури встречала не впервые. Ей это даже нравилось.

— Хочешь, чтобы я тебя нашла?

— Почему бы и нет, раз уж ты проделала такой приличный путь?

— Понятно. Желаешь за свои денежки получить полное удовольствие. В твоем контракте столько всяких оговорок, — должно быть, он тебе обошелся недешево.

— Оговорок?

Пульс, звучавший в ее голове, на мгновение прервался.

— Например, это оружие. И то, что мы одни.

— А! — воскликнул Тараши. — То, о чем ты говоришь, и впрямь стоило дорого. Видишь ли, мне хотелось придать этому делу сугубо личный характер. Во всяком случае, на его завершающей стадии.

Хоури стало не по себе. Еще никогда ей не приходилось так долго говорить со своей жертвой. Да и невозможно это было среди ревущей кровожадной толпы. Взяв наперевес ружье с отравленными пулями, она медленно пошла по проходу.

— А зачем нужен пункт о сокрытии сведений от публики? — спросила она, не желая прерывать контакт.

— Забочусь о своем достоинстве. Я хочу сыграть в эту «Игру», но не хочу опозориться в процессе.

— Ты где-то близко.

— Да, совсем рядом.

— А ты боишься?

— Естественно. Только не смерти, а жизни. Я не один месяц потратил, чтобы достичь такого состояния. — Его шаги смолкли. — Тебе здесь нравится, Ана?

— Немножко напрягает беспорядок.

— Но выбрано место хорошо, согласись.

Хоури свернула в другой проход. Клиент стоял у одной из гробниц. Он выглядел сверхъестественно хладнокровным — спокойнее статуй, которые наблюдали за их сближением. Внутренний дождь оставил темные пятна на его бордовой одежде, такой модной у жителей Полога. Намокшие волосы некрасиво облепили череп. Выглядел он моложе, чем предыдущие жертвы Хоури: то ли ему в самом деле было меньше лет, то ли он мог позволить себе дорогие способы продления жизни. Она почему-то решила, что верно первое.

— Ты помнишь, зачем мы сюда пришли? — спросил он.

— Помню. Только не уверена, что мне это нравится.

— Не важно. Действуй!

Один из лучей света, падавший из дыры в потолке, словно по волшебству переместился на Тараши. Задержался он не больше секунды, но Хоури хватило времени, чтобы вскинуть винтовку и выстрелить.

— Отлично сработано, — похвалил Тараши, и в его голосе не слышалось боли.

Одной рукой он уперся в стену, чтобы не упасть, а другой взялся за черную стрелку, торчавшую у него из груди, и вырвал ее, как вырывают прицепившийся к одежде репей. Острый дротик упал на пол, его конец поблескивал красным. Хоури снова прицелилась, но Тараши остановил ее, подняв окровавленную ладонь.

— Одного вполне достаточно, — сказал он.

Хоури подумала, что ее сейчас обязательно вырвет.

— Почему ты не умер?

— Немного еще поживу. Если точнее, то несколько месяцев. Яд действует медленно. Так что вполне хватит времени подумать.

— О чем подумать?

Тараши провел по влажным волосам окровавленной рукой. Отер запачканные пылью и кровью ладони о брюки.

— Последую ли я за ней.

Пульсация в голове прекратилась так внезапно, что у Хоури сильно закружилась голова. В полуобмороке охотница опустилась на пол. «Контракт выполнен, — поняла она. — Я снова победила».

Впрочем, Тараши был еще жив.

— Это моя мать, — указал Тараши на ближайшее захоронение.

Оно было из тех, за которыми хорошо присматривают: на алебастровом бюсте женщины нет даже пыли. Возможно, ее стер сам Тараши перед встречей с Хоури. Лицо не было повреждено, в глазницах сияли драгоценные камни. На лице с аристократичными чертами ни щербин, ни плесени.

— Надин Венг-да Сильва Тараши.

— Что с ней случилось?

— Разумеется, она умерла в процессе сканирования. Деструктивное картирование проходило так быстро, что половина мозга еще функционировала, в то время как вторая была оторвана.

— Мне жаль ее, хоть я и знаю, что она пошла на это добровольно.

— Не надо жалеть, ей еще повезло. Тебе эта история известна, Ана?

— Я же нездешняя.

— Что-то такое слышал... вроде ты служила в армии, воевала, и с тобой приключилась какая-то беда. Ладно, я тебе расскажу. Сканирование прошло успешно, но в программу хранения и использования полученной информации закралась ошибка. Нарушилась процедура, позволяющая альфам эволюционировать с течением времени, постигать, чувствовать, запоминать — словом, делать все то, что делает нас людьми. Программа работала хорошо до тех пор, пока не был отсканирован последний из Восьмидесяти, а это произошло ровно через год после сканирования самого первого. Затем в альфазаписях стали развиваться загадочные патологии. Одни записи необратимо разрушались, другие безнадежно зацикливались.

— Но ты сказал, что ей повезло.

— Альфы некоторых из Восьмидесяти продолжали функционировать, — ответил Тараши. — Им удалось протянуть около полутора веков. Даже эпидемия их не коснулась — они успели уйти в защищенные компьютеры Пояса, который мы теперь называем Ржавым. — Помедлив, он добавил: — Но тем самым они лишились прямых связей с реальным миром,

им пришлось развиваться в невероятно сложной искусственной среде.

— И твоя мать?..

— Предложила мне присоединиться к ней. Теперь технология сканирования куда лучше прежней. Она больше не убивает.

— И что же тебя удержало?

— Это был бы уже не я, согласись. Просто копия — и моя мать поняла бы это. Нет, уж лучше... — Он потрогал крошечную ранку. — Уж лучше я умру в реальном мире, а та копия — все, что от меня останется. Я вполне успею пройти сканирование до того, как яд повредит нейронные структуры.

— А ты сам разве не мог сделать себе инъекцию?

— Не настолько уж я сумасшедший... Впрочем, конечно, я покончил бы с собой — в жизни ничто не дается даром. Но я предпочел вовлечь в это дело тебя, тем самым отсрочив свой конец и введя элемент случайности. В любой момент я мог решить, что жизнь предпочтительнее смерти, и оказать сопротивление убийце — но шансов на спасение оставалось бы крайне мало.

— Русская рулетка обошлась бы дешевле.

— Слишком быстро, слишком многое зависит от случая... и ничуть не стильно. — Он шагнул вперед, взял Хоури за руку и пожал так, будто заключал с ней какую-то важную сделку. — Спасибо, Ана.

— Спасибо?

Не отвечая, он пошел туда, откуда доносился шум. Груда бюстов рассыпалась с грохотом, на лестнице загремели шаги. Кобальтовая ваза разбилась вдребезги под обломками баррикады. Хоури услышала шепот летающих камер.

Когда же появились люди, это были совсем не те, кого она ожидала увидеть. Трое пожилых мужчин были одеты в консервативной манере Полога: дорого, но не вычурно. Пончо, фетровые шляпы, толстые операторские очки в черепаховых оправах. Над ними витали камеры, выполнявшие все их приказания. Позади этой троицы виднелись два бронзовых паланкина. Один из них был маленьким, как для ребенка. Человек в бордовом жакете матадора держал в руке крошечную камеру. Две очень

юные девушки раскрыли зонтики с акварельными аистами и китайскими иероглифами. Между ними стояла пожилая женщина с лицом куклы — хрупким, бесцветным и почти безжизненным. Она, громко рыдая, рухнула на колени перед Тараши. Хоури никогда ее не видела, но почему-то решила, что это жена Тараши, которую крошечная рыбка-меч сделала вдовой.

Женщина посмотрела на Хоури серыми, как дым, глазами. Ее голос был бесстрастен.

— Надеюсь, вы дорого заплатите за это.

— Я просто выполняла работу.

Эти слова дались Ане с трудом.

Вновь прибывшие помогли Тараши добраться до лестницы. Хоури провожала их взглядом, пока они не исчезли внизу. Вот жена Тараши в последний раз с упреком оглядывается на нее. Вот доносится эхо шагов с лестницы и мраморной террасы. Еще минута, и Ана останется одна.

Но тут сзади раздался шорох. Хоури резко повернулась, машинально вскидывая винтовку с новым патроном в стволе.

Между двумя надгробиями стоял паланкин.

— Ящик!

Она опустила оружие. Все равно от него теперь никакого проку — действие яда жестко увязано с биохимией Тараши.

Но этот паланкин не принадлежал Ящику! Хоури не увидела никаких рисунков, он был равномерно черен. Дверца паланкина отворилась — опять же такого раньше не происходило на глазах у Аны, — и появившийся оттуда мужчина безбоязненно направился к ней. На нем был жакет матадора, а вовсе не одежда герметика, до смерти напуганного плавящей чумой. В руке он держал миниатюрную видеокамеру.

— О Ящике мы позаботились, — сказал он. — С настоящей минуты вы больше никак с ним не связаны.

— А вы кто такой?

Может, он связан с Тараши?

— Просто человек, которому захотелось узнать, правдивы ли слухи насчет ваших талантов. — У мужчины был мягкий акцент, который явно не принадлежал ни местному уроженцу, ни жителю этой системы, ни даже выходцу с Окраины Неба. — И похоже, слава у вас вполне заслуженная. На данный момент это означает, что у нас с вами будет общий наниматель.

Она подумала, не всадить ли ему дротик в глаз. Убить не убьет, а вот от нахальства, может, излечит.

— И кто же это?

— Мадемуазель.

— Впервые слышу.

Мужчина нацелил на Хоури объектив. Камера вдруг раскрылась подобно драгоценному яйцу Фаберже, сотни крошечных изящных деталей цвета яшмы скользнули в разные стороны и приняли новое положение. И Хоури поняла, что смотрит прямо в пистолетное дуло.

— Зато она наслышана о вас.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кювье, Ресургем, год 2561-й

Силвест проснулся от криков.

Он дотронулся до прикроватных часов, по тактильным стрелкам определил время. До назначенной на сегодня встречи меньше часа. Шум за окном возник за несколько минут до того, как должен был сработать будильник. Любопытство заставило Силвеста откинуть одеяло и прошлепать к высокому зарешеченному окну. По утрам он бывал полуслеп, пока искусственные глаза привыкали к новым настройкам. Окружающее представлялось фрактальными поверхностями базовых компьютерных цветов — словно в комнате ночью на славу потрудилась бригада увлеченных кубистов-декораторов.

Силвест отдернул занавеску на окне. Он был высок, но из этого окошка ничего не видел, во всяком случае под таким углом. Можно встать на пачку книг — снятых с полок факсимильных бумажных изданий, — но и тогда ничего интересного не разглядишь. Кювье построен внутри и вокруг одинокого геодезического купола, бóльшая часть которого занята шести- и семиэтажными домами-коробками, сооруженными еще в первые месяцы существования экспедиции, когда заботились больше о способности построек выдержать бритвенную бурю, чем об их эстетической ценности. Здесь не было систем саморемонта, и возводимые здания могли не только противосто-

ять погодным катаклизмам, но и удерживать в своих стенах нужное атмосферное давление. Серые сооружения с маленькими окнами были связаны между собой дорожками, по которым в обычное время двигались малочисленные электромобили.

Только не сегодня.

Кэлвин дал сыну глаза, способные увеличивать увиденное и даже запоминать. Однако эти опции требовали большой сосредоточенности; не меньше сил отнимала и борьба с оптическими иллюзиями. Вот превращенные панорамным сокращением в крошечные черточки люди стали сами собой и возбужденно засуетились; до этого они казались аморфным роем. Конечно, Силвест так и не научился различать выражения лиц или хотя бы узнавать знакомых, но ему неплохо удавалось угадывать по движениям настроение тех, за кем он наблюдал.

Основная часть толпы двигалась по главной улице Кювье, неся плакаты с лозунгами и самодельные флаги. Если не считать забросанных грязью дверей и окон магазинов, а также вырванных с корнями саженцев айвы, толпа не совершила ничего противозаконного, однако, не замеченный ею, в конце улицы уже собрался отряд милиции. Присланные Жирардо люди высадились из фургона и занялись настройкой своего хамелеофляжа, переключая цветовые модели в поисках успокаивающего оттенка «желтый хром».

Силвест с помощью губки умылся теплой водой, затем тщательно подстриг бороду и завязал волосы в косичку. Натянул бархатную рубашку и штаны, а поверх надел кимоно с литографическими скелетами амарантийцев. Потом позавтракал — еда подавалась через окошко сразу после побудки. Опять глянул на часы: скоро она придет. Убрал постель и сложил диван, обтянутый морщинистой алой кожей.

Паскаль, как всегда, явилась в сопровождении охранника и двух вооруженных роботов. В комнату они не входили, зато перед журналисткой в воздухе жужжало нечто маленькое, расплывчатое. Больше всего оно напоминало заводную осу. Пятно выглядело довольно безобидно, но Силвест знал: рявкни только он в сторону своего биографа, и его лоб украсится дыркой точно между глаз.

— Доброе утро, — поздоровалась Паскаль.

— Не сказал бы, что оно такое уж доброе, — кивнул на окно Силвест. — Удивляюсь, как вам удалось сюда добраться.

Она опустилась на стул с мягким бархатным сиденьем.

— Это не так уж и трудно, даже в комендантский час, если имеешь знакомых в органах безопасности.

— Уже и до комендантского часа дошло?

Паскаль носила квадратную шапочку популярного у увлажнистов пурпурного цвета. Геометрически правильная смоляная челка подчеркивала белое, как мрамор, бесстрастное лицо. Одежда сидела на этой женщине точно влитая — жакет в черную и пурпурную полоску и такие же брюки. При виде ее почему-то думалось о росе, морских коньках и летучих рыбах, бликующих лиловым и розовым. Ноги сидящей Паскаль были скрещены в лодыжках и соприкасались стопами, тело чуть наклонено к собеседнику — он тоже слегка подался вперед.

— Времена изменились, доктор. Уж кто-кто, а вы должны бы радоваться этому.

А Силвест и радовался. В тюрьме, расположенной в центре Кювье, он просидел уже почти десять лет. Режим, в результате переворота пришедший на смену его собственному, пошел славным путем почти всех революционных правительств — его очень быстро разъела коррупция. Никуда не делось политическое расслоение общества, но изменилась его глубинная структура. Во времена правления Силвеста был раскол между теми, кто хотел изучать историю амарантийцев, и теми, кто хотел создать тут жизнестойкую, полноценную колонию, а не временный научный форпост. При этом даже увлажнисты — сторонники превращения Ресургема в некое подобие Земли — признавали, что амарантийцы могут однажды стать достойным изучения объектом. Теперь же общество разделял на политические фракции лишь вопрос интенсивности процесса освоения планеты. Одни ратовали за его постепенность, так что он мог затянуться на целые столетия, а другие — за экстренное создание пригодной для дыхания атмосферы, в связи с чем жителям пришлось бы на некоторое время покинуть Ресургем. Ясно было одно: реализация даже самых скромных проектов навсегда похоронит заветные тайны амарантийцев.

Но это, похоже, почти никого не огорчало, а если кто и имел отличное мнение, он благоразумно помалкивал. Ученые, составлявшие костяк экспедиции, давно сидели на скудном финансировании, а прочие утратили мало-мальский интерес к амарантийской цивилизации. За эти десять лет изучение истории вымерших хозяев планеты стало уделом интеллектуальных маргиналов.

И ожидать перемен к лучшему не приходилось.

Пять лет назад через систему Ресургема пролетал торговый корабль. Субсветовик выключил свои двигатели и повис на орбите, превратившись для местного населения в новую яркую звезду. Его капитан, которого звали Ремиллиодом, предложил колонистам чудесные новшества: и товары, производимые в неизвестных мирах, и вещи, которых обитатели Ресургема не видывали со времен мятежа. Подобной роскоши колония позволить себе не могла. Начались раздоры, доходившие до кровопролития. Что покупать, машины или медикаменты, самолеты или инструменты для терраформирования? Пошли слухи о тайных сделках, о закупках оружия и запрещенных технологий. Хотя общий уровень жизни в колонии несколько поднялся со времен правления Силвеста (роботы-конвоиры и имплантаты для Паскаль были уже в порядке вещей), даже среди увлажнистов произошел раскол.

— Жирардо, должно быть, напуган, — сказал Силвест.

— Не знаю, — слишком быстро ответила Паскаль. — Мне важнее другое: наше время уходит.

— О чем бы ты хотела поговорить сегодня?

Паскаль взглянула на компад, лежавший у нее на коленях. За шесть миновавших столетий компьютеры принимали все возможные и невозможные формы, но эта — в виде тонкой дощечки и специального стилоса — так и не вышла из моды.

— О том, что случилось с твоим отцом.

— Ты имеешь в виду историю Восьмидесяти? Разве она не изучена в деталях, которых для твоих целей должно быть вполне достаточно?

— Ты прав. — Паскаль дотронулась стилосом до темно-красных, почти карминовых губ. — Конечно, я сначала ознакомилась с источниками и на большинство своих вопросов

получила ответы. Но осталась одна не слишком значительная проблема, по которой у меня нет ясности.

— А именно?

Надо было отдать Паскаль должное. То, как она отвечала ему, абсолютно ничем не выдавая заинтересованности, будто всего лишь желая закрыть пустяковое «белое пятно», едва не усыпило его бдительность. Ловко, ничего не скажешь.

— Вопрос касается сканирования твоего отца на альфа-уровне.

— Вот как?

— Я хотела бы узнать, что случилось потом с этой записью.

Под слабым внутренним дождем мужчина с хитроумным пистолетом проводил Хоури к ожидавшему такси-фуникулеру. Ана не увидела на машине ни номера, ни других опознавательных знаков. Она была такой же незаметной, как и брошенный в Монументе паланкин.

— Входите.

— Одну минуту...

Как только Хоури открыла рот, мужчина упер ствол ей в спину. Не больно, но с ощутимой силой, просто чтобы напомнить: пистолет здесь. Эта деликатность говорила о том, что мужчина — профессионал; он не преминет воспользоваться пистолетом при необходимости. Ему это сделать даже проще, чем какому-нибудь агрессивному болвану.

— Ладно, я готова. Но кто эта Мадемуазель? Она конкурирует с «Игрой Теней»?

— Нет. Я уже сказал: ваши рассуждения слишком банальны.

Ничего важного он ей не сообщит, это ясно. Уверенная, что следующий вопрос тоже останется без ответа, Ана все же спросила:

— А вы кто такой?

— Карлос Манукян.

Ответ встревожил ее даже больше, чем умение этого человека обращаться с пистолетом. Судя по тону, он сказал правду — это не псевдоним. Значит, в лучшем случае он преступник, если можно говорить о преступности в этом городе, полном беззакония. И он намерен впоследствии убить свою пленницу.

Дверь фуникулера с треском захлопнулась. Манукян нажал кнопку на консоли, отчего атмосфера Города Бездны ничуть не выиграла — машина выбросила струю вонючего пара и, подпрыгнув, вцепилась в ближайший трос.

— И чем же, Манукян, вы промышляете?

— Помогаю Мадемуазель.

— Как будто этого и дебил не понял бы!

— У нас особые отношения. С давних пор.

— А я ей зачем понадобилась?

— Думаю, вам это уже понятно. — Манукян все время держал Хоури под прицелом, хотя время от времени косился на консоль управления. — Есть один человек, которого Мадемуазель хочет устранить.

— Этим я и зарабатываю себе на жизнь.

— Вот именно. — Он улыбнулся. — Разница в том, что этот тип за свое умерщвление не заплатит.

Вряд ли нужно упоминать о том, что идея написать биографию принадлежала вовсе не Силвесту. Инициатива исходила от человека, которого он мог заподозрить в любезности меньше, чем кого-либо другого.

Случилось это шесть месяцев назад, во время одной из редких встреч с главным виновником его заключения. Нильс Жирардо поднял вопрос как бы между прочим, — дескать, он удивлен, почему никто до сих пор не взялся за это дело. Полвека на Ресургеме — это целая жизнь, и, хотя у нее получился вот такой нескладный эпилог, она на раннем этапе открывала перед Силвестом перспективу, которой ему так не хватало в детстве и юности на Йеллоустоне.

— Проблема в том, — сказал Жирардо, — что ваши прежние биографии составлены людьми, имевшими самую тесную связь с описываемыми событиями, с социальной средой, которую они пытались анализировать. Каждый был в рабстве либо у Кэла, либо у вас, а колония была клаустрофобическим мирком — невозможно выйти из него и посмотреть со стороны.

— А теперь, по-вашему, Ресургем — не клаустрофобический мирок?

— Хм... Пожалуй, он остался прежним, но сейчас мы, по крайней мере, можем его видеть и в перспективе, и в ретроспективе. — Жирардо был приземист, мускулист, с копной рыжих волос. — Признайтесь, Дэн: когда вы вспоминаете прожитые на Йеллоустоне годы, вам кажется, что все это было с кем-то другим и лет эдак сто назад?

Силвест презрительно расхохотался бы, если бы не поймал себя на том, что в кои-то веки полностью согласен с Жирардо. Это была неприятная минута — такое впечатление, будто нарушены основные физические законы Вселенной.

— Я все никак не пойму, почему вы меня уговариваете? — Силвест кивнул на стража, который присутствовал при разговоре. — Надеетесь получить какую-то выгоду с помощью моей биографии?

Жирардо кивнул:

— Отчасти так и есть... По правде говоря, это очень большая часть. Едва ли вы не отдаете себе отчета в том, что Силвест — это все еще фигура, которая нравится населению.

— Ему бы еще больше понравилось меня повесить.

— Возможно. Но, провожая вас на эшафот, многие наверняка захотели бы пожать вам руку.

— И чем же вы надеетесь поживиться от этого интереса?

Жирардо пожал плечами:

— Новый режим достаточно жестко регулирует ваше общение с миром, чтобы не пускать сюда кого ни попадя. В нашем распоряжении ваш архив, это дает возможность в любой момент приступить к работе над биографией. У нас есть даже доступ к материалам йеллоустонского периода, о которых никто, кроме членов вашей семьи, не имеет представления. Конечно, в обращении с этими материалами необходима особая деликатность, но не воспользоваться ими было бы глупо.

— Так-так. — Теперь все стало абсолютно ясно. — Хотите все это использовать ради моей же дискредитации?

— Ну, если факты вас дискредитируют... — Жирардо оставил фразу подвешенной.

— Вам мало того, что вы меня сместили?

— Это было девять лет назад.

— Что изменилось за это время?

— Люди начали забывать. Пора им кое-что напомнить.

— Тем более что в воздухе витает недовольство?

Жирардо поморщился, как будто последнее замечание свидетельствовало о дурном вкусе собеседника.

— Кстати, если у вас есть какие-то иллюзии насчет «Истинного пути», советую их оставить. Эти люди не освободят вас. Скорее засунут в еще более грязную каталажку.

— Ладно, — устало вздохнул Силвест. — Чтобы всерьез обдумать ваше предложение, я должен знать, какова моя выгода.

— Выгода? Полагаете, она возможна?

— Конечно. А то с чего бы вы потратили на меня столько времени?

— Верно, сотрудничество будет для вас небесполезно. Как я уже сказал, мы могли бы работать и с теми материалами, которые оказались в нашем распоряжении. Но ваше личное мнение наверняка покажется читателям интересным. Особенно в отношении сравнительно слабо освещенных эпизодов.

— Не будем вилять. Вы хотите, чтобы я авторизовал работу палачей. Чтобы не только благословил эту грязь, но фактически помог уничтожить самого себя?

— Я могу облегчить вашу жизнь. — Жирардо обвел взглядом более чем скромную камеру. — Вспомните, какую свободу я предоставил Жанекену, чтобы он продолжал возиться со своими павлинами. И в вашем случае, Дэн, я способен проявить гибкость. Доступ к свежайшим археологическим материалам, возможность общаться с коллегами, публиковать научные статьи. Не исключены даже отдельные экскурсии за пределы этого здания.

— Полевые работы?

— Пожалуй, я готов рассмотреть и этот вопрос. В общем, рамки примерно такие.

Силвест вдруг отчетливо ощутил, что Жирардо с ним играет.

— Надо посмотреть, как пойдет дело. Биография уже пишется, но через несколько месяцев понадобится ваше участие. Вот когда присоединитесь, мы и будем рассматривать интересующие вас варианты, хорошо? Если отношения с вашей соавторшей сложатся хорошо, мы обсудим вопрос об ограни-

ченных полевых работах. Понимаете, обсуждение, а не обязательство...

— Что ж, постараюсь до тех пор сдерживать свой энтузиазм.

— Позже я с вами свяжусь. Хотите что-нибудь спросить, пока я тут?

— Только одно. Вы упомянули, что автор — женщина. Можно узнать, о ком речь?

— О той, чьи иллюзии вам еще предстоит разрушить, как мне кажется.

Вольева работала возле тайного склада, раздумывая о содержащемся там оружии, когда крыса-уборщица мягко приземлилась ей на плечо и пропищала:

— Люди.

Должно быть, такие крысы существовали на борту единственного субсветовика — «Ностальгии по бесконечности». Умом они не слишком превосходили своих далеких диких предков, но были биохимически включены в оперативную матрицу корабля, а потому из мерзких вредителей превратились в необходимых членов экипажа.

Каждая крыса обладала специальными феромонными рецепторами и передатчиками, которые позволяли ей получать команды и сообщать информацию кораблю. Питались санитары отбросами, пожирали практически любую органику, разве что она не была прибита к полу или еще шевелилась. Пища проходила первичную переработку в желудках крыс, а потом они бегали по кораблю и бросали помет в системы утилизации отходов. Некоторые были снабжены крошечными синтезаторами речи, позволявшими произносить некоторое количество фраз. Эти устройства срабатывали, когда внешние стимулы соответствовали биохимически запрограммированным условиям.

Вольева настроила своих крыс так, чтобы они сообщили, когда начнут потреблять человеческие отходы — отмершие клетки кожи и прочее, исходящие не от нее, а от других членов команды. Таким образом Илиа узнает о пробуждении товарищей, даже если они будут находиться в самых отдаленных отсеках корабля.

— Люди, — опять пискнула крыса.

— Да слышала я!

Вольева опустила крысу на пол, а потом стала ругаться последними словами на всех известных ей языках.

Сопровождавшая Паскаль «оса» зажужжала еще громче и угрожающе приблизилась к Силвесту, ощутив в его голосе нервные нотки.

— Хотите узнать о Восьмидесяти? Ладно, расскажу. Я никому из них ни капельки не сочувствую. Все они знали, чем рискуют. И волонтеров было семьдесят девять, а не восемьдесят. Люди обычно забывают, что восьмидесятым был мой отец.

— Вряд ли их следует винить за это.

— Если глупость — явление наследственное, то не следует.

Силвест постарался расслабиться. Это было трудно. В какой-то момент разговора милиция распылила под куполом газ, вызывающий страх. Окрашенный в розовые тона день тотчас стал почти черным.

— Знаете что? — спросил равнодушно он. — При аресте у меня изъяли Кэла. Он вполне способен рассказать вам о своей деятельности.

— Я вас о его деятельности не спрашиваю. — Паскаль сделала пометку в компаде. — Я хочу узнать, что стало с его альфа-копией. Каждая альфа укладывалась в десять в восемнадцатой степени битов информации, — говорила она, снова что-то обводя кружком. — В привезенных с Йеллоустона материалах полно лакун, но мне все же удалось кое-что выяснить. Я узнала, например, что шестьдесят шесть альф находились в орбитальных хранилищах данных, что вертятся вокруг Йеллоустона. Большинство из них разрушены, но специально информацию никто не стирал. Еще десять оказались в поврежденных архивах на поверхности планеты. Остаются четыре. Три принадлежат либо к бедным, либо к почти угасшим линиям семьи. Остается одна альфа-запись. Ваш отец.

— К чему вы клоните? — спросил Силвест, стараясь не выдать глубокой личной заинтересованности.

— Не могу я принять на веру, что запись Кэлвина бесследно пропала точно так же, как пропадали другие. Не складыва-

ется. Институт Силвеста не нуждался в кредиторах или попечителях, чтобы защитить свое наследство, — это была одна из самых богатых организаций к началу эпидемии. Так что же стало с альфой Кэлвина?

— Думаете, я привез ее на Ресургем?

— Нет. Есть доказательства, что запись утеряна намного раньше. Последнее точное свидетельство ее присутствия в системе имело место более чем за сто лет до отправления экспедиции на Ресургем.

— Скорее всего, вы ошибаетесь. Проверьте ваши материалы как следует — и увидите, что эта альфа-копия была помещена во внепланетный банк данных в конце двадцать четвертого года. Институт через тридцать лет переехал, и, вероятно, вместе с ним переправилась и альфа. Затем, в тридцать девятом или сороковом, Институт подвергся нападению Дома Рейвичей. Все данные были стерты.

— Нет, — сказала как отрезала Паскаль. — Все это я досконально проверила. Выяснила, что в две тысячи триста девяностом году десять в восемнадцатой бит информации были перенесены Институтом Силвеста на орбиту, а через тридцать семь лет ровно такое же количество ее было изъято оттуда же. Эти биты — не обязательно Кэлвин. С таким же успехом это могут быть залежи метафизической поэзии.

— Значит, это ничего не доказывает.

Паскаль вручила ему свой компад. Ее иллюзорная свита из морских коньков и летучих рыбок брызнула в разные стороны.

— Не доказывает, но выглядит подозрительно. Почему альфа-запись исчезла примерно в то же время, когда вы отправились встречаться с затворниками? Можно ли считать эти явления связанными?

— Хотите сказать, что я замешан в этом деле?

— Данные о перемещениях альфы могли быть подделаны только тем, кто работал в организации Силвеста. Вы — очевидный подозреваемый.

— Правда, мотива не хватает.

— Это пусть вас не беспокоит, — отозвалась Паскаль, возвращая компьютер к себе на колени. — Один мотив я точно смогу найти.

Прошло три дня после сообщения крысы-уборщицы о начале пробуждения экипажа, и Вольева решила, что уже достаточно подготовлена. Илиа никогда не мечтала поскорее встретиться с товарищами, хотя трудностей в общении с людьми не испытывала; впрочем, она легко адаптировалась и к одиночеству. Правда, теперь ситуация хуже. Нагорный мертв. И все об этом уже знают.

Не считая крыс и Нагорного, команда корабля состояла из шести человек. Нет, из пяти — если без капитана. По мнению всех остальных членов команды, он не в счет, поскольку не приходит в сознание и, естественно, не общается с подчиненными. Его держат на борту лишь потому, что не теряют надежды вылечить. Властью на корабле сейчас является триумвират, куда входят Юдзи Садзаки, Абдул Хегази и Вольева. Есть еще два человека, они в одинаковых званиях, но ниже триумвирата — Кьярваль и Суджик. В самом низу списка стоял артиллерист по фамилии Нагорный. Теперь он мертв, и его место пустует.

В периоды активности члены команды обычно пребывали в четко определенных районах корабля, оставляя все остальное пространство Вольевой с ее машинами. По корабельному времени сейчас было утро. Здесь, на уровнях, отведенных для команды, освещение работало по принципу «день-ночь» и сутки состояли из двадцати четырех часов. Сначала Вольева посетила помещение, предназначенное для криосна команды, и нашла его пустым. Все капсулы, кроме одной, были открыты. Закрытая принадлежала Нагорному. Присоединив голову к телу, Вольева поместила артиллериста в капсулу и охладила его. Потом повозилась с капсулой, чтобы та вскоре вышла из строя и Нагорный разогрелся. Что к тому моменту он уже был мертв, смог бы догадаться только профессиональный патологоанатом. Разумеется, никому из команды не придет мысль подвергнуть тело скрупулезной экспертизе.

Илиа опять подумала о Суджик. У них с Нагорным одно время была связь. Суджик не следует недооценивать.

Вольева покинула помещение с криокапсулами, побывала в нескольких местах, где можно было бы встретить проснувшихся членов команды, а затем оказалась в лесу и сквозь ча-

щу из высохших растений добралась до места, где ультрафиолетовые лампы еще действовали. Она очутилась на поляне и стала спускаться по скрипучей лесенке. Поляна выглядела идиллически, особенно сейчас, когда уже погиб практически весь лес. Золотистый свет искусственного солнца проникал сквозь густые кроны пальм. Вдали звенел водопад, снабжавший водой прудик с высокими берегами. С ветки на ветку перелетали попугаи и туканы. Птицы, сидевшие в гнездах, то и дело затевали шумную перекличку.

Вольева скрипнула зубами, с ненавистью оглядывая эту фальшивую красоту.

Четыре оставшихся в живых члена команды завтракали за длинным деревянным столом, заставленным тарелками с хлебом, вазами с фруктами, блюдами с мясом и сыром, банками апельсинового джема и термосами с горячим кофе. На другом краю лужайки два голографических рыцаря лезли из кожи вон, чтобы зарубить друг друга.

— Доброе утро, — сказала Вольева, спускаясь с лестницы на травку, покрытую жемчужной росой. — Догадываюсь, что кофе вы мне не оставили.

На нее устремились взгляды, кто-то даже повернулся на стуле, чтобы поздороваться. Она чутко наблюдала за реакцией товарищей по экипажу, пока те с легким стуком опускали на стол вилки и ножи. Трое поздоровались. Суджик ничего не сказала.

Потом заговорил Садзаки.

— Рад снова видеть тебя, Илиа. — Он взял со стола тарелку. — Хочешь грейпфрут?

— Спасибо. Пожалуй, не откажусь.

Вольева подошла к столу и взяла у Садзаки блюдо с ломтиками грейпфрута, на которых блестел сахарный песок. Она нарочно села между женщинами — Суджик и Кьярваль. Обе были негроидного типа, с начисто обритой головой, если не считать огненных витых прядей на макушке. Эти пряди очень много значили для ультра — они соответствовали числу погружений в криосон во время дальних перелетов. Эти женщины присоединились к команде совсем недавно, после того, как их собственный корабль был захвачен «Ностальгией по бесконечности». Ультра торговали своей верностью так же легко, как

пресным льдом или информацией, которые им заменяли твердую валюту. Обе женщины были явными химериками, но они подверглись куда более скромной трансформации, нежели Хегази.

Руки Суджик ниже локтей сменялись протезами, похожими на краги из тонкой бронзы, богато гравированные и усеянные позолоченными окошечками, в которых непрерывно возникали голографические изображения. Бриллиантовые ногти ослепительно сверкали на тончайших пальцах этих искусственных конечностей.

У Кьярваль бóльшая часть тела была нормальной, но глазами она обзавелась совершенно кошачьими — с красным косым зрачком. На плоском носу не было настоящих ноздрей, лишь узкие жабровидные прорези, намекавшие на ее способность жить в водной среде. Она не носила никакой одежды — просто вся, кроме глаз, ушей, ноздрей и рта, была затянута в гладкую, без единой складочки, кожу из неопрена цвета черного дерева. Груди были лишены сосков. Пальцы изящны, но без ногтей; большие пальцы ног как бы едва намечены, точно скульптор, который ее делал, торопился перейти к новому объекту.

Когда Вольева села, Кьярваль взглянула на нее с безразличием, слишком подчеркнутым для искреннего.

— Это просто замечательно, что ты опять с нами, — сказал Садзаки. — Ты тут работала, пока мы все дрыхли. Что-нибудь особенное произошло?

— Да так... по мелочам.

— Превосходно, — улыбнулся Садзаки. — А скажи, среди этих мелочей не было ничего такого, что могло бы пролить свет на смерть Нагорного?

— А я-то все думаю, где Нагорный? Вот ты и ответил на мой вопрос.

— Но ты на мой не ответила.

Вольева занялась грейпфрутом.

— В последний раз, когда я его видела, он был жив. Не понимаю... А от чего он умер?

— Капсула слишком рано его разогрела. Возникли нежелательные биохимические процессы. Не думаю, что тебя заинтересуют подробности.

— Уж точно не за завтраком.

Очевидно, покойника осматривали не очень внимательно. Иначе нашли бы следы ушибов, хотя Илиа и постаралась их замаскировать.

— Извини, — добавила она, бросив взгляд на Суджик. — Я вовсе не хотела показаться бессердечной.

— Ну конечно, — кивнул Садзаки, разламывая корочку хлеба.

Его близко посаженные косые глаза бросили на Суджик предостерегающий взгляд, как на непослушную собаку. Татуировка, сделанная им однажды, чтобы обманным путем проникнуть в ряды угонщиков с Пухляка, сошла не до конца; кое-где остались светлые полоски, хоть он и использовал, даже пребывая в глубоком сне, наномеды. Может быть, подумала Вольева, сам позаботился о том, чтобы остались эти следы пребывания у угонщиков? Память о богатой добыче, которую он получил?

— Я уверен, что нам следует снять с Илиа всякую ответственность за случившееся с Нагорным. Так, Суджик?

— А почему я должна винить ее за несчастный случай? — спросила Суджик.

— Ты совершенно права. На этом и покончим.

— Не совсем, — сказала Вольева. — Может, сейчас и не лучшее время для этого, но... — Она замялась. — Дело в том, что мне надо вынуть у него из головы свои датчики. Хотя они почти наверняка окажутся испорченными.

— А новые ты сумеешь изготовить?

— Если хватит времени. — Она вздохнула и сказала с сожалением: — Мне понадобится новый стажер.

— Может, найдешь кого-нибудь, пока мы будем крутиться у Йеллоустона? — предложил Хегази.

Голограммы рыцарей все еще носились по лужайке, но никто не обращал на них внимания.

Холодный воздух в доме Мадемуазели показался Хоури чистейшим — за все время пребывания на Йеллоустоне ей таким дышать не приходилось. Пожалуй, для него лучше бы подошел эпитет «стерильный»: ни намека на обычные запахи этой пла-

неты. Зато присутствовали запахи, запомнившиеся Ане по госпитальной палатке на Окраине Неба, когда она в последний раз видела Фазиля: смесь йода, капусты и хлорки.

Фуникулер пронес Хоури и Манукяна через весь город, а потом через полузатопленный подземный акведук и закончил путь в огромной пещере. Отсюда Манукян провел Хоури к лифту, который поднимался с такой скоростью, что у нее заложило уши. Лифт доставил их в большой гулкий вестибюль. Возможно, это были проделки акустики, но Хоури показалось, что она находится в гигантском мавзолее. Где-то в вышине, казалось, плыли зарешеченные окна, пропускавшие сумрачный полуночный свет. Но поскольку ей было известно, что снаружи в разгаре день, это действовало на нервы.

— Мадемуазель не любит дневного света, — пояснил конвоировавший Ану Манукян.

— Да быть того не может! — Глаза Хоури постепенно привыкли к темноте, она уже различала какие-то крупные предметы в зале. — Вы-то, Манукян, похоже, нездешний?

— Думаю, у нас с вами есть кое-что общее.

— Вас тоже привела сюда ошибка чиновника?

— Не совсем, — ответил он.

Хоури чувствовала, что Манукян размышляет, сколько правды можно открыть ей без риска. Значит, у него есть слабости, подумала она. Для наемного убийцы, или кто он там, парень слишком разговорчив. По пути он непрерывно хвастал своими приключениями в Городе Бездны. Болтовня, не исходи она из уст такого хладнокровного типа, обладателя иностранного акцента и хитрого пистолета, не заслуживала бы внимания. Но с Манукяном дело обстоит иначе — значительная часть его похвальбы может оказаться правдой.

И сейчас желание похвалиться явно одерживало верх над осторожностью.

— Ошибка имела место, но правильнее это назвать несчастным случаем.

Да, в холле было полно громоздких скульптур. Различить их было очень трудно, но все они стояли на подставках. Одни фигуры напоминали огромные куски разбитой яичной скорлупы, другие — крупные обломки кораллов. Все они обладали

металлическим блеском, мутный свет лишал их собственной окраски.

— Этот несчастный случай произошел с вами?

— Нет... не со мной. С Мадемуазелью. Тогда-то мы и встретились. Она была... Вообще-то, Хоури, мне не следовало бы вам рассказывать. Если она узнает, мне конец. Спрятать труп в Бездне проще простого. Знаете, что я там на днях обнаружил? Не поверите, но это был целый...

Манукян продолжал хвалиться. Хоури удалось дотронуться до одной из фигур. По ощущениям — цельнометаллическая. Острые грани.

Они с Манукяном походили на заядлых любителей искусства, очутившихся среди ночи в музее. Казалось, скульптуры существуют в каком-то другом времени. Они чего-то ждут, причем их терпение уже на исходе.

Странно, но она была рада присутствию Манукяна.

— Это ее работы? — спросила Хоури, прерывая разглагольствования спутника.

— Возможно, — ответил он. — Не будет преувеличением сказать, что она пострадала из-за своего искусства. — Он остановился и тронул Ану за плечо. — Видите эту лестницу?

— Наверное, вы хотите, чтобы я по ней поднялась?

— А вы быстро учитесь.

Едва заметно он коснулся ее спины стволом — просто напомнил, что пистолет никуда не делся.

В иллюминаторе рядом с каютой мертвеца виднелись яркие оранжевые выбросы газа гигантской планеты. Ее затененный южный полюс полыхал бурей полярного сияния. Сейчас корабль находился глубоко в системе Эпсилона Эридана, войдя в нее под небольшим углом к эклиптике. До Йеллоустона оставалось всего несколько дней полета; корабль продвигался в зоне местного транспорта, курсирующего в пределах световых минут и соединяющего невидимой сетью все более или менее значительные обитаемые базы и космические корабли системы.

«Ностальгия по бесконечности» стала меняться. В то же окно Илиа видела переднюю часть одного из субсветовых дви-

гателей, которые выпустили улавливающие поля, — скорость корабля с крейсерской снизилась до той, которая позволяла двигаться внутри планетной системы; соответственно, и двигатели постепенно изменили свою форму и режим работы. Будто цветок во мгле, закрылся зев приемника материи. По-прежнему двигатели давали тягу, но что служило реакционной массой и в какой вид энергии оно превращалось — это сочленители предпочли сохранить в тайне.

Мысли Вольевой разбегались, готовые заниматься чем угодно, только не тем, чем нужно.

— Думаю, она может причинить неприятности, — сказала Вольева. — И серьезные.

— Если я понимаю ее, то нет. — Триумвир Садзаки позволил себе слабую улыбку. — Суджик слишком хорошо меня знает. И отдает себе отчет в том, что, если посмеет выступить против члена триумвирата, я не объявлю ей выговор. Даже не прогоню с корабля, когда мы доберемся до Йеллоустона. Я ее просто убью.

— Ну, это, пожалуй, слишком. — Илиа спорила вяло и сама себя за это презирала. Но что поделаешь, сейчас она такая и есть — вялая и слабая. — Дело не в том, что я ей не сочувствую. В конце концов, лично против меня она ничего не имела, пока... пока не умер Нагорный. Может, обойтись взысканием, если вздумает скандалить?

— Какой прок в полумерах? — ответил Садзаки. — Если она намерена как-то выступить против тебя, то не ограничится мелкими пакостями. Обязательно найдет способ испортить тебе жизнь навсегда. Ликвидировать ее — единственный разумный выход. Зачем ты пытаешься встать на ее точку зрения? Неужели не понимаешь, что кое-какие проблемы Нагорного могли перейти и к ней?

— Намекаешь, что она сумасшедшая?

— Сумасшедшая, нормальная — не имеет значения. Она не посмеет выступить против тебя, это я гарантирую. — Садзаки нахмурился. — Ну, хватит об этом. Мне Нагорный надоел — слышать о нем не хочу.

— Я тебя вполне понимаю.

Этот разговор происходил через несколько дней после первой встречи Вольевой с командой. Теперь они стояли у дверей

каюты погибшего, на уровне 821, собираясь войти. Помещение оставалось опечатанным с момента гибели Нагорного, а фактически даже дольше, если верить Вольевой. Сама она сюда тоже не входила — тяжелые воспоминания ей были ни к чему.

Она сказала в браслет:

— Отключить от охраны личные апартаменты артиллериста Бориса Нагорного. Приказ Вольевой.

Дверь отворилась, оттуда повеяло холодом.

— Пошли их вперед, — сказал Садзаки.

Вооруженным роботам потребовалось всего несколько минут, чтобы обыскать каюту и доложить об отсутствии минловушек и иных опасностей. Да и откуда бы им взяться — едва ли Нагорный планировал свою смерть в то время, когда за ним охотилась Вольева. Правда, с такими, как он, всегда надо держать ухо востро.

Вольева и Садзаки вошли, когда роботы зажгли свет в каюте.

Как и другие психопаты, с которыми Вольевой приходилось иметь дело, Нагорный чувствовал себя лучше в небольших помещениях. Его каюта была обставлена еще аскетичнее, чем ее собственная, — он явно стремился к высшей степени чистоты и простоты. Можно подумать, что тут поработали полтергейсты, так сказать, с обратным знаком. Личные вещи Нагорного — на удивление малочисленные — были тщательно уложены по своим местам. Их не потревожили даже неожиданные рывки корабля, которыми Вольева убила Нагорного.

Садзаки скривился и поднес к носу рукав:

— Ну и вонища!

— Это борщ. Свекла. Нагорный его обожал.

— Напомни, чтобы я не вздумал попробовать. — Садзаки тщательно прикрыл дверь.

Воздух в каюте никак не мог согреться. Термометры показывали, что температура уже достигла комнатной, но каждая молекула воздуха будто несла на себе отпечаток морозных месяцев. Ярко выраженная спартанская обстановка нисколько не вязалась с представлениями Вольевой об уюте; в сравнении с этим помещением собственное жилье казалось ей образцом комфорта и роскоши. И дело не в том, что Нагорный не желал придать каюте какие-то индивидуальные черты. Совсем на-

оборот, он пытался это сделать, но по меркам нормальных людей потерпел сокрушительное фиаско — результаты его усилий противоречили друг другу, а потому каюта выглядела еще мрачнее, чем если бы он оставил ее совсем пустой и голой.

А самым ужасным был гроб.

Этот длинный ящик — единственная вещь, которая не была закреплена в тот момент, когда Вольева убивала Нагорного. Гроб не пострадал, но Илиа поняла, что раньше он стоял вертикально, доминируя в обстановке каюты и придавая ей какое-то жуткое величие. Ящик был огромен и, видимо, сделан из чугуна. Черный металл поглощал свет, подобно завесам затворников. Всю его поверхность покрывали барельефы, столь сложные, что одним взглядом проникнуть в их тайны было невозможно.

Вольева рассматривала его в некотором отупении. «Меня хотят убедить, — думала она, — что Нагорный был способен на такое?»

— Юдзи-сан, — сказала она, — мне это совсем не по душе.

— Что ж, с тобой трудно не согласиться.

— Каким же надо быть безумцем, чтобы сделать для себя гроб!

— Законченным, надо полагать. Но гроб тут стоит, и, пожалуй, это единственное свидетельство, которое позволит нам заглянуть в глубину безумия Нагорного. Что скажешь об этих украшениях?

— Безусловно, это проекция его недуга, отражение его болезни. — Теперь, когда Садзаки успокоил ее, она была готова действовать. — Я могла бы заняться изучением барельефов — вдруг это наведет на какие-то мысли. — Глядя на гроб, она добавила: — Чтобы не повторять одни и те же ошибки.

— Здравое рассуждение, — сказал Садзаки, наклоняясь к гробу. Он погладил затянутым в перчатку пальцем неровную поверхность, чем-то напоминающую стиль рококо. — Нам повезло, что тебе не пришлось его убивать.

— Да. — Илиа настороженно покосилась на Садзаки. — Но что ты думаешь об украшениях, Юдзи-сан?

— Хотелось бы мне знать, кто такой Похититель Солнц... или что такое. — Он указал на слова, вырезанные на гробе ки-

риллицей. — Тебе это что-нибудь говорит? В контексте психоза? Что это могло означать для Нагорного?

— Нет, я не понимаю.

— Давай все же попытаемся. Я бы предположил, что в воображении Нагорного Похититель Солнц должен представать кем-то, с кем он имел дело ежедневно, и тут я вижу два наиболее вероятных варианта.

— Он или я! — сказала Вольева, зная, что Садзаки увести от темы не удастся. — Да, очевидно, это так. Но это нам мало поможет.

— Ты уверена, что он никогда не упоминал при тебе о Похитителе Солнц?

— Уж такое я бы обязательно запомнила.

Вот это была чистая правда! И конечно, она запомнила: ведь именно эти слова Нагорный написал на стене ее каюты, написал своей собственной кровью. Вольевой словосочетание ни о чем не говорило, но это не означало, что она его никогда не слышала. По мере приближения крайне неприятного конца их не слишком долгих служебных отношений Нагорный почти ни о чем больше и не разговаривал. В его снах царствовал Похититель Солнц. Как и все параноики, он находил свидетельства злокачественной деятельности Похитителя в самых банальных эпизодах повседневной жизни. Если где-то погасла лампочка, если лифт завез его не на тот этаж, виноват Похититель Солнц. Не бывает случайных сбоев в работе техники, любая порча имущества — результат целенаправленных махинаций некоего существа, пребывающего за сценой, и это понимает только сам Нагорный. Вольева по наивности своей просто не замечает очевидных признаков!

Она надеялась — больше того, она молилась, хотя такое и было против ее убеждений, — чтобы фантом поскорее вернулся туда, где он возник, — в подсознание Нагорного. Но Похититель Солнц ни на минуту не оставлял беднягу в покое. И свидетельство тому — гроб посреди каюты.

— Уверен, что запомнила бы, — сказал Садзаки так, будто в его словах таился некий глубокий смысл, и снова всмотрелся в барельеф. — Думаю, первым делом надо сделать его компьютерную копию. Этот шрифт Брайля зрение воспринимает

плохо. Как думаешь, что это? — Он провел ладонью по радиальным линиям. — Птичье крыло? Солнечные лучи, падающие сверху? — Почему ему на ум пришло птичье крыло? — И на каком это языке?

Вольева всматривалась, но картина действительно была чересчур сложна для зрительного восприятия. Да Илиа и не слишком усердствовала. Дело не в том, что ей не было интересно. Вовсе не в том! Но она хотела бы заняться Похитителем Солнц сама и чтобы Садзаки не путался под ногами. Уж очень многое тут говорит о тех невероятных глубинах, куда спустился разум Нагорного.

— Считаю, что он заслуживает самого внимательного изучения, — сказала Вольева осторожно. — Ты сказал «первым делом». А как собираешься поступить, когда мы сделаем компьютерную модель?

— Мне кажется, ответ очевиден.

— Уничтожим эту мерзость, — сделала вывод Илиа.

Садзаки усмехнулся:

— Или отдадим его Суджик. Лично я — за уничтожение. Знаешь ли, гробы на кораблях — плохая примета. Особенно самодельные.

Лестница, похоже, вела на самое небо.

Примерно ступенек через двести Ана потеряла им счет. Но когда у нее уже подламывались колени, лестница внезапно закончилась и открылся белый коридор, идущий сквозь длинную череду глубоких арок. У Хоури возникло ощущение, будто она стоит в портике, залитом лунным светом.

Она пошла вперед, прислушиваясь к громкому эху собственных шагов, и наконец оказалась перед двустворчатыми дверями, в которые коридор упирался. Они были покрыты черной резьбой по какой-то органике, обрамлявшей слабо окрашенные стекла. Сквозь них проникал голубоватый свет.

Видимо, Ана у цели.

Вполне возможно, что это ловушка, что войти внутрь равносильно самоубийству. Но и повернуть обратно нельзя — Манукян, несмотря на свой шарм, дал понять это достаточно недвусмысленно. Поэтому Хоури взялась за ручку и вошла.

И сморщила нос от сильного аромата духов — в других пройденных ею частях дома ничем похожим не пахло. Из-за этого запаха у Хоури возникло такое чувство, будто она давно не мылась, хотя прошло лишь несколько часов с тех пор, как Нг ее разбудил и отправил убивать Тараши. Впрочем, потом было столько пота и страха, что их запахи теперь и за месяц не сойдут.

— Вижу, Манукяну удалось доставить вас сюда целой и невредимой, — произнес женский голос.

— За него тоже можете порадоваться.

— Я рада за вас обоих, милочка, — сказала Мадемуазель. — У вас одинаково внушительные репутации.

За спиной щелкнула дверь. Хоури уже попривыкла к обстановке, хотя это и было трудновато из-за необычного розового освещения. Комната как будто имела форму чаши с двумя окнами в виде глаз, проделанных в изогнутой стене.

— Милости прошу в мое обиталище, — сказала женщина. — Чувствуйте себя как дома.

Хоури подошла к закрытым окнам. Сбоку от них стояли две капсулы для криосна, сверкая хромированной оболочкой. Одна — была заперта и подключена, другая — открыта. Гусеницы готовы превратиться в бабочек.

— Где я?

Ставни распахнулись.

— Там же, где и были.

Вид на Город Бездны. Вот только с такой высоты Ана еще ни разу не смотрела на него. Она находилась сейчас даже выше Москитной Сетки — метрах в пятидесяти от ее грязной поверхности. Город покоился под этой Сеткой как фантастическое шипастое чудовище, сохраняемое в формалине. Хоури не понимала, где она очутилась. Может, в одном из высоченных зданий, которые привыкла считать необитаемыми? Мадемуазель сказала:

— Я называю его Шато де Корбо — Замок Воронов, — пояснила Мадемуазель. — За черный цвет. Вы его видели снаружи.

— Чего вы от меня хотите? — спросила Хоури, обдумывая услышанное.

— Нужно, чтобы вы сделали одно дело.

— Только и всего? Значит, меня привели сюда под дулом пистолета только для того, чтобы предложить заказ? Неужели этого нельзя было сделать, воспользовавшись обычными каналами?

— Это не тот заказ, о котором вы думаете.

Хоури кивнула на открытую капсулу:

— А это здесь для чего?

— Только не надо говорить, что боитесь ее. Вы прибыли в наш мир точно в такой же штуковине.

— Я просто спросила, что это значит.

— Все узнаете в свое время.

Хоури услышала слабое движение за своей спиной — будто выдвинули ящик картотеки.

В комнату въехал паланкин герметика. А может быть, он находился тут с самого начала, прячась за какой-нибудь скульптурой. Был он угловатый, без всякой отделки, с грубо сваренным из черных листов корпусом: ни манипуляторов, ни видимых датчиков. Единственный объектив, вмонтированный в переднюю стенку, был черен, точно глаз акулы.

— Вы, разумеется, знакомы с такими, как я, — сказал голос из паланкина. — Не надо бояться.

— Я не боюсь, — ответила Хоури.

Она лгала. Паланкин внушал тревогу, от него веяло чем-то таким, с чем Ана еще не сталкивалась. Возможно, своим суровым обликом ящик создавал впечатление, что он никогда не бывает пустым. И почему у него крошечное смотровое окошко? Такое чувство, что за ним прячется чудовище.

— Я сейчас не могу ответить на все ваши вопросы, — продолжала Мадемуазель. — Но ведь очевидно, что я не организовала бы ваш визит только для того, чтобы продемонстрировать переносимые мною неудобства. Может быть, вот это облегчит дело.

Рядом с паланкином возникла человеческая фигура, причем так неожиданно, что можно было подумать, ее породила сама комната.

Конечно, это была женщина. Молодая, но в архаичной одежде — такую тут не носили со времен плавящей чумы. Она была в мерцающей мантии. Черные волосы зачесаны с высо-

кого лба назад, их удерживает диадема, в которой горят огоньки. Вечернее платье цвета электрик обнажало плечи, грудь была открыта смелым декольте. Там, где платье касалось пола, бурлила тьма — ткань как будто погружалась в бездну.

— Вот такой я была, — сказала женщина. — До прихода этой мерзости.

— И вы не можете снова стать такой же?

— Слишком велик риск погибнуть, если я покину паланкин, даже если это произойдет в контролируемой среде обитания. Я этим средам не доверяю.

— Зачем вы доставили меня сюда?

— Разве Манукян не объяснил?

— Он лишь дал понять, что я очень пожалею, если не подчинюсь.

— Как неделикатно! Но следует признать, это очень точно отражает суть. — Улыбка чуть тронула бледные губы женщины. — Так какова же, по вашему мнению, причина нашей встречи?

Хоури понимала: как бы ни развивались дальше события, она слишком многое увидела, чтобы спокойно вернуться к прежней жизни.

— Я профессиональный убийца. Манукян узнал о моей репутации, а теперь увидел меня в деле. Дальше... Тут уж мне придется фантазировать. Сдается, вы кого-то хотите убить.

— Отлично, — кивнула дама. — Но разве Манукян не сказал вам, что этот контракт не будет похож на ваши обычные?

— Манукян упомянул о существенных отличиях.

— И вас это не смутило? — Мадемуазель вглядывалась в Хоури. — Вопрос не праздный. Я слышала, что жертвы соглашаются погибнуть от вашей руки еще до того, как вы выходите на охоту. Они так поступают, зная, что едва ли им удастся уйти от вас и жить дальше, похваляясь своей смелостью. Когда же вы их ловите... Сомневаюсь, что они так же легко расстаются с жизнью.

Хоури вспомнила Тараши.

— Обычно нет. Умоляют сохранить им жизнь, пытаются меня подкупить, улестить — в этом роде.

— И?

Хоури пожала плечами:

— Разумеется, я их убиваю.

— Ответ истинного профессионала. Вы были солдатом, Хоури?

— Одно время. — Ей сейчас не хотелось думать об этом. — Что вы знаете о моем прошлом и о том, что со мной случилось?

— Достаточно. Что ваш муж тоже был солдатом, его звали Фазиль, и вы вместе с ним сражались на Окраине Неба. Потом случилась бюрократическая ошибка, вы попали на корабль, направлявшийся к Йеллоустону. Вы проснулись через двадцать лет — слишком поздно возвращаться на Окраину Неба, даже если бы оказалось, что ваш муж жив.

— Ну, тогда вы догадываетесь, почему я поменяла профессию и почему у меня из-за этого не бывает бессонных ночей.

— Конечно, я могу понять ваши чувства. Вы ничем не обязаны Вселенной и ее обитателям.

Хоури сглотнула слюну.

— Но вам вовсе не нужен солдат для такой работы. Я не знаю, кого вы хотите прикончить, но знаю множество людей, подготовленных гораздо лучше, чем я. Номинально я приличный работник — промахиваюсь один раз из двадцати, но могу порекомендовать тех, кто промахивается один раз из пятидесяти.

— Вы удовлетворяете моим требованиям в другом. Мне нужен человек, мечтающий покинуть эту планету. — Женщина кивнула на открытую криокапсулу. — Речь идет об очень долгом путешествии.

— За пределы этой системы?

— Да. — Тон Мадемуазели был матерински спокоен, как будто этот разговор повторялся уже множество раз. — Если точнее, за двадцать световых лет. Именно на таком расстоянии находится Ресургем.

— Не могу сказать, что слышала о нем.

— Если б вы слышали о нем, меня бы это неприятно удивило.

Мадемуазель вытянула левую руку, и возле ее ладони в воздухе повис крошечный глобус. Эта планета вся была мрачного серого цвета: ни океанов, ни рек, ни зелени. Только отблеск

атмосферы, как низкая арка над горизонтом, да парочка грязно-белых ледяных шапок на полюсах говорили о том, что это не безвоздушная луна.

— Его даже нельзя назвать новой колонией — такие планеты колонизировать невыгодно. Там лишь несколько крохотных исследовательских баз. До недавнего времени Ресургем не имел решительно никакого значения. Но потом все изменилось. — Мадемуазель, казалось, обдумывала, много ли может рассказать на этой стадии. — Недавно туда кое-кто прибыл. Его фамилия Силвест.

— Довольно редкая фамилия.

— Значит, вам известна роль его клана на Йеллоустоне? Это облегчает дело. Вам будет легче найти его.

— Надо думать, мне предстоят не только поиски?

— О да! — Мадемуазель схватила глобус и раздавила в ладони; из кулачка посыпалась пыль. — Гораздо, гораздо больше!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Новая Бразилия», Эпсилон Эридана, год 2546-й

Вольева покинула борт шаттла и проследовала за триумвиром Хегази по выходному тоннелю на искусственный спутник Йеллоустона — «Новую Бразилию». Миновав несколько герметичных переборок, они попали в помещение, где сила тяжести отсутствовала. Оно располагалось в «ступице» и представляло собой сферическую гостиную для транзитных пассажиров. Это была самая сердцевина «карусели».

Здесь можно было встретить представителей любой ветви человечества. Люди в одеждах всех цветов радуги плавали в воздухе по всей гостиной, которая очень напоминала аквариум с экзотическими рыбками во время кормежки. Ультра, угонщики, сочленители, демархисты, местные торговцы, пассажиры межзвездных кораблей, разномастные жулики, механики — все они перемещались по случайным на вид траекториям, но при этом не задевали друг друга, хотя от столкновения их подчас отделяли миллиметры. Некоторые, кому это позволяло строение тела, размахивали подшитыми под рукавами пере-

пончатыми крыльями. У других крылья были укреплены прямо на обнаженном теле. Те же, кто не обладал столь авантюрным складом характера, ограничились крошечными ракетными ранцами, а кое-кого буксировали миниатюрные тягачи. Слуги-роботы тащили багаж своих хозяев, разодетые в ливреи крылатые обезьянки капуцины шныряли между людьми, подбирая и складывая мусор в висящие на груди сумки. Звучала китайская музыка, которая непривычному уху Вольевой казалась завыванием ветра в каминных трубах — как будто инструменты нарочно старались создать наибольший диссонанс. Йеллоустон в тысяче километров от «карусели» казался огромной грязно-желтой каплей, зловеще нависшей над всей этой суетой.

Вольева и Хегази добрались до дальнего конца транзитной сферы и через мембрану, специально созданную для пропуска людей, попали в таможенную зону. Здесь тоже не было силы тяжести. Закрепленное на стенах автоматическое оружие сканировало каждого входящего. Центральная часть сферы была занята прозрачными «пузырями», имевшими диаметр около трех метров и открывавшимися по экватору. Почуяв новоприбывших, «пузыри» подплыли, раскрылись и обволокли Вольеву и Хегази.

Внутри «пузыря» Вольевой висел небольшой робот в виде японского шлема кабуто, с сенсорными датчиками и считывающей аппаратурой, выступавшей из-под гребня. Илиа ощутила легкую щекотку, когда робот стал анализировать ее. Такое ощущение, будто в голове кто-то перекладывает цветы.

— Я чувствую привкус русских лингвистических структур, но делаю вывод, что привычным для вас языком является современный норт. Достаточно ли его для выполнения необходимых формальностей?

— Сойдет, — ответила Вольева, слегка раздраженная тем, что обладатель женского голоса так легко определил русскую ржавчину, осевшую на ее норте.

— Тогда перехожу на норт. Кроме незначительных последствий глубокого сна я не нашла ни церебральных имплантатов, ни экзосомных нарушений. Нужно ли вам временное вживление для продолжения нашего интервью?

— Дай свое лицо на экран.

— Пожалуйста.

Под краем шлема возникло лицо — женское, с незначительными признаками монголоидной крови. Волосы подрезаны коротко, как у Вольевой. Илиа решила, что чиновник, говорящий с Хегази, обязательно мужчина, усатый и темнокожий, явный химерик — словом, похож на Хегази.

— Представьтесь.

Вольева подчинилась.

— Последний раз вы посещали нашу систему... минуточку... — глаза женщины опустились, — восемьдесят пять лет назад, в две тысячи четыреста шестьдесят первом. Я не ошиблась?

Вольева, чувствуя, что поступает неправильно, приблизила лицо к экрану:

— Конечно не ошиблась, ты же гамма-запись. А теперь прекращай валять дурака и переходи к делу. Я веду торговые операции, и каждая лишняя секунда, на которую ты меня задержишь, — это лишняя секунда платы за стоянку возле кучи собачьего дерьма, которую вы называете планетой.

— Ваша грубость отмечена, — сказала женщина таким тоном, будто одновременно делала запись в невидимом блокноте. — Для вашего сведения: многие архивы на Йеллоустоне неполны по причине беспорядков, имевших место во времена эпидемии. Вопросы я вам задаю отчасти по той причине, что хочу проверить неподтвержденные записи. — Она сделала паузу. — Между прочим, моя фамилия Вавилова. Я сижу с чашкой дрянного кофе и последней сигаретой в продуваемом сквозняками офисе уже восьмой час из своей десятичасовой смены. Начальство решит, что я спала на работе, если я сегодня не заверну обратно десяток приезжих. Пока я нашла лишь пятерых. Через два часа я должна уйти, а мне еще предстоит выполнить квоту. Так что, пожалуйста, следите за своими нервами. — Она затянулась и выдохнула дым прямо в лицо Вольевой. — Будем продолжать?

— Извините, я думала... — смутилась Вольева. — Разве у вас для такой работы не используются записи?

— Было счастливое время, — со вздохом произнесла Вавилова, — но с ними та беда, что они пропускают к нам слишком много всякой дряни.

Из таможенной сферы Вольева и Хегази на лифте величиной с дом спустились в одну из четырех спиц «карусели». Их вес нарастал, пока они не достигли обода. Здесь сила тяжести равнялась йеллоустонской, каковая не слишком сильно отличалась от земной и той, что устраивала ультра.

«Новая Бразилия» делала виток вокруг Йеллоустона за четыре часа по орбите, исключавшей попадание «карусели» в так называемый Ржавый Пояс — кольцо из космического мусора, образовавшееся при эпидемии плавящей чумы. «Карусель» имела десять километров в диаметре и тысячу сто метров в ширину, причем основная жизнь сосредоточилась в зоне «обода». Здесь были рассыпаны городки с деревушками и создан искусный ландшафт типа бонсай с перелесками, лазурными горами с ледяными шапками и обрывистыми долинами. Все это должно было вызывать иллюзию перспективы. Округлая крыша над вогнутой поверхностью колеса была прозрачной и поднималась на полкилометра вверх. По ее поверхности были уложены металлические рельсы, с которых свешивались искусственные облака. Форму им подбирал компьютер в соответствии с планируемыми погодными условиями. Облака содействовали и изменению перспективы в этом вогнутом мире. Вольевой они казались вполне реальными, но это потому, что настоящие облака она видела только сверху.

Из лифта Вольева и Хегази вышли на террасу, лежавшую над главным населенным пунктом «карусели» — Рим-Тауном. Эта группа домов располагалась между крутыми склонами гор. Глазам было больно смотреть на такой разнобой архитектурных стилей — у домов за годы существования «карусели» сменилась уйма собственников, и каждый норовил достроить что-нибудь, на свой вкус. На земле стояли в очереди рикши, дожидаясь пассажиров.

Один, в голове очереди, пил ананасовый сок из банки, а та стояла на специальном поддоне, приваренном к оглобле повозки. Хегази протянул бумажку с адресом, рикша зыркнул на нее близко посаженными черными глазами и что-то пробурчал, — это означало согласие.

Вскоре они влились в поток электрических и педальных транспортных средств. Те старались обогнать друг друга, со-

здавая невероятную сутолоку, а пешеходы вклинивались в каждый наметившийся просвет между механизмами.

Почти половину людей на улице составляли ультранавты. Их было легко отличить по бледности, худобе, щегольскому увеличению некоторых частей тела, любви к черным оттенкам в кожаной одежде, квадратным километрам всяческих украшений и татуировок, а также профессиональным трофеям. Никто из попавшихся на глаза Вольевой ультра не был истинным химериком, возможно за исключением Хегази, который, вероятно, входил в пятерку самых крупных мужчин на «карусели». Большинство носило модные прически — густые косички или пряди, символизирующие число погружений в криосон. Многие делали разрезы в одежде, чтобы показывать протезы рук или ног. Вольевой пришлось себе напомнить о том, что и она принадлежит к этой субкультуре.

Ультранавты, конечно, не единственная категория людей, постоянно путешествующих в космосе. Угонщики, например, составляли среди таковых достаточно заметную долю, насколько могла судить Илиа. Бесспорно, их можно было считать жителями космоса, но в экипажи межзвездных кораблей они записывались редко и внешне весьма отличались от похожих на привидений ультра с их локончиками, косичками и старинными лексическими оборотами. Были и другие. Ледочесы, ответвившиеся от угонщиков, имели адаптированную к одиночеству психику, а потому их чаще привлекали к работе в поясах Койпера; эти люди славились тем, что горой стояли друг за друга и ни с кем не смешивались. Жабраки — люди, измененные для пребывания в воде, — могли дышать растворенным в ней воздухом. Они трудились на кораблях, ходивших на малые расстояния, но с большими перегрузками; много их было и в полицейских силах системы. Некоторые жабраки настолько отвыкли от обычного дыхания, что их транспортировали в огромных роботизированных баках, предназначенных, вообще-то, для перевозки рыбы.

Наконец, были еще сочленители — потомки экспериментальной группы с Марса, которые систематически улучшали свои умственные способности, заменяя живые клетки механизмами, до тех пор пока не произошло непредвиденное скач-

кообразное изменение. В считаные годы они достигли совершенно невообразимого уровня мышления, но в процессе этого преобразования им пришлось пережить страшную, хотя и короткую, войну. В толпе сочленители угадывались сразу: недавно они с помощью биоинженерии обзавелись большими и очень красивыми черепными гребнями с перфорацией, чтобы сбрасывать часть тепла, генерируемого работающими в мозгу механизмами. В последнее время их стало меньше, но тем больше внимания они привлекали, когда появлялись.

Были и другие фракции или расы людей — в частности, демархисты. Они иногда причисляли себя к сочленителям, но все знали: только настоящие сочленители умеют строить машины, позволяющие кораблям летать со скоростью света.

— Подожди тут, — велел Хегази.

Рикша отъехал к тротуару, где на стопке сложенных столов для игры в карты и маджонг сидел старик. Хегази вложил рикше в ладонь плату и последовал за Вольевой по тротуару. Прямо к бару, который был им нужен.

— «Жонглер и затворник», — прочла Вольева.

Голографическая вывеска изображала нагого мужчину, выходящего из моря. На заднем плане виднелись страшные, совершенно фантасмагорические существа, играющие в волнах прибоя. На мутном небе висел большой черный шар.

— Что-то тут не то.

— Здесь собираются все ультра, — пояснил Хегази. — Привыкай.

— Ладно, намек поняла. Наверное, мне ни в одном баре для ультра не будет уютно.

— Илиа, тебе не может быть уютно там, где нет навигационных систем и огневой мощи.

— Что ж, у тебя получился словесный портрет человека, не лишенного здравого смысла.

Из дверей на улицу вывалилась группа молодежи, от них разило потом и чем-то еще — Вольева решила, что пивным перегаром. Очевидно, они только что занимались армрестлингом: один держал протез руки, оторванный от плеча, другой пересчитывал выигрыш — толстую пачку денег. У всех были традиционные косички — знаки пребывания в криокапсулах —

и обычные звездные татуировки, отчего Вольева почувствовала себя старой и завистливой. Она сомневалась, что проблемы ребят выходят за рамки того, где сегодня добыть выпивку и ночлег. Хегази строго посмотрел на них, и они, хоть и притворялись настоящими химериками, явно стушевались. Ведь у него на лице не было живого места, в буквальном смысле, — сплошные протезы.

— Пошли, — сказал он, вклиниваясь в толпу. — Улыбнись, и вперед, Илиа.

В баре было темно и накурено, что давало синергетический эффект в сочетании с музыкой — пульсацией ритмов Бурунди и чем-то похожим на человеческое пение, — а также с ароматами легких галлюциногенов.

Вольевой потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Хегази указал на незанятый столик в углу, и она пошла туда, не испытывая ни малейшего энтузиазма.

— Сядем здесь? — предложил он.

— Не похоже, что у нас богатый выбор. Мы должны выглядеть так, будто общество друг друга нам не в тягость, иначе люди заподозрят неладное.

Хегази покачал головой и осклабился:

— Наверняка ты мне чем-то очень нравишься, Илиа, иначе я бы тебя давно ухлопал.

Она села за столик:

— Только бы Садзаки не услышал твоих слов. Он не потерпит угроз со стороны одного триумвира в адрес другого.

— Это не у меня проблемы с Садзаки — напоминаю на всякий случай. Что будем пить?

— Что угодно, лишь бы мой желудок выдержал.

Хегази сделал заказ. Его физиология не запрещала пить спиртное, и они стали ждать, пока линия доставки, проходившая под потолком, привезет стаканы.

— Тебя еще беспокоит эта склока с Суджик?

— Нет, — ответила Вольева, скрестив руки на груди. — С Суджик я сама управлюсь. Да и вряд ли успею хотя бы пальцем к ней притронуться до того, как ее прикончит Садзаки.

Прибыла выпивка в виде небольшого плексигласового облачка со съемной крышкой. Облачко свисало с тележки, бегавшей по рельсам, вмонтированным в потолок.

— Мне кажется, Садзаки мог бы прикончить любого из нас, если бы дело дошло до этого.

— А ведь раньше ты ему верил. Что же заставило тебя изменить свои взгляды?

— Садзаки перестал быть собой с тех пор, как снова заболел капитан.

Вольева огляделась по сторонам. Ничто не помешает Садзаки оказаться в одном баре с ними, даже за соседним столиком. Хегази продолжал:

— До того, как это произошло, они оба побывали у жонглеров образами. Ты в курсе?

— Хочешь сказать, жонглеры что-то сделали с мозгом Садзаки? — Илиа вспомнила голого мужчину, выходящего из волн океана. — Они ведь именно такими вещами занимаются?

— Да, по просьбам желающих. Думаешь, Садзаки захотел стать еще свирепее?

— Не обязательно. Может, еще целеустремленнее. Эти дела с капитаном... — Она покачала головой. — Символично.

— А ты говорила с капитаном?

Этот вопрос она скорее прочла по губам, нежели расслышала.

— Нет. Я не думаю, что он знает, кого мы ищем. Хотя все это очень скоро перестанет быть секретом.

— А твой личный поиск?

— Я же не ищу определенного человека. Мое единственное условие — он должен быть нормальнее Бориса Нагорного. Ну а отыскать такого, сам понимаешь, не проблема. — Ее взгляд скользнул по лицам посетителей бара. Среди них не было явных психопатов, но не было и тех, кого смело можно назвать совершенно нормальным. — Во всяком случае, я на это надеюсь.

Хегази закурил сигарету и предложил другую Вольевой. Она с благодарностью приняла, и минут пять они курили в полном молчании, пока сигарета не стала крохотным красным угольком, окруженным оранжевыми лепестками. Вольева подумала, что следует пополнить запас курева.

— А вообще-то, мой поиск только начинается, — сказала она. — И действовать надо осторожно.

— Хочешь сказать, — со значением усмехнулся Хегази, — что не собираешься рассказывать каждому кандидату о характере предстоящей ему работы, пока не решишь, подходит ли он тебе?

Вольева поперхнулась дымом:

— Разумеется, не собираюсь.

Окрашенный в лазурный цвет шаттл должен был вскоре завершить полет. Ему предстояло лишь сделать прыжок от семейного поместья Силвестов до орбиты Йеллоустона. Силвесту с трудом удалось добиться своего. Кэлвин был крайне раздражен тем, что его отпрыск имеет какие-то контакты с существом, которое сейчас находится в институте. Как будто состояние разума этого существа может заразить Силвеста в процессе таинственного симпатического резонанса. Как-никак Силвесту уже двадцать один! Он вправе сам решать, с кем ему общаться! Да провались он, этот Кэлвин! Пусть хоть дотла сожжет свои нейроны в этой безумной затее со своими семьюдесятью девятью апостолами!

Силвест увидел перед собой огромное строение СИИЗа и подумал, каким же нереальным это все кажется.

Паскаль дала ему черновик и попросила прокомментировать отрывочек из его биографии. Вот он и переживает все заново. Сидит в тюремной камере и одновременно призраком скользит по прошлому, выслеживая себя — такого еще юного! Воспоминания, давно похороненные, вдруг забили гейзерами, хотя их никто не будил.

Биография далека от завершения. Еще есть возможность подходить к отдельным эпизодам с разных сторон и с различной степенью аналитичности в отношении внутренних связей. Это будет серьезная история, достаточно подробная, чтобы потом исследователь мог всю свою жизнь посвятить изучению какого-нибудь ее этапа.

СИИЗ выглядел достаточно реально. Таким Силвест его и помнил. Административный центр Силвестовского института изучения затворников имел форму колеса. Постройка относилась еще к американскому периоду, хотя тут не было ни одного кубического нанометра, который не подвергался многократным перепланировкам за прошедшие столетия.

«Ступица» представляла собой две серые полусферы, похожие на шляпки грибов; на них виднелись впадины ангаров для причаливания шаттлов, а также амбразуры для весьма скромных оборонительных вооружений, разрешенных моралью демархистов. «Обод» состоял из довольно беспорядочно размещенных жилых модулей, лабораторий и офисов, которые соединялись сложной паутиной хитиновых полимерных труб для подачи питания, воды и тому подобного.

— Вот здорово! — произнес он.

— Вы в самом деле так думаете? — Голос Паскаль звучал издалека.

— Он тогда был в точности таким, — сказал Силвест. — Вернее, таким он мне казался, когда я туда прилетел.

— Спасибо... В общем, это было легко — самая простая часть. У нас были копии чертежей СИИЗа, а в Кювье даже нашлись люди, знавшие вашего отца, — например, Жанекен. А вот потом... Не с чего было начать — мы располагали только тем, о чем вы рассказали, вернувшись со спутника.

— Уверен, вы отлично справились.

— Что ж, сами увидите, и скорее рано, чем поздно.

Шаттл приблизился к ангару. Охранники-роботы уже ожидали за шлюзом, чтобы проверить личность прибывшего.

— Кэлвин вряд ли обрадуется, — сказал Грегори, главный администратор спутника. — Но я полагаю, что отправлять тебя домой уже поздновато.

Подобные разговоры случались раза два-три за последний месяц, и Грегори, говоря о последствиях, умывал руки. Теперь ему уже не надо было сопровождать Силвеста через все эти трубы-тоннели к тому месту, где содержали существо.

— Не стоит беспокоиться, Грегори. Если отец будет приставать, валите все на меня: мол, я потребовал устроить экскурсию.

Грегори высоко поднял брови, что означало насмешку и удивление.

— А разве не это ты делаешь в данную минуту, Дэн?

— Я просто стараюсь поддерживать дружеские отношения.

— И совершенно напрасно, мальчик. Всем нам было бы куда проще, если бы ты прислушивался к словам отца. При

тоталитарном режиме, по крайней мере, знаешь, чего от тебя требуют.

Потребовалось целых двадцать минут блужданий по тоннелям, ведущим к «ободу», чтобы миновать научные отделы, где группы мыслителей — людей и машин — безостановочно бились над главной загадкой затворников. Хотя СИИЗ установил свои базы мониторинга у всех ныне известных завес, бóльшая часть информации перерабатывалась и хранилась здесь, возле Йеллоустона. Именно здесь выдвигались невероятной сложности гипотезы, здесь они проверялись на фактах, которых было мало, но игнорировать которые было нельзя. Ни одна теория не протянула больше нескольких лет.

Место, где содержалось существо, представляло собой хорошо охраняемую пристройку к «ободу». Кубатуру выделили щедро, хотя не было никаких оснований считать, что ее обитатель может оценить этот дар. Это существо — в прошлом человека — звали Филип Ласкаль.

Сейчас у него редко бывали гости, а в первые дни после его возвращения от гостей не было отбоя. Интерес снизился сразу же, когда выяснилось, что Ласкаль не может сообщить не только ничего важного, но и неважного тоже. Однако, как вскоре выяснил Силвест, то обстоятельство, что все перестали интересоваться Ласкалем, для него самого был выгоден. Хотя редких — раза два в месяц — приездов Силвеста также явно было недостаточно, чтобы наладить какой-никакой контакт с существом.

Помещение, отведенное Ласкалю, представляло собой садик под искусственным темно-синим небом. Здесь даже дул ветерок, его как раз хватало, чтобы покачивать колокольчики, свисавшие с ветвей искривленных деревьев на границах участка.

Были в саду и дорожки, и каменные горки, и холмики, и шпалеры, и пруды с золотыми рыбками. Все это создавало своего рода лабиринт, и, чтобы обнаружить Ласкаля, нужно было затратить не менее минуты. Существо всегда пребывало в одном и том же состоянии: голым или полуголым и крайне грязным, причем пальцы были измазаны во все цвета радуги мелками или пастелью. Силвеста обычно бросало в жар, когда

он видел на вымощенной камнем дорожке рисунки Ласкаля. Это были или сложные симметричные узоры, или попытки подражания не то китайской, не то санскритской письменности, причем найти знакомые буквы или иероглифы было невозможно. Иногда то, что видел Силвест, напоминало булву алгебру или семафорную азбуку.

Затем — обязательно спустя какое-то время — Силвест за очередным поворотом находил Ласкаля, или рисующего новые символы, или тщательно стирающего старые. Абсолютно неподвижное лицо, одеревеневшие мышцы тела — воплощенная сосредоточенность. Существо трудилось в тишине, нарушаемой лишь позвякиванием колокольчиков, шепотом воды и царапанием мелков по камню.

Силвест порой часами ждал, когда Паскаль хотя бы обратит внимание на его присутствие — то есть медленно повернет лицо в его сторону и тут же возвратится к своей работе. Но в это мгновение что-то происходило: казалось, напряжение мышц слабеет, а губы чуть растягиваются — то ли в гордой улыбке, то ли в усмешке — поди угадай.

И ничто не говорило о том, что перед Силвестом человек, и не просто человек, а единственное разумное существо, которое дотронулось до поверхности завесы и вернулось назад живым.

— Не думаю, что это будет просто, — сказала Вольева, почти утолившая жажду, — но стажера я, конечно же, скоро найду. Я уже начала рекламную кампанию, указала намеченные нами цели. Что касается работы, я лишь намекнула: она будет связана с имплантатами.

— Но ты же не возьмешь первого попавшегося?

— Разумеется, не возьму. Хотя кандидаты и не будут об этом знать. Я отсею всех, у кого нет военного опыта. Мне вовсе ни к чему, чтобы новобранец сломался при первом намеке на опасность или отказался выполнять приказы. — Спиртное брало свое, Илиа уже почти не вспоминала о связанных с Нагорным проблемах.

На сцене выступала девушка, из ее золотистого тиконакса бесконечной спиралью изливалась рага. Не сказать, что

Вольева обожала музыку, — считала ее пустой тратой времени. Но было что-то математически выверенное в этих индийских трелях, и оно завораживало, одолевая предвзятость.

— Я уверена в успехе, — сказала она. — Только Садзаки может осложнить нам жизнь.

В это мгновение Хегази кивнул на дверь. Яркий свет заставил Вольеву прищурить глаза. В проеме стоял человек, чья мощная фигура величественно рисовалась на фоне солнечного дня. Человек был одет в черный плащ по щиколотку и шлем странной формы, который свет превратил в подобие нимба. Его профиль казался разрубленным по диагонали длинной полированной палкой, которую он держал обеими руками.

Комусо вступил в сумрак зала. То, что Вольева приняла за деревянный меч кендо, оказалось всего лишь бамбуковой сякухати — традиционным музыкальным инструментом. С отработанной ловкостью вошедший сунул флейту в футляр, который тут же скрылся среди складок плаща, затем с аристократической медлительностью снял свой плетеный шлем. Лицо комусо было видно плохо. Набриолиненные и зализанные назад волосы собирались в серповидную косичку. Глаза прятались за выпуклыми стеклами — такие очки носят наемные убийцы. Видимо, они давали изображение в инфракрасном свете, а потому в этом темном зале вошедший видел хорошо.

Музыка резко оборвалась, девушка со своим тиконаксом исчезла со сцены, как по мановению волшебной палочки.

— Они думают, это полицейский рейд, — еле слышно шепнул Хегази. В зале воцарилась такая тишина, что говорить громче было не нужно. — Местные блюстители порядка иногда посылают корзиноголовых, чтобы не марать кровью собственные руки.

Комусо обвел зал «стрекозиными» глазами и наконец нацелился ими на стол, за которым сидели Вольева и Хегази. Его голова двигалась по-совиному, как бы независимо от тела. Сопровождаемый шелестом плаща, он подошел, — казалось, плывет по полу, а не шагает. Хегази молча выдвинул ногой из-под стола третий табурет. Все это он проделал, продолжая спокойно попыхивать сигаретой.

— Рад видеть тебя, Садзаки.

Тот небрежно сбросил плетеный шлем на стол и одновременно снял «стрекозиные» глаза. Опустившись на табурет, он тут же развернулся лицом к посетителям бара и сделал жест, будто поднес стакан ко рту. Это означало, что всем лучше заниматься своими делами. Постепенно гул разговоров возобновился, хотя никто не спускал глаз с их столика.

— Хотел бы я, чтобы наши обстоятельства заслуживали праздничного тоста, — сказал Садзаки.

— А они не заслуживают? — Хегази изобразил уныние, насколько позволяло его протезированное лицо.

— Вот именно, и за свои слова я отвечаю. — Садзаки исследовал почти опустошенные стаканы, взял стакан Вольевой и переправил в рот содержимое. — Я тут слегка пошпионил, как вы можете догадаться по моему маскараду. Нет его в этой системе. Уже пятьдесят лет.

— Пятьдесят? — Хегази присвистнул.

— Значит, и след простыл. — Вольева, всегда считавшая, что такой риск существует, постаралась скрыть злорадство.

Когда Садзаки приказал вести субсветовик к системе Йелоустона, он руководствовался доступными на тот момент сведениями. Но это было десятки лет назад, и к той поре сама информация могла устареть на десятки лет.

— Да, — ответил Садзаки, — остыл, но не безнадежно. Я знаю, куда он отправился, и нет причин, чтобы он там не остался.

— И куда же? — У Вольевой засосало под ложечкой.

— На планету, которая называется Ресургем. — Садзаки вернул ее стакан на стол. — Довольно далеко отсюда. Боюсь, дорогие коллеги, что следующая наша посадка произойдет именно там.

Он снова погрузился в прошлое.

На этот раз гораздо глубже — в тот год, когда ему было двенадцать. Отрывки, которые ему показывала Паскаль, не были последовательными. Биография составлялась без строгой привязки к линейному времени. Сначала это напрочь сбило его с толку — как же так, ведь он, наверное, единственный человек во Вселенной, который не имеет права «плавать» в собствен-

ной истории. Но растерянность постепенно сменилась пониманием того, что Паскаль действует правильно. Только так и следует относиться к его прошлому: как к разобранной в беспорядке мозаике, как к акростиху, допускающему множество равноценных толкований.

Это был 2373 год — всего несколько десятилетий прошло после того, как Бернсдоттир открыла первую завесу. Вокруг этого таинственного явления сразу возник целый рой наук, а также государственных и частных научных организаций. Силвестовский институт изучения затворников был только одним из многих подобных учреждений, но он оказался волею судеб и самым богатым, и влиятельным, обладая поддержкой клана Силвестов. А потом наметился прорыв, но не благодаря планомерной научной работе этой организации, а благодаря случаю и бесспорному безумию одного-единственного человека.

Которого звали Филип Ласкаль.

Это был ученый из СИИЗа, работавший на одной из постоянных станций, сооруженных вокруг того, что сейчас называют Завесой Ласкаля, в секторе Тау Кита. Кроме того, он был членом группы, всегда готовой послать людей за завесу, хотя никто, разумеется, в возникновение такой необходимости не верил. Но группа существовала, равно как и дежурный корабль, который преодолел бы оставшиеся до границы с завесой пятьсот миллионов километров, если бы затворники прислали приглашение.

Ласкаль же решил не ждать.

В одиночку он проник на борт корабля СИИЗа и угнал его. К тому времени, когда коллеги спохватились, он уже был слишком далеко. Конечно, можно было дистанционно активировать заложенное на борту взрывное устройство, но затворники могли бы истолковать это как акт агрессии. Никто, разумеется, всерьез не рассчитывал когда-нибудь снова увидеть Ласкаля. И хотя тот вернулся, скептики отчасти оказались правы — разум Ласкаля почти целиком остался где-то там, в космическом пространстве.

Ласкаль подошел довольно близко к завесе, когда неведомая сила схватила корабль и швырнула его обратно, возможно не допустив до поверхности завесы лишь на несколько ты-

сяч километров, хотя на таком расстоянии практически нельзя определить, где кончается космос, а где начинается завеса. Однако было ясно, что ближе, чем Ласкаль, ни один человек не подступался к ней.

Но и цену он заплатил за это страшную.

В отличие от тех, кто раньше пытался проделать такой фокус, Ласкаль не превратился в кровавую кашу, его не растерзали на мельчайшие кусочки непостижимые силы завесы. Но нечто столь же чудовищное случилось с его разумом. От личности не осталось ничего, за исключением каких-то второстепенных мелочей, которые лишь подчеркивали потерю самого важного. Остались те функции мозга, которые позволяли ему поддерживать свое существование без помощи машин; остался в целости и сохранности контроль за моторикой тела. И никаких проявлений прежнего разума.

Теперь Ласкаль воспринимал окружающее самым странным образом, и невозможно было понять, знает ли он, что с ним произошло, ощущает ли ход времени, может ли усваивать новую информацию или вспоминать то, что было до путешествия к завесе. Он сохранил способность говорить, но, хотя произносил отдельные слова и даже обрывки фраз, в них не было никакого смысла.

Ласкаля — вернее, то, что от него осталось, — возвратили в систему Йеллоустона, а затем поместили на спутник СИИЗа, где медицинские светила изо всех сил старались выстроить научную теорию, объясняющую, что с ним произошло. В конце концов скорее отчаяние, нежели логика подсказало им, что фрактальное, реструктурированное пространство-время вблизи завесы не могло сохранить ту информационную плотность, что имела место в мозгу Ласкаля, а потому рандомизировало содержимое этого мозга на квантовом уровне, причем молекулярные процессы, идущие в теле исследователя, при этом практически не пострадали. Представьте себе текст, переведенный с такими ошибками, что он утратил смысл, а затем претерпел обратный перевод на язык оригинала.

И все же Ласкаль оказался не последним человеком, который решился на столь самоубийственный поступок. Вокруг него сложился своеобразный культ, и адепты верили: несмот-

ря на внешние признаки безумия, на самом деле завеса даровала Ласкалю нечто вроде нирваны. Примерно раза два в десятилетие делались попытки пройти границу какой-нибудь из ныне известных завес. Результаты были печальны, счастливчики возвращались обезумевшими, а неудачники либо вообще пропадали без вести, либо их корабли находили измочаленными, а пилотов — размазанными по стенам.

Культ Ласкаля процветал, а о самом исследователе почти забыли. Пускающий слюни, бормочущий бессмыслицу овощ — неподходящий объект для обожествления.

Но Силвест о Ласкале помнил. Больше того, его все сильнее дразнила идея докопаться до истины, спрятанной где-то глубоко в этом человеке. Семейные связи позволяли встречаться с Ласкалем в любое удобное время, — конечно, если пренебречь запретами отца.

Он навещал Ласкаля все чаще, храня абсолютное спокойствие, пока тот рисовал свои каракули на дорожке. Силвест все еще надеялся увидеть в них ключ — ибо не сомневался, что это будет ключ от сокровищницы.

И он получил... нечто гораздо большее.

Теперь уже нелегко вспомнить, как долго пришлось ждать в тот день, когда он выиграл свой приз. Чем сильнее сосредотачивался он на действиях Ласкаля, тем меньше в них видел смысла, — будто изучаешь длинную череду абстрактных картин. Как ни подстегивай восприятие, оно все равно слабеет.

Ласкаль уже приступил к шестой или седьмой непостижимой пастельной мандале, причем работал все так же истово, не жалея старания на каждый штрих.

Затем, без всякого предупреждения, он повернул голову к Силвесту и четко произнес:

— Доктор, жонглеры предлагают ключ.

Силвест был слишком потрясен, чтобы прервать его.

— Мне дали это понять, — продолжал Ласкаль, — когда я пребывал в Пространстве Откровения.

Силвест кивнул, постаравшись это сделать с невозмутимым видом. Какая-то часть его мозга сохраняла спокойствие и пыталась найти объяснение услышанному. Насколько он понял, границу завесы Ласкаль назвал «Пространством», в котором ему было даровано «Откровение». Это нечто слишком слож-

ное, чтобы тратить время на его описание, и тем не менее язык у него, похоже, развязался.

— Было время, когда затворники путешествовали среди звезд, — говорил Ласкаль, ни на минуту не переставая рисовать, причем мелок он держал пальцами ноги, — почти так же, как это делаем мы. Это очень древний народ, владеющий секретами космических полетов уже миллионы лет. Да будет вам известно, они не похожи на нас. Совершенно иные.

Его нога положила малиновый мелок и взяла синий, а рука стала рисовать что-то на другом, чистом участке дорожного покрытия. Изображенное им существо состояло из множества сегментов и щупальцев, носило броню, держалось вертикально и обладало весьма сомнительной симметрией тела. Оно мало походило на инопланетянина, путешествующего между звездами, а скорее напоминало чудовищ, ползавших по дну докембрийского океана. Чуждое и страшное.

— Это затворники? — спросил Силвест с дрожью отвращения в голосе. — Вы, значит, встречались с ними?

— Нет, — ответил Ласкаль. — Мне не удалось проникнуть сквозь завесу. Но они со мной разговаривали. Возникали в разуме. И многое поведали о своей истории и природе.

Силвест с трудом оторвал взгляд от кошмарной твари.

— А что вы можете сказать о жонглерах образами?

— Жонглеры в нашей Галактике живут уже давно, и их можно найти во многих мирах. Все народы, путешествующие в этой части Вселенной, рано или поздно сталкиваются с ними. — Ласкаль постучал по своему рисунку. — Мы столкнулись, затворники тоже, только гораздо раньше нас. Вы понимаете, доктор, о чем я говорю?

— Да... — Силвест считал, что понимает. — Но не вижу, к чему вы клоните.

Ласкаль улыбнулся:

— Кто бы ни посещал жонглеров, его обязательно запомнят. Эти существа запоминают абсолютно все, до последней клетки, до последнего синапса. Вот что такое жонглеры образами. Огромная система биологического архивирования.

Об этом Силвесту уже было известно. Конечно, люди пока узнали очень мало о способностях жонглеров, их задачах и происхождении. Но с самого начала стало ясно, что жонглеры

могут «сохранить» личность человека в своей матрице, так что каждый, кто поплавал в их океане — и попутно был «разобран» и «собран» заново, — получил нечто вроде бессмертия. Эти записи могли реализовываться по нескольку раз, могли временно внедряться в разум другого человека. Процесс, в общем, был грязноватый, чисто биологический, сохраняемая запись соприкасалась с миллионами других и подвергалась их влиянию. Уже в ранние годы изучения жонглеров стало ясно, что их океаны хранят колоссальные запасы информации, что мысли инопланетян могут проникать в умы пловцов, но при этом, как правило, остаются непонятыми.

— Итак, жонглеры запомнили затворников, — подвел черту Силвест. — Но нам-то с того какая польза?

— Польза огромная, вы даже не представляете насколько. Затворники кажутся чудовищами, но базовая архитектура их умов в определенной степени сходна с нашей. Надо лишь игнорировать телесные различия. И наоборот, надо помнить, что они тоже общественные существа, что у них есть язык, причем голосовой, что они своими органами чувств воспринимают окружающую среду, как и мы. До известной степени человека можно научить мышлению затворника, но при этом он сохранит свою человеческую сущность. — Паскаль внимательно посмотрел на Силвеста. — Жонглеры образами вполне способны наложить нейронную структуру затворника на человеческий неокортекс.

Эта мысль восхитила Силвеста. Она предлагала контакт совершенно нового типа: не общаться с инопланетянином, а самому стать им. Если, конечно, Паскаль именно это имел в виду.

— И чем же это поможет?

— Завеса не убьет вас.

— Не понял...

— Видите ли, завеса — своеобразная защитная структура. Главное из того, что находится за ней, — это даже не затворники, а технологии, которые слишком мощны и непредсказуемы, чтобы можно было оставить их в чужих руках. Многие миллионы лет затворники прочесывали Галактику в поисках опасных технологий, переживших своих создателей. Они нахо-

дили вещи, которые я не могу даже вообразить, не то что описать вам. Когда-то, возможно, они служили благим целям, но сейчас могут быть использованы в качестве оружия невероятной разрушительной силы. Это техника и технологии, которыми вправе пользоваться лишь самые развитые народы космоса. Это управление пространством-временем, передвижение со сверхсветовой скоростью... да мало ли что еще, чего ваш мозг воспринять не в состоянии.

Но Силвест сомневался, что дело именно в этом.

— Тогда завеса... это что? Сундук с сокровищами, ключ от которого держат при себе самые развитые народы космоса?

— Нечто гораздо большее! Затворники защищаются от вторжения. Граница завесы — это почти что живое существо. Она реагирует на структуру разума тех, кто подходит к ней. Если эта структура не совпадает со структурой затворников... завеса дает отпор. Она локально изменяет пространство-время, вызывая бешеные флуктуации его кривизны, что-то вроде мощных гравитационных стрессов. Незваного гостя разрывает в клочья. Но если структура разума правильная, завеса вас пропустит, направит куда надо, поместив в «карман» спокойного пространства-времени.

Силвест понимал, что последствия этого открытия могут быть потрясающими. Думай, как затворник, и ты проникнешь сквозь завесу. А там что? Блистающие в сундуке драгоценности! И если у тебя хватило ума добраться до этого сундука, разве ты не вправе присвоить его содержимое? Если верить Ласкалю, затворники взяли на себя роль галактического стража и хранителя вредоносных технологических тайн. Но разве мы просили их об этом?

И в его мозгу тут же родился вопрос:

— А зачем им понадобилось сообщать вам все это, если спрятанное за завесой надлежит защищать любой ценой?

— Я не уверен, что это было сделано умышленно. Барьер вокруг завесы, возможно, дал сбой и не отреагировал на мою чуждость. Может быть, он испортился, может... гм... состояние моего рассудка ввело его в заблуждение. Как только я приблизился к границе, между завесой и мной начался обмен информационными потоками. Таким образом я и узнал то, о чем

рассказываю. О том, что находится за завесой, о том, как можно обойти ее защиту. Этот орешек машинам не раскусить... — Последняя фраза, казалось, не относилась к сказанному выше; она повисла на несколько секунд, а потом Ласкаль продолжал: — Но вскоре завеса, видимо, поняла, что я чужой. Она отторгла меня, отбросила назад в космос.

— А не проще ли было вас убить?

— Может, она не была полностью уверена в правильности своего решения. Это ведь Пространство Откровения, и я все время ощущал чью-то неуверенность. Вокруг меня шли какие-то важные споры. Стремительные, быстрее мысли. Должно быть, в конце концов возобладала осторожность.

Еще вопрос. Его Силвест хотел задать с той минуты, как Ласкаль начал разговор.

— А почему вы так долго медлили со своим рассказом?

— Я должен извиниться за свою скрытность. Но мне надо было сперва переварить те знания, которые затворники вложили в меня. Эти знания были даны в их терминологии, а не в нашей.

Он замолчал. Все его внимание, казалось, было поглощено меловым разводом, который нарушал математическую точность нарисованной мандалы. Ласкаль лизнул палец и стер пятно.

— Впрочем, эта стадия была легкой. Затем мне пришлось вспоминать, как общаются между собой люди. — Он поглядел на Силвеста настороженными глазами, на которые падала прядь нечесаных, как у неандертальца, волос. — Вы были ко мне добры, не то что другие. И терпеливы. Я решил, что эти сведения могут быть вам полезны.

Силвест вдруг со страхом осознал, что открывшееся окошко в здравый рассудок Ласкаля может так же неожиданно захлопнуться.

— А как мы уговорим жонглеров наложить структуру мышления затворников на человеческий мозг?

— Это просто. — Ласкаль кивнул на свой меловой рисунок. — Запомните эту фигуру и держите ее в памяти, когда будете плавать в океане.

— И все?

— Должно хватить. Присутствие этой фигуры в вашем мозгу будет для жонглеров своего рода переводом просьбы о том, что вам нужно. Конечно, желательно еще сделать подарок. Такие важные вещи у них задарма не делаются.

— Подарок?

Интересно, что можно преподнести в дар существу, похожему на плавающий остров из ряски и морской капусты.

— Придумайте что-нибудь. Но в любом случае подарок должен быть насыщен информацией. Иначе вас сочтут неинтересным. А впустую отнимать у них время я бы не советовал.

Силвест хотел бы задать еще множество вопросов, но Ласкаль снова сосредоточился на рисунке.

— Вот и все, что я хотел сказать, — произнес он.

И это было действительно все.

Ласкаль больше ничего не сообщил ни Силвесту, ни кому-либо еще. Через месяц его нашли мертвым. Он утонул в пруду с золотыми рыбками.

— Эй! — сказала Хоури. — Тут есть кто-нибудь?

Она очнулась от сна, и это все, что ей было известно. Не просто вздремнула после обеда — нет, это было нечто гораздо более глубокое, долгое и холодное. Почти наверняка криосон — подобные вещи не забываются. Она уже пережила такое пробуждение однажды, на орбите Йеллоустона. Абсолютно аналогичные физиологические и неврологические признаки. А вот капсулы, в которой она тогда проснулась, сейчас рядом нет.

Полностью одетая, Хоури лежала на кушетке. Вероятно, кто-то перенес ее сюда, пока она не пришла в сознание. Но кто? И вообще, где она находится? Такое чувство, будто в голове взорвалась граната и разнесла память на куски.

И все же место, где она лежала, казалось до боли знакомым.

Коридор в каком-то дворце? Что бы это ни было, оно заставлено на редкость безобразными скульптурами. Либо Ана проходила мимо них несколько часов назад, либо это всплыли рецессивные фрагменты ее детской памяти — ужасы из няниных сказок. Скорченные, иззубренные, обгорелые статуи нависали над Хоури, отбрасывая демонические тени. Интуитив-

но, словно в дреме, она подумала, что фигуры должны как-то дополнять друг друга. Этим они и занимались в прошлом, но сейчас, разбитые и измятые, уже не способны выполнять свое предназначение.

Приближались неуверенные шаги.

Хоури с трудом повернула голову на звук. Шея почти не повиновалась — будто сделана была из крепкого дерева. Опыт подсказывал, что и все тело такое же окоченелое после долгого криосна.

Мужчина остановился в нескольких шагах. В скудном свете черты его лица были почти неразличимы, но что-то знакомое угадывалась в линии подбородка. Много-много лет назад Хоури, должно быть, знала этого человека.

— Это я, — зазвучал хриплый флегматичный голос, — Манукян. Мадемуазель предположила, что вам по пробуждении будет приятно увидеть знакомое лицо.

Вроде эти имена для Аны не пустой звук...

— Что случилось?

— Да ничего. Она сделала предложение, от которого вы не могли отказаться.

— И сколько я проспала?

— Двадцать два года, — ответил Манукян и протянул ей руку. — Ну а теперь не пора ли нам пойти и поздороваться с Мадемуазелью?

Силвест проснулся и обнаружил перед собой стену, проглотившую половину неба, — такую черную, что казалась отрицанием всего сущего, в том числе и себя самой. Он ничего подобного прежде не видал и теперь понял, что обычная тьма, простирающаяся между звездами, совсем не такая, как эта, — она на самом деле светится, слабо люминесцирует. А в этом круглом черном омуте, который назван Завесой Ласкаля, нет ни звезд, ни иных источников света; даже жалкий фотон не мелькнет на каком-нибудь участке видимого спектра. Нет даже занюханного нейтрино, уже не говоря о более экзотических частицах. Гравитационные волны, электростатические и магнитные поля тоже отсутствуют, как и шепот радиации Хокинга, а ведь радиация, согласно устаревшим представлениям

о природе завесы, должна просачиваться из нее, доказывая наличие температурного разогрева на ее периферии.

Словом, ничего подобного там не было. Единственное, что делала завеса — во всяком случае, что было известно всем, — это служила неодолимым препятствием для любого излучения.

Хотя нет: еще она превращала в месиво любой объект, который имел наглость приблизиться к ее границе.

Силвеста вывели из криосна, и сейчас его мутило от дезориентации, которая всегда следовала за слишком быстрым пробуждением. Еще хорошо, что здоровье позволяло ему справляться с этим побочным эффектом. Физиологический возраст Силвеста не превышал тридцати трех лет, тогда как с момента его рождения прошло уже больше шестидесяти.

— Со мной... все в порядке? — Очень хотелось расспросить врачей, занимавшихся проверкой и восстановлением его жизненных функций, но сейчас внимание было приковано к черному пятну за окном станции.

Как будто смотришь на негатив снежной бури.

— Практически оптимум, — отозвался медик, который стоял рядом, глядел, как в воздухе прокручиваются показания счетчика нейронов, и отмечал появление каждой цифры похлопыванием стилоса по своей нижней губе. — А вот Вальдес явно сдает. Значит, Лефевр выходит вперед. Как думаете, вы сможете с ней работать?

— Не поздновато ли для сомнений?

— Дэн, я пошутил. Ну а как память? Я не успел вас проверить только на посткриогенную амнезию.

Вопрос казался дурацким, но, как только Силвест стал перебирать свои воспоминания, выяснилось, что они тормозят подобно документу, проходящему через многочисленные инстанции с нерадивыми чиновниками.

— А Морскую Пену помните? — настаивал врач с тревожной ноткой. — Очень важно, чтобы вы вспомнили Морскую Пену...

Силвест помнил, но в тот момент никак не мог привязать ее к другим своим воспоминаниям. А вот что великолепно сохранилось в памяти, чего не могли унести никакие волны времени, так это Йеллоустон, покинутый через двенадцать лет

после истории с Восьмьюдесятью, через двенадцать лет после физической смерти Кэлвина, через двенадцать лет после разговора с Филипом Ласкалем, наконец, через двенадцать лет после того, как Ласкаль утопился, надо думать выполнив свое предназначение.

Экспедиция была маленькая и достаточно хорошо оснащенная. Команда субсветовика состояла по большей части из химериков и ультранавтов, которые редко соглашались служить вместе с людьми других каст. Также на борту находились двадцать ученых, преимущественно из СИИЗа, и четыре будущих контактера. Из последних на штурм завесы пойдут только двое.

Цель экспедиции — Завеса Ласкаля, но сначала корабль должен зайти на другую планету. Там Силвесту предстоит выполнить одно из указаний Ласкаля. Визит к жонглерам образами крайне важен для успеха миссии, а их мир находится в десяти световых годах от завесы. Силвест не представлял себе, что его там ждет, но совету Ласкаля он безоговорочно доверял. Не мог же этот человек нарушить свое долгое молчание ради глупой шутки!

Жонглеры образами уже больше века считались забавной диковинкой. Они обитали в нескольких мирах, почти целиком занятых океанами. Сами жонглеры представляли собой биохимическое сознание, охватывавшее практически весь океан. Оно состояло из триллионов симбиотических микроорганизмов, образовывавших «клумбы» величиной с приличный остров. Все населенные этими существами планеты отличала тектоническая активность. Существовала гипотеза, что жонглеры черпают энергию из гидротермальных источников в океаническом дне и что тепловая энергия трансформируется в биоэлектрическую и передается в верхние слои океана по щупальцам органических сверхпроводников, уходящим на многие километры в холодные и мглистые глубины.

Цель жонглеров, если таковая существовала, оставалась неизвестной. Ясно было, что они способны изменять биосферу миров, действуя как единая разумная масса фитопланктона, но является ли это самоцелью, или у них есть другая, высшая функция? Был известен — хотя и слабо изучен — еще один феномен: жонглеры обладали способностью хранить и переда-

вать информацию, выступая как всепланетная нейронная сеть. Информация хранилась на многих уровнях, начиная с огромных переплетений щупальцев на поверхности океана и кончая свободно плавающими микроскопическими спиралями ДНК.

Невозможно было определить, где кончается океан и где начинаются жонглеры. Точно так же никто не знал, содержит ли планета множество жонглеров, или есть только один индивидуум, расчлененный территориально, — между «островами» были перекинуты биологические мосты.

Не подлежало сомнению, что жонглеры образами — живые хранители информации, что-то вроде гигантских насыщенных данными губок. Все, что попадало в океан, тут же анализировалось миллиардами микроскопических щупальцев, частично растворялось ими, идентифицировалось в химическом и физическом аспекте, а затем все эти сведения отправлялись на хранение в биохимический банк данных, каковым являлся целый океан. По словам Ласкаля, жонглеры умели не только добывать и архивировать информацию, но и внедрять ее в другие разумы. Предположительно в этих архивах могли содержаться записи мыслительных структур затворников, некогда вступавших в контакт с жонглерами.

Изучение цивилизации жонглеров началось несколько десятилетий назад. Купаясь в океане, человек контактировал с разумным фитопланктоном, микроскопические щупальца которого проникали в неокортекс и устанавливали квазисинаптические связи между океаном и пловцом. «Будто с одноклеточной водорослью общаешься» — так описывали свои впечатления прошедшие через эту процедуру ученые. Потом сознание расширялось, охватывая весь океан; память уходила в древнейшие времена и почему-то зеленела. Границы восприятия делались гибче и шире, но при этом океан не казался некой подлинной самостью, а казался зеркалом, отражающим человеческое сознание.

Некоторые пловцы, переживая этот опыт абсолютного солипсизма, вдруг обнаруживали у себя сильнейшую склонность к математике, — похоже, океан заметно усиливал их творческие способности. Кое-кто уверял, что эти способности временно сохраняются после возвращения экспериментатора на

сушу или на орбиту. Возможно ли, что при контакте с океаном жонглеров человеческий мозг претерпевает физические изменения? Вот так и возникли представления об умении жонглеров влиять на умственную деятельность людей. Якобы пловец, пройдя длительную подготовку, сможет выбирать из разных форм такой трансформации. Врачи-невропатологи, работавшие на планетах жонглеров, попытались регистрировать их влияние на человеческий мозг, но добились лишь частичного успеха. Это были очень слабые изменения, сравнимые с перенастройкой скрипки — ее никоим образом не пытались разбить, чтобы сделать новую из обломков. Да и держались эти изменения недолго — обычно дни, реже недели, в исключительных случаях год, — а потом полностью исчезали.

Вот в таком состоянии пребывала наука о жонглерах, когда экспедиция Силвеста достигла их мира, который назывался Морская Пена. И сейчас Силвест вспомнил его. Океаны! Приливы с отливами! Цепочки вулканических островов и вездесущая убийственная вонь морских водорослей. Все четыре будущих контактера прошли многомесячную подготовку, накрепко запечатлев в памяти меловой рисунок Ласкаля — могли повторить его с закрытыми глазами. И теперь, визуализируя эту мандалу, они окунулись в океан.

Жонглеры проникли в них, частично «растворили» их разумы, а затем воссоздали по собственным чертежам.

Когда четверо вышли из воды, они были уверены, что Ласкаль — псих и лжец.

Никаких следов инопланетного происхождения они в себе не обнаружили. Никакие космические тайны им не открылись. Никто из них не признался, что ощущает себя «каким-то не таким». Никто не похвастался, что стал понимать природу затворников.

Сложные неврологические тесты оказались более тонким инструментом, нежели человеческая интуиция. У всех четверых изменилось пространственное и когнитивное восприятие — правда, в масштабах, едва поддававшихся количественной оценке.

Шло время, а контактеры демонстрировали все новые особенности состояния ума — одновременно и привычные для

них, и совершенно чуждые. Видимо, какие-то изменения все же происходили, хотя никто из четверки не взялся бы утверждать, что это имеет отношение к затворникам.

В любом случае надо было действовать быстро.

Как только завершилась основная проверка, всех четырех положили в криокапсулы, чтобы холодом законсервировать наметившиеся изменения. Они, конечно, начнут сходить на нет, как только контактеры проснутся, даже при условии применения экспериментальных психотропных средств.

Эти люди проспали весь путь к Завесе Ласкаля и еще несколько недель, пока исследовательский спутник маневрировал, чтобы приблизиться на три астрономические единицы — номинально безопасное расстояние. Разбудили контактеров перед самой отправкой.

— Я... помню, — сказал Силвест. — Я помню Морскую Пену!

Для него стала вечностью следующая минута, в течение которой врач, продолжая постукивать стилосом по губе, всматривался в показания медицинских приборов. Наконец он кивнул, что означало: Силвест прошел испытания.

— Знакомые места, а как здорово изменились! — сказал Манукян.

Он был прав — Хоури и сама видела перемены. С большой высоты глядя вниз, она не узнавала Город Бездны. Не было больше Москитной Сетки. Город снова открылся стихиям, его нагие башни смело поднимались в атмосферу Йеллоустона — а ведь еще совсем недавно они прятались под грязными драпировками куполов.

Шато де Карбо, замок Мадемуазели, уже не входил в число самых высоких здешних строений. Поставленные на высокие колонны, чем-то неуловимо похожие на космические корабли, новые здания могучими клинками врезáлись в раскаленное ржавое небо. Одно из них, напоминавшее не то акулий плавник, не то лист спинифекса, смотрело на мир сотнями узких окон; его украшал огромный символ из булевой математической логики — эмблема сочленителей.

Как паруса белоснежных яхт, реяли эти дома над остатками Мульчи и ажурными стенами резали на огромные ломти

свежий ветер гор. Только кое-где еще торчали гнилые зубы старой архитектуры, а на ее верхних этажах доживали остатки Полога. Старый город-лес падал под натиском блистающих зданий-лезвий.

— В Бездне что-то выращивают, — продолжал Манукян. — Аж в самой глуби. Почему-то назвали это «Лилли». — В голосе звучало отвращение с оттенком благоговения. — Видевшие рассказывают о громадной вонючей дышащей кишке — как будто из живота самого бога. Она липнет к стенам. Отрыжка Бездны ядовита, но, когда она прошла через «Лилли», ею можно дышать.

— И все это за двадцать два года!

— Да! — ответил кто-то третий.

По ставням — блестящим черным броневым листам — быстро скользнула тень. Хоури резко повернулась и успела заметить, как останавливается бесшумно приблизившийся паланкин. Его вид напомнил и о Мадемуазели, и о многом другом. Ане казалось, что между их последней встречей и нынешним появлением паланкина прошло не больше минуты.

— Спасибо, Карлос, что привели ее сюда.

— Теперь все?

— Думаю, да. — Голос Мадемуазели рождал слабое эхо. — У нас мало времени, и это притом, что мы потеряли столько лет. Я нашла экипаж, который подыскивает кого-нибудь вроде Хоури, но корабль простоит тут всего несколько дней, а потом покинет систему. Упустить этот шанс мы не можем. Ана должна пройти обучение, вжиться в роль и внедриться в команду за оставшийся срок.

— А если я скажу «нет»? — спросила Хоури.

— Но вы же этого не скажете, правда? Ведь теперь вы знаете, что я могу вам сделать. Не забыли?

— Такое забудешь.

Она очень хорошо помнила то, что ей показала Мадемуазель. В другой капсуле для криосна лежал человек. И этим человеком был ее муж Фазиль. На самом деле их никогда не разлучали. Обоих доставили сюда с Окраины Неба — чиновничья ошибка оказалась милостива не только к Ане. Да и была ли она, эта ошибка? С самого начала можно было догадаться, что

кто-то принимает самое деятельное участие в судьбе Хоури. Неспроста же она с такой легкостью получила место наемного убийцы в «Игре теней»! Эта роль, как она теперь понимала, понадобилась только для проверки ее пригодности к другой задаче. Ну а заручиться ее согласием было проще простого. Фазиль в руках Мадемуазели. Если Хоури откажется, она больше не увидит мужа.

— Никогда не сомневалась в вашем здравомыслии, — сказала Мадемуазель. — И вообще, Хоури, мое поручение не такое уж и сложное.

— А что с кораблем, который вы нашли?

— Это просто торговцы, — произнес Манукян успокаивающе. — Я сам из них. И когда пребывал в этом качестве, мне удалось спасти...

— Хватит, Карлос.

— Извините. — Он оглянулся на паланкин. — Я лишь хотел сказать, что здесь не угадаешь, с кем нам придется иметь дело.

Благодаря то ли случайности, то ли причудливой игре подсознания инженеры, строившие по заданию СИИЗа корабль для исследования завесы, выбрали форму символа бесконечности. Он состоял из двух каплевидных модулей, соединенных между собой «муфтой». Модули были набиты аппаратурой жизнеобеспечения, разведки и связи, а в «муфте» находились двигатели и разнообразная научная аппаратура. Каждому исследователю предстояло жить в индивидуальном модуле, который в нештатной ситуации — например, при прекращении мониторинга психической активности его пассажира — мог быть отделен.

Включив реактивную тягу, корабль устремился к завесе, тогда как исследовательская станция отошла на безопасное расстояние — туда, где ее ждал субсветовик. Рассказ Ласкаля заканчивался тем, что разведчик стал быстро удаляться, уменьшаясь в размерах, пока не превратился в лиловое пятно ракетного выхлопа с красным и зеленым миганием бортовых огней. Вскоре они тоже исчезли. Все залила темнота, будто расползалась огромная клякса туши.

Никто достоверно не знает, что произошло потом. Бóльшая часть информации, собранной в полете Силвестом и Лефевр, была безвозвратно утеряна, включая и ту, которую они передавали на станцию и субсветовик. Не только длительность последующих событий, но даже их точный порядок теперь вызывает сомнения. Все, что известно, записано со слов Силвеста. Но ведь и он, по его собственному признанию, пребывал в измененном состоянии сознания и даже частично терял его вблизи от завесы. Так что его воспоминания трудно считать надежным источником.

Полученная информация сводилась к следующему.

Силвест и Лефевр подошли к завесе ближе, чем кто-либо до них, включая и Ласкаля. Если сказанное Ласкалем правда, то их трансформированные разумы обманули защиту завесы. Эта защита направила их в относительно спокойный канал пространства-времени, тогда как вся остальная пограничная область буквально кипела от чудовищных гравитационных перепадов. Никто даже теперь не может объяснить, как это случилось, каким образом механизмы глубокой защиты завесы могли искривить пространство-время, придав ему такие дикие геометрические формы, если его свертывание, в миллиарды раз более простое, потребовало бы затрат энергии, какая не содержится в массе покоя всей нашей Галактики. Никто не понимает и того, как может сознание проникать в пространство-время вблизи завесы, причем делать это таким образом, чтобы последняя имела возможность распознать тип разума, пытающегося добраться до ее ядра, и одновременно оценить и трансформировать содержащиеся в нем мысли и воспоминания. Очевидно, существует некая связь между мыслительными процессами этого разума и глубинными процессами пространства-времени. Возможно, одно влияет на другое.

Силвест докопался до гипотезы, умершей сотни лет назад: якобы существует связь между квантовыми процессами в сознании и квантовыми же гравитационными механизмами, на которые опирается пространство-время; эти механизмы и процессы сближаются в соответствии с так называемым тензором Вейля.

Впрочем, и теперь о сознании было известно немногим больше. Безумных теорий вполне хватало. Например, кое-кто

считал, что вблизи от завесы даже слабенькая связь между сознанием и пространством-временем может многократно усиливаться.

Силвест и Лефевр мыслью пробивали себе дорогу через шторм, их переделанные жонглерами умы успокаивали силы гравитации, бушевавшие в считаных метрах от тонких бортов корабля. Их можно сравнить с заклинателями змей, оказавшихся в полной этих тварей пещере и своей музыкой прокладывающих узкую дорожку среди шипящих гадов; как только умолкнет музыка или нарушится ее строй, змеи очнутся от гипнотического сна. Никто никогда не узнает, как близко подошли Силвест и Лефевр к завесе, если музыка их умов вдруг собьется, а кобры гравитации грозно зашевелятся.

Силвест утверждал, что саму границу они не пересекли, и ссылался на визуальные наблюдения — больше половины видимого неба оставалось звездным. Но та ничтожная часть информации, которую удалось получить с исследовательского спутника, свидетельствует, что контактный корабль с двумя наблюдателями побывал внутри фрактальной пены, то есть в пределах размазанной границы завесы. Иначе говоря, в пределах того, что Ласкаль назвал Пространством Откровения.

Лефевр почувствовала, как это все начиналось. Со страхом, но и с ледяным спокойствием она сообщила Силвесту об изменении состояния ее трансформированного мозга. Этот мозг с шаблоном мышления затворников теперь очищался, расползалась тонкая вуаль чужеродного восприятия, накинутая жонглерами; оставалось только человеческое мышление. Это было именно то, чего они боялись с самого начала. И молились, чтобы такого не произошло.

Они тут же известили о случившемся научную станцию и провели несколько психологических тестов. Увы, положение оказалось критическим, результаты трансформации сходили на нет. Через несколько минут компонент мышления затворников уйдет из мозга Лефевр, и она уже не сможет защищаться от кобр, мимо которых идет. Она забудет свою музыку.

И хотя надежда еще не оставила их, они уже готовились к возможной катастрофе. Лефевр ушла в другой конец модуля, заперлась и активировала пиропатроны, тем самым отде-

лившись от той части корабля, в которой находился Силвест. К этому моменту ее сознание стало полностью человеческим. Посредством канала аудиовизуальной связи, который только и соединял теперь разошедшиеся части корабля, она информировала Силвеста о своих ощущениях. О том, как нарастает мощь гравитации, как сжимает и скручивает ее тело самым жутким, самым невообразимым образом.

Двигатели должны были унести ее модуль прочь от обезумевшего пространства-времени, но завеса была слишком огромна, а модуль ничтожно мал. За несколько мгновений гравитация смяла его тонкий корпус, хотя Лефевр все еще продолжала существовать в крошечном и стремительно сужающемся пространстве, съежившись в охваченный ужасом комочек. Только когда модуль лопнул, Силвест потерял с ней контакт. Воздух улетучился стремительно, но декомпрессия не сразу прекратила нечеловеческие вопли Лефевр.

Она погибла, и Силвест это знал. Но его трансформированный мозг работал исправно, не давая змеям восстать на своего укротителя. В полнейшем одиночестве, какого не знал ни один человек в истории, Силвест продолжал идти на штурм завесы.

Через какое-то время он очнулся в мертвой тишине своего модуля. Еще не придя окончательно в чувство, попытался связаться с научной станцией, которая была обязана ждать его возвращения. Но ответа не дождался. И станция, и субсветовик были разрушены. Могучий гравитационный спазм, стороной обойдя Силвеста, раздавил их, как чуть раньше распорол модуль Лефевр. И экипаж корабля, включая ультра, и научный персонал станции, — все погибли. Остался один Силвест.

Для чего? Только для того, чтобы принять медленную и тоскливую смерть?

Силвест подвел свой модуль к развалинам станции и субсветовика. В этот момент его сознание было свободно от мыслительных процентов затворников. Думать надо было о собственном спасении.

Работая в одиночку, с трудом выживая в изувеченном корабельном чреве, Силвест неделю за неделей изучал конструкцию субсветовика, чтобы привести в действие его ремонтные системы. Гравитационный спазм завесы превратил в пар и пыль

тысячи тонн массы корабля, но теперь ему предстояло нести в себе лишь одного человека. Когда процесс ремонта наконец начался, Силвест получил возможность выспаться. Он все еще не смел поверить, что спасен.

В этих снах Силвест постепенно осознал потрясающую истину. Между моментом гибели Карины Лефевр и моментом его прихода в сознание произошло событие исключительной важности.

Кто-то дотянулся до его мозга, вступил с ним в контакт. Однако переданное Силвесту послание было столь чужеродно, что он не мог выразить его в человеческих понятиях.

Он вступил в Пространство Космического Откровения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Новая Бразилия», Йеллоустон, Эпсилон Эридана, год 2546-й

— Я в баре, — проговорила Вольева в свой браслет, остановившись у дверей «Жонглера и затворника».

Она уже жалела, что выбрала его для встречи. Это заведение она презирала, как презирала и его завсегдатаев. Но когда договаривалась о встрече с новым кандидатом, ей в голову не пришло ничего другого.

— А что, кандидат уже там? — раздался голос Садзаки.

— Нет. Разве что у нее бессонница. Если она явится вовремя и встреча даст желаемый результат, то мы уйдем отсюда через час.

— Буду готов.

Расправив плечи, Вольева вошла в бар, мгновенно составив психологические портреты всех присутствующих. Воздух был насыщен приторным запахом розовых духов. Девчонка, игравшая на тиконаксе, повторяла все те же нервные движения. Текучие тревожащие звуки, зарождавшиеся в коре ее головного мозга, подхватывались инструментом и модулировались легкими прикосновениями пальцев к разноцветным клавишам. Казалось, эта музыка с трудом взбирается по ступенькам высокой лестницы, а потом низвергается вниз, разбиваясь на мел-

кие осколки терзающих нервы атональных пассажей. Иногда чудилось, будто львиный прайд царапает когтями листы ржавой кровельной жести. Вольева знала: чтобы по достоинству оценить подобную музыку, необходимо иметь в мозгу целый набор специальных имплантатов.

Она нашла пустой стул у стойки бара и заказала стопку водки. В кармане лежал шприц: один укол — и она будет абсолютно трезва, когда это потребуется.

Вольева уже приготовилась к тому, что вечер будет долгим и волонтер может вообще не прийти. Обычно она злилась в таких случаях, но сейчас, к ее удивлению, не испытывала даже легкого раздражения, оставаясь спокойной и внимательной. Возможно, оттого, что атмосфера в баре была перенасыщена психотропными веществами, Вольева чувствовала себя хорошо. В последние месяцы ей, как и всей команде, пришлось трудиться не покладая рук, готовясь к перелету на Ресургем.

Все же приятно иногда оказаться среди людей, даже таких, как посетители этого бара. Уходили минуты, а она с интересом всматривалась в оживленные лица, рассеянно внимала разговорам, не улавливая слов, но воображая, о чем рассказывают друг другу эти путешественники.

Одна девушка затягивалась дымом из кальяна, а потом выпускала длинные струи, похожие на выброс из дюз реактивного самолета. Она явно ждала, когда ее собеседник доберется до самого пикантного места своей не слишком приличной истории, чтобы расхохотаться на весь бар. Мужчина с вытатуированным на лысине драконом шумно хвастался, как прошел через атмосферу газового гиганта: автопилот вырубился, но измененный жонглерами разум запросто решал сложнейшие уравнения и лавировал среди атмосферных потоков. Еще одна компания ультранавтов — сущие призраки в бледно-сиреневом освещении кабинки — азартно играла в карты. Один мужчина должен был оплатить свой проигрыш прядью волос. Приятели крепко держали его, а победитель резал косичку карманным ножом.

Интересно, а как выглядит Хоури?

Вольева вынула из кармана карточку и, пряча в ладони, еще раз взглянула. «Ана Хоури», — было написано там, плюс скуд-

ные биографические данные. Никаких примет, позволяющих узнать эту женщину среди посетителей любого нормального бара. Да и в этом, ненормальном, она бы не выделялась. «Разве что самую малость, — подумала Илиа. — Не больше чем я сама».

На самом деле у Вольевой не было причин для мысленного брюзжания. Хоури казалась самым подходящим кандидатом на вакантное место. Недавно Илиа проникла со взломом в немногочисленные банки информации, сохранившиеся в Йеллоустоне после эпидемии, и получила сравнительно короткий список людей, которые казались подходящими. Хоури там фигурировала как бывший солдат с Окраины Неба. Правда, отсутствовала всякая возможность покопаться в ее биографии, поэтому Вольева переключилась на других кандидатов. Но никто из них по разным причинам не годился в команду, а попытки найти новых тоже не дали желаемого результата. Садзаки не раз предлагал просто выкрасть кого-нибудь, как будто заведомо ложные обещания при вербовке чем-то лучше похищения человека. Да и где гарантия, что Илиа потом сработается с похищенным?

И вдруг на них как гром с ясного неба свалилась Хоури. До нее дошел слух, что Вольева подыскивает члена экипажа. Она готова покинуть Йеллоустон. Хоури не упомянула о своем военном опыте, но Илиа о нем знала. Скорее всего, кандидатка просто осторожничает. Странно только, что она не предложила свои услуги раньше — до того, как Садзаки, в соответствии с правилами, объявил об изменении маршрута.

— Капитан Вольева? Это вы, я не ошиблась?

Хоури была невысокой, гибкой и скромно одетой. В ее облике не угадывалась принадлежность к какой-нибудь определенной группе ультра. Черные волосы, будучи всего лишь на дюйм длиннее волос самой Вольевой, не могли бы скрыть разъемных соединений и портов для передачи данных. Конечно, полной гарантии, что ее черепная коробка свободна от жужжащих машинок, нет, но то, чего побаивается Вольева, там наверняка отсутствует. В лице угадывается нейтральное сочетание нескольких генетических типов, наиболее распространенных на Окраине Неба — в родном мире Хоури. Черты гар-

моничные, но ничего поражающего воображение. Рот небольшой, прямой, не слишком выразительный, но эта простота контрастирует с глазами — такими черными, что кажутся почти бесцветными, и в то же время полными обезоруживающего понимания. Вольевой даже подумалось, что сплетенную ею паутину лжи Хоури уже различила.

— А вы, должно быть, Ана Хоури. — Илиа говорила очень тихо, так, чтобы собеседница ее слышала хорошо, но никто из других потенциальных искателей работы не уловил ни слова. — Насколько мне известно, вы обращались к нашему торговому представителю насчет получения должности на борту.

— Я только что прибыла на «карусель». Решила сначала поговорить с вами, а уж потом ходить по объявлениям.

Вольева понюхала водку.

— Не обижайтесь, но это странный метод.

— Почему? Иногда экипажи получают столько предложений, что практически не вступают в прямые переговоры. — Ана отпила глоток воды. — А я предпочитаю иметь дело с живыми людьми. Мне хочется попасть в нестандартную команду.

— О! — воскликнула Вольева. — Поверьте на слово — команда у нас весьма нестандартная.

— Но ведь вы торговцы?

Вольева с энтузиазмом закивала:

— И мы почти закончили свои торговые операции в системе Йеллоустона. Должна признаться, не слишком удачные. Экономика в упадке. Вернемся сюда лет через сто-двести, поглядим, не пойдут ли дела получше. А будь моя воля, так я бы раз и навсегда убралась из этого убожества.

— Правильно ли я поняла: если захочу к вам попасть, мне следует поторопиться с решением?

— Конечно, но сначала вопрос о найме должны решить мы.

Хоури внимательно поглядела ей в глаза:

— Есть и другие кандидатуры?

— Я не имею права обсуждать с вами такие вопросы.

— Наверняка есть. Все-таки Окраина Неба... Уйма людей, должно быть, стремится туда. И они даже готовы отрабатывать свой проезд...

Окраина Неба? Вольева постаралась ничем не выдать своего изумления. Значит, Хоури думает, что корабль идет к Окраине Неба, а вовсе не к Ресургему! И это единственная причина, по которой она пришла на встречу! Но ведь Садзаки объявил о смене курса — почему она не знает об этом?

— Не самая безопасная планета, но есть и похуже, — сказала Вольева.

— Что ж, пожалуй, я не прочь занять местечко где-нибудь в начале вашей очереди. — Между ними вклинился пластмассовый поднос, подрагивающий под тяжестью выпивки и наркотиков. — Что за должность вы предлагаете?

— Было бы проще, если бы я все рассказала на борту. Сумочка с зубной щеткой у вас при себе?

— Разумеется, при себе. Я ведь очень рассчитываю на это местечко.

Вольева улыбнулась:

— Приятно слышать.

Кювье, Ресургем, год 2563-й

Кэлвин Силвест восседал в своем роскошном кресле возле стены тюремной камеры.

— Хочу рассказать кое-что интересное, — произнес он, поглаживая бороду. — Вот только не уверен, что тебе это понравится.

— Тогда поторопись, а то скоро придет Паскаль.

Насмешливое выражение, никогда не покидавшее лицо Кэлвина, стало еще более явным.

— А я как раз ее и имею в виду. Она ведь тебе нравится, признайся.

— Не твое дело, нравится она мне или нет.

Силвест вздохнул — он так и знал, что будут неприятности. Работа над биографией близилась к завершению, и он участвовал в этом самым активным образом. При всей формальной правильности изложения событий, при всем обилии тонких суждений, дающих возможность толковать их по-разному, получалось именно то, чего желал Жирардо, — весьма хитроумное и эффективное пропагандистское оружие. Будучи пропу-

Оттягивать не имело смысла.

— Ну и?..

— Ее фамилия вовсе не Дюбуа. — Кэлвин ухмыльнулся, наслаждаясь разговором. — Ее фамилия Жирардо. Она его дочь. А тебя, милый мальчик, они ловко поимели.

Вольева и Хоури вышли из «Жонглера и затворника» в ту пропахшую потом темноту, которую на «карусели» пытались выдать за ночь. Обезьянки-капуцины висели на ветках деревьев, обрамляющих торговую площадь, — эти прохвосты всегда готовы были пошарить в карманах прохожих. Где-то за круто искривленным горизонтом рокотали бурундийские барабаны. Неоновые молнии по-змеиному извивались в пышных искусственных облаках, свисавших с рельсов, проложенных по «небу». Хоури говорили, что иногда из них даже идет дождик, но ей еще не удалось попасть на это метеорологическое пиршество.

— Наш шаттл поджидает у «ступицы», — сказала Вольева. — Надо только сесть в радиальный лифт и пройти таможенный досмотр для убывающих.

Кабина радиального лифта противно лязгала, не отапливалась, воняла мочой и была пуста, если не считать комусо в плетеном шлеме, который брезгливо уселся на самом краешке скамейки, держа сякухати между коленями. Именно его присутствие, решила Хоури, остановило других пассажиров. Они предпочли дождаться следующей кабины, которые часто снуют между «ободом» и «ступицей».

Мадемуазель стояла рядом с комусо: руки сложены за спиной, вечернее платье цвета электрик касается пола, черные волосы собраны в скромный пучок.

— Расслабься, — сказала она. — Иначе Вольева заметит, что ты скрытничаешь.

— Убирайся!

Вольева поглядела на Хоури:

— Вы что-то сказали?

— Сказала, что тут холодно.

Как ей показалось, Вольевой потребовалось слишком много времени, чтобы проглотить эту ложь.

— Не надо говорить вслух, — отозвалась Мадемуазель. — И шептать не надо. Просто представь себе то, что хочешь передать мне. Имплантат ловит импульсы, создаваемые голосовыми связками. Попробуй-ка.

— Пошла вон, — сказала, вернее, подумала Хоури. — Убирайся ко всем чертям из моей головы! В нашем контракте этого нет!

— Моя дорогая, — возмутилась Мадемуазель, — у нас и контракта никакого нет! А есть у нас... как сказать?.. Джентльменское соглашение?

Она взглянула в лицо Хоури, ожидая реакции. Та смотрела в ответ с откровенной ненавистью.

— Ладно-ладно, — сказала Мадемуазель. — До скорой встречи.

И исчезла.

— Жду не дождусь, — проворчала Хоури.

— Извините? — спросила Вольева.

— Жду не дождусь, когда смогу выйти из этого свинарника.

Вскоре они добрались до «ступицы», прошли таможенный досмотр и сели в шаттл — корабль, предназначенный для полетов в безвоздушном пространстве. Он состоял из сферы с четырьмя ракетными двигателями, направленными под разными углами, и имел название «Печаль расставания» — ультра любят давать своим кораблям ироничные имена. Внутри шаттл чем-то напоминал рифленый желудок кита.

Вольева провела Хоури через несколько дверей и узких кишкообразных коридоров, где пришлось двигаться почти ползком; наконец они оказались в рубке. Здесь стояли похожие на ведра сиденья, а также имелась консоль, экраны которой показывали всевозможные полетные данные.

Илиа покрутила один из верньеров, и из консоли выдвинулся лоток со старинной клавиатурой. Пальцы Вольевой забегали по клавишам, вызывая изменения в колонках цифр на экранах.

Хоури с некоторым удивлением обнаружила, что у этой женщины нет вживленных датчиков и что ее пальцы — главное средство передачи и получения информации.

— Пристегнитесь, — обратилась к ней Вольева. — Вокруг Йеллоустона крутится столько всякой дряни, что мне наверняка придется несколько раз резко тормозить и разгоняться.

Хоури подчинилась. Несмотря на некоторые неудобства, связанные с ремнями безопасности, это была первая возможность как следует отдохнуть за несколько дней. С тех пор как ее разбудили, произошло многое, и все делалось в лихорадочной спешке. Пока она спала в Городе Бездны, Мадемуазель выжидала, не появится ли корабль, который идет на Ресургем. Учитывая, что Ресургем — не бог весть какой важный узел в непрерывно расширяющейся сети межзвездной торговли, ждать пришлось долго. С субсветовиками всегда трудно иметь дело: ни один человек, какой бы шишкой он ни был, не может иметь такое судно в единоличной собственности, разве что оно находится в руках его семейства уже несколько столетий. Сочленители субсветовиков больше не строят, а люди, владеющие кораблями этого класса, продавать их не спешат.

Хоури знала, что Мадемуазель свой поиск вела очень активно. И Вольева тоже. По словам Мадемуазели, она проникла в йеллоустонские банки информации и запустила программу, которую называла «Ищейкой».

Рядовые пользователи и даже простые компьютеризированные системы мониторинга не могли обнаружить тонкую работу носа «Ищейки». Но Мадемуазель не была ни рядовым пользователем, ни системой мониторинга. Она почувствовала программу, как конькобежец, скользящий по тонкому льду, чувствует пузырьки воздуха под хрупкой гладью, отделяющей его от холодной темной воды.

И то, что сделала Мадемуазель затем, тоже свидетельствовало о ее недюжинном уме. Она виртуальным свистом поманила «Ищейку», а когда та прискакала, сломать ей шею уже ничего не стоило. Но сначала Мадемуазель распорола «Ищейке» брюхо и выяснила намерения Вольевой. Оказывается, программе поручили добыть секретную информацию о людях, имеющих специальный опыт. Такой запрос могла сделать группа ультра, у которой появилось вакантное место в экипаже. Но была тут еще одна странность, которая возбудила любопытство Мадемуазели.

Почему они ищут того, кто раньше служил в армии?

Может быть, это любители строгой дисциплины? Например, профессиональные торговцы, оперирующие на уровне, где прибыль невероятно высока? Или безжалостные эксперты, использующие весьма сомнительные средства для получения знаний? Такие не погнушаются побывать на захолустном Ресургеме, если видят перспективу получить гигантскую прибыль, скажем, лет через сто. Возможно, их организация строится по военному образцу, а не на квазианархических принципах, как у большинства торговцев. Поэтому они и ищут следы военного опыта в биографии своих кандидатов. Знают: такой человек, скорее всего, хорошо впишется в их команду.

Да, вероятно, дело обстоит именно так.

Что ж, пока все идет хорошо, даже если учесть ту странность, что Вольева не поправила Хоури, когда та выдала свою неосведомленность насчет конечного пункта полета. На самом деле Хоури прекрасно знает, что корабль направляется к Ресургему, — но ни к чему наводить Вольеву на мысль, что кандидатка стремится туда попасть. Конечно, у Хоури запасено несколько легенд на случай, если придется объяснять ее желание посетить эту безвестную колонию. Она уже готовилась врать, но Вольева ничего не сказала об изменении маршрута. Почему-то ей нужно, чтобы Хоури считала, будто корабль идет к Окраине Неба.

Возможно, это объяснялось тем, что им был совершенно необходим новый член команды, причем соответствующий определенным критериям. Это, конечно, бросает некоторую тень на их деятельность, зато избавляет Хоури от необходимости использовать легенду. Нечего волноваться, решила она. Ее путь и раньше никогда не был устлан розами. И не для легкой жизни, пока она спала, ей поместила в голову имплантат Мадемуазель.

Этот крошечный прибор не должен был вызвать подозрений у ультра, поскольку и по виду, и по основному предназначению представлял собой стандартный энтоптический проектор. Если они проявят крайнюю подозрительность и извлекут его, все его подозрительные элементы или расплавятся, или перекомпонуются так, что составят нечто совсем другое.

Хоури возражала против вживления устройства в ее мозг вовсе не потому, что опасалась разоблачения, а потому, что перспектива присутствия Мадемуазели в ее голове ей нисколько не нравилась. Пусть это всего лишь симулякр на бета-уровне, модель личности, существующая в зрительном поле Хоури и нашептывающая в ее слуховой центр.

Никто больше ни видеть, ни слышать этого призрака не мог, общаться с Мадемуазелью должна была только Хоури. Причем молча.

— Скажем так: я должна быть в курсе твоих дел, — объяснила тогда Мадемуазель. — Ты же солдат, а значит должна понимать.

— Да я понимаю прекрасно, — обреченным тоном сказала Хоури в ответ, — но меня уже тошнит. Конечно, я не надеюсь, что ты уберешь эту дрянь из моей головы, просто чтобы сделать мне приятное.

Мадемуазель улыбнулась:

— Нагружать тебя полным запасом знаний было бы слишком рискованно. Ты можешь случайно проговориться при ультра.

— Постой! — крикнула Хоури. — Я уже знаю, чего ты хочешь: чтобы я убила Силвеста. Разве я могу узнать нечто еще более важное?

Мадемуазель снова улыбнулась. Ее манеры доводили Хоури до белого каления. Как и все бета-копии, Мадемуазель обладала слишком маленьким набором мимических жестов, так что неизбежные повторения быстро надоедали.

— Боюсь, — сказала она, — что сейчас ты знаешь даже не часть этой истории. Так, крохотный осколочек.

Когда прибыла Паскаль, Силвест внимательно поглядел ей в лицо, ища сходства с Жирардо, каким его запомнил. И, как всегда, рассердился на свои глаза. Они плохо различали кривые линии, а потому человеческие лица казались ему состоящими из множества граней.

Услышанное от Кэлвина нельзя было отвергнуть как явную ложь. Правда, волосы у Паскаль были черными как смоль и прямыми, а у Жирардо — рыжими и курчавыми. А вот в стро-

ении черепа имелось сходство, которое нельзя было отнести на счет случайного совпадения. Если бы не Кэлвин, то сам Силвест нипочем бы не догадался. Но теперь, когда мысль высказана, она сама нашла себе подтверждение.

— Почему ты мне лгала? — спросил он.

Она казалась искренне удивленной.

— О чем?

— Обо всем. Начнем с твоего отца.

— Моего отца? — Она как будто успокоилась. — Ах, так ты знаешь...

Он кивнул, угрюмо сжав губы. Потом сказал:

— Когда ты начинала работать с Кэлвином, надо было отдавать себе отчет, что он далеко не глуп.

— Должно быть, подключился к моему портативному компьютеру, добрался до личных файлов. Вот подонок!

— Теперь ты понимаешь мои сыновние чувства. Зачем тебе все это понадобилось, Паскаль?

— Начнем с того, что у меня не было выбора. Я хотела тебя изучить, но разве смогла бы подступиться иначе как под чужим именем? Сменить имя было нетрудно, так как о моем существовании знает очень мало людей, а о моей внешности еще меньше. — Помолчав, она добавила: — Это правда. Я тебя не предавала.

— Хочешь сказать, Нильс никогда не получал от тебя информацию, которая требовалась для реализации его замысла?

Его слова Паскаль восприняла болезненно.

— Тебя же предупредили о перевороте, помнишь? Если я кого и предала, так это отца.

Он поискал аргументы в пользу того, что Паскаль лжет, не зная, хочет ли, чтобы такие аргументы нашлись.

— А биография?

— Это была идея отца.

— Орудие моей дискредитации?

— В биографии нет ни единого слова лжи, если допустить, что ты ее не внес туда сам. — Паскаль снова помолчала. — Она фактически готова к печати. Кэлвин очень помог. Это будет первая бесспорно талантливая работа, созданная на Ресургеме. Ты понимаешь? Со времен амарантийцев, разумеется.

— Да, это произведение искусства. Ты издашь ее под своей настоящей фамилией?

— Так было решено с самого начала. Я, конечно, надеялась, что ты не узнаешь, пока книга не выйдет.

— Об этом не стоит беспокоиться. Ничто не угрожает нашим отношениям. Ведь я всегда знал, что истинным автором является твой отец.

— Тебе так будет легче? Если спишешь меня как ничтожество?

— Ты принесла обещанные результаты ЗЭ-анализа?

— Да. — Она подала карту памяти. — Я не нарушаю свои обещания, доктор Силвест. Но боюсь, то слабое уважение, которое питаю к тебе, может полностью улетучиться.

Столбики цифр бежали перед глазами по карточке, которую Силвест держал двумя пальцами. Часть его мозга обрабатывала эти цифры, пока он говорил с Паскаль.

— Твой отец, торгуясь со мной из-за биографии, сказал, что ее автор, женщина, находится в состоянии, когда ее последние иллюзии готовы рухнуть.

Паскаль резко встала:

— Полагаю, нам лучше обсудить это в другой раз.

— Подожди. — Силвест схватил ее за руку. — Не сердись. Мне надо поговорить с тобой об этом, понимаешь?

Она вздрогнула, потом медленно расслабилась, но выражение лица осталось настороженным.

— О чем?

— Об этом. — Силвест щелкнул ногтем по карте. — Это очень интересно.

Шаттл Вольевой приближался к корабельному доку. Тот находился в точке Лагранжа между Йеллоустоном и его естественным спутником, называвшимся Глазом Марко. В доке стояло с дюжину субсветовиков — Хоури столько не видела за всю жизнь. В «ступице» находились самые крупные корабли, а каботажная мелочь жалась к «ободу», так поросята льнут к сосцам матки. Несколько звездолетов стояли в ажурных конструкциях — ячейках для осмотра и ремонта ледяных оболочек и двигателей, изобретенных сочленителями. Были здесь и

суда постройки самих сочленителей — гладкие и черные, будто вырезанные из куска космоса. Большинство же кораблей медленно витали вокруг точки Лагранжа.

Хоури догадывалась, что тут существуют строгие и сложные правила, чтобы избегать столкновений; компьютеры рассчитывали движение каждого корабля на несколько дней вперед. Цена топлива, которое будет истрачено на его отвод с места вероятной аварии, невысока в сравнении с доходами от торговли, а вот потерю лица возместить очень трудно. Такого скопления кораблей у Окраины Неба никогда не бывало, но даже там ходили слухи о схватках между командами из-за дефицитных парковочных мест или из-за нарушения каких-то обычаев торговцев. Многие ошибочно считали ультра однородной субкультурой. На самом деле они так же делились на фракции, ненавидящие друг друга, как любая другая человеческая раса.

Шаттл подходил к кораблю Вольевой.

Как и все субсветовики, он отличался невероятной обтекаемостью корпуса. Ведь космос близок к абсолютному вакууму только с точки зрения объекта, движущегося на малых скоростях. А движение со скоростью, близкой к световой, сродни прорыву через бескрайнюю атмосферную бурю. Вот почему субсветовики были похожи на клинки — узкие, заостренные на конце; пара двигателей работы сочленителей на лонжеронах придавала корме сходство с изящной рукоятью. Одетые в ледяной панцирь, корабли слепили бриллиантовым блеском.

Шаттл на тихом ходу обошел корабль Вольевой. Это все равно что лететь над городом — настолько он был огромен. В корпусе открылись лепестковые ворота ярко освещенного ангара. Подчиняясь легким прикосновениям женских пальцев к клавиатуре, шаттл вошел туда, и Хоури услышала глухие щелчки соединений — кораблик закреплялся в своем гнезде.

Вольева первой освободилась от ремней безопасности.

— Пройдем на борт? — спросила она, но в голосе не было той вежливости, которую ожидала Хоури.

Выплыв из шаттла при нулевой гравитации, они оказались в одном из самых больших помещений корабля. В конце коридора, выходившего из ангара, Хоури увидела странное сооружение из многих неподвижных и вращающихся деталей.

Ее уже подташнивало, но она решила, что нипочем не даст Вольевой это заметить.

— Прежде чем мы двинемся дальше, — сказала ультра, — хочу познакомить вас с одним человеком.

Она бросила взгляд за плечо Хоури — в коридор, ведущий к ангару. Оттуда доносились шорохи, будто кто-то лез, хватаясь за тянущуюся по стене скобяную лестницу. Это значило, что на борту шаттла прилетел еще кто-то.

Что-то тут не так.

Вольева явно не старалась произвести благоприятное впечатление на будущего товарища по команде. Похоже, ей безразлично, что может подумать Хоури о ней, как будто вся эта история с наймом больше не имеет ни малейшего значения.

Хоури оглянулась и увидела комусо, который сидел с ними в лифте. Его лицо пряталось под традиционным плетеным шлемом, свою сякухати он держал под мышкой.

Хоури что-то хотела сказать, но Вольева прервала:

— Приветствую вас на борту «Ностальгии по бесконечности», Ана Хоури. Вы только что стали нашим стажером-артиллеристом. — Она кивнула комусо. — Сделайте мне одолжение, триумвир.

— Какое?

— Отправьте ее в нокаут, пока она не попыталась кого-нибудь убить.

Последнее, что увидела Хоури, был золотой блеск взлетевшего бамбука.

Силвесту показалось, что он ощутил запах духов Паскаль еще до того, как заметил ее в толпе, собравшейся на улице у тюрьмы. Он инстинктивно сделал к ней шаг, но два здоровенных охранника, сопровождавших его от дверей камеры, пресекли эту попытку. Толпившиеся встретили его появление свистом и бранью, но он никак на это не отреагировал.

Паскаль дипломатично поцеловала его, заслоняя свои и его губы рукой в шелковой перчатке.

— Опережу твой вопрос, — шепнула она, и эти слова были еле слышны в злобном шуме толпы. — О том, что происходит, я имею такое же представление, как и ты сам.

— Значит, это дело рук Нильса?

— А чьих же? Только он имеет право забрать тебя из тюрьмы больше чем на день.

— Жаль, что у него нет желания запретить мне возвращение в тюрьму.

— Он мог бы... если бы не был обязан одновременно угождать своим сторонникам и оппозиции. Знаешь, ты уже давно заблуждаешься, считая его своим главным врагом.

Они вошли в стерильную тишину ожидавшей их машины — переделанного экспедиционного багги: обтекаемый корпус, четыре огромных надувных колеса, на крыше шаровидная башенка со средствами связи. Машину покрасили в алый цвет — любимый цвет увлажнистов. За ветровым стеклом болтались брелоки в стиле Хокусая.

— Если бы не мой отец, — продолжала Паскаль, — ты бы погиб во время переворота. Нильс защитил тебя от твоих самых лютых врагов.

— Значит, революционер из него никудышный.

— Между прочим, этот никудышный революционер ухитрился свергнуть твою власть.

Силвест пожал плечами:

— Что ж, и то верно.

На переднем сиденье, за перегородкой из армированного стекла, расположился охранник, и машина двинулась сквозь толпу по направлению к городской окраине. Проехали древесный питомник, спустились в тоннель, выбрались по нему за периметр.

Две другие правительственные машины катили следом. Это тоже были переоборудованные багги, но их покрасили в черное, и сидели в них солдаты в масках и с автоматами. Проехав около километра по темному тоннелю, колонна задержалась у шлюза, там, где пригодный для дыхания городской воздух отделялся от атмосферы Ресургема.

Солдаты, оставаясь на местах, натянули маски для дыхания и очки с выпуклыми стеклами. Затем машины выехали на поверхность. Был серый день; дорога шла между бетонными стенами, по территории, расцвеченной красными и зелеными огнями.

На бетонной площадке уже ждал самолет, стоя на треножнике с опорной рамой. Нижняя поверхность крыльев светилась так ярко, что резала глаз. Ионизированный слой воздуха между площадкой и крыльями дрожал.

Водитель порылся в бардачке и достал маски для дыхания, протянул одну Силвесту.

— Вообще-то, в ней особой необходимости нет, — сказал он. — С тех пор как вы, доктор Силвест, в последний раз выезжали из города, содержание кислорода в воздухе повысилось на двести процентов. Некоторые уже пробуют дышать вообще без маски. Выдерживают минут десять без вреда для организма.

— Должно быть, это пресловутые диссиденты, которых Жирардо предал в ходе переворота, — предположил Силвест. — Ожидалось, что они будут вести переговоры с лидерами «Истинного пути» в Кювье. Я им не завидую. Запудрят себе легкие, как раньше запудрили мозги.

Сопровождающий никак не отреагировал на эти слова.

— В воздух выпускают энзимы — пожиратели пылевых частиц. Это старая марсианская биотехника. Еще мы повышаем влажность воздуха, и пыль слипается в тяжелые гранулы, которые уже не переносятся ветром. В общем, содержание пыли в атмосфере снижается.

— Отлично! — Силвест зааплодировал. — Какая жалость, что все это делается ради такой жалкой дыры!

Он прижал маску к лицу и стал ждать, когда ему откроют дверь. Ветер был умеренный, несомые им песчинки покалывали лицо.

К самолету пришлось двигаться почти бегом.

Он показался желанным островком свободы и тишины. Пышный интерьер был отделан в государственных красных тонах. Солдаты, приехавшие на других машинах, входили через вторую дверь.

Силвест увидел Нильса Жирардо, пересекавшего асфальтовую площадку. Жирардо шагал враскачку, причем раскачка начиналась от плеч, так что он смахивал на циркуль-измеритель, перемещаемый по чертежной доске. Силвест почувствовал себя так, будто с ног до головы превратился в лед. Потом руководитель государства исчез из виду, а через несколько

минут ближайшее крыло окрасилось в фиолетовый цвет, окуталось нимбом из возбужденных ионов. Самолет оторвался от площадки.

Силвест протер иллюминатор и стал смотреть на тающий вдали Кювье, или на Ресургем-Сити, как его называли теперь. Впервые после переворота удалось увидеть город целиком. Статуя французского натуралиста снесена. Былая простота колониальной жизни утрачена безвозвратно. Пена человеческого жилья беспорядочно выплеснулась из куполов; дома с индивидуальным воздухоснабжением лепятся к большим и малым крытым переходам. Кругом рассыпаны во множестве прозрачные купола-теплицы, заполненные зеленью. Есть и питомники на открытом воздухе, их геометрическая правильность действует на нервы; в ближайшем будущем они распространятся далеко за пределы города.

Облетев город, самолет взял курс на север. Внизу вилось кружево каньонов. Иногда попадались маленькие поселения — чаще под прозрачным куполом, реже под длинным строением ангарного типа. Свет крыльев самолета озарял их на миг. Но по большей части это были дикие земли: ни дорог, ни трубопроводов, ни линий электроснабжения.

Силвест иногда задремывал, а проснувшись, видел все то же: бывшие тропические пустыни, покрытые ныне льдом, импортированную растительность тундры. Потом на горизонте замаячило небольшое селение, и самолет кругами пошел на посадку. Силвест наклонился к окну, чтобы лучше видеть:

— Узнаю это место. Именно здесь мы нашли обелиск!

— Да, — отозвалась Паскаль.

Ландшафт был пересеченный, по большей части лишенный всякой растительности. Линию горизонта коверкали разрушенные арки и не менее загадочного происхождения столбы, которые тоже, казалось, были готовы рухнуть каждую минуту. Ровных участков почти не наблюдалось — просто глубокие расселины; местность походила на скомканную простыню. Самолет пролетел над лавовым покровом и наконец опустился на небольшую шестиугольную площадку с армированными постройками по краям.

Был еще только полдень, но содержащаяся в воздухе пыль так поглощала солнечный свет, что посадочную площадку

пришлось осветить прожекторами. Из дверей одного дома выскочили несколько милиционеров, прикрывая глаза от слепящих крыльев.

Силвест взял маску, осмотрел презрительно и бросил на сиденье. Чтобы преодолеть столь короткое расстояние, ему дыхательный аппарат не нужен, а если это не так, то тем более нельзя подавать виду.

Милиционеры проводили вновь прибывших до жилья. Силвест не видел Жирардо уже много лет, старый враг показался теперь поразительно низким. Он напоминал мощный землеройный механизм, готовый пробить глубокую траншею в сплошном базальте. Жесткие как проволока, коротко постриженные рыжие волосы испятнаны сединой. Глаза большие, смотрят вопрошающе, как у щенка пекинеса.

— Странные получаются взаимоотношения, — сказал Жирардо, когда охранник закрыл за ними тяжелую дверь. — Кто бы мог подумать, Дэн, что у нас так много общего.

— Куда меньше, чем вам кажется, — ответил Силвест.

Жирардо повел его по ребристому коридору, заставленному машинами, искалеченными до неузнаваемости.

— Думаю, вы сейчас спрашиваете себя, как это понимать.

— Есть кое-какие догадки.

Хохот Жирардо прозвучал в коридоре как гром, эхом отлетая от металлических машин.

— Помните обелиск, что раскопали в этих местах? Конечно помните, ведь это, кажется, вы нашли его и вы же первым указали на феноменальные результаты датирования методом «захваченный электрон».

— Что-то такое припоминаю, — ядовито ответил Силвест.

Метод дал потрясающие результаты. Ни одна естественная кристаллическая структура не имеет идеальной кристаллической решетки. Всегда есть дефекты. В некоторых узлах отсутствуют атомы, и эти дыры заполняются электронами, выбитыми из других узлов решетки космическими лучами или естественной радиацией горных пород. Поскольку дыры заполняются с относительно постоянной скоростью, то по числу захваченных электронов можно определять возраст предметов неорганического происхождения. Тут есть, конечно, одна трудность: метод может применяться лишь в том случае, если известно,

что ловушки в какой-то момент прошлого были пусты. Нагревания или даже сильного освещения достаточно, чтобы освободить узлы верхнего слоя кристаллической поверхности. Анализ обелиска показал, что все поверхностные ловушки были освобождены в одно и то же время и произошло это девятьсот девяносто тысяч лет назад. Только причина, равная по масштабам Событию, могла очистить ловушки такого крупного объекта, как Обелиск.

Вообще-то, ничего особенно нового в этом не было. Тысячи амарантийских артефактов удалось датировать временем после События. Но ни один из них не был погребен умышленно. Обелиск же поместили в каменный саркофаг, причем после того, как его ловушки были очищены.

После События.

Даже при новом режиме это открытие не могло не привлечь внимания к обелиску. Что в свою очередь стимулировало интерес к надписи, выбитой на нем. Интерпретация ее, сделанная Силвестом, носила в лучшем случае приближенный характер, но теперь ему на помощь пришли остатки содружества ученых.

Снова в Кювье повеял ветер свободы. Режим снял ряд запретов, наложенных на исследования культуры амарантийцев, не обращая внимания на то, что оппозиционный «Истинный путь» стал еще более фанатичным. Странные взаимоотношения, как сказал Жирардо.

— Едва начав догадываться о том, какое послание несет обелиск, — между тем говорил Жирардо, — мы разбили всю эту территорию на участки и принялись копать на глубину шестьдесят-семьдесят метров. Так удалось обнаружить десятки других обелисков, причем все они были тщательно очищены перед погребением. Надписи на всех примерно одинаковы. Мы пришли к выводу, что это не изложение событий, произошедших здесь когда-то, а описания того, что именно погребено.

— Должно быть, что-то очень большое, — сказал Силвест. — И амарантийцы планировали с этим делом управиться до События. Возможно, самое главное похоронили до События, а опознавательные знаки — обелиски — поставили после. Финальный культурный акт общества, обреченного на уничтожение. И насколько же велик этот объект, Жирардо?

— Невероятно велик.

И Жирардо принялся рассказывать, как этот район сначала изучили с помощью сейсмовибраторов, генерирующих волны Рэлея, которые проникают глубоко в грунт. Эти волны дают возможность определять положение объектов, имеющих отличную от грунта плотность и погребенных на значительных глубинах. По словам Жирардо, пришлось применить самые мощные вибраторы, а это означало, что искомый объект находился на глубине в сотни метров, то есть на пределе мощности этих приборов. Потом из Кювье были доставлены самые чувствительные рисующие гравитометры. Только тогда удалось составить общее впечатление о том, что же здесь нашли.

— Да уж, маленьким это не назовешь!

— Раскопки как-то связаны с программой увлажнистов?

— Полностью независимы. Другими словами, чистая наука. Это вас удивляет? Я же обещал, что мы не прекратим изучать амарантийцев. Может, если бы вы все эти годы верили мне, мы бы сейчас бок о бок боролись против «Истинного пути» — вашего настоящего врага.

Силвест ответил:

— Вы не проявляли к амарантийцам ни малейшего интереса до того, как был отрыт обелиск. А он вас напугал, признайтесь. Потому что это неоспоримое свидетельство. Не из тех, которые я мог бы подделать. И вам пришлось допустить, что я с самого начала был прав.

Они вошли в лифт с плюшевыми сиденьями и акварелями на стенках. С лязгом закрылась стальная дверь. Один из адъютантов Жирардо открыл панель и нажал кнопку. Пол под ногами будто провалился. Постепенно тела стали привыкать к быстрому спуску.

— Это глубоко? — спросил Силвест.

— Не очень, — ответил Жирардо. — Всего пара километров.

Когда Хоури очнулась, корабль уже покинул орбиту Йеллоустона. Она увидела планету в иллюминатор, и та была куда меньше, чем раньше. А Город Бездны вообще смотрелся как пятнышко на поверхности. Что касается Ржавого Пояса, то он

был похож на бурое дымовое колечко, слишком далекое, чтобы можно было разобрать составляющие его объекты. Теперь перед кораблем нет никаких преград — он будет разгоняться с ускорением, равным одному *g*, пока не покинет систему Эпсилона Эридана, и будет наращивать скорость, пока она не станет лишь на йоту меньше скорости света. Не случайно такие корабли назвали субсветовиками.

Ее перехитрили!

— Это осложнение, — согласилась Мадемуазель после нескольких минут молчания. — Но не более того.

Хоури пощупала весьма чувствительную шишку на затылке — на том месте, по которому комусо — теперь она знала, что его имя Садзаки, — стукнул ее своей сякухати.

— Хорошенькое осложнение! — рявкнула она. — Меня похитили, понимаешь, глупая сука?!

— Понизь тон, девочка. Они про меня ничего не знают, и нет причин, чтобы узнали. — Энтоптическое изображение криво усмехнулось. — Если называть вещи своими именами, то сейчас я твой единственный друг. И ты должна изо всех сил хранить в тайне наш общий секрет. — Мадемуазель залюбовалась своими ногтями. — Давай-ка обсудим проблему поспокойнее. Какова наша цель?

— Ты знаешь об этом не хуже меня, черт бы тебя побрал!

— Да. Ты должна была проникнуть на корабль и отправиться на Ресургем. Каков твой статус?

— Эта сука Вольева назвала меня стажером.

— Другими словами, ты включилась в команду с ошеломительным успехом. — Теперь Мадемуазель спокойно прогуливалась по каюте: одна рука опирается на бедро, пальчик другой похлопывает по нижней губе. — И куда мы летим?

— У меня нет оснований считать, что не на Ресургем.

— Тогда, если говорить о главном, ничего опасного для наших планов не случилось.

Хоури очень хотелось придушить эту стерву, но ведь призрак придушить нельзя.

— А тебе не приходит в голову, что у них могут быть собственные планы? Знаешь, что сказала Вольева, перед тем как

я брякнулась на пол без сознания? Что я теперь артиллерист! Интересно, что она под этим понимает?

— Теперь понятно, зачем им был нужен человек с военным опытом.

— А если окажется, что я не гожусь для такой работы?

— Не думаю, что ее это очень огорчит. — Мадемуазель прекратила ходить и приняла самое серьезное выражение лица. — Они, видишь ли, ультра. А ультра имеют доступ к технологиям, которые в колониальных мирах запрещены.

— К примеру?

— У них могут оказаться средства, возбуждающие чувство лояльности.

— Что ж, спасибо, что ты сообщила мне эту важную информацию так своевременно.

— Не волнуйся, я всегда учитывала возможность такого оборота. И приняла меры предосторожности.

— Ты меня совершенно успокоила.

— Имплантат, который я поставила тебе, производит антиген, ослабляющий действие психотропных средств. Кроме того, он передает мозгу сублиминальные формулы волеусиления. Вмешательство Вольевой будет полностью нейтрализовано.

— Тогда зачем вообще ты тратишь на меня время, сообщая, что должно произойти?

— Видишь ли, милая девочка, если Вольева прибегнет к таким средствам, тебе придется делать вид, что они действуют.

Спуск занял лишь несколько минут, давление и температура стабилизировались, достигнув средних для поверхности планеты показателей. Шахта имела максимальную ширину порядка десяти метров. Местами в стенах виднелись огромные ниши, где размещались пункты управления, склады оборудования и тому подобное. Были и расширения, где два лифта, идущих в противоположных направлениях, могли разойтись.

Главными строителями здесь были роботы. Они покрыли стены шахты тончайшей — в атом — пленкой. Она состояла из уложенных рядами нитей, которые роботы выделяли из органов, сходных с железами пауков. Сияние, проникавшее через

стеклянный потолок, освещало полупрозрачные стены шахты, казалось уходившие в бесконечность.

— Почему вы раньше не рассказали о ваших находках? — спросил Силвест. — Ведь вы тут работали многие месяцы, если не годы.

— Скажем так: ваш вклад был для нас не так уж важен, — ответил Жирардо. — Во всяком случае, до сих пор, — добавил он.

На дне шахты они вошли в другой коридор, весь серебристый, чище и прохладнее того, что наверху. Окна в его стенах позволяли видеть огромную пещеру, наполненную строительными лесами и землеройным оборудованием. Силвест, благодаря своим глазам, мог фотографически запоминать увиденное, мог и увеличивать его при необходимости. Пройдя еще десять шагов по коридору, он так и сделал, еле слышно буркнув «спасибо» в адрес Кэлвина.

То, что он видел, заставляло его сердце биться все быстрее.

Прошли через двустворчатую бронированную дверь, возле которой извивались охранные энтоптики, изображавшие шипящих и плюющихся ядом змей. Затем попали в вестибюль с такой же дверью в дальнем конце. Жирардо сделал знак охранявшим дверь милиционерам, потом повернулся к Силвесту. Круглыми глазами и общим складом лица он походил на пекинеса, а еще на изрыгающего огонь демона с японской картины.

— Ну а теперь, — сказал Жирардо, — вам придется либо потребовать деньги назад, либо замереть в благоговейном молчании.

— Что ж, попробуйте меня удивить, — ответил Силвест с напускной беззаботностью, хотя пульс у него бился как бешеный, а внутри все дрожало от нетерпения.

Жирардо распахнул дверные створки. Дальше находилась комната размером в половину грузового лифта, совершенно пустая, если не считать ряда утопленных в стене секретеров. На одном из них лежала гарнитура — наушники с микрофоном, — а рядом стоял компад, на экран которого были выведены «карандашные» рисунки.

Комната имела косые стены, и потому потолок был заметно больше пола. Все это плюс широкие окна, по три на каждой стене, вызывало у Силвеста чувство, что он находится в гондоле воздушного корабля, летящего под беззвездным небом над черным океаном без единого маяка.

Жирардо выключил свет, и стало видно то, что лежало за стеклами окон.

С крыши строения, в котором они находились, свисали прожекторы, их яркий свет был направлен на амарантийский артефакт, расположенный значительно ниже уровня окон. Он выступал из почти отвесной стены пещеры — колоссальная полусфера безупречно-черного цвета, окруженная портальными кранами и строительными лесами. Шероховатые куски затвердевшей лавы все еще держались на ней, но там, где породу счистили, поверхность гигантского шара была гладка и темна, как обсидиан. Выступающая его часть была не менее четырехсот метров в ширину, хотя больше половины артефакта оставалось в стене.

— Вы знаете, кто его создал? — тихо спросил Жирардо и, не дожидаясь ответа, сообщил: — Он появился раньше, чем люди научились говорить. А на нем меньше царапин, чем на моем обручальном кольце.

Жирардо повел группу к шахте лифта, чтобы сделать последний спуск на дно огромной пещеры. Поездка заняла не больше тридцати секунд, но Силвесту она показалась сущей одиссеей. Эту находку он считал своим личным призом, она досталась с таким трудом, будто Силвест выковырял ее из базальта собственными окровавленными ногтями. И вот теперь загадочный объект громоздится над Силвестом, выпуклая поверхность еще испещрена фрагментами вмещающей породы. Через колосс, от края до края, проходит желоб. Оттуда, где сейчас стоит Силвест, он кажется тонким как волос, тогда как на самом деле у него метровая ширина, да и глубина не меньше.

Жирардо подвел группу к ближайшей башне — огромной бетонной башне с несколькими служебными ярусами. Башня стояла вровень с артефактом.

Внутри они вошли еще в один лифт, проходивший сквозь этот бетонный столб, и добрались до окружавшей верхушку

башни кроны из строительных лесов. Желудок Силвеста сжимался от конфликтующих импульсов клаустрофобии и агорафобии. Силвест как будто физически ощущал давление неисчислимых мегатонн камня, и одновременно его мутило от страха высоты, вызванного подъемом на вершину огромной башни.

Небольшие бытовки и кладовые были вписаны в сложную каркасную композицию наряду с шахтой лифта. Люди высадились в комплексе помещений, где, казалось, звучали отголоски совсем недавно прерванной работы. Все объявления и предупредительные знаки были нарисованы вручную или наклеены. Работа тут носила временный характер, а потому не было смысла прибегать к энтоптическим проекторам.

Они прошли по дрожащему железному мостику, перекинутому от лесов к черной поверхности артефакта. Теперь они находились примерно на середине высоты объекта, вровень с желобом. С такого близкого расстояния находка уже не казалась сферической. Просто черная стена преграждала путь, такая же огромная и бездонная, какой Силвесту запомнилась Завеса Ласкаля после возвращения с Морской Пены. Вместе со всеми Силвест шагал по мостику, пока не перешел в желоб.

Дальнейший путь вел вправо. С трех сторон от людей — слева, сверху и снизу — находилось сплошное черное вещество, из которого состоял артефакт. Путь вел по решетчатой конструкции, которая крепилась к стенке желоба с помощью присосок — поверхность артефакта не имела никаких шероховатостей. Справа шло металлическое, высотой до пояса, ограждение, за которым — сотни метров пустоты. Слева через каждые пять-шесть метров светили лампочки, приклеенные к гладкой стене, а через каждые двадцать метров попадались панели с какими-то непонятными символами.

Минуты через три крутого подъема по желобу Жирардо дал знак остановиться. Место, куда он привел Силвеста и других, представляло собой «нервный узел» из силовых кабелей, прожекторов, коммуникационных консолей. Правая стена желоба тут заворачивала внутрь объекта.

— Нам понадобилось несколько недель, чтобы найти вход в артефакт, — сказал Жирардо. — Вообще говоря, весь желоб был заполнен базальтом. Только когда мы его удалили, обна-

ружилось место, где порода уходила внутрь, будто пробкой затыкая вход в радиальный тоннель.

— Да, ничего не скажешь, поработали не хуже кротов.

— Раскопать вход было делом нелегким, — продолжал Жирардо. — По сравнению с этим расчистка желоба оказалась сущей ерундой. Здесь же нам пришлось осторожно высверливать пробку. Кое-кто хотел воспользоваться резаками-бозерами, чтобы прорыть несколько вспомогательных тоннелей и тем облегчить задачу, но на это мы не решились. И сверла с наконечниками из сверхтвердых минералов это черное вещество не берут.

Подчиняясь любопытству ученого, Силвест подавил в себе желание охладить хвастливый пыл Жирардо.

— Вам удалось узнать, что это за материал?

— В основном углерод с примесями железа и ниобия, а также нескольких редких металлов. Но структура остается неизвестной. Это не просто какая-то аллотропная форма алмаза, или даже гипералмаза, которую мы еще не открыли. Возможно, поверхностный слой глубиною несколько десятых миллиметра по структуре близок к алмазу, но глубже этот материал, очевидно, претерпел какую-то сложную перестройку кристаллической решетки. Его структура на глубинах, куда мы еще не добрались, может оказаться вообще совершенно иной. По-видимому, там кристаллическая решетка распалась на триллионы углеродных макромолекул, которые удерживаются вместе неизвестными нам силами. Иногда эти молекулы пробираются наверх сквозь разрывы в решетке верхних слоев — лишь в этих случаях мы их обнаруживаем.

— Судя по вашему тону, это происходит неслучайно.

— Возможно, так оно и есть. Допустим, эти молекулы — нечто вроде энзимов, созданных для того, чтобы ремонтировать алмазную кору в местах ее разрушения. — Он пожал плечами. — Нам ведь не удалось изолировать ни одну из этих макромолекул, во всяком случае, в стабильной форме. Они распадались всякий раз, когда их извлекали из решетки.

— То, что вы описываете, — сказал Силвест, — очень похоже на форму молекулярной технологии.

Жирардо улыбнулся. Ему явно нравилась эта игра, понятная только им двоим.

— Однако мы оба знаем: амарантийцы были слишком отсталыми, чтобы создавать такие вещи.

— Конечно.

— Конечно. — Жирардо опять улыбнулся, но теперь уже всей группе. — Ну что, заходим внутрь?

Пробираться по системе тоннелей, которая начиналась от желоба, было труднее, чем представлял себе Силвест. Он-то ожидал, что радиальный тоннель пройдет через «скорлупу» артефакта и они попадут в пустое чрево. Но все оказалось совсем не так. Внутри находился настоящий лабиринт. Радиальный участок не превышал действительно десяти метров, затем тоннель круто свернул влево, а дальше начал ветвиться. Эти бесчисленные пути были промаркированы наклейками, но система обозначений была столь сложна, что Силвест с ходу в ней разобраться не мог. Через пять минут он полностью утратил ориентацию, хотя ему и представлялось, что они проникли не так уж и глубоко. Казалось, вся тоннельная система — дело рук безумного червя, которому захотелось источить мякоть яблока непосредственно возле кожуры, вместо того чтобы добираться до сердцевины.

Но вот они пересекли нечто вроде геометрически правильной полости в теле объекта. Жирардо объяснил, что весь артефакт представляет собой череду концентрических оболочек, и стал рассказывать о том, как велось изучение этого колоссального объекта, в то время как они углубились в новый лабиринт «червоточин».

О существовании этого шара узнали два года назад, когда Силвесту удалось привлечь внимание Паскаль к странным обстоятельствам захоронения обелиска. Больше всего времени было потрачено на поиски самой пещеры, где был спрятан артефакт, а тщательное изучение этой похожей на муравейник диковины пришлось на несколько последних месяцев. В первые дни произошел ряд несчастных случаев со смертельным исходом. Ничего таинственного, просто несколько поисковых групп потерялись в незакартированных секциях лабиринта или свалились в вертикальные шахты, которые не успели загородить. Одна лаборантка умерла от голода, так как не прихватила даже хлебных крошек, чтобы оставлять их за собой. Ее на-

шли роботы через две недели — в нескольких минутах пути от уже исследованных тоннелей.

Проход через последнюю оболочку дался труднее, чем через предыдущие четыре. Здесь начался спуск, но наконец была осторожно пройдена последняя — горизонтальная — часть тоннеля, конец которой был заполнен молочно-белым светом.

Жирардо что-то шепнул своему рукаву, и свет померк.

Дальше шагали в полутьме. Вдруг звуки затрудненного дыхания перестали отражаться от близких стен, люди вышли на простор. Здесь слышалось только урчание работающих поблизости воздушных насосов.

— Держитесь, — сказал Жирардо. — Сейчас начнется.

Силвест напрягся. Он боялся, что снова потеряет чувство ориентации. Вспыхнул свет. На этот раз Силвеста не раздражало театральное поведение Жирардо. Сейчас оно оправдывалось радостью открытия, хотя бы и вторичного. Конечно, лишь он один сознавал всю суррогатность этого триумфа — сознавал и не сердился на спутников, которые не испытывали тех ощущений, что достались ему. Они ведь, наверное, и не знают, что переживает человек, совершивший настоящее открытие...

Но тут все эти мысли отступили на задний план, когда вспыхнул свет и глазам Силвеста открылось невероятное зрелище.

Это был инопланетный город!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На пути к Дельте Павлина, год 2546-й

— Я подозреваю, — сказала Вольева, — что ты принадлежишь к числу тех людей, во всех других отношениях вполне разумных, которые гордятся своим неверием в призраков?

Хоури поглядела на нее и слегка нахмурилась. Вольева с самого начала знала, что эта женщина отнюдь не глупа, но все же хотелось увидеть реакцию на заданный вопрос.

— Триумвир, какие призраки? Ты шутишь?

— Ты очень скоро убедишься, — ответила Вольева, — что я почти всегда абсолютно серьезна.

Илиа указала на дверь, через которую они только что вошли, плотно сидящую в красно-бурой от ржавчины переборке корабля. Дверь была очень прочная, на ней сквозь пятна плесени и пласты ржавчины проступало относительно четкое стилизованное изображение паука.

— Вперед! Я не отстану.

Хоури без колебаний выполнила приказ. Вольева была удовлетворена. За три недели, прошедшие после похищения этой женщины — или ее вербовки, если кому-то больше нравятся эвфемизмы, — Вольева применила к ней весьма сложный комплекс психотропных средств, предназначенных для возбуждения чувства лояльности. Процедуры подходили к концу, оставалось принять еще несколько доз, которые обеспечат пролонгированное — почти бесконечное — действие этих препаратов. Скоро эта женщина станет не только абсолютно послушной, но и само послушание превратится для нее в своего рода инстинкт, в базовый принцип, в силу которого она не сможет сопротивляться приказам, как рыба не может дышать нигде, кроме воды. Доведенный до крайней степени, инстинкт заставил бы Хоури не только беспрекословно подчиняться товарищам по экипажу, но еще и обожать их всех за то, что ей позволяют выполнять ее работу.

Однако Вольева решила не доводить программирование этой женщины до подобной стадии. Более чем бесполезные эксперименты с Нагорным привели к выводу, что ей не нужна новая бессловесная морская свинка. Будет даже приятно, если Хоури сохранит способность выражать определенную степень недовольства.

Как и обещала Вольева, она шла следом за Хоури. Но та, отойдя на несколько метров от двери, остановилась: дальше идти было некуда.

Вольева приказала лепестковой диафрагме закрыться.

— Где мы, триумвир?

— В моих личных владениях, — ответила Вольева.

Она что-то сказала в свой браслет, и свет зажегся, хотя периферия комнаты осталась темной. Каюта имела форму толс-

той торпеды, ее длина вдвое превышала ширину. Внутренняя отделка отличалась пышностью — четыре обитых малиновым бархатом кресла, привинченных к полу друг возле друга. Было место для еще двух, от них остались лишь крепления на полу. Чехлы на креслах отсутствовали. Стены каюты были отделаны медью, они мягко закруглялись и казались выполненными из черного сверкающего обсидиана или полированного мрамора. В помещении имелась еще консоль черного дерева, прикрепленная к подлокотнику одного из кресел, в которое и уселась сама Вольева.

Она раскрыла консоль с различными дисплеями и циферблатами, отделанными бронзой. Под этими окошками находились бронзовые же таблички и инкрустации из слоновой кости и дорогих пород дерева. Ознакомление с показаниями датчиков не требовало много времени, так как Вольева регулярно посещала «Паука», но она не спешила — ей просто нравилось касаться пальцами приборной доски.

— Предлагаю сесть, — сказала она. — Мы сейчас отправимся.

Хоури послушно села рядом с Вольевой, которая тут же защелкала выключателями из слоновой кости, наблюдая, как зажигаются окошки, как вздрагивают стрелки, чувствуя ток. Вольева испытывала что-то вроде садистского наслаждения, видя, что Хоури ничего не понимает, не знает даже, в какой части корабля они находятся и чего ей следует ждать.

Что-то залязгало, последовал сильный толчок, как будто эта каюта была спасательной шлюпкой, готовой оторваться от корабля-матки.

— Мы двигаемся, — заключила Хоури. — Что это, роскошный лифт специально для триумвирата?

— К чему нам такой декаданс? Мы просто в старой шахте, которая ведет к корпусу корабля.

— Тебе нужна каюта, чтобы кататься в ней по кораблю?

Презрение Хоури к привычкам ультра снова проступило наружу. Как ни странно, Вольева испытала извращенное удовлетворение. Значит, ее препараты не полностью разрушили личность этой женщины, а лишь изменили ее мотивацию.

— Будь это обычной проверкой состояния корпуса, мы бы пошли пешком, — ответила Илиа.

Движение было достаточно ровным, хотя иногда раздавались щелчки и лязг — это срабатывали воздушные шлюзы и системы тяги. Стены были, как и прежде, черны, но Вольева знала, что вскоре все изменится. Она продолжала следить за Хоури, пытаясь догадаться, боится ли та или просто испытывает интерес. Если Хоури умна, то уже наверняка сообразила, что Вольева не уделяла бы столько времени тому, кого собирается убить. С другой стороны, опыт солдата, воевавшего на Окраине Неба, должен был научить Хоури не принимать на веру ничего и никогда.

Ее внешность за время пребывания на борту значительно изменилась. И лишь малая часть этой перемены была связана с принуждением к лояльности. Если раньше она коротко стригла волосы, то сейчас они практически исчезли. Только у самой макушки наметился вторичный волосяной покров. Кожа была изрыта тонкими шрамами цвета лососины. То были следы операций — Вольева вскрывала череп Хоури с целью вживления в мозг имплантатов, находившихся ранее в голове Бориса Нагорного. Были следы и других хирургических операций на теле Хоури, оставшиеся после извлечения осколков и шрапнельных пуль, лечения лучевых ожогов и тому подобного. Все это сувениры воинской службы. Некоторые пули вошли слишком глубоко, и медики Окраины Неба даже не пытались их извлечь. По большей части опасности для жизни они не представляли, так как состояли из биологически инертных композитов и находились далеко от важных органов. Но иногда врачи просто давали маху. Непосредственно под кожей у Хоури Вольева нашла несколько осколков, которые надо было обязательно удалить. Что она и сделала, впоследствии рассмотрев каждый в лаборатории. Все осколки, кроме одного, никаких подозрений не вызвали. Этот неметаллический композитный материал не мог взаимодействовать с чуткими индукционными полями артиллерийских орудий. Но Вольева пронумеровала извлеченные фрагменты и убрала их в сейф. Один осколок Илиа изучала долго, сосредоточенно хмурясь, потом обругала некомпетентных врачей и положила его рядом с другими.

Работа была грязная, но все же не такая, как операции на мозге. В течение столетий имплантаты наиболее распростра-

ненных типов или выращивались *in situ*[1], или их конструировали с расчетом на безболезненное введение через уже имеющиеся естественные отверстия в голове. Но такие методы не годились для уникальных точных имплантатов, применяемых в артиллерии для связи между механизмами и людьми. Тут единственным способом вживления была трепанация черепа с помощью пилы и скальпеля, после чего требовалась кропотливая приборка. Все осложнялось еще и наличием в мозгу Хоури более ранних имплантатов. Тщательно изучив, Вольева решила, что необходимости удалять их нет. Не то рано или поздно снова придется ставить такие же, чтобы Хоури могла действовать за пределами своих служебных обязанностей, как действовала раньше. Имплантаты прижились хорошо, и уже через день Вольева усадила Хоури, предварительно усыпив, в кресло управления центральным артиллерийским постом. Она убедилась, что корабль способен нормально контактировать с новыми имплантатами. Дальнейшая проверка могла подождать, пока не будут доведены до конца процедуры внедрения инстинкта лояльности. Основная работа придется на то время, когда бóльшая часть команды будет спать в криокапсулах.

Слово «осторожность» приобрело для Вольевой теперь особый смысл. Именно из-за неосторожности возникли все неприятности с Нагорным.

Она не может совершить новую ошибку.

— Откуда у меня ощущение, что я прохожу какой-то тест?

— Нет, это не тест, а просто... — Вольева махнула рукой. — Извини, ладно? Надеюсь, я не слишком многого прошу.

— Как мне выполнить это распоряжение? Заявить, что вижу призраков?

Теперь вне движущейся каюты появился свет. Оказалось, что ее стены вовсе не черные, а прозрачные — просто выглядели черными в темной шахте. Конец путешествия проходил в полном молчании. Каюта поднималась к источнику света, пока ледяное голубоватое свечение не облило ее со всех сторон. А затем она оторвалась от корпуса корабля.

Хоури поднялась с кресла и осторожно приблизилась к стенке. Стекло, конечно, было сделано из гипералмаза, так что

[1] На месте *(лат.)*.

оно не могло разбиться и Хоури не могла выпасть наружу. Однако выглядело оно чрезвычайно тонким и хрупким, а человеческий разум не в состоянии принимать на веру несколько вещей сразу. Глядя вниз, Хоури различала восемь паучьих ног, с помощью которых капсула цеплялась за корпус корабля. Теперь Ана поняла, почему Вольева однажды в разговоре с ней назвала эту каюту «Пауком».

— Не знаю, кто его построил, — объясняла Вольева. — Думаю, он появился или одновременно с кораблем, или потом, в ходе его предпродажной подготовки. Это, конечно, если предположить, что у кого-то нашлись на него деньги. Думаю, каюта служила для привлечения потенциальных клиентов. Отсюда и такая роскошь отделки.

— То есть она понадобилась, чтобы взвинтить цену?

— Не исключено. А может, кто-то хотел иметь средство для выхода за пределы корпуса, такой вот модуль. Внешний наблюдательный пост должен иметь большой запас прочности, иначе его сорвет при резком разгоне или торможении корабля. Если там только телекамеры, особых проблем не будет, но если на борту люди, задача здорово усложняется. Кто-то должен управлять такой штуковиной или хотя бы уметь программировать автопилот. «Паук» же удобен тем, что он неотделим от корабля. Управлять им проще простого, он знай себе ползает внутри и снаружи на своих восьми конечностях.

— А что, если...

— Если все-таки сорвется с креплений? Ну, во-первых, такого еще не случалось, но если бы и случилось, то у каюты есть и магнитные присоски, и специальные когти, способные пробить обшивку. В крайнем случае она сможет двигаться самостоятельно, развив ту же скорость, что и корабль. Если же и этого окажется мало... — Тут Вольева сделала паузу. — Тогда я буду вынуждена встретиться с моим любимым божеством и как следует обсудить создавшуюся ситуацию.

Хотя Вольева никогда не уводила «Паука» от места выхода на поверхность корпуса больше чем на сто метров, он мог бы проползти вокруг всего корабля. Но в таком рискованном путешествии ни разу не возникало необходимости. Тащиться при релятивистской скорости корабля по его брюху сквозь радиа-

ционную бурю, от которой каюту обычно защищала толстая корабельная броня, было бы весьма опасно. Стены модуля были слишком тонки; усиленную защиту его конструкторы принесли в жертву загадочному шику.

«Паук» — самая сокровенная тайна Вольевой. Его нет даже на чертежах корабля, и, скорее всего, остальные члены команды даже не подозревают о его существовании. Если бы на борту все обстояло хорошо, такое положение сохранилось бы до конца жизни Вольевой, но проблемы с артиллерией заставили понизить планку секретности. Даже при отвратительном нынешнем состоянии корабля раскинутая Садзаки сеть шпионских устройств была чрезвычайно обширна. «Паук» — одно из тех немногих мест, где Вольева чувствовала себя защищенной и могла без опаски обсуждать со своими стажерами самые деликатные вопросы, в которые ей не хотелось посвящать других членов триумвирата.

По этой причине ей пришлось выдать тайну «Паука» Нагорному — чтобы обсудить с ним во всех подробностях проблему Похитителя Солнц. В течение нескольких месяцев, пока его состояние все ухудшалось, она жалела об этой откровенности, вечно опасаясь, что он выдаст Садзаки тайну «Паука». Но вообще-то, волноваться ей тогда не следовало: к трагическому концу своей жизни Нагорный настолько глубоко погрузился в кошмары, что просто физически не мог вмешиваться в тонкости внутренней политики корабля. Потом он унес секрет в могилу, и некоторое время Вольева могла спать спокойно, не боясь, что ее святилище будет обнаружено.

Возможно, сейчас она тоже делает ошибку, о которой пожалеет впоследствии: ведь она поклялась себе не рисковать больше каютой, но, как всегда, конкретные обстоятельства оказались сильнее. Требовалось кое-что обсудить с Хоури, причем призраки были лишь своего рода приманкой, чтобы стажер не заподозрила существования куда более глубоких причин.

— Я пока никаких призраков не видела, — сказала Хоури.

— Еще увидишь, вернее, услышишь. И очень скоро, — последовал ответ.

Поступки триумвира казались странными Хоури. Несколько раз Вольева намекала, что эта каюта — ее тайное личное

убежище на борту корабля и что остальные — Садзаки, Хегази и еще две женщины — даже не догадываются о существовании «Паука». Странно, что она решилась выдать свой секрет Хоури, с которой едва знакома. Даже в экипаже, состоящем из химериков-милитаристов, Вольева выделялась своей замкнутостью и одержимостью. Такой человек не может поддаться внезапному приступу доверчивости. Она всячески демонстрирует Хоури свои симпатии, но в ее дружеских жестах есть что-то искусственное. Нет ощущения спонтанности — они кажутся заранее заготовленными. Хоури встречала таких людей и раньше — на войне. Сначала они кажутся своими в доску, но потом оказываются чужими разведчиками или стукачами, собирающими информацию для начальства. Вольева старалась говорить о «Пауке» как бы между прочим, но Хоури понимала, что призраки — вовсе не главное в этой беседе.

В голову лезли разные мысли, в том числе и такая: Вольева привела ее в эту комнату, чтобы здесь и оставить. Не обязательно живую.

Оказалось, что это не так.

— Кстати, давно хочу задать один вопрос, — легкомысленным тоном сказала Вольева. — Название «Похититель Солнц» тебе пока ни о чем не говорит?

— Нет, — ответила Хоури. — А должно?

— Да нет, едва ли... Просто вспомнилось. Слишком долго объяснять почему... Ладно, не бери в голову.

Все это звучало не более убедительно, чем предсказания гадалки из трущоб Мульчи.

— Хорошо, не буду, — ответила Хоури и спросила сама: — А почему ты сказала «пока»?

Вольева внутренне обругала себя. Неужели она все испортила? Пожалуй, нет. Вопрос был задан совершенно естественным тоном, а в поведении собеседницы нет никаких признаков подозрительности... И все же не стоит делать ошибки.

— Неужели я так сказала? — произнесла она, надеясь, что придала голосу нужный оттенок удивления пополам с беспечностью. — Я вовсе ничего не имела в виду. — И тут же сменила тему: — Погляди-ка вон на ту звезду. Она слегка красноватая, видишь?

Глаза уже попривыкли к межзвездному пространству, через которое с огромной скоростью летел «Паук», голубое свечение выхлопов мешало меньше, и в черной бездне можно было различить несколько звезд.

— Это солнце Йеллоустона?

— Да, Эпсилон Эридана. Вот уже три недели, как мы покинули его систему. Еще немного времени, и ты с трудом обнаружишь эту звезду. Наша скорость пока составляет всего несколько процентов от световой, но мы ее непрерывно наращиваем. Скоро видимые нами звезды начнут смещаться, созвездия станут менять очертания, пока наконец не соберутся в две группы: одна — впереди нас, другая — позади. Будет казаться, что мы посреди длинного тоннеля, в который свет поступает с обоих концов. А еще звезды поменяют окраску. Это будет выглядеть очень необычно, так как цвет звезды зависит от ее спектрального типа. От того, сколько энергии она выделяет в различных частях спектра, включая инфракрасный и ультрафиолетовый. Но тенденция такова: цвет тех звезд, что впереди, будет сдвигаться к голубой части спектра, а тех, что позади, — к красной.

— Наверно, это очень красиво, — проворчала Хоури, сбивая пафос собеседницы, — но я никак не пойму, при чем тут призраки?

Вольева слегка улыбнулась:

— Я чуть не забыла о них. Просто позор!

И тут же сказала что-то браслету, но так тихо, что Хоури не расслышала, о чем Вольева попросила корабль.

Стонущие голоса про́клятых душ заполнили каюту.

— Вот и призраки, — сообщила Вольева.

Бестелесный Силвест парил над погребенным городом.

Окружавшие его стены вздымались кругом. Их покрывало великое множество надписей — хватило бы на десятки тысяч томов амарантийского текста. Хотя иероглифы были всего несколько миллиметров в высоту, а он парил в сотнях метров от стены, достаточно было лишь сфокусировать зрение на определенном участке, чтобы четко увидеть написанные там слова. При этом переводящие алгоритмы перерабатывали текст

на каназиан, а собственные полуинтуитивные процессы Силвеста дублировали перевод и справлялись с возникающими лакунами. Обычно Силвест соглашался с программами, но иногда они упускали существенные контекстно зависимые тонкости.

В то же время, телом пребывая в Кювье, он вслепую делал короткие заметки, заполняя страницу за страницей в бюваре. В последние дни ему особенно нравилось писать пером; он избегал по возможности новейших технических средств. Цифровые устройства были слишком доступны его врагам. Если записи разорвать и сжечь, они просто навсегда исчезнут, а не послужат созданию образа, который будет использован в чьей-то чуждой идеологии.

Он закончил перевод очередного раздела, дойдя до изображения фигуры со сложенными крыльями, что означало конец абзаца. Потом оторвался от танцующей перед глазами стены, покрытой иероглифическими надписями, вложил в бювар закладку, сунул его, не глядя, в ящик стола и вытащил другой бювар. Открыв его на закладке, Силвест провел пальцем по странице сверху вниз, определяя на ощупь, где кончается написанный чернилами текст. Положив книгу точно параллельно краю стола, он установил перо у конца последней строчки и стал писать дальше.

— Не слишком ли много усердия? — прозвучал голос Паскаль.

Она вошла в комнату так тихо, что Силвест не услышал. Теперь надо было визуализировать ее — или стоящей около письменного стола, или сидящей рядом в кресле, как и было на самом деле.

— Кажется, я что-то нащупал, — сказал он.

— Ты все бьешься лбом в эти старые письмена?

— Что-то должно треснуть первым — либо они, либо мой лоб. — Он перевел имитацию своего взгляда со стены на центр амарантийского города. — И я надеюсь, что биться осталось недолго.

— Я тоже надеюсь.

Он знал, на что она намекает. Полтора года назад Нильс Жирардо продемонстрировал им погребенный город. Год на-

зад обсуждался вопрос о свадьбе Силвеста и Паскаль, и решено было отложить ее до тех пор, пока Силвест не добьется серьезного продвижения в расшифровке настенных надписей. Вот этим он и занимался сейчас... и боялся собственных успехов. Больше не будет предлогов откладывать. И Паскаль знает об этом не хуже его самого.

И почему все превращается в такую сложную проблему? Или проблема стала проблемой только потому, что он сам ее так классифицировал?

— Опять ты хмуришься, — сказала Паскаль. — Текст не дается?

— Нет, — ответил Силвест. — Перевод идет легко.

И это была правда. Просто у него выработалась привычка в работе с амарантийскими текстами совмещать два потока данных, подобно тому как картограф анализирует стереографические изображения местности.

— Дай взглянуть.

Он слышал, как она движется по комнате, как разговаривает с секретером, приказывая ему открыть второй канал для ее сенсорики. Эта консоль, дававшая Силвесту доступ к электронной модели Города, появилась вскоре после его первого визита в погребенный оригинал. На этот раз идея принадлежала не Жирардо, а Паскаль. Успех «Нисшествия во тьму» — недавно опубликованной биографии Силвеста — сильно укрепил ее влияние на отца, и Силвест не стал спорить, когда она предложила ему — в буквальном смысле — ключи от Города.

Разговоры о грядущем бракосочетании были у всех на устах. Бóльшая часть сплетен достигала ушей Силвеста: мол, это чисто политическое мероприятие, что Силвест спит и видит, как бы ему вернуться во власть, что брак лишь средство для достижения цели, а цель — экспедиция к двойной звезде Цербер-Гадес. Возможно, когда-то подобные мысли действительно посещали Силвеста. Возможно, его подсознание задавалось вопросом: а не придумал ли он любовь к Паскаль, имея в виду эти амбиции? Да, тут могли быть крупицы истины. Но с тех пор прошло немало времени, и сейчас он сам не взялся бы сказать, каковы его мотивы. Он сознавал, что если даже любит Паскаль (а такое допущение для Силвеста было равносильно

признанию в любви), то не может закрывать глаза на выгоды, которые ему сулит этот брак. Он уже сейчас имел возможность публиковать статьи — скромные, основанные на имеющихся расшифрованных текстах. Публиковать в соавторстве с Паскаль. И Жирардо там упоминался в качестве лица, оказавшего помощь.

Пятнадцать лет назад Силвест все это счел бы позором, но сейчас ему с трудом удавалось питать чувство недовольства собой.

Важнее было другое. Открытие Города стало важным шагом вперед для понимания сути События.

— Я уже здесь, — сказала Паскаль громче, хотя и была сейчас так же бестелесна, как Силвест. — Мы смотрим на Город с одной точки?

— Что ты видишь?

— Шпиль... или храм — не помню, как ты его называешь.

— Верно.

Храм находился в геометрическом центре Погребенного Города и имел форму срезанной трети яйца. Его верх был вытянут и представлял собой остроконечную башню, гордо возвышавшуюся над городскими крышами. Здания вокруг храма больше всего напоминали сросшиеся в единый ком гнезда ткачиков. Возможно, в их архитектуре сказывался некий скрытый эволюционный императив амарантийцев. Подобно уродливым богомольцам, они жались к огромному шпилю, венчавшему храм.

— Тебя что-то беспокоит?

Силвест завидовал Паскаль. Она посетила Город не меньше десяти раз. Даже залезла на верх храма по винтовой лестнице, которая шла внутри шпиля до самого его конца.

— Фигура на шпиле. Она тут как-то не к месту.

Фигура была маленькой и изящной в сравнении со всем остальным в Городе, хотя и достигала пятнадцати метров в высоту, то есть была вполне сопоставима со статуями в египетской Долине Царей. Судя по данным, полученным в ходе раскопок, Погребенный Город был построен в масштабе один к четырем. Значит, в настоящем городе фигура должна была достигать сорока метров. Но если этот город и в самом деле существовал на поверхности, то он вряд ли пережил огненные

бури События, не говоря уж о последующих девятистах девяноста тысячах лет выветривания, оледенения, метеоритных атак и тектонических подвижек.

— Не к месту?

— Да. Она изображает амарантийца, но больше таких скульптур я тут не видел.

— Может, это божество?

— Вполне возможно. Но я не понимаю, зачем ему крылья.

— И в этом вся проблема?

— А ты осмотри городскую стену, если мне не веришь.

— Лучше проведи меня туда, Дэн.

У обоих пришли в движение точки обзора, по крутой дуге с головокружительной скоростью устремившись вниз.

Вольева чутко следила за Хоури, за ее реакцией на голоса. Была уверена, что у этой женщины в броне самоуверенности найдется брешь, лазейка для сомнения и страха. Такой лазейкой может быть мысль, что призраки действительно существуют, что Вольева и в самом деле нашла способ проникнуть в их фантомные эманации.

Призраки главным образом стонали, глухо и протяжно. Иногда доносились вопли и завывания, такие низкие, что они скорее ощущались кожей, чем органами слуха. Порой звуки были похожи на свист ветра, проходящего через тысячемильный пещерный лабиринт.

Было ясно, что это не природный феномен, не шелест потока элементарных частиц, обтекающих корпус корабля, и даже не флюктуации сложных процессов, происходящих в машинах. Нет, в завываниях призраков слышались голоса ночи, вопли ужаса, вой осужденных, и, хотя ни единого слова разобрать было нельзя, в них угадывалась структура человеческой речи.

— Что ты думаешь об этом?

— Это и в самом деле голоса, правда? Человеческие. Только они звучат так устало, так обессиленно, так печально... — Хоури внимательно вслушивалась. — Иногда кажется, что я разбираю отдельные слова.

— И конечно, ты поняла, что это за призраки? — Вольева приглушила звуки, и они превратились в бесконечный хоро-

вой стон мучеников. — Это члены экипажей, такие же, как ты и я. Они служат на других кораблях и говорят друг с другом через необозримые пространства.

— Тогда почему... — Хоури заколебалась. — А, погоди... Я поняла... Они летят быстрее, чем мы, да? Гораздо быстрее. И голоса звучат медленнее, потому что они в буквальном смысле медленнее... Часы на корабле, летящем со скоростью, близкой к световой, идут медленно...

Вольева кивнула. Ее слегка разочаровало то, как быстро Хоури во всем разобралась.

— Растяжение времени. Некоторые из этих кораблей идут нам навстречу, и тогда доплеровское смещение слегка снижает эффект растяжения, хотя, как правило, он все же остается сильным. — Илиа пожала плечами, видя, что Хоури еще не вполне разобралась в тонкостях релятивистских связей. — В нормальных условиях «Ностальгия по бесконечности» все это подвергает обработке, удаляет искажения, вызванные эффектом Доплера и растяжением времени, и переводит в понятную речь.

— Покажи, как это делается.

— Нет, — ответила Вольева, — не стоит. Результат почти всегда одинаков: пошлости, хвастовство торговцев, технический жаргон. И это еще наиболее интересная часть спектра. А другая просто наводит тоску — это параноидальные сплетни или дурацкие происшествия, которые не дают людям спать. Очень много переговоров между двумя кораблями, случайно встретившимися в космосе, — сплошной обмен любезностями. Летая на субсветовых скоростях, корабли встречаются раз в несколько месяцев. Половина посланий написана заранее, так как команда обычно лежит в криосне.

— Другими словами, обычная болтовня.

— Именно так. Отправляясь в путь, мы всегда запасаемся ею.

Вольева расслабленно откинулась в кресле, приказывая звуковой системе усилить громкость этих печальных космических стонов. Сигнал, говорящий о человеческом присутствии, казалось бы, должен делать звезды чуть менее далекими и холодными, — но у него совершенно обратный эффект. Так и бай-

ки о призраках, звучащие возле ночного костра, лишь сгущают мрак за пределами освещенного круга. На какое-то мгновение ей подумалось, что вера в духов, населяющих пространства космоса за бортом, вполне имеет право на существование.

— Заметила что-нибудь? — спросил Силвест.

Стена состояла из гранитных V-образных блоков. В пяти местах она прерывалась воротами и домиками для охраны. Над воротами высились изваяния голов амарантийцев, но не в реалистическом стиле, а в сходном с искусством Юкатана. Фреска, тянущаяся вдоль всей наружной поверхности стены, была изготовлена из керамических плиток и изображала амарантийцев при исполнении различных общественных обязанностей.

Паскаль помолчала, прежде чем ответить. Ее взгляд надолго задерживался на различных фрагментах фрески.

Вот персонажи несут какие-то сельскохозяйственные орудия, мало чем отличающиеся от известных из истории земного земледелия. Вот они тащат пики, луки, что-то вроде мушкетов, но позы вовсе не похожи на позы сражающихся — силуэты формализованы и статичны, будто извлечены из глубин египетского искусства. Были там и амарантийские хирурги, и каменотесы, и астрономы (оказывается, этот народ изобрел и зеркальный, и линзовый телескоп, что подтвердили и позднейшие раскопки), и картографы, и стекольщики, и погонщики воздушных змеев, и художники. Под каждой символической фигурой тянулась бимодальная цепочка иероглифов, выполненных золотом и синим кобальтом, которые обозначали род занятий данного персонажа.

— Ни у кого нет крыльев, — сказала Паскаль.

— Верно, — отозвался Силвест. — Если и были раньше, то превратились в руки.

— Но чем тебе не нравится крылатая статуя? Люди тоже никогда не имели крыльев, но это не помешало им придумать ангелов! Меня бы, скорее, удивило, что биологический вид, который когда-то обладал крыльями, так редко упоминает их в своем искусстве.

— Да, конечно, но ты забыла их миф о сотворении мира.

Только в последние годы этот миф — основа основ — стал понятен археологам. Его извлекли из десятка более поздних и

приукрашенных версий. Согласно ему, амарантийцы когда-то делили небесный рай Ресургема с другими, похожими на птиц существами. Но стаи амарантийцев того времени были последними, знавшими радость свободного полета.

Они заключили соглашение с богом, которого звали Творцом Птиц, обменяв умение летать на разум. В тот день они поднимали свои крылья к небесному раю и смотрели, как всепожирающий огонь превращает их в пепел, навсегда лишая амарантийцев способности летать.

Творец Птиц оставил им лишь когтистые обрубки крыльев, бесполезные для полета, но способные служить вечным напоминанием о том, чего они лишились, — и этими обрубками амарантийцы не могли писать свою историю. В их умах тоже бушевало пламя, но то был свет разума. Этот свет, сказал Творец Птиц, будет гореть вечно — если однажды они не нарушат божественную волю, попытавшись вернуть себе небесный рай. Тогда Творец Птиц отнимет души, которые были амарантийцам дарованы в День Сожжения Крыл.

Силвест, конечно, понимал, что это всего лишь попытка культуры поглядеться в зеркало. Что имело особое значение, так это железная логика, пронизавшая всю цивилизацию амарантийцев. У них одна религия победила все остальные и сохранилась на протяжении нескончаемой череды столетий, хоть и имела в разные времена разные толкования. Без сомнения, она сформировала поведение и мышление амарантийцев, и формы эти были подчас исключительно сложны.

— Я поняла, — сказала Паскаль. — Как биологический вид, они не смогли смириться с бескрыльем, вот и создали миф о Творце Птиц, чтобы избавиться от чувства унижения перед птицами, способными летать.

— Да. И пока действовала эта вера, действовал и ее побочный эффект, весьма неожиданный: она удерживает от поиска любых других новых путей полета. Подобно мифу об Икаре, она создала прочную узду для их коллективной психики.

— Но в таком случае... фигура на шпиле...

— Огромный двукрылый салют какому-то богу, в которого они верили.

— Но что их к этому побудило?! — воскликнула Паскаль. — Религии просто умирают потихоньку, мало-помалу сменяясь

новыми. Я не могу представить, что амарантийцы построили целый Город, пойдя на огромные материальные и физические затраты только для того, чтобы нанести оскорбление старому богу!

— Я тоже не могу представить. А значит, нам следует предположить нечто совершенно иное.

— Что именно?

— Что утвердился новый бог. С крыльями.

Вольева решила, что для Хоури пришло время узнать, с чем она будет иметь дело на своей новой должности.

— Держись крепче, — сказала Илиа, когда лифт уже приближался к тайному складу. — В первый раз это мало кому нравится.

— Боже! — воскликнула Хоури, инстинктивно прижимаясь к задней стенке лифта, когда сцена, представшая ее глазам, вдруг как бы многократно расширилась: лифт казался крошечным жучком, ползущим по грани огромного пространства. — Да как это все помещается внутри корабля?!

— Это пустяки. Тут еще четыре помещения столь же колоссальных размеров. Одно предназначено для тренировок перед операциями на планетах. Два пусты или заполнены воздухом под половинным давлением. В четвертом стоят шаттлы, а также средства передвижения внутри эксплуатационных систем. И только этот зал годится для хранения секретных орудий.

— Ты имеешь в виду вон те штуковины?

— Да.

В зале находилось сорок орудий, причем среди них не было двух похожих друг на друга. И в то же время имелись признаки общности происхождения. Все механизмы были сделаны из сплава цвета бронзовой патины. Каждый был со средних размеров космический корабль — но принять его за таковой было невозможно. На корпусах не было ни иллюминаторов, ни люков, ни маркировок, ни выходов коммуникационных систем. Хотя из некоторых торчали трубки маневровых двигателей, они, по-видимому, были нужны только для того, чтобы передвигать орудия с места на место или управлять ими на позиции.

Как будто корабль, вооруженный этими артсистемами, предназначался только для того, чтобы доставлять их на дистанцию прямой наводки.

Все это было в высшей степени странно.

— Машина класса «Ад», — сказала Вольева. — Так ее назвали конструкторы. Конечно, дело было несколько веков назад.

Вольева молча наблюдала за тем, как Хоури дивится титаническим размерам ближайшего орудия. Подвешенное вертикально, соосно кораблю, оно походило на церемониальную шпагу в зале средневекового воинственного барона. Оно, как и соседние орудия, было окружено каркасом, смонтированным кем-то из предшественников Вольевой и дополненным различными устройствами для контроля и маневрирования. Все артсистемы стояли на рельсах, образующих трехмерный лабиринт на нижнем уровне зала. Рельсы уходили куда-то вниз, к воздушным шлюзам в корпусе корабля, через которые орудия можно было вывести в космос.

— Кто же их создал? — спросила Хоури.

— Наверняка мы этого не знаем. Возможно, сочленители в одной из своих мрачных инкарнаций. Нам лишь известно, как их обнаружили — в тайнике на астероиде, который вращался вокруг коричневого карлика, такого невзрачного, что о нем никто ничего не знал, кроме номера в каталоге.

— Ты тоже там была?

— Нет. Это случилось задолго до моего рождения. Я лишь унаследовала их от последнего артиллериста, а он — от своего предшественника. С тех пор я их изучаю. Мне удалось найти подход к контрольным системам тридцати одного орудия, и я установила порядка восьмидесяти процентов кодов, необходимых для их активации. Однако в действии проверила всего семнадцать орудий. Из них только два — в условиях, которые можно назвать боевыми.

— Хочешь сказать, что стреляла из них по врагу?

— Ну, я же все-таки знаю про них кое-что.

Не надо, подумала Вольева, грузить психику Хоури былыми преступлениями. По крайней мере, сейчас. Через какое-то время стажер будет знать эти орудия так же хорошо, как их зна-

ет сама Илиа, а может, и лучше, поскольку изучать их предстоит с помощью вживленных в мозг нейронных датчиков.

— И каков же эффект?

— Некоторые из них могут разбить вдребезги планету. Другие... Не хочу гадать. Я бы не удивилась, узнав, что они способны доставить неприятности даже звездам. И если уж ими пользоваться... — Она оборвала фразу.

— То против кого?

— Против врагов, конечно.

Хоури смотрела на Вольеву несколько долгих безмолвных секунд.

— Даже не знаю, ужасаться ли тому, что такие вещи существуют на свете, или радоваться, что на спуске лежат наши пальцы, а не...

— Конечно лучше радоваться, — сказала Вольева.

Описав несколько кругов, Силвест и Паскаль вернулись к шпилю и зависли. Крылатый амарантиец выглядел точно так же, как и раньше, но сейчас казалось, что он взирает на Город с царственным высокомерием. Было очень соблазнительно предположить, что новый бог и в самом деле прибыл в покоренный Город. А что еще могло подвигнуть горожан на сооружение подобного монумента, как не страх перед божеством? Однако сопроводительный текст на шпиле было безумно трудно перевести.

— Здесь упоминание о Творце Птиц, — сказал Силвест. — Значит, есть шанс, что шпиль имеет отношение к мифу о сожженных крыльях, если даже крылатый бог и не является воплощением Творца Птиц.

— Да, — ответила Паскаль. — А вот и иероглиф огня — совсем рядом с иероглифом, означающим крылья.

— Что еще ты видишь?

Паскаль постаралась сосредоточиться. Текли минуты.

— Тут есть какое-то упоминание о стае отступников.

— Отступников в каком смысле? — Силвест проверял ее знания, она понимала это, но повторение ценно само по себе.

Сделанный ею перевод поможет Силвесту оценить, насколько объективен его собственный анализ.

— Они не согласились на уговор с Творцом Птиц, а может, нарушили этот уговор впоследствии.

— Именно так решил и я. Только беспокоился, не сделал ли при этом парочки ошибок.

— Кто бы они ни были, но их прозвали отлученными. — Паскаль вертела текст и так и этак, проверяя гипотезы одну за другой, на ходу пересматривая свой перевод. — Похоже, они сначала были в стае, которая согласилась на условия Творца Птиц, но позже изменили свое мнение.

— А ты не можешь прочесть имя их вождя?

— Их вела личность по имени... — И тут Паскаль сбилась. — Нет, мне не прочесть с ходу. И вообще, что все это значит? Ты считаешь, они существовали в действительности, что ли?

— Возможно. Осмелюсь предположить, что они были атеистами, которые поняли, что Творец Птиц — всего лишь миф. Конечно, в глазах фундаменталистской части населения это должно было выглядеть далеко не лучшим образом.

— Поэтому их и отлучили?

— Если они вообще существовали. Знаешь, я все думаю: а что, если это была своего рода технологическая секта? Вроде кружка ученых? Что, если эти амарантийцы были готовы экспериментировать, задавать вопросы природе своего мира?

— Подобно средневековым алхимикам?

— Да. — Аналогия понравилась Силвесту. — Возможно, они даже подбирались к экспериментам с полетами, как это делал Леонардо. Учитывая отсталый характер амарантийской культуры, это все равно что плюнуть в глаза самому Господу Богу.

— Согласна. Но если мы признаем, что все это имело место в реальности... что были отлученные... то какая же судьба их постигла? Просто вымерли?

— Не знаю. Ясно одно: отлученные сыграли огромную роль. Они очень важны, это не мелкая деталь в мифе о Творце Птиц! О них упоминается в надписи на шпиле много раз. Да и в других местах этого про́клятого Города. Куда чаще, чем в других амарантийских источниках.

— Но ведь Город появился позже, — возразила Паскаль. — Не считая обелиска-маркера, это самая юная из всех найден-

ных пока древностей. Его можно отнести ко времени События. Почему об отлученных вспомнили после такого долгого перерыва?

— Ну, — ответил Силвест, — может, они просто возвратились?

— Спустя десятки тысяч лет?

— Возможно. — Силвест усмехнулся. — Если они вернулись после долгого отсутствия... это могло стать причиной... создания статуй...

— Тогда статуя... Ты не думаешь, что это мог быть образ их лидера, того, которого звали... — Паскаль ткнула в иероглиф, о котором шла речь раньше. — Ведь это символ солнца, правильно?

— А остальное?

— Я не уверена... Выглядит как иероглиф глагола... «воровать»... Но какая связь?

— Сложи одно с другим. Что получилось?

Силвест молча представил себе ее мучения.

— Тот, Кто Крадет Солнца? Похититель Солнц? Что это значит?

Силвест пожал плечами:

— Об этом я спрашиваю себя с утра. И об этом, и о другом.

— О чем?

— Почему мне кажется, что я уже где-то слышал это имя?

После ЦАПа они отправились, но уже на другом лифте, в самое сердце корабля.

— Ты вела себя правильно, — сказала Мадемуазель. — Вольева искренне верит, что завоевала тебя и что ты на ее стороне.

Мадемуазель почти постоянно была с ними, молча совершая обход корабля под руководством Вольевой и лишь изредка вмешиваясь со своими замечаниями и насмешками, предназначенными для одной Хоури. Это было крайне неприятно Ане, которая никак не могла отделаться от ощущения, что Вольева тоже слышит их бесшумную беседу.

— Возможно, она права, — машинально произнесла Хоури в уме. — Вольева, видать, еще круче, чем ты.

Мадемуазель обозлилась:

— Хоть помнишь, что я тебе говорила?

— Будто у меня есть выбор.

Затыкать рот Мадемуазели, когда она настроилась поговорить, — все равно что гнать от себя привязавшийся мотивчик. Деваться от ее поучений было некуда.

— Слушай, — долдонила Мадемуазель, — если мои контрмеры провалятся, то не возникнет ли у тебя потребность выдать меня ей?

— У меня уже был такой соблазн.

Мадемуазель бросила на Хоури косой взгляд, и та почувствовала мимолетное удовлетворение. В некоторых отношениях Мадемуазель — вернее, ее имплантированная в мозг Хоури личность — казалась всеведущей. Но сверх знаний, заложенных в имплантат изначально, он сейчас может получать только то, что пропускает через свои органы чувств Хоури. Или она даже в отсутствие Аны набирается ума, подключаясь к бортовым коммуникациям? Вряд ли такое возможно без риска попасть под надзор следящих систем.

— Вольева убьет тебя. Она убила своего последнего стажера. Говорю это на случай, если ты сама еще не поняла, с кем...

— Возможно, у нее были достаточно веские причины.

— Ты о ней ничего не знаешь, впрочем, как и обо всех других. Я тоже не знаю. Мы еще даже с капитаном не познакомились.

Вот с этим не поспоришь. Имя капитана Бреннигена несколько раз всплывало в разговорах, когда Садзаки или кто-нибудь другой проявлял неосторожность в присутствии Хоури, но обычно эти люди не говорили о своем командире. Ясно, они же не были ультра в полном смысле этого слова, хоть и старались изо всех сил создать противоположное впечатление. Даже Мадемуазель обманули. Они отлично поддерживали свое реноме, соблюдая все обычаи торговцев — ну точно заправские ультра.

Однако что же прячется за этим фасадом?

«На борту нужен артиллерист», — сказала Вольева сразу. А теперь Хоури повидала кое-какое оружие из имеющегося на корабле. Вообще-то, слухи насчет того, что у торговцев бывает

секретное вооружение, ходили всегда. Якобы оно им необходимо, чтобы успокаивать задиристых клиентов, а то и для пиратских действий против других кораблей. Только артсистемы, которые видела Ана на тайном складе, выглядели слишком мощными, чтобы применять их в мелких стычках, тем более что корабль имел на борту достаточно конвенционного оружия, чтобы с легкостью решать обычные проблемы торговцев. Тогда для чего такой арсенал?

Возможно, Садзаки держит в голове какой-нибудь план дальнего прицела, думала Хоури, и это ее тревожило. Не менее тревожным было и предположение, что никакого плана вообще нет, а загадочные артсистемы Садзаки просто возит с собой, дожидаясь повода применить их. Ну, как хулиган, который шляется по округе с ножом, всегда готовый пустить его в ход.

Неделями Хоури создавала и разрушала различные гипотезы, но так и не нашла достаточно правдоподобную.

Конечно, ее беспокоил не только военный аспект. Она же сама была солдатом, война для нее привычная среда обитания. И хотя Хоури допускала существование иных, менее жестоких граней бытия, война оставалась чем-то родным и близким. Однако приходилось признать, что боевые действия, знакомые ей по Окраине Неба, не шли ни в какое сравнение с теми, в которых могло бы пригодиться оружие с тайного склада.

Хотя Окраина Неба была достаточно тесно связана с межзвездной торговой сетью, средний технологический уровень сражающихся сторон в его войнах на века отстал от уровня технологий ультра, которые иногда становились на околопланетную орбиту. Легко можно было выиграть кампанию, купив у ультра хоть одно орудие. Но таких орудий мало, цены на них огромны, да и обслуживание обойдется дорого.

В истории этой колонии даже ядерное оружие было применено всего несколько раз, и то задолго до рождения Хоури. Она насмотрелась ужасов на войне, потом являвшихся ей в кошмарах, но никогда не видела оружия, способного вызвать мгновенную гибель целой планеты. А пушки Вольевой были еще мощнее.

И возможно, их уже пару раз пускали в ход. Судя по намекам Вольевой, это могли быть пиратские рейды. Ведь существует немало слабозаселенных планетных систем, лежащих в стороне от торговых путей, где врага можно уничтожить начисто и никто ничего не узнает. Причем некоторые из этих гипотетических врагов могут быть так же аморальны, как любой из членов команды Садзаки. Их прошлое может быть замарано актами самой невероятной жестокости. Тогда... да, тогда вполне вероятно, что кое-что из содержимого тайного склада было испытано в подобных ситуациях. Но Хоури подозревала, что это делалось не в миссионерских целях, а для самозащиты или для тактического удара по врагу, чьи ресурсы команде «Ностальгии» были нужны позарез. Самые тяжелые орудия вряд ли были испытаны.

Что дальше планируется делать с этим оружием, на что обрушить их мощь, способную губить целые миры, — пока неясно, может быть, и самому Садзаки. Возможно также, что решающее слово принадлежит не ему. Садзаки все еще служит капитану Бреннигену.

Кто бы ни был этот таинственный капитан.

— Добро пожаловать в ЦАП, — сказала Вольева.

Сейчас они находились где-то посередине корабля. Вольева дистанционно открыла люк в потолке, выдвинула из него складную металлическую лестницу и жестом велела Хоури лезть.

Вскоре голова Хоури приподнялась над полом большой сферической комнаты, набитой всевозможными механизмами; в их конструкции доминировали кривые линии и суставные сочленения. В самом центре этого серебристо-голубоватого нимба стояло почти прямоугольное черное кресло с балдахином, испещренное блестками приборов, к которым было подсоединено хаотичное на вид сплетение проводов. Кресло опиралось на несколько изящных гироскопов, позволявших ему перемещаться независимо от движения корабля. Провода от кресла шли к скользящим контактам, передающим ток между концентрическими слоями сферы, и собирались снаружи в толстенный, с человеческое бедро, кабель. В помещении резко пахло озоном.

Любому устройству на вид смело можно было дать несколько столетий, а некоторые выглядели и куда древнее. Но ухаживали за ними явно на совесть — они просто сверкали чистотой.

— Стало быть, ради этого тут все понастроено?

Хоури пролезла через люк и между изогнутыми ажурными конструкциями скользнула к креслу. При всей своей массивности оно как будто сулило надежность и уют. Хоури не справилась с соблазном и скользнула в него, позволив черной бархатной громаде обнять себя под тихое пение сервомеханики.

— И как ты себя чувствуешь?

— Будто я здесь не первый раз. — Ответ Хоури прозвучал глуховато из-за тяжелого шлема, опустившегося ей на голову.

— А это так и есть, — ответила Вольева. — Ты была тут, но до того, как пришла в себя. Имплантат, помещенный в твой мозг, тоже знает дорогу сюда, да и с ЦАПом он знаком.

Вольева говорила правду. Хоури ощущала это кресло как мебель, среди которой выросла, как вещь, на которой ей знакома каждая царапина, каждая складочка. Она была спокойной и бодрой, словно после долгого отдыха; ей хотелось что-то сделать, как-то использовать силу, получаемую от кресла. Это желание росло с каждой секундой.

— Я могу отсюда управлять орудиями с тайного склада? — спросила она.

— А для чего еще ты нужна на этом корабле? — ответила Вольева. — И не только орудиями с тайного склада ты будешь управлять из этого поста, но и всем артиллерийским вооружением «Ностальгии», и с такой легкостью, словно каждая пушка является частью твоего организма. Когда полностью подчинишь себе ЦАП, покажется, что ты растешь, расширяешься, готовая вместить в себя весь корабль.

Хоури уже начала ощущать что-то в этом роде. Во всяком случае, казалось, будто она растекается по креслу. Но ей не хотелось, чтобы это ощущение, сколь бы приятным оно ни было, затянулось надолго.

Сделав волевое усилие, она попыталась встать, и мягкие складки кресла отпустили ее.

— Не уверена, что мне это нравится, — сказала Мадемуазель.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На пути к Дельте Павлина, год 2546-й

Из-за постоянных незначительных изменений в искусственной силе тяжести, вызываемых слабыми колебаниями тяги, в свою очередь порождаемыми таинственными причудами квантов во внутренностях субсветовых двигателей, Вольева ни на миг не забывала, что находится на борту корабля.

Она вышла к укромной поляне и помедлила возле ржавой лесенки, которая вела вниз, к свежей траве. К месту, выбранному ею и Садзаки для неформальных встреч.

Если Садзаки и заметил ее появление, то ничем этого не выдал. Он как стоял, так и стоит на коленях возле уродливого пня. Вольевой было известно, что Садзаки посещал жонглеров образами на водяной планете Морская Пена, сопровождая Бреннигена, когда капитан еще мог покидать корабль. Она не знала цели этой поездки, как не знали и оба мужчины, но ходили слухи, что жонглеры что-то сделали с корой их головного мозга, невероятно усилив ощущение пространства, дав способность мыслить в четырех-пяти измерениях. Причем раньше таких усовершенствований с людьми жонглеры не делали практически никогда.

Так что не ощущать присутствия Вольевой, конечно же, Садзаки не мог.

Вольева спустилась по лесенке, сильнее чем надо наступив на последнюю ступеньку. Садзаки повернулся на звук без малейшего удивления на лице.

— Есть новости? — спросил он.

— Есть, насчет нашей ставленницы, — ответила она. Вдруг почему-то выскочило русское слово. — Я имею в виду стажерку.

— Рассказывай, — небрежно бросил Садзаки.

Он был одет в серое, как пепел, кимоно. Роса с травы пропитала штаны до колен, сделав их черными, как маслина. Свою сякухати Садзаки положил на пень, отполированный до блеска локтями. Из всей команды сейчас бодрствовали только он и Вольева. Им предстояло лечь в криокапсулу в двух месяцах пути от Йеллоустона.

— Она теперь наша, — сказала Вольева, становясь на колени напротив Садзаки. — Основа ее приобщения заложена.

— Что ж, рад слышать.

Над лужайкой пролетел попугай ара, сел и тут же взлетел с ветки — настоящая маленькая радуга.

— Мы можем представить ее капитану Бреннигену.

— Сейчас время неподходящее, — сказал Садзаки, разглаживая кимоно. — Или у тебя какие-то особые соображения?

— Насчет знакомства Хоури с капитаном? — Она нервно хмыкнула. — Да нет.

— Значит, это и впрямь серьезно.

— Ты о чем?

— О том, Илиа, что у тебя на уме. Выкладывай.

— Меня беспокоит Хоури. Я не хочу подвергать ее риску. Хватит с нас Нагорного и его психозов. — Она остановилась, ожидая — нет, надеясь, — что Садзаки как-то отреагирует. Но единственным ответом был шум водопада и полное отсутствие выражения на лице второго триумвира. — Понимаешь, — продолжала она, едва не заикаясь от волнения, — я уже не уверена, что она на данной стадии является подходящим объектом.

— На данной стадии? — Садзаки спросил так тихо, что Вольевой едва не пришлось читать по губам.

— Я имею в виду, что она входит в ЦАП сразу после Нагорного. Это слишком опасно. Думаю, Хоури для нас слишком ценна, чтобы так рисковать. — Она помолчала, собираясь сказать самое трудное. — Наверное, стоит найти еще одного стажера, не такого одаренного. На этом промежуточном объекте я сниму все оставшиеся шероховатости, прежде чем снова заняться с Хоури, с нашим главным кандидатом.

Садзаки поднял сякухати и задумчиво поглядел вдоль нее. На конце бамбука был заусенец — возможно, след от удара по голове Хоури. Ультра потрогал его большим пальцем, пригладив к стволу.

Когда он заговорил, голос был так спокоен, что казался страшнее самого дикого гнева.

— Итак, ты предлагаешь искать нового стажера?

Фраза прозвучала так, будто сказанное Вольевой — самая абсурдная, самая идиотская чушь, которую ему когда-либо приходилось слышать.

— Только для промежуточного этапа, — ответила Вольева, чувствуя, что торопится и ненавидит себя за это, презирает за неожиданное заискивание перед этим человеком. — Пока ситуация не стабилизируется. И тогда мы снова используем Хоури.

Садзаки кивнул:

— Что ж, вроде разумно. Один Бог знает, почему мы не подумали об этом раньше. Разве что у нас было слишком много других причин для беспокойства. — Он положил сякухати, но не убрал с него руку. — Этого не поправить. Значит, остается только найти нового стажера. Это ведь не слишком трудная задача? Хоури мы нашли почти не напрягаясь, я правильно говорю? Да, мы уже два месяца летим среди звезд, и наш следующий порт — приграничный поселок, известный только картографам, но я не вижу проблем с поиском нужного человека. Наверное, желающих придется отгонять целыми толпами, а ты как думаешь?

— Постарайся быть благоразумным, — сказала Вольева.

— В чем же я проявляю неблагоразумие, триумвир?

Еще мгновение назад Вольева была напугана, но теперь она разозлилась.

— Ты сильно изменился, Юдзи-сан, — ответила она. — Не с тех ли пор, как...

— С каких именно пор?

— С тех самых, как вы с капитаном побывали у жонглеров. Что с вами там произошло, Юдзи? Что с твоей головой сделали инопланетяне?

Он странно посмотрел на нее. Посмотрел так, будто этот вопрос был очень важен, но он сам не догадался задать его себе. Разумеется, это был всего лишь обманный ход. Садзаки с такой быстротой взмахнул сякухати, что Вольева уловила лишь вихрь, окрашенный в цвет меда. Удар был сравнительно слаб, — видимо, в последний момент Садзаки все же удержал руку, но врезавшаяся в ребра бамбуковая палка повалила Вольеву. Сначала ее поразила не боль, даже не шок от удара, а колючая, холодная влажность травы и ее запах, щекотавшей ноздри.

Садзаки лениво обошел пень.

— Ты всегда задаешь слишком много вопросов, — сказал он, вытаскивая что-то из складок кимоно.

Это что-то вполне могло быть шприцем.

Силвест с замиранием сердца нашаривал в кармане флакон и был уверен, что не найдет.

И все же флакон оказался на месте. Маленькое чудо.

Внизу толпа сановников и священнослужителей втекала в амарантийский Город, медленно направляясь к центральному храму. Их разговоры достигали слуха Силвеста, хотя он успевал понять лишь пару-другую слов, пока говорившие находились в зоне слышимости. Сам он стоял в нескольких десятках метров над ними, на балюстраде, построенной уже людьми. Она крепилась к черной стене, — подобная яичной скорлупе, та охватывала весь город.

Это был день его свадьбы.

Он многократно видел храм в компьютерных имитациях, но сам так давно здесь не был, что почти забыл, насколько огромное это сооружение. С виртуальными моделями всегда так — как бы точны они ни были, исследователю не отделаться от мысли, что это все же не реальность. Сейчас Силвест стоял под крышей храма и смотрел вверх, где в сотнях метров над головой сходились косые каменные арки, и не чувствовал ни головокружения, ни страха при мысли, что эта многотысячелетняя конструкция прямо сейчас рухнет ему на голову.

В это второе за свою жизнь посещение Погребенного Города он испытывал унизительное чувство собственной незначительности.

Яйцо, в котором покоился Город, было само по себе колоссальным до абсурда, но оно, по крайней мере, являлось продуктом вполне узнаваемой зрелой технологии, хотя увлажнисты этот факт предпочли игнорировать. Город же, заключенный в яйце, выглядел как плод горячечного воображения фантаста пятнадцатого века. Особенно поражала крылатая фигура на шпиле.

Чем дольше смотрел Силвест, тем сильнее ему казалось, что все это создано ради одной цели — отпраздновать возвращение отлученных.

Может, и не было смысла ломать над этим голову. Но, по крайней мере, рассуждения о Городе позволяли Силвесту отвлечься от предстоящей ему самому церемонии.

Чем дольше он смотрел, тем лучше понимал, вопреки своему первому впечатлению, что эта крылатая фигура — и вправду амарантиец, точнее, помесь амарантийца и ангела, изваянная скорее ученым, чем художником. Этот скульптор очень хорошо представлял, что влечет за собой появление крыльев. Если смотреть обычными глазами, лишенными специальных оптических устройств, эта фигура поразительно похожа на крест. При увеличении же крест превращается в амарантийца с мощными распростертыми крыльями. Эти крылья были покрыты разными амальгамами, каждое маховое перо горело на солнце своим собственным цветом. Как и в любом изображении земного ангела, крылья не заменяли руки, а были третьей равноправной парой конечностей.

Только этот ангел был куда реальнее других, которых доводилось видеть Силвесту. Правда, кому-то могла показаться абсурдной такая анатомическая правильность. Скульптор не просто присоединил крылья, он слегка изменил физическое строение тела. Руки, предназначенные для работы, переместил чуть ниже по торсу, а также слегка удлинил. Грудная клетка стала шире; бросалась в глаза похожая на ярмо часть костно-мышечной системы, раздвинувшая плечи. От этого-то «ярма» и отходили крылья, что придавало фигуре почти треугольную форму, напоминавшую воздушного змея. Шея была длинной, а голова — вытянутой, очень похожей на птичью. Глаза, посаженные в глубокие костистые глазницы, глядели вперед, хотя, как и у всех амарантийцев, бинокулярность зрения была ограниченной. Ноздри над верхней челюстью были широко раскрыты, будто для того, чтобы обеспечить приток к легким воздуха, необходимого для работы крыльев.

Но не все в фигуре казалось правильным. Допуская, что масса тела этого ангела равна массе тела среднего амарантийца, приходилось признать, что даже такие мощные крылья не способны обеспечить полет. Так зачем же они понадобились? Для украшения? Неужели отлученные подверглись радикальной биоинженерии только для того, чтобы обременить себя чудовищно непрактичными крыльями?

Или у них была какая-то другая цель?

— Возникли сомнения? — оторвал чей-то голос Силвеста от размышлений. — Вам уже не кажется, что это была удачная мысль?

Силвест отвернулся от балюстрады, обращенной к Погребенному Городу:

— Похоже, мне уже поздновато высказывать сомнения.

— В день свадьбы? — Жирардо усмехнулся. — Отчего же, Дэн. Вы еще не сели крепко-накрепко на мель, в любой момент можете дать задний ход.

— И как бы вы к этому отнеслись?

— Полагаю, что очень плохо.

Жирардо был в накрахмаленной парадной одежде, щеки слегка покраснели от несомых ветром песчинок. Он взял Силвеста под локоть и увел от перил.

— Сколько лет мы дружим, Дэн?

— Я не назвал бы это дружбой. Скорее, взаимное паразитирование.

— Да бросьте, — как будто огорчился Жирардо. — Неужели считаете, что в последние двадцать лет я причинил вам хоть одно неудобство, которого не требовала железная необходимость? Думаете, я сильно радовался, держа вас под замком?

— Скажем так: вы взялись за это дело не без энтузиазма.

— Только потому, что заботился о ваших интересах.

Они сошли с балкона в низкий тоннель из тех, что пронизывали оболочку вблизи Города. Мягкое покрытие пола глушило шаги.

— А кроме того, — продолжал Жирардо, — если вы сами не в курсе, Дэн, я скажу, что в тот момент народ жаждал крови. Не окажись вы моими стараниями в каталажке, вас бы просто разорвали в клочья.

Силвест промолчал. Многое из услышанного было теоретически верно, но это вовсе не означало, что Жирардо руководствовался тогда исключительно благородными мотивами.

— Политическая ситуация была в те времена куда проще. Ведь тогда еще не было «Истинного пути», который сейчас причиняет нам столько неприятностей.

Они достигли шахты лифта и вошли в кабину, новую и чистую, как операционная. На стенах висели фотографии и рисунки, изображающие различные пейзажи Ресургема до и после природоохранных мероприятий, проведенных правительством. Среди прочих был и снимок Мантеля.

Столовая гора, на которой стоял поселок, утопала в зелени, с ее вершины низвергался водопад, на горизонте виднелось голубое, с перьями облаков небо. В Кювье возникла целая индустрия пиара будущего Ресургема, и в нее ринулись многие — от художников-акварелистов до специалистов по сенсорному моделированию и рендерингу.

— С другой стороны, — продолжал Жирардо, — среди ученых тоже есть радикальные элементы, приходящие в бешенство из-за пустяков. Не далее как неделю назад в Мантеле застрелили одного функционера «Истинного пути», и уверяю вас, это не наш агент постарался.

Силвест чувствовал, что лифт почти достиг уровня Города.

— Что вы сказали?

— Я сказал, что фанатики есть по обе стороны баррикады. И мы с вами уже кажемся наиболее умеренными. Грустно, не правда ли?

— Хотите сказать, радикализация идет с обоих концов?

— Что-то в этом роде.

Они вышли из источенной тоннелями оболочки Города к толпе журналистов, проверявших в последние минуты готовность аппаратуры. Репортеры в пестрых очках гоняли свои камеры по воздуху, как тусклые воздушные шарики. Кругами ходил генетически измененный павлин Жанекена, что-то склевывая на земле, и с шелестом тащил сложенный хвост. Вперед выступили два охранника с золотыми эмблемами увлажнистов на плече, окруженные нарочито грозными энтоптиками. За ними брели роботы-слуги. Охранники провели полное сканирование Силвеста и Жирардо, а затем жестом направили их к небольшому временному сооружению, поставленной неподалеку от похожего на гнездо скопления амарантийских жилых строений.

Внутри временного сооружения было пусто, если не считать стола и двух простых стульев. На столе стояла бутылка красного вина — наследие эпохи Американо — и два стеклянных бокала с инкрустированными матовыми пейзажами.

— Садитесь, — сказал Жирардо. Сам он обошел стол и наполнил бокалы. — Не понимаю, почему вы так страшно нервничаете. Не в первый же раз женитесь.

— В четвертый.

— И все по обычаям Йеллоустона?

Силвест кивнул. Он вспомнил два первых брака, женщин, которых даже трудно было различить в памяти. Обе они завязли под гнетом известности, которую принесла им фамилия Силвест. Наоборот, его женитьба на третьей, Алисии, с самого начала планировалась как общественно значимое событие. Она привлекла внимание к близящейся экспедиции на Ресургем и обеспечила этому мероприятию дополнительное денежное вливание, которого как раз и не хватало. Тот факт, что новобрачные были влюблены, почти не имел значения — приятный довесок к главным причинам.

— У вас в голове накопилось много лишнего багажа, — сказал Жирардо. — Вам никогда не хотелось, чтобы перед каждой женитьбой можно было избавляться от прошлого?

— Вам наша церемония покажется необычной.

— Возможно, — отозвался Жирардо, стирая красную жидкость с губ. — Видите ли, я никогда не принадлежал к йеллоустонской культуре.

— Но вы же вместе с нами прибыли с Йеллоустона.

— Да, но родился я не там. Моя семья происходит с Гранд-Титона. Я прибыл на Йеллоустон за семь лет до отправки экспедиции на Ресургем. Поэтому времени, чтобы приобщиться к тамошним традициям, у меня было маловато. А вот моя дочь Паскаль ничего, кроме йеллоустонского общества, не знала. Или, во всяком случае, кроме той его версии, которую мы сюда привезли. — Он понизил голос. — Я так понимаю, флакон должен быть при вас? Разрешите взглянуть на него.

— Вряд ли я могу вам в этом отказать.

Силвест вынул стеклянный цилиндрик, который носил с собой весь день, и протянул Жирардо. Тот нервно повертел флакон в руках, наклоняя в разные стороны, следя за пузырьками, перемещавшимися, как в ватерпасе. Что-то темное висело в этой жидкости, волокнистое и раскидистое.

Он осторожно поставил флакончик, и тот тонко звякнул, будто ударился о хрустальную столешницу. Жирардо смотрел на него с плохо скрываемым ужасом.

— Это больно?

— Конечно нет. Мы же не садисты, как вам известно. — Силвест улыбнулся, втайне радуясь, что Жирардо не по себе. — Может, вы предпочли бы обменяться со мной верблюдами?

— Уберите.

Силвест положил флакон в карман.

— Ну а теперь скажите, Нильс, кто тут нервничает.

Жирардо налил себе еще вина.

— Извините. Охранники в последнее время очень беспокоятся. Не знаю, что их волнует, но это передается и мне.

— Я ничего такого в поведении охраны не заметил.

— А вам и не положено. — Жирардо пожал плечами; движение начиналось где-то от живота. — Говорят, что все в норме, но за двадцать лет я изучил их куда лучше, чем им кажется.

— Зря беспокоитесь. Ваши милиционеры — ловкие ребята.

Жирардо мотнул головой, будто надкусил ужасно кислый лимон.

— Не думаю, Дэн, что отношения между нами когда-нибудь станут нормальными. Но почему все свои сомнения вы трактуете против меня? — Он кивнул на открытую дверь. — Разве я не дал вам сюда полный доступ?

Да, но это привело лишь к одному результату: заменило десяток вопросов тысячью других.

— Нильс, — спросил Силвест, — в каком состоянии сейчас ресурсы колонии?

— Вы о чем?

— Я знаю, что положение изменилось после того, как прилетал Ремиллиод. То, что в мое время было бы немыслимо... сейчас это можно сделать, была бы политическая воля.

— Что, например? — подозрительно спросил Жирардо.

Силвест снова полез в карман, но вместо флакона вынул листок бумаги и развернул перед Жирардо:

— Вы узнаете этот чертеж? Мы нашли его на обелиске, а здесь он встречается по всему Городу. Это схема солнечной системы амарантийцев, сделанная ими же.

— После того как я увидел этот Город, мне почему-то легче верится в то, во что раньше не верилось совсем.

— В четвертый.

— И все по обычаям Йеллоустона?

Силвест кивнул. Он вспомнил два первых брака, женщин, которых даже трудно было различить в памяти. Обе они завяли под гнетом известности, которую принесла им фамилия Силвест. Наоборот, его женитьба на третьей, Алисии, с самого начала планировалась как общественно значимое событие. Она привлекла внимание к близящейся экспедиции на Ресургем и обеспечила этому мероприятию дополнительное денежное вливание, которого как раз и не хватало. Тот факт, что новобрачные были влюблены, почти не имел значения — приятный довесок к главным причинам.

— У вас в голове накопилось много лишнего багажа, — сказал Жирардо. — Вам никогда не хотелось, чтобы перед каждой женитьбой можно было избавляться от прошлого?

— Вам наша церемония покажется необычной.

— Возможно, — отозвался Жирардо, стирая красную жидкость с губ. — Видите ли, я никогда не принадлежал к йеллоустонской культуре.

— Но вы же вместе с нами прибыли с Йеллоустона.

— Да, но родился я не там. Моя семья происходит с Гранд-Титона. Я прибыл на Йеллоустон за семь лет до отправки экспедиции на Ресургем. Поэтому времени, чтобы приобщиться к тамошним традициям, у меня было маловато. А вот моя дочь Паскаль ничего, кроме йеллоустонского общества, не знала. Или, во всяком случае, кроме той его версии, которую мы сюда привезли. — Он понизил голос. — Я так понимаю, флакон должен быть при вас? Разрешите взглянуть на него.

— Вряд ли я могу вам в этом отказать.

Силвест вынул стеклянный цилиндрик, который носил с собой весь день, и протянул Жирардо. Тот нервно повертел флакон в руках, наклоняя в разные стороны, следя за пузырьками, перемещавшимися, как в ватерпасе. Что-то темное висело в этой жидкости, волокнистое и раскидистое.

Он осторожно поставил флакончик, и тот тонко звякнул, будто ударился о хрустальную столешницу. Жирардо смотрел на него с плохо скрываемым ужасом.

— Это больно?

— Конечно нет. Мы же не садисты, как вам известно. — Силвест улыбнулся, втайне радуясь, что Жирардо не по себе. — Может, вы предпочли бы обменяться со мной верблюдами?

— Уберите.

Силвест положил флакон в карман.

— Ну а теперь скажите, Нильс, кто тут нервничает.

Жирардо налил себе еще вина.

— Извините. Охранники в последнее время очень беспокоятся. Не знаю, что их волнует, но это передается и мне.

— Я ничего такого в поведении охраны не заметил.

— А вам и не положено. — Жирардо пожал плечами; движение начиналось где-то от живота. — Говорят, что все в норме, но за двадцать лет я изучил их куда лучше, чем им кажется.

— Зря беспокоитесь. Ваши милиционеры — ловкие ребята.

Жирардо мотнул головой, будто надкусил ужасно кислый лимон.

— Не думаю, Дэн, что отношения между нами когда-нибудь станут нормальными. Но почему все свои сомнения вы трактуете против меня? — Он кивнул на открытую дверь. — Разве я не дал вам сюда полный доступ?

Да, но это привело лишь к одному результату: заменило десяток вопросов тысячью других.

— Нильс, — спросил Силвест, — в каком состоянии сейчас ресурсы колонии?

— Вы о чем?

— Я знаю, что положение изменилось после того, как прилетал Ремиллиод. То, что в мое время было бы немыслимо... сейчас это можно сделать, была бы политическая воля.

— Что, например? — подозрительно спросил Жирардо.

Силвест снова полез в карман, но вместо флакона вынул листок бумаги и развернул перед Жирардо:

— Вы узнаете этот чертеж? Мы нашли его на обелиске, а здесь он встречается по всему Городу. Это схема солнечной системы амарантийцев, сделанная ими же.

— После того как я увидел этот Город, мне почему-то легче верится в то, во что раньше не верилось совсем.

— Отлично. Тогда выслушайте меня. — Силвест провел пальцем по самой большой окружности. — Это орбита нейтронной звезды — Гадеса.

— Гадеса?

— Это имя было дано, когда мы впервые картировали систему. Вокруг звезды мотается еще один здоровенный кусок камня, планетоид размером с типичную луну. Его назвали Цербером. — Он ткнул пальцем в сплетение линий, изображавших систему «нейтронная звезда — планетоид». — Почему-то это было очень важно для амарантийцев. Я думаю, все это имеет отношение к Событию.

Жирардо театральным жестом схватился за голову. Потом искоса поглядел на Силвеста:

— Вы это серьезно?

— Да. — Тщательно, не отводя взгляда от Жирардо, тот сложил бумагу и спрятал в карман. — Нам надо исследовать эту систему и узнать, что именно уничтожило амарантийцев. Пока оно не уничтожило и нас.

Войдя в каюту Хоури, Садзаки и Вольева велели ей одеться потеплее. Хоури заметила, что они и сами были одеты плотнее обычного. Вольева была в застегнутой на молнию летной куртке, Садзаки — в костюме из термоткани, с высоким воротом и нашитыми кусками гипералмазной пленки.

— Я что-то напортачила? — спросила Хоури. — Набрала мало баллов при имитации боя? Вы хотите выбросить меня в шлюз?

— Не говори глупостей. — У Садзаки только лоб и нос выглядывали из мехового воротника. — Если бы мы собирались тебя убить, стали бы мы заботиться, чтобы ты не простудилась?

— Кроме того, — сказала Вольева, — твое обучение уже давно закончилось. Ты теперь у нас ценный ресурс. Убить тебя — значит самим себе хуже сделать.

Из-под опущенного козырька ее ушанки виднелись только нос и подбородок. Вольева как бы дополняла Садзаки — они вдвоем составляли одно непроницаемое лицо.

— Как приятно, что вы обо мне заботитесь.

Все еще не вполне успокоившаяся — возможность того, что товарищи по экипажу задумали какую-то подлость, продолжала казаться весьма вероятной, — Хоури порылась среди своих вещей и нашла термокуртку. Она была изготовлена на корабле и походила на клоунский наряд Садзаки, только Ане почти доставала до колен.

Хоури отвезли в ту часть корабля, которую она не знала совершенно. Пришлось несколько раз пересаживаться с лифта на лифт и ехать по узким пересекающимся тоннелям. Это, как объяснила Вольева, было связано с тем, что вирус разрушил большие участки внутренней транспортной системы. Отсеки, по которым пришлось идти, слегка отличались декором и уровнем технологии, будто вся эта часть корабля была брошена на разных стадиях строительства сотни лет назад. Хоури все еще нервничала, но что-то в поведении Садзаки и Вольевой подсказывало: следует ждать скорее какой-нибудь церемонии посвящения, чем хладнокровного убийства. Больше всего они напоминали пару детей, задумавших шалость, — во всяком случае, ребенка напоминала Вольева, а Садзаки действовал и говорил куда более взвешенно, будто чиновник, выполняющий неприятную, но необходимую обязанность.

— Поскольку теперь ты член нашего коллектива, — сказал он, — настало время чуть больше узнать о ситуации. Может быть, тебе интересна и причина нашего полета к Ресургему.

— Я думала, что торговые интересы...

— Это лишь прикрытие, да и не слишком надежное, говоря откровенно. Ведь Ресургем в экономическом отношении почти ноль. Ничтожный форпост для проведения научных исследований. Купить у нас он почти ничего не может. Конечно, наши данные о Ресургеме изрядно устарели; не исключено, что мы, добравшись туда, займемся и торговлей. Но это далеко не главная причина рейса.

— А какова главная?

Лифт, в котором они спускались, медленно сбрасывал скорость.

— Говорит ли тебе что-нибудь имя Силвест? — спросил Садзаки.

Хоури изо всех сил притворялась, будто для нее это самый обыденный вопрос, а не такой, от которого в мозгу вспыхивает магниевый порошок.

— Еще бы. На Йеллоустоне все знают Силвеста. Для тамошнего населения он почти что бог. Или дьявол. — Она надеялась, что голос звучит нормально. — Хотя... подождите... какого Силвеста вы имеете в виду? Старика, который затеял всю эту чушь с бессмертием? Или его сына?

— Вообще-то, обоих, — ответил Садзаки.

Лифт с лязгом остановился. Когда двери распахнулись, Хоури как будто ударили по лицу мокрой холодной тряпкой. Она с благодарностью вспомнила совет одеться потеплее, хотя это не спасло от леденящего последнего вопроса.

— Дело в том, что они не были настоящими негодяями, — продолжала она. — Лореан, отец старика... он и после смерти почитается за героя, а старик... Как же его звали?

— Кэлвин.

— Точно. Даже после того, как он погубил всех этих людей... Потом был еще его сын Дэн. Он пытался исправить причиненное отцом зло с помощью затворников. — Хоури дернула плечом. — Меня там, конечно, не было в те времена. Я знаю лишь то, что говорят люди.

Садзаки вел женщин коридорами, залитыми мрачным серо-зеленым светом. Огромные крысы — наверное, мутанты — мчались прочь, заслышав приближающиеся шаги. Потом было место, чем-то напоминавшее трахею дифтерийного больного, — коридорчик, заполненный желеобразной грязной массой искусственного льда, пронизанный венами трубопроводов и кабелей, скользкий от чего-то похожего на человеческую харкотину. Вольева называла это корабельной слизью — органическое вещество было вызвано к жизни неполадками системы регенерации в прилегающих отсеках корабля.

Хоури слизь была нипочем, чего нельзя сказать о холоде.

— Роль Силвестов в нашем деле весьма сложна, — сказал ей Садзаки. — Чтобы объяснить ее подробно, потребуется время. А сейчас я хочу познакомить тебя с капитаном.

Силвест все осмотрел лично, проверяя, не забыто ли что-нибудь серьезное. Удовлетворенный, он выключил изображение и присоединился к Жирардо в прихожей сборного домика. Музыка взлетела крещендо, а затем упала до почти невнятного бормотания. Изменилось освещение, голоса присутствующих понизились до шепота.

Силвест и Жирардо вышли на яркий свет, в басовое гудение орга́на. Извилистая дорожка вела к центральному храму, застеленному коврами ради торжественного случая. Дорогу окаймляли деревья с колокольчиками, накрытые защитными куполами из прозрачного пластика. Эти звенящие деревья представляли собой веретенообразные скульптуры, чьи многочисленные «руки» заканчивались кривыми разноцветными зеркалами. Когда-то они звенели и меняли свою конфигурацию, повинуясь древнему часовому механизму, скрытому в пьедестале. Сейчас ученые склонялись к выводу, что деревья — часть сигнальной системы, охватывавшей весь город.

Орган зазвучал громче, когда Силвест и Жирардо вступили в храм. Его яйцеобразный купол украшали пластины тщательно обработанного цветного стекла, похожие на огромные цветочные лепестки.

Они чудесным образом уцелели, несмотря на коварное воздействие времени и силы тяжести. Проникавшие сквозь них лучи, казалось, пронизывали весь храм успокаивающим розовым сиянием. Центральную часть огромного зала занимало основание шпиля, поднимавшегося над храмом. Оно было высоким и толстым, как ствол секвойи. Скамьи для сотни наиболее знатных жителей Кювье веером расходились от этого гигантского ствола.

Силвест обвел взглядом зрителей, треть которых ему была хорошо знакома, а процентов десять составляли его друзья и соратники. Зрители были одеты тепло, по-зимнему, в меха. Силвест узнал Жанекена с его серебристо-белой козлиной бородкой и белыми волосами, водопадом сбегающими с боков почти лысого черепа. Он стал еще больше похож на старую обезьяну.

Некоторые из птиц Жанекена тоже присутствовали в зале — их выпустили из дюжины бамбуковых клеток. Силвесту

пришлось признать, что Жанекен вывел точные копии павлинов, вплоть до гребешков на головах и ярких бирюзовых плюмажей. Их создали из кур путем сложнейших манипуляций с генами.

Аудитория, почти не знакомая с работой Жанекена, громко аплодировала. Жанекен же краснел, отчего кожа его лица уподоблялась окровавленному снегу, — и готов был от смущения навсегда утонуть в своей парчовой, с меховым подбоем куртке.

Жирардо и Силвест подошли к прочному столу, на который было направлено внимание всей аудитории. Стол был древний — вырезанный на нем орел и латинские письмена восходили к временам первых американских поселенцев на Йеллоустоне. На углах виднелись сколы. На столе стоял мореного красного дерева ящик с крышкой, запертый на золотые изящные защелки старинной работы.

Позади стола скромно стояла женщина, одетая в сине-белое вечернее платье. Застежка на платье представляла собой сложную комбинацию двойного герба — Ресургем-Сити и увлажнистов — с эмблемой миксмастеров: две руки, держащие «кошкину колыбель» ДНК. Женщина, как это было хорошо известно Силвесту, не принадлежала к числу настоящих миксмастеров. Из этой гильдии йеллоустонских биоинженеров и генетиков никто не участвовал в экспедиции на Ресургем. Однако их символ, привезенный сюда, выражал веру в науки, связанные с изучением жизни: генную инженерию, хирургию и терапию.

Неулыбчивое лицо женщины в розовом свете казалось землистым. Волосы были собраны в пучок, пронзенный двумя шприцами.

Музыка стихла.

— Я ординатор Мэссинджер, — разнесся по всему залу голос женщины. — Властью, данной мне Ресургемским экспедиционным советом, я могу заключать браки между жителями этого поселения в том случае, если такие союзы не входят в конфликт с генетическими правилами колонии.

Ординатор открыла ларец красного дерева. Там лежал переплетенный в кожу предмет размером с Библию. Женщина вы-

нула его и раскрыла, при этом раздался треск сухой кожи. Открывшиеся поверхности имели матово-серый цвет, как у сланца, смоченного водой. На них поблескивали микроскопические механизмы.

— Положите ладони на ближайшую к вам страницу, джентльмены.

Оба положили руки на ближайшую поверхность. Последовала флюоресцентная вспышка, — это означало, что книга приняла отпечатки ладоней. Затем раздался звонок: биопсия сделана. Когда операция закончилась, Мэссинджер взяла книгу и приложила к ней свою ладонь.

Затем ординатор попросила Жирардо перед лицом присутствующих объявить, кто он. Силвест видел, как по лицам пробежали улыбки. В этом зрелище было нечто абсурдное, хотя Жирардо всячески старался вести себя как ни в чем не бывало.

Затем такая же просьба была адресована Силвесту.

— Дэниел Кэлвин Лореан Силвест. — Своим полным именем он пользовался так редко, что пришлось поднапрячься, чтобы не ошибиться. — Единственный биологический сын Розалии Сютейн и Кэлвина Силвеста, родившийся в Городе Бездны на Йеллоустоне. Я родился семнадцатого января сто двадцать первого стандартного года после второго заселения Йеллоустона. Мой календарный возраст двести двадцать три года. Если же считать с учетом специальных медицинских процедур, то физический возраст составляет шестьдесят лет по шкале Шарова.

— Каковы ваши реализации?

— Насколько мне известно, я реализован лишь в одном воплощении, в той биологической форме, которая делает это заявление.

— Тем самым вы подтверждаете, что вам неизвестны ваши реализации в виде записей альфа-уровня либо иных тьюринговых симулякров, как в этой, так и в иных солнечных системах?

— Мне неизвестно о существовании таких объектов.

Мэссинджер сделала в своей книге несколько пометок специальным стилосом. Точно такие же вопросы были заданы и Жирардо — стандартные параграфы церемонии Йеллоустона.

Со времен Восьмидесяти йеллоустонцы крайне подозрительно относились к компьютерным моделям вообще, и в частности к таким, которые несли в себе реализацию личностной души. Особенно им не нравилась возможность того, что некая реализация личности — биологическая или иная — может заключать контракты, ничем не обязывающие другие реализации, в том числе брачный контракт.

— Все это документально подтверждено, — произнесла Мэссинджер. — Невесте разрешается подойти.

В розовом свете возникла Паскаль. Ее сопровождали две женщины, закутанные в мантильи цвета пепла, множество летающих камер, личных телохранителей — механических ос, а также бесчисленные полупрозрачные энтоптики — нимфы, серафимы, летучие рыбы, колибри, росяные капли и бабочки, как бы лившиеся нескончаемым потоком по платью новобрачной. Это было дело рук лучших мастеров-иллюзионистов Кювье.

Жирардо поднял толстые, как окорока, руки и поманил дочь к себе.

— Ты прелестна, — шепнул он ей.

То, что наблюдал Силвест, было красотой, доведенной до компьютерного совершенства. Он знал, что Жирардо видит нечто иное — настоящее, мягкое, человечное. Как будто один из них смотрел на живого лебедя, а другой — на его хрустальную фигурку.

— Положите руку на книгу, — сказала ординатор.

Отпечаток влажной ладони Силвеста был все еще виден — как темная каемка моря вокруг оставленного Паскаль светлого островка. Ординатор попросила ее объявить о своем происхождении подобно тому, как это сделали Силвест и Жирардо. Задача Паскаль была проще, она не только родилась на Ресургеме, но и никогда не покидала эту планету. Ординатор Мэссинджер запустила руку в шкатулку еще глубже. Пока она копалась там, глаза Силвеста рыскали по лицам свидетелей церемонии. Он видел Жанекена, чье лицо было еще бледнее обычного, что казалось почти невозможным. Там, в глубине шкатулки, лежал отполированный до голубого блеска

инструмент — нечто среднее между старинным пистолетом и ветеринарным шприцем.

— Узрите же свадебный пистолет, — сказала ординатор, показывая залу содержимое шкатулки.

Холод пронизывал до костей, но Хоури вскоре перестала его замечать — температура превратилась для нее просто в абстрактное качество здешней атмосферы. История, которую ей рассказали товарищи по экипажу, была слишком удивительной, чтобы помнить о холоде.

Они долго стояли возле капитана. Его имя, как ей сказали, было Джон Армстронг Бренниген. Он был стар, невообразимо стар. В зависимости от системы, избранной для определения его возраста, ему было от двухсот до пятисот лет. Обстоятельств его рождения никто не знал, они затерялись в переплетениях политической истории. Кое-кто считал, что он родился на Марсе, но не исключено, что это произошло на Земле, а возможно, где-нибудь в городских трущобах земной Луны или на одном из сотен спутников, болтавшихся в космосе между Луной и Землей в те далекие времена.

— Бреннигену было уже больше ста, когда он покинул Солнечную систему, — сказал Садзаки. — Он долго ждал, когда это станет возможным, и наконец оказался одним из тысячи землян, которые улетели на первом корабле, посланном сочленителями с Фобоса.

— Во всяком случае, на том корабле был некто по имени Джон Бренниген, — вставила Вольева.

— Да, — кивнул Садзаки. — Никаких сомнений, это был он. Потом... проследить его путь становится очень сложно. Весьма вероятно, что капитан умышленно запутал свое прошлое, чтобы сбить со следа врагов, а их к тому времени должно было набраться немало. О нем есть сведения во многих планетных системах, отстоящих друг от друга на многие световые десятилетия. Но ничего достоверного.

— А как он стал вашим капитаном?

— Несколько столетий спустя, после заходов в различные миры, после далеких и долгих полетов и многочисленных никем не подтвержденных появлений, он осел где-то на окраине

системы Йеллоустона. Старел Бренниген медленно, что вполне нормально при полетах на околосветовых скоростях, но все же старел, а технология долголетия в те времена была куда хуже, чем в наше время. — Садзаки помолчал. — Бóльшая часть его тела уже тогда состояла из протезов. Поговаривали, что Джон Бренниген в те времена уже не нуждался в скафандре, покидая корабль в космосе, так как мог дышать вакуумом. Еще ходили слухи, будто он способен жить в условиях высоких температур и в жуткой стуже, а его органы чувств могли принимать сигналы всего известного спектра. Говорили, что от мозга, с которым он родился, осталась лишь малая часть, и его голова была набита всевозможными кибернетическими устройствами — настоящая каша из крошечных думающих машинок и небольшого количества органики.

— И много ли в этом было правды?

— Возможно, больше, чем хотелось бы верить людям. Ну и вранья тоже хватало. Говорили, будто он побывал у жонглеров образами на Морской Пене за много лет до того, как жонглеры вообще стали известны науке; что эти инопланетяне подвергли невероятным трансформациям остатки его мозга; что он контактировал как минимум с двумя разумными биологическими видами, которые человечеству до сих пор еще не знакомы.

— Он и в самом деле побывал у жонглеров, — сказала Вольева. — Триумвир Садзаки присутствовал при этой встрече.

— Это случилось гораздо позже, — оборвал ее Садзаки. — Нам важно знать о его взаимоотношениях с Кэлвином.

— А как они познакомились?

— Этого никто не знает точно, — сказала Вольева. — Наверняка нам лишь известно, что капитан был ранен — не то в результате несчастного случая, не то в ходе неудачной военной операции. Непосредственной угрозы для его жизни не было, но требовалась срочная помощь, а обращаться к любой из официальных организаций в системе Йеллоустона он не хотел — это было бы чистым самоубийством. У капитана было слишком много врагов, чтобы отдать свою жизнь в руки какой-нибудь группировки. Нужно было найти человека, которому он мог бы довериться. По-видимому, Кэлвин именно таким человеком и оказался.

— Кэлвин был как-то связан с ультра?

— Да, хотя он вряд ли в этом признавался публично. — Вольева улыбнулась, под козырьком шапки мелькнул широкий зубастый полумесяц. — Тогда Кэлвин был молод и принадлежал к числу идеалистов. Когда ему передали раненого, он решил, что это своего рода дар божий. В те времена у него еще не было возможности проверить на практике свои самые дикие идеи. Теперь в его распоряжении оказался идеальный пациент, и единственное, что было необходимо, так это абсолютное соблюдение секретности. От этого выгадывали оба. Кэлвин мог испытывать на капитане свои безумные кибернетические гипотезы, тогда как Бренниген надеялся выздороветь и стать чем-то более значительным в сравнении с тем, чем он был до встречи с Кэлвином. Можно считать, то был прекрасный пример взаимовыгодного сотрудничества.

— Вы хотите сказать, что капитан согласился быть подопытным кроликом у этого подонка? Для его чудовищных опытов?

Садзаки пожал плечами. Его толстые одежды придали этому движению что-то кукольное.

— Бренниген смотрел на это иначе. Если иметь в виду все остальное человечество, то для него капитан уже и до этой операции был монстром. Все, что мог сделать Кэлвин, — это продвинуть капитана дальше по выбранному им самим пути. Довести дело до логического завершения, если угодно.

Вольева кивнула, но, судя по выражению лица, она далеко не во всем была согласна со своим товарищем по экипажу.

— И в любом случае это случилось еще до Восьмидесяти. Имя Кэлвина не было тогда ничем запятнано. И даже по самым радикальным понятиям ультра, вмешательство в мозг Бреннигена лишь слегка превышало норму. — В голосе Вольевой зазвучало отвращение.

— Продолжайте, — попросила Хоури.

— Прошел почти целый век, прежде чем капитан снова столкнулся с кланом Силвестов, — сказал Садзаки. — К этому времени он уже командовал нашим кораблем.

— А что случилось?

— Он снова был ранен. На этот раз тяжелее.

Осторожно, будто снимая нагар со свечи, Садзаки тронул крошечный пучок серебристой растительности на капитане. Кожа Бреннигена была покрыта инеем, похожим на тузлук, копящийся на берегу соленого моря. Садзаки вытер влажные пальцы о свитер, но Хоури была уверена, что от этого они не стали чище. Пальцы должны были чесаться и гореть огнем подкожного заражения.

— К сожалению, — сказала Вольева, — Кэлвин к этому времени умер.

Конечно же! Он погиб вместе с остальными Восьмьюдесятью. Точнее, лишился физического тела одним из последних.

— Хорошо, — сказала Хоури. — Он скончался в процессе сканирования его сознания и перезаписи на компьютер. Разве нельзя было украсть запись и убедить ее, чтобы помогла вам?

— Мы бы так и сделали, если бы это было возможно. — Низкий голос Садзаки вибрировал, отражаясь от стен коридора, который своими изгибами напоминал глотку. — Но его альфа-запись исчезла. А дубликатов не было — альфы защищены от копирования.

— Значит, если говорить прямо, — сказала Хоури, желая поскорее убраться из этого подобия морга, — без капитана вы оказались в куче дерьма.

— Не совсем, — возразила Вольева. — Видишь ли, все это случилось в очень интересный период истории Йеллоустона. Дэниел Силвест только что вернулся из экспедиции к затворникам, и он был психически и физически здоров. Его спутнице повезло меньше, но ее смерть лишь добавила пикантности героическому возвращению Силвеста. — Она помолчала, а потом вдруг по-птичьи вскинулась: — Хоури, ты слышала о его «Тридцати днях в пустыне»?

— Возможно. Напомни.

— Век назад Силвест исчез на целый месяц, — сказал Садзаки. — Еще минуту назад стоял среди людей, произнося тост в честь Йеллоустонского общества, а через минуту его уже не было нигде. По слухам, он покинул городской купол. Напялил скафандр и отправился куда-то замаливать грешки своего папочки. Жаль, что это неправда, — очень трогательный был бы сюжет. Фактически же, — тут Садзаки показал рукой на пол, — этот месяц он провел тут, у нас.

— Вы похитили Дэна Силвеста? — Хоури чуть не расхохоталась: ее поразила абсурдность происходящего.

И тут же вспомнила, что разговор касается человека, которого ей предстоит убить. Желание смеяться немедленно пропало.

— Приглашение на борт — более предпочтительный термин, — ответил Садзаки. — Хотя должен признать, выбора у него не было.

— Прошу пояснить, — сказала Хоури. — Вы похитили сына Кэлвина. А что это давало вам?

— Кэлвин принял меры предосторожности, прежде чем начать сканирование самого себя, — сказал Садзаки. — Первая была довольно простой, но к ее осуществлению нужно было приступить за несколько десятилетий до начала главного проекта всей его жизни. Проще говоря, каждая минута его существования стала записываться с помощью специальной системы. Без преувеличения — каждая, чем бы он ни занимался — работал, ел, спал или прогуливался. На протяжении многих лет машины научились с большой точностью имитировать его поведенческие схемы. И в любой ситуации они могли на этой основе предсказывать с поразительной точностью его поступки.

— Иначе говоря, сканирование на бета-уровне?

— Да, — кивнула Вольева. — Но на таком бета-уровне, который требует значительно большей подготовки и куда более сложен, нежели другие, существовавшие в то время. Согласно некоторым определениям, такая компьютерная модель уже обладала сознанием. То есть произошла трансмиграция Кэлвина. Он мог и не верить в это, но фактически продолжал непрерывно совершенствовать свою модель. Ей удалось создать настолько реальный образ Кэлвина, настолько похожий на настоящего человека, что у собеседника возникало ощущение, будто он действительно находится в присутствии Силвеста. Но Кэлвин прошел еще на шаг дальше, дополнительно подстраховался.

— Каким образом?

— Клонирование. — Садзаки ухмыльнулся и едва заметно кивнул Вольевой.

— Он клонировал сам себя, — продолжала та. — Использовав нелегальную генную технологию с черного рынка, при-

бегнув к помощи своих самых засекреченных клиентов, среди которых были и ультра. Если бы не они, мы бы ничего не узнали об этом. На Йеллоустоне технология клонирования была под запретом. Молодые колонии всегда борются за сохранение максимального разнообразия генетических форм. Но Кэлвин оказался хитрее властей и богаче тех, кого он подкупал. Вот почему ему удалось выдать собственный клон за своего сына.

— Дэн! — воскликнула Хоури, и это односложное слово всколыхнуло стоялый холодный воздух. — Вы хотите сказать, что Дэн — клон Кэлвина?

— Причем сам о том не подозревающий, — ответила Вольева. — Кэл не желал, чтобы Дэн узнал эту тайну. Силвест — такая же жертва лжи, как все население Йеллоустона. Дэн считает себя совершенно самостоятельной личностью.

— Не догадывается, что он всего лишь клон?

— Да, и с течением времени его шансы узнать все уменьшаются. Кроме ультра и союзников Кэлвина, не знает почти никто. А союзников Кэлвин всеми средствами заставил молчать. Было несколько слабых звеньев... Кэлвину, например, пришлось привлечь на свою сторону одного из ведущих генетиков планеты... Силвест потом пригласил его в свою экспедицию на Ресургем, не ведая о теснейшей связи между ним и своим отцом. Сомневаюсь, что он с тех пор узнал правду или хотя бы стал о ней догадываться.

— Но каждый раз, когда он смотрится в зеркало...

— Он видит себя, а не Кэлвина, — ответила Вольева, явно наслаждаясь тем, как каждое сказанное ею слово разрушает основы мировоззрения Хоури. — Он клон, но не знает, что похож на Кэлвина до последней потовой железки под кожей. Генетик — Жанекен — создал косметические различия между Кэлвином и Дэном, и люди видят лишь семейные черты сходства во внешности и поведении. Очевидно, он же постарался привить Дэну и некоторые черты его «матери», Розали Сютейн.

— Все остальное просто, — произнес Садзаки. — Кэл вырастил свой клон в среде, максимально приближенной к той, в которой сам обитал с малолетства. Вплоть до тех стимулов, которые в определенные периоды жизни мальчика породили

отдельные черты его характера и о которых даже сам Кэлвин не мог с уверенностью сказать, появились они естественным путем или выработаны воспитанием.

— Ладно, — сказала Хоури. — Согласимся считать, что все это правда, и зададимся вопросом: ну и что? Кэл же должен был понимать: Дэн не пройдет те же стадии развития, которые проходил он сам, как бы ни контролировал он жизнь мальчика. Как насчет тех впечатлений, которые ребенок получает еще в период пребывания в утробе матери? — Хоури покачала головой. — Безумие! В лучшем случае Кэлвин мог рассчитывать на грубое подобие.

— Я думаю, — сказал Садзаки, — на это и был расчет. Кэл рассматривал клонирование как одну из предосторожностей. Он знал, что процесс сканирования, которому он намеревался подвергнуть себя и еще семьдесят девять человек, разрушит его материальное тело, а потому хотел получить другое, в которое он сможет вернуться, если жизнь в машине придется ему не по нраву.

— Так и вышло?

— Возможно. Но не в этом дело. Во времена Восьмидесяти операция по обратному переносу сознания — от машины к человеку — была еще за гранью возможного. Реальной причины торопиться не было. Кэл всегда мог держать свой клон в криосне до тех пор, пока тот не понадобится. Мог сделать еще один клон, уже из клеток мальчика. Он умел заглядывать далеко вперед, этот Кэлвин!

— Если считать, что обратный перенос сознания возможен.

— Что ж, Кэлвин понимал, что вероятность положительного результата его действий не слишком велика. На этот случай и был подготовлен еще способ продления жизни, кроме обратной перезаписи.

— А именно?

— Его запись на бета-уровне. — Садзаки теперь говорил не торопясь, тоном таким же холодным, как воздух в отсеке капитана. — Формально эта запись не имела сознания, но это была весьма детальная факсимильная копия Кэлвина. Ее относительная простота означала, что ее легче закодировать и переписать на мозг Дэна. Куда легче, нежели внедрить туда альфу.

— Я слышала, первичная альфа куда-то исчезла, — сказала Хоури. — Так что того Кэлвина, который мог бы продолжать свое дело, фактически не осталось. Нетрудно догадаться, что и Дэн повел себя куда более независимо, чем хотелось Кэлвину.

— Это еще мягко говоря, — кивнул Садзаки. — История Восьмидесяти стала началом упадка Института Силвеста. Дэн сбросил с себя кандалы, так как больше интересовался тайной затворников, нежели кибернетическим бессмертием. У него оставалась бета-запись отца, хотя он, видимо, не понимал ее истинного значения. Он рассматривал ее скорее как семейную реликвию, чем как нечто неизмеримо более важное. — Триумвир снова усмехнулся. — Думаю, если бы он знал, что это такое, он бы ее уничтожил, хотя это означало бы его собственную аннигиляцию.

«Понятно, — подумала Хоури. — Бета-запись — это что-то вроде пойманного в ловушку беса, который ищет возможности заполучить тело-носитель. Бес не обладает сознанием в нашем понимании этого слова, но он силен и опасен, и недюжинная изобретательность заменяет ему подлинный интеллект».

— Меры предосторожности, принятые Кэлвином, оказались весьма полезны и для нас, — продолжал Садзаки. — В бета-записи содержалось вполне достаточно его опыта, чтобы вылечить капитана. Все, что нам было нужно, — это уговорить Дэна, чтобы позволил Кэлвину временно поселиться в его уме и теле.

— Это получилось так легко? И Дэн ничего не заподозрил?

— Это вовсе не было легко, — признался Садзаки. — Было совсем нелегко! Периодически Кэлвин одерживал верх, и это походило на буйную одержимость. Особенно трудно было контролировать движения. Чтобы подавить личность Дэна, мы были вынуждены колоть ему смесь нейроингибиторов. И когда Кэлвин наконец прорывался, тело оказывалось почти парализовано. Выглядело это так, будто наш блестящий хирург во время операции пьян в стельку. Дэну это во всех отношениях далось тяжело. Было очень больно, по его словам.

— Но своего вы добились?

— Верно. Однако это было сто лет назад. Пора снова посетить доктора.

— Ваши флаконы, — сказала ординатор.

Одна из закутанных в мантильи сопровождающих выступила вперед, держа флакон, похожий на тот, который Силвест вынул из своего кармана. Только жидкость во флаконе Паскаль была ярко-красная, а у Силвеста желтоватая. Там и там плавали гроздья более темного вещества. Ординатор взяла оба флакона и подержала на виду, прежде чем поставить на стол.

— Мы готовы приступить к свадебному обряду, — сказала она, а затем задала обычный вопрос: нет ли среди присутствующих лиц, имеющих соображения биологического или этического свойства, по которым свадьба не должна состояться. Возражений, конечно, не последовало.

Но в этот торжественный момент, казалось сулящий многочисленные возможности, Силвест заметил среди зрителей женщину под вуалью. Незнакомка порылась в сумочке, достала закрытый рубиновой пробкой пузырек с содержимым янтарного цвета и откупорила его.

— Дэниел Силвест, — произнесла ординатор, — берешь ли ты в жены эту женщину по законам Ресургема, до тех пор пока этот брак не будет аннулирован в соответствии с ныне действующим или иным законодательством?

— Беру, — ответил Силвест.

Тот же вопрос был адресован Паскаль.

— Беру, — ответила она.

— Тогда наложим узы.

Ординатор вынула из своей шкатулки свадебный пистолет и переломила его. Затем взяла красный флакон, который принесла служительница, вложила в казенную часть ствола и вернула пистолету первоначальную форму. По стволу побежали энтоптики, показывающие состояние устройства.

Жирардо взял Силвеста за предплечье, чтобы поддержать его, а ординатор прижала сходящийся на конус ствол к черепу жениха, чуть выше глаза.

Силвест был прав, говоря Жирардо, что церемония не слишком болезненная, но и приятной ее не назовешь. Он ощутил жгучий холод, как будто жидкий гелий хлынул в голову. Неприятное ощущение длилось недолго, а крошечной ранке предстояло зажить через несколько дней.

Иммунная система мозга куда слабее, нежели у тела в целом, и клетки Паскаль, плавающие в бульоне из наномедов, скоро свяжутся с клетками Силвеста. Их объем ничтожно мал — меньше десятой доли процента от массы мозга, но трансплантируемые клетки несут на себе нестираемый отпечаток личности Паскаль — тончайшие нити голографических вместилищ памяти и характера.

Ординатор удалила из пистолета пустой флакон и вложила на его место желтый. У Паскаль это была первая свадьба по обычаю Йеллоустона, и она с трудом скрывала волнение. Жирардо придерживал ее за руки, пока ординатор вводила в ее мозг нейронный материал Силвеста. Паскаль сильно вздрогнула, когда это произошло.

Силвест не потрудился развеять заблуждение Жирардо, считавшего, что имплантат внедрен навсегда. Это не тот случай. Трансплантируемая нейронная ткань маркирована безвредными изотопами, которые позволяют выполоть и уничтожить чужеродные клетки с помощью специальных вирусов развода. До сих пор Силвест не прибегал к такой процедуре и надеялся не прибегать впредь, независимо от числа браков. В его мозгу жили призрачные образы его прежних жен (так же как в их головах жил его образ), а теперь там поселится и образ Паскаль. Между прочим, в памяти Паскаль появятся очень бледные воспоминания о женах Силвеста, которых она прежде и знать не знала.

Таковы йеллоустонские обычаи.

Ординатор аккуратно укладывала свадебный пистолет в шкатулку.

— Согласно законодательству Ресургема, вы сочетались законным браком, — сказала она. — Объявляю вас...

В этот момент запах духов достиг птиц Жанекена.

Женщина, которая открывала янтарный флакончик, уже исчезла, оставив вызывающе пустое кресло. Нежный аромат, исходивший оттуда, заставил Силвеста почему-то вспомнить о раздавленных в пальцах прелых осенних листьях. Захотелось чихнуть.

Что-то не так.

Зал заполнился бирюзовыми блестками, и будто одновременно раскрылось множество вееров, раскрашенных пасте-

лью. Это распушили свои хвосты павлины Жанекена. С шелестом раскрылись десятки павлиньих глаз. Внезапно воздух посерел.

— Ложись! — завопил Жирардо.

Он как безумный рвал ногтями кожу на шее. В нее что-то вцепилось, что-то маленькое и изогнутое. Силвест растерянно взглянул на свой костюм и увидел с полдюжины колючек в форме запятой. Им не удалось проткнуть ткань, но страшно было до них дотронуться, чтобы стряхнуть на пол.

— Это орудия убийства! — хрипел Жирардо.

Он рухнул под стол, потянув за собой Силвеста и дочь. Среди присутствующих воцарился хаос. Охваченная ужасом толпа рвалась к выходу.

— Они зарядили птиц Жанекена! — буквально визжал в ухо Силвесту Жирардо. — Отравленные колючки были в хвостах!

— Ты ранен, — констатировала Паскаль, слишком ошеломленная, чтобы в ее голосе могли звучать эмоции.

Над их головами посверкивали вспышки и клубился дым. Слышались отдельные вопли. Краем глаза Силвест увидел принесшую духи женщину, она обеими руками держала пистолет — жуткого вида, с плавными контурами. Клыкастый ствол выбрасывал холодные импульсы бозерной энергии. Над ней висело несколько летающих камер, безучастно регистрирующих бойню. Силвест никогда не видел такого оружия и был уверен, что оно сделано не на Ресургеме. Либо его привезли с Йеллоустона вместе с переселенцами, либо его продал торговец Ремиллиод, который побывал здесь уже после переворота. Стекло — амарантийское стекло — выдержавшее десять тысяч столетий, со звоном лопалось наверху, осыпая визжащую публику градом зазубренных осколков. С бессильной яростью Силвест смотрел, как эти рубиновые пластинки вонзаются в плоть. В паническом вое толпы тонули крики раненых.

Остатки охраны Жирардо реагировали слишком медленно. Четверо были уже убиты, из их лиц торчали колючки. Одному удалось прорваться к сиденьям, и он безуспешно пытался обезоружить женщину. Другой палил из собственного оружия, уничтожая птиц Жанекена.

Жирардо стонал. Налитые кровью глаза закатились, руки бесцельно хватали воздух.

— Надо уходить! — кричал в ухо Паскаль Силвест.

Она, похоже, еще не пришла в себя от пересадки нейронов, поэтому видела происходящее как в тумане.

— Отец!..

— Он уже покойник. — Силвест опустил тяжелое тело Жирардо на холодный пол храма, стараясь держаться под прикрытием стола. — Паскаль, эти колючки смертельны. Мы ничем ему не поможем. Если останемся здесь, только разделим его судьбу.

Жирардо все еще старался что-то прохрипеть. Возможно, то было слово «уходите»; возможно, лишенное смысла восклицание.

— Нельзя же его вот так бросить, — еле слышно прошептала Паскаль.

— Если мы этого не сделаем, убийцы добьются, чего хотели.

— Куда же мы скроемся? — заливаясь слезами, спросила она.

Силвест в отчаянии огляделся. Зал был полон дыма — охрана Жирардо стреляла пулями останавливающего действия. Дым неторопливо клубился и стягивался в жгуты, будто невидимый танцор махал цветными лентами. Как раз в это мгновение свет вообще погас. Либо его отключили снаружи, либо разбили лампы выстрелами. Наступила кромешная тьма.

Паскаль ахнула от ужаса.

Зрение Силвеста почти автоматически переключилось на инфракрасный режим.

— Я все вижу, — шепнул он ей. — И пока мы вместе, нам не нужно бояться темноты.

Молясь, чтобы миновала опасность от птиц, Силвест медленно поднялся на ноги. Зал храма полнился серо-зеленым светом. Женщина, принесшая духи, была мертва, в ее боку зияла горячая рана величиной в добрый кулак. Осколки янтарного пузырька валялись у ее ног. Силвест догадался, что запах духов послужил гормональным пусковым устройством для рецепторов, которые Жанекен вложил в своих птиц. Значит, он по уши в этом дерьме. Но и сам Жанекен был мертв: из груди торчал маленький кинжал, а от него по расшитому жилету тянулись кровавые разводы.

Силвест схватил Паскаль и потащил к выходу — к арочному коридору, украшенному скульптурами и рельефными амарантийскими иероглифами. Вроде женщина с духами была единственным убийцей в зале, если не считать Жанекена. Но сейчас сюда входили ее друзья. Они были в камуфляжных костюмах, на лицах — плотно прилегающие дыхательные маски и инфракрасные очки.

Силвест спрятал Паскаль за грудой перевернутых столов.

— Они ищут нас, — прошипел он. — Но думают, наверное, что мы уже мертвы.

Оставшиеся в живых телохранители Жирардо отступили и заняли оборонительную позицию за стульями и креслами, которые веером спускались от цоколя шпиля к полу. Силы, конечно, были неравны: прибывшие имели тяжелое вооружение — ружья-бозеры. Милиция Жирардо могла выставить против них лишь лазеры небольшой мощности и пистолеты с обычными пулями. Оружие противника рассекало их на куски с чудовищной механической легкостью.

Половина собравшихся в зале была убита или лежала без сознания. Многие приняли на себя основной залп отравленных колючек. Никому не пришло бы в голову счесть птиц опасными, поэтому их пропустили без всякой проверки.

Силвест заметил, что две птицы остались живы. На них все еще действовали пахучие частицы духов, хвосты складывались и расходились, точно веера в руках нервных куртизанок.

— Твой отец ходил с оружием? — спросил Силвест и спохватился, что употребил прошедшее время. — После переворота?

— Не думаю, — ответила Паскаль.

Конечно же, Жирардо никогда бы не сказал об этом дочери. Силвест быстро ощупал его тело, надеясь отыскать пистолет под церемониальным костюмом. Ничего.

— Придется обойтись без оружия, — сказал Силвест, будто констатация этого факта уже могла чем-то помочь. — Если не удерем, нас прикончат, — пояснил он.

— В лабиринт?

— Заметят, — буркнул он.

— Но, может, не опознают? — настаивала Паскаль. — А еще им неизвестно, что ты видишь в темноте. — Хотя Паскаль

и была сейчас практически слепа, она смотрела ему прямо в лицо, приоткрыв рот — олицетворение надежды. — Только дай проститься с отцом.

Она нащупала в темноте и поцеловала Жирардо в последний раз в жизни.

Между тем Силвест изучал возможности отхода. Как раз в этот момент мятежник, карауливший выход, был убит телохранителем Жирардо. Человек в маске осел, тепло его тела образовало лужицу на полу, мелкие червячки энергии разбегались по плитам пола.

Путь свободен, но это ненадолго. Паскаль нащупала руку Силвеста, и они стремительно кинулись к выходу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На пути к Дельте Павлина, год 2546-й

— Я так понимаю, что ты уже слышала новости о капитане? — спросила Хоури, когда Мадемуазель скромно кашлянула у нее за спиной.

Если не считать иллюзорного присутствия Мадемуазели, Хоури находилась одна в своей каюте. Она переваривала услышанное от Вольевой и Садзаки.

Улыбка Мадемуазели была безмятежной.

— Действительно, все это несколько осложняет ситуацию. Я, конечно, учитывала возможность того, что у команды могут быть какие-то связи с Силвестом. Мне это показалось логичным, учитывая странность их решения лететь к Ресургему. Но я не смела и вообразить столь лихо закрученный сюжет.

— Вот уж точно — лихо закрученный.

— Их отношения... — Призраку требовалось время на подбор слов, хотя Хоури это казалось просто плохой театральщиной, — ...интересны. Они могут... ограничить наши будущие действия.

— Ты уверена, что все еще хочешь его убить?

— Абсолютно. И эти новости только подтверждают правильность решения. Кстати, существует опасность, что Садзаки попытается привести Силвеста на борт корабля.

— А разве это не облегчает мою задачу?

— Конечно, но в этом случае убийства будет недостаточно. Тебе придется найти способ уничтожить весь корабль. Удастся ли спастись самой — это уже твоя проблема.

Хоури нахмурилась. Может, это и ее проблема, но во всем происходящем она не видит никакого смысла.

— Но если я гарантирую, что Силвест мертв...

— Этого недостаточно, — ответила Мадемуазель с необычной для нее прямотой. — Убийство — это лишь часть того, что ты должна сделать. И далеко не главная часть. Тебе предстоит весьма сложная процедура.

Хоури с нетерпением дожидалась пояснения.

— Он не должен ни о чем догадаться. Даже за секунду до своей смерти. Больше того, ты убьешь его в тот момент, когда он будет находиться в полном одиночестве.

— Это в плане с самого начала...

— Пусть так, но сказанное мной должно быть исполнено неукоснительно. Если вдруг окажется, что полностью изолировать Силвеста нельзя, его ликвидацию придется отложить. И никаких компромиссов, Хоури.

Впервые они обсуждали предстоящее убийство в таких деталях. По-видимому, Мадемуазель решила, что Хоури имеет право узнать чуть больше. Впрочем, картина все еще оставалась неполной.

— А оружие?

— Можешь выбирать на свое усмотрение, но с условием, что в нем не будет кибернетических компонентов выше определенного уровня сложности, о котором я скажу позже. — И прежде чем Хоури успела возразить, Мадемуазель добавила: — Сгодился бы и лучевик, но при уверенности, что он никогда не принадлежал Силвесту. Взрывчатка и пулевое оружие тоже вполне подходят для наших целей.

«Учитывая историю этого корабля, — подумала Хоури, — здесь наверняка предостаточно стреляющего барахла, которое только меня и дожидалось. Когда придет время, я подберу что-нибудь умеренной убойности и даже научусь с ним обращаться, прежде чем пущу его в ход против Силвеста».

— Значит, с оружием мы решили...

— Я еще не закончила. Ты не должна приближаться к Силвесту и не должна убивать его вблизи от кибернетических устройств. Эти условия я также уточню позже, когда приблизится срок ликвидации. Если тебе удастся это сделать на поверхности Ресургема, когда он будет совершенно одинок и беспомощен, ты удовлетворишь мои требования полностью.

По-видимому, для Мадемуазели сказанное имело огромное значение, так что Хоури постаралась все запомнить, хотя звучали наставления призрака наподобие средневековых заклинаний против лихорадки.

— И ни в коем случае не позволяй ему покинуть Ресургем. Пойми, если на орбите появится какой-нибудь субсветовик, даже наш, Силвест обязательно попытается проникнуть на него. Этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах.

— Я поняла, — сказала Хоури. — Его надо убить внизу. Это все?

— Не вполне. — Ухмылка призрака была совершенно вурдалачья, Хоури еще не приходилось видеть такой на лице Мадемуазели. Может быть, та истощила свой арсенал мимических жестов, оставив лишь кое-что для особых случаев? — Конечно, я хочу получить доказательство его гибели. Твой имплантат зафиксирует обстоятельства ликвидации, но, когда ты вернешься на Йеллоустон, изволь предоставить физическое свидетельство. Мне нужны останки, и не просто пепел. То, что добудешь, храни в вакууме, изолированно от корабля. Если надо, замуруй в камень, но любой ценой доставь мне. Я должна получить доказательство.

— А потом?

— А потом, Ана Хоури, я отдам тебе мужа.

Силвест не останавливался даже дух перевести, пока они с Паскаль не достигли оболочки Города, не проникли в нее и не сделали несколько сот шагов по лабиринту пронизывающих ее тоннелей. Он шел наугад, игнорируя знаки, оставленные археологами, стараясь лишить преследователей малейшего шанса на осмысленный поиск.

— Не так быстро, — взмолилась Паскаль.

Силвест закрыл ей рот ладонью, хотя и знал, что потребность заговорить вызвана подсознательным желанием забыть о только что случившемся убийстве отца.

— Надо двигаться тихо. В скорлупе полно людей из «Истинного пути», и они очень хотят нас поймать.

— Но мы заблудимся, — сказала она, понизив голос. — Дэн, здесь уже кое-кто терял дорогу и умирал от голода.

Силвест втолкнул Паскаль в узкий лаз, уводивший куда-то в густую и душную тьму. Стены были скользкие, на полу — ни дощечки настила.

— Вот чего мы попросту не сможем тут сделать, — сказал он со спокойствием, которого вовсе не испытывал, — так это заблудиться. — Он постучал пальцем по глазу. Зрячий в обществе слепого, Силвест начисто забывал, что бóльшая часть его внеречевых средств общения пропадает зря. — Я могу воспроизвести каждый сделанный нами шаг. И стены прекрасно держат тепло, полученное от наших тел. Для нас тут гораздо безопаснее, чем в Городе.

Она долго не отвечала, лишь тяжело дышала у него за спиной. Наконец прошептала:

— Надеюсь, это не один из тех редких случаев, когда ты ошибаешься. Потому что иначе мы получили бы слишком дурное предзнаменование в самом начале нашей супружеской жизни.

Ему было невесело — кровавая бойня все еще стояла перед глазами. Тем не менее он рассмеялся, и этот смех как бы сделал менее реальным случившееся. Уж лучше так... Когда он думал обо всем рационально, страхи Паскаль ему казались вполне оправданными. Даже если бы Силвест знал, где лежит выход из лабиринта, это знание, скорее всего, оказалось бы бесполезным. Например, если он наверху, а тоннели слишком скользкие, по ним не вскарабкаться. Или если слухи правдивы и лабиринт произвольно меняет свою конфигурацию. А кроме того, волшебное зрение никак не спасает от голода, и Силвест с Паскаль умрут точно так же, как те несчастные глупцы, что сошли с маркированной тропы.

Все глубже и глубже уходили они в лабиринт амарантийцев, ощущая, как лениво изгибается тоннель, как причудливо, по-

добно дождевому червю, точит он свой путь сквозь толстую скорлупу Города. Поддаться панике было еще опаснее, чем потерять направление, а сохранять спокойствие — куда как тяжело.

— И сколько, по-твоему, времени мы здесь проведем?

— День, — сказал Силвест. — За этот срок должны подойти подкрепления из Кювье.

— И на чьей стороне они будут?

Силвест протиснулся через сужение тоннеля. Дальше тот расходился натрое. Силвест мысленно бросил монетку и двинулся влево.

— Хороший вопрос, — сказал он, но так тихо, чтобы жена не услышала.

А что, если бойня в зале — лишь эпизод переворота, охватившего всю колонию, а не локальный акт терроризма? Что, если Кювье уже вышел из-под контроля правительства Жирардо и теперь находится в руках «Истинного пути»? Смерть Жирардо оставила без управления громоздкую партийную машину, важнейшие шестерни которой были сломаны в храмовом зале во время брачной церемонии. Задумай революционеры блицкриг, в этот момент ослабления власти они могли бы добиться многого. Возможно, все уже кончено, бывшие недруги Силвеста сброшены с Олимпа, и новая неизвестная сила захватила бразды правления. В этом случае торчать в тоннеле — просто терять время. Как относится к Силвесту «Истинный путь», интересно: как к своему врагу или как к врагу своего врага? Это ведь совершенно разные вещи...

Правда, в самом конце Силвест и Жирардо перестали быть врагами.

Наконец беглецы вышли к широкой плоской горловине, в которой сходилось несколько тоннелей. Там нашлось где посидеть, а воздух был чист и свеж. Значит, система подкачки воздуха работала совсем близко. В инфракрасном спектре Силвест видел, как Паскаль осторожно садится, как шарят ее руки по скользкому полу, боясь нащупать крысу, острый камень или череп.

— Порядок! — сказал Силвест. — Здесь мы в безопасности. — Эти слова, будучи произнесены вслух, казалось, обрели

правдивость. — Если кто-то появится, успеем скрыться. А пока будем тихо лежать и ждать.

Конечно, сейчас, когда волнения, связанные с побегом, отошли на задний план, Паскаль снова начнет думать об отце. Этого не хотелось.

— Жанекен, старый тупица, — сказал он, надеясь хоть както отвлечь ее от тягостных мыслей. — Должно быть, его шантажировали. Так чаще всего и бывает.

— Ты о чем? — с трудом спросила Паскаль. — Что бывает чаще всего?

— Коррумпируют тех, кто вне подозрений. — Силвест говорил еле слышно. Газ, использованный в храме, почти не затронул легкие Силвеста, но все же поразил голосовые связки. — Жанекен много лет возился с этими птицами. По крайней мере, с тех пор, как мы познакомились в Мантеле. Все началось с того, что ему захотелось получить символы. Он твердил, что колония, вращающаяся на орбите Павлина, просто обязана иметь несколько павлинов, этаких живых скульптур. Но кто-то нашел для них гораздо более серьезную работенку.

— А может, они и были выведены ядовитыми, все до одного, — задумчиво произнесла Паскаль. — Ходячие мины с часовым механизмом...

— Почему-то я сомневаюсь, что Жанекен согласился бы отдать так много своих драгоценных павлинов.

Возможно, подействовал свежий воздух — Силвест вдруг почувствовал сильную усталость, потянуло в сон. Сейчас они в безопасности. Если бы убийцы шли по следам — они ведь давно обнаружили, что Паскаль и его нет среди трупов, — то появились бы в этой части «скорлупы» уже давно.

— Я никогда не верила, что у отца есть настоящие враги, — говорила между тем Паскаль.

Ее фраза повисла в тишине этого чуждого пространства. Силвест понимал ее страх: она слепа; она может полагаться только на его заверения; само это место является для нее воплощением ужаса.

— Я никогда не думала, что его могут убить, не верила, что появится человек, готовый пойти на такое злодеяние. И тем не менее желающие нашлись.

Вместе с другими членами команды Хоури пришлось лечь в криокамеру, чтобы провести в анабиозе бóльшую часть полета к Ресургему. Но до этого она много часов провела в ЦАПе, где моделировались бесчисленные боевые ситуации. Они даже вторгались в ее сны — и это было странно, поскольку бесчисленное повторение упражнений, придуманных для нее Вольевой, давно успело осточертеть.

И все же в ЦАПе Ане нравилось: с головой уйдя в работу, она забывала про свои вечные тревоги. Проблема Силвеста превращалась во что-то вроде нервной почесухи.

Хоури, как и раньше, сознавала безвыходность ситуации, но здесь этот факт не казался критическим. И ЦАПа она больше не боялась. Столько занятий там прошло — а Хоури осталась сама собой. И вряд ли ЦАП вообще как-то повлияет на исход ее миссии.

Но все изменилось, когда нагрянули «ищейки».

Это была кибернетическая агентура, которую однажды спустила с цепи Мадемуазель, пока Хоури занималась в ЦАПе. «Ищейки» проковыряли себе лазейку в нейронном интерфейсе, найдя у системы ахиллесову пяту. Вольева установила защиту от атаки со стороны программного обеспечения, но она никак не предполагала, что опасность будет исходить от человека, подключенного к ЦАПу. Через мозг Хоури «ищейки» прошли в мозг ЦАПа и донесли об этом Мадемуазели.

В тот вечер они не вернулись к Хоури — им потребовалось несколько часов, чтобы обнюхать каждую клеточку, каждую нишу в грандиозной и сложной архитектуре ЦАПа. Они провели там больше дня, пока Вольева снова не подключила Хоури к системе.

Тогда «ищейки» возвратились к Мадемуазели, она обработала собранную ими информацию и поняла, что за дичь они учуяли.

— У нас на борту «заяц», — сообщила Мадемуазель Хоури, когда они остались наедине после занятий в ЦАПе. — Кто-то прячется в системе управления артиллерией, и я готова держать пари, что Вольева об этом не знает.

Именно с этого момента Хоури перестала относиться к ЦАПу с былым спокойствием.

— Продолжай, — сказала она, чувствуя, как кровь холодеет в жилах.

— Это сущность информационного происхождения. Больше я о ней ничего сказать не могу.

— «Ищейки» что-нибудь установили?

— Да, но... — Казалось, Мадемуазели опять не хватает слов.

Хоури решила, что тут обманом не пахнет: имплантат оказался в ситуации, никак не коррелировавшей с опытом Мадемуазели, которая находилась во многих световых годах отсюда.

— Они ведь не видели «зайца», даже краем глаза не заметили. Это очень скрытная сущность, иначе защита Вольевой давно бы ее обнаружила. «Ищейки» как бы учуяли ее отсутствие в том месте, где она только что находилась, уловили ветерок, поднятый ею в процессе перемещения...

— Сделай одолжение, — прервала ее Хоури, — не говори таким испуганным тоном.

— Извини, — ответила Мадемуазель. — Не скрою, появление этой сущности обеспокоило меня.

— Тебя оно обеспокоило? А мне каково, по-твоему? — Хоури покачала головой: обыденная жестокость действительности едва не лишила ее дара речи. — Ладно, к делу. Как думаешь, что это? Может, вирус из числа тех, что поедают этот проклятый корабль?

— Нет, для вируса оно слишком сложное. Защитные системы Вольевой поддерживают корабль в рабочем состоянии, невзирая на эти вирулентные организмы. Ей даже удалось приостановить распространение плавящей чумы. Но этот «заяц»... — Мадемуазель поглядела на Хоури с непритворным страхом в глазах. — «Ищейки» его испугались! По тому, как он ускользает от них, видно: он умнее всего, с чем мне приходилось иметь дело раньше. И то, что он не напал на «ищеек», пугает меня еще больше.

— Почему?

— Потому что наводит на мысль: эта сущность ждет своего часа!

Силвест так и не узнал, сколько времени они проспали. Возможно, то были минуты, заполненные лихорадочными адреналиновыми сновидениями о хаосе и бегстве, а может

быть, часы или даже бóльшая часть дня. Но сновидения эти не были порождены усталостью, честно свалившей обоих с ног.

Придя в себя как от встряски, Силвест понял: они дышат усыпляющим газом, который закачали в систему воздухоснабжения тоннелей. Неудивительно, что воздух показался им с самого начала таким освежающим и ароматным!

Какие-то звуки, будто крысы бегают на чердаке.

Он на ощупь отыскал Паскаль. Просыпалась она трудно, с жалобными стонами, и лишь через несколько минут пришла в себя. Силвест всматривался в тепловой рисунок ее лица и видел, как смесь страха и горя постепенно уступают безразличию.

— Надо уходить, — сказал Силвест. — За нами гонятся, в тоннели пущен газ.

Царапанье нарастало с каждой секундой. Паскаль все еще пребывала между сном и явью, но уже могла говорить, хотя голос звучал как сквозь вату. Она спросила:

— Куда пойдем?

— Вот сюда. — Силвест схватил ее и толкнул к ближайшему узкому тоннелю.

Она чуть не упала — тело еще не слушалось. Силвест помог жене удержаться на ногах, обогнул ее и взял за руку. Впереди клубился мрак, и Силвест видел лишь на несколько метров вперед. Подумалось, что теперь он почти так же слеп, как Паскаль.

И все же лучше такое зрение, чем никакого.

— Подожди, Дэн, — сказала Паскаль. — У нас за спиной свет.

И голоса. Теперь он хорошо слышал их, хоть и не разбирал слов. Лязг металла. Надо полагать, хемосенсорные устройства уже давно следят за ними, феромональные «ищейки» чуют эманации человеческого страха и передают эту информацию в графическом виде прямо в мозг преследователям.

— Быстрее, — шепнула Паскаль.

Он бросил взгляд назад. Яркий свет на миг перегрузил органы зрения. Это было голубое сияние, глубоко проникавшее в штрек. Оно дрожало, будто исходило от несомого кем-то факела.

Силвест попытался идти быстрее, но тоннель круто шел вверх, и находить зацепки на почти зеркальной гладкости стенах было почти невозможно. Все равно что карабкаться внутри обледеневшей трубы.

Сзади — тяжелое дыхание, царапающий стену металл, отрывистые, как лай, команды.

Слишком крут подъем. Теперь уже приходится напрягать все силы, чтобы не сорваться и не улететь вниз.

— Стань за моей спиной, — приказал Силвест, оборачиваясь к голубому свету.

Паскаль протиснулась мимо:

— Что дальше?

Свет дрожал, но непрерывно усиливался.

— Паскаль, у нас нет выбора, — ответил Силвест. — Уйти от них мы не сможем. Значит, надо вернуться и встретиться с ними.

— Это самоубийство!

— Может, им будет труднее убивать нас, глядя в глаза.

Силвест подумал, что четыре тысячи лет человеческой цивилизации развеяли по ветру это заблуждение, но другой надежды у него не было. Жена обхватила его сзади руками и прижалась щекой к щеке, вглядываясь в сторону преследователей. Она дышала часто и прерывисто. Силвест не сомневался, что он дышит ничуть не лучше.

Враги в буквальном смысле слова обоняли их ужас.

— Паскаль, — прошептал Силвест, — я должен сказать тебе кое-что.

— Сейчас?

— Да, сейчас. — Он уже не мог отличить ее дыхание от своего. — На тот случай, если больше никому не успею сказать. Я и так слишком долго держал это в секрете.

— Ты имеешь в виду... на случай нашей смерти?

Он не ответил на этот вопрос. Какая-то часть его мозга была занята подсчетом минут или секунд оставшейся жизни. Слишком мало, чтобы рассказать так, как он хотел.

— Я солгал, — шептал он. — Солгал о том, что произошло у Завесы Ласкаля.

Паскаль хотела перебить его.

— Нет, подожди, — жарко шептал Силвест. — Выслушай... Мне надо поделиться... Не могу больше держать это в себе.

Ее голос был еле слышен.

— Говори.

— Все, что я рассказывал, — это полуправда.

Ее глаза широко раскрылись — овальные пустоты на тепловой маске лица.

— Это не измененный мозг Карины Лефевр стал разрушаться, когда мы приближались к завесе, а...

— Что ты хочешь сказать?!

— Это был мой мозг. Это из-за меня мы чуть не погибли.

Он помолчал, ожидая, что Паскаль как-нибудь отреагирует на услышанное или преследователи выйдут из голубого сияния, которое все надвигалось. Но ничего не произошло, и Силвест продолжил, видимо увлеченный процессом исповеди.

— Наложенные на мой разум мыслительные шаблоны стали стремительно ветшать. Мы уже ощущали хватку гравитационных полей вблизи завесы. Карина погибла бы, если бы я не отделил свой модуль от ее.

Он почти физически ощущал, как Паскаль пытается совместить эту информацию с той записью, которую она носит в своей памяти и которая является частью истории, выученной еще в ранние годы жизни. То, что она слышит, — не может, не должно было быть правдой! Ведь все так просто! Измененный мозг Лефевр начал сдавать. Она принесла себя в жертву, отстыковавшись, чтобы Силвест получил шанс вступить в контакт с чем-то совершенно чужеродным. Иначе и быть не могло! Паскаль всегда верила Силвесту... И вдруг это оказывается ложью!

— Вот что я тогда должен был сделать! Сейчас, когда все уже позади, об этом легко говорить, но тогда я не смог... ни сразу, ни потом.

Паскаль не видела его лица. Выражало ли оно сейчас радость или...

— Я не смог поджечь пиропатроны.

— Почему?

Возможно, она хотела, чтобы он ответил: это было невозможно по техническим причинам; область спокойного космоса была слишком маленькой и не допускала никакого маневра; гравитационные вихри парализовали его, чуть не сорвав мясо с костей. Но это было бы ложью, а сейчас он не смел лгать.

— Я испугался, — сказал Силвест. — Просто до смерти испугался. Больше всего боялся умереть в этом чужом мире. Боялся того, что случится с моей душой в том месте, где я оказался. В том, которое Ласкаль называл Пространством Откровения. — Он откашлялся, зная, что времени почти не осталось. — Это звучит иррационально, но тогда я все это ощущал каждой клеткой своего тела. Компьютерные модели не подготовили нас к этому ужасу.

— И все же ты это сделал?

— Гравитационные вихри разорвали наш корабль напополам. Они сделали то, для чего предназначались пиропатроны. Я не погиб... и не могу понять почему. Ведь я был обречен.

— А Карина?

Прежде чем он успел ответить — если допустить, что у него был готовый ответ, — тошнотворный запах ударил им в лицо. Опять усыпляющий газ, но теперь в несравненно большей концентрации. Он заполнил легкие, и Силвест забыл и о Завесе Ласкаля, и о Карине, и о своей роли в ее судьбе. Теперь во всей Вселенной было лишь одно неотложное дело — вычихать из легких этот газ.

Впрочем, было и другое — содрать кожу с зудящих пальцев!

В голубом сиянии появился человек. Маска скрывала его лицо, но поза красноречиво свидетельствовала об усталом безразличии. Лениво он поднял левую руку. Сначала Силвесту показалось, что в ней зажат мегафон с широким раструбом, но то, как человек его держал, говорило, что у предмета есть гораздо более важное предназначение.

Он целился спокойно и методично, пока оружие не оказалось направленным прямо в глаза Силвесту.

А потом — в этой мертвой тишине — он сделал что-то, и в мозг Силвеста вошла раскаленная игла.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мантель, Северная часть горного массива Нехбет, Ресургем, год 2566-й

— Насчет глаз — прошу извинения, — услышал Силвест, когда миновала целая вечность боли и не зависящих от него передвижений.

На какое-то время Силвест погрузился в сумятицу мыслей, стараясь восстановить в памяти порядок недавних событий. Где-то в недалеком прошлом находились его свадьба, кровавая бойня, бегство в лабиринт, усыпляющий газ... и больше ничего, связанного с настоящим. У него было ощущение, что он пытается связать биографию из пригоршни непронумерованных фактов, биографию, события которой казались дразняще знакомыми.

...Невероятная боль в голове, когда какой-то человек направил на него оружие...

Силвест ослеп.

Мир исчез, его заменила неподвижная серая мозаика: зрение перешло на аварийный режим. Одно из лучших произведений Кэлвина понесло тяжелый урон.

— А вообще-то, и к лучшему, что вы не видите нас, — продолжал голос, источник которого теперь находился гораздо ближе. — Конечно, можно было завязать вам глаза, но мы не знаем, на что еще были способны эти штучки. Что, если они видят через любую ткань? В общем, так было проще. Сфокусированный магнитный импульс... Ну, может, немного боли, несколько сожженных контуров... Жаль, конечно...

В голосе не было ни малейшей жалости.

— Что с моей женой?

— Вы про дочку Жирардо? С ней полный порядок. Нам не пришлось принимать жестких мер в отношении нее.

Может быть, оттого, что ослеп, Силвест стал очень чуток к движениям вокруг. Он догадался, что летит на самолете впритирку к земле, по каньонам и долинам — пилот стремится избежать песчаной бури. Кому принадлежит этот самолет и кто вообще сейчас заправляет делами? Удержали ли сторонни-

ки Жирардо власть в Кювье, или вся колония перешла в руки «Истинного пути»? Ни то ни другое энтузиазма не вызывало. Можно было заключить союз с Жирардо, но он умер. И у Силвеста полно врагов в руководстве партии увлажнистов — людей, порицавших Жирардо за то, что он оставил Силвесту жизнь после первого мятежа.

И все-таки Силвест жив. А слепым ему уже довелось побывать. Он помнил эти ощущения и знал, что сумеет с ними справиться.

— Куда мы летим? — спросил Силвест.

Его связали и очень сильно затянули веревки, нарушив кровообращение.

— Обратно в Кювье?

— А если и так? Я бы удивился, узнав, что вам не терпится туда попасть.

Самолет накренился и рухнул в тошнотворную воздушную яму. Потом долго выбирался из нее, точно игрушечная яхта, попавшая в океанский шторм. Силвест попытался восстановить в памяти карту каньонов вблизи Кювье, но это было бессмысленной тратой сил. Возможно, до амарантийского города отсюда ближе, чем до дома, но с равным успехом Силвест мог находиться в противоположной точке планеты.

— Вы... — Силвест заколебался, подумав, не стоит ли ему изобразить полное отсутствие интереса к собственной судьбе, но тут же отверг эту мысль. — Вы из увлажнистов?

— А вы как полагаете?

— Думаю, из «Истинного пути».

— Ну что ж, можно и поаплодировать.

— И вы теперь хозяева положения?

— Вот это уж точно! — Сопровождавший попытался вложить побольше удали в свой ответ, но Силвест вроде бы уловил заминку.

Они не уверены, подумал Силвест. Вполне вероятно, еще не получили полной информации о том, насколько удачен переворот. Сказанное этим охранником может быть правдой, но, если коммуникации на планете выведены из строя, как поручиться за прочность новой власти? Не исключено, что верные Жирардо силы удержат столицу и даже другие населенные пункты.

Чужие пальцы натянули ему на лицо маску, ее твердые края больно врезались в кожу. Однако это было пустяком по сравнению с острой непрерывной болью в поврежденных глазах.

Дышать в маске было совсем нелегко. Ему пришлось потратить немало сил, чтобы научиться вдыхать воздух через фильтр для песка, вделанный в «хобот» маски. Две трети кислорода, попадавшего в легкие, теперь поступали из атмосферы Ресургема, а последняя треть — из баллончика со сжатым воздухом, висевшего под «хоботом». В этом же баллончике содержался углекислый газ для возбуждения дыхательного центра.

Силвест даже не понял, что посадка уже произошла, пока не открылась дверь. Охранник отвязал его и довольно небрежно толкнул в ту сторону, откуда задувал холодный ветер.

Темно ли сейчас вокруг? Или еще не зашло солнце? Теперь можно было только догадываться об этом.

— Где мы? — спросил Силвест.

Маска приглушала его речь, делала ее невнятной, как у идиота.

— А какая вам разница? — Голос не изменился, и Силвест понял, что сопровождающий дышит атмосферным воздухом. — Даже если город рядом, что вовсе не обязательно, вы и шагу не смогли бы ступить, не угробившись.

— Я хочу поговорить с женой.

Охранник схватил его за руку и оттащил куда-то — Силвест понял, что в этом месте он теперь должен стоять и ждать. По пути он споткнулся, но упасть ему не дали.

— Поговорите, когда нас это будет устраивать. Я же сказал, что она в порядке. Или у вас есть основания не верить мне?

— Только что вы убили моего тестя. Считаете, после этого я могу вам верить?

— Считаю, что вам стоит пригнуться.

Чья-то рука надавила ему на голову, втолкнула его в укрытие. Ветер перестал колоть уши. Голоса сразу обрели способность отдаваться эхом. За спиной захлопнулась дверь и обрубила завывание бури. Хотя он и ослеп, но какое-то чувство подсказывало, что Паскаль находится не здесь. Остается лишь надеяться, что похитители не врут и Паскаль в безопасности.

Кто-то снял с него маску.

Дальше был быстрый переход по узким коридорам, где он задевал плечами стены и где воняло дешевым антисептиком. Силвесту помогли спуститься по лязгающей железной лестнице, и два скрипучих лифта увезли его на неизвестную глубину. Потом его ввели в какое-то большое помещение, где гуляло гулкое эхо, а воздух пропах металлом, но был относительно свеж. Потом они прошли мимо воздуховода — из него доносился тонкий свист ветра. Иногда Силвест слышал голоса, даже как будто со знакомыми интонациями, но угадать, кому они принадлежат, не удалось. И вот теперь комната.

Силвест почему-то был уверен, что она выкрашена белым и имеет кубическую форму. Он почти физически ощущал давление этих стен.

Кто-то подошел к нему. От этого человека пахло капустой. Силвест ощутил легкие прикосновения к лицу рук, обтянутых чем-то гладким, со слабым запахом дезинфицирующего средства. Вот пальцы коснулись глаз, а затем по фасетам глазного яблока застучало что-то твердое.

Каждый легкий удар зажигал непереносимую боль где-то в височных отделах мозга.

— Починишь их, когда я прикажу, — раздался голос, безусловно знакомый Силвесту — женский, но с необычной хрипотцой, превращавшей его почти в мужской. — А пока пусть побудет слепым.

Уходящие шаги. Должно быть, та, которая говорила, жестом отпустила конвой. Оставшись в одиночестве, Силвест вдруг потерял чувство равновесия. Куда ни повернись, всюду стоит одна и та же серая геометрическая матрица. Ноги стали ватными, но ухватиться было не за что. А может, он на высоте метров десять над полом?

Он стал падать навзничь, махая руками в жалкой попытке сохранить равновесие.

Кто-то схватил его за руку и удержал. Пульс звучал так, будто рядом пилили бревно.

Чье-то дыхание.

Потом влажный щелчок. Силвест понял: женщина открыла рот, а после закрыла. Теперь она, должно быть, улыбается, радуясь увиденному.

— Кто ты? — спросил он.

— Ах ты, жалкий мерзавец! Даже и голоса моего не помнишь.

Ее опытные пальцы сжали его предплечье, отыскали нужный нерв и нажали. Силвест завизжал, как наказанный щенок. То был первый болевой импульс, заставивший его забыть о боли в глазах.

— Клянусь, — простонал Силвест, — я не знаю тебя!

Она ослабила давление. Когда нервы и вены вернулись на свои места, боль ослабла. Но рука онемела до самого плеча.

— А должен бы помнить, — сказала женщина. — Я та, которую ты много лет считал мертвой, Дэн. Погребенной под оползнем.

— Слука!

Он вспомнил.

Вольева как раз шла к капитану, когда случилась эта неприятность. Остальная команда, включая Хоури, погрузилась в криосон на все время пути до Ресургема; Илиа же возобновила привычные разговоры со слегка отогретым Бреннигеном. Чтобы он мог хотя бы фрагментарно соображать, необходимо было поднять температуру его мозга на несколько градусов Кельвина. За последние два с половиной года это стало для нее рутиной — и будет продолжаться еще столько же, пока корабль не приблизится к Ресургему.

Конечно, разговоры происходили не так уж часто, поскольку после каждого нагрева чума отвоевывала новую частицу капитанского тела и окружающей его среды. И все же это были желанные сеансы человеческого общения среди бесконечной борьбы с вирусами, ухода за оружием и войны с продолжающимся разрушением основ существования корабля.

Поэтому Вольева с нетерпением ждала новой встречи, даже если капитан порой ничем не выказывал, что помнит, на какую тему они беседовали в прошлый раз. Еще хуже было то, что в их отношениях недавно появился холодок. Возможно, из-за того, что Садзаки не удалось найти Силвеста в системе Йеллоустона, а это обрекало капитана по меньшей мере на еще одно пятилетие пытки. Пятилетие — это в лучшем случае.

Что, если не удастся найти Силвеста на Ресургеме? Вольевой это казалось вполне вероятным. Каждый раз капитан спрашивал, как идет поиск Силвеста, а она каждый раз отвечала, что результатов пока нет. В эту минуту Бренниген всегда мрачнел (за что она вряд ли могла его винить), и тон разговора менялся. Порой капитан вообще становился некоммуникабельным.

Через несколько дней или даже недель выяснялось, что он начисто позабыл об этом разговоре, и они снова проходили тот же тернистый путь, разве что Вольевой удавалось вложить в свой рассказ толику оптимизма.

На их отношения бросал мрачную тень еще и тот факт, что Вольева упорно пыталась выяснить подробности визита капитана и Садзаки к жонглерам. Лишь относительно недавно, может пару лет назад, Илиа пришла к выводу, что перемена случилась во время того посещения жонглеров. Возможно, оно имело целью как-то трансформировать работу мозга, но почему Садзаки позволил изменить себя к худшему? Он стал жестоким, деспотичным, не терпел малейшего противоречия, тогда как раньше был строг, но справедлив. Раньше он был самым уважаемым членом триумвирата, а теперь Илиа не доверяла ему. А капитан, вместо того чтобы пролить свет на случившееся, резким тоном отказывался отвечать на вопросы, вследствие чего у нее портилось настроение, а любопытство, наоборот, крепло.

Вот и теперь она шла к капитану, обуреваемая привычными мыслями: как ей ответить на неизбежный вопрос о Силвесте и с какой стороны на этот раз подойти к теме жонглеров?

Ее путь лежал через тайный склад. Вот тогда-то Вольева и обнаружила, что одно орудие — самое грозное — было передвинуто.

— Ситуация изменилась, — сказала Мадемуазель. — Некоторые перемены случайны, другие — нет.

Было странно ощущать себя снова в сознании. Не говоря уже о том, что Хоури опять слышала голос Мадемуазели. Ведь последнее, что помнила Ана, — как она ложится в криокапсулу, а над ней склоняется Вольева, отдавая распоряжения сво-

ему браслету. Теперь же Хоури ничего не видит и не ощущает — даже холода не чувствует. Но все же сознает непонятно каким образом, что и в данную минуту пребывает в криосне.

— Где я?

— На борту корабля, примерно на полпути к Ресургему. Мы идем с очень большой скоростью — всего на процент ниже скорости света. Я слегка повысила температуру твоих нейронов. Этого достаточно для разговора.

— А Вольева не заметит?

— Если и заметит, боюсь, это будет наименьшей из наших проблем. Помнишь тайный склад? Помнишь, как я обнаружила нечто, прячущееся в конструкции ЦАПа? — Подтверждения Мадемуазель не ждала. — Было очень трудно расшифровать информацию, добытую моими «ищейками». Я билась над ней три года кряду... Но теперь кое-что понимаю.

Хоури представилось, как Мадемуазель потрошит своих «ищеек», чтобы погадать по их внутренностям.

— Стало быть, «заяц» реален?

— О да! И враждебен, но об этом немного позже.

— Ты догадываешься, что он собой представляет?

— Нет, — ответила Мадемуазель, но, судя по сдержанному тону, ответ был неполон. — Впрочем, мне удалось выяснить кое-что не менее интересное.

То, о чем хотела рассказать Мадемуазель, имело отношение к топологии центрального артиллерийского поста. Каковой представлял собой невероятно сложный комплекс, создававшийся слой за слоем в течение десятилетий корабельного времени. Сомнительно, чтобы один человеческий мозг — даже мозг Вольевой — мог понять хотя бы самые основы этой топологии. Взаимопроникновение компьютерных операций, их наложение друг на друга было поистине головоломным.

При всей своей сложности ЦАП был почти полностью автономен, и большинством высших функций вооружения мог управлять только тот, кто занимал его кресло. Его защищал файрволл, пропускавший к нему информацию лишь из внутреннего пространства корабля. На то имелись чисто тактические причины. Поскольку орудия (и не только находящиеся на тайном складе) для боевого применения перемещались за

корпус корабля, возникал потенциальный риск проникновения на борт неприятельских боевых вирусов. Поэтому ЦАП был надежно защищен фильтром одностороннего действия, и никакое «инородное тело» не могло в него проникнуть.

— А теперь, — сказала Мадемуазель, — когда мы все-таки обнаружили это «инородное тело» в ЦАПе, я прошу тебя сделать логический вывод.

— Что бы этот «заяц» ни представлял собой, он попал в ЦАП по ошибке.

— Да! — радостно подтвердила Мадемуазель, как будто сама не додумалась до этого раньше. — Конечно, мы должны рассмотреть и такую возможность. «Заяц» мог попасть в ЦАП и через артсистемы, но я все же полагаю, он проник через люк. Больше того, мне известно, кто и когда через этот люк проходил в последний раз.

— И когда же?

— Восемнадцать лет назад. — Прежде чем Хоури успела что-либо сказать, Мадемуазель добавила: — Это по корабельному времени, а по мировому — лет за восемь-девять до того, как тебя взяли в команду.

— Силвест! — с удивлением проговорила Хоури. — Садзаки сказал, что Силвест попал сюда по единственной причине: только он мог вылечить капитана Бреннигена. Даты совпадают?

— Более-менее. Это должен быть год две тысячи четыреста шестидесятый — через двадцать с хвостиком лет после возвращения Силвеста от затворников.

— Думаешь, он привез это загадочное нечто с собой?

— Все, что нам известно, мы знаем от Садзаки. Силвест впустил в себя имитацию сознания Кэлвина, чтобы вылечить капитана Бреннигена. В какой-то момент этой операции Силвест соединился с информационным пространством корабля. Возможно, что именно таким путем «заяц» сумел проникнуть сюда. Потом — наверное, очень скоро — он пробрался в ЦАП через люк.

— И с того времени обретается там?

— Похоже на то.

Это уже стало привычным: когда Хоури чувствовала, что в ее голове складывается вполне достоверное (или почти досто-

верное) представление, неизвестно откуда вдруг выскакивал какой-нибудь новый факт, и картина разлеталась вдребезги. Она казалась себе средневековым астрономом, который высосанные из пальца космологические теории силится увязать с открытиями, сделанными при помощи новейшей техники. Вот и сейчас ей не удавалось взять в толк, какая может быть связь между Силвестом и ЦАПом. Впрочем, можно вовсе не ломать голову, благо невежество позволяет. Если даже сама Мадемуазель в тупике...

— Ты сказала, что это враждебная сущность. — Хоури тщательно подбирала слова, сомневаясь, что хочет задать много вопросов, — очень уж тяжело мозг усваивал ответы.

— Да. — Снова Мадемуазель замялась. — Зря я выпускала «ищеек». Импульсивный шаг... Надо было предвидеть, что Похититель Солнц...

— Похититель Солнц?

— Так он себя называет. «Заяц», в смысле.

Вот это плохо! Откуда Мадемуазель узнала имя этой сущности? Вдруг вспомнилось, как Вольева спрашивала, не значат ли для Хоури что-нибудь эти самые слова. Но есть кое-что и похуже: кажется, их же Ана слышала во сне, и совсем недавно. Хоури уже открыла рот, чтобы заговорить, но Мадемуазель опередила ее.

— Он использовал «ищеек», чтобы сбежать — если не целиком сбежать, то частично. С их помощью, Хоури, он проник в твой мозг!

В новой тюрьме у Силвеста не было надежного способа определять время. Единственное, в чем он был уверен, — с момента пленения времени прошло много. Силвест подозревал, что его пичкают наркотиками, вызывающими почти коматозный, без сновидений, сон. Крайне редко сны все-таки случались, и, хотя в них он не был полностью слепым, они все равно касались проблем зрения, внушая ему, как важно сохранить то немногое, что от этого зрения осталось.

Когда же Силвест просыпался, перед глазами возникала все та же серая пелена. Хотя позднее ему стало казаться, что эта серость теряет свою структуру. Сперва это был строгий геомет-

рический орнамент, наложенный на его мозг и теперь просто отторгаемый им потихоньку. Постепенно этот орнамент превратился в серую бесконечность. Ее цвет потерял свою специфичность — сейчас это было всего лишь полное отсутствие других красок.

Силвест с болью размышлял о том, чего он лишился. Возможно, окружающая обстановка такая унылая, такая аскетичная, что, будь она постоянно на виду, его мозг в конце концов отторг бы и ее. Но теперь ощущался лишь камень — мегатонны молчаливого камня со всех сторон. Он постоянно думал о Паскаль, но с каждым днем все труднее было удерживать в памяти ее образ. Серая пелена так и норовила просочиться в его мозг, покрыть его слоем цементного раствора.

Но вот настал день, когда Силвест съел свой тюремный паек, после чего открылась дверь и вошли двое. Сначала он узнал голос Гиллиан Слуки.

— Делай с ним, что собирался, — буркнула она, — но в границах дозволенного.

— Неплохо бы усыпить его на время операции, — отозвался другой голос — мужской и простуженный.

Снова от этого человека пахло съеденной капустой.

— Перебьется. — Слука поколебалась, а потом добавила: — Фолкендер, я не жду никаких чудес, просто хочу, чтобы этот подонок посмотрел мне в глаза.

— Дай мне часов пять-шесть, — попросил Фолкендер.

Раздался глухой стук — мужчина положил что-то тяжелое на тюремный стол с тупыми кромками.

— Я постараюсь, — пробормотал он. — Но, насколько мне известно, перед тем как ты его ослепила, у него уже были проблемы с глазами.

— У тебя есть час. — Покидая камеру, она громко хлопнула дверью.

Силвест, привыкший к тишине, как личинка к кокону, почувствовал, что у него в мозгу что-то сдвинулось. Слишком долго он ловил самые слабые звуки — подсказки об ожидавшей его судьбе. Их не было, ни одной, но слух от этих бесконечных тренировок обострился до крайности.

Он понял по запаху, что Фолкендер подошел ближе.

— Работать с вами — честь для меня, доктор Силвест, — сказал он и впрямь довольно почтительно. — Уверен, если будет время, мне удастся восстановить многое из того, что она разрушила.

— Она дала вам час, — напомнил Силвест. Собственный голос казался ему незнакомым; слишком давно он ни с кем не разговаривал, лишь порой стонал во сне. — А что можно сделать за час?

Было слышно, как Фолкендер роется в своих инструментах.

— Ну, хотя бы немного улучшить зрение. — Он перемежал фразы своеобразным квохтаньем. — И чем меньше вы будете мне мешать, тем больше я успею. Увы, не могу обещать, что операция будет приятной.

— Я верю, что вы постараетесь.

Чужие пальцы скользнули по его глазам, слегка нажимая на них.

— Я всегда восхищался вашим отцом, знаете ли. — Квохтанье Фолкендера почему-то напомнило Силвесту о павлинах Жанекена. — Всем известно, что эти глаза сделал вам он.

— Его бета-копия, — поправил Силвест.

— Конечно-конечно... — Силвесту очень ясно представилось, как собеседник недовольно отмахивается от этого уточнения. — Разумеется, не альфа, ведь она, как известно, исчезла гораздо раньше.

— Я продал ее жонглерам образами, — глухо сказал Силвест.

После долгих лет умолчания истина, будто по собственной воле, выскочила у него изо рта.

Фолкендер издал странный трахейный звук — Силвест его расценил как хихиканье.

— Конечно-конечно... Знаете, я прямо удивляюсь, что вас до сих пор никто в этом не обвинил. Нет, каков все же пресловутый человеческий цинизм! — Резкий воющий звук заполнил комнату, за ним последовала рвущая нервы вибрация. — Думаю, вам придется навсегда распроститься с цветным зрением. Монохромная картинка — лучшее из того, что у меня может выйти.

Хоури надеялась получить перерыв, чтобы перевести дух, собраться с мыслями, сосредоточиться: не слышно ли дыхания этой сущности у нее в голове? Однако Мадемуазель продолжала рассказ.

— Уверена, Похититель Солнц уже предпринимал аналогичную попытку, — говорила она. — Я имею в виду твоего предшественника.

— Хочешь сказать, что «заяц» пытался проникнуть в мозг Нагорного?

— Именно так. Только в случае с Нагорным не было «ищеек», на которых Похититель Солнц мог бы прокатиться. Пришлось ему прибегнуть к более грубому способу.

— Настолько грубому, что Нагорный сошел с ума?

— Похоже на то, — качнула головой собеседница. — Не исключено, что Похититель Солнц всего лишь попытался навязать ему свою волю. Сам не мог выбраться из ЦАПа, вот и решил сделать из Нагорного марионетку. Должно быть, все произошло во время обучения стажера на подсознательном уровне.

— А теперь скажи точно, как обстоят мои дела.

— Пока еще более-менее. У него было слишком мало «ищеек», так что причинить тебе большой ущерб он не сумел.

— Что случилось с «ищейками»?

— Мне, разумеется, пришлось их расшифровать, чтобы разобраться с собранной ими информацией. Но, сделав это, я подставилась Похитителю Солнц. Правда, псы в известной степени ослабили его, ограничили его возможности, поэтому атака на меня была очень вялой. А будь иначе, я не успела бы применить свои средства защиты. Отбиться было не так уж сложно, но ведь я имела дело с малой его частью.

— Значит, для меня опасности нет?

— Ну, не совсем так. Мне удалось выгнать его только из имплантата, в котором я нахожусь сейчас. К сожалению, моя защита не распространяется на другие имплантаты, в том числе и на те, которые поставила тебе Вольева.

— Следовательно, он все еще в моей голове?

— Он мог бы обойтись даже без «ищеек», — сказала Мадемуазель. — Он мог войти в имплантаты, поставленные Вольевой, как только она впервые привела тебя в ЦАП. Но ясное

дело, «ищейки» оказались самыми удобными носителями. Если бы он не попытался напасть на меня с их помощью, я бы, наверное, не заметила его присутствия в других имплантатах.

— Похоже, ты права.

— Надеюсь на это. Ведь если так, значит мои меры оказались эффективными. Помнишь, как ловко я помешала Вольевой привить тебе чувство лояльности?

— Да, — мрачно ответила Хоури, которой вовсе не казалось, что это было сделано ловко.

— А нынешняя ситуация очень похожа на ту. Единственная разница состоит в том, что я сейчас выставляю барьеры против тех областей мозга, которые Похититель Солнц уже занял. Последние два года мы ведем боевые действия... — Она помолчала, а затем, видимо под влиянием своего рода эйфории, добавила: — Думаю, это можно назвать холодной войной.

— Недаром я лежу в холоде...

— И медленной, — продолжала Мадемуазель. — Холод лишил нас энергии, которой иначе мы бы нашли применение. И конечно, нам приходилось действовать осторожно, чтобы не причинить тебе вреда. Иначе бы ты потеряла ценность и для меня, и для Похитителя Солнц.

Хоури же подумала о том, почему, собственно, этот разговор стал вообще возможен.

— Но теперь, когда я согрелась...

— Правильно понимаешь! Наша борьба ощутимо усилится. Возможно, Вольева что-то заметила. Не исключено, что ее устройства ловят твои мысли прямо сейчас. Допускаю, что ей известно о нашей войне с Похитителем Солнц. Я бы предпочла затаиться, но тогда Похититель перехватит инициативу и разрушит мою оборону.

— Надеюсь, ты способна сейчас сопротивляться ему?

— Думаю, да. Но на тот случай, если он вдруг одержит верх, я решила сообщить тебе, что происходит.

Это было, пожалуй, разумно. Лучше знать, что Похититель Солнц проник в твой мозг, чем радоваться мнимой безопасности.

— И еще я хочу предупредить вот о чем. Основная часть этой сущности находится в пределах ЦАПа. Я не сомневаюсь,

что она постарается завладеть тобой полностью или частично, как только наступит подходящий момент.

— Хочешь сказать, что это может произойти, как только я снова окажусь в ЦАПе?

— Да, пространство для маневра у нас невелико, — сказала Мадемуазель, — но я подумала, что тебе лучше представлять ситуацию во всей ее сложности.

Хоури решила, что она еще очень далека от этого, хотя то, о чем говорит призрак, в основном верно.

— Знаешь, — сказала она, — если Силвест несет ответственность за появление этой сущности, то убивать его я буду с наслаждением, и тут никаких нравственных проблем не возникнет.

— Отлично. А мои новости не так уж и беспросветны. Когда я посылала «ищеек» в ЦАП, вместе с ними отправилась и моя аватара. Из доклада вернувшихся «ищеек» я узнала, что Вольева аватару не заметила. Правда, с тех пор прошло больше двух лет, но у меня нет оснований для пессимистических допущений.

— Если аватара не была уничтожена самим Похитителем Солнц.

— Разумное предположение, — согласилась Мадемуазель. — Но если Похититель Солнц так умен, как мне кажется, он не сделает ничего, что может привлечь внимание к нему самому. А он не может быть уверен, что аватару в Систему запустила не Вольева. У нее ведь могли возникнуть собственные сомнения.

— А зачем это сделала ты?

— Чтобы в случае необходимости самой захватить контроль над ЦАПом.

Если бы у Кэлвина была могила, думал Силвест, он вертелся бы там быстрее, чем Цербер вертится вокруг нейтронной звезды Гадес. Он бы бесился из-за насилия, которому подвергается его лучшее изделие. Вот только Кэлвин на самом деле жив, хоть и лишился тела задолго до того, как его имитация соорудила зрительный аппарат для Дэна.

Подобные рассуждения позволяли держать боль в узде. Хотя, если по правде, без нее не проходило и минуты с тех пор,

как Силвеста захватили мятежники. Фолкендер льстит себе, если верит, что причиняемая им боль хоть в малейшей степени усиливает страдания Силвеста.

Но в конце концов благодаря некоему чуду она ослабла.

Как будто вакуум образовался в мозгу — заполненная космическим холодом неведомая вакуоль. Но изъять боль — все равно что изъять какую-то важную подпорку для организма. Силвесту казалось, что он в любой миг может рухнуть, что все его внутренние балконы и карнизы угрожающе кренятся под напором собственного веса. Потребовались огромные усилия, чтобы вернуть хоть отчасти внутреннее равновесие.

И вот теперь в поле его зрения появились бесцветные полупрозрачные призраки.

Через секунду они стали твердеть и приобретать четкие очертания. Комната — почти без мебели, с голыми стенами, как он и представлял. Силуэт человека в маске, склонившийся над ним. Ладонь в чем-то вроде перчатки из блестящего хрома. Перчатка кончалась не пальцами, а множеством осьминожьих щупальцев. Эти манипуляторы тоже металлически сверкали. В глазу торчала сложная лупа — вернее, система луп, — соединенная с перчаткой суставчатым тросиком. Лицо было бледным, как брюхо ящерицы, второй глаз казался расфокусированным и синюшным. Лоб был забрызган кровью. Она казалась серо-зеленой, но Силвест все равно знал, что это кровь.

Вообще-то, все, что он видел, было серо-зеленым.

Перчатка исчезла — Фолкендер стащил ее с запястья другой рукой. Обнажившаяся кисть была покрыта какой-то жирной мазью.

Он стал складывать в чемоданчик свои инструменты.

— Что ж, я не обещал чуда, — сказал он. — Да вам и не следовало его ждать.

Фолкендер двигался рывками, и Силвест не сразу сообразил: глаза улавливают всего три-четыре «кадра» в секунду. Весь мир уподобился карандашным рисункам, которые ребятишки делают на полях учебников, а затем приводят в движение, пропуская страницы между большим и указательным пальцами. Через каждые несколько секунд неприятно менялись глубина и резкость изображения. Сам Фолкендер, например, казался

контррельефом, вырезанным в стене камеры. Иногда часть поля зрения сминалась и оставалась в таком состоянии секунд десять, даже если Силвест переводил глаза в другую точку.

И все-таки это было зрение. Вернее, двоюродный брат-идиот настоящего зрения.

— Спасибо, — сказал Силвест. — Так... все же лучше.

— Я думаю, нам пора идти, — произнес врач. — Мы уже на пять минут опаздываем.

Силвест кивнул, и даже этого слабого движения было достаточно, чтобы вызвать пульсирующую мигрень. Но это было ничто в сравнении с теми муками, которые он испытал, пока Фолкендер занимался его глазами.

Он сам встал с кушетки. Может быть, потому, что сейчас Силвест шел к двери с определенным намерением (в первый раз он чуть не врезался в нее), сам факт перехода через порог показался ему противоестественным, абсурдным. Как будто он должен был шагнуть в пустоту с утеса.

Его подводило чувство равновесия: привык передвигаться в темноте, а теперь возвращение зрения разбалансировало организм. Но мало-помалу головокружение шло на спад, а потом и парочка громил из «Истинного пути» выскочила в коридор, чтобы подхватить Силвеста под руки.

Фолкендер тащился сзади.

— Будьте осторожны, могут быть сбои в восприятии...

Но хотя Силвест и слышал слова врача, их смысла он не улавливал. Он понял теперь, где находится, и это явилось для него шоком. Через двадцать лет разлуки Силвест снова был дома.

Его тюрьмой был Мантель, которого он не видел и почти не вспоминал с момента переворота.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На подходе к Дельте Павлина, год 2564-й

Вольева сидела одна в огромной полусфере рубки, под голографическим изображением системы Ресургема. Ее кресло, подобно остальным, пустовавшим, находилось на конце длин-

ной суставчатой «руки», что позволяло мгновенно перенестись в любую точку рубки. На протяжении многих часов, подперев подбородок, Вольева всматривалась в модель планетарной системы, как дитя в блестящую игрушку.

Дельта Павлина казалась кусочком раскаленной докрасна амбры, помещенным в центр орбит одиннадцати главных планет, которые занимали на модели те же места, что и их оригиналы в космосе на данный момент. Пятна астероидной пыли, камней и комет обращались по своим эллипсам. Вся система была окружена своего рода гало — узким поясом Койпера, состоящим из ледяной мелочи. Пояс отличался выраженной асимметрией — результат воздействия нейтронной звезды, невидимого двойника Павлина.

То, что рассматривала Вольева, было компьютерной моделью, а вовсе не копией видимой с корабля картины. Конечно, датчики «Ностальгии по бесконечности» были достаточно чуткими, чтобы увидеть все небесные тела на такой дистанции, но, во-первых, изображение было бы искажено релятивистскими эффектами, а во-вторых, получился бы снимок системы, какой она была годы назад, то есть положение планет сейчас не соответствовало бы реальному. Так как план подхода будет опираться на использование газовых гигантов системы для прикрытия и гравитационного торможения, Вольевой необходимо знать их местонахождение на момент прибытия корабля.

А кроме того, прежде чем корабль встанет на орбиту Ресургема, обогнавший его «передовой дозор» незаметно проведет разведку. Исключительно важно сделать так, чтобы его полет происходил при оптимальном расположении планет.

— Выпускай «щебенку», — распорядилась она, удовлетворенная тем, что́ ей показала компьютерная модель.

«Ностальгия по бесконечности» выпустила около тысячи крошечных зондов, и этот рой, постепенно расширяясь, понесся перед носом сбрасывающего скорость корабля. Вольева снова приказала браслету, и перед ней тут же открылось окно, в котором появилась картина, запечатленная камерой на корпусе. Большинство зондов уже сильно уменьшились в размерах, увлекаемые невидимой силой. Облако все дальше и дальше уходило от корабля, пока не превратилось в размытый

нимб. «Щебенка», летя на околосветовой скорости, должна была достичь системы Ресургема за несколько месяцев до того, как туда доберется корабль. При этом облако «щебенки» будет уже шире, чем орбита, по которой Ресургем обращается вокруг своего солнца. Каждый крошечный зонд будет «смотреть» на планету, хватая фотоны по всему электромагнитному спектру. Собранные им сведения будут передаваться на корабль с помощью точно сфокусированного лазерного луча. Пусть у отдельного зонда улов окажется скромным, но сведения, собранные роем, позволят создать очень четкую и подробную карту Ресургема. Эта карта не скажет Садзаки, где находится Силвест, но зато обрисует ситуацию в главных центрах власти, а главное, что особенно важно, — даст понять, какое противодействие эти центры способны оказать кораблю.

На этот счет Садзаки и Вольева имели схожее мнение: если они найдут Силвеста, то вряд ли тот согласится добровольно взойти на борт.

— Вы знаете, что случилось с Паскаль? — спросил Силвест.

— Она в безопасности, — ответил глазной хирург, который вел Силвеста по кривым, ребристыми, облицованными камнем тоннелям, проложенным под Мантелем. — Во всяком случае, я так слышал, — добавил он, несколько приглушая радость Силвеста. — Могу и ошибаться, но не думаю, что Слука способна убить ее без веской причины. Зато заморозить — это вполне в ее власти.

— Заморозить?

— Ну, пока та не понадобится. Вы уже должны были понять, что Слука заглядывает очень далеко вперед.

Непрерывно накатывавшие волны тошноты грозили одержать верх над Силвестом. Глаза болели, но он постоянно напоминал себе: лучше так, чем вообще без зрения. Слепой, он бессилен, не сможет оказать никакого сопротивления. Для зрячего, впрочем, бегство тоже неосуществимо, но хотя бы не приходится тащиться ощупью. То зрение, которым он сейчас обладает, насмешило бы самых низших беспозвоночных. В пространственном восприятии зияют громадные дыры, цвет присутствует лишь в виде оттенков серого и зеленого.

То, что он знал, — то, что помнил, — сводилось вот к чему.

Он не видел Мантель с ночи переворота — первого переворота, двадцатилетней давности, поправил он себя. Жирардо свергнут, и Силвест должен теперь думать о собственном свержении сугубо в исторических рамках. Режим Жирардо не разделался сразу с этим поселением, хотя его нацеленность на изучение амарантийского наследия противоречила программе увлажнистов. В течение пяти-шести лет после переворота лучшие ученики Силвеста постепенно перебирались отсюда в Кювье, а их заменяли здесь экологи, ботаники и специалисты по геоэнергетике. Наконец Мантель опустился до уровня очень плохо финансируемой испытательной станции с минимумом персонала, чьи проекты считались безнадежно устарелыми или тупиковыми. Ходили слухи, что лидерами «Истинного пути» в Кювье (или в Ресургем-Сити, как его еще называли) руководил кто-то извне, какая-то клика бывших сторонников Жирардо, которые разошлись с ним после первых же мероприятий новой власти. Предполагалось, что эти отчаянные частично изменили свою физиологию и это позволило им жить вне куполов, в условиях запыленной и бедной кислородом атмосферы, используя биотехнологию, закупленную у капитана Ремиллиода.

Появление подобных легенд — дело вполне естественное. Но после спорадических атак на некоторые аванпосты легенды стали очень похожими на правду. Затем, насколько было известно Силвесту, Мантель забросили вовсе, а это означало, что его нынешние обитатели могли здесь появиться задолго до успешного покушения на жизнь Жирардо. За месяцы, а может, и за годы.

И уж точно вели они себя так, будто были тут хозяевами. Когда Силвеста ввели в комнату, он понял, что именно здесь разговаривал с Гиллиан Слукой сразу по прибытии из Города. Как давно это было, он даже не догадывался. Впрочем, комнату тоже не узнал, хотя в былые времена, когда жил в Мантеле, возможно, бывал в ней часто. Сейчас он не видел кругом никаких знакомых предметов. Вероятно, отделка комнаты и меблировка теперь совершенно иные.

Слука стояла к нему спиной, рядом со столиком, руки в перчатках чопорно сцеплены на бедре. Волосы заплетены в ко-

су, свисающую до лопаток. Одета в длинный — до колен — приталенный жакет с кожаными наплечниками. Ее цвет Силвестово зрение воспринимало как грязно-оливковый. Энтоптиков Слука не проецировала.

У одной из стен вертелось несколько глобусов, стоящих на тонких и изогнутых, как лебединые шеи, кронштейнах. Что-то похожее на дневной свет лилось с потолка, но фильтрующие глаза Силвеста лишили его всякого тепла.

— Когда мы беседовали сразу после твоей поимки, — хрипло сказала Слука, — мне показалось, что ты меня не узнал.

— Я всегда считал, что ты погибла.

— Люди Жирардо хотели, чтобы ты так считал. История с гибелью нашего вездехода под оползнем — чистая ложь. На нас напали... Они, разумеется, думали, что ты на борту.

— Но почему они не убили меня позже, когда нашли на раскопках?

— Пришли к выводу, что живой ты для них полезнее, чем труп. Жирардо же не идиот, он всегда использовал тебя с прибылью.

— Если бы ты и твои приятели остались на раскопках, ничего бы не случилось. Но как вам вообще удалось уцелеть?

— Кое-кто вылез из вездехода еще до нападения подручных Жирардо. Мы захватили разное оборудование и перетащили его в каньоны Птичья Лапа. Там же поставили и надувные палатки. Это все, что я видела в течение целого года. При нападении меня тяжело ранило.

Силвест провел пальцем по пестрой поверхности одного из глобусов. Теперь ему было понятно, что́ они изображают — топографию планеты на разных этапах терраформирования Ресургема.

— А почему ты не примкнула к Жирардо в Кювье?

— Он считал, что со мной слишком много хлопот, и не рвался принять в свои объятия. Жирардо был готов сохранить нам жизнь, но только потому, что убийство такого количества людей могло бы привлечь внимание. — Она помолчала. — Все линии связи мятежники перерезали. К счастью, мы захватили с собой кое-какие игрушки Ремиллиода. Самыми полезными среди них оказались энзимы-мусорщики. А пыль нам не слишком вредила.

Силвест снова обратился к глобусам. Слабое зрение позволяло лишь догадываться о расцветке, но он предположил, что с течением времени все больше места завоевывает зелено-голубая гамма. Высокие плато должны превратиться в материки, омываемые океанами. Степям предстояло смениться лесами.

Он перевел взгляд на последние глобусы, изображавшие возможную картину Ресургема через несколько столетий. На ночной стороне планеты сверкали цепочки городов, промышленные комплексы, будто собранные из деталей детского конструктора, опоясали планету. Паутинки космических мостов протянулись от экватора к орбитам.

Что станется с этой хрупкой экологией, подумал он, если солнце Ресургема вновь вспыхнет, как это случилось девятьсот девяносто тысяч лет назад, когда амарантийская цивилизация уже подходила к нашему уровню развития?

Не слишком радужная перспектива.

— Кроме биотехники, — спросил он, — что еще дал вам Ремиллиод? Поверь, я спрашиваю из чистого любопытства.

Слука как будто пребывала в хорошем настроении.

— Ты не спросил о Кювье. Это меня удивляет. — И добавила: — И о своей жене тоже.

— Фолкендер сказал мне, что Паскаль в безопасности.

— Так оно и есть. Возможно, я разрешу встретиться с ней. А теперь попрошу внимания. Нам не удалось захватить столицу. Остальной Ресургем наш, но люди Жирардо продолжают удерживать Кювье.

— Город цел?

— Нет, — ответила она. — Мы... — Она бросила взгляд через его плечо на Фолкендера. — Позовите Делоне. И пусть принесет образчик даров Ремиллиода.

Фолкендер вышел, оставив их вдвоем.

— Я так понимаю, — сказала Слука, — что между тобой и Нильсом было заключено соглашение. Слухи до меня доходили разноречивые, но нет дыма без огня. Не соблаговолишь ли рассказать правду?

— Все это было неофициально, — ответил Силвест, — какие бы слухи ни доходили до вас.

— Я правильно поняла: он ввел в игру свою дочь, чтобы выставить тебя в нелицеприятном свете?

— В этом был некий смысл, — устало ответил Силвест. — Моя биография, написанная членом семьи моего же тюремщика, — это козырь... А Паскаль молода, но не настолько, чтобы не заботиться о том, какой след она оставит в истории. Все участники сделки останутся в выигрыше. Уж Паскаль точно не проиграет — хотя, надо отдать ей должное, она трудится на совесть.

Силвест поморщился, вспомнив, сколь близко она подошла к истине в вопросе о судьбе альфа-копии Кэлвина. Не раз он наблюдал, как верно она отбирает и оценивает факты и тем не менее воздерживается от их включения в биографию. Теперь Паскаль знает гораздо больше; в частности, знает о случившемся у Завесы Ласкаля и о настоящих обстоятельствах смерти Карины Лефевр. Жаль, что не удалось поговорить с Паскаль после того, как он ей об этом рассказал.

— Что касается Жирардо, — продолжал он, — он был рад тому, что дочь участвует в очень важном проекте. Не говоря уже о том, что Дэн Силвест стал доступен для детального изучения. Я был ценной бабочкой в его коллекции, но, пока биография не была написана, он не мог выставить меня на всеобщее обозрение.

— Я познакомилась с твоей биографией, — сказала Слука, — но у меня нет уверенности, что Жирардо получил именно то, чего добивался.

— Тем не менее он обещал сдержать слово.

Глаза расфокусировались, и на какое-то мгновение женщина, с которой говорил Силвест, показалась отверстием, вырезанным в стене женским силуэтом. За этим отверстием лежала бесконечность.

Странное мгновение прошло. Он добавил:

— Я хотел организовать экспедицию к Церберу-Гадесу. Думаю, что Жирардо уже был готов дать мне свободу действий, если бы у колонии нашлись средства.

— Думаешь, там что-то есть?

— Ты же знакома с моими гипотезами, — ответил Силвест, — и не можешь отрицать, что они логичны.

— Я нахожу их увлекательными, как и любую умозрительную конструкцию, основанную на иллюзии.

Как раз в этот миг открылась дверь и вошел человек, которого Силвест прежде не видел. Но он понял, что это Делоне. Его сопровождал Фолкендер. Делоне имел бульдожье телосложение, его лицо покрывала многодневная щетина, на лысой голове топорщился малиновый берет. Глаза были окружены красными пролежнями, на шее висели очки. Грудь перетягивал тканый ремень, ноги утопали в бурых муклуках.

— Покажи эту жутковатую штучку нашему гостю, — приказала Слука.

Делоне держал за толстую рукоять темный металлический цилиндр.

— Возьми, — сказала Слука Силвесту.

Тот взял. Оружие, как он и ожидал, было тяжелым. Рукоять крепилась к торцу цилиндра, под ней располагался зеленоватый ключ. Силвест быстро устал держать цилиндр и положил его на стол.

— Открой.

Силвест повернул ключ — ничего другого не оставалось. Цилиндр раскрылся, как матрешка. Верхняя половинка поднялась на четырех металлических стойках, которые опирались на чуть меньший цилиндр, до тех пор скрывавшийся внутри. Этот меньший тут же раскрылся в свою очередь, обнажив следующий. Процесс продолжался, пока не появилось шесть или семь оболочек.

Самым последним на свет появился серебристый столбик. В его боковине было прорезано крошечное оконце, за которым находилось освещенное углубление. В нем можно было видеть нечто вроде булавки с круглой головкой.

— Надеюсь, ты знаешь, что это такое? — спросила Слука.

— Могу лишь сказать, что оно сделано не здесь, — ответил Силвест, — и вряд ли привезено с Йеллоустона. Таким образом, остается лишь наш славный благодетель Ремиллиод. Это у него вы купили устройство?

— И еще девять таких же. Одного уже нет — оно было использовано в Кювье.

— Оружие?

— Люди Ремиллиода называли это «горячей пылью», — ответила Слука. — Антиматерией. Булавочная головка содержит

одну двадцатую грамма антилития, чего для наших целей было более чем достаточно.

— Я не знал, что такое оружие существует. Да еще столь компактное.

— Это понятно. Данная технология поставлена вне закона чертову уйму лет назад. Никто даже не помнит, как производились такие вещи.

— И на что способна такая порция «горячей пыли»?

— На то же, что и две килотонны стандартной взрывчатки. Этого достаточно, чтобы на месте Кювье осталась большая дыра.

Силвест кивнул, пытаясь оценить масштабы ущерба, вообразить, что случилось с теми, кто умер или был ослеплен этой булавочной головкой. Легкая разница в давлении внутри куполов и вне их породила бешеные вихри на ухоженных улицах и площадях города. Он видел вырванные с корнем деревья и кустарники, унесенных ураганом птиц и животных. Люди, которые пережили взрыв, — вряд ли их осталось много, — должны были искать спасения под землей, причем быстро, пока они не погибли от удушья, когда наружный воздух заменил улетевшую атмосферу куполов. Конечно, воздух планеты сейчас ближе к тому, который нужен для дыхания, чем тот, что был двадцать лет назад, но надо уметь им пользоваться, а за считаные секунды не научишься. Значит, никому не удалось спастись.

— Зачем? — спросил он.

— Это была... — Слука запнулась. — Я хотела назвать это ошибкой, но ты бы возразил, что ошибок на войне не бывает, бывают события более удачные и менее удачные. Во всяком случае, мы не имели намерения воспользоваться «горячей пылью». Люди Жирардо должны были сдать город, как только узнали бы о нашем оружии. Но не получилось. Самому Жирардо о его существовании было известно, но он не успел передать эту информацию подчиненным. Никто не поверил, что оно у нас есть.

Не было необходимости рассказывать Силвесту об остальном. Случившееся стало предельно ясным. Разозленные тем, что их не принимают всерьез, бандиты пустили в ход оружие

массового уничтожения. И все же столица пока обитаема. Верные Жирардо силы удерживают город. Силвест представил себе, как они пытаются из своих бункеров руководить планетой, а тем временем на поверхности пыльные бури гоняют обломки куполов.

— Как видишь, — заговорила женщина, — никто не должен нас недооценивать, а меньше всего те, кто еще сохранил привязанность к режиму Жирардо.

— И как же вы собираетесь использовать остальные устройства?

— Путем незаметного просачивания. Саму «булавочную головку», без всех этих наворотов, можно спрятать хоть в зубном дупле. Ее не обнаружат даже при тщательном медицинском осмотре.

— Вот, значит, каков ваш план! Найти восемь волонтеров и хирургическим путем ввести им эти штуки? Потом восьмерка явится в Город? На этот раз вам, конечно, поверят...

— Все правильно, кроме одного: нам не нужны волонтеры, — ответила Слука. — С ними, конечно, было бы проще, но можно обойтись и без них.

Не обращая внимания на собственный внутренний голос, Силвест сказал:

— Гиллиан, пятнадцать лет назад ты мне нравилась куда больше.

— Можешь отвести его в камеру, — обратилась она к Фолкендеру. — Он мне надоел.

Силвест почувствовал, как хирург тянет его за рукав.

— Гиллиан, можно мне еще поработать над его глазами? Хочу еще кое-что подправить, но ему, конечно, придется за это расплатиться со мной болью.

— Делай что хочешь, — отозвалась Слука. — Только не чувствуй себя обязанным. Должна признаться, теперь, когда Силвест у меня, я разочарована. Думаю, он мне тоже больше нравился в прошлом, пока Жирардо не превратил его в мученика. — Она передернула плечами. — Силвест слишком ценен, чтобы отправить его в расход, но за неимением лучшего выбора я могу его заморозить и подождать, пока он не понадобится. Хоть год, хоть пять, мне без разницы. Так что вот

тебе намек, доктор Фолкендер: не стоит вкладывать много сил в то, что может нам быстро надоесть.

— Успешная операция — сама по себе награда.

— Но я и так вижу прилично, — вмешался Силвест.

— О нет, — ответил Фолкендер. — Я могу сделать для вас гораздо больше, доктор Силвест. Я ведь, в сущности, еще только начал.

Вольева была внизу, у капитана Бреннигена, когда крыса сообщила ей, что поступила информация от «щебенки». Илиа как раз собрала свежие образцы грибка с периферии капитанского обиталища, и успех одного из ретровирусов, недавно примененных против чумы, ободрил ее. Его предком был военный кибервирус из тех, что попали на корабль в ходе сражения. К ее удивлению, он и в самом деле сработал, во всяком случае, на тех образцах грибка, которыми она тогда располагала.

Как раздражает, когда тебя отрывают от важного дела ради того, чему ты сама дала жизнь девять месяцев назад и о чем уже давно успела позабыть! На мгновение она даже удивилась: как же много утекло времени! И все же интересно, какие новости принесли разведчики.

Вольева вошла в лифт и поехала наверх. Да, в самом деле девять месяцев! Кажется невероятным, но ведь время летит незаметно, когда ты по горло занята работой.

Корабль давно идет на скорости, равной одной четверти световой, через сто дней он достигнет точки перехода на орбиту Ресургема, то есть уже сейчас нужно тщательно готовить план действий вблизи планеты. А для этого необходимы данные «щебенки».

В рубке уже были собраны снимки Ресургема и окружающего его пространства, сделанные во всех спектрах электромагнитных и даже куда более экзотических полей. Они давали первое представление о вероятном противнике. Вольева предоставила этой информации полный доступ к своему мозгу — в кризисной ситуации он будет распоряжаться данными с инстинктивной легкостью.

«Щебенка» облетела Ресургем с обеих сторон, чтобы получить подробные сведения как о ночном, так и о дневном полушарии. Сам ее рой растянулся по линии полета таким образом, что разница между появлением первого кибера и последнего составила пятнадцать часов. Иначе говоря, оба полушария были исследованы при различных уровнях освещенности. «Щебенка» дневная, пролетавшая со стороны Дельты Павлина, имела возможность фиксировать выбросы нейтрино из атомных реакторов и работающих на антиматерии силовых установок на поверхности планеты. Обследовавшие же ночную сторону разведчики искали источники теплового излучения, чтобы выявить городские центры и орбитальные спутники. Некоторые тщательно обнюхивали атмосферу, измеряя содержание чистого кислорода, озона и азота и делая выводы о степени воздействия колонистов на естественный биом.

Вольеву удивило, что колонисты, поселившиеся здесь больше пятидесяти лет назад, прожили эти годы в праздности. На орбитах не обнаружено крупных искусственных конструкций, нет и признаков космических перелетов внутри системы. Только немногочисленные исследовательские спутники облетали планету, ведя аэрофотосъемку и оценивая природные ресурсы. На поверхности «щебенка» не зафиксировала крупных промышленных центров, что вызывало большие сомнения в способности колонистов противостоять агрессии и быстро восстанавливать разрушаемую экономику. Разоружить население Ресургема и посеять среди него панику будет нетрудно, что существенно облегчает разработку плана действий.

Нельзя сказать, что колонисты были совсем бездеятельны. В атмосфере Вольева обнаружила весьма существенные изменения. Свободного кислорода оказалось куда больше, чем она ожидала. Киберы, работавшие в инфракрасном спектре, выявили пункты забора геотермической энергии, расположенные в зонах субдукции по краям материков. Наличие нейтрино в полярных районах говорило о вероятном существовании заводов по производству кислорода — термоядерных установок, расщепляющих молекулы воды и льда на кислород и водород. Кислород, надо полагать, выпускался в атмосферу или посту-

пал в купола населенных пунктов, тогда как водород закачивался обратно в установки.

Вольева насчитала около пятидесяти населенных пунктов, преимущественно мелких; ни один не приближался по численности населения к единственному главному. Она вполне допускала, что есть еще множество совсем маленьких поселений, вроде семейных ферм или хуторов, которые «щебенкой» не регистрировались. Было и еще кое-что.

Ресургем находился в системе двойной звезды. Дельта Павлина являлась источником жизни, но, как известно, у нее имелся погасший близнец — темная нейтронная звезда, отделенная десятью световыми часами от Дельты, что давало возможность обеим звездам обзавестись собственными планетными системами со стабильными орбитами.

У нейтронной звезды была всего одна планета. Факт ее существования был известен Вольевой и раньше, еще до появления информации от «щебенки». Банк данных корабля добавил к этому различного рода комментарии и уйму плохо воспринимаемых цифр. Этот мир не представлял интереса в химическом отношении, не обладал атмосферой и был биологически инертен — о его стерильности позаботились ветры с нейтронной звезды еще в те времена, когда она была пульсаром. Вряд ли это нечто большее, нежели кусок железистого шлака, думала Вольева. Надо полагать, ничего полезного он не содержит.

И вот в этих местах «щебенка» обнаружила источник нейтрино. Он был очень слабым, еле-еле фиксировался, но игнорировать его было нельзя. Илиа некоторое время обдумывала ситуацию и пришла к банальному выводу: только машина может оставить такой след.

И это очень беспокоило Вольеву.

— Ты что же, все это время провела на ногах? — спросила Хоури, пробудившись от долгого сна.

Сейчас они с Вольевой шли навестить капитана.

— Ну, не совсем так, — ответила Вольева. — Даже мое тело нуждается в отдыхе. Я когда-то пыталась обходиться без него... Есть препараты и имплантаты, которые влияют на работу ретикулярной формации — того участка мозга, где возникают

сны. Но все равно нужно куда-то сбрасывать яд усталости... — Она поморщилась.

Хоури поняла, что для Вольевой тема имплантатов не более приятна, чем зубная боль.

— Что-нибудь произошло за это время?

— Ничего такого, что могло бы тебя касаться, — отозвалась Вольева, затягиваясь сигаретой.

Хоури уже решила, что эта тема исчерпана, но тут триумвир разразилась неожиданным пассажем:

— Впрочем, раз уж ты мне напомнила... кое-что случилось. Фактически случились две вещи, хотя я и не знаю, какой из них следует придать большее значение. Первая тебя пока не касается. Что же до второй...

Хоури искала в лице Вольевой признаки того, насколько состарили эту женщину семь лет, прошедшие с их последней встречи. Никаких признаков, ни намека. А это означает, что Вольева нейтрализовала причиненный возрастом ущерб при помощи специальных препаратов. Если она и выглядит не так, как раньше, то это благодаря тому, что отпустила волосы, тогда как прежде стриглась наголо. Они и теперь коротки, но все же смягчают резкие очертания рта и скул. «Я бы сказала, — подумала Хоури, — что она скорее выглядит на семь лет моложе, чем на семь старше». Уже не в первый раз она пыталась определить физиологический возраст этой женщины, но безрезультатно.

— И что же это?

— Было нечто непонятное в твоей нейронной активности, пока ты лежала в криосне. Ее вообще не должно было быть. Но то, что я видела, вряд ли можно назвать нормальным даже для бодрствующего. Похоже, у тебя в голове шла небольшая война.

Лифт прибыл на этаж капитана.

— Интересная аналогия, — сказала Хоури, выходя в холодный коридор.

— Если бы только аналогия. Я сомневаюсь, конечно, что у тебя остались какие-нибудь воспоминания.

— Абсолютно никаких, — отозвалась Хоури.

Вольева молчала, пока они не добрались до сгустка человеческой и нечеловеческой материи, которая раньше звалась капитаном. Блестящий, тошнотворно склизкий, он походил не на человека, а скорее на ангела, сорвавшегося с небес и разбившегося о планетную твердь. Древняя капсула все еще хранила в себе капитана, хотя совсем обветшала и растрескалась. Холод, который она еще кое-как вырабатывала, теперь не мог сдерживать непрерывный натиск чумы.

Капитан Бренниген пустил множество корней, похожих на щупальца, которые уходили глубоко в корабль. Вольева следила за ними, но была не в силах остановить их рост. Конечно, можно их срезать, но кто возьмется предсказать, чем это кончится? Как догадывалась Вольева, именно эти корни поддерживали в нем жизнь — если только можно применить к нынешнему состоянию капитана этот термин. Вольева как-то сказала, что со временем корни заплетут все кругом, и тогда уже никто не различит, где корабль, а где капитан. Конечно, можно остановить этот рост, можно полностью изолировать эту часть корабля, даже катапультировать ее, отрезать, как поступали в старину хирурги с гангренозными членами больных. Объем пространства, который сейчас занимает капитан, так мал, что корабль вряд ли заметит его исчезновение. Без сомнения, трансформация будет продолжаться, но вскоре вирус не найдет пищи для себя снаружи и тогда обратится внутрь, и вскоре энтропия погасит последнюю искорку жизни в том, что еще недавно было капитаном.

— Ты рассматривала такую возможность? — спросила Хоури.

— Да, рассматривала, — ответила Вольева, — но надеюсь, что до этого не дойдет. Кажется, я продвигаюсь. Вроде нашла противоядие — сильный ретровирус. Он разрушает механизм чумы скорее, чем чума уничтожает его. Но до сих пор я экспериментировала с образцами очень малых объемов. Не знаю, что еще предпринять: проверка ретровируса на самом капитане — дело врачей, я не имею нужной квалификации для такой работы.

— Понятно, — быстро сказала Хоури. — Но если за это не берешься ты, значит задача целиком будет доверена Силвесту?

— Нельзя недооценивать его искусство и искусство Кэлвина.

— И он с радостью возьмется вам помочь?

— Без радости, конечно. Но ведь Силвест и в первый раз помог нам не по собственной воле. Мы найдем подход к нему.

— Надеюсь, это будет сила убеждения.

Вольева ответила не сразу. Она брала соскоб с трубчатого щупальца, которое как раз в эту минуту собиралось нырнуть в канализацию корабля.

— Силвест человек увлекающийся, — сказала она. — А такими людьми манипулировать легче, чем они воображают. Они настолько увлечены своей единственной целью, что далеко не всегда способны заметить, как подчиняются чьей-то воле.

— Например, твоей?

Вольева сняла тонкий, как волос, соскоб и спрятала его, чтобы проанализировать позже.

— Садзаки не говорил тебе, что мы привели Силвеста на борт во время его так называемого пропавшего месяца?

— «Тридцать дней в пустыне»?

— Дурацкое название, — скрипнула зубами Вольева. — Зачем понадобилась такая библейщина? Похоже, у Силвеста уже тогда был мессианский комплекс. Ну так вот, любопытное совпадение: у нас на борту он оказался ровно за тридцать лет до того, как ресургемская экспедиция покинула Йеллоустон. Ну а теперь я открою тебе маленький секрет. Перед тем как мы прибыли на Йеллоустон и завербовали тебя, мы и слыхом не слыхивали об этой экспедиции. Мы все еще надеялись найти Силвеста на самом Йеллоустоне.

Хоури помнила ситуацию с Фазилем и отлично понимала, какие трудности стояли перед командой корабля, но сочла за лучшее изобразить наивность.

— По-моему, это было глупо — не проверить сначала.

— Мы пытались проверить, но дело в том, что наша самая надежная информация к моменту ее получения устарела на несколько десятков лет. А когда мы начали действовать на ее основе и полетели на Йеллоустон, она устарела еще в два раза.

— Тогда вам просто не повезло. Семья Силвестов всегда была связана с Йеллоустоном — вполне логично рассчитывать, что ее юный отпрыск крутится где-нибудь поблизости.

— Да, к сожалению, мы ошиблись. Но что интересно: мы, кажется, могли себя избавить от этих хлопот. Возможно, Силвест, когда его приволокли на корабль, уже обдумывал свою экспедицию на Ресургем. Если бы мы тогда слушали его внимательнее, то смогли бы отправиться прямо туда, не теряя времени на Йеллоустон.

Пропутешествовав по множеству лифтов и коридоров, что вели от капитанского отсека к поляне, они остановились, и Вольева пошептала в браслет, который никогда не снимала с запястья. Хоури знала, что спутница обращается к одной из систем корабля, но в чем состоял приказ, догадаться было невозможно.

Яркая здешняя зелень была праздником для души после холодного и мрачного капитанского уровня. Теплый воздух полнился запахом цветов. Ярко окрашенные птицы, владевшие воздушным пространством этого огромного помещения, сверкали, пожалуй, слишком сильно для глаз Хоури, уже привыкших к темноте. На какой-то момент Хоури так отвлеклась, что не сразу заметила: они с Вольевой уже не одни. Теперь она увидела еще троих человек, стоявших на коленях в росистой траве вокруг огромного пня. Одним из них был Садзаки, но с другой прической — Хоури еще не приходилось видеть такой. Теперь он был лыс, если не считать заплетенной в узел пряди на самой макушке. Вторым человеком, которого она тут же узнала, была Вольева — волосы коротко подстрижены, что подчеркивает угловатую форму головы; из-за прически копия казалась старше той Вольевой, что стояла рядом с Хоури. Третий собеседник — сам Силвест.

— Составим им компанию? — предложила настоящая Вольева, спускаясь по шаткой лестнице к травяному покрову поляны.

Хоури послушно пошла за ней.

— Это примерно год... — Она остановилась, чтобы вспомнить дату, когда Силвест исчезал из Города Бездны. — Две тысячи четыреста шестидесятый, верно?

— В самую точку, — отозвалась Вольева, поворачиваясь к Хоури и бросая на нее удивленный взгляд. — Ты что, специалист по биографии Силвеста? Впрочем, не имеет значения. Важно то, что мы записали весь визит, и я знаю, что в ходе

него было сделано одно важное замечание, которое... в свете того, что нам сейчас известно, кажется мне довольно странным.

— А вот это уже интересно.

Хоури аж подпрыгнула, так как последние слова принадлежали не ей, а раздались где-то за ее спиной. Она оглянулась, и перед ней возникла Мадемуазель, стоящая на самом верху лесенки.

— Так я и знала, что непременно снова увижу твою противную рожу. — Хоури даже не пыталась говорить тише, поскольку птичий крик заглушал слова, а Вольева успела уйти далеко вперед. — Никак от тебя не избавиться.

— По крайней мере, теперь ты знаешь, что я еще здесь, — произнесла Мадемуазель. — Вот если бы меня не было, у тебя были бы основания для тревоги. Это означало бы, что Похититель Солнц разрушил мою оборону. И тогда пришла бы очередь твоего рассудка. Даже думать не хочется, как бы это отразилось, с учетом характера Вольевой, на твоей службе в экипаже этого корабля.

— Заткнись и дай послушать, что скажет Силвест.

— Да пожалуйста, — коротко ответила Мадемуазель, не покидая своего наблюдательного пункта.

Хоури присоединилась к Вольевой и остальным трем.

— Конечно, — обратилась к Хоури настоящая Вольева, — я могла бы транслировать этот разговор в любую точку корабля, но лучше послушать его здесь, где он и происходил первоначально.

Говоря это, она рылась в кармане куртки, откуда добыла очки с выпуклыми тонированными стеклами, которые тут же надела. Хоури поняла, что, не имея имплантатов, Вольева может смотреть эту запись только с помощью прямого проецирования на сетчатку глаз. Без очков она вообще никого на лужайке не видела.

— Итак, вы понимаете, — говорил Садзаки, — что в ваших собственных интересах сделать то, чего хотим мы. В прошлом вы сотрудничали с ультра, — например, когда путешествовали к Завесе Ласкаля. Так что наша помощь с большой долей вероятности понадобится вам и в будущем.

Силвест положил руку на срез пня. Хоури напряженно всматривалась в него. Она видела множество изображений

Силвеста, но это показалось ей самым реалистичным и живым. Она тут же поняла почему. Сейчас Силвест разговаривал с хорошо известными ей людьми, а не с анонимами из истории Йеллоустона. А это большая разница.

Он был красив, невероятно красив, на ее взгляд, и эта запись вряд ли подвергалась ретушированию. Длинные вьющиеся волосы обрамляли большой лоб ученого. Глаза были ярко-зеленые. Даже если она сможет заглянуть в них лишь перед тем, как убьет его — а такая ситуация вполне возможна, — то и тогда это будет дорогого стоить, так прекрасны они должны быть в действительности.

— То, что я слышу, чертовски похоже на шантаж. — Голос Силвеста был гораздо ниже, чем у любого из присутствующих. — Вы говорите так, будто у вас, ультра, есть со мной некие обязывающие меня соглашения. Может, на кого-нибудь это и подействует, Садзаки, но, боюсь, не на меня.

— Вы можете получить неприятный сюрприз в следующий раз, когда попытаетесь заручиться поддержкой ультра, — ответил Садзаки, поигрывая какой-то щепочкой. — Давайте проясним ситуацию. Если вы откажете нам, то в дополнение ко всем неприятностям, которые можете на себя навлечь, получите железную уверенность, что никогда в жизни не покинете своей родной планеты.

— Сомневаюсь, что это создаст для меня большие неудобства.

Вольева — на этот раз сидящая за столом — покачала головой:

— Вряд ли это так. Наш шпион, видимо, прав. Ходят слухи, что вы пытаетесь найти деньги для финансирования экспедиции в систему Дельты Павлина.

— Ресургем? — фыркнул Силвест. — Не думаю. Там же нет ничего интересного.

Настоящая — живая — Вольева сказала:

— Он явно солгал. Теперь это очевидно, хотя тогда я приняла его слова за чистую монету.

Садзаки что-то ответил Силвесту, тот снова заговорил, на этот раз как бы защищаясь:

— Я не отвечаю за слухи, на которые вы ссылаетесь, и не советую вам полагаться на них. Нет никаких данных, указы-

вающих на то, что туда стоит лететь. Почитайте литературу, если мне не верите.

— Странное дело, — сказала настоящая Вольева, — я проверила. И он оказался прав. Если основываться на том, что было известно в те времена, то не было ни малейшей причины думать об экспедиции на Ресургем.

— Но ты же только что сказала: он врал!

— Конечно врал. Ретроспекция подтверждает это. — Она покачала головой. — В самом деле, здесь все кажется странным и даже парадоксальным. Через тридцать лет после этой встречи экспедиция все же вылетела на Ресургем. Значит, слухи были верны. — Она кивнула на Силвеста, занятого жарким спором с ее собственной сидячей версией. — Но тогда ведь никто и слыхом не слыхивал про каких-то амарантийцев. Так откуда же, черт побери, к нему пришла идея лететь именно на Ресургем?

— Должно быть, знал: там сто́ит кое-что поискать.

— Да, но из какого источника он мог получить такую информацию? Изучение этой системы до его экспедиции велось с помощью автоматов и было слишком поверхностным. Не было никаких намеков на то, что на Ресургеме могла существовать разумная жизнь. А Силвест знал наверняка.

— Да, странно все это.

— Вот и я о том же.

Сказав это, она подступила к своей копии и наклонилась к Силвесту так, что Хоури увидела отражение его немигающих глаз в фасетах очков Вольевой.

— Что же ты знал? — спросила она. — Или, что более важно, откуда ты это узнал?

— А он и не подумает ответить, — поддразнила ее Хоури.

— Сейчас — возможно, — кивнула Вольева и улыбнулась. — Но ведь очень скоро он, только настоящий, будет сидеть на этой же поляне. И тогда мы получим ответ.

Она еще не кончила фразу, когда ее браслет громко зачирикал. Звук был непривычным для Хоури, но он безусловно выражал тревогу. Наверху искусственный свет стал кровавокрасным и запульсировал в ритме писка браслета.

— Что это? — встрепенулась Хоури.

— Нештатная ситуация! — ответила Вольева.

Она прижала браслет к губам, затем сорвала темные очки и всмотрелась в крошечный дисплей на браслете: он тоже полыхал красным. Хоури видела, как бегут по дисплею буквы, но прочесть не могла.

— А что случилось-то? — шепнула Хоури, боясь помешать Вольевой.

Ана не заметила, как исчезли изображения людей, — они бесшумно улетучились в корабельную память, которая совсем недавно вызвала их к жизни.

Побледневшая Вольева снова взглянула на браслет.

— Одно из орудий на тайном складе...

— Что с ним?

— Оно готовится к бою.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На подходе к Дельте Павлина, год 2565-й

Они мчались по изогнутому коридору, тому самому, что вел от поляны к ближайшему радиальному лифту.

— К бою? Что ты имеешь в виду? — кричала Хоури изо всех сил, чтобы перекрыть рев сирены. — Что значит «готовится к бою»?

Вольева не желала сбивать дыхание, отвечая на вопросы, пока они с Хоури не достигли уже поджидавшей кабины лифта, которая тут же получила приказ ехать к ближайшей шахте, идущей по хребту корабля. Ехать, игнорируя все ограничения скорости движения. Когда кабина рванула с места, Вольеву и Хоури вжало в зеркальную стенку с такой силой, что последние остатки воздуха со свистом вылетели из легких. Красное освещение кабины непрерывно пульсировало. Вольева ощутила, что в том же ритме начало биться и ее сердце. Наконец ей удалось заговорить.

— Я имела в виду то, что сказала. Существуют системы, которые мониторят каждое орудие на тайном складе. Одна из них только что обнаружила поступление энергии в подконтрольную ей пушку.

Вольева умолчала, что это она установила мониторинг и что сделала это в первую очередь из-за того механизма, который, как ей показалось, начал передвигаться. Илиа до сих пор надеялась, что это перемещение было всего лишь галлюцинацией в ходе бесконечной одинокой вахты. Теперь же она знала: не померещилось. Но как орудие может двигаться само? Вопрос вполне разумный. Увы, он из тех, ответы на которые находятся далеко не сразу, если находятся вообще.

— Надеюсь, просто случился какой-то сбой в мониторинге, — сказала она только для того, чтобы не отмалчиваться. — А сама пушка ни при чем.

— Но с чего вдруг ей понадобилось готовиться к бою?

— Не знаю! Неужели ты не заметила, что я ко всему этому отношусь, мягко говоря, без особого спокойствия?

Кабина радиального лифта резко сбросила скорость и после серии сильных толчков и рывков перешла в продольную шахту. Теперь она падала с такой скоростью, что тела́ Вольевой и Хоури, казалось, потеряли вес.

— Куда мы направляемся?

— На тайный склад, разумеется! — Вольева сердито глянула на своего стажера. — Не знаю, что там происходит, Хоури, но, что бы это ни было, хочу увидеть собственными глазами.

— Орудие заряжается, что же еще?

— Не знаю. — Вольева изо всех сил старалась сдерживаться. — Я испробовала все алгоритмы отключения — ни один не сработал. Такой ситуации я не ожидала.

— Ну а дальше-то что? Не может же оно отыскать себе цель и выстрелить?

Вольева взглянула на свой браслет. Может быть, цифры показаний не верны, может, произошло замыкание в системе мониторинга... Она надеялась, что дело именно в этом, — иначе браслет сообщает скверные новости.

Орудие на тайном складе двигалось.

Фолкендер сдержал свое обещание: операции, которые он проделывал над глазами Силвеста, редко были приятны, чаще — весьма болезненны, а иногда мало отличались от пытки. В течение нескольких дней хирург лез вон из кожи, чтобы

вернуть Силвесту такие важные функции, как цветное зрение, возможность ощущать перспективу и плавные движения. Но пациенту все время казалось, что врач не обладает необходимыми для этого техническими средствами и опытом. Силвест объяснял Фолкендеру, что его глаза с самого начала не были идеальны. У Кэлвина тоже не хватало инструментов. Но даже примитивное зрение, которое дал ему Кэлвин, было лучше, чем тот унылый, бесцветный, двигающийся рывками мир, в котором он сейчас пребывал. Уже не в первый раз Силвест намекал, что его страдания не стоят тех результатов, которых хочет добиться хирург.

— Думаю, вам лучше бросить это дело, — говорил он.

— Я вылечил Слуку, — отвечал Фолкендер, а в поле зрения Силвеста дергался ядовито окрашенный плоский силуэт человека. — Ваш случай ничуть не труднее.

— Ну и что будет, если вы вернете мне зрение? Жену я не увижу, этого не разрешит Слука. А стена в камере — это всего лишь стена в камере, как бы отчетливо ты ее ни видел. — Его заставила прерваться боль, хлестнувшая по вискам. — Пожалуй, слепота даже предпочтительней. Реальность не лупит тебя по зрительному нерву каждый раз, когда ты открываешь глаза.

— Нет у вас глаз, доктор Силвест! — Фолкендер что-то крутанул, и поле зрения Силвеста покрылось очень болезненными розовыми розетками. — А поэтому, ради бога, прекратите жалеть себя. Вам это не идет. Да и не факт, что вы еще долго будете пялиться на эти стены.

Силвест заинтересовался:

— О чем вы?

— О том, что скоро многое изменится, если то, что я слышал, хоть наполовину правда.

— Какие содержательные сентенции!

— Я слышал, что у нас вскоре могут появиться гости. — Свое уточнение Фолкендер дополнил новым болезненным уколом.

— Хватит говорить загадками. Когда говорите «у нас», вы кого имеете в виду? И что за гости?

— Все, что до меня доходит, — слухи, доктор Силвест. Я уверен, что в надлежащее время Слука сама вас подробнейшим образом проинформирует.

— Вот это вряд ли, — пробурчал Силвест, не питавший особых иллюзий насчет мнения Слуки о его полезности.

С момента прибытия в Мантель он пришел к твердой уверенности: Слука держит его здесь только ради кратковременного развлечения. Силвест для нее этакий сказочный зверь — усмиренный, но полезный только тем, что еще не успел надоесть. Едва ли она доверится ему в сколько-нибудь важном деле, а если и доверится, то лишь по одной из двух причин: или предпочтет собственной стенке живого собеседника, или придумает для Силвеста изощренную словесную пытку. Уже несколько раз Слука обещала погрузить его в криосон до тех пор, пока не придумает, какой от него может быть толк. «Я правильно сделала, что поймала тебя, — говорила она, — и я не утверждаю, что ты вообще бесполезен. Просто мне пока непонятно, как тебя лучше использовать в наших интересах. Но зато точно знаю: нельзя допустить, чтобы в своих интересах тебя использовали наши враги».

Из этих слов Силвест сделал здравый вывод, что Слуке плевать, останется он жив или нет. Живым он тешит ее самолюбие и в перспективе даже может принести какую-то пользу, если изменится баланс сил в колонии. С другой стороны, если его сейчас же умертвить, это вряд ли вызовет серьезные неприятности. С покойником даже проще иметь дело: он никогда не восстанет против тебя.

Но вот пришел конец его мучениям в бережных руках хирурга. Он вернулся в мир относительно мягкого света и почти приемлемых расцветок. Силвест часто подносил руку к глазам, медленно поворачивая из стороны в сторону, наслаждаясь ее плотностью и объемностью. На коже виднелись линии, о которых он напрочь забыл, хотя прошли лишь недели или считаные месяцы с тех пор, как его ослепили в тоннеле амарантийского города.

— Совсем как новенькие, — сказал Фолкендер, складывая инструменты в автоклав.

Перчатка с металлическими щупальцами отправилась туда в последнюю очередь. Когда Фолкендер снимал ее со своих женственных пальцев, она корчилась, будто выброшенная на песок медуза.

— Включи здесь освещение, — приказала Вольева своему браслету, когда лифт доставил их на тайный склад.

Ощущение собственного веса вернулось, как только кабина лифта стала сбрасывать скорость. Когда лифт остановился в зале, вспыхнул свет, и взорам предстали колоссы, спящие в ожидании своего часа.

— Где оно? — спросила Хоури.

— Подожди, — отозвалась Вольева. — Мне надо сориентироваться.

— Я не вижу никакого движения.

— Я тоже... пока.

Вольева прижалась к стеклянной стенке кабины и, склонив голову набок, попыталась заглянуть за угол того орудия, которое казалось самым большим. Ругаясь про себя последними словами, она заставила кабину спуститься еще на двадцать-тридцать метров и шепнула приказ, после чего пульсация красного света в лифте прекратилась, равно как и вой сирены.

— Посмотри, — сказала Хоури, когда наступила относительная тишина, — двигается или нет?

— Где?

Она ткнула пальцем почти вертикально вниз.

Вольева еще сильнее склонила голову, а затем скомандовала:

— Аварийное освещение, тайный склад, пятый квадрант. — Затем обратилась к Хоури: — Давай посмотрим, что надо этой свинье.

— Ты ведь говорила об этом не всерьез?

— О чем?

— О сбое в системе мониторинга?

— Конечно нет, — ответила Вольева и еще сильнее сощурилась, когда включилось аварийное освещение, залив ослепительным светом ту часть зала, что находилась прямо под

ногами. — Это просто был оптимистический взгляд на вещи, который я очень быстро теряю.

«Ожившее» орудие, сказала Вольева, принадлежит к числу разрушителей планет. Она не уверена, что разбирается в принципах его устройства, а еще слабее представляет себе, на что оно способно. Но кое-что подозревает. Вольева испытала одну пушку несколько лет назад на самом низком пределе ее возможностей, против маленького планетоида. Если экстраполировать — а Вольева здорово умеет экстраполировать, — то пушка способна разнести вдребезги планету с расстояния в сотни астрономических единиц. Внутри ее имеются такие штуковины, они дают гравитационное излучение, сравнимое с гравитационным излучением черных дыр, — диву даешься, как орудие ухитрилось при этом не испариться. Каким-то образом эта установка создает солитон — уединенную волну — в геодезической структуре пространства-времени.

И вот орудие ожило без ее команды. Оно скользило по залу, пользуясь сетью рельсов, которые должны были неизбежно вывести его в открытый космос. Это как если бы небоскреб вышел прогуляться по городу.

— Что мы можем предпринять?

— Предлагай, я готова слушать.

— Знаешь, у меня было не так уж много времени, чтобы пораскинуть мозгами.

— Ладно, давай же, Хоури!

— Может, попробуем заблокировать его? — Лоб Хоури наморщился так, будто она не только напряженно думала, но еще и испытывала жесточайшую мигрень. — У тебя есть тут шаттлы?

— Да, но...

— Тогда воспользуйся одним из них, чтобы перекрыть выход. Или на твой вкус это слишком примитивное решение?

— В данный момент таких слов, как «слишком примитивное решение», в моем словаре нет.

Вольева поглядела на браслет. Орудие продолжало двигаться вдоль стены зала, больше всего напоминая огромного брюхоногого моллюска, ползущего назад по собственному скольз-

кому следу. В дне отсека уже открывалась гигантская диафрагма. Еще чуть-чуть, и орудие достигнет люка.

— Я могу расшевелить один шаттл... Но вывести его за борт корабля — дело хлопотное. Боюсь, мы не успеем...

— Действуй! — рявкнула Хоури. На ее лице каждая мышца будто кричала о невыносимом напряжении. — Будешь тут чесаться, так мы и этот последний шанс потеряем.

Илиа кивнула, но на своего стажера поглядела с некоторым подозрением. Та казалась удивленной куда меньше самой Вольевой, но зато волновалась почему-то больше. Впрочем, она права — идею насчет шаттла следует немедленно реализовать, хотя больших шансов на успех нет.

— Нам нужно еще кое-что, — сказала она, вызывая систему управления шаттлами.

Орудие уже наполовину прошло сквозь диафрагму и теперь готовилось проскользнуть в следующую камеру.

— Кое-что еще?

— Да, на случай, если эта мера ничего не даст. Проблема зародилась в ЦАПе, и, возможно, именно там ее и надо решать!

Хоури побледнела:

— Что?!

— Хочу, чтобы ты села в кресло.

При спуске в ЦАП лифт летел с таким ускорением, что пол с потолком поменялись местами и почти то же самое случилось в желудке Хоури. Вольева отдавала лихорадочные, почти неслышные распоряжения своему браслету. Потребовалось несколько мучительных секунд, чтобы связаться с нужным автоматом, потом еще несколько, чтобы преодолеть сопротивление механизмов системы безопасности, которые не желали допустить запрещенных дистанционных действий по управлению шаттлами. Еще больше времени ушло на разогрев двигателей одного из шаттлов, потом надо было ждать, когда же машина освободится от креплений, удерживающих ее в доке, и, наконец, когда она выйдет за пределы корабля. Шаттл вел себя вяло, и у Вольевой вырвалось в сердцах: «Когда же эта скотина расчухается!» Поскольку субсветовик пребывал под тягой, маневрировать шаттлу было нелегко.

— Вот какой вопрос меня беспокоит, — сказала Хоури. — Чем собирается эта пушка заняться, когда выберется наружу? Тут поблизости в космосе что-нибудь есть?

— Ясное дело, есть. Ресургем. — Вольева снова посмотрела на браслет. — Но я надеюсь, мы не дадим пушке шанса.

Именно этот миг выбрала Мадемуазель для своего появления. Каким-то образом она исхитрилась проникнуть в лифт и встать так, чтобы не мешать ни Хоури, ни триумвиру.

— Она ошибается. Ваша затея не сработает. Я контролирую не только оружие на тайном складе.

— Признаешься, стало быть?

— А зачем отрицать? — Мадемуазель гордо улыбнулась. — Ты же помнишь, на тайном складе я оставила свою аватару. Так вот, аватара сейчас контролирует весь склад. И я уже никак не могу влиять на ее действия. Она столь же далека от меня, как я далека от своего оригинала, оставшегося на Йеллоустоне.

Лифт замедлил ход. Вольева анализировала мелкие цифры, быстро сменявшие друг друга на браслете. Упрощенная голограмма показывала шаттл, продвигавшийся вдоль корпуса корабля, — крошечная рыба-прилипала на гладком боку гигантской акулы.

— Но ведь ты отдаешь аватаре приказы, — сказала Хоури. — Ты же должна знать, что она затевает?

— Мой приказ был крайне прост. Если ЦАП отдаст в распоряжение аватары любую систему, посредством которой можно ускорить выполнение нашей миссии, то аватара обязана произвести действия, ускоряющие выполнение нашей миссии.

Хоури замотала головой — она не поверила ни единому слову Мадемуазели.

— А я-то думала, ты хочешь, чтобы я убила Силвеста!

— Это оружие может справиться с данной задачей куда быстрее, чем я предполагала раньше.

— Нет! — крикнула Хоури, когда смысл слов Мадемуазели проник в ее сознание. — Ты не посмеешь уничтожить целую планету, чтобы убить одного-единственного человека!

— Да неужто в нас заговорила совесть? — Мадемуазель скорбно покачала головой и надула губки. — А ведь раньше

насчет Силвеста мы никаких сожалений не выказывали. Так почему же смерть других людей так волнует тебя? Это же всего лишь вопрос статистики.

— Это просто... — Хоури замялась, сообразив, что ее слова никак не подействуют на Мадемуазель. — Просто не по-человечески. Конечно, тебе этого не понять.

Кабина лифта остановилась, дверь распахнулась, открыв вид на полузатопленный проход к ЦАПу. Хоури чуть замешкалась, чтобы собраться с мыслями. С момента начала спуска она страдала от головной боли, какой раньше и представить себе не могла. Сейчас боль вроде пошла на спад, но совершенно не хотелось думать о том, чем она могла быть вызвана.

— Быстро, — скомандовала Вольева. — Выходи!

— А чего не понять тебе, — сказала Мадемуазель, — так это причину, по которой я готова тратить силы на уничтожение этой колонии, чтобы быть уверенной в смерти одного-единственного человека.

Хоури последовала за Вольевой, ее сапоги по колено ушли в вонючую слизь.

— Ты чертовски права, этого я не понимаю. Но даже если пойму, все равно постараюсь остановить тебя.

— Вряд ли, Хоури, — если узнаешь все факты. Пожалуй, даже торопить меня станешь.

— Тогда ты сделала ошибку, утаив от меня важную информацию.

Они пробирались из одного полузатопленного помещения в другое, открывая задраенные люки. В жиже колыхались крысиные трупики: когда уровень воды в отсеках выравнивался, течение вымыло уборщиц из щелей, куда они забились, чтобы умереть.

— Где шаттл?

— Остановлен у шлюза, — ответила Вольева, оборачиваясь, чтобы взглянуть в лицо Хоури. — А боевая машина еще не вылезла.

— Значит ли это, что мы побеждаем?

— Это значит, что еще держимся. Я хочу, чтобы ты поскорее заняла кресло в ЦАПе.

Мадемуазель исчезла, но ее бестелесный голос все еще звучал, хотя эха в этих загаженных коридорах он не будил.

— Ничего у вас не получится. Все системы в ЦАПе контролирую я. Так что ваше присутствие там более чем бессмысленно.

— Если это так, почему ты стараешься отговорить меня от посещения ЦАПа?

Мадемуазель промолчала.

Еще две переборки, и вот они уже в том месте, откуда открываются двери в ЦАП. Сюда женщины добрались бегом, но теперь пришлось ждать, пока по наклону не стечет слизь из коридора.

Вольева нахмурилась:

— Что-то не так.

— Что именно?

— А ты не слышишь? Дикий шум! — Она склонила голову набок, напрягая слух. — И этот бардак творится в ЦАПе!

Теперь Хоури и сама услышала. Это был высокий механический гул, будто пошла вразнос древняя промышленная машина.

— Что это?

— Не знаю. — Помолчав, Вольева добавила: — Впрочем, надеюсь, это не то, что я думаю. Идем!

Илиа вытянулась и открыла лючок, расположенный прямо над ее головой. Дождь «корабельной слизи» хлынул на плечи женщин, лестница из легкого металла упала к их ногам. Машинный скрежет многократно усилился. Теперь уже не приходилось сомневаться: источник шума находится в ЦАПе. Там были включены мощные лампы, но освещение казалось неустойчивым, будто в отсеке двигалось нечто огромное, время от времени заслоняя осветительные приборы. И что бы это ни было, перемещалось оно с большой скоростью.

— Илиа, — сказала Хоури, — что-то мне это не нравится.

— Ты в своем мнении не одинока.

Снова зачирикал браслет Вольевой. Та было наклонилась, чтобы получше рассмотреть его, но тут вселенский гром сотряс корабль от кормы до носа. Женщины плюхнулись на пол и заскользили по нему. Хоури уже почти удалось подняться, когда новая волна «корабельной слизи» подкосила ее. Некоторое

время она глотала эту слизь — нечто наиболее близкое к дерьму из всего испробованного на ее трудном веку. Вольева схватила ее за локти и помогла встать. Ана кашляла и изо всех сил отплевывалась от слизи, но избавиться от мерзкого вкуса было невозможно.

Браслет Вольевой уже снова светился в красном режиме.

— Какого черта...

— Шаттл! — воскликнула Вольева. — Мы его только что потеряли!

— Что?

— В смысле, он взорвался, — закашлялась Вольева. С ее лица лилась слизь — ей и самой пришлось хлебнуть этой дряни. — Как я поняла, пушке с тайного склада даже не пришлось спихивать его со своей дороги. Все сделало обычное корабельное вооружение — просто расстреляло шаттл.

Невыносимый шум наверху все еще продолжался.

— Все еще хочешь, чтобы я туда пошла?

Вольева кивнула:

— И немедленно. Посадить тебя в кресло — это все, что я сейчас могу предпринять. Не бойся, я буду рядом.

— Нет, ты только послушай ее, — внезапно прорезался голос Мадемуазели. — Как всегда, заставляет тебя сделать то, для чего у самой кишка тонка!

— У нее же нет имплантатов! — во весь голос выкрикнула Хоури.

— Что ты говоришь? — с недоумением спросила Вольева.

— Ничего. — Хоури поставила ногу на нижнюю ступеньку. — Просто послала одну старинную подружку ко всем чертям.

Подошва тут же соскользнула с покрытого слизью железа. Еще одна попытка. Хоури нашла, за что ухватиться, и поставила на ступеньку другую ногу. Ее голова почти достигла узкого лаза, ведущего в ЦАП, до которого оставалось еще метра два.

— Не попадешь ты сюда, — прошипела Мадемуазель. — Я ведь контролирую кресло. И как только твоя голова просунется в ЦАП, кресло тут же наедет и размозжит ее.

— С удовольствием поглядела бы на твою рожу, когда это случится.

— Хоури, неужели ты до сих пор не поняла, что происходит? Потеря головы — самая незначительная из неприятностей, которые тебя ждут!

Теперь лицо Хоури было в нескольких сантиметрах от входа в ЦАП. Она видела, как кресло носится по широким дугам, пересекая из конца в конец все пространство отсека. Оно не было рассчитано на подобную акробатику, и в ноздри била едкая вонь перегоревших проводов.

— Вольева! — крикнула она в лаз. — Ты же возилась тут с чертовой проводкой! Можешь снизу обесточить кресло?

— Отключить кресло от питания? Конечно. Но что нам это даст? Мне ведь нужно, чтобы ты вступила в психический контакт с ЦАПом.

— Чего-нибудь да даст! Пусть эта скотина для начала перестанет скакать по всей комнате!

Наступила пауза, во время которой, как представлялось Хоури, Вольева вспоминала древние схемы электропроводки. Хотя она лично создала ЦАП, с той поры прошло много субъективного времени, а такая простая вещь, как главный кабель питания, надо полагать, не требовала ни ремонта, ни апгрейда.

— Ладно! — наконец-то крикнула Вольева. — Знаю, где проходит главный кабель. Надеюсь, получится его перерубить.

Вольева повернулась и спустя мгновение исчезла из виду. Отсюда все казалось таким простым: отключить энергопитание — пара пустяков! Но что, если придется искать какой-нибудь сложный резак? А времени мало. Нет, у Вольевой наверняка найдется что-нибудь, например тот маленький лазер, которым она срезает пробы с капитана. Она же вечно таскает его с собой.

Мучительные секунды уходили одна за другой, а Хоури все думала об орудиях, медленно вылезающих из корпуса и нацеливающихся куда-то в космос. Впрочем, они уже наверняка наведены на цель — на Ресургем. Теперь накапливают энергию, готовясь спустить с цепи пульсирующую гравитационную смерть.

И вдруг наверху все смолкло.

В ЦАПе — полная тишина и яркий свет. Кресло замерло неподвижно на своих шарнирах — трон, подвешенный внутри элегантной сферической клетки.

Вольева крикнула снизу:

— Хоури, в ЦАПе есть дублирующее энергообеспечение. И оно будет задействовано, как только ЦАП поймет, что в главном кабеле тока нет. Это значит, у тебя в обрез времени, чтобы добраться до кресла.

Хоури выскочила из люка, как чертик из табакерки. Тонкие опоры кресла казались еще более острыми, чем прежде. Она двигалась с предельной быстротой, лавировала между тросами и проводами, перескакивала через шарниры или ныряла под них. Кресло не шевелится, но чем ближе к нему Ана, тем больше будет риска, когда оно придет в движение. Если это случится, думала Хоури, стены моментально станут красными и липкими.

И вот она в кресле. Едва успела пристегнуться, как кресло взвыло и рванулось. Шарниры валили его то назад, то вперед; оно моталось вправо-влево, оно кувыркалось, и Хоури в один миг напрочь утратила ориентацию в пространстве. Движения были такие резкие, что она боялась, как бы не сломалась шея, как бы глаза не выскочили из орбит. И все же рывки явно слабели.

«Она хочет измотать меня, а не убить, — думала Хоури. — Пока что я нужна ей живая».

— Не пытайся совать нос в мои дела, — уговаривала Мадемуазель.

— Боишься, что разрушу твои мерзкие планы?

— Ничего подобного. А не напомнить ли тебе о Похитителе Солнц? Он ведь дожидается, когда придет его очередь сделать ход.

Кресло все еще металось, но его рывки уже не могли мешать мыслительным процессам Хоури.

— А что, если его и на свете-то нет? — сказала она. — Может, это твоя выдумка — еще один рычаг давления на меня?

— Ну, тогда действуй!

Хоури опустила шлем на голову, что существенно уменьшило головокружение. Пальцы легли на кнопку. Оставалось лишь легким нажатием на нее пустить ток и соединить собственную психику с управлением боевыми системами.

— Что, не получается? Это потому, что подсознательно ты веришь мне. Как только подключишься, обратного пути уже не будет!

Хоури попробовала надавить на кнопку и тут же ощутила растущее сопротивление контроля. Но затем, то ли благодаря бессознательному нейромышечному усилию, то ли благодаря тлевшей где-то в отдаленных уголках мозга мысли о необходимости такого поступка, она резко утопила кнопку. ЦАП будто обволок Ану — это ощущение возникало уже тысячи раз в ходе тактических учений. Сначала изменились пространственные параметры. Тело растворилось, его место заняло изображение корабля и ближайшего космического пространства, затем возникла иерархия оперативных ситуаций, они непрерывно обновлялись, предлагали и самостоятельно перепроверяли решения, а также торопливо строили модели-экстраполяции.

И все эти данные ассимилировались в мозгу Хоури.

Орудие с тайного склада уже заняло позицию в нескольких сотнях метров от корпуса корабля. Его рог смотрел прямо по курсу, на Ресургем, — с учетом, как понимала Хоури, незначительных искривлений световых волн, которые возникают при релятивистских скоростях. Вблизи шлюза, из которого вышел в космос этот механизм, на корпусе виднелись угольно-черные пятна — следы сожженного шаттла. Рядом с ними были заметны и вмятины в борту корабля. Хоури ощущала эти повреждения как легкие покалывания, слабевшие по мере того, как за дело брались средства автоматического ремонта. Датчики слежения за силой тяжести улавливали рябь гравитационных волн, исходящих от орудия. Хоури очень хорошо чувствовала периодические, но учащающиеся порывы гравитационного ветра, пронизывающего тело корабля. Должно быть, раскручивались черные дыры внутри орудия, все быстрее неслись по его тору.

И еще Хоури ощущала чье-то присутствие, как будто к ней кто-то принюхивался, причем находясь не снаружи, в космосе, а в самом ЦАПе.

— Похититель Солнц обнаружил твое появление, — шепнула ей Мадемуазель.

— Это не важно. — Хоури уже дотянулась до сознания ЦАПа, просунула свои виртуальные пальцы в кибернетиче-

ские апертуры. — Я подчиню себе защитные системы корабля. Тут работы на несколько секунд...

Но что-то мешало. Она ощущала артсистемы не так, как во время учений. Они явно не спешили подчиняться ей. Интуиция подсказывала: за эти орудия идет борьба, в которой Ана — всего лишь третий участник.

Мадемуазель — а точнее, ее аватара — пыталась заблокировать орудия на корпусе, чтобы они не открыли огонь по пушке с тайного склада. Что касается последней, то она находилась вне досягаемости Хоури, будучи отгорожена от нее многочисленными файрволлами.

И кто же это сопротивляется Мадемуазели, пытаясь привести штатную корабельную артиллерию в боевую готовность? Надо думать, Похититель Солнц.

Теперь Хоури яснее ощущала его присутствие. Нечто огромное, мощное, но в то же время вынужденное жить невидимкой и изощренно скрывать свои действия, маскируя их обычными потоками информации. Многие годы ему это удавалось, и Вольева даже не подозревала о его существовании на корабле. Но теперь Похитителя Солнц вынудили принимать отчаянные меры, и он уподобился крабу, которого отлив заставил перебегать из укрытия в укрытие.

В Похитителе Солнц не было ничего человеческого. Никаких признаков того, что эта сущность, поселившаяся в ЦАПе, имеет отношение к Земле или является записью сознания какого-либо реального существа. Нет, Похититель Солнц ощущался как чистый разум, будто всегда существовал лишь в виде информационного сгустка и останется таковым на веки вечные. Иначе говоря, он воспринимался как мыслящее ничто, как место, где ничего нет, но которое тем не менее достигло высочайшего уровня организации.

Неужели Ана всерьез обдумывает возможность действовать заодно с ним?

Да. Быть по сему, если это дает шанс остановить Мадемуазель.

— Ты еще можешь отступить, — предупредила Мадемуазель. — Сейчас он занят, не может использовать всю свою силу, чтобы полностью подчинить твое сознание. Но скоро все изменится.

Теперь, по крайней мере, наводка штатных артсистем уже находилась под контролем Хоури, хотя вся эта машинерия работала с большим скрипом. Ана заключила в скобки-целеуказатели пушку с тайного склада, окружив эту громадину потенциальной сферой аннигиляции. Оставалось лишь добиться от Мадемуазели, чтобы она сдала контроль над этой системой, которой нужна была лишь микросекунда, чтобы открыть огонь.

Хоури чувствовала: Мадемуазель слабеет, а она, Хоури, а точнее, Хоури и Похититель Солнц побеждают.

— Не делай этого! Ты не знаешь, что стоит на кону.

— Так просвети же меня, сука! Говори, из-за чего сыр-бор!

Между тем орудие с тайного склада все отдалялось от корабля, а значит, Мадемуазель продолжала его контролировать. Пульсация гравитационного излучения убыстрялась, толчки следовали друг за другом с такой быстротой, что почти сливались. Догадаться, через какое время орудие выстрелит, было нельзя, но Хоури понимала: этот момент может наступить буквально через несколько секунд.

— Слушай, Хоури, — сказала Мадемуазель, — хочешь знать правду?

— Ты чертовски права!

— Тогда крепись. Сейчас ты все поймешь!

И в эту минуту, когда Хоури уже готовилась втянуться в оперативное пространство орудия, она почувствовала, что ее тащат в совершенно другом направлении. И было странное чувство, что этим занимается часть ее самой, — но уже через мгновение оно исчезло.

Они находились на поле недавней битвы, окруженные хамелеофляжными надувными палатками — временными полевыми госпиталями или передовыми командными пунктами. Лазурное небо было чуть подернуто белыми облаками и иссечено вдоль и поперек грязными полосами ракетных выхлопов. Выглядело это так, будто огромный, как мир, осьминог выбросил в стратосферу весь запас чернил из своих желез. На самом деле полосы оставляли многочисленные звенья стреловидных реактивных самолетов. Ниже гудели беспилотные дирижабли, а еще ниже — пузатые транспортные вертолеты. Они сновали

у границ лагеря и время от времени садились, чтобы выгрузить бронетранспортеры, пехотинцев, санитарные машины или вооруженных роботов. На зеленом участке в углу лагеря стояли шесть дельтовидных, цельнометаллических, глухо задраенных самолетов на шасси, сверху замаскированных под выжженную солнцем землю. Их ирисовые люки были закрыты.

Хоури споткнулась и упала на жесткую траву. На ней был хамелеофляж, постоянно создающий иллюзию крапчатого хаки. В руках Ана держала автомат с пистолетной рукоятью, подогнанной под ее ладонь. Голову прикрывал шлем, с него свисал двумерный цифровой монокуляр; в данный момент он показывал в условных цветах тепловую картину боевого пространства, передаваемую с дирижабля-разведчика.

— Сюда, пожалуйста.

Кто-то из медиков направил ее в сторону госпитальной палатки. Внутри санитар забрал у Аны автомат, прицепил к нему бирку с фамилией Хоури и поместил в пирамиду, где уже стояли разных моделей орудия убийства — от такого же, как у нее, скромного пулевого оружия до чудовищ, способных одним выстрелом уничтожить целое подразделение. Была там и штуковина, которую лучше не применять против врага, находящегося с тобой на одном континенте.

Передаваемая с дирижаблей картинка смешалась и исчезла под воздействием поля, обеспечивающего палатке радарную невидимость. Освободившейся рукой Хоури убрала монокуляр, тем же движением стряхнув с глаза мокрую от пота прядь волос.

— Хоури, сюда.

Ее провели через перегородку в заднюю часть палатки, в помещение, заполненное больничными койками, ранеными бойцами и тихо гудящими автоматами-санитарами, — склоняясь над пациентами, они казались зелеными лебедями. Снаружи изредка доносился вой истребителей и орудийные залпы, но на эти звуки никто не обращал внимания.

Наконец Хоури привели в крошечный закуток, где не было ничего, кроме письменного стола. Стены были украшены знаменами участников Северной Коалиции, а на столе красовался большой глобус Окраины Неба на бронзовом кронштей-

не. Глобус был преимущественно геологический, на нем проще было находить равнины и массивы суши, чем бурно оспариваемые политические границы. Впрочем, Хоури на него взглянула лишь мельком, ее внимание тотчас целиком сосредоточилось на человеке, который сидел за столом. Он был одет в военную форму: тускло-оливковый китель с пуговицами сбоку, погоны, внушительный иконостас орденов и медалей Северной Коалиции. Черные блестящие волосы зализаны назад и падают блестящими волнами на плечи.

— Сожалею, что приходится встречаться вот так, — сказал Фазиль. — Но ничего не поделаешь. — Он указал на стул. — Садись, у нас неотложный разговор.

Хоури смутно вспомнилось совсем другое место. Какая-то камера с железными стенами, стул, и хотя в этом воспоминании было нечто тревожное (будто утекало драгоценное время), оно казалось даже более реальным, нежели ее нынешние ощущения. Но потом Фазиль полностью завладел ее вниманием. Он выглядел точно таким, каким помнился Ане, хотя она никак не могла понять, когда же виделась с ним в последний раз. Правда, на его щеке виднелся шрам, вроде незнакомый. Еще он отрастил усы — а может, что-то сделал с теми, которые носил когда-то: раньше была черная щеточка, а теперь рот прячется в щегольских вислых усищах.

Хоури послушно опустилась на стул.

— Она... Мадемуазель боялась, что может дойти до этого, — между тем говорил Фазиль. Его губы еле шевелились, если вообще шевелились — под усами не видно. — Поэтому она приняла кое-какие меры предосторожности. Пока ты находилась на Йеллоустоне, она внедрила в твой мозг серию воспоминаний, добраться до которых очень непросто. Они должны были активизироваться, то есть стать доступными твоему сознанию, только тогда, когда она сочтет это нужным. — Фазиль протянул руку и раскрутил глобус, потом резким движением остановил его. — По правде говоря, процесс открытия доступа к этим воспоминаниям идет уже некоторое время. Ты наверняка помнишь легкий приступ мигрени, случившийся в лифте?

Хоури лихорадочно искала вокруг «якорь». Что-нибудь объективно-реальное, за что можно уцепиться.

— Ты о чем?

— О механизме, — ответил Фазиль, — собранном отчасти из существующих воспоминаний, которые Мадемуазель обнаружила у тебя и нашла подходящими для своих целей. Эта встреча, например. Разве она не напоминает тебе нашу первую встречу, любимая? Только та произошла при высадке десанта на уровне Семьдесят Восемь, в боях за центральные провинции, как раз перед вторым наступлением с красного полуострова. Тебя прислали в мой штаб, так как мне понадобился боец для заброски в тыл противника, знакомый с секторами, которые не контролировали войска южан. Из нас получилась неплохая команда, верно? И не только в военном смысле. — Он нежно погладил усы и снова крутанул глобус. — Конечно, я вызвал тебя сюда, вернее сказать, она вызвала тебя сюда не для того, чтобы предаваться воспоминаниям. Тот факт, что эти воспоминания ожили, означает, что пора открыть для тебя часть правды. Вопрос в том, готова ли ты ее принять.

— Конечно, я... — Хоури оборвала фразу.

В том, что говорил Фазиль, было много странного, но ее больше волновало смутное воспоминание о другом месте, о страшном стуле в какой-то железной комнате. В этом воспоминании было нечто недосказанное, какая-то ошибка таилась в самом процессе раскрытия воспоминания. Казалось, что где бы ни находилась та комната, она — Хоури — обязана быть там, чтобы принять участие в какой-то борьбе, присоединиться к чьему-то сопротивлению. И было ясно, что времени осталось совсем мало и нельзя тратить его на то, что находится у нее перед глазами.

— О, не беспокойся, — сказал Фазиль, видимо без труда читавший ее мысли. — Наш разговор не происходит в реальном времени. Да и в ускоренном времени ЦАПа тоже. С тобой бывало когда-нибудь такое: кто-то будит тебя, но его действия становятся частью твоего сна задолго до того, как ты просыпаешься по-настоящему? Понимаешь, о чем я? Твоя собака лижет тебе лицо, чтобы разбудить, и ты падаешь в море с корабля, и потом кажется, что корабль снился тебе всю ночь. — Фазиль помолчал. — Память, Хоури. Воспоминания откладываются мгновенно. Сон казался реальностью, но он возник

внезапно, в тот момент, когда собака стала лизать твое лицо. Ретроспективно сконструировалась ситуация, которую на самом деле ты не переживала.

Упоминание Фазиля о ЦАПе кристаллизовало концепцию стальной комнаты. Хоури еще острее ощутила необходимость оказаться там и принять участие в схватке. Детали по-прежнему были туманны, но Хоури чувствовала важность своего участия в борьбе.

— Мадемуазель, — продолжал Фазиль, — могла почерпнуть множество сведений из твоего прошлого, а многое могла и сочинить, исходя из единичного факта. Но она понимала: для пользы дела следует поместить тебя в такую обстановку, где обсуждение военных проблем покажется совершенно естественным.

— Военных проблем?

— Собственно говоря, войны как таковой. — Фазиль улыбнулся, отчего его усы встопорщились, словно демонстрируя принципы строительства консольных мостов. — Но эта война не из тех, в которых ты участвовала или о которых хотя бы читала. Нет. Боюсь, та война случилась слишком давно. — Фазиль резко встал, одернул китель и поправил ремень. — Пожалуй, нам лучше перейти в конференц-зал.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Окраина Неба, 61 Лебедя А, год 2483-й
(компьютерная имитация)

Конференц-зал, куда Фазиль привел Хоури, ничем не походил на те, в которых ей доводилось бывать раньше. Он явно был слишком велик для надувных палаток вообще и уж никак не мог поместиться внутри этой. И хотя Хоури имела дело с разными типами моделирующей аппаратуры, ни один из них не смог бы создать картину, которая сейчас открылась ее глазам. Она занимала почти все пространство комнаты шириной примерно двадцать метров и была окружена со всех сторон дорожкой с металлическими перилами.

Это была карта всей Галактики.

То, что, с точки зрения Хоури, делало это изображение невозможным, заключалось в одном-единственном факте: глядя на карту, она воспринимала — то есть видела и каким-то образом усваивала — информацию о каждой звезде в Галактике, от еле теплящихся красных карликов до ярчайших неустойчивых белых супергигантов. И здесь присутствовали не только те звезды, которые можно увидеть, когда на них совершенно случайно падает взгляд. Нет, их было несравненно больше. Но всю Галактику здесь можно было охватить с одного взгляда. Хоури так и восприняла ее — как единое целое.

Она могла запросто сосчитать точное количество звезд в ней!

Их было 466 311 922 811. Пока она считала, один из супергигантов превратился в сверхновую, так что ей пришлось изменить итог.

— Это фокус, — сообщил ей Фазиль. — Кодификация. В Галактике звезд больше, чем клеток в человеческом мозгу: если их запоминать, это заняло бы слишком большую часть ассоциативной памяти. Хотя это не значит, что ощущение всеведения не поддается имитации.

Картина Галактики была столь детальна, что назвать ее картой просто язык не поворачивался. Все звезды были изображены согласно своим качествам: цвет, светимость, размер, бинарность, положение, вращение. И все это отражалось с абсолютной точностью, причем были отмечены еще и области формирования звезд — прозрачные, мягко светящиеся облака конденсированных газов, в которых мерцали угольки эмбрионов будущих светил. Были там и совсем недавно сформированные звезды, окруженные дисками протопланетного материала, а если того хотела Хоури, то открывался вид и на планетные системы, вращающиеся вокруг своих центральных солнц на невероятных скоростях. Были там и совсем старые звезды, уже сбросившие скорлупу своих фотосфер, обогатив ими нищее межзвездное пространство и превратив его в основной протоплазменный резервуар, из которого когда-нибудь родятся будущие поколения звезд, миров и цивилизаций. Были там и останки сверхновых — регулярных и случайных, типичных и нетипичных, расширявшихся по мере охлаждения

и излучавших свою энергию в мировое пространство. Иногда в гуще процессов звездной гибели Хоури могла наблюдать появление молодого пульсара, выбрасывающего пучки радиоволн на точных и почти не меняющихся диапазонах, работающего словно часы в каком-нибудь всеми забытом императорском дворце, давным-давно заведенные в последний раз и обреченные тикать, пока их не остановит ледяная вечность. А еще она видела черные дыры. Одна из них (ныне еще спящая) находилась в центре Галактики, окруженная сопутствующими роями обреченных звезд, которые в один прекрасный день по крутым спиралям рухнут в недра дыры и, разрываемые в клочья, дадут пищу для апокалиптического взрыва рентгеновского излучения.

Но не только галактическую астрофизику показывала эта объемная картина. Хоури видела и понимала нечто гораздо большее по мере того, как новые слои воспоминаний ложились на предыдущие. Она узнала, например, что Галактика кишит жизнью, что миллионы культур разбросаны в квазибеспорядке по ее гигантскому, медленно вращающемуся диску.

И все, что она видела, было в прошлом. В далеком-далеком прошлом.

— Таким, — произнес Фазиль, — было состояние Галактики примерно миллиард лет назад. Если считать, что начало Вселенной положено за пятнадцать миллиардов лет до этого, то миллиард — огромный кусок времени, даже по галактической шкале.

Они стояли рядом, склонившись над перилами, украшавшими дорожку, — совсем как влюбленная парочка, остановившаяся на минуту полюбоваться своим отражением в темном пруду с утками.

— Чтобы ты имела более четкое представление, скажу, что миллиард лет назад человечество еще не существовало, — продолжал Фазиль. — Больше того, еще и динозавров не было! Они появились порядка двухсот миллионов лет назад, то есть примерно за одну пятую того периода, о котором мы с тобой говорим. Сейчас у нас тут докембрий. Жизнь на Земле уже есть, но не многоклеточная. Если очень повезет, можно встретить что-нибудь вроде губки. — Фазиль снова поглядел на модель Галактики. — А вот в других местах дела обстояли иначе.

Около миллиона различных цивилизаций (Хоури не была уверена в точности этой цифры, но решила не впадать в детскую педантичность; это как определять возраст человека с точностью до месяца), возникших в разное время, а следовательно, имевших разный возраст, существовали тогда в Галактике. Если верить Фазилю (хотя Хоури лишь частично улавливала ход его рассуждений), Галактика только четыре миллиарда лет назад достигла такого состояния, чтобы в ней могли появиться разумные существа и цивилизации. Но когда эта точка минимальной галактической зрелости была достигнута, и развитие цивилизаций пошло отнюдь не синхронно. В процессе распространения разума некоторые культуры возникли в мирах, где по тем или иным причинам ход эволюции замедлился и отстал от нормы или возникшая жизнь подверглась чрезмерному воздействию природных катастроф.

Так или иначе, через два-три миллиарда лет после появления жизни на тех или иных планетах некоторые из цивилизаций вошли в эру космических перелетов. По достижении этой точки развития многие из них расползлись по всей Галактике, хотя, разумеется, были и такие домоседы, которые предпочитали колонизировать лишь собственные солнечные системы, а некоторые даже ограничивались спутниками своей планеты. Обычно же темп продвижения по Галактике был достаточно быстрым: средняя скорость составляла от одной десятой до одной сотой скорости света. Это может показаться медленным, но на самом деле скорость была потрясающая, учитывая, что разумной жизни исполнился всего миллиард лет, а диаметр Галактики равнялся ста тысячам световых лет. Если бы не всякого рода препятствия, то любой народ, обладавший космическими кораблями, мог бы стать доминирующим в Галактике за сравнительно короткое время — каких-нибудь несколько миллионов лет. И возможно, что если бы такое на самом деле случилось, то есть установилось бы политическое господство одной цивилизации, то дела пошли бы совсем иначе.

На самом же деле первая космическая цивилизация имела очень малую скорость экспансии, и она столкнулась с экспансионистской волной второй цивилизации. Та, хоть и была моложе, не уступала первой по технологическому уровню и вполне была способна при необходимости стать агрессивной.

За неимением лучшего термина их отношения можно назвать галактической войной. Там, где обе расширяющиеся империи сталкивались, возникали сильнейшие трения, и культуры с грохотом крушили друг друга, как огромные тектонические плиты. А вскоре возникла третья, а там и четвертая силы, которые тоже были вовлечены в конфликт. Закономерно, что в свалку в конце концов оказалось втянуто несколько тысяч космических цивилизаций.

Именовалась эта война по-разному на тысячах языков ее участников. Некоторые названия едва ли могут быть адекватно переведены на современные человеческие языки. Но несколько участников боевых действий назвали ее почти одинаково: со скидкой на трудности перевода и взаимопонимания это что-то вроде Войны Рассвета.

Война охватила всю нашу Галактику и еще две сателлитных, вращавшихся вокруг Млечного Пути. В нее втянулись не только отдельные планеты, но и целые солнечные системы, созвездия и спиральные рукава. Хоури поняла, что следы этих сражений видны еще и сегодня, надо лишь знать, где их искать. Последствия войны обнаруживаются в виде аномальных концентраций погасших звезд в некоторых районах Галактики или в появлении странных сочетаний еще горящих звезд, расположенных, например, в виде строгих цепочек. На многие десятки световых лет тянутся полосы обломков от гигантских систем вооружений. Есть громадные объемы пустоты, где должны быть звезды, а по законам динамики — формирования солнечных систем и планеты, но там нет ничего, кроме холодных обломков и прочего космического мусора. Война Рассвета длилась долго — дольше, чем эволюционные процессы самых горячих звезд. Впрочем, если сравнивать с жизнью Вселенной, то война не очень уж долга — так, слегка исказивший Галактику спазм.

Могло случиться, что в Войне Рассвета не осталось бы победителя. Хотя по меркам Вселенной она была не такой уж долгой, но с точки зрения разумных существ длилась бесконечно. Сотни их видов за это время появились и успели исчезнуть, погибнув или изменившись до неузнаваемости при ассимиляции. Некоторые уподобились машинам, другие опи-

сали, так сказать, круг в обратном направлении, то есть из машин превратились в органические субстанции. Третьи сублимировались и полностью сгинули с полей сражений. Еще кое-кто превратил свое тело и дух в информационную матрицу и нашел вечное убежище в тщательно оберегаемых компьютерных пространствах. Были и такие, которые уничтожали сами себя.

И все же одна цивилизация вышла из горнила войны окрепшей. Возможно, ей посчастливилось оказаться среди самых малозначительных участников войны, и, пострадав меньше других, она превратилась в мощную силу, восседающую на руинах Галактики. А может быть, эта цивилизация развилась из коалиции нескольких по горло сытых войной видов. Все это, впрочем, значения не имеет, так как сами эти существа, надо думать, о своем происхождении ничего не ведали. Были они — во всяком случае, тогда — гибридом машин и химериков, с примесью каких-то местных позвоночных. Они даже не удосужились придумать себе постоянное имя.

— Но все же, — сказал Фазиль, — имя они получили, нравится оно им или нет.

Хоури поглядела на мужа. Пока он излагал ей историю Войны Рассвета, она ухитрилась узнать кое-что о месте своего пребывания и о нереальности происходящего. То, что Фазиль сказал о Мадемуазели, наконец-то соединилось с какими-то задержавшимися в разуме Хоури воспоминаниями об истинном настоящем. Теперь она почти ясно представляла себе ЦАП, знала, что сцена, в которой против воли участвует, этот искаженный обрывок прошлого, — всего лишь интерлюдия. А мужчина — вовсе не Фазиль. Это просто реконструкция. Правда, он мало отличается внешне от Фазиля, каким она его помнит.

— И как же их назвали? — спросила она.

Он помолчал, прежде чем дать ответ, а заговорил уже с театральной серьезностью.

— Ингибиторы. И на то была причина, которая вскоре стала очевидной.

И он объяснил Ане, объяснил простыми словами, чтобы лучше дошло. Знание обрушилось на Хоури холодной и безжалостной лавиной — и она поняла, что никогда не сможет

забыть услышанное. Поняла она и кое-что еще — то, что, возможно, являлось главным содержанием всего урока. Она поняла, почему Силвест должен умереть.

И почему, если при этом необходимо погубить планету, такая цена не будет непомерной.

Охрана явилась как раз в тот момент, когда Силвест погрузился в сон без сновидений. Последняя операция изнурила его.

— Собирайся, соня, — сказал тот, что повыше, — здоровяк с вислыми седыми усами.

— Зачем вы пришли?

— Так мы и согласимся испортить сюрприз, — сказал второй, похожий на хорька, поигрывая винтовкой.

Его повели какой-то нарочно запутанной дорогой: слишком много поворотов, чтобы можно было принять это за случайность. Своей цели охранники добились быстро — подконвойный напрочь потерял ориентацию. Сектор, куда доставили Силвеста, показался ему незнакомым. Это была или старая часть Мантеля, перестроенная людьми Слуки, или совсем новая группа тоннелей, прорытых уже после захвата города. Какое-то время Силвест думал, не переселяют ли его, но это казалось маловероятным: одежда осталась в камере, и там совсем недавно сменили постельное белье. Фолкендер говорил о возможности изменения статуса Силвеста в связи с какими-то визитерами, о которых он упомянул вскользь.

Однако, как вскоре убедился Силвест, план Слуки остался прежним.

Комната, в которой он оказался, была такой же спартанской, как и его камера. Точная копия, начиная от голых стен и заканчивая лючком в двери для доставки пищи.

И все то же губительное для надежды ощущение, что стены невероятно толсты, а тоннель уходит в самую глубь горы. Все так похоже, что подумалось даже: его заставили пройти на полусогнутых по круговому тоннелю, в результате чего он очутился в своей прежней камере. От них и не такого можно ждать... Ладно, не все ли равно? Будем считать это прогулкой или физическим упражнением.

Но как только Силвест пригляделся, ему стало ясно, что комната другая. На постели сидела Паскаль, и, когда жена подняла глаза, он понял, что она удивлена ничуть не меньше его самого.

— У вас ровно час, — сказал усатый, хлопнув своего напарника по спине.

Оба вышли и тут же заперли дверь.

Последний раз, когда Силвест видел Паскаль, она была в свадебном платье, волосы уложены блестящими пурпурными волнами, и ее окружал целый рой иллюзорных фей и волшебников. С равным успехом все это могло бы и присниться Силвесту. Теперь на ней был комбинезон — такой же грязный и не по размеру, как и на нем самом. Стрижка под горшок, под глазами то ли круги от бессонницы, то ли синяки — может быть, и то и другое. Она казалась тоньше и меньше ростом, чем помнилось ему, — наверное, потому, что сутулилась. Ноги босые... а белая пустота комнаты кажется такой огромной.

Силвест не помнил, было ли время, когда Паскаль казалась такой хрупкой и такой прекрасной. Ему даже трудно было поверить, что это его жена. Он хорошо помнил ночь первого мятежа. Паскаль ждала его в раскопе со своими бесчисленными вопросами, которые позже сплетутся в главный: кто же он на самом деле? Что он мог совершить и что совершил? Ему казался невероятным поток событий, который свел их вместе в этой самой одинокой из комнат.

— Они все время твердили мне, что ты жива, — шепнул Силвест. — А я боялся им поверить.

— А мне сказали, что ты ранен, — отозвалась Паскаль. Ее голос был тих, будто она боялась стряхнуть дремоту, нарушив тишину. — Они не хотели сказать, что именно с тобой произошло, а я боялась расспрашивать, допуская, что они могут сказать и правду.

— Меня ослепили, — сообщил Силвест, впервые после операции трогая твердую поверхность глаз.

Вместо взрыва боли, сравнимого со взрывом сверхновой, к чему он уже привык, появился лишь туман тошноты, который исчез, как только он убрал пальцы.

— Но сейчас ты видишь?

— Да. И если по правде, то ты — главное, ради чего стоит иметь зрение.

Она вскочила с кровати и бросилась к нему на шею, обвила ногой его ноги. Силвест ощутил ее легкость и хрупкость — было страшно ответить объятием; казалось, можно запросто раздавить. И все же он крепко прижал Паскаль к себе, и она ответила тем же, хотя тоже, видимо, опасалась нанести ему какой-то вред, будто каждый из них не был уверен, что перед ним не призрак. Они обнимались так долго — целые часы, куда больше, чем им было отпущено. И вовсе не потому, что время тянулось медленно, а потому, что оно просто перестало играть самомалейшую роль. Теперь оно подчинялось им, его можно было укорачивать или удлинять простым усилием воли.

Силвест жадно пил ее красоту, тогда как она искала нечто человеческое в пустоте его механических глаз. А ведь было время, когда Паскаль боялась даже мельком коснуться взглядом его лица. Теперь это время кануло в бездну. Силвесту же никогда не составляло труда проникать в глубину глаз Паскаль, поскольку она не стереглась, не задумывалась, что он там ищет. Но сейчас ему хотелось, чтобы она поняла, почему он так пристально вглядывается в ее лицо. Потому что страстно хочет, чтобы она испытала радость, догадавшись, что он считает ее такой пленительной и пьянящей.

И вот они уже целуются, вот, спотыкаясь и не размыкая объятий, идут к постели. Через минуту тюремные комбинезоны лежат грязной грудой на полу. Силвест подумал, что за ними, возможно, наблюдают. Это было не исключено, даже вероятно. Но, как оказалось, не имело ни малейшего значения. В течение этого часа, который им дали, кроме них с Паскаль, во всем мире не существует никого. Стены как будто раздвинулись до бесконечности; ничто не отделяло их от Вселенной. Они занимались любовью уже не впервые, хотя раньше это случалось нечасто — трудно было найти возможность уединиться. Теперь же — и при этой мысли Силвест чуть не расхохотался — они муж и жена, им не надо больше прятаться! Не надо прятаться — но они не могут дарить друг другу интимные ласки в любой момент, когда захотят. Силвест даже ощутил за собой вину, причина которой была непонятна. Уже по-

том, когда он лежал, спрятав лицо на груди Паскаль, ему стало ясно, откуда это чувство. Дело в том, что между ними осталось недосказанное, им надо открыть друг другу так много, а они тратят драгоценное время на обмен телесным жаром. Но Силвест знал: так и должно быть.

— Жалко, что все так быстро кончается, — произнес он, когда чувство времени вернулось к нему.

Сколько еще осталось минут от подаренного часа?

— В последний раз, когда мы были вместе, — заговорила Паскаль, — ты мне сказал кое-что.

— Да, о Карине Лефевр. Я не мог больше от тебя это скрывать, понимаешь? Это может показаться глупым, но я ведь думал тогда, что жить мне осталось минуты. Необходимо было поделиться с тобой. Да хоть с кем-нибудь! То, что я держал в себе столько лет...

Бедро Паскаль казалось ледяным. Она провела ладонью по его груди, словно старалась запомнить ее рельеф.

— Что бы там ни случилось, ни я, ни кто другой не вправе судить тебя.

— Но ведь я струсил!

— Нет, то была не трусость. Просто инстинкт самосохранения. Ты находился в самом страшном месте Вселенной, Дэн, не забывай этого. Филип Ласкаль не трансформировал свой мозг у жонглеров образами; ты помнишь, чем это кончилось. То, что ты вообще сохранил рассудок, уже доказывает твою смелость. Ведь безумие было для тебя куда более легким выходом.

— Но она же могла выжить! Черт побери, даже оставив ее умирать, я мог бы потом хоть частично облегчить свою вину, если бы нашел смелость рассказать всю правду! Это послужило бы своего рода искуплением. Бог свидетель, Карина заслуживала лучшего, а я погубил ее, да еще и оболгал.

— *Ты не убивал. Убила завеса.*

— Я даже в этом не уверен.

— О чем ты?

Он повернулся на бок, вглядываясь в лицо Паскаль. Когда-то его зрение имело свойство сохранять прочные отпечатки увиденного.

— Я хочу сказать, — сказал Силвест, — что не знаю, действительно ли она погибла там. Во всяком случае, не знал тогда. Сам-то я выжил, хоть и потерял свойства, полученные от жонглеров. А что, если и она спаслась, как спасся я? Ее шансы были выше, чем мои, хотя и ненамного. Что, если ей просто не удалось известить меня о своем спасении? Ее могло унести далеко от завесы, прежде чем я сам вырвался оттуда. Я же, когда починил субсветовик, и не подумал искать ее. Мне и в голову не пришло, что она могла выжить.

— По очень весомой причине, — ответила ему Паскаль. — Она погибла. Ты можешь критиковать свои действия сейчас, но тогда интуиция подсказала тебе, что она мертва. Ведь если бы она не умерла, то наверняка нашла бы способ связаться с тобой.

— В этом я не уверен. Мне-то связаться не удалось.

— Тогда перестань думать об этом. Иначе никогда не расстанешься с прошлым.

— Слушай! — воскликнул он, вспомнив слова Фолкендера. — Ты говорила с кем-нибудь, кроме тюремщиков? Например, со Слукой?

— Со Слукой?

— С женщиной, которая держит нас здесь. — Силвест с его острым чувством исследователя понял, что тюремщики почти ничего не сказали Паскаль. — У нас слишком мало времени, я могу объяснить происходящее лишь в нескольких словах. Люди, которые убили твоего отца, принадлежат к «Истинному пути». Они увлажнисты, насколько я могу судить, вернее, какая-то ветвь этого движения. А находимся мы в Мантеле.

— Я догадывалась, что нахожусь за пределами Кювье.

— Кстати, из того, что они мне говорили, получается, что Кювье был ими атакован. — Силвест не стал сообщать ей остальное, например что город теперь, видимо, необитаем. Ей это знать не обязательно, особенно сейчас, когда этот город — единственное место на планете, которое ей известно. — Я не знаю, кто там сейчас правит, возможно, это люди, лояльные твоему отцу, а может, и сторонники «Истинного пути». По словам Слуки, твой отец встретил ее отнюдь не с распростертыми объятиями, когда взял Кювье. У нее накопилось достаточно злобы, чтобы организовать его уничтожение.

— Долго же она копила злобу!

— Вот почему у нее не самый взвешенный характер на этой планете. Я думаю, что наш захват вовсе не входил в ее планы, но это случилось, и теперь она просто не знает, что с нами делать. Ясно, что наша потенциальная ценность не позволяет нас уничтожить, но пока... — Силвест помолчал. — Не важно. Что-то происходит. Что-то меняется. Человек, чинивший мои глаза, сказал, что ходят слухи о гостях...

— Каких гостях?

— Мне тоже интересно. Но он ничего не прояснил.

— Зато теперь есть почва для приятных фантазий.

— Если что-нибудь и способно изменить ситуацию на Ресургеме, так это только прилет ультра.

— Для Ремиллиода еще рановато.

Силвест кивнул:

— Если корабль на подходе, то можно смело держать пари, что это не Ремиллиод. Но кто, кроме него, захочет торговать с нами?

— Эти люди могли прилететь не ради торговли.

Наверное, следует считать это признаком высокомерия, но Вольева совершенно не умела перекладывать свою работу на других, как бы абсурдно ни выглядела альтернатива. Она была рада — если это слово в данном случае уместно — усадить Хоури в кресло, чтобы та попыталась уничтожить сбежавшее с тайного склада орудие. Она была готова даже допустить, что без помощи Хоури невозможно выйти из создавшейся ситуации. Но это вовсе не означало, что сама Илиа согласится сидеть сложа руки и ждать, чем все кончится. Слишком уж хорошо Вольева знала свой характер. Она будет биться над решением той же проблемы, только подойдет к ней с другого конца.

— Свинство, — сказала Илиа по-русски.

Как она ни ломала голову, ответ ловко ускользал. Вот уже кажется, готово решение — но другие мысли, забегая вперед, обнаруживают дефекты в логической цепи. С одной стороны, способность критиковать идеи, едва они приходят на ум, когда они даже не успевают полностью сформироваться, доказыва-

ет гибкость этого самого ума. Но с другой стороны, откуда взялось крайне неприятное ощущение, что тем самым она снижает свои шансы на успех?

Надо было как-то преодолеть это препятствие.

Вольева употребила слово «свинство», поскольку оно хорошо выражало смесь непонимания и отвращения, которые Илиа испытывала всякий раз, когда заставляла свой разум возвращаться к Хоури — и к тому, что творилось у стажера в голове. А Хоури в данный момент вся без остатка была погружена в абстрактное пространство управления корабельной артиллерией. В этом пространстве обитал и разум ЦАПа, и даже мышление самой Вольевой, поскольку ЦАП — дело ее рук. Сейчас она вела тщательный мониторинг ситуации, используя нейронные датчики браслета.

В голове у Хоури бушует буря, тут никаких сомнений. И эта буря разбрасывает свои мельтешащие пальцы по всему пространству управления артиллерией.

Вольева понимала, что все это как-то взаимосвязано. Все проблемы ЦАПа — безумие Нагорного, Похититель Солнц, самоактивация орудия и вот теперь этот хаос в разуме у Хоури, предвещающий новую беду, — соединяются в одну общую проблему. Наверное, решение существует или по меньшей мере существует общая картина, способная все объяснить, — но от таких предположений нет никакого толку.

А больше всего тревожило то, что даже сейчас, в такой опасный момент, часть сознания Вольевой работала над этой абстрактной проблемой, а не над тем, что было жизненно важно именно сию минуту. Вольевой казалось, что ее мозг — комната, битком набитая учениками. По отдельности они вундеркинды, и если бы слушали ее объяснения, то наверняка показывали бы потрясающие результаты. Однако некоторые ребятишки не желают уделять ей внимание, они лениво поглядывают в окно, пропуская мимо ушей призывы сосредоточиться на важном: собственные заботы кажутся им куда интереснее, нежели скучный урок.

Тут на первый план вышла мысль, скорее даже воспоминание. Оно касалось серии файрволлов, которую Илиа установила лет сорок назад по корабельному времени. Вольева счи-

тала, что эти защитные экраны станут последней преградой, сдерживающей проникновение извне разрушительных вирусов. Ей даже в голову не приходило, что они и в самом деле могут понадобиться, и уж тем более в такой ситуации, как сложившаяся сейчас.

А вот теперь она почему-то вспомнила об этих файрволлах.

— Это Вольева, — сказала она в браслет, чуть ли не задыхаясь от натуги — так тяжело было вытаскивать из памяти необходимые команды. — Доступ к защитным протоколам. Степень опасности — лямбда плюс, максимальная боеготовность, проверка работоспособности, полное автономное подавление отказов, критичность — девять баллов по Армагеддону, обход системы безопасности — красный-один-альфа, все привилегии триумвиров сохраняются, все привилегии нетриумвиров отменены.

Вольева перевела дыхание. Она надеялась, что прочитанное «заклинание» открыло ей все двери, ведущие к сердцу оперативной матрицы корабля.

— А теперь, — продолжила она, — вызвать и запустить исполняемый модуль «Паралич». — Про себя же она прошептала: «И побыстрее, черт побери!»

«Паралич» активировал все файрволлы, которые установила Вольева. Она сама написала программу, но это было очень давно — еле удалось вспомнить, что конкретно делает «Паралич» и на какую часть корабля распространяется его влияние. Это была своего рода игра: Вольева хотела парализовать достаточный объем корабля, чтобы обезвредить орудие с тайного склада, но в то же время оставляла себе пространство для попыток собственноручно остановить вышедший из подчинения механизм.

— Свинство, свинство, свинство...

По дисплею ее браслета бежали сообщения о сбоях в программе. Различные системы (в первую очередь важные системы корабельного управления и жизнеобеспечения), до которых попробовал добраться «Паралич», отказали ему в доступе. Если бы «Паралич» сработал как надо, это имело бы для корабля такие последствия, какие вызывает у человека сильный удар по голове: внезапная остановка всех второстепенных систем

и обратимый ступор. «Ностальгия по бесконечности» понесла бы поверхностный ущерб — Вольева смогла бы его устранить, утаить или как-нибудь объяснить. Но действия «Паралича» дали другой эффект. Если сравнивать с человеком — как если бы у него онемел только кожный покров, да и то не весь.

Все это совершенно не отвечало плану Вольевой. Однако теперь она понимала, что парализованными оказались бы и расположенные на корпусе, лишь частично зависящие от ЦАПа штатные орудия — те самые, которые только что уничтожили шаттл. Сейчас она может попытаться разыграть этот же самый гамбит еще раз. Конечно, орудие с тайного склада успеет уйти еще дальше, и задача уже не будет сводиться к тому, чтобы ему помешать. Однако Вольева получит в свое распоряжение еще один шаттл и сумеет вывести его в космос, у нее появится ряд новых возможностей.

Еще несколько секунд, и весь ее оптимизм разлетелся вдребезги. Возможно, «Паралич» и сработал бы так, как она рассчитывала, если бы за последние сорок лет различные корабельные системы не переплелись и сомкнулись теснейшим образом. Программа коснулась тех областей, которые Вольева вовсе не собиралась трогать. Во всяком случае, шаттлами теперь управлять было нельзя, они оказались защищены от ее воздействия. Она испробовала некоторые доступные для триумвиров обходные команды, но ни одна попытка не возымела действия. Вряд ли стоило этому удивляться — «Паралич» создал в командной сети прорехи, которые никакими программными средствами заштопать было нельзя. Чтобы виртуально добраться до шаттлов, Вольевой нужно было физически перезагрузить все отказавшие элементы схемы, а для этого потребовалось бы найти схему сделанных сорок лет назад инсталляций. За один и даже за два дня она бы с такой работой не справилась.

А у нее оставались считаные минуты.

Ее засасывало. Не в шахту отчаянного уныния, а скорее в гравитационный колодец свинцовой безнадежности. Но когда Илиа барахталась в этой яме, теряя драгоценные секунды, она кое-что вспомнила. Нечто настолько очевидное, что было странно, как она недодумалась прежде.

Вольева вскочила и опрометью бросилась бежать.

Хоури вломилась в ЦАП.

Быстрый взгляд на часы подтвердил, что Фазиль не обманул ее — ни одна минута реального времени не потеряна. Просто какой-то фокус: ей ведь казалось, что в надувной палатке она провела по меньшей мере час, а вышло, что на все ее приключения потрачена ничтожная доля секунды, — и это кажется непостижимым. И все же расслабляться нельзя — до того как были запущены ее воспоминания, события неслись вскачь. Ситуация с тех пор не потеряла своей остроты.

Орудие с тайного склада уже наверняка полностью зарядилось. Его гравитационные излучения не улавливаются кораблем — так человек не слышит свист, который переходит за ультразвуковой предел. В любую секунду оно может выстрелить. Кто его сдерживает? Может быть, Мадемуазель? Почему ей так важно, чтобы Хоури была на ее стороне? Если пушка не выстрелит, Хоури опять станет единственным средством для достижения цели?

— Одумайся, — произнесла Мадемуазель. — Одумайся, Хоури. Ты уже должна была понять, что Похититель Солнц — нечто совершенно чуждое людям. А ты ему помогаешь!

Усилия, понадобившиеся для подсознательного озвучивания этих слов, были изнурительны для Хоури.

— Ладно, я готова поверить тебе, что он чуждый. Вопрос в другом: а сама ты нам что, своя?

— Хоури, нет времени выяснять отношения.

— Извини, но мне кажется, данная минута ничуть не хуже любой другой, чтобы внести полную ясность. — Формулируя мысли, Хоури не прекращала борьбу, хотя часть ее — та часть, которая была потрясена увиденным в воспоминаниях, — уговаривала сдаться и предоставить Мадемуазели полный контроль над орудием с тайного склада. — Ты хочешь убедить меня, что Похититель Солнц был привезен Силвестом из-за завесы?

— Нет, не хочу. Ты сама видела факты и сама сделала из них логический вывод.

— Черта с два! — Хоури снова набирала силу, хотя ее все еще было недостаточно, чтобы перетянуть чашу весов. — Ты все лезешь вон из кожи, чтобы стравить меня с Похитителем

Солнц. Может, он и в самом деле подонок и олицетворение зла, но это ведь еще требуется доказать. Откуда ты можешь знать правду? Разве что сама инопланетянка.

— Хорошо, давай на минуту согласимся, что дело обстоит именно так.

Что-то новое привлекло внимание Хоури. И хотя в поединке с Мадемуазелью ей приходилось нелегко, все же стоило уделить толику внимания изменившейся ситуации.

В борьбу включился еще один участник!

Он находился вне оперативного пространства ЦАПа. Это было не виртуальное существо, а вполне материальное. Только что оно отсутствовало или пряталось, а теперь вдруг объявилось на поле боя. В тот момент, когда Хоури его обнаружила, оно находилось вблизи корабля. Вблизи — не то слово. Оно казалось не то частью корабля, не то его паразитом, вроде рыбы-прилипалы.

Размером с очень маленький космический корабль, не больше десяти метров в длину, оно больше всего напоминало толстую ребристую торпеду, из которой торчали восемь суставчатых ног. И шагали эти ноги прямо по поверхности корабля. Самое странное, что штатная артиллерия по нему не стреляла, хотя еще недавно она без всяких колебаний уничтожила шаттл.

— Илиа! — воскликнула Хоури. — Илиа, уж не задумала ли ты... — И тут же: — Черт, ты же именно это и задумала!

— Какая глупость! — вторила ей Мадемуазель.

«Паук» отделился от корпуса корабля; все восемь ног одновременно отцепили свои клешни от брони. Поскольку корабль продолжал сбрасывать скорость, казалось, что «Паук» падает вперед, причем со значительным ускорением. Как объясняла в свое время Вольева, для таких ситуаций модуль имел собственные маневровые двигатели, позволяющие восстановить контакт с кораблем. Но сейчас «Паук» все отдалялся от «Ностальгии», а ракеты не включались.

Хоури наблюдала за происходящим как бы с разных точек зрения и в таких ракурсах, которые были просто невозможны для человека без имплантатов ЦАПа, связанных с камерами, расположенными на корпусе корабля. Поэтому Хоури ясно увидела, как вдруг выбросили бело-фиолетовое пламя отвер-

стия в средней части «Паука» — там, где торпедовидное тело крепилось к турели с бесполезными сейчас ногами. Сияние выбросов освещало эти ноги поочередно быстрыми вспышками, когда «Паук» прекращал свое падение. Сейчас он вполне мог бы вернуться и занять прежнее место на корпусе. Но Вольева использовала двигатели вовсе не для этого. Через несколько секунд «Паук» уже снова летел, но теперь в направлении орудия с тайного склада.

— Илиа... Я не думаю, что...

— Доверься мне, — донесся голос триумвира и вошел в мозг ЦАПа таким слабым, будто Вольева находилась в другой половине Вселенной, а не в нескольких километрах от Хоури. — У меня кое-что есть — можно это снисходительно назвать планом. Или, скажем, возможностью продолжать драку.

— Не могу сказать, что мне это нравится.

— Мне тоже, если тебя это успокоит. — Вольева сделала паузу. — Между прочим, Хоури, когда все это кончится, если обе будем живы, что сейчас трудно гарантировать... нам придется выкроить время для разговора по душам.

Может, она просто так болтает, чтобы заглушить чувство страха?

— По душам?

— Ну да, надо потолковать обо всех этих делишках. О проблемах с ЦАПом. Для тебя это будет шанс избавиться... от крошечных секретов, которые так тебя тяготят и которыми надо было поделиться со мной гораздо раньше.

— Например?

— Ну, для начала, кто ты на самом деле.

«Паук» быстро преодолевал расстояние до мятежной пушки, притормаживая маневровыми двигателями, но он все еще находился относительно близко от корабля, поскольку их скорости пока еще совпадали. Даже с растопыренными лапами модуль был как минимум втрое короче орудия. Сейчас он очень мало походил на паука, скорее на злосчастную каракатицу, готовую исчезнуть в пасти медленно плывущего кита.

— Тогда это будет долгий разговор, — ответила Хоури, думая о том, что таить свою подноготную от Вольевой бессмысленно.

— Ничего страшного. А теперь извини, я тут собираюсь кое-что предпринять на грани рискованного и невозможного.

— Она имеет в виду самоубийство, — прокомментировала Мадемуазель.

— Скажи, тебе ведь нравится все это? — спросила Ана Вольеву.

— И еще как! Учитывая, что я здесь больше ничего не контролирую.

Вольева остановила «Паука» вблизи торчащего вперед из орудия острого выступа. Она подошла близко, но все-таки недостаточно, чтобы растопыренные шевелящиеся ноги «Паука» могли ухватиться за гладкую поверхность монстра. А пушка между тем пришла в движение, медленно и неритмично закачалась из стороны в сторону с помощью собственных маневровых двигателей. Она явно старалась избежать столкновения с Вольевой, хотя попытки были ограничены инерцией движения. Казалось, адское чудище испугалось крохотного паучка. Хоури услышала четыре хлопка подряд, они практически слились в один звук — это было похоже на очередь из автоматического пулевого оружия.

Хоури видела, как из тела «Паука» выскочили четыре абордажных крюка и бесшумно опустились на поверхность пушки. Эти крючья обладали способностью мгновенно пробуривать металл на глубину нескольких десятков сантиметров, а затем внутри распускаться как цветок, так что цель уже не могла отцепиться. Тросы, соединенные с крючьями, натянулись и засверкали в выхлопах маневровых двигателей. Они стали сокращаться, «Паук» подтягивался к орудию, которое все еще двигалось, неуклюже пытаясь избежать столкновения с ним.

— Роскошно! — воскликнула Хоури. — А я уже готовилась уничтожить эту погань. Что мне делать теперь?

— Сможешь — стреляй! — ответила Вольева. — Постарайся меня не задеть, но на всякий случай знай: броня этой кабины крепче, чем кажется. — Последовала пауза, затем донеслись слова Вольевой: — Ага! Отлично. Вот я и поймала тебя, кусок летучего дерьма!

Лапы «Паука» уже обхватили «рог» орудия. Похоже, оно отказалось от намерения сбросить его; должно быть, на то име-

лась причина. Хоури подумала, что Вольева добилась не слишком многого, несмотря на свой смелый маневр. Орудие, похоже, не считает паука серьезной помехой.

Между тем битва за контроль над штатной артиллерией обрела весьма серьезные масштабы. Несколько раз Хоури казалось, что эти орудия перешли под ее управление, что системы, подчиненные Мадемуазели, слабеют, но эти небольшие победы все же не давали Ане возможности взять точный прицел и открыть огонь. Если Похититель Солнц и помогал ей, то сейчас она этого не ощущала. Хотя, возможно, отсутствие этого ощущения следовало отнести на счет его особого коварства. Возможно, не будь тут Похитителя Солнц, Хоури уже давно бы проиграла бой, и освобожденная Мадемуазель спустила бы с цепи чудовищную силу.

Правда, сейчас все это уже не казалось столь важным. Хоури наконец-то поняла намерения Вольевой. Маневровые двигатели «Паука» работали на полную мощность, сводя на нет все усилия более массивного и неуклюжего орудия. Вольева тянула пушку под корабль, к бело-голубому сиянию, вырывавшемуся из ближайшей дюзы субсветового двигателя. Она явно собиралась уничтожить эту штуковину в бешеном огне.

— Илиа, — спросила Хоури, — ты хорошо подумала?

— Подумала? — Хоури четко уловила женский хохоток, правда, он был явно нарочитым. — В жизни не делала ничего столь же необдуманного. Просто я сейчас альтернативы не вижу. Разве что ты немедленно овладеешь проклятыми орудиями.

— Я... стараюсь...

— Давай-давай, старайся и не мешай. Мне сейчас есть над чем подумать.

— И тогда вся ее жизнь прошла у нее перед глазами... Могу себе представить.

— Это опять ты? — Хоури дала себе слово больше не реагировать на Мадемуазель.

Уже было понятно, что Мадемуазель только притворяется легкомысленным и незаинтересованным наблюдателем. Все ее вмешательства преследуют лишь одну цель — отвлечь Хоури от главного. А это, разумеется, способно изменить ход битвы.

Теперь Вольевой осталось преодолеть лишь метров пятьсот, чтобы мятежная пушка оказалась под пламенем двигателей корабля. Орудие продолжало сопротивляться, его дюзы работали вовсю, но тяга у него была меньше, чем у «Паука». Оно и понятно, подумала Хоури. Проектировщики вспомогательной системы, которая должна была обеспечить движение орудия, вряд ли подумали о том, что ему придется защищать себя в «рукопашном бою», а если и подумали, то с усмешкой.

— Хоури! — крикнула Вольева. — Через полминуты я эту свинью отпущу. Если арифметика меня не подводит, никакие корректирующие импульсы не остановят дрейф орудия к выбросу.

— Так это же здорово!

— Ну да... Только должна тебя предупредить. — Голос Вольевой потерял четкость — сказывались помехи, создаваемые двигателями корабля, к которым Вольева приблизилась на расстояние, вряд ли полезное для органических молекул. — До меня сейчас дошло, что если и удастся разрушить пушку... то часть силы взрыва... возможно, неизвестной природы... не обратит ли назад луч нашей тяги? — Последовала многозначительная пауза. — Если такое произойдет, результаты могут быть далеки... от оптимальных.

— Что ж, спасибо за моральную поддержку, — буркнула Хоури.

— Черт возьми, — произнесла Вольева спокойно и тихо, — кое-что идет не по плану. Похоже, пушка шарахнула по «Пауку» чем-то вроде электромагнитного импульса. Или это излучение наших двигателей... В общем, что-то воздействует на управление... — Раздались характерные звуки, — должно быть, Вольева безрезультатно щелкала старинными металлическими переключателями на консоли. — Кажется, я накрепко прилипла к этой гадине.

— Тогда отключи тягу. Это-то ты можешь сделать?

— Конечно, иначе как бы мне удалось прикончить Нагорного? — В голосе Вольевой ощущалась нехватка оптимизма. — Нет, тяга мне тоже не подчиняется, — должно быть, ее заблокировал «Паралич». — Ана уже с трудом различала бормотание Вольевой. — Хоури, похоже, дело швах... Если ты уже контролируешь штатное вооружение...

Снова вмешалась Мадемуазель, ее голос зазвучал в мозгу Аны очень серьезно.

— Хоури, ей конец. И под таким углом, с какого ты собралась стрелять, половина орудий откажет, чтобы не нанести ущерба кораблю. Да и тебе самой, считай, повезет, если прожжешь корпус пушки и останешься в живых.

Она была права. Хоури и не заметила, как целые батареи отключились, получив приказ о наведении на цель, расположенную в опасной близости от некоторых частей корабля. Остались лишь малые калибры, не способные нанести орудию серьезный ущерб.

Но по какой-то неведомой причине ситуация изменилась.

Внезапно штатное вооружение корабля оказалось подконтрольным скорее Хоури, нежели ее противнику. И она поняла: не так уж плохо, что незаблокированные системы имеют небольшую боевую мощь. Ее план изменился. Теперь требовалась хирургическая точность, а не грубая сила.

Не дожидаясь, когда Мадемуазель вернет себе власть над штатными артустановками, Хоури отменила прежнее целеуказание и ввела команды, обеспечивающие наведение орудий на новые цели. Ее приказы были предельно точны и требовали немедленного и безукоризненного выполнения. Орудия, которые только что двигались как сомнамбулы, мгновенно развернулись. Но мишенью для них стал вовсе не монстр с тайного склада, а нечто совершенно иное.

— Хоури, — начала было Мадемуазель, — тебе следует все хорошенько обдумать, учесть, что...

Но Ана уже открыла огонь.

Жгуты плазмы рванулись в направлении беглой пушки, но не точно к ней, а к креплениям, соединявшим ее с «Пауком». Они аккуратно срезали все восемь ног, а затем и четыре троса, к которым крепились «кошки». Изувеченный «Паук» метнулся в сторону от смертельно опасного луча тяги.

Что же до орудия с тайного склада, то оно влетело в пламя, подобно ночному мотыльку.

Дальнейшее заняло лишь неуловимый для человеческого восприятия миг. Хоури и потом не могла припомнить ни последовательности событий, ни их сути. Материальная оболоч-

ка орудия исчезла в одну миллисекунду, превратилась в клубы пара, состоявшего из атомов разных металлов. И нельзя было понять, только луч оказал это разрушительное воздействие или пушка, едва соприкоснувшись с ним, решила вывернуться наизнанку.

В любом случае конструкторы орудия никак не могли ожидать подобного исхода.

И когда истончился до предела корпус пушки, она превратилась в гравитационный вулкан, изрыгнула из себя раскаленное пространство-время.

Что-то жуткое происходило с материей в непосредственной близости от орудия с тайного склада. Радуга искривленного звездного света приобрела почти сферическую форму, обволакивая корчащуюся массу плазмы. Какое-то мгновение шаровая радуга была устойчивой, но тут же стала пухнуть, колебаться, как готовый лопнуть мыльный пузырь. А затем, в какую-то долю микросекунды, сфера схлопнулась, с растущей по экспоненте скоростью исчезла.

И тут же сгинуло все остальное. Ни обломков, ни даже пыли — просто усеянный звездами космос.

Потом появился слабый свет, похожий на ультрафиолет. Сияние росло, превращаясь в яркую зловещую сферу. Волна вспухающей плазмы обрушилась на корабль, сотрясла его с дикой силой. Хоури почувствовала этот удар даже в ЦАПе, в кресле на гироскопах. По дисплеям помчалась информация — хотя Хоури меньше всего сейчас хотелось ее усваивать — о том, что взрыв лишь незначительно повредил некоторые корабельные системы и что имел место короткий всплеск радиации, который теперь миновал, и радиационный фон уже не опасен. Гравитационные показатели тоже в норме.

Пространство-время было пробито на квантовом уровне, благодаря чему наблюдался ничтожный выброс энергии Планка. Ничтожный, разумеется, по сравнению с обычными потоками энергии в пене пространства-времени. Но для Хоури этот ничтожный выброс был как взрыв атомной бомбы в ближайших окрестностях. Пространство-время залечило раны мгновенно, заштопало дыры, не дожидаясь вредных последствий. И никаких следов — если не считать остаточных монополей

Дирака, нескольких черных дыр малой массы и аномальных экзотических частиц.

Взбунтовавшаяся пушка прекратила свое существование.

— Ну и ладно. — Голос Мадемуазели звучал скорее разочарованно, чем зло. — Надеюсь, ты гордишься своим подвигом.

В ту минуту внимание Хоури было сосредоточено на другом: через виртуальное пространство ЦАПа к ней рвалась пустота. Она попыталась отпрянуть, разорвать связь...

И не успела.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Орбита Ресургема, год 2566-й

— Кресло, — сказала Вольева, входя в рубку управления.

Кресло поспешно наклонилось к ней. Она пристегнулась и отъехала от ярусных стен, чтобы двигаться вокруг огромной голографической сферы, занимавшей всю середину огромного помещения.

Сейчас сфера показывала Ресургем, но неискушенный зритель вполне мог бы принять его за увеличенное в несколько сот раз глазное яблоко мумифицированного трупа. Вольевой было известно, что это не просто точное изображение Ресургема, найденное в архивах. Создать эту динамическую картину помогли те самые камеры, которые и сейчас глядели вниз с корпуса корабля.

Планету Ресургем ни по каким критериям нельзя было отнести к числу красивых. Если не считать грязно-белых ледниковых шапок на полюсах, общий тон поверхности был тоскливо-серым. Некоторое разнообразие вносили лишь ржавые струпья да несколько голубоватых пятен в экваториальной зоне. Океаны еще прятались подо льдом, так что пятнышки открытой воды почти наверняка были обязаны своим возникновением искусственному подогреву. Тепловая энергия передавалась либо по теплотрассам, либо вырабатывалась на местах путем тщательно продуманных процессов метаболизма. Были и облака, но преимущественно мелкие и слоистые, а не

кучевые громадины, которые обычно формируются у планет с обширными водными пространствами. Ближе к ледяным шапкам число облаков увеличивалось, да и над населенными пунктами наблюдались небольшие скопления клочковатых тучек. Видимо, на фабриках вырабатывался пар или лед сублимировался в воду, а затем разлагался на кислород и водород. Тут же лежали и редкие полоски растительности, достаточно крупные, чтобы их можно было рассмотреть, не увеличивая изображения. Других свидетельств человеческой деятельности видно не было, за исключением огней на ночной стороне, каковая оставалась в потемках полтора часа. Даже при сильном увеличении населенные пункты было трудно заметить, поскольку они, за исключением столицы, были погружены в землю. Часто дома вообще не поднимались над поверхностью, виднелись разве что антенны на крышах да посадочные площадки и полоски теплиц. А вот столица...

Именно она и вызвала наибольшую тревогу.

— Когда откроется окно для связи с триумвиром Садзаки? — спросила Вольева у Хегази, скользнув взглядом по остальным членам команды, чьи кресла стояли кружком.

Лица сидевших в них освещал серый свет голограммы.

— Через пять минут, — ответил ей Хегази. — Еще пять томительных минут, и мы узнаем, что веселенького дорогой Садзаки припас для наших новых друзей-колонистов. Ты уверена, что вынесешь муки ожидания?

— Да какое тебе дело?

— А почему меня не должно интересовать настроение товарища по экипажу? — Хегази усмехался, вернее, пытался изобразить улыбку, хотя с таким обилием химерических протезов на его лице это было невозможно. — Забавно, но если бы я не знал нашу Илиа лучше, то сказал бы, что ее это все радует.

— Если он не нашел Силвеста...

Хегази оборвал ее фразу, вскинув руку в краге:

— Садзаки еще не сообщил о результате. Не будем забегать вперед.

— Ты так уверен, что он найдет Силвеста?

— Я этого не говорил.

— Вот чего я на дух не переношу, — холодно взглянула Вольева на триумвира, — так это идиотского оптимизма.

— Не грусти, бывают вещи и похуже.

Мысленно она признала: да, бывают. И не просто бывают, а градом сыплются на ее бедную голову. И этот град набирает силу с каждой ее новой неудачей. Теперь Вольева с тоской вспоминала мелкие неприятности с Нагорным — он пытался всего лишь убить ее. Это наводило на грустные думы: не придется ли когда-нибудь и сегодняшний день вспоминать ностальгически, тоскуя по спокойным временам?

Неприятности с Нагорным были, конечно, предвестием большой беды, так учащенное сердцебиение предвещает скорый инфаркт. Сейчас это очевидно, а тогда Илиа рассматривала их как ни с чем не связанный инцидент. Она убила Нагорного, но нисколько не продвинулась в вопросе о том, что именно довело его до безумия... Затем она завербовала Хоури, и проблема не то чтобы повторилась, — скорее, разыгрывалась вариация зловещей симфонии. Хоури явно в здравом уме. Пока, во всяком случае. Но она сыграла роль катализатора для худшего и уже не локального безумия. Можно только догадываться, что за страсти бушуют в ее голове. А тут еще побег орудия, которое едва не угробило Вольеву, а могло разнести в пыль весь корабль и вдобавок Ресургем со всем его населением.

— Пора давать ответы, Хоури, — сказала она незадолго до того, как проснулись остальные члены команды.

— На что, триумвир?

— Перестань корчить невинность! — прикрикнула Вольева. — Я слишком устала и нянчиться с тобой не собираюсь; так или иначе узнаю правду. Ты слишком раскрылась, пока улаживала проблему с беглой пушкой. И если думаешь, что я забыла хоть слово из сказанного тобой, то глубоко заблуждаешься.

— А что я такого сказала?

Они находились в одной из заселенных крысами зон корабля. Здесь, по мнению Вольевой, Садзаки едва ли догадался разместить подслушивающие устройства. Уж если где и поставил их, так это в «Пауке».

Илиа так толкнула Хоури к стене, что едва не вышибла из нее дух. Пусть знает, что не надо недооценивать силу Вольевой или переоценивать ее терпение.

— Позволь кое-что разъяснить тебе, Хоури. Я убила Нагорного, твоего предшественника, когда он не оправдал моих ожиданий. Потом я успешно скрыла обстоятельства его гибели от остальной команды. И не воображай, что я не сделаю того же с тобой, если дашь для этого повод.

Хоури оттолкнулась от стены, на ее щеки вернулся румянец.

— Что именно ты хочешь узнать?

— Начни с того, кто ты такая. Я ведь уже догадалась, что тебя к нам внедрили.

— Внедрили? Интересно, как такое могло произойти. Насколько мне помнится, ты сама меня завербовала.

— Да, — кивнула Вольева, предвидевшая уловку, — и это ловкий ход. Те, кто за тобой стоит, сумели так направить мои поиски, чтобы казалось, будто я сама тебя выбрала. — Вольева, конечно, понимала, что прямых доказательств нет, но эта простейшая версия объясняла все факты. — Будешь отрицать?

— Но с какой целью меня могли подослать?

Вольева закурила сигарету, купленную на «карусели» у йеллоустонцев, где она завербовала Хоури — или дала той обвести себя вокруг пальца.

— Ты слишком хорошо разбираешься в оружии. Кажется, и о Похитителе Солнц наслышана. И меня это очень беспокоит.

— Ты сама упомянула о Похитителе Солнц сразу после того, как заманила меня на борт. Разве не помнишь?

— Да, но у тебя более глубокие познания, они не сравнимы с информацией, полученной от меня. Если уж по правде, мне иногда казалось, что в ситуации ты разбираешься получше моего. — Вольева сделала паузу. — Но есть и кое-что поважнее. Пока ты лежала в криосне, в твоем мозгу наблюдалась нейронная активность. Надо было мне присмотреться к имплантатам, с которыми ты к нам явилась. Похоже, это непростые штучки. Ну, и как же ты все это объяснишь?

— Ладно... — Хоури сменила тон, будто поняла, что отпираться бессмысленно. — Только слушай внимательно, Илиа.

Я знаю, у тебя у самой есть маленькие тайны, которыми ты не хочешь делиться с Садзаки и другими. Насчет Нагорного я догадалась, но есть и еще кое-что, например тайный склад. Ты не желаешь, чтобы все про это узнали, иначе не тратила бы столько сил на заметание следов.

Вольева кивнула, понимая, что против правды не попрешь. Может, Хоури пронюхала и о ее делах с капитаном?

— К чему ты клонишь?

— К тому, чтобы все сказанное мной сейчас осталось между нами. Как — разумное предложение?

— Хоури, я ведь не шучу насчет того, что могу убить тебя. Ты не в том положении, чтобы ставить условия.

— Да, ты можешь меня убить. Или хотя бы попытаться. Но вряд ли тебе удастся скрыть мою смерть так же легко, как смерть Нагорного. Потеря одного артиллериста — несчастный случай. Потеря двоих — это уже безответственность.

Мимо шмыгнула крыса, обрызгав их водой. Вольева бросила в нее окурок, но уборщица успела исчезнуть в щели.

— Значит, я не могу сообщить даже о том, что ты «крот»?

Хоури пожала плечами:

— Отчего же, сообщи. Но как отнесется к этому Садзаки? По чьей ошибке на корабль проник лазутчик?

Вольева ответила не сразу.

— Ты это все заранее продумала?

— Триумвир, я знала, что рано или поздно ты задашь мне кое-какие вопросы.

— Тогда начнем с самого простого: кто ты и на кого работаешь?

Хоури вздохнула и покорно заговорила:

— Многое из того, что ты знаешь обо мне, правда. Я Ана Хоури, была солдатом на планете Окраина Неба... хотя и двадцатью годами раньше, чем думаешь ты. Что же до остального... — Она помолчала. — Я бы сейчас от кофе не отказалась.

— Кофе нет. Привыкай.

— Ладно. Я нанята экипажем другого корабля. Никаких имен не знаю. Прямого контакта не было, но они уже давно мечтают добраться до вашего тайника с оружием.

Вольева затрясла головой:

— Ерунда! О нем не знает никто.

— Это ты так считаешь. Вы же его испытывали? Должны быть выжившие, свидетели, о которых тебе ничего не известно. Постепенно поползли слухи, что у вас на борту серьезные вещички. А слухов достаточно, чтобы нашлись желающие получить кусок пирога.

Вольева молчала. Услышанное потрясло Илиа, будто она вдруг обнаружила, что ее самые интимные привычки стали предметом всеобщего обсуждения.

Но надо признать, то, о чем говорит Хоури, лежит в пределах возможного. За долгую историю корабля его команду покинуло немало членов, и не все уходили добровольно. И хотя номинально они не имели доступа к секретам, особенно к тайному складу, но полностью утечку исключить нельзя. Или действительно кто-нибудь остался жив при испытании орудий и поползли слухи.

— Эта другая команда... Ты можешь не знать имен, но как можно не знать названия корабля?

— С их стороны было бы глупо дать мне такую информацию.

— Что же тебе тогда известно? Как они намеревались украсть оружие?

— Вот тут-то и появляется Похититель Солнц. Боевой вирус, который им удалось подбросить на борт вашего корабля, когда вы в последний раз были на Йеллоустоне. Очень хитрая, быстро адаптирующаяся штучка, результат многолетней работы в области боевого программирования. Проникает во вражескую среду управления и ведет психологическую войну против существующих в ней субличностей, сводя их с ума путем подсознательного внушения. — Хоури помолчала, давая Вольевой время проглотить наживку. — Но ваша оборона очень прочна. Она измотала Похитителя Солнц, так что этот план провалился. Вашим противникам пришлось ждать. Только спустя почти век, когда вы снова посетили Йеллоустон, у них появился шанс. В этот раз они решили заслать на борт корабля агента-человека.

— Как проходила первая вирусная атака?

— Вирус внедрили через Силвеста. Они узнали, что вы намереваетесь доставить его на борт. Он, сам о том не ведая, про-

нес сюда вирусную программу и заразил системы управления, пока находился в лазарете, ухаживая за капитаном.

Очень правдоподобная и потому очень тревожная история. Она предполагает существование другого столь же хищного и решительного экипажа. Что ж, слишком глупо было бы думать, что только триумвират «Ностальгии по бесконечности» способен на подобные ухищрения.

— Каковы твои задачи?

— Оценить ущерб, нанесенный вам Похитителем Солнц. Если возможно, захватить контроль над кораблем. Для этого очень хорошо подходит Ресургем: далек от торговых путей и не имеет сильного политического управления. Если бы захват удался, свидетелей, кроме жалких колонистов, не осталось бы. — Хоури вздохнула. — Но честно тебе скажу: план оказался ни к черту. Похититель Солнц со своей задачей не справился. Он слишком агрессивен и плохо адаптируется. Засветился, пока доводил Нагорного до безумия. Да и дотянуться смог только до одного стажера. Потом ему вздумалось пострелять...

— Взбесившаяся пушка?

— Ага. Ох и натерпелась я страху тогда. — Хоури поежилась. — Сразу стало ясно, что Похититель Солнц чересчур силен, мне его не обуздать.

На протяжении еще нескольких дней Вольева задавала Хоури вопросы, которые позволяли проверить различные эпизоды ее истории и сопоставить их с происходившими на борту событиями. Разумеется, Похититель Солнц вполне мог оказаться хитроумным вирусом... хотя ей еще ни разу не доводилось слышать о существовании столь изощренного оружия. Да, такую версию отбрасывать нельзя. Тем более что доподлинно известно: Похититель Солнц существует. Объяснение, которое дала Хоури, — фактически единственное, имеющее смысл. Она рассказала, почему попытки вылечить Нагорного не удались. Вовсе не тонкое воздействие внедренных Вольевой для контроля над пушками имплантатов свело его с ума. Это сделало — просто и грубо — существо, созданное именно для подобной цели. Стоит ли теперь удивляться, что проблема Нагорного не поддавалась пониманию? Конечно, остается

каверзный вопрос, почему безумие Нагорного выразилось с такой силой и в такой странной форме — с рисунками кошмарных птиц и символами на гробе. Но можно допустить, что Похититель Солнц усилил изначально существовавший психоз, предоставив мозгу Нагорного выбирать выражающие его недуг образы.

Таинственную команду другого корабля тоже нельзя сбросить со счетов. Просмотр корабельных журналов показал: во время двух последних визитов «Ностальгии» на Йеллоустон субсветовик «Галатея» находился вблизи этой планеты. Может, это его экипаж подослал Хоури.

На данный момент это объяснение ничуть не уступало другим. Одно было очевидно: Хоури совершенно права, эту информацию следует утаить от остальных триумвиров. Садзаки и в самом деле возложит на Вольеву всю вину за грубое нарушение правил безопасности. Он, конечно, накажет Хоури... но Илиа от этого легче не станет. Поскольку отношения с ним в последнее время сделались особенно напряженными, не исключено, что он решится даже на убийство. В этом он может и преуспеть — у него сил не меньше, чем у нее. Вряд ли его остановит то, что корабль лишится главного эксперта по вооружению и единственного человека, который хоть что-то понимает в пушках из тайного склада. Вероятно, он заявит, что Вольева продемонстрировала свою полную некомпетентность.

Было и еще кое-что, чего Илиа никак не могла упустить из виду. Из-за чего бы ни взбесилось то орудие на самом деле, но именно Хоури спасла ее.

Да, как это ни противно, но своей жизнью Вольева обязана «кроту».

Беспристрастно рассмотрев ситуацию, она решила оставить все как есть. Делать вид, будто ничего не произошло. Миссия Хоури потерпела крах, теперь о захвате корабля и речи быть не может. Тайная причина появления этой женщины на борту не имеет ничего общего с намерением ультра доставить на корабль Силвеста, да и вообще, во многих отношениях Хоури — полезный член команды. Теперь, когда Вольева знает правду, а Хоури отказалась от своего первоначального намерения, стажер наверняка сделает все от нее зависящее, чтобы пол-

ностью соответствовать своему месту в судовой роли. И вряд ли имеет значение, удалась ли попытка привить Хоури чувство лояльности или нет. Все равно она будет вести себя так, будто программа сработала, а со временем притворство станет привычкой, неотличимой от истины. Она даже не захочет покинуть корабль, если такая возможность предоставится. Как ни крути, на свете есть места и похуже. Пройдут месяцы или годы субъективного времени, и Хоури сделается настоящим членом экипажа, ее былое двойственное положение останется секретом, известным только ей да Вольевой. А потом и Вольева позабудет.

Таким образом, Вольевой скоро удалось убедить себя, что проблема «крота» решена окончательно. Конечно, остается проблема Похитителя Солнц, но теперь на стороне Вольевой Хоури, и они вместе скроют все от Садзаки. Есть и другие вещи, которые следует утаить от триумвира. Вольева поставила перед собой задачу уничтожить любые следы происшествия с пушкой и сделать это до того, как Садзаки и другие проснутся.

Дело оказалось нелегким. Во-первых, надо было ликвидировать повреждения, нанесенные самому кораблю, зачистив все участки корпуса, которые пострадали при взрыве орудия. Для этого пришлось подстегнуть системы авторемонта, причем проследить, чтобы прежние шрамы и вмятины от давних столкновений с метеоритами, а также плохо отремонтированные участки были восстановлены во всех деталях. Затем Вольева проникла в память авторемонтной системы и стерла там всякий намек на проведение работ. Ей пришлось отремонтировать и «Паука», хотя ни Садзаки, ни другие даже не подозревали о его существовании. Лучше перестраховаться, чем раскаиваться потом, хотя ремонт требовался не из простых. Затем Вольева уничтожила любые следы деятельности программы «Паралич». На все это ушло больше недели.

Труднее всего было скрыть потерю шаттла. Какое-то время Вольева подумывала, не соорудить ли ей новую машину, собрав нужный материал по разным секциям. Для этого потребовался бы эквивалент примерно одной девяностотысячной массы корабля. Однако такой план был слишком рискованным, а кроме того, она сомневалась, что сможет достаточно надежно «состарить» машину, чтобы подмена не бросалась в глаза. Поэто-

му Вольева приняла более простое решение: подчистила корабельную документацию так, чтобы в ней значилось на один шаттл меньше, чем их было на самом деле. Садзаки, конечно, может заметить пропажу. Любой может это заметить — но не доказать свою правоту.

Наконец Вольева создала новое орудие. Разумеется, это был всего лишь макет, подделка, предназначенная громоздиться на прежнем месте и выглядеть устрашающе в тех редких случаях, когда Садзаки посетит владения Вольевой.

На уничтожение следов происшествия ушло шесть дней. В седьмой день она отдохнула, и сделано это было настолько хорошо, что никто потом не догадался, как долго и тяжело ей пришлось трудиться.

На восьмой день проснулся Садзаки и потребовал отчета о ее деятельности в те годы, которые он провел в криогенном сне.

— Сплошная рутина, — ответила Вольева. — Ничего такого, о чем бы хотелось написать домой.

Реакцию Садзаки, как и многое другое в его поведении, с некоторых пор было трудно понять. Но Вольева не сомневалась: даже если на этот раз она выкрутится, у нее не будет права на новые ошибки.

Хотя экипаж «Ностальгии по бесконечности» еще не установил контакта с колонистами, события выходили за пределы понимания Вольевой. Мыслями она вернулась к нейтринной «подписи», которую обнаружила вблизи нейтронной звезды в этой системе. Потом она подумала о тревоге, не покидавшей ее с тех пор. Источник нейтрино все еще там, и, хотя он слаб, Илиа изучила его достаточно хорошо. Он точно находится на орбите нейтронной звезды и вращается не только вокруг нее, но и вокруг каменного тела величиной с Луну, ее спутника. Конечно, этого источника не было несколько десятилетий назад, когда изучалась вся система, — и это наводит на мысль, что он имеет какое-то отношение к колонистам Ресургема. Но как они могли доставить его туда? Такое впечатление, что им не под силу даже искусственные спутники выводить на орбиту или посылать зонды к границам своей системы. Тем более что корабль, который их доставил на Ресургем, вообще про-

пал. Вольева рассчитывала увидеть «Лореан» на орбите, но там его не оказалось.

Но что бы ни говорили факты, где-то на задворках ее сознания жила мысль, что колонисты все же способны на сюрпризы. И от этого у нее не становилось легче на душе.

— Илиа, — сказал Хегази, — мы почти готовы. Столица выходит из ночи.

Вольева кивнула. Камеры с большой разрешающей способностью, установленные на корпусе, сейчас будут нацелены на точку в нескольких километрах от границы города, определенную еще до отбытия Садзаки на поверхность Ресургема. Если он не попал в беду, то сейчас ждет там, стоя на вершине столовой горы и глядя на встающее солнце. Точность во времени была исключительно важна, но Вольева не сомневалась: Садзаки окажется в назначенном месте в назначенное время.

— Я поймал его! — воскликнул Хегази. — Сейчас стабилизирую изображение...

— Покажи нам.

В сфере возник квадрат, который стал быстро расширяться. Сначала то, что появилось в «окне», было плохо различимо. Какое-то размытое пятно, слегка напоминающее человека. Вдруг изображение обрело четкость — теперь Садзаки был легкоузнаваем. Вместо громоздкого адаптивного скафандра, который Вольева видела на нем в последний раз, — серое пальто, длинные полы которого полоскались вокруг ног, обутых в высокие сапоги — на вершине столовой горы гулял ветер. Воротник Садзаки поднял, защищая уши от ветра, но лицо было видно хорошо.

И оно совсем не походило на обычное лицо Садзаки. Ему немного изменили черты, подогнав под средний фенотип, рассчитанный по генетическим профилям всех членов экспедиции, улетевшей с Йеллоустона на Ресургем, и отражавшему преимущественно франко-китайский набор генов. Садзаки вызвал бы разве что случайный любопытный взгляд, вздумай он прогуляться в полдень по городу. Ни в его внешности, ни в акценте не было ничего, что могло бы выдать чужака. Лингвистические программы проанализировали с десяток йеллоустонских диалектов, и по сложным лексико-статистическим

моделям рассчитали вероятную эволюцию этих диалектов в единый язык Ресургема. Если бы Садзаки решил вступить в контакт с кем-нибудь из поселенцев, его облик, легенда и речь убедили бы собеседника, что перед ним житель какого-нибудь медвежьего угла планеты, а вовсе не другого мира.

Садзаки не имел с собой никаких предметов, которые могли бы его выдать, если не считать подкожных имплантатов. Обычные коммуникационные средства типа «земля—орбита» слишком подозрительны и легко обнаружимы; объяснить их присутствие при задержании было бы трудно. Поэтому сейчас он просто говорил, четко артикулируя слова, по нескольку раз повторяя фразу, тогда как корабль своими инфракрасными датчиками замерял приток и отток крови в области рта, а затем моделировал соответствующие сокращения мышц и движения челюсти. Эти движения сверялись с архивными записями разговоров Садзаки, что давало возможность восстановить произносимые звуки. Конечный этап включал моделирование лексико-грамматических конструкций, которых можно было ожидать от триумвира в данной ситуации. Система выглядела сложной и была сложной, но уши Вольевой не улавливали никакого несоответствия между движением губ и синтетической речью, которая звучала удивительно четко.

— Я исхожу из того, что вы меня слышите, — говорил Садзаки. — Для протокола: пусть это будет мое первое донесение с поверхности Ресургема. Вам придется извинить меня, если иногда я буду отклоняться от главной темы или сбиваться. Я не писал отчет заранее, так как это опасно — меня могли бы задержать вместе с ним на выходе из города. Здесь все совсем не так, как мы ожидали.

Это уж точно, подумала Вольева. Колонисты — во всяком случае, часть из них, — конечно, узнали о прибытии корабля на орбиту Ресургема. Предположительно с помощью радарного луча, отраженного корпусом. Однако они не стремились установить контакт с «Ностальгией», как и ее экипаж не пытался связаться с ними, и это беспокоило Вольеву не меньше, чем источник излучения нейтрино. Такая скрытность говорила о паранойе и о тайных намерениях. Но Илиа заставила себя не думать об этом, так как Садзаки продолжал говорить и она не хотела упустить ни единого слова.

— Я могу многое сказать о колонии, — продолжал он, — но боюсь, что «окно» вот-вот закроется. Поэтому начну с тех новостей, которых вы ждете с нетерпением. Я установил местонахождение Силвеста. Теперь вопрос лишь в том, как его доставить к нам.

Слука давилась кофе, сидя за продолговатым черным столом напротив стоящего Силвеста. Раннее ресургемское солнце проникало в комнату сквозь приспущенные жалюзи, рисуя яркие полоски на коже женщины.

— Мне нужно узнать твое мнение по одному вопросу.

— Гости?

— Соображаешь! — Она налила Силвесту чашку и указала на кресло.

Сиденье под тяжестью Силвеста опустилось, и он оказался вдруг ниже собеседницы.

— Удовлетвори мое любопытство, доктор Силвест: что именно ты слышал.

— Я не слышал почти ничего.

— Тогда и времени на рассказ тебе потребуется не много.

Он устало усмехнулся. Дважды в этот день его разбудили тюремщики и во второй раз притащили сюда в полусонном состоянии. Он все еще ощущал запах Паскаль, аромат ее тела обволакивал его и заставлял думать о том, спит ли она сейчас в своей камере где-то неподалеку, в этом же Мантеле. Чувство одиночества, которое он испытывал, смягчалось радостным знанием, что она жива и невредима. Силвеста убеждали в этом и до его встречи с женой, но у него не было оснований верить людям Слуки. Какую ценность представляет Паскаль для «Истинного пути»? Даже меньшую, чем он сам. Было ясно: сейчас Слука решает, оставить ли его в живых.

И все же... что-то изменилось. Ему разрешили свидание с Паскаль, и он был уверен, что эта встреча не последняя. В чем причина, в остатках гуманности у Слуки или в чем-то совсем ином? Может, Силвест или Паскаль ей скоро понадобится и она решила расположить их к себе щедрой подачкой?

Силвест глотнул кофе, и усталость отступила.

— Я слышал лишь, что у нас могут быть гости. И сделал из этого собственные выводы.

— Которыми, надеюсь, поделишься со мной?

— А может, мы сначала поговорим о Паскаль?

Слука поглядела на него поверх чашки, а затем кивнула с деликатностью заводной куклы.

— Ты предлагаешь свои знания в обмен... на что? На послабление режима содержания?

— Это было бы, мне кажется, разумно.

— Все зависит от качества твоих рассуждений.

— Рассуждений о чем?

— О том, кем могут быть эти гости. — Слука глянула на рассеченное жалюзи солнце, глаза сощурились от рубинового сияния. — Я ценю твое мнение, хоть и сама не знаю почему.

— Сначала скажи, что известно тебе.

— Дойдем и до этого. — Слука улыбнулась краем рта. — Но прежде я должна признаться, что обратилась к тебе за помощью в непростой ситуации.

— Ты о чем?

— Кто эти люди, если не Ремиллиод с командой?

Реплика означала, что его разговор с Паскаль, а следовательно и все, что между ними происходило, прослушивались. Эта новость шокировала Силвеста гораздо меньше, чем он мог ожидать. Видимо, он в глубине души все время чувствовал, что так оно и есть, хотя и старался подавить подозрения.

— Послушай, Слука, ты же сама приказала Фолкендеру упомянуть о гостях. Это было сделано ловко.

— Фолкендер просто выполнил свою задачу. Так кто же они? Ремиллиод уже торговал с Ресургемом. Почему бы не сделать это еще раз?

— Слишком рано, это во-первых. У него вряд ли хватило времени добраться до какой-нибудь другой системы. А во-вторых, торговля здесь не ахти.

Силвест освободился от мягких объятий кресла и подошел к окну. Через стальное жалюзи он увидел северные склоны столовых гор, окрашенные в оранжевые тона, — похоже на охваченные пламенем стопки книг. И еще он заметил, что небо теперь более голубое. Не красное, как прежде. Значит, из атмосферы удалены мегатонны песчаной пыли и заменены водяным паром. А может, это проделка его измененного зрения?

Потрогав стекло, он сказал:

— Ремиллиод не вернулся бы так скоро. Это очень ушлый торгаш, с ним немногие могут сравниться.

— Тогда кого же мы ждем?

— Тех самых очень немногих.

Слука позвала адъютанта и велела унести кофе. Когда со стола убрали, она снова предложила Силвесту сесть. Затем взяла только лист бумаги с отпечатанным текстом и протянула собеседнику:

— Информация, которую ты сейчас прочтешь, получена три недели назад со станции на востоке Нехбет.

Силвест кивнул. Он знал о станциях слежения за солнечной активностью. Даже добивался когда-то строительства этих небольших обсерваторий, разбросанных по всему Ресургему, чтобы вести наблюдения за звездами в поисках аномальных излучений.

Чтение обычной распечатки для Силвеста было не легче расшифровки амарантийских текстов. Приходилось собирать слова по буквам, пока их смысл не достигал наконец сознания. Кэл знал, что процесс чтения сводится к движениям взгляда *вдоль строчки. Он ввел специальное устройство*, чтобы «глаза» Силвеста могли выполнять эту работу, но Фолкендер не сумел восстановить столь сложную механику.

Впрочем, смысл документа Силвест уяснил.

На востоке Нехбет станция зарегистрировала энергетическую пульсацию небывалой силы. Вспышка вызвала опасения, не собирается ли Дельта Павлина повторить тот же процесс, который в свое время уничтожил амарантийцев, — мощнейший корональный выброс, известный как Событие. Более тщательные наблюдения показали, что энергия исходила не от звезды, но от чего-то отстоящего от нее на несколько световых часов и расположенного на самой окраине системы. Спектральный гамма-анализ выявил небольшой, но вполне измеримый эффект Доплера в несколько процентов от скорости света. Вывод очевиден: вспышка связана с космическим кораблем на последнем этапе сброса межзвездной ходовой скорости.

— Что-то случилось, — сказал Силвест, спокойно принимая новость о появлении световика. — Какая-то авария двигателя.

— У нас тоже возникла такая мысль. — Слука постучала ногтем по бумаге. — Однако через пару дней мы поняли: дело не в этом. Эта штука все еще там — излучение слабое, но ошибки быть не может.

— Значит, корабль пережил взрыв?

— Что бы он там ни пережил, мы уже наблюдаем его синеватые выбросы. Торможение идет нормально, будто никакого взрыва не было.

— У тебя наверняка есть гипотеза на этот счет.

— Половинка гипотезы. Мы думаем, что причина взрыва — испытание оружия. Какого — неизвестно. Ничто другое не могло выделить такое количество энергии.

— Оружие? — Силвест пытался не выдать своего смятения, он хотел, чтобы вопрос прозвучал лишь как удивленный возглас.

— Странно, да?

Силвест наклонился вперед. По спине пробежала холодная дрожь.

— Кем бы ни были эти гости, я полагаю, они разбираются в наших делах.

— Ты имеешь в виду политическую ситуацию? Вряд ли.

— Почему же тогда они не пытаются установить контакт с Кювье?

— Мне это тоже не нравится. От них не слышно даже писка.

— И многим об этом уже известно? — Силвест говорил теперь еле слышно — будто кто-то сдавливал ему горло.

— Во всей колонии — двум десяткам людей, не больше. Специалисты в обсерватории, дюжина моих помощников здесь и кое-кто в Ресургем-Сити... в Кювье то есть.

— Это не Ремиллиод.

Слука позволила столу абсорбировать бумагу, ее опасное содержание тут же исчезло.

— У тебя есть догадки, кто бы это мог быть?

Силвест хохотнул — и испугался: не выдаст ли этим смехом, насколько он близок к истерике?

— Если я прав, а я ошибаюсь не так уж часто, то это не просто дурная новость для меня. Это дурная новость для нас всех.

— Продолжай.

— Долгая история.

Слука только плечами пожала:

— А мне спешить некуда. Да и тебе тоже.

— Теперь уже некуда...

— То есть?

— Это просто мои личные подозрения.

— Хватит играть в дурацкие игры, Силвест!

Он кивнул, понимая, что нет смысла утаивать. Своим самым глубоким страхом он уже поделился с Паскаль, так что ему осталось для Слуки лишь заполнить некоторые пробелы в его истории, узнав о событиях, которые ускользнули от нее при прослушке. Если он будет сопротивляться, Слука все равно найдет способ вытянуть правду — или не из него, то, что хуже, из Паскаль.

— Это очень старая история, — начал он. — Она началась, когда я вернулся на Йеллоустон из экспедиции к завесе. Помнишь, как я исчез на время?

— Но ты же утверждал, что тогда ничего не произошло!

— Меня похитили ультра, — сказал Силвест, не тратя время на анализ ее реакции. — Затащили на борт субсветовика, крутившегося на орбите Йеллоустона. Один из них был покалечен, и команда хотела, чтобы я его... отремонтировал. Пожалуй, это самое подходящее слово.

— Отремонтировал?

— Капитан был химериком до мозга костей.

Слука поежилась. Как и большинство колонистов, она имела очень слабое представление об этом сообществе радикально измененных людей, поскольку видела их лишь в сериалах.

— Это были не совсем обычные ультра, — продолжал Силвест, не упуская случая поиграть на фобиях Слуки. — Они слишком много лет провели в отрыве от того, что мы называем нормальным человеческим обществом. Даже по меркам ультра это была слишком параноидальная, слишком агрессивная компания.

— Значит...

— Я понимаю, о чем ты думаешь: раз это отбросы чуждой, далекой от нас культуры, то какими же негодяями должны они быть? — Силвест стер высокомерную улыбку и покачал головой. — Именно так и я думал в те дни. Но потом узнал их лучше.

— Что именно ты узнал?

— Вот ты упоминала об оружии. У них оно было. Пушки, способные легко уничтожить такую планету, как эта.

— Но не станут же они это делать без причины?

Силвест улыбнулся:

— На этот вопрос мы получим ответ, когда они доберутся до Ресургема.

— Да, — хмуро проговорила Слука. — Фактически они уже здесь. Взрыв был три недели назад, но... хм... его значение мы поняли не сразу. А тем временем они сбросили скорость и вышли на орбиту Ресургема.

Силвест взял паузу, чтобы привести дыхание в норму. При этом он гадал, почему Слука только сейчас сказала о достижении пришельцами орбиты. То ли случайно забыла об этой детали, то ли придержала ее, чтобы полностью сбить его с толку. Если верно второе предположение, то со своей задачей эта женщина справилась.

— Вот ты говоришь, что об этом известно немногим, — сказал он. — Но разве можно не заметить субсветовик на орбите?

— А как его заметишь? Этот корабль — самый темный объект в системе. Конечно, он должен излучать в инфракрасном спектре, — но ведь не излучает! Наверное, подстроил свою эмиссию под частоты наших паров, и теперь она не достигает планеты. Если бы двадцать лет кряду мы не накачивали воду в атмосферу... — Слука с упреком покачала головой. — Ладно, не будем об этом. В общем, в небо сейчас никто особо не таращится. Эти гости могли приближаться с неоновой рекламой на бортах и остались бы незамеченными.

— Но они обошлись без рекламы и даже не оповестили о своем прибытии.

— Хуже. Они приняли все меры, чтобы скрыть свое присутствие. Их выдал тот взрыв... — Слука замолчала и погляде-

ла в окно, но сейчас же вновь переключилась на Силвеста. — Если это те люди, о которых ты говорил, то тебе должно быть известно, что им здесь нужно!

— Разве это не ясно? Им нужен я.

Вольева внимательно дослушала до конца доклад Садзаки.

— Йеллоустон получал довольно мало информации с Ресургема, причем ее поток очень резко ослабел после первого мятежа. Теперь мы знаем, что Силвест пережил тот мятеж, но через десять лет был свергнут в результате следующего. Это было десять лет назад. Его посадили в тюрьму, однако новая власть обеспечила его всеми удобствами, так как видела в Силвесте важное политическое орудие. Нас бы очень устроила такая ситуация, поскольку обнаружить местонахождение Силвеста не составило бы труда. Мы имели бы удобную позицию для переговоров с колонистами, которые, возможно, не захотели бы выдать его нам. Сейчас, однако, ситуация гораздо сложнее.

Садзаки помолчал, и Вольева заметила, что он слегка повернулся, отчего чуточку преобразился пейзаж за его спиной. Угол обзора менялся в связи с перемещением корабля над головой Садзаки, и тот, зная об этом, поворачивался так, чтобы товарищи все время видели его лицо. Для наблюдателя, стоящего на соседней возвышенности, Садзаки выглядел бы странно — человек смотрит на горизонт, шепчет и медленно кружится с точностью часовой стрелки. Никто бы не догадался, что у этого человека односторонняя связь с космическим кораблем, висящим на орбите, а вовсе не галлюцинации безумца.

— Как мы выяснили, приблизившись на дистанцию сканирования, столица планеты Кювье пострадала от сильных множественных взрывов. Эти события случились сравнительно недавно по колониальному времени, примерно восемь месяцев назад. По моим сведениям, случился еще один переворот, в ходе которого было использовано мощное оружие. Он удался не полностью, прежний режим все еще контролирует развалины Кювье, хотя его лидер, некий Жирардо, был убит в самом начале беспорядков. Движение «Истинный путь» — нападающая сторона — контролирует большинство перифе-

рийных поселений, но между лидерами нет согласия, и возможны столкновения отдельных групп. За неделю, что я тут провел, город выдержал девять атак; жители поговаривают о диверсантах. Агенты «Истинного пути», видимо, и среди руин делают свое дело. — Садзаки взял паузу, чтобы собраться с мыслями, и Вольева подумала: а не испытывает ли он симпатии к этим диверсантам? Если и испытывает, то абсолютно ничем этого не выдает.

— Что касается моих действий, то прежде всего я приказал скафандру демонтироваться. Конечно, соблазнительно было бы добраться до Кювье прямо в нем, но я решил не рисковать. Переход дался легче, чем я ожидал. Мне удалось присоединиться к возвращавшейся с севера группе прокладчиков труб, и я воспользовался этим для посещения Кювье. Сначала рабочие держались настороженно, но водка сделала свое дело, и они взяли меня в машину. Я сказал, что водку гнали в Фениксе — поселке, из которого якобы происхожу я сам. О Фениксе они ничего не слышали, зато водке ужасно обрадовались.

Вольева кивнула. Водка, а также чемоданчик, набитый сувенирами, были изготовлены на борту корабля перед отправкой Садзаки на Ресургем.

— Население живет преимущественно под землей, в катакомбах, вырытых еще шестьдесят лет назад. Атмосферный воздух более или менее доведен до состояния, когда им можно дышать, но уверяю вас, это занятие доставляет мало удовольствия, и ты постоянно чувствуешь себя, как в начале приступа удушья. Чтобы добраться до этой горы пешком, мне пришлось потратить немало сил.

Вольева усмехнулась. Если уж Садзаки признается в пережитых трудностях, значит его поход был настоящей пыткой.

— Говорят, что «Истинный путь» имеет доступ к марсианской генетической технологии, — продолжал он, — которая облегчает дыхание в такой атмосфере, но я особых достижений в этом плане не видел. Новые друзья-трубопрокладчики помогли мне поселиться в общежитии для горняков, и это хорошо вяжется с моей легендой. Я бы не назвал здешнюю обстановку комфортной, но для моей задачи, а именно для сбора информации, она вполне подходит. Я уже получил много сведений — противоречивых или в лучшем случае туманных.

Садзаки почти закончил оборот. Теперь солнце находилось за его правым плечом, что сильно мешало считывать слова с губ. Корабль мог анализировать только приливы крови к коже лица.

— Очевидцы утверждают, что Силвесту и его жене удалось избежать смерти, когда был убит Жирардо, но с тех пор, вот уже восемь месяцев, их никто не видел. Если верить некоторым источникам, Силвест находится у кого-то в плену, но теперь его держат вне города, возможно в одном из укрытий «Истинного пути».

Вольева напряглась. Она понимала, к чему все это ведет. К тому, что всегда было неизбежным. Правда, сейчас на мысли о неизбежном наводили поступки Садзаки, а не человека, которого он искал.

— Очевидно, вести переговоры с официальными властями, что бы они собой ни представляли, — дело бесполезное, — продолжал Садзаки. — Я сомневаюсь, что они бы отдали нам Силвеста, даже если бы захотели. К сожалению, это оставляет нам только одну возможность.

«Вот оно!» — подумала Вольева.

— Мы должны сделать так, чтобы выдача Силвеста была в интересах всей колонии. — Садзаки улыбнулся, белые зубы ярко сверкнули на фоне смуглого лица. — Излишне упоминать, что я уже начал закладывать фундамент для такой ситуации. — И Садзаки обратился прямо к Илиа: — Вольева, ты можешь приступать к выполнению своей задачи. Детали меня не интересуют.

В другое время самолюбие Вольевой было бы удовлетворено, поскольку она точно угадала намерения Садзаки. Но сейчас она испытывала только наползающий ужас: ее заставляют повторить уже совершенное когда-то. И хуже всего было понимание: она выполнит то, чего Садзаки от нее ждет.

— Давай, — сказала Вольева. — Он не кусается.

— Я знакома со скафандрами, триумвир. — Хоури помешкала, а затем ступила в белизну комнаты. — Просто не думала, что снова их увижу. Уж не говоря о том, чтобы напяливать на себя эту дрянь.

Четыре скафандра стояли у стены удручающе белого склада, шестьюстами уровнями ниже корабельной рубки. Склад примыкал к залу номер два, который Вольева приспособила для тренировок.

— Нет, вы только послушайте ее, — сказала одна из присутствовавших женщин. — Так говорит, будто залезть на несколько минут в эту штуковину — значит совершить величайший подвиг. Ты вряд ли отправишься с нами вниз, Хоури, так что не спеши обмочиться.

— Благодарю за совет, Суджик. Обязательно постараюсь запомнить.

Суджик пожала плечами — видно, сочла фырканье непозволительной тратой сил — и подошла к предназначенному ей скафандру. За ней последовала ее подружка Сула Кьярваль. Готовые принять своих будущих обитателей, скафандры напоминали лягушек, из которых выпустили кровь, выпотрошили, изрезали, растянули и пришпилили к стене. Сейчас они имели антропоморфную конфигурацию, с чересчур длинными ногами и распростертыми, как для объятия, руками. На руках отсутствовали пальцы, да и кистей как таковых не было — просто нечто ластообразное. Хотя по приказу хозяина скафандр мог быстро отрастить любые манипуляторы, в том числе и пальцы.

Хоури не солгала, она действительно раньше имела дело со скафандрами. Правда, на Окраине Неба они были редкостью, их завозили с других планет, покупали у торговцев-ультра, которые охотно посещали раздираемую войнами планету. Там никому не удалось наладить промышленное копирование этих вещей, а потому скафандры в той армии, где служила Хоури, стоили фантастически и считались чуть ли не могущественными тотемами, ниспосланными самими богами.

Скафандр просканировал Хоури, снял размеры, чтобы адаптироваться к ее фигуре. Ана стояла на месте, когда скафандр шагнул вперед и принял ее внутрь себя; это сопровождалось кратковременным приступом клаустрофобии. Уже через несколько секунд он плотно застегнулся и наполнился гель-воздухом, что позволяло ему двигаться без риска раздавить обитателя.

Он задал Хоури несколько вопросов насчет подгонки оружия и регулировки автономных систем и произвел необходи-

мые изменения. Конечно, в зале номер два присутствовали разновидности только самого легкого оружия. Подготовленные учебные сценарии очень органично соединяли реальные физические действия и виртуальное применение вооружений, с одним условием: каждый аспект тренировки должен восприниматься с полной серьезностью, в том числе безграничные возможности скафандра по усовершенствованию процесса расправы с врагами, которых угораздит попасть в его боевое пространство.

Бойцов было трое, не считая Хоури. Ее всерьез не рассматривали в качестве участника десанта на поверхность планеты.

Командиром была Вольева. Хотя в ее разговорах с Аной и проскакивали намеки, что она родилась в космосе, ей много раз доводилось высаживаться на планеты, и она приобрела необходимые рефлексы, увеличивавшие шансы выживания. Среди этих рефлексов было и глубочайшее уважение к закону всемирного тяготения.

То же самое можно было сказать и о Суджик. Она родилась либо на обитаемой станции, либо в субсветовике, но посетила достаточно планет, чтобы ходить по их поверхности, не ломая себе кости. Ее хрупкость, подобная обманчивой хрупкости клинка, нисколько не обманывала Хоури. Суджик была как здание, сооруженное талантливым архитектором, который прекрасно знал, какие нагрузки предстоит выдержать постройке, и с наслаждением придавал ей изысканную легкость и красоту.

Кьярваль, всегда сопровождавшая Суджик, очень сильно отличалась от подруги. Она и на химерика была мало похожа. Все члены ее тела были натуральными, но в тоже время в ней не чувствовалось ничего человеческого. Лицо плоское и гладкое, будто оптимизированное для пребывания в водной среде неизвестной планеты; сетчатые кошачьи глаза лишены зрачков. Ноздри и уши напоминали жаберные отверстия, а рот представлял собой невыразительный разрез. Он почти не двигался, когда женщина говорила, но всегда был искривлен, придавая лицу выражение некоторой экзальтации. Она не носила одежды, но даже в прохладном помещении склада казалась не нагой, а скорее обтянутой каким-то эластичным полимером. Настоящая ультра, иначе говоря, существо загадочного, явно не дарвиновского происхождения.

Ана слышала о биоинженерных проектах по созданию особых человеческих линий, проводившихся подо льдами таких планет, как Европа, и о людях, приспособленных к жизни в космических кораблях, заполненных водой. Сула казалась живым выходцем из этих легенд. Но вообще-то, она с тем же успехом могла быть и чем-то совершенно иным. Возможно, на все эти трансформации Кьярваль пошла из чистого каприза и они не имели никакого практического смысла. Но возможно и другое: они служат прикрытием для чего-то важного — например, маскируют совершенно иную сущность.

Как бы там ни было, Сула посещала разные планеты, и сейчас это было главным.

Садзаки тоже знал уйму миров, но сейчас он находился на Ресургеме, и было неясно, какую роль этот человек сыграет в освобождении Силвеста, если оно состоится. О триумвире Хегази Хоури знала мало, но по отдельным репликам составила впечатление, что его нога ни разу не ступала на то, что имело естественное происхождение. Неудивительно, что Садзаки и Вольева делегировали триумвиру Хегази обязанности тылового обеспечения. Ему бы не позволили — да он и сам не хотел — высадиться на Ресургем.

Оставалась Хоури. Ее опыт не вызывал сомнений, и сама она не пыталась их посеять. В отличие от других членов команды, она родилась и воспитывалась на планете и, что еще важнее, участвовала там в боевых действиях. Ультра же высаживались почти исключительно ради торговли или туризма — любили они посмеяться над нелепой приземленной жизнью «эфемерных» обществ. Хоури побывала во множестве переделок, где жизни лишиться проще простого. Но ей повезло — прошла через все сражения почти неискалеченной.

С этим никто на корабле не спорил.

— Но эта высадка — не то, к чему я тебя готовила, — сказала ей Вольева вскоре после мятежа пушки. — Совсем не то. Я не сомневаюсь, что ты справишься со скафандром не хуже любой из нас и вряд ли струсишь под огнем противника.

— Ну, так в чем же...

— Я не могу снова подвергнуть риску жизнь моего артиллериста. — Они разговаривали в «Пауке», но Вольева все рав-

но понизила голос. — На Ресургеме достаточно трех человек, а это значит, что в твоем участии необходимости нет. Не только я, но и Суджик, и Кьярваль умеют обращаться со скафандрами. Фактически мы уже приступили к подготовке.

— Тогда разреши мне хотя бы потренироваться.

Вольева подняла руку, явно намереваясь отказать и в этой просьбе, но тут же передумала.

— Ладно, Хоури. Будешь тренироваться с нами. Только это ничего не меняет.

О да, это Ана понимала.

Между Вольевой и Хоури сложились совсем другие отношения, после того как Ана рассказала запасную «легенду», будто она лазутчица от другой команды. Эту версию задолго до инцидента с орудием придумала Мадемуазель, и получилось отлично. Хоури нарочно не упомянула «Галатею», но намек был достаточно прозрачен, чтобы Вольева могла додуматься сама, получив от этого процесса определенное удовлетворение. Пускай и не бог весть какая хитрая приманка, но Вольева ее заглотила — а это самое главное. Приняла она и сказочку насчет Похитителя Солнц, что он-де часть рукотворной программы инфильтрации; похоже, на данный момент ее любопытство удовлетворено. Теперь Хоури с Вольевой равны, у обеих есть что прятать от остальных членов команды.

— Само собой, — сказала Ана.

— Не расстраивайся, — усмехнулась Вольева. — Такое впечатление, что тебе очень хочется встретиться с Силвестом. У тебя будет шанс, когда мы вернемся на борт.

Хоури улыбнулась:

— Ну, для этого надо будет хорошенько потрудиться.

Зал номер два был копией тайного склада — с той лишь разницей, что он пустовал. В нем поддерживалось давление выше одной стандартной атмосферы. В этом не было ничего особенного — он представлял собой самый большой резервуар пригодной для дыхания газовой смеси, и, когда возникала необходимость войти в отсек, где обычно был вакуум, в него перекачивался воздух отсюда.

Сила тяжести здесь почти всегда соответствовала одному *g*, она обеспечивалась ускорением корабля или вращением ци-

линдрического зала. Сейчас двигатели не давали тяги — корабль висел на орбите Ресургема, — так что пришлось раскрутить зал. Сила тяжести была направлена от его продольной оси к стене; в центре она отсутствовала, предмет свободно зависал в воздухе на несколько минут, пока какой-нибудь толчок не уводил его в сторону. А потом его уносило все дальше и дальше, все ниже и ниже. При этом ничто в зале не падало по прямой; во всяком случае, так казалось наблюдателю, находившемуся у стены.

Они вошли в зал через торцевую стену. Стальная дверь моментально затворилась. С внутренней стороны она была покрыта ожогами и вмятинами от оружия различных систем. Точно такие же следы виднелись на цилиндрической стене зала. Видеоаппаратура скафандра, позволявшая Хоури различить любую точку с любого расстояния, показала, что нет квадратного сантиметра, который бы не был обожжен, исцарапан, продырявлен, оплавлен или разъеден каким-нибудь видом оружия. Вероятно, первоначально стена была серебристой, но с годами стала почти красной от бесчисленных ранений.

Зал освещался не стационарными источниками, а свободно плавающими приборами; каждый выбирал себе участок стены и заливал его ярким неестественным светом. Эти штуковины непрерывно перемещались, напоминая рой испуганных светляков. Ни одна тень в зале не могла продержаться более нескольких секунд; в какую сторону ни смотри, через миг-другой там все растворится в ослепительном сиянии.

— Уверена, что справишься? — спросила Суджик, когда за ними задраилась дверь. — Не вздумай повредить скафандр. Знаешь, как у нас говорят? Испортишь один, купишь другой.

— Ты лучше о своем позаботься, — огрызнулась Хоури и переключилась на приватный канал, чтобы ее могла слышать только Суджик. — Мне показалось или ты в самом деле меня недолюбливаешь?

— С чего ты взяла?

— Наверное, это как-то связано с Нагорным...

Хоури осеклась, сообразив, что приватные каналы связи фактически таковыми не являются. С другой стороны, она не собиралась говорить ничего такого, что не было бы известно любому возможному слушателю. Особенно Вольевой.

— Впрочем, я ничего про него не знаю, за исключением того, что вы были близки.

— Близки — не то слово, Хоури.

— Ладно, вы были любовниками. Я не хотела так говорить, боялась обидеть тебя.

— А ты не бойся меня обидеть, девочка. Все было так давно.

Их прервал голос Вольевой:

— Всем оттолкнуться и переместиться к потолку зала!

Они подчинились, используя свои скафандры в режиме небольшого усиления, чтобы оттолкнуться от плиты, образующей торцевую стену цилиндра. С того момента, как вошли в зал, они пребывали в состоянии невесомости, но по мере их продвижения к потолку нарастала центробежная сила и появилось ощущение веса. Гель-воздух ослаблял его, но Хоури все же чувствовала верх и низ.

— Я поняла, за что ты меня невзлюбила, — возобновила разговор Хоури.

— Не сомневаюсь.

— Я заняла его место. Выполняю его задачи. И теперь тебе приходится иметь дело со мной. — Хоури старалась говорить так, будто выкладывает накипевшее на душе. — На твоем месте, наверное, я и сама чувствовала бы то же самое. Я тебе вовсе не враг, Суджик.

— Не обманывай себя.

— В чем я себя обманываю?

— В том, что ты понимаешь хоть одну десятую происходящего здесь.

Теперь Суджик находилась почти рядом с Хоури; белая бесшовная броня их скафандров вот-вот врежется в израненную стену зала. Хоури видела когда-то изображения сказочных белых китов, которые живут на Земле или жили там когда-то.

— Слушай, — сказала Суджик, — ты меня круглой дурой считаешь? И правда веришь, что я могу ненавидеть того, кто занял вакансию после смерти Бориса? Не унижай меня, Хоури.

— Это никогда не входило в мои намерения.

— Если я ненавижу тебя, то по очень веской причине. Потому что ты принадлежишь ей! — Суджик плюнула последней

фразой, как змея ядом. — Вольевой! Ты ее игрушка. Я ненавижу ее, а поэтому, естественно, ненавижу все, что с ней связано. Особенно то, что она ценит. И если бы я могла нанести ей ущерб, уж не сомневайся, я бы не упустила своего шанса?

— Я не принадлежу ни Вольевой, ни кому другому. — Тут же Хоури разозлилась на себя за то, что оправдывается с таким жаром, и на Суджик, которая ее заставила перейти к обороне. — И вообще, это не твое дело! Знаешь что?

— Умираю от желания узнать.

— Судя по тому, что я слышала, Борис был не самым здравомыслящим человеком во Вселенной. И еще я думаю, что Вольева не доводила его до безумия намеренно, а просто пыталась использовать его психическую неустойчивость для чего-то полезного. — Она позволила своему скафандру замедлить полет и первой мягко коснулась ногой шероховатой стены. — Но у нее не получилось. Невелика потеря. Может, вы с Нагорным стоили друг друга.

— Да, пожалуй, стоили.

— И что дальше?

— Я не обязана притворяться, Хоури, будто мне нравится то, что́ приходится от тебя выслушивать. Не будь мы в одной команде и не таскай на себе скафандры, я бы с удовольствием показала тебе, как умею ломать шеи. Впрочем, нельзя исключать, что такая возможность мне предоставится в недалеком будущем. Однако надо отдать тебе должное: стержень у тебя есть. Другие куклы Вольевой ломались гораздо раньше. А некоторых она ломала сразу.

— Хочешь сказать, что заблуждалась на мой счет? Извини, если не услышишь от меня слов благодарности.

— Я хочу сказать, что на твой счет, возможно, заблуждается она. — Суджик хихикнула. — Это не комплимент, девочка, а всего лишь констатация. И тебе может не поздоровиться, когда она это поймет. Кстати, это вовсе не значит, что я вычеркнула тебя из списка сволочей.

Хоури нашлась бы с ответом, но тут грянул голос Вольевой, которая обратилась к ним по общей связи со своего наблюдательного поста, находившегося в середине зала.

— В следующем упражнении особых правил нет, — сказала она. — А если и есть, то вам они неизвестны. Ваша за-

дача — оставаться в живых, пока я не дам отбой. Начинаем через десять секунд. Во время упражнения я для вас недоступна и вопросов не принимаю.

Хоури выслушала без особой тревоги. На Окраине Неба тренировки без правил случались часто, да и в ЦАПе тоже. Либо ядро сценария пряталось и тренирующийся должен был добраться до него самостоятельно, либо моделировался хаос, способный возникнуть в ходе реальной операции, и бойцу предстояло правильно сориентироваться.

Началась разминка. Вольева наблюдала с высоты, как из замаскированных люков на ее бойцов пошли автоматические мишени. Они не представляли собой ничего особенного, во всяком случае, сначала. На первом этапе скафандры пользовались относительной автономией в обнаружении и выборе целей. Такие операции они проделывали мгновенно; носивших их людям оставалось только принять решение об уничтожении противника. Потом мишени вдруг активизировались, открыли ответный огонь, не сказать что меткий; но они непрерывно наращивали темп стрельбы, и та, даже оставаясь неприцельной, сделалась опасной. И сами цели помельчали, они выскакивали из люков чаще и двигались проворнее.

По мере роста угрозы скафандры теряли многие свои функциональные достоинства. На шестом или седьмом раунде их способность к автономным действиям заметно упала, сенсорная сеть, которой каждый скафандр окружил себя, рвалась, так что бойцам приходилось все больше полагаться на собственное зрение. Но хотя сложность упражнения росла, Хоури, которой уже доводилось тренироваться по таким схемам, действовала хладнокровнее и расчетливее. Надо было лишь хорошенько следить за функциональным ресурсом скафандра. Ведь у него еще есть оружие, энергия и способность летать.

На первых этапах три женщины не поддерживали связи между собой. Они слишком сосредоточились на том, чтобы найти пределы собственных психических сил. Но потом пришло что-то вроде второго дыхания, возникло состояние стабильности, которое лежит за кажущейся гранью человеческих возможностей. Это состояние сродни трансу. Есть определенные способы достижения необходимой концентрации, напри-

мер механическое повторение медитативных мантр. Но одного желания, чтобы войти в такой боевой транс, недостаточно; это больше похоже на преодоление отвесной скалы. Скалолаз, ценой невероятных усилий прошедший сверхтрудный маршрут, вдруг обнаруживает, что его движения стали более плавными, а высота больше не кажется недоступной. Но он бы нипочем ее не покорил, если бы не потратил уйму психической энергии.

На подходе к такому состоянию Ана увидела Мадемуазель.

«Увидела» — не совсем подходящее слово. Просто на периферии чувств промелькнуло нечто неуместное в этом зале. А уже рассудок подсказал: это, скорее всего, Мадемуазель. Ощущение исчезло так же быстро, как и появилось.

Может, просто почудилось?

Хоури не видела и не слышала ее после инцидента со взбесившейся пушкой. В ту последнюю встречу Мадемуазель дала волю уязвленному самолюбию. Однако предупредила Ану: проведя в ЦАПе слишком много времени, Хоури привлекла к себе внимание Похитителя Солнц.

И действительно, когда Хоури собралась покинуть оперативную матрицу ЦАПа, почудилось, будто на нее несется стремительно растущая тень. Вот тень накинулась, обволокла — но Ана совершенно ничего при этом не ощутила. Казалось, в тени вдруг появилась дыра, и Хоури ловко проскочила сквозь нее. Проскочила ли? Правда жизни редко бывает столь милосердна.

Не хочется думать, что этой тенью был Похититель Солнц, но разве исключена такая возможность? А если не исключена, приходится допустить, что Похититель Солнц мог поместить часть себя в ее разум!

Хоури знала, что там уже находится частичка этой сущности, занесенная псами Мадемуазели, и это знание было для нее тяжким бременем. Но эта частичка все же находилась под контролем Мадемуазели. А новый, большой фрагмент Похитителя Солнц она сможет сдерживать? Она давно не выдает своего присутствия, вот разве что сейчас бестелесным призраком пронеслась по залу. Если это не игра воображения, то что может означать появление Мадемуазели после столь долгого отсутствия?

Первая часть упражнения между тем закончилась. Функционал скафандров частично изменился, отключился ряд опций, добавились новые. Женщины поняли: условия игры ужесточаются.

— Что ж, — оценила действия бойцов Вольева, — видала я результаты и похуже.

— Я бы приняла это за комплимент, — сказала Хоури, надеясь пробудить хотя бы слабое чувство товарищества у Кьярваль и Суджик, — если бы не знала, что Илиа никогда не говорит иносказательно.

— Значит, хоть одна из вас поняла правильно, — резко ответила Вольева. — Но не бери в голову, Хоури. Сейчас все будет очень серьезно.

В дальнем конце зала начала открываться вторая бронедверь. Из-за постоянно меняющегося освещения Хоури воспринимала происходящее стробоскопически. Что-то такое валило из этой двери: расширяющийся рой эллипсоидов, каждый метровой длины и светлого цвета, с многочисленными манипуляторами и торчащими из амбразур стволами.

Дроны-часовые. Хоури познакомилась с роботами такого типа еще на Окраине Неба. Их прозвали волкодавами за яростные нападения, а еще за то, что они всегда набрасываются стаями. На войне их применяли преимущественно для деморализации противника, но Ана хорошо знала, что они способны на многое и что скафандр не гарантирует ей безопасности. Волкодавы неистовы, но не умны. Вооружены сравнительно легко, но этого оружия много, и действует оно синхронно. Стая волкодавов может сосредоточить огонь на одной цели, если это тактически необходимо. Именно единомыслие делает их такими грозными противниками.

Но в массе вылетающих из ворот дронов-волкодавов виднелось и несколько более крупных объектов, тоже из светлого металла, но не обладающих сферической симметрией. Во вспышках кочующих осветительных приборов эти предметы выглядели знакомо. Тоже скафандры, и вряд ли дружелюбно настроенные.

Атакующие разбегались в стороны от главной оси зала, направляясь к трем бойцам. С того момента, как открылись во-

рота, прошло секунды две, но Хоури казалось, что куда больше; ее мозг за это время успел переключиться на быстрый темп, который совершенно необходим в такого рода схватках. К счастью, рутинные функции, связанные с выбором цели, у скафандра почти полностью сохранились, поэтому Хоури приказала ему сосредоточиться на волкодавах — пока не стрелять, но следить за каждым. Она знала, что ее скафандр самостоятельно свяжется с двумя партнерами, те выработают кратковременную тактику и распределят между собой цели. Знала она и то, что такой процесс для хозяина скафандра проходит незаметно.

Но где же Вольева, черт бы ее побрал?

Может, перемещается из одного конца зала в другой, чтобы в нужный момент оказаться среди стаи? Да, это в пределах возможного. Движение скафандра, особенно при таком низком атмосферном давлении, может быть стремительным: в мгновение ока он преодолеет расстояние в сто метров. Однако появление вражеских скафандров, которые — в этом Хоури уже не сомневалась — проникли вместе с волкодавами, должны были заставить Вольеву покинуть зал и проделать путь в обход его, по корабельным коридорам и лестницам. Даже находясь в скафандре и досконально зная маршрут, вряд ли можно проделать это за считаные секунды, не превратившись по дороге в лужицу. А нет ли тут другого, более короткого хода? Какой-нибудь незахламленной шахты?

Вот черт!

По Ане открыли огонь.

Палили волкодавы, надеясь пробить ее скафандр сравнительно слабыми лазерными излучателями. Импульсы вылетали из близко посаженных злобных «глаз» в верхней половине эллипсоидального тела. К этому времени хамелеофляж волкодавов, адаптируясь к цвету металлического пола, уже превратил их в пурпурные ромбовидные лепешки, которые то исчезали из виду, то снова появлялись. Ее собственный скафандр — серебристый, отполированный до слепящей зеркальности — отражал бóльшую часть получаемой энергии, но все же прямые попадания наносили ему некоторый ущерб. Это потому, что Хоури задумалась об исчезновении Вольевой и отвлеклась от хода боя. Наверное, Вольева именно этого и добивалась.

Скафандр показывал, что компаньонки еще «живы». Хоури быстро огляделась, чтобы убедиться в этом. Справа и слева от нее стояли Суджик и Кьярваль, похожие на огромные антропоморфные капли ртути. Явно невредимые, они энергично отвечали противнику выстрелами.

Хоури приказала своему скафандру повысить степень защиты, но не уничтожать противника. На плечах у нее появились турели с маломощными лазерами. Импульсы устремились вперед, чтобы сойтись вдали; каждый оставлял после себя лиловый след ионизированного воздуха. Задетый в полете огненной стрелой волкодав или рушился на пол, или превращался в огненный цветок. Что ни говори, а без скафандра в этом зале делать нечего.

— Ты слишком медлила, — сказала ей Суджик по общей связи, хотя бой еще не кончился. — Будь мы в реальном деле, пришлось бы соскабливать тебя со стенки.

— А сколько раз, Суджик, ты бывала в рукопашной?

Кьярваль, которая до сих пор не произнесла ни слова, вдруг вмешалась в разговор:

— Хоури, мы все побывали в боях.

— Да неужели?! А случалось вам оказаться так близко к врагу, чтобы слышать, как он вопит о пощаде?

— Я просто хотела сказать... А, черт!

На Кьярваль скорчился скафандр, засбоивший хамелеофляж мгновенно поменял уйму режимов, то становясь черным, как космос, то белым как снег, то красным с прожилками, то буйно-пестрым, — при этом Кьярваль была похожа на дверь, ведущую прямо из зала в джунгли неизвестной планеты.

Потом ее скафандр замерцал и вернул свое отражающее сияние.

— Меня беспокоят вон те чужие скафандры.

— Для этого они и торчат здесь: чтобы ты разволновалась и напортачила.

— Нам нужна помощь, чтобы напортачить? Что-то новенькое.

— Заткнись, Хоури, и веди огонь.

Она так и сделала. Это было проще всего.

Примерно треть атакующих волкодавов была уничтожена, а из открытых дверей в конце зала новых подкреплений не

поступало. Скафандры — а их Хоури насчитала три — до сих пор не предпринимали никаких действий. Сгруппировавшись возле двери, они медленно продвигались в направлении пола и корректировали спуск выбросом тонких, как иглы, струй воздуха из подошв. При этом они одновременно принимали цвет и текстуру пола. И нельзя было понять, несут они в себе людей или действуют автономно.

— Они входят в сценарий, эти скафандры? Ведь не просто так они здесь?

— Хоури, я же просила заткнуться!

Но Ана продолжала гнуть свое:

— Это обстановка, приближенная к боевой? Допустим, что так. Значит, надо разобраться в ней, иначе не будем знать, с кем воюем!

— Хорошая мысль, — отозвалась Суджик. — Сейчас откроем совещание.

К этому времени волкодавы и скафандры трех женщин уже перешли на стрельбу радиоактивными частицами. Нельзя было исключать, что излучатели настоящие, — хотя Хоури раньше казалось, что столь серьезные виды оружия могут быть только смоделированными. Вряд ли будет здорово, если окончание тренировки ознаменуется дырой от взрыва в стене и перемещением всего запаса воздуха в космос.

— Давайте примем за факт, — сказала Хоури, — что нам известно, кто мы такие и для чего здесь находимся, где бы это «здесь» ни было. Следующий вопрос: известно ли нам, кто вон те подонки в скафандрах?

— Для меня это слишком заумно, — сказала Кьярваль, пытаясь укрыться от прицельного огня.

— Раз уж мы начали этот разговор, — продолжала Хоури, не реагируя на попытки Суджик ее перебить, — то надо решить, кто они. Допустим, враги. В этом случае надо прикончить их до того, как они то же самое сделают с нами.

— Хоури, ты все-таки твердо решила испортить нам настроение.

— Как ты сама изволила заметить, меня с вами внизу не будет.

— И слава богу.

— Эй, девочки! — воскликнула Кьярваль. — Мне это не нравится!

На миг раньше Хоури и Суджик она увидела кисти, образующиеся на чужих скафандрах. А еще из этих скафандров лезло наружу оружие. Процесс шел с пугающей быстротой — как будто на вечеринке надувают шарик, принимающий форму какой-то зверюги.

— Расстреляйте гадов! — произнесла Хоури так спокойно и холодно, что сама испугалась. — Весь огонь сосредоточить на левом скафандре. Импульсы малой мощности, коническое распыление, горизонтальное упреждение.

— С каких это пор ты тут командуешь...

— Делай, что сказано!

Суджик и так уже палила вовсю, и Кьярваль тоже. Три женщины стояли во весь рост, с интервалом примерно десять метров, направляя огонь своих скафандров на одного из врагов. Были задействованы и ускоренные импульсы антиматерии. Если они настоящие, от зала мало что останется!

Вспышка! Да такая яркая — Хоури показалось, будто свет накинулся и вонзил когти ей прямо в глаза. Вспышка такой силы просто не может быть смоделированной. Звук по сравнению с ней показался слабым, но взрывная волна швырнула Хоури на изувеченную стену. Как будто четыре здоровяка схватили ее за руки и бросили на толстый пружинящий матрац в дорогом отеле.

Скафандр на мгновение отключился. Когда зрение вернулось к Хоури, она обнаружила, что приборы вместо показаний дают бессмысленный набор цифр. Это продолжалось несколько мучительных секунд, пока не включился запасной мозг скафандра, чтобы восстановить все поддающееся восстановлению. Возник упрощенный, но по крайней мере понятный дисплей, показывая, что осталось, а что потеряно. Оружие главного калибра большей частью вышло из строя.

Автономность скафандра сократилась на пятьдесят процентов, способность принимать самостоятельные решения упала почти до машинного автоматизма. Отказали три агрегата самовосстановления. Утрачена летучесть, по крайней мере до запуска ремонтных протоколов, да и им потребуется не меньше двух часов для построения обходных контуров.

И как будто всего этого мало, у скафандра, согласно биомедицинскому отчету, не хватает одной руки — она оторвана по локоть.

Ана с трудом села, и хотя все инстинкты кричали ей, что сейчас главное — остаться в живых и правильно оценить обстановку, она первым делом осмотрела изувеченную правую руку. Она пребывала именно в том состоянии, о котором сообщила медсистема скафандра: каша из размозженной кости, мяса и металла. А выше — обрубок, обработанный гель-воздухом против шока, кровопотери и декомпрессии. Такая процедура, конечно, в порядке вещей. Боли не ощущалось — еще один реалистичный аспект: скафандр должен был отдать болевому центру приказ на какое-то время заткнуться.

Оценить... оценить обстановку.

Во время взрыва Хоури полностью потеряла ориентацию. Сейчас она попыталась оглядеться, но сочленения шлема заклинило. Откуда-то тянуло дымом. Дым висел кольцами в воздухе; его, должно быть, вытягивала наружу вентиляционная система. Мигало освещение — уцелевшие немногочисленные светильники создавали эффект застревающей киноленты. Неподалеку валялись два скафандра — свидетельства удачного сосредоточенного огня. Скафандры были настолько изуродованы, что Хоури не могла определить, есть в них люди или нет. Третьему скафандру досталось меньше, он был лишь контужен, как и ее собственный. Сейчас он лежал в десяти-пятнадцати метрах, возле обожженной стены. Волкодавов не видно — либо бежали, либо уничтожены.

— Суджик? Кьярваль?

Тишина. Даже собственного голоса почти не слышно, а ответов и подавно. Связь между скафандрами нарушена — в докладе об этом, кстати, сообщается, но в горячке ускользнуло от внимания.

Плохо, Хоури. Все очень плохо.

И никаких догадок о том, кто противник.

Покалеченная рука скафандра уже через секунду была им же самим исправлена, обгоревшие лохмотья упали на пол, наружная «кожа» обволокла обрубок. Смотреть на это было противно, хотя Хоури уже приходилось наблюдать подобное, тре-

нируясь на Окраине Неба в имитированных боевых ситуациях. Противнее всего было понимать, что она выведена из строя и придется ждать, когда санитары эвакуируют ее из зоны боя.

Наименее поврежденный чужой скафандр уже двигался, он даже встал, точно так же как и скафандр Хоури. У вражеского скафандра полный набор конечностей, а из амбразур торчит оружие разных систем. Все оно нацелено на Хоури — будто дюжина змей изготовилась к прыжку.

— Кто ты? — спросила она, забыв, что аппаратура связи вырубилась, и, может быть, навсегда.

Краем глаза она заметила, как из редеющего черного дыма где-то сбоку от нее появились еще два скафандра. Что это? Остатки той группы, что прибыла вместе с волкодавами? Или свои?

Одинокий вооруженный скафандр приближался к Хоури, причем с большой осторожностью, будто она была бомбой, готовой взорваться в любой момент. Вот он застыл. Его поверхность пыталась окраситься под цвет стены и дыма, но получалось не слишком хорошо. Хоури силилась понять, чем в это время занимался ее собственный скафандр. Прозрачен визор шлема или мутен? Изнутри не поймешь, а в списке повреждений об этом ничего не сказано. Если противник увидит сквозь щиток лицо человека, захочет он убить или, наоборот, воздержится от выстрела? Хоури направила собственное оружие на скафандр, но как узнать, во врага она целится или в онемевшего друга?

Она попыталась поднять здоровую руку и указать на свое лицо, чтобы другой скафандр тоже открыл лицо находящегося в нем человека.

Вместо этого другой скафандр открыл огонь.

Хоури снова швырнуло на стену, невидимая стенобитная баба угодила в область желудка. Ее скафандр взвыл, перед глазами Аны зароились искры. Еще до того, как она врезалась в стену, ее оглушил громовой рев — это залпом выстрелило все уцелевшее вооружение скафандра и сразу перешло на бессистемный беглый огонь.

«Твою мать!» — выругалась про себя Хоури.

Ей было очень плохо, боль выедала внутренности и странным образом смешивалась с мыслями о предательстве и о том, что все это вовсе не игра.

Хоури снова поднялась на ноги, и в этот миг еще один вражеский снаряд пролетел совсем рядом с ней. Третий попал в бедро. Она валилась назад, руки хватали воздух где-то на периферии поля зрения. С ее руками что-то случилось, а точнее — не случилось, хотя и должно было случиться. Они выглядели целыми — ни намека на то, что одна была недавно оторвана.

— Вот черт, — пробормотала она. — Что же, мать вашу так и перетак, тут происходит?

Атака продолжалась, каждый выстрел, попадавший в Хоури, толкал ее назад.

— Говорит Вольева, — раздался голос нисколько не обеспокоенный и почти не заинтересованный. — Всем слушать внимательно. В сценарии обнаружена ошибка! Приказываю прекратить огонь.

Хоури опять сбило с ног, на этот раз с такой силой, что через прокладку гель-воздуха она получила мощный шлепок по хребту. А тут еще боль в бедре, причем скафандр не делает ничего, чтобы эту боль снять.

«Вот так и уйдет жизнь», — подумала она.

Да, сейчас работает настоящее оружие. Во всяком случае, у того скафандра, который ее атакует.

— Кьярваль! — кричала Вольева. — Кьярваль! Прекрати огонь! Ты же убьешь Хоури!

Но Кьярваль — теперь-то Хоури поняла, кто ее противник, — не слышала, не могла услышать... или, что еще страшнее, не могла остановиться.

— Кьярваль! — снова крикнула триумвир. — Перестань, или придется тебя обезоружить!

Кьярваль продолжала вести огонь, и Хоури ощущала каждое попадание как удар плети. Она корчилась под этими ударами, она готова была ногтями процарапать себе дорогу сквозь металлическую стену, которая тоже страдала от обстрела, и оказаться в безопасном пространстве.

А потом Вольева опустилась откуда-то из середины зала, где она находилась все это время, невидимая, и сразу повела

огонь по Кьярваль, сначала из легкого оружия, а затем из более мощных систем. Кьярваль ответила тем, что часть своей огневой мощи переадресовала опускавшемуся триумвиру. Снаряды попадали в Вольеву, выжигая черные пятна на ее скафандре, вырывая фрагменты из гибких сочленений, ломая орудия в амбразурах. Все же Вольевой вскоре удалось подавить сопротивление подчиненной. Скафандр Кьярваль морщился, теряя свою прочность. Его орудия выбывали из строя, снаряды шли мимо цели, разлетаясь по всему залу.

Наконец — вряд ли прошло больше минуты с того момента, когда Кьярваль стала палить по Хоури, — она рухнула на пол. Ее скафандр в тех местах, где он не почернел от попаданий, представлял собой калейдоскоп психоделических пятен и быстро сменяющих друг друга геометрических узоров, из которых торчали обломки оружия и приборов. Конечности скафандра бессмысленно рубили воздух, из них беспрестанно выдвигались и тут же втягивались различные манипуляторы и чудовищные, размером с ребенка, кисти рук.

Хоури встала, пытаясь не кричать от боли в раненой ноге. Скафандр висел на ее плечах, словно подстреленный товарищ, и все-таки ей удалось доковылять до Кьярваль.

Вольева и другой человек в скафандре — должно быть, Суджик — уже стояли там, наклонившись над поверженной и пытаясь прочесть медицинский диагноз на дисплее.

— Мертва, — сказала Вольева.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мантель, Северная часть горного массива Нехбет, Ресургем, год 2566-й

В тот день, когда пришельцы впервые объявили о своем прибытии, Силвеста разбудил резкий белый свет, направленный прямо в глаза. Он заслонялся рукой, дожидаясь, когда зрение пройдет довольно сложный процесс адаптации. В такие моменты с ним было практически невозможно разговаривать; Слука, похоже, это понимала. После того как его глаза лишились многих функций, им требовалось гораздо больше време-

ни, чтобы приспособиться к перемене освещения. Этот процесс, изобилующий ошибками и предупреждениями, был еще и довольно болезненным.

Как сквозь туман Силвест ощущал присутствие Паскаль, которая сидела рядом и прикрывала простыней обнаженную грудь.

— А ну просыпайтесь! — прикрикнула Слука. — Оба. Я подожду снаружи, пока вы оденетесь.

Паскаль и Силвест впопыхах кое-как натянули одежду. За открытой дверью Слука и двое охранников терпеливо ждали. Все трое, похоже, были без оружия.

Силвеста вместе с женой вывели в административный сектор Мантеля, где утренняя смена приверженцев «Истинного пути» собралась вокруг четырехугольного экрана. Термосы с кофе, сэндвичи — все это стояло на столе, никем не тронутое.

Что бы ни происходило, подумал Силвест, это достаточно серьезно, чтобы отбить аппетит.

Он слышал чей-то голос — громкий и резкий, будто исходивший из громкоговорителя. Одновременно шел общий оживленный разговор, так что Силвесту лишь иногда удавалось уловить несколько слов из передачи. Разборчиво произносилась только его собственная фамилия — ее довольно часто повторял тот, кто обращался с экрана к аудитории.

Он протолкался вперед, чувствуя, что присутствующие относятся к нему на диво уважительно. А может, это просто жалость к тому, чья участь окончательно решена?

Паскаль подошла и стала рядом.

— Ты узнал эту женщину? — спросила она.

— Какую женщину?

— Ту, что на экране.

Но Силвесту продолговатый экран показывал лишь множество серебристо-серых мазков, как на картинах пуантилистов.

— Мои глаза плохо воспринимают видео, — обратился он одновременно и к Слуке, и к Паскаль. — И я ни черта не слышу. Может, расскажете, что я пропустил?

Из толпы вышел Фолкендер.

— Если хотите, я слегка подгоню ваше зрение к изображению на экране. На это уйдет несколько минут. — Он увлек Силвеста в угол комнаты.

За ними последовали Слука и Паскаль. Там Фолкендер раскрыл свой чемоданчик и вынул несколько блестящих инструментов.

— А теперь вы, конечно, скажете, что мне совсем не будет больно, — сказал Силвест.

— Даже не подумаю, — отозвался Фолкендер. — Ведь это было бы неправдой, верно?

Он щелкнул пальцами, обращаясь не то к Паскаль, не то к своему ассистенту. Силвест этого так и не понял, потому что его поле зрения вдруг сильно сузилось.

— Дайте чашку кофе, это его отвлечет. А когда он увидит экран, ему потребуется что-нибудь покрепче кофе.

— Все так плохо?

— Боюсь, Фолкендер не шутит, — вмешалась Слука.

— Кажется, вы просто развлекаетесь за мой счет, — сказал Силвест и закусил губу, чтобы сдержать мучительный стон.

Правда, на протяжении короткой операции боль не усиливалась.

— Так вы собираетесь сказать, в чем дело? Если меня разбудили, значит случилось что-то важное.

— Ультра объявили о своем присутствии, — сказала Слука.

— Ну, это я и без тебя понял. А как они это сделали? Высадились из шаттла в центре Кювье?

— Пока ничего столь нахального. Но худшее наверняка впереди.

Кто-то сунул ему в руку чашку. Фолкендер сделал небольшой перерыв, давая Силвесту возможность выпить кофе. Тот был горек и почти остыл, но сонливость он прогнал. Силвест услышал голос Слуки:

— На экране сейчас идет повтор аудиовизуального послания. Оно передается непрерывно уже больше получаса.

— С корабля?

— Нет. Видимо, им удалось подключиться к нашей спутниковой сети. Свое сообщение они накладывают на наши рутинные передачи.

Силвест кивнул и тут же пожалел об этом.

— Значит, они не хотят, чтобы мы определили их местонахождение.

Или, подумал он, хотят убедить нас в своем техническом превосходстве. Показывают, что могут проникать в наши информационные системы. Это больше похоже на правду и подчеркивает не столько наглость и решительность ультра вообще, сколько наглость и решительность определенной корабельной команды. Зачем объявлять о своем присутствии в общепринятом порядке, когда можно поджечь кустарник и тем самым напугать туземцев до полусмерти?

Теперь Силвесту вряд ли требовалось подтверждение того, что ему было известно об этих людях. Он понял, кто явился по его душу. Понял, как только корабль вошел в систему Дельты Павлина.

— Следующий вопрос, — сказал он. — Кому адресовано послание? Они думают, что имеют дело с планетарным правительством, с которым придется договариваться?

— Нет, — ответила Слука. — Послание адресовано жителям Ресургема, независимо от их политического или культурного статуса.

— Очень демократично, — вмешалась Паскаль.

— Демократия, скорее всего, ни при чем, — произнес Силвест. — Особенно если это те люди, о которых я думаю.

— Кстати, об этих людях, — прервала его Слука. — Ты так и не объяснил достаточно убедительно, кем они могут быть...

Силвест тут же оборвал ее:

— Прежде чем мы приступим к детальному анализу, нельзя ли ознакомить меня с содержанием послания? Тем более что я, как мне представляется, имею некоторый личный интерес в этом деле.

— Вот и все. — Фолкендер отошел в сторону и с треском закрыл чемоданчик. — Я же обещал, что операция займет считаные минуты. Можете смотреть на экран. — Он усмехнулся. — Ну а теперь окажите мне личную услугу: не убивайте гонца, который принес неприятную весть.

— Позвольте узнать сначала, что это за весть, — ответил Силвест. — И уж тогда я буду решать.

Все оказалось куда хуже, чем он предполагал.

Силвест снова пробился вперед, хотя к этому времени зрителей стало заметно меньше — они неохотно расходились,

чтобы выполнять свои обязанности в других районах Мантеля. Теперь того, кто говорил с экрана, было слышно лучше, и Силвесту удавалось различать модуляции женского голоса, снова и снова повторявшего одни и те же фразы. Значит, обращение было коротким. Это не предвещало ничего хорошего. Кто возьмется пересечь бескрайние межзвездные просторы и оповестить безвестную колонию о своем прибытии? Только те, у кого нет ни малейшего желания расположить к себе местных жителей и чьи намерения абсолютно конкретны.

Это соображение вполне соответствовало тому, что он знал о команде, которая могла явиться за ним. Те ультра не отличались общительностью.

Он еще не различал лица говорившей, но ее голос понемногу будил воспоминания о случившемся давным-давно. Когда же появилось изображение — Фолкендер наладил взаимодействие нервных волокон, — Силвест вспомнил все!

— Кто она? — спросила Слука.

— Илиа Вольева... во всяком случае, так ее звали в последний раз, когда мы виделись, — пожал плечами Силвест. — Может, имя ненастоящее. Доподлинно я знаю только одно: любые свои угрозы она тут же подкрепляет делами.

— А по должности она кто? Капитан?

— Нет, — сказал Силвест, отвлекаясь от воспоминаний. — Нет, она не капитан.

Лицо этой женщины было вполне обычным: бледная, почти бесцветная кожа, короткие черные волосы, строение лица — нечто между голым черепом и «лицом эльфа», глаза глубоко посаженные, чуть раскосые и бесстрастные. Вольева почти не изменилась с тех пор. Впрочем, она же ультра. Если для Силвеста со времени их последней встречи прошли десятилетия, то для Вольевой — всего лишь несколько лет, десятая или даже двадцатая часть времени, прожитого Силвестом. Для нее их последняя встреча — частичка недавнего прошлого, тогда как для Силвеста — запись в пыльных анналах истории. Конечно, это плохо. Это понижает шансы. Вольева отлично помнит его манеры — самые предсказуемые черты его поведения. Он — противник, которого она изучила недавно. Силвест же с трудом узнал ее голос, а когда попытался вспомнить, как она к нему

относилась, из этого ничего не вышло. Конечно, со временем получится, но сейчас этот провал в его памяти дает Вольевой огромное преимущество.

Как странно все. Он полагал — наивно, пожалуй, — что заявление сделает Садзаки. Не настоящий капитан. Тот наверняка снова болен, иначе зачем бы им являться сюда.

Тогда где же Садзаки?

Силвест заставил свой ум отвлечься от этих вопросов и сосредоточился на словах Вольевой.

После двух или трех повторений весь ее монолог улегся в мозгу у Силвеста, и тот смог сделать первоначальные выводы. Эти ультра знают, чего хотят. И знают, как можно этого добиться.

— Я триумвир Илиа Вольева с субсветовика «Ностальгия по бесконечности» — вот как она представилась. Ни «здравствуйте», ни традиционных выражений благодарности судьбе, позволившей кораблю пересечь космические пространства и благополучно добраться до Ресургема.

Силвест вспомнил: такое вовсе не в стиле Вольевой. Когда-то его удивило неколебимое спокойствие этой женщины. Вечно возится со своими боевыми системами, редко снисходит до простого общения с другими людьми. Несколько раз ее товарищи подшучивали при Силвесте — хотя, вообще-то, они не горазды были шутить, — что Вольева предпочитает компанию крыс-уборщиц.

А может, это вовсе не было шуткой.

— Обращаюсь к вам с орбиты, — продолжала она. — Мы изучили уровень вашей технологии и пришли к выводу, что в военном отношении вы не представляете для нас угрозы. — Она сделала паузу, после чего продолжила тоном учительницы, предостерегающей учеников от мелких проступков, вроде глазения в окно или неаккуратного обращения с компадом. — Тем не менее, если вы предпримете какое-либо действие, которое может быть расценено как попытка нанести нам ущерб, мы ответим непропорционально мощным ударом. — Она еле заметно улыбнулась. — Не око за око, а, скажем, город за око. Мы способны уничтожить из космоса любой ваш населенный пункт.

Вольева наклонилась вперед, глаза большой хищной кошки, казалось, заполнили весь экран.

— Прошу не сомневаться: в случае необходимости мы на это пойдем без малейших колебаний. — Она сделала драматическую паузу, отлично понимая, что аудитория в ужасе ловит каждое ее слово. — Если бы решение зависело только от меня, удар был бы нанесен уже через несколько минут. И будьте уверены: спалось бы мне после этого неплохо.

Силвест понимал, к чему она клонит.

— Но давайте оставим ненадолго язык силы. — Вольева улыбнулась чуть шире, хотя теплота этой улыбки оставалась близка к абсолютному нулю. — Наверное, вы удивлены нашим визитом.

— Я не удивлен, — сказал Силвест почти про себя, но Паскаль услышала.

— Среди вас есть человек, которого мы разыскиваем. Он требуется нам настолько срочно, что мы решили не соблюдать обычных дипломатических церемоний. Имя этого человека — Силвест. Нет нужды уточнять, о ком идет речь, если его репутация не изменилась со времени нашей последней встречи.

— Разве что слегка запачкалась, — буркнула Слука, а затем, обращаясь к Силвесту, добавила: — Придется подробно рассказать об этом предыдущем свидании. Думаю, с тебя не убудет.

— Да и тебе не прибудет, — мрачно ответил Силвест и снова повернулся к экрану.

— В обычной ситуации, — продолжала Вольева, — мы бы вступили в переговоры с официальными властями. Возможно, таковы и были наши первоначальные намерения, но осмотр вашей столицы Кювье с орбиты убедил нас в бессмысленности подобного подхода. Мы пришли к выводу, что в данный момент здесь нет силы, с которой можно было бы торговаться насчет выдачи Силвеста. Вы разбиты на дерущиеся между собой фракции, и, боюсь, у нас не хватит терпения разбираться с каждой из них.

Силвест покачал головой:

— Вранье! Им плевать на нашу грызню, они и не думали торговаться. Я хорошо знаю этих людей. Жестокие подонки.

— Это ты нам уже говорил.

— У нас довольно ограниченный выбор, — продолжала Вольева. — Нам нужен Силвест, а по нашим разведданным, он... как бы это правильнее выразиться... не на свободе.

— Это они с орбиты установили? — спросила Паскаль. — Хорошая же у них разведка!

— Даже слишком хорошая, — кивнул Силвест.

— Поэтому, — продолжала Вольева, — все должно произойти следующим образом. Через двадцать четыре часа Силвест объявит нам по радио о своем местонахождении. Для этого он выйдет из укрытия вне зависимости от того, добровольно там находится или нет. Нюансы мы оставляем вам. Если Силвест мертв, вы предоставите несомненные доказательства. Примем ли мы эти доказательства — зависит исключительно от нас.

— То, что я жив, — обратился Силвест к Слуке, — величайшее благо для вас. Не думаю, чтобы вам удалось бы убедить Вольеву.

— Неужели она так непреклонна?

— Вся команда такая.

Между тем Вольева еще не закончила:

— Итак, у вас двадцать четыре часа. Мы будем слушать эфир. И если ничего не услышим или заподозрим обман в любой форме, мы вас накажем. У нашего корабля есть кое-какие возможности — не верите, спросите Силвеста. Если завтра он не выйдет на связь, будет уничтожен один из населенных пунктов. Мы уже выбрали цель, и удар будет таким, что в живых там не останется никого. Вам ясно? А еще через двадцать четыре часа, если мы не получим нашего бесценного Силвеста, мы разрушим Кювье. — Тут Вольева снова растянула губы в ледяной улыбке. — Хотя, похоже, вы и сами там неплохо поработали.

На этом послание закончилось, после чего Вольева заговорила по новой. Силвест выслушал его дважды, прежде чем Слука отвлекла его внимание.

— Они этого не сделают, — сказала она. — Не посмеют.

— Это варварство, — добавила Паскаль, получив одобрительный кивок от Слуки. — Как бы им ни был нужен Силвест,

они не сделают того, о чем говорят. Я имею в виду полное разрушение города.

— Вот тут ты ошибаешься, — отозвался Силвест. — Им это будет не впервой.

В глубине души Вольева сомневалась, что Силвест жив, но и о том, что его может не оказаться на Ресургеме, она тоже предпочитала не думать, — последствия такой ошибки в расчетах были бы катастрофическими. И не важно, что все делалось по приказу Садзаки, а не по ее собственному замыслу. Не получив результата, она понесет наказание — как если бы по собственной прихоти затащила корабль в эту глушь.

Вольева не ждала, что события понесутся вскачь в первые же часы после ее объявления. Это было бы чересчур оптимистично. Если исходить из реалистичных предпосылок, то следует допустить, что полдня уйдет на розыск нужных людей по командной цепочке. Кроме того, надо дать время начальству — чтобы убедилось в достоверности полученного известия.

Но когда прошли целые сутки, стало ясно, что угрозу следует подкрепить действием.

Конечно, колонисты не молчали. Десятью часами раньше анонимная группа вышла в эфир, заявив, что располагает останками Силвеста. Останки были брошены на вершине столовой горы, а доставившие их люди вернулись в свои пещеры, куда датчики корабля проникнуть не могли. Вольева послала вниз дрон, чтобы он исследовал человеческие останки, но они, хотя и оказались генетически близки, все же не полностью соответствовали образцам тканей, взятых у Силвеста во время его первого пребывания на корабле. Было соблазнительно наказать колонистов за эту выходку, но, подумав, Вольева решила пока воздержаться от карательных мер. Жители Ресургема действовали под влиянием страха и не преследовали личных выгод, за исключением собственного выживания. Да и ни к чему отпугивать другие группы колонистов, которые могли бы выступить с инициативой. Удержала она своих компаньонов и после того, как два человека попытались выдать себя за Силвеста — оба не лгали, а искренне верили в свою подлинность. Но теперь время обманов прошло.

— Я все-таки удивлена, — сказала Вольева. — Думала, сразу выдадут Силвеста. Похоже, в нашей ситуации одна сторона серьезно недооценивает другую.

— Но ты же не можешь отступить, — заметил Хегази.

— Конечно не могу, — ответила Вольева таким удивленным тоном, что можно было подумать, мысль о милосердии никогда не приходила ей в голову.

— И все же придется, — заметила Хоури. — Ведь не станешь же ты в самом деле...

Это были ее первые слова за весь день. Возможно, у нее не было сил, чтобы обратиться к монстру, на которого она сейчас работала, — к этой тиранической, изуверской инкарнации прежде всегда приятной и спокойной Вольевой.

Трудно было не сочувствовать ресургемцам. Ана, когда заглядывала в свою душу, видела там нечто чудовищное — но это не было абсолютным злом.

— Если угроза высказана, но не воспринята всерьез, — сказала Вольева, — то в наших интересах провести демонстрацию силы.

— А если колонисты не в состоянии выполнить требования? — возразила Хоури.

— Это их проблема, а не моя, — пожала плечами Вольева.

Она связалась с Ресургемом, выразила разочарование из-за неявки Силвеста и повторила прежние требования. У нее не было уверенности, что сказанное прозвучало достаточно убедительно и колонисты поверили в серьезность угроз. Тогда появилась новая идея. Илиа отстегнула свой браслет, шепотом велела ему принимать в ограниченном диапазоне распоряжения третьего лица и не причинять ему вреда. Затем передала браслет Хоури:

— Хочешь потешить свою совесть? Попробуй.

Ана внимательно рассмотрела прибор, как будто он мог укусить или брызнуть в лицо ядом. Наконец поднесла его ко рту, не надев на запястье.

— Валяй, — подбодрила ее Вольева. — Я серьезно. Говори, что хочешь, но вот увидишь: ничего путного из этого не выйдет.

— Говорить с колонистами?

— А почему бы и нет, если уверена, что сумеешь убедить их лучше, чем я?

Некоторое время Хоури молчала, затем нерешительно сказала в браслет:

— Меня зовут Хоури. Не знаю, имеет ли это значение, но я не заодно с этими людьми. — Большие испуганные глаза Хоури обежали рубку, будто она ожидала немедленного возмездия за свои слова, однако никто не проявил к ним интереса. — Когда меня завербовали, — продолжала Ана, — я не знала, кто они и чего хотят. Им действительно очень нужен Силвест. Они не лгут. Я видела орудия, которыми располагает корабль, и думаю, они будут стрелять.

У Вольевой на лице была только скука — будто все шло именно так, как она ожидала.

— Зря вы не выдали Силвеста. Вольева всерьез намерена вас за это наказать. В ваших интересах поверить ей. И если кто-нибудь сможет привести его сейчас, вы еще не опоздаете...

— Хватит! — Вольева отобрала браслет и заговорила в него: — Я продлеваю данный вам срок на один час. Только на час.

Прошел и этот час. Вольева рявкнула в браслет шифрованную команду. На глобусе значок целеуказателя устремился к северу. Красное перекрестье выискивало цель со зловещим спокойствием акулы, пока не замерло вблизи полярной шапки. Тут же оно налилось кровью, запульсировало, а графики состояния проинформировали Вольеву, что штатные системы орбитального подавления — едва ли не самые слабые орудия корабля — активизированы, заряжены и нацелены.

Вольева еще раз обратилась к колонистам.

— Народ Ресургема, — сказала она. — Сейчас у нас под прицелом небольшое селение Феникс. Оно находится на пятьдесят четвертом градусе к северу и на двадцатом градусе к западу от Кювье. Через тридцать секунд Феникс и его окрестности перестанут существовать. — Женщина облизала губы, прежде чем продолжать. — Это последнее предупреждение. Сейчас мы прервем вещание на двадцать четыре часа. За это время вы должны выдать Силвеста, иначе мы выберем более

значительную цель. Ваше счастье, что мы начинаем с такой мелочи, как Феникс.

Все тот же тон учительницы, терпеливо объясняющей ученикам, что наказание, которому они подвергнутся за свое неразумное поведение, — в их же интересах. Если бы Вольева добавила: «Мне это нравится еще меньше, чем вам», то нисколько не удивила бы Хоури. Пожалуй, теперь никакой поступок Вольевой не удивил бы Хоури. Ей казалось, что эта женщина относится к совершенно особому классу живых существ. И не только она, но и вся команда «Ностальгии по бесконечности». Ану затошнило при мысли, что еще недавно она наивно считала себя похожей на них и даже пыталась определить степень этого сходства.

Теперь маски сорваны, и под ними оказались драконьи морды.

Вольева выстрелила.

Какое-то время — бесконечно долгое и страшное — ничего не происходило. Хоури даже подумала, уж не блеф ли все это. Но надежда прожила лишь до той секунды, когда дрогнули стены рубки, будто «Ностальгия» была не громадным звездолетом, а всего лишь старинным морским судном, наскочившим на айсберг. Потом прошла еще одна волна гула, погасившая вибрацию. И наконец, стирая все сомнения Хоури, где-то далеко раздался мощный рев.

Это корабельные орудия дали залп.

По поверхности голографической проекции Ресургема побежали цифры, показывающие состояние артсистем непосредственно после залпа. Хегази сверился с экраном, расположенным перед его креслом. Окуляры триумвира щелкали и жужжали по мере снятия информации.

— Элементы подавления выпущены, — произнес он голосом, лишенным даже намека на чувство. — Система наведения подтверждает точность расчетов. — Затем с театральной медлительностью Хегази перевел взгляд на глобус.

Хоури последовала его примеру.

Там, где до сих пор не было ничего интересного, возникло жаркое красное пятнышко — мерзкий крысиный глаз, выглядывающий из-под ледяной шапки. Пятно быстро темнело, как

темнеет игла, извлеченная из пламени. И все же его накал оставался до рези ярким, — не потому меркла рана в теле планеты, что остывала естественным образом, а потому, что ее заволакивала гигантская туча поднятых в воздух обломков и пыли.

В разрывах, то и дело появлявшихся в этой черной буре, Хоури видела танцующие щупальца молний, невыносимым светом озарявших ландшафт на сотни километров вокруг. Почти круглая ударная волна разбегалась от эпицентра взрыва. Наблюдать за ее продвижением позволяли слабые изменения индекса рефракции воздуха — так рябь на мелководье превращает подводные камни в дрожащее желе.

— Поступает предварительный отчет, — сказал Хегази голосом усталого пономаря, читающего самый скучный отрывок писания. — Функциональные параметры оружия в пределах номинала. Девяносто девять целых четыре десятых процента вероятности полной нейтрализации цели. Семьдесят девять процентов вероятности, что в радиусе двухсот километров нет выживших, разве что под километровой броней.

— По-моему, отличный результат, — откликнулась Вольева.

Она еще несколько минут рассматривала язву на теле Ресургема, видимо наслаждаясь мыслью о разрушениях планетарного масштаба.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Мантель, Северная часть горного массива Нехбет,
год 2566-й

— Блефуют, — сказала Слука, и в тот же миг ложный рассвет возник на северо-восточном горизонте, превратив гребни и обрывы в черный иззубренный контур.

Вспышка была магниево-белой, с пурпурной каймой. На какое-то время она ослепила Силвеста — перед глазами теперь стояла сплошная пустота.

— Других предположений не будет? — спросил он.

Слука лишилась дара речи. Она смотрела на северо-восток, загипнотизированная грозным заревом.

— Он же сказал, что это будет сделано! — выкрикнула Паскаль. — Надо было послушать Дэна! Он знает этих людей. Он понимал, что это не пустая угроза.

— Я не верила, что они пойдут на это, — ответила Слука так тихо, будто говорила сама с собой. Несмотря на взрыв, вечер оставался тишайшим, в нем не звучала музыка ветров Ресургема. — Думала, это слишком чудовищная угроза, чтобы ее можно было реализовать.

— Для них нет ничего слишком чудовищного, — сообщил Силвест, чье зрение уже отчасти восстановилось — он мог видеть лица женщин, стоявших рядом с ним на вершине горы Мантель. — Надеюсь, теперь вы будете понимать Вольеву буквально. Она всегда выполняет свои обещания. Через двадцать четыре часа будет новый выстрел, если не отдадите меня.

Слука будто не слышала.

— Может, нам пора спуститься? — вот и все, что она сказала.

Силвест согласился, но, прежде чем уйти в глубь горы, они определили азимут на вспышку.

— Мы знаем, когда это произошло, — сказал Силвест, — и знаем направление. Как только придет ударная волна, мы вычислим еще и расстояние до эпицентра. Населенные пункты на Ресургеме расположены далеко друг от друга. Так что понять, какой поселок подвергся удару, будет нетрудно.

— Она же назвала его, — сказала Паскаль.

Силвест кивнул.

— Она не шутит с угрозами, но это не значит, что ей можно доверять во всем.

— Я не помню никакого Феникса, — сказала Паскаль, когда они спускались на грузовом лифте. — А ведь считала, что знаю почти все здешние населенные пункты. Впрочем, в последние годы я почти не имела отношения к делам правительства.

— Она должна была начать с чего-то очень маленького, — задумчиво проговорил Силвест. — Иначе не оставила бы себе рычагов давления на нас. Мы можем предположить также, что Феникс — легкая мишень. Поселок геологов или других ученых, от которого колония не зависит материально. То есть там были только люди.

Слука покачала головой:

— Мы говорим о них в прошедшем времени и никогда не говорили в настоящем. Как будто единственная цель их существования заключалась в том, чтобы погибнуть.

Силвесту было тошно, — казалось, вот-вот вырвет. «Единственный случай в моей жизни, — подумал он, — когда такое недомогание вызвано внешними обстоятельствами, не зависящими от меня». Так плохо ему не было даже в момент гибели Карины Лефевр. Ошибку или преступление совершал сейчас не он.

И когда Силвест спорил со Слукой о том, блефует ли экипаж корабля, в глубине души тлела надежда, что он заблуждается, а Слука и ее единомышленники правы. Может, на месте этой женщины он бы тоже проигнорировал предостережение. Карты всегда выглядят иначе, когда приходит твоя очередь играть ими. Они как бы заряжены несколько иными возможностями.

Ударная волна пришла тремя часами позже. К этому времени она выглядела как слабый порыв ветра — но этот порыв казался совершенно неуместным в такую тихую ночь. Когда волна миновала, образовалась турбулентность, возникли местные шквалы вроде тех, что предшествуют страшным бритвенным бурям. Время прихода волны говорило о том (и сейсмические данные подтвердили это), что цель атаки находилась примерно в трех с половиной тысячах миль к северо-востоку. Слука, Силвест и Паскаль вернулись в кабинет, прогнали усталость крепким кофе и затребовали в архивах Мантеля карты колонии.

Взволнованный до крайности Силвест, попивая кофе, сказал:

— Начнем с того, что это должен быть новый поселок. Карты не устарели?

— Нисколько, — ответила Слука. — Они получены из центрального картографического управления около года назад, еще до восстания.

Силвест взглянул на карту: спроецированная на столе у Слуки, она походила на сказочную скатерть. Охваченная ею территория составляла порядка двух тысяч квадратных кило-

метров — достаточно, чтобы на ней находилось разрушенное поселение. Другое дело, что его координаты могли быть определены с погрешностью.

Никаких признаков существования Феникса они не обнаружили.

— Нужно добыть более свежие карты, — проворчал Силвест. — Может, поселок появился год назад.

— Это очень трудно.

— И все же постарайся. В течение двадцати четырех часов необходимо принять решение — возможно, самое важное в твоей жизни.

— Не заносись, доктор. Я уже почти решила выдать тебя.

Силвест пожал плечами, будто собственная судьба его нисколько не заботила.

— Даже это не избавляет от необходимости знать факты. Ты же намерена вести с Вольевой торг. Не будучи уверена, что она не блефует, ты сама можешь поддаться соблазну и пойти на блеф.

Слука смотрела на него долго и пристально.

— В принципе, у нас есть доступ к архивам Кювье через спутниковую связь. Мы ею не пользовались с тех пор, как были взорваны купола. Это рискованно — противник может выйти по спутниковым каналам на нас.

— Думаю, сейчас это не имеет никакого значения.

— Он прав, — вмешалась Паскаль. — Пока творится такое, мало кого в Кювье волнуют мелкие нарушения секретности. Я считаю, можно рискнуть ради новых карт.

— Сколько времени это займет?

— Час, может, два, — ответила Слука. — А ты что, планируешь куда-нибудь слетать?

— Нет, — ответил Силвест, даже не улыбнувшись. — Но кое-кто может принять такое решение за меня.

Они вышли на поверхность еще раз, пока в Кювье выполнялась их заявка на свежие картографические материалы. В северо-восточном секторе не было звезд — просто пятно кипящей пустоты, черный силуэт скрюченного исполина над горизонтом. Должно быть, то была пыль, поднятая в высокие слои атмосферы и медленно ползущая к Мантелю.

— Она окутает нашу планету на месяцы, — сказала Слука. — Как будто огромный вулкан извергся.

— И ветер усиливается, — добавил Силвест.

Паскаль кивнула:

— Неужели они на такое способны — менять погоду на огромном расстоянии от эпицентра взрыва? А что, если их оружие способно вызывать радиоактивное заражение?

— Надеюсь, они сочли это излишним, — ответил Силвест. — Им достаточно кинетической энергии. Зная Вольеву, я могу допустить, что она не сделает ничего сверх необходимого. Но ты права, что беспокоишься насчет радиации. Этот взрыв, надо думать, продырявил всю литосферу. Каковы будут выбросы из мантии, можно лишь догадываться.

— Наверное, не стоит проводить много времени на поверхности.

— Наверное. И это, пожалуй, относится ко всей колонии.

У входной двери появился адъютант Слуки.

— Карты готовы? — спросила она.

— Нужно еще полчаса. Мы получили данные, но они тяжело поддаются расшифровке. Поступили новости и из Кювье, там работает общественное вещание.

— Продолжай.

— С корабля отправили в столицу снимки... гм... последствий, и теперь их показывают всей планете. — Адъютант вынул из-за пазухи потрепанный компад, светящийся экранчик окрасил в лиловый цвет его лицо. — Снимки тут.

— Показывай.

Адъютант положил компьютер на слежавшийся, сглаженный постоянными ветрами грунт столовой горы:

— Должно быть, они снимали в инфракрасном спектре.

Картины были очень четкие и очень страшные. Из кратера змеилась лава, десятки вторичных вулканчиков плевались дымом и пеплом. Все следы человеческого поселения были стерты, поглощены кальдерой, которая достигала двух километров в поперечнике. На внутренних склонах и дне можно было различить стеклянистые полосы, похожие на асфальт и черные, как ночь.

— Я ведь поначалу надеялась, что нас водят за нос, — сказала Слука. — Что вспышка и даже ударная волна — трюки,

какие-то театральные эффекты... Но эта дыра в планете доказывает: с нами не шутят.

— Скоро мы выясним наверняка, — пообещал адъютант. — Я могу здесь говорить откровенно?

— Происходящее больше всего касается Силвеста, так что пусть слушает.

— Кювье послал самолет к эпицентру, проверить, настоящие снимки или нет.

К тому времени, когда они вернулись под землю, новые карты уже были взломаны и спроецированы. Все снова прошли в кабинет Слуки, чтобы рассмотреть их. Судя по надписям, карты были обновлены считаные недели назад.

— Отличная работа, — заключил Силвест. — Город разрушен, но картографы честно выполняют свои обязанности. Такая преданность долгу заслуживает восхищения.

— Плевать мне на их мотивы, — буркнула Слука, поглаживая один из глобусов, стоявших вдоль стен. Ей, похоже, хотелось лучше почувствовать планету, которая продолжала вращаться как ни в чем не бывало. — Главное, чтобы на карте был Феникс, или как там его еще могли назвать.

— Он тут есть, не сомневайся, — буркнула Паскаль. Ее палец пополз по району взрыва вверх и остановился на крошечной нумерованной точке в пустынных предгорьях. — Это единственный поселок в интересующем нас месте и вообще единственный в полярных широтах. А кроме того, он называется Феникс.

— Что еще о нем известно?

Адъютант Слуки, коротышка с набриолиненными усиками и козлиной бородкой, что-то шепнул своему компаду, видимо приказав карте увеличить поселок. Над столом возникло несколько иконок с демографической информацией.

— Не так уж много. Несколько жилых бараков, соединенных трубопроводами. Подземные мастерские. Никаких путей сообщения, только посадочная площадка.

— Население?

— Это трудно назвать населением, — произнес адъютант. — Не больше ста человек. Восемнадцать семей. Бóльшая часть жителей — выходцы из Кювье. — Он пожал плечами. — Если

Вольева и впрямь хотела ударить по колонии, то можно сказать, мы отделались легким испугом. Сотня человек... что ж, это трагедия. Но непонятно, почему она не ударила по более крупной цели. Никто из нас даже не знал о существовании этого поселка, — согласитесь, такое неведение снижает эффект демонстрации силы. Вам это не кажется странным?

— Удивительная все-таки штука, — сказал Силвест, против воли кивая своим мыслям.

— Вы о чем?

— Я говорю о человеческой способности горевать. Она не достигает заметного уровня, если число погибших составляет нескольких десятков человек. В таких ситуациях наше сострадание стремится к нулевой отметке. Согласитесь, никто из нас не сожалеет об этих людях.

Силвест глядел на карту и думал, каково было жителям поселка, когда они узнали, что Вольева приговорила их. Может, некоторые выбежали из барака, чтобы увидеть небо и на несколько долей секунды ускорить свою аннигиляцию?

— Но теперь у нас есть убедительное доказательство, что эта женщина держит слово. А значит, ты должна отпустить меня к ультра.

— Не хочется терять тебя, — сказала Слука, — но у меня, похоже, нет выбора. Ты, конечно, захочешь связаться с ними?

— Разумеется, — ответил Силвест. — И конечно, со мной уйдет Паскаль. Но перед этим ты кое-что сделаешь для меня.

— Услуга? — В голосе Слуки звучала слабая насмешка, как будто своей просьбой Силвест удивил ее. — Почему бы и нет, ведь мы теперь добрые друзья.

Силвест с улыбкой пояснил:

— Да, услуга, но окажешь мне ее не ты, а доктор Фолкендер. Дело касается моих глаз.

Со своего наблюдательного пункта — плавающего в воздухе кресла — триумвир Вольева рассматривала результаты удара по висящей у нее под ногами планете. Эти результаты очень четко отражалась на сферической голограмме посреди капитанской рубки. Вот уже десять часов Илиа видела рану на теле Ресургема, которая протягивала свои темные циклопические

щупальца во все стороны от эпицентра. Это доказывало, что погода в том регионе — а опосредованно и на всей планете — изменилась, придя в новое, опасное равновесие.

Согласно ранее собранным данным, колонисты называли подобное состояние атмосферы бритвенной бурей по причине «бреющего» воздействия пыли и песка, переносимых сильными ветрами. На это было интересно смотреть, как смотрят на вскрытие животного, принадлежащего к неизвестному виду. Хотя Вольева изучила больше планет, чем другие члены команды, все же существовали вещи, которые ее удивляли и беспокоили в этих мирах. Беспокоило, например, то, что простая дыра, проделанная в литосфере Ресургема, оказала столь сильное влияние не только в непосредственной близости, но и в тысячах километрах. Илиа прекрасно понимала, что в конце концов не останется пяди земли, которая не подверглась бы вполне измеримому воздействию выстрела с орбиты. Грязь, которую Вольева подняла в атмосферу, рано или поздно осядет. Мелкие, черные, слегка радиоактивные пылинки распределятся относительно равномерно по всей планете. В районах с умеренным климатом их смоет дождем, если колонисты не прекратят менять климат. Но в северных широтах, где дождей не бывает, пылевой осадок пролежит многие века, никем не потревоженный. Потом его перекроют другие отложения, и он станет частью геологической истории планеты. Возможно, думала Вольева, через несколько миллионов лет на Ресургем прибудут существа, обладающие чем-то вроде человеческого любопытства, и изучат стратификацию литосферы. Скорее всего, слой ископаемой пыли будет не единственной тайной, с которой они столкнутся, но она наверняка вызовет интерес. Вольева не сомневалась, что будущие исследователи придут к совершенно неверным выводам. Им нипочем недодуматься, что у этой пыли техногенное происхождение...

Вольева проспала лишь пару часов из прошедших тридцати, но ее запас нервной энергии казался неистощимым. Конечно, вскоре придется за это заплатить, зато сейчас она чувствовала себя так, будто готова воспарить под напором неизбывной силы.

Но притом она не сразу спохватилась, когда Хегази приблизился к ней вместе с креслом.

— Что случилось?

— Поступили кое-какие сведения, они могут быть связаны с нашим парнем.

— С Силвестом?

— Или с тем, кто выдает себя за него. — Триумвир, по своему обыкновению, впал в состояние транса — Вольева знала, что это глубокий раппорт с кораблем. Через миг Хегази сообщил: — Не могу отследить канал используемой им связи. Передача идет из Кювье, но могу поспорить, на самом деле там его нет.

— И что говорит?

— Просит слушать его. Твердит одно и то же снова и снова.

Хоури слышала хлюпанье чьих-то ног по полуторадюймовому слою слизи, которая затопила весь капитанский уровень.

У нее не было никакого рационального ответа на вопрос, зачем она сюда спустилась. Возможно, причина заключалась в том, что теперь, когда она перестала верить Вольевой (а кому еще она могла верить после исчезновения Мадемуазели?), — пришло время иррационального. Единственным человеком на «Ностальгии по бесконечности», который не предал Ану и не заслужил ее ненависть, был тот, к кому она до сих пор не собиралась обращаться ни с какими вопросами.

Она почти тотчас поняла, что шаги не принадлежат Вольевой, но в них чувствовалась твердость: человек знал, куда идет, а не просто случайно забрел в эту часть корабля.

Хоури выбралась из жидкой грязи. Брюки сзади побывали в слизи, но цвет материи скрывал влажное темное пятно.

— Успокойся, — сказал тот, кто без опаски вышел из-за поворота, расплескивая грязь.

Свободно покачивающиеся руки поблескивали металлом, от кистей исходило многоцветное сияние голографических узоров.

— Суджик! — узнала Хоури. — Черт, как тебе удалось...

Суджик покачала головой, тонкие губы растянулись в улыбке.

— Как мне удалось найти сюда дорогу? Да очень просто, Хоури. Я пошла за тобой. Когда выяснила общее направление, поняла, куда ты идешь, и больше уже не торопилась. И раз уж я здесь, предлагаю немного поболтать.

— Поболтать?

— Обсудить ситуацию, которая сложилась на нашем корабле. — Суджик широко развела руками. — И особенно в проклятом триумвирате. От тебя ведь не укрылось, что у меня есть претензии к одному из его членов?

— К Вольевой?

— Да, к нашей общей подружке Вольевой. — Последнее слово Суджик произнесла так, будто это была не фамилия, а похабнейшее ругательство. — Как тебе известно, она пришила моего хахаля.

— Насколько я поняла, на то имелась причина.

— Причина? Ха! Ничего себе! Хоури, по-твоему, существует причина, по которой человека доводят до сумасшествия? — Она помолчала, затем придвинулась ближе, хоть и осталась на почтительном расстоянии от рассыпающейся капсулы, в которой лежал капитан. — Может, позволишь звать тебя просто Аной, раз уж мы с тобой так... гм... подружились?

— Зови как хочешь, это ничего не меняет. Я могу ненавидеть Вольеву до самых печенок, но это не значит, что я ее предам. Лучше бы нам не начинать этот разговор.

Суджик кивнула с серьезным видом:

— Прививка лояльности, похоже, не пропала даром. Вот что я тебе скажу. Садзаки и другие далеко не так безопасны, как тебе кажется. Ты можешь рассказать мне все.

— Все не так просто.

— А поконкретней?

Суджик стояла перед Аной, руки в радужных крагах упирались в узкие бедра. Женщина была красива, хоть и худа, — характерная внешность для человека, рожденного в космосе. Физиологические процессы у нее шли на минимальном уровне, и не будь ее скелетно-мускульная система усилена при помощи химерических технологий, едва ли она могла бы выдерживать нормальную силу тяжести. Однако сейчас, со всеми

своими подкожными имплантатами, Суджик была, безусловно, сильнее и гибче, чем любой обычный человек. И кажущаяся хрупкость делала ее опасней вдвойне. Суджик напоминала фигурку оригами, вырезанную из тонкой, как бритвенное лезвие, бумаги.

— Поконкретней не могу, — ответила Хоури. — У нас с Илиа... есть общие секреты. — Ана тут же пожалела о сказанном, но ей так нужно было сбить спесь с этой нахальной и властной ультра. — Я хочу сказать...

— Слушай, Хоури, я абсолютно точно знаю, что именно такой ты ей и нужна. Но спроси себя вот о чем: многое ли из того, что ты помнишь, — реально? Что, если Вольева как-то повлияла на твою память? Она ведь пыталась это делать с Борисом. Пробовала «лечить» его, стирая память о прошлом, но не вышло. Он все равно слышал голоса и был вынужден с ними бороться. Может, и с тобой творится то же самое? Не звучат ли в твоем черепе голоса?

— Если и звучат, — ответила Хоури, — то Вольева тут ни при чем.

— Значит, они есть. — Суджик ухмыльнулась, как школьница, одержавшая победу в трудной игре и прячущая свое торжество. — Впрочем, есть у тебя голоса или нет, не имеет значения. Важно то, что ты утратила иллюзии насчет Вольевой. И насчет триумвирата в целом. Не станешь же ты прикидываться, что в восторге от того, чем они сейчас занимаются?

— Я не уверена, Суджик, что понимаю их действия. У меня в голове такая путаница. — Хоури чувствовала, как холодная мокрая ткань липнет к ягодицам и ногам. — Потому-то и пришла сюда, если хочешь знать. В поисках мира и тишины. Чтобы остудить голову.

— И чтобы спросить, не поделится ли он с тобой мудростью? — Суджик кивнула в сторону капитана.

— Он мертв. Может, я единственный человек на борту, который это понимает.

— Силвест его вылечит.

— Даже если Силвест способен на такой подвиг, захочет ли этого Садзаки?

Суджик покивала:

— Конечно-конечно. Я все понимаю. Но послушай... — Она перешла на заговорщицкий шепот, хотя, кроме Аны, слышать ее могли только попискивающие крысы. — Они разыскали Силвеста. Это я узнала перед тем, как спустилась сюда.

— Нашли? Он уже здесь?

— Конечно нет! Они лишь поймали передачу от него. Пока не знают даже, где он. Знают только, что жив. А ведь еще предстоит доставить его на борт. Вот тут-то и выходишь на сцену ты. И я тоже.

— К чему ты клонишь?

— Не стану притворяться, Хоури, будто понимаю, что случилось с Кьярваль в тренировочном зале. Возможно, у нее и в самом деле поехала крыша, хотя я знала ее лучше, чем всех остальных на корабле, и могу сказать с уверенностью: она не из тех, у кого мозги набекрень. Как бы там ни было, Вольева получила предлог разделаться с ней. Я не подозревала, что эта сука до такой степени ненавидит Кьярваль.

— Тут вины Вольевой нет.

— Ладно, допустим. — Суджик покачала головой. — Это в данную минуту не важно. Но теперь ясно, что она нуждается в тебе для выполнения своей задачи. Ты и я, Хоури, а может, и ее сучье величество должны высадиться на планету и привезти Силвеста.

— Откуда ты все это знаешь?

Суджик мотнула головой:

— Официально — ниоткуда. Но когда поживешь на корабле с мое, научишься многое узнавать, минуя обычные каналы.

На минуту наступило молчание, нарушаемое лишь отдаленным стуком капель, падающих из прохудившейся трубы в затопленном коридоре.

— Суджик, зачем ты все это говоришь? Я думала, ты меня ненавидишь.

— Может, так и было, — ответила женщина. — Раньше. Но теперь нам нужны все союзники, каких только можно заполучить. И я подумала, что ты оценишь предостережение. Если у тебя есть хоть капля ума, ты поймешь, кому можно верить, а кому нет.

Вольева обратилась к своему браслету:

— «Ностальгия», сравни голос, который ты сейчас услышишь, с имеющимися на борту записями речи Силвеста. Если не установишь сходство, немедленно сообщи мне по закрытому каналу связи.

Голос Силвеста ворвался в каюту на середине фразы:

— ...Если слышите меня. Повторяю, мне надо знать, слышите ли вы меня. Я требую, сука, чтобы ты опознала меня. Эй, гадина, я требую, чтобы ты меня опознала...

— Это точно он, — объявила Вольева, перекрывая голос Силвеста. — Я бы узнала этот хамский тон где угодно. Отключите его. Хегази, я полагаю, мы еще не установили, где находится Силвест?

— Увы. Нам придется адресовать послание всей колонии — в надежде, что у него есть возможность нас услышать.

— Уверена, что эту важную деталь он не оставил без внимания. — Вольева проконсультировалась со своим браслетом, — корабль еще не подтвердил и не опроверг, что голос принадлежит Силвесту.

Не исключена ошибка, ведь Силвест, который оставил записи на борту, был намного моложе того человека, которого они ищут, так что сверка голосов не может быть точной. Но даже с учетом этих обстоятельств, похоже, они обнаружили Дэна Силвеста, и это не очередной обманщик, пытающийся спасти колонию.

— Ладно, дай-ка мне частоту, на которой шла передача. Силвест? Говорит Вольева. Скажите что-нибудь, если слышите меня.

Теперь его голос звучал яснее.

— Давно пора... мать вашу!

— Думаю, этот ответ придется счесть утвердительным, — сказал Хегази.

— Нам надо обсудить способ доставки вашей персоны на борт, и мы существенно облегчим себе задачу, если воспользуемся защищенным каналом. Скажете, где вы находитесь в настоящее время; мы проведем тщательное сканирование указанного района и найдем ваш передатчик, не оповещая Кювье...

— А к чему такие хлопоты? Или хотите мне что-то сообщить, чего не должна знать колония? — Силвест ненадолго умолк, но Вольева успела уловить его недовольство. — Раньше вы с нею так не церемонились. — Снова пауза. — Кроме того, мне не нравится то обстоятельство, что я имею дело с вами, а не с Садзаки.

— Он недосягаем, — ответила Вольева. — Объясните, где находитесь.

— Сожалею, но это невозможно.

— И все же придется это сделать.

— Да с чего это вдруг я должен заморачиваться? У вас же такая огромная мощь! Вот вы и найдите решение.

Хегази махнул рукой Вольевой, чтобы отключила звук.

— Вероятно, он не может выдать свое местопребывание.

— Не может?

Хегази постучал металлическим пальцем по металлической же переносице:

— Его похитители, наверное, против. Они готовы отпустить его, но не хотят засветиться.

Вольева кивнула, допуская, что Хегази прав. Она опять включила звук.

— Ладно, Силвест, мы поняли, чего вы требуете. Допуская возможность вашего передвижения по местности, предлагаю компромисс. Ваши... гостеприимные хозяева, надо полагать, смогут организовать что-либо после краткого предупреждения. Ведь смогут?

— У нас есть транспорт, если вы это имеете в виду.

— В таком случае, у вас в распоряжении шесть часов. Достаточно времени, чтобы убраться подальше от того места, где вы находитесь сейчас. Но если через шесть часов мы от вас ничего не услышим, то уничтожим следующую цель. Это ясно всем заинтересованным лицам?

— О да! — ядовито отозвался Силвест. — В высшей степени ясно.

— И еще одно.

— Да?

— Возьмите с собой Кэлвина.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Северная часть горного массива Нехбет, год 2566-й

По ощущениям Силвеста, самолет сначала двигался в подземном ангаре по прямой, потом быстро набрал высоту и пошел в сторону, отклоняясь от крутого бока столовой горы. Силвест протер в иллюминаторе окошко, но густая пыльная завеса не позволяла увидеть ничего, кроме слежавшихся напластований песка, в которых пряталась база. Потом и гора скрылась внизу, под блистающим плазмой крылом. Силвест знал, что никогда больше не вернется сюда. Не только Мантеля не увидит, но и всей колонии тоже.

Машины меньше и дешевле, чем эта, во всем Мантеле найти не удалось. Вряд ли она была больше планера, на котором Силвест летал когда-то в Город Бездны. Но двигался самолет довольно быстро, так что за шесть часов мог отдалиться на приличное расстояние от базы.

Он брал четырех человек, но сейчас в нем находились только Силвест и Паскаль. Несмотря на определенную свободу перемещения, они пока оставались пленниками Слуки. Ее люди заранее составили программу полета. Машина может изменить курс, только если автопилот решит, что этого требуют погодные условия. Если все пройдет как задумано, то самолет высадит Силвеста и его жену в выбранном месте, о котором будет сообщено Вольевой и ее команде. Если же место окажется неподходящим для посадки, в том же районе будет найдено другое, более удобное.

После того как Силвест и Паскаль сойдут на землю, имея достаточный запас продовольствия, чтобы прожить в условиях бури несколько часов, самолет сразу отправится в Мантель, тщательно избегая немногочисленных сохранившихся радаров, способных определить траекторию полета и передать ее в Ресургем-Сити. Силвест свяжется с Вольевой и проинформирует ее о своем местонахождении. Передача будет идти открытым текстом, и корабль легко установит координаты Силвеста. Дальнейшее будет зависеть от Вольевой.

Силвест не представлял себе, каким образом Вольева доставит его на борт. Как-нибудь справится. Он знал одно: все это не похоже на ловушку. Ультра нуждаются в Кэлвине, но тот для них совершенно бесполезен без Дэна Силвеста. Так что пусть заботятся и о нем, да получше. А на случай, если в эту схему не вписывается Паскаль, Силвест принял кое-какие меры предосторожности.

Самолет снижался. Сейчас он летел чуть ниже невысоких гряд, используя их как укрытия. Через каждые несколько секунд он поворачивал и углублялся в очередную узкую долину, которая отделяла друг от друга столовые горы. Видимость была почти нулевая. Силвест надеялся, что топографическая карта, на которой самолет основывал свои маневры, не устарела и учитывает возможность оползней. В противном случае полет может окончиться раньше, чем пройдут отпущенные Вольевой шесть часов.

— Что, черт побери... — Кэлвин, который только что появился в кабине, очумело огляделся. Он, как всегда, сидел в роскошном кресле. Для таких габаритов фюзеляж был слишком мал, и отдельные части кресла исчезали в бортах и потолке. — Проклятье, да где же это я? Ничего не понимаю! Что случилось? А ну, объясните немедленно!

Силвест повернулся к жене:

— Проснувшись, Кэлвин первым делом обнюхивает местное кибернетическое пространство, разрешает ему получить данные о себе, устанавливает временны́е параметры и так далее. Беда в том, что в данном случае кибернетическая среда отсутствует, поэтому он слегка растерялся.

— Перестань говорить так, будто меня здесь вовсе нет! Где я, черт побери?

— В самолете.

— В самолете? Вот так новость! — затряс головой Кэл. К нему явно возвращалось присутствие духа. — Правда, это что-то новенькое! Кажется, я никогда не летал на самолетах. Уверен, ты не откажешь в любезности своему старику и сообщишь ему основные факты.

— Именно для этого я тебя и разбудил. — Силвест остановился, чтобы закрыть иллюминаторы шторками. Непрерывные

пыльные вихри заставляли думать о том, каково будет в том месте, где высадят пассажиров. — Только не воображай, Кэл, что я это сделал, соскучившись по семейным ссорам.

— А ты вроде постарел, сынок.

— Видишь ли, кое-кому приходится решать проблему выживания в подверженной энтропии Вселенной.

— Ах, бедненький! Я сейчас заплачу.

Вмешалась Паскаль:

— Прекратите! Не время цапаться.

— Честно говоря, — возразил Силвест, — я не представляю себе, чем еще можно занять пять часов полета. А ты как думаешь, Кэл?

— Ты совершенно прав. Да и вообще, что она понимает? — Кэл бросил на Паскаль притворно сердитый взгляд. — Это семейная традиция, девочка. Мы таким образом... как бы это выразиться... проясняем отношения. Если он проявляет хоть крупицу сердечности, я тут же бью тревогу. Это означает, что очень скоро от меня потребуют весьма затруднительную услугу.

— Нет, — ухмыльнулся Силвест, — затруднительных услуг я от тебя добиваюсь иначе: просто угрожаю стереть твою запись. До сих пор мне не нужно было от тебя ничего настолько серьезного, чтобы изображать сыновнюю любовь, и, надеюсь, такой момент никогда не настанет.

Кэлвин подмигнул Паскаль:

— Парень, конечно, прав. Глупо с моей стороны.

Он выглядел весьма импозантно в своем фраке цвета пепла, со стоячим воротником, с рукавами, покрытыми золотыми шевронами. Обутая в сапог нога закинута на колено другой, длинная фалда закрывает эту ногу, как длинный мягкий складчатый занавес. Борода и усы представляют собой не просто растительность, а настоящую скульптурную композицию, — такая может появиться на свет лишь стараниями армии отлично вышколенных слуг-автоматов. Янтарный монокль-компьютер закрывает глазницу (чистая прихоть, поскольку Кэлвин сразу же после рождения получил глазные имплантаты для прямой связи с компьютерной средой). Нафабренные волосы (в настоящий момент длинные) зачесаны назад и образуют нечто вроде ручки амфоры, присоединенной к черепу на макушке и у шеи.

Силвест попытался датировать облик отца, но не сумел. Вполне возможно, это было плодом воспоминаний Кэла о каком-то определенном периоде его правления в Йеллоустоне. Но с равным успехом детали внешности могли возникнуть из ничего — надо же как-то убивать время и бороться со скукой, когда все рутинные дела давно переделаны.

— Итак?

— Самолет несет меня на свидание с Вольевой, — сказал Силвест. — Надеюсь, ты помнишь, кто это?

— Ее забудешь! — Кэлвин вынул монокль из глазницы и задумчиво потер его о рукав. — И как же это у вас получилось?

— Долго рассказывать. Она надавила на колонию. У властей не осталось другого выбора, кроме как выдать меня. И тебя заодно.

— Я ей тоже понадобился?

— Не стоит разыгрывать удивление.

— А я не удивлен. Просто разочарован. Ну и застигнут врасплох, если честно. — Кэлвин вставил монокль обратно, и увеличенный глаз сверкнул за янтарным стеклом. — Думаешь, мы оба нужны ей в качестве гарантии? Или у нее есть более конкретные пожелания?

— Последнее более вероятно. Хотя она и не спешит объявить о своих намерениях.

Кэлвин задумчиво покивал:

— Ты имел дело только с Вольевой?

— Тебе это кажется странным?

— Я бы не удивился, если бы в определенный момент из кустов высунулись уши нашего друга Садзаки.

— Я тоже, но он отсутствовал, и причину Вольева не объяснила. — Силвест передернул плечами. — Разве это важно? Они стоят друг друга.

— Верно, но, имея дело с Садзаки, лучше понимаешь ситуацию.

— Хочешь сказать, он более примитивен?

Кэлвин уклончиво мотнул головой.

— Считай как хочешь, но Садзаки, по крайней мере, держит слово. И ему — или кто у них там нынче главный — хватило приличий не беспокоить тебя до сих пор. Как давно мы

в последний раз побывали на борту этого готического кошмара, который они прозвали «Ностальгией по бесконечности»?

— Около ста тридцати лет назад. И куда меньше времени прошло для них — два-три десятилетия.

— Думаю, нам следует готовиться к худшему.

— К чему именно?

— А к тому, — ответил Кэлвин с наигранным спокойствием, — что на нас возложат определенную задачу, связанную с неким джентльменом. — Он скосил глаза на Силвеста. — Кстати, многое ли ей известно?

— Похоже, гораздо меньше, чем я считала раньше, — хмуро произнесла Паскаль.

— Я рассказал ей кое-что, — ответил Силвест, глядя в пространство между женой и бета-записью отца. — Для ее же пользы.

— Ну спасибо!

— Конечно, у меня были сомнения...

— Дэн, чего, собственно, хотят эти люди от тебя и твоего отца?

— Боюсь, это еще одна довольно длинная история.

— У нас пять часов, ты только что сам сказал. Если вам удастся отвлечься от сеанса взаимного обожания...

— Не слыхал никогда такого термина. Какое-то представление о ситуации у нее есть, сынок?

— Да, — кивнул Силвест. — В корне неверное.

— Думаю, стоит открыть ей чуть больше — чтобы, так сказать, видела картину в целом.

Самолет сделал особенно резкий разворот. В салоне только Кэлвин не испытывал никаких физических неудобств при этом.

— Ладно, — кивнул Силвест, — хотя мне и сейчас кажется, что ей лучше знать меньше, чем больше.

— А почему бы не дать мне возможность судить об этом самой? — спросила Паскаль.

Кэлвин усмехнулся:

— Начни рассказ с милейшего капитана Бреннигена, — мне кажется, так будет лучше.

И Силвест открыл жене все. До сих пор он искусно обходил вопрос, почему команда «Ностальгии по бесконечности» так хочет заполучить его. Конечно, Паскаль имела право знать, но сама тема была настолько противна Силвесту, что он изо всех сил старался ее не затрагивать.

Он, разумеется, не имел ничего личного против капитана Бреннигена, даже сочувствовал этому уникальному человеку, чья судьба сложилась так страшно. Капитан, насколько мог судить Силвест, сейчас находился без сознания, но в прошлом был чрезвычайно энергичным и проницательным. И может снова стать таким, если удастся его вылечить. Ну и что с того, что в туманном прошлом Бренниген совершал неблаговидные поступки, возможно даже преступления? Своими страданиями, безусловно, он расплатился за былые грехи. Любой человек пожелал бы капитану удачи, и многие согласились бы помочь ему, разумеется, если бы им это не грозило никакими последствиями. Даже небольшой риск был бы вполне оправдан.

Но то, чего команда хочет от Силвеста, едва ли можно назвать небольшим риском. Чего доброго, ультра потребуют, чтобы он подчинился Кэлвину, разрешил ему войти в собственный мозг и взять контроль над его, Силвеста, моторикой. Одна лишь мысль об этом вызывала неодолимое отвращение. Даже общение с бетой Кэлвина было весьма неприятным. Как будто с призраком разговариваешь. Силвест уничтожил бы эту запись много лет назад, не окажись она несколько раз чрезвычайно полезной.

Мириться с ее существованием было очень нелегко. Кэл, даром что искусственная сущность, был слишком восприимчив, проницателен и хитер. Он прекрасно знал, что случилось с его альфой, но никогда не жаловался по этому поводу, даже речи не заводил. Но каждый раз, когда Силвест допускал его в свой мозг, казалось, что Кэлвин все глубже засовывает туда щупальца. Кэлвин узнавал сына все лучше и лучше и учился более точно предсказывать его поведение.

Так во что же превращается тогда сам Силвест, если то, что он считал своей свободной волей, столь легко имитируется компьютерной программой, теоретически не имеющей собственного сознания? Мало того что каналирование — процесс

обезличивающий. Он отвратителен даже в физическом смысле. Собственные моторные сигналы Силвеста блокировались в момент их возникновения бульоном из химических нейроингибиторов. Он был парализован — и все же двигался, как одержимый бесом. И переживать этот кошмар снова у него не было ни малейшего желания.

«Нет, — думал Силвест. — Капитан может отправляться ко всем чертям. С какой стати я должен жертвовать своей человеческой сущностью, чтобы спасти того, кому следовало помереть уже давным-давно?»

Если страдания капитана не прекратятся, это будет меньшим преступлением, чем то, что замыслили ради него подчиненные. Бесчеловечно требовать, чтобы Силвест облегчил участь Бреннигена такой ценой.

Кэлвин, конечно, смотрит на все совершенно иначе. Для него это вовсе не пытка, для него это шанс...

— Конечно, первым это сделал я, — сказал он. — Давно, еще когда был материален.

— Что ты сделал первым?

— Обнаружил его. Но уже тогда он был в значительной степени химериком. Некоторые технологии, примененные для того, созданы еще до Транспросвещения. И одному Богу известно, как стара была плоть капитана уже тогда. — Он погладил бороду и усы с таким видом, будто с гордостью вспоминал свой научный подвиг. — Все это было, разумеется, еще до Восьмидесяти. Но я уже тогда прославился как смелый экспериментатор, работающий на острие самых радикальных направлений химерической науки. Меня не устраивало простое обновление технологии, которая была создана до Транспросвещения. Мне хотелось побить ее рекорды, двинуть науку далеко-далеко вперед.

— Ладно, хватит о тебе, Кэл, — сказал Силвест. — Мы ведь обсуждаем Бреннигена.

— Надо же было обрисовать ситуацию в целом, дорогой сынок, — подмигнул Кэлвин. — Короче говоря, Бренниген был химериком-экстремалом, а я намеревался применить к нему экстремальные химерические методы. Когда он заболел, его друзьям ничего другого не оставалось, как прибегнуть к моим

услугам. Конечно, все происходило под большим секретом, дело было подсудное даже для меня. Я все меньше интересовался проблемой физиологических модификаций, зато все больше — нейронными трансформациями. Я был ими одержим, если хочешь знать. В частности, я искал способ наложения нейронной деятельности прямо на... — Кэлвин смолк, прикусив нижнюю губу.

— Его использовал Бренниген, — продолжал Силвест, — а взамен помог Кэлу установить связи с некоторыми богачами из Города Бездны. Это были потенциальные клиенты для программы Восьмидесяти. И если бы Кэл как следует вылечил капитана, то на этом вся история Бреннигена благополучно и закончилась бы. Однако Кэл схалтурил и ограничился минимумом того, что было в его возможностях. Просто втер очки товарищам Бреннигена. А сделай он тогда все как надо, не было бы сегодняшних неприятностей.

— Он хочет сказать, — перебил Кэлвин, — что результат моих усилий нельзя рассматривать как вечный. Учитывая особенности химерической науки, это закономерно, что другие аспекты физиологии спустя время потребовали нашего внимания. И проделанная мною работа настолько сложна, что не нашлось ни одного специалиста, который мог бы ее повторить.

— И тогда они вернулись, — кивнула Паскаль.

— В тот раз кораблем управлял Бренниген. — Силвест посмотрел на «запись». — Кэл уже умер. История с Восьмьюдесятью вызвала к нам всеобщую ненависть. Все, что от Кэла осталось, — запись на бета-уровне. Не стоит говорить, что Садзаки — он тогда уже был членом экипажа — находился в крайне дурном расположении духа. Именно он и нашел способ.

— Способ?

— Способ воспользоваться знаниями и опытом Кэлвина для лечения капитана. Ультра сообразили, что можно это сделать с моей помощью. Бета-запись хранила знания о химерической хирургии. Я же был просто телом, которое могло производить необходимые манипуляции. Ультра называли этот процесс каналированием.

— Но таким посредником мог бы стать не ты, а кто-то другой, — предположила Паскаль. — Если они заполучили бету

Кэла, почему ни один из них не взял на себя роль, как ты выразился, тела?

— Если бы такая возможность существовала, они наверняка не преминули бы ею воспользоваться — это сделало бы их независимыми от меня. Видишь ли, каналирование не срабатывает, если между бетой и человеком, с которым бета контактирует, нет большого сходства. Такого, которое обеспечивается только близким родством. Ну, это как у перчатки и руки, на которую она натягивается. Я подходил идеально, ведь Кэлвин мой отец. Много точек генетического сходства. Вскрой нам черепа — и трудно будет отличить мозги.

— А теперь они почему вернулись?

— На этот раз нахалтурил уже он сам, — с ехидной улыбкой сказал Кэлвин.

— Это ты сидел за пультом, а я делал только то, что мне приказывали, — рассердился Силвест. — Если на то пошло, бóльшую часть времени я вообще провел без сознания. Хотя все равно ненавижу каждую минуту того проклятого эпизода.

— Так, значит, они собираются повторить лечение? — повысила голос Паскаль. — И из-за этого весь сыр-бор? И уничтожение поселка? Только для того, чтобы ты помог их капитану?

Силвест кивнул:

— На случай, если ты раньше не обратила внимания, повторю: люди, с которыми мы вынуждены сотрудничать, на самом деле людьми в привычном для нас значении этого слова не являются. Их моральные ценности несколько абстрактны... как и представления о времени.

— Я не назвала бы это сотрудничеством. Подчинение шантажу, вот что это такое.

— Что ж, — сказал Силвест, — ты и тут ошибаешься. Видишь ли, на этот раз Вольева допустила небольшой просчет. Она предупредила меня о своем прибытии.

Вольева глядела на виртуальный глобус Ресургема. В данный момент точное местонахождение Силвеста было так же неопределимо, как волновая функция до ее коллапса. Но через несколько минут поступят точные триангуляционные дан-

ные, основанные на радиоперехвате, и тогда отсеются мириады ложных возможностей.

— Ты поймал его?

— Сигнал очень слабый, — ответил Хегази. — Вызванная тобой буря порождает множество ионосферных возмущений. Уверен, ты этим гордишься.

— Ты лучше запеленгуй его, паразит.

— Спокойствие и еще раз спокойствие.

На самом деле Вольева ничуть не сомневалась, что в скором времени получит сигнал от Силвеста. Все же, когда он появился, она не могла не испытать облегчения. Сигнал означал, что еще один этап хитроумного плана завершен. Вольева, разумеется, не спешила праздновать победу — работа еще далеко не закончена. И ее смущали дерзкие требования Силвеста, как будто от него что-то зависело. Теперь Вольевой приходится гадать, действительно ли она и ее товарищи управляют событиями. Если Силвест решил посеять в ее уме сомнения, то ему, безусловно, это удалось.

Будь он проклят. Илиа с самого начала учитывала, что Силвест — эксперт в психологических играх, но, похоже, в плане оказались изъяны. Тогда она мысленно сделала шаг назад и спросила себя: а как могла сложиться такая ситуация? Еще немного, и Силвест окажется в плену у ультра. Вряд ли это придется ему по вкусу, особенно когда он узнает, по какой причине его стремились заполучить. Если бы он распоряжался своей судьбой, то сделал бы все от него зависящее, чтобы не оказаться на борту «Ностальгии по бесконечности».

— Ага, — сказал Хегази, — мы его зафиксировали. Хочешь послушать подонка?

— Включай.

Голос Силвеста ворвался в каюту, как и шесть часов назад, но до чего же он изменился! Каждое слово звучало на фоне завываний песчаной бури, почти заглушалось ею.

— Я уже здесь, а где вы? Вольева, ты меня слышишь? Я спрашиваю, ты меня слышишь? Почему не отвечаешь? Прочисти уши, я даю мои координаты относительно Кювье, так что прочисти свои грязные уши. — Он повторил — для уверенности несколько раз — целую строчку цифр, которые опреде-

ляли его местонахождение с точностью до ста метров. Информация была излишней, так как пеленгация с корабля давала те же результаты. — Спускайтесь к нам! Мы не можем ждать долго! Мы попали в эпицентр бритвенной бури и погибнем, если вы не поторопитесь!

— Мм, — промычал Хегази. — Надо бы дать бедолаге какой-нибудь ответ.

Вольева зажгла сигарету и с удовольствием затянулась, прежде чем ответить.

— Через час, не раньше. Ему не вредно слегка поволноваться.

Хоури услышала слабый шаркающий звук — к ней шагнул распахнутый скафандр. Спиной, задней поверхностью рук, ног и головы она ощутила мягкое, но настойчивое давление. Периферийный обзор показал боковые части шлема, плотно облегающие голову; почему-то они оказались влажными. Затем она ощутила, как руки и ноги скафандра обхватили ее конечности. Вот и грудная полость захлопнулась с чавкающим звуком.

Периферийный обзор сузился, но все-таки было видно, как смыкаются части скафандра. Еще секунду-другую виднелись швы, но вот исчезли и они, будто затерявшись в ровной белизне. Шлем закрыл Ане лицо, наступила тьма, но тут же возник светлый овал визора с множеством циферблатов и счетчиков. Еще немного, и внутренность скафандра заполнится гель-воздухом, который защитит «хозяина» от перегрузок во время полета. Пока же Хоури вдыхала относительно чистую смесь азота и кислорода при обычном давлении.

— Проведено тестирование функций и систем безопасности, — проинформировал ее скафандр. — Подтвердите, что вы берете полный контроль над скафандром.

— Да, беру.

— Большинство автономных функций управления временно отключено. Говорящая с вами личность будет выполнять функцию консультанта до получения конкретных распоряжений. Полная автономность контроля может быть восстановлена путем...

— Я поняла, спасибо. А как дела у других?

— Все остальные скафандры докладывают о готовности.

Раздался голос Вольевой:

— Мы отправляемся, Хоури. Группой командую я. Спускаемся треугольником. И ни единого шевеления без моей команды. Поняла?

— Не волнуйся, у меня своих планов нет.

— Вижу, ты ее держишь под каблуком, — вмешалась по открытому каналу Суджик. — Она и в сортир ходит по приказу?

— Заткнись, Суджик. Ты здесь только потому, что знакома с другими мирами. Шаг влево, шаг вправо... — Вольева сделала паузу. — Советую учесть: если я взбешусь, с нами не будет Садзаки, способного меня обуздать. А в бешенстве я не выбираю средств.

— Кстати, о средствах, — сказала Хоури. — У меня на приборах нет данных о вооружении.

— А это потому, что тебе не положено. — Это опять Суджик. — Чего доброго, начнешь палить по всему, что шевелится. Верно я говорю, Илиа?

— Хоури, если встретим противника, — сказала Илиа, — у тебя будет контроль над оружием, можешь не сомневаться.

— А почему не сейчас?

— Потому, что сейчас в этом нет нужды, вот почему. Ты тут просто на подхвате — подсобишь, если возникнет заминка. А этого не произойдет. — Было слышно, как Вольева переводит дыхание. — Но если все-таки произойдет, получишь свое драгоценное оружие. И тогда будь с ним поосторожнее.

Как только они оказались снаружи, корабельный воздух был изгнан из скафандров и заменен гель-воздухом — пригодным для дыхания флюидом. На какой-то момент Хоури показалось, будто она тонет, но еще на Окраине Неба ей приходилось пользоваться скафандрами, так что ощущение дискомфорта скоро прошло. Нормальная речь стала невозможной, но шлем имел в себе приборы, которые интерпретировали субвокальные команды. Микрофоны в шлеме переводили звуки, поступающие снаружи, на выбранную частоту, благодаря чему голоса, которые слышала Хоури, звучали вполне разборчиво.

Хотя спуск переносился тяжелее, чем если бы проходил в шаттле, он все же не причинял особых неприятностей, разве

что от перепада давления побаливали глазные яблоки. По показаниям датчиков Хоури установила, что перегрузка составила шесть *g*. Ее вызвало действие антилитиевых двигателей, встроенных в спины и ступни скафандров.

Вольева руководила снижением, построив скафандры клином, причем два «обитаемых» шли непосредственно за ней, а три пустых вспомогательных составляли арьергард. На первой стадии спуска скафандры сохраняли то положение, которое приняли еще на борту корабля, как бы повторяя в упрощенном варианте конфигурацию человеческого тела. Но когда отблески верхних слоев атмосферы Ресургема появились на скафандрах, те заметно изменили свой экстерьер. Хотя изнутри этого не было видно, мембрана, соединяющая «конечности» с «туловищем», утолщилась, жестко скрепив эти детали. «Руки» тоже изменили положение, теперь они были направлены вверх, под углом сорок пять градусов к «телу», и слегка изогнуты в «локтях». Шлем частично ушел в «плечи», как бы приплюснулся. Ноги срослись и образовали пылающий хвост. Некоторые участки скафандров, до сего момента по прихоти «хозяина» остававшиеся прозрачными, теперь, при вхождении в атмосферу, принудительно мутнели. Микрорельеф корпуса снижал трение о воздух, но свечение все равно было очень ярким.

Хотя прямое ви́дение в таких условиях не работало, скафандры продолжали воспринимать окружающую обстановку на других частотах и прекрасно справлялись с адаптацией поступающих данных к человеческим чувствам. Глядя по сторонам и вниз, Хоури видела другие скафандры, каждый в светящейся «слезинке» из розовой плазмы.

На высоте двадцати километров скафандры использовали свои двигатели, чтобы замедлить падение почти до скорости звука, и трансформировались в уплотнившейся атмосфере в человекообразные самолеты. На спине образовались стабилизаторы, визор обрел прозрачность. Покоясь в объятиях скафандра, Хоури почти не замечала этих изменений, она чувствовала лишь передававшиеся от корпуса колебания давления, что заставляло ее немного менять положение тела.

На высоте пятнадцати километров шестой скафандр вышел из общего строя и переключился на сверхзвуковой полет, одновременно придав себе идеальную аэродинамическую фор-

му, которую человеческое тело могло бы приобрести лишь путем сложнейшей хирургической операции. Через несколько секунд он исчез за горизонтом, двигаясь на ракетной тяге быстрее любого искусственного объекта, когда-либо посещавшего атмосферу Ресургема. Хоури знала, что этот скафандр должен подобрать Садзаки в заранее определенном месте, откуда тот недавно связывался с кораблем, закончив свои дела на Ресургеме.

На высоте десять километров, сохраняя молчание, поскольку лазерная связь между скафандрами была полностью заблокирована, они столкнулись с последствиями песчаной бури, которую вызвали действия Вольевой. Сверху из космоса буря казалась непроницаемо-черной — сплошной покров из пепла. Внутри, однако, она светилась, чего Хоури вовсе не ожидала. Свет имел оттенок сепии, как в Городе Бездны непогожим днем. Грязная радуга окружала солнце, но вскоре она исчезла — скафандры окунулись в штормовую пелену. Теперь свет не столько просачивался к ним сверху, сколько пробивался сквозь слои песка и пыли, карабкался, как пьяный по лестнице.

Поскольку в гель-воздухе вес почти не чувствуется, Хоури быстро потеряла ощущение верха и низа и инстинктивно доверилась системам скафандра. То и дело — хотя двигатели и стремились выровнять полет — она ощущала воздушные ямы, в которые проваливался скафандр. Когда скорость упала ниже скорости звука, скафандры снова изменили конфигурацию, приняв обтекаемую форму. Земля теперь лежала в нескольких километрах, а вершины самых высоких столовых гор — в считаных сотнях метров. Все труднее было удерживать строй — то один, то другой скафандр исчезал в тучах пыли.

Ану пробирал страх — она никогда не пользовалась скафандром в условиях, хотя бы отдаленно напоминающих эти.

— Скафандр, — сказала она, — ты уверен, что справляешься с ситуацией? Я бы не хотела со всей силы брякнуться оземь.

— Хозяйка, — ответил тот самым что ни на есть оскорбленным тоном, — когда пыль станет проблемой, я тебя об этом немедленно проинформирую.

— Я просто спросила.

Теперь уже вообще ничего не было видно — как будто плывешь в потоке грязи. Иногда в буре появлялись разрывы, и тогда проглядывали высокие стены каньонов и вершины гор, но обычно Хоури окружала лишь клубящаяся пыль.

— Ничего не вижу! — сказала она.

— А вот так лучше?

Да, так стало лучше. Как будто она одним движением век смигнула бурю и та перестала существовать. Теперь Хоури видела на десятки километров, чуть ли не до линии горизонта в тех направлениях, где обзор не заслоняли каменные стены. Словно она летела солнечным днем... Этой иллюзии мешало освещение — в нездоровых зеленых тонах.

— Это монтаж, — сказал скафандр. — Из снимков, сделанных в инфракрасном спектре, моментальных замеров пульсатора-радара и гравиметрических данных.

— Неплохо, но не надо уж так задирать нос. Когда мне надоедает машина, даже самая умная, у меня возникает непреодолимое желание ее унизить.

— Принято к сведению, — сказал скафандр и умолк.

Хоури вызвала на визор карту местности. Скафандр и сам прекрасно знал, куда лететь, и направлялся к точке, с которой Силвест выходил в эфир, но Хоури решила, что профессионалу подобает в таких ситуациях вести себя поактивней. Три с половиной часа прошло с тех пор, как Вольева разговаривала с Силвестом. За это время он не мог далеко уйти от места назначенного рандеву, даже если по какой-то причине вдруг передумал бы посещать корабль. Датчики скафандров без всякого труда обнаружат беглеца, разве что ему удастся найти глубокую пещеру. Но и тогда скафандры найдут оставленные им тепловые и биохимические следы.

— Внимание всем! — объявила Вольева, впервые после вхождения в атмосферу воспользовавшись общей связью. — Через две минуты мы будем на месте. С орбиты сообщают, что скафандр триумвира Садзаки только что обнаружил хозяина и принял его в себя. В настоящее время Садзаки направляется к нам, но доберется не ранее чем через десять минут.

— Он встретится с нами? — спросила Хоури. — А почему не возвращается на корабль? Неужели думает, что мы не справимся, если он не будет дышать нам в затылок?

— Ты шутишь? — вмешалась Суджик. — Садзаки десятки лет дожидался этого момента! Да он ни за что на свете не упустит своего триумфа.

— А Силвест не окажет сопротивления?

— Не окажет — конечно, если не будет считать, что у него все шансы на победу, — включилась опять Вольева. — Но полагаться на его слова не советую. Вы не знаете этого человека так, как его знаю я.

Хоури почувствовала, что ее скафандр принимает конфигурацию, в которой пребывал на корабле. «Спинной плавник» исчез, конечности Аны освободились; они уже не походили на сплюснутые крыловидные придатки. Руки скафандра разъединились, кисти раздвоились на концах, образовав что-то вроде рукавиц. Чувствовалось, что если понадобятся более сложные действия, то появятся и гибкие пальцы. Уже удалось распрямить позвоночник, хоть и не полностью — оставался небольшой наклон вперед. Скафандр сейчас удерживал высоту только с помощью тяги и был непроницаем для пыли.

— Минута до цели, — сказала Вольева. — Высота двести метров. В любой момент мы можем вступить в зрительный контакт с Силвестом. Помните, нам нужна и его жена. Они вряд ли далеко друг от друга.

Устав от бледно-зеленой картинки, Хоури переключилась на нормальный обзор. Но теперь другие скафандры она различала с большим трудом. Они находились на приличном расстоянии от стен каньона с их трещинами и скальными выступами. Поверхность была плоской почти на тысячу метров в любом направлении, если не считать отдельных валунов и канав. Но даже когда в буре открывались прогалины — очажки спокойствия в хаосе, — видимость не превышала ста метров. Внизу, у самой поверхности Ресургема, кипели, вихрились тучи песка. В скафандре же было прохладно и тихо, что придавало ситуации опасный привкус нереальности. По просьбе Хоури скафандр обеспечил бы слышимость, и тогда добавился бы адский вой ветра — но и только. Она вернула бледно-зеленое изображение.

— Илиа, — сказала Хоури, — я все еще безоружна. Это не прибавляет уверенности.

— Дай ей с чем-нибудь поиграть, — поддержала Ану Суджик. — Жалко тебе, что ли? Пусть летает кругом и палит по скалам, а мы с тобой займемся Силвестом.

— Пошла ты...

— Грубишь, Хоури? Неужели не видишь, что я на твоей стороне? Или надеешься убедить Вольеву в одиночку?

— Ладно, Хоури, — отозвалась Вольева. — Разрешаю минимальный уровень защиты. Хватит с тебя?

Какое там хватит... Теперь скафандр Хоури получал право защищать себя от внешней угрозы и даже действовать активно, предупреждая возникновение опасной ситуации. Сама же Ана не могла даже дотронуться до спускового крючка. Это станет проблемой, если она все-таки решится пристрелить Силвеста — а такая возможность еще не исключена.

— Ну спасибо. Извини, что не визжу от счастья.

— Всегда пожалуйста...

Секундой или двумя позже они приземлились — мягко, как пять невесомых перышек. Ане передалась дрожь скафандра, когда тот отключил двигатели, а затем произвел целую серию изменений в своей «анатомии». Основные системы с полетного режима перешли на стандартный. Датчики сообщили, что теперь хозяйка может передвигаться в своем обычном темпе. Теоретически она могла вообще покинуть скафандр, но вряд ли долго протянула бы в песчаной буре. Да Хоури и не испытывала ни малейшего желания расставаться с этим уютным убежищем, хоть оно и не позволяло по-настоящему ощутить окружающую среду.

— Мы разделимся, — сказала Вольева. — Хоури, я передаю управление двумя пустыми скафандрами твоему. Они пойдут за тобой, повторяя каждое движение твоего скафандра. Расходимся в стороны на сто шагов. Включаем радар активного поиска, а также вспомогательные датчики: электромагнитные и прочие. Если эта свинья близко, мы ее найдем.

Оба пустых скафандра уже подтянулись к Хоури, как бездомные собаки. «Приручились» они, конечно, на короткое время — это утешительный приз безоружной участнице экспедиции. Но брюзжать не стоит. Единственная серьезная причина, по которой Ане требуется оружие — это необходимость убить

Силвеста. Вряд ли таким аргументом можно переубедить Вольеву. Между прочим, не следует забывать, что сам скафандр может стать смертельным оружием даже при полностью отключенных боевых системах. В армии ей показывали, как человек в скафандре побеждает лишь благодаря грубой силе. Противника просто разрывали на куски.

Хоури смотрела, как женщины с обманчивой медлительностью расходятся в стороны. Прикажи они скафандрам, и те помчатся как антилопы, но сейчас такая быстрота ни к чему. Хоури сменила бледно-зеленое изображение на нормальное. Суджик и Вольева уже скрылись, и это было неудивительно. В буре время от времени появлялись разрывы, но обычно Хоури не видела уже на расстоянии вытянутой руки.

Внезапно она как будто заметила что-то — или кого-то — движущееся в пыли. Это длилось одно мгновение — нельзя даже сказать «увидела мельком». Хоури подумала было, не клуб ли это пыли, случайно принявший форму человека, как вдруг силуэт возник снова.

Но теперь он был ближе. А потом выскользнул из объятий бури и очутился прямо перед Хоури.

— Давненько не видались, — сказала Мадемуазель. — Я надеялась, ты обрадуешься мне.

— И где же ты пропадала?

— Хозяйка, — вмешался скафандр, — я не могу интерпретировать последнее субвокальное высказывание. Прошу сформулировать его иначе.

— Скажи, чтобы не обращал на тебя внимания, — сказал пылевой призрак. — У меня мало времени.

Хоури приказала не реагировать на ее мысленную речь, пока она не скажет кодовое слово. Скафандр подчинился с неохотой, как будто никогда не получал более абсурдного распоряжения, и если хозяйка намерена сотрудничать с ним в дальнейшем, то условия этого сотрудничества должны быть тщательнейшим образом пересмотрены.

— Ладно, — обратилась Хоури к Мадемуазели, — тут только я и ты. Хочешь рассказать, где пропадала все это время?

— Немного погодя. — Собеседница успела стабилизироваться, но все еще не обрела былой четкости. Она выглядела

скорее как грубый набросок или как снимок, сделанный расфокусированным объективом. — Сначала позаботимся о твоем вооружении, а то, чего доброго, тебе хватит ума таранить Силвеста. Так-так... Доступ к главным системам скафандра... Обход запретных кодов Вольевой... Удивительно просто. Я даже разочарована ее легкомысленным отношением к делу, особенно если учесть, что это последний раз, когда я могу...

— О чем ты болтаешь?

— О том, как снабдить тебя оружием, девочка.

Пока Мадемуазель говорила, дисплей изменил показания, сообщая, что включились некоторые боевые системы. Хоури всеми фибрами души была «за», хотя не до конца верила, что это происходит в действительности.

— Вот и все, — сказала Мадемуазель. — Еще что-нибудь поправить, пока я здесь?

— Наверное, я должна сказать спасибо...

— Не трудись, Хоури. Благодарность — это последнее, чего я от тебя жду.

— Разумеется, теперь у меня нет другого выхода, как прихлопнуть парня. Надеюсь, ты не ждешь от меня благодарности еще и за это?

— Тебе же показали... гм... доказательства. Так сказать, улики, изобличающие преступника.

Хоури кивнула — и ткнулась носом в визор. В этом костюме не больно-то пожестикулируешь.

— Ты насчет ингибиторов? Вот только я не знаю, есть ли в этой истории хоть капля правды...

— В таком случае давай рассмотрим альтернативу. Ты не убьешь Силвеста, но потом убедишься, что все рассказанное мной — правда. Вообрази, как скверно ты себя почувствуешь, особенно если Силвест, — пылевой образ выдавил мрачную улыбку, — выполнит свое предназначение.

— Но моя-то совесть будет чиста?

— Несомненно. И я надеюсь, это послужит тебе утешением, пока ингибиторы будут стирать род людской с лица Вселенной. Впрочем, вряд ли ты даже успеешь пожалеть о своей ошибке. Ингибиторы свое дело знают туго. И в этом ты однажды убедишься...

— Ладно, спасибо за совет.

— Это еще не все, Хоури. Тебе не приходило в голову, что мое долговременное отсутствие имеет серьезную причину?

— И что же это за причина?

— Я умираю. — Мадемуазель дала этому слову повисеть среди пыльной бури, а затем продолжила: — После инцидента с орудием из тайного склада Похититель Солнц сумел ввести основательную порцию самого себя в твой мозг. Об этом ты, конечно, уже знаешь. Ведь ощутила, как он входил в тебя? Я помню твои крики, они были очень красноречивы. Должно быть, это странное ощущение.

— Но с тех пор он ни разу не пытался повлиять на меня.

— И ты даже не задалась вопросом — почему?

— О чем ты?

— О том, милая, что все это время я лезла вон из кожи, пытаясь сдержать его размножение в тебе. Вот почему ты меня не видела и не слышала. Трудно было сопротивляться даже той малой частице Похитителя, которую я впустила в тебя вместе с моими «ищейками». Но тогда, можно сказать, мы с ним вошли в клинч. На этот же раз все иначе. Похититель Солнц набирается сил, а я, наоборот, слабею с каждой его атакой.

— Ты хочешь сказать, что он еще здесь?

— Конечно! А ты не почувствовала этого только потому, что он тоже был занят войной, которая бушевала в твоей черепной коробке. Разница в том, что он все время побеждал, разрушал меня, захватывал мои системы, использовал против меня мою же оборону. Это очень хитрая бестия, попомни мои слова.

— И что же будет?

— Естественно, я проиграю. Это с неизбежностью следует из того, что до сих пор все схватки заканчивались в его пользу. — Мадемуазель опять улыбнулась, будто гордилась своим точным математическим расчетом. — Я смогу еще неделю сдерживать его, но потом со мной будет покончено. Это может случиться и раньше — разговор с тобой отнимает у меня необходимые силы. Но выбора нет, я должна дать тебе оружие.

— Но когда он победит...

— Не знаю, Хоури. Будь готова ко всему. Он может оказаться для тебя плохим жильцом — гораздо хуже, чем была я. Знаешь же, что он сделал с твоим предшественником — превратил бедолагу в безумца. — Тут Мадемуазель отступила, частично окутавшись пылью, — казалось, она готовится уйти со сцены прямо сквозь занавес. — Сомнительно, Хоури, что мы встретимся еще раз. Хочется пожелать тебе удачи. Но я попрошу об одном: сделай то, ради чего ты сюда прилетела. И сделай это хорошо. — Она отступила еще дальше, постепенно исчезая, — не женщина, а рисунок углем, разрываемый на куски ветром. — Теперь у тебя есть для этого все необходимое.

Мадемуазель скрылась. Хоури какое-то время выжидала, не столько собираясь с мыслями, сколько пинками сгоняя их в кучу. Затем она назвала кодовое слово, которое восстановило связь между ней и скафандром. Оружие, отметила она с огромным облегчением, функционировало, как и обещала Мадемуазель.

— Прошу извинить за вмешательство, — сказал скафандр. — Но если вы пожелаете восстановить полную видимость, то заметите, что наша компания выросла.

— Компания?

— Я только что предупредил другие скафандры. Но вы — самый близкий объект.

— Уверен, что это не Садзаки?

— Это не триумвир Садзаки. — Может, Хоури показалось, а может, скафандр и впрямь обиделся, что она сомневается в его компетентности. — Даже если будут нарушены все нормы безопасности, скафандр триумвира прибудет сюда не раньше, чем через три минуты.

— Тогда это Силвест.

К этому времени Хоури уже переключилась на рекомендованный сенсорный канал. Она увидела приближающуюся фигуру, вернее, фигуры: их было две, и они хорошо различались в пыли. «Обитаемые» скафандры шли к Хоури тем же неторопливым шагом, каким недавно уходили на поиски.

— Силвест, надеюсь, вы нас слышите, — раздался голос Вольевой. — Оставайтесь там, где находитесь. Мы запеленговали вас с трех сторон.

Мужской голос как нож вонзился в скафандр Аны через канал связи.

— Ну наконец-то. Я уж было решил, что вы оставили нас умирать.

— Не в моих правилах нарушать слово, — ответила Вольева. — И тебе это хорошо известно.

Хоури же начала готовиться к убийству Силвеста, хотя до сих пор еще не решила, совершит ли его. Она активировала систему целенаведения, взяла силуэт Силвеста в скобки, после чего выбрала наименее смертоносное оружие скафандра. Это был маломощный лазер, встроенный в шлем. Он был совсем кроха в сравнении с прочими боевыми системами и фактически предназначался для отпугивания — вынуждал потенциального противника отступать и искать себе другую цель. Но против безоружного человека, да еще на таком близком расстоянии, его будет вполне достаточно.

Силвесту предстояло мгновенно умереть в полном соответствии с пожеланием Мадемуазели.

Резко ускорившая шаг Суджик приближалась к Вольевой значительно быстрее Силвеста. Именно в это мгновение Хоури заметила некую странность. Из когтистой руки скафандра Суджик торчало нечто маленькое и поблескивающее металлом. Нечто похожее на оружие, а именно на легкий пистолет-бозер. Суджик поднимала руку спокойно, неторопливо, как это и должен делать профессионал. На мгновение Ану охватило чувство перемещенного сознания — словно она наблюдала со стороны, не из собственного тела, как сама наводит оружие, чтобы прикончить Силвеста.

Что-то тут не так!

Суджик брала на прицел Вольеву!

— Я так понимаю, что у вас есть план... — говорил Силвест.

— Илиа! — завопила Хоури. — Ложись! Она хочет...

Оружие Суджик было куда мощнее, чем казалось на первый взгляд. Полыхнул горизонтально направленный импульс. Лазерный луч пронесся мимо Хоури и ударил в Вольеву. Разнообразные датчики скафандра Аны заголосили, сообщая о

сильнейшем выбросе энергии в непосредственной близости от нее. Хоури машинально переключилась на высочайший уровень боеготовности, индексы на дисплее запрыгали, указывая, что боевые системы готовы открыть огонь без разрешения хозяйки, если скафандру будет угрожать опасность.

Скафандр Вольевой сильно пострадал. Был вырван большой кусок из груди, виднелись тесно уложенные гиподермальные слои брони и оборванные концы трубок и шлейфов.

Суджик снова прицелилась и выстрелила.

Теперь импульс проник глубже, угодив точно в рану. Раздался крик Вольевой, но он был слаб, как будто доносился издалека. Это было нечто вроде стона, причем с вопросительной интонацией. Скорее шок, чем боль.

— Это тебе за Бориса! — Голос Суджик был удивительно громок. — За твои проклятые эксперименты над ним! — Она снова навела пистолет, со спокойствием художника, готового наложить последний мазок на шедевр. — А это — за его смерть от твоей руки!

— Суджик! Не надо! — кричала Хоури.

Стрелявшая не обернулась в ее сторону.

— Почему не надо, Хоури? Разве я не говорила, что точу на нее зуб?

— Через минуту-другую здесь будет Садзаки!

— Ты что, думаешь, я этого не учла?— Суджик фыркнула. — Я не дам набить из себя чучело только за то, что отомстила этой старой ведьме. Она того не стоит. Все будет выглядеть так, будто ее пристрелил Силвест!

— Я не позволю убить ее!

— Не позволишь? Смешно. А как ты собираешься остановить меня? Я что-то не помню, чтобы она дала тебе контроль над вооружением скафандра, и сомневаюсь, что способна сделать это сейчас.

Насчет второго Суджик была права: скафандр Вольевой утратил целостность. Возможно, она сама была ранена, причем серьезно. Но ее стонов Ана не слышала. Если Вольева и издавала какие-нибудь звуки, скафандр был слишком сильно поврежден, чтобы их усилить.

Суджик опять навела бозер, на сей раз целясь ниже:

— Один выстрел, Вольева, и тебе конец, а затем я подброшу пистолет Силвесту. Он, разумеется, будет все отрицать, но свидетелем у меня Хоури, а она вряд ли подтвердит его версию. Я же права, скажи, Ана? Ведь я тебе услугу оказываю. Ты бы убила эту суку сама, будь у тебя такая возможность.

— Вот тут ты ошиблась. Причем дважды.

— Что?

— Я не могу ее убить, что бы она ни натворила. — Хоури сделала кратчайшую — в долю секунды — паузу, чтобы нацелить лазер. — Зато я могу убить тебя. Прощай, Суджик. Не скажу, что мне приятно это делать.

Она выстрелила.

Когда через несколько минут прибыл Садзаки, от Суджик уже не оставалось ничего, что заслуживало бы погребения.

Конечно же, скафандр Суджик пытался дать сдачи, перейдя на высший уровень защиты. Он бросал заряды плазмы с направляющих, которые отрастил по обеим сторонам шлема. Однако скафандр Хоури, ожидая чего-то в этом роде, тоже успел перестроиться. Мало того что изменил текстуру внешней оболочки и пустил по ней плазмоотражающий электрический ток — он повысил режим агрессии, отказавшись от детских игрушек вроде излучателей плазмы и элементарных частиц и задействовав куда более эффективные пульсаторы, выпускающие нанодробинки из антилитиевого резервуара. Каждая дробинка была заключена в оболочку из обычной материи и разгонялась до скорости, составлявшей значительную часть световой.

У Хоури не было времени даже перевести дух. После того как скафандр получил команду на применение оружия, все остальное он делал сам.

— У нас возникли... кое-какие затруднения, — сказала она, когда с неба спустился триумвир.

— Ну, ты уж скажешь, — хмыкнул тот, оглядывая поле боя: израненный скафандр с Вольевой внутри, раскиданные повсюду радиоактивные ошметки Суджик, а в центре всего этого — не тронутые взрывом, но слишком ошеломленные, чтобы говорить или бежать, Силвест и его жена.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Точка рандеву, Ресургем, год 2566-й

Силвест мысленно многократно репетировал эту встречу.

Он старался предусмотреть все возможные пути развития событий. Даже те, которые, будучи основаны на его собственном понимании ситуации, представлялись фантастическими. Но того, что случилось на самом деле, он не мог предвидеть, и по очень простой причине. Даже когда произошло то, что произошло, он так и не смог разобраться в ситуации.

— Возможно, вас утешит, — сказал Садзаки, перекрывая вой ветра с помощью усилителей, расположенных в шлеме его чудовищного скафандра, — если я скажу, что тоже почти ничего не вижу.

— Я просто счастлив это слышать, — ответил Силвест, пользуясь тем же каналом связи, по которому он вел переговоры с экипажем «Ностальгии по бесконечности». Его представители стояли сейчас в двух шагах от Силвеста, но перекрикивать бритвенную бурю — неблагодарное занятие. — Можете считать меня наивным, но в таких ситуациях я мечтаю, чтобы вы, Садзаки, взяли дело в свои руки со свойственной вам жестокой эффективностью. А пока вы, как мне кажется, тянете резину.

— Мне это нравится не больше, чем вам, — ответил ультра. — Но советую поверить — и это в ваших же интересах, — что все уже находится под контролем. А сейчас я должен уделить внимание моей раненой коллеге. Вам же настоятельно рекомендую воздержаться от любых идиотских поступков. Признайтесь, Дэн, подобные мысли приходили вам в голову?

— Вы слишком хорошо меня знаете.

— В том-то и проблема. Впрочем, что толку поминать старое.

— Пожалуй, никакого.

Садзаки направился к Вольевой. Силвест понял, что имеет дело с триумвиром Юдзи Садзаки, еще до того, как тот заговорил. Едва его скафандр вынырнул из бури, визор обрел прозрачность и за ним появилось слишком хорошо знакомое Силвес-

ту лицо. Садзаки угрюмо всматривался в сцену побоища. Хотя в это трудно было поверить, но со времени последней встречи триумвир почти не изменился. Неудивительно, ведь для него миновало всего лишь несколько лет субъективного времени. Силвест же за это время прожил столько, что человеку прошлого хватило бы на две-три жизни.

Момент был поистине захватывающий.

Личность двух других членов экипажа Силвесту установить не удалось. Не говоря уже о третьем — но тот переступил черту, за которой шансы свести с ним знакомство были нулевыми. Из тех двух, которые не были мертвы, один, похоже, собирался отправиться следом за покойником. Он-то и получал сейчас помощь от Садзаки. Второй, уцелевший, в ошеломленном молчании стоял чуть в стороне. Странно, но этот невредимый член команды почему-то держал под прицелом Силвеста, хотя тот был безоружен и не имел никакого желания оказывать сопротивление.

— Она выживет, — сообщил Садзаки, после того как его скафандр в течение минуты пообщался со скафандром раненой. — Но нам нужно незамедлительно перебраться на корабль. А уж тогда будем выяснять, что тут произошло.

— Это была Суджик, — произнес незнакомый Силвесту женский голос. — Суджик пыталась убить Вольеву.

Значит, раненая — ее сучье величество триумвир Илиа Вольева!

— Суджик?! — воскликнул Садзаки. На миг это имя повисло в воздухе, и показалось, что Садзаки не мог или не хотел поверить услышанному от этой третьей, пока безымянной женщины. Но затем ветер снова злобно накинулся на них, и триумвир заговорил, и теперь в его голосе сквозило понимание. — Суджик. Да. В этом есть смысл.

— Похоже, она хотела...

— Потом расскажешь, Хоури, — оборвал Садзаки. — У нас будет много времени. И разумеется, твоя роль в этом инциденте тоже должна быть объяснена досконально. Но все надо делать по порядку. — Он кивнул на Вольеву. — Скафандр обеспечит ей жизнь еще несколько часов, но на корабль не доставит.

— Правильно ли я понимаю, — спросил Силвест, — что вы позаботились о том, как забрать нас отсюда?

— Один маленький совет, Дэн, — отозвался Садзаки. — Не следует меня раздражать. Нам стоило серьезных трудов организовать эту встречу, и все же не думайте, будто я не способен прикончить вас хотя бы ради удовольствия.

Силвест ожидал от Садзаки чего-то подобного. Он бы даже встревожился, если бы триумвир воздержался от угроз. Но принимать их всерьез Силвест не собирался. Чтобы разыскать его, эти люди проделали далекий путь — от Йеллоустона, а то и дальше, — и потратили на это годы. Нетрудно догадаться, сколь высоко они ценят жизнь своего пленника.

— До чего же вы любезны! — Всю неискренность, какую только удалось в себе найти, Силвест вложил в свой голос. — Но вы, как человек науки, должны уважать мою тягу к экспериментам. В частности, мне хочется проверить на прочность ваше терпение.

Он выпростал из-под ветровки руку в перчатке, держа что-то двумя пальцами. Силвест допускал, что скафандры ультра могут принять это за оружие и открыть огонь, но считал риск оправданным. Достал он не пистолет, а небольшую карту квантовой памяти.

— Видите? — спросил он. — Я это захватил по вашей просьбе. Бета-запись личности Кэлвина. Я не ошибаюсь, она вам нужна? И очень нужна?

Садзаки смотрел на него в упор, не произнося ни слова.

— Так вот, хрен вам, — спокойно произнес Силвест, давя карту в пальцах и глядя, как ветер уносит пыль.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Орбита Ресургема, год 2566-й

Скафандры взлетели с Ресургема — словно копья пронзили ясное небо над черной песчаной бурей. Потом над головой Силвеста появилось нечто очень маленькое поначалу, заметное лишь в те мгновения, когда заслоняло собой звезды. Оно было похоже на уголек, который непрерывно увеличивался в объеме, пока его коническая форма не стала вполне разли-

чимой; то, что еще недавно было легким мазком тьмы, обрело хорошо различимые детали в отраженном свете планеты. Субсветовик рос, он уже занял чуть ли не полнеба и все продолжал увеличиваться.

Корабль мало изменился с тех пор, как Силвест побывал на его борту в последний раз. Силвест знал (не испытывая, впрочем, благоговения), что такие корабли постоянно себя перестраивают; правда, это касается преимущественно внутренних помещений. Переделки корпуса тоже случаются, но реже — раз или два в столетие. В какой-то момент Силвест даже засомневался, обладает ли нужными ему возможностями корабль, но вспомнил о том, что случилось с Фениксом. Сказать по правде, забыть такое было бы трудно, поскольку следы выстрела хорошо виднелись сверху: серый пышный лотос, распустившийся на лике Ресургема.

В темном корпусе корабля открылся люк. Он показался Силвесту слишком маленьким, чтобы принять хоть один скафандр, не говоря уже о пяти, но по приближении стало очевидно, что люк имеет в ширину несколько десятков метров, а следовательно, все скафандры легко пройдут разом. Силвест, его жена, двое ультра с корабля, один из которых держал на руках раненую Вольеву, — все они вошли в корабельное чрево, и люк захлопнулся за ними.

Садзаки привел их в складское помещение, где они избавились от скафандров и вдохнули корабельный воздух, имевший особый малоприятный привкус, который напомнил Силвесту о его первом визите на борт. Он и забыл, как тут воняет.

— Ждите здесь, — велел Садзаки, и скафандры тут же занялись самоочисткой, а затем прислонились к стене. — Я должен посмотреть, что с моей коллегой.

Он встал на колени и завозился с броней Вольевой. У Силвеста возник соблазн сказать ему, что не стоит тратить слишком много на помощь другому триумвиру, но мысль не показалась удачной. Он и без того успел поиграть у Садзаки на нервах, когда раздавил карту с записью сознания Кэлвина.

— Что же все-таки произошло внизу?

— Не знаю, — ответил Садзаки со свойственной ему прямотой. Как и все по-настоящему умные люди, которые встре-

чались Силвесту, этот ультра никогда не притворялся, будто ему понятно непонятное. — И в данный момент это не имеет никакого значения. — Он считывал показания скафандра Вольевой. — Ее ранения хотя и серьезны, но, похоже, не смертельны. Довольно скоро она будет совершенно здорова. Кроме того, у меня есть вы. Все остальное — мелочи. — Затем он повернулся к другой женщине, которая тоже сняла скафандр. — И все-таки, Хоури, кое-что меня беспокоит.

— Что именно? — спросила она.

— Не скажу... пока. — Он взглянул на Силвеста. — Ну а что касается того фокуса с записью... не надейтесь, что он произвел на меня хоть малейшее впечатление.

— Да? Это печально. Как вы теперь собираетесь чинить своего капитана?

— Конечно с помощью Кэлвина. Разве вы забыли, что в прошлый раз я сделал резервное копирование всей процедуры? Допускаю, запись могла состариться, но медицинские эпизоды сохранились полностью.

Хороший блеф, подумал Силвест. Но это все-таки блеф. Впрочем, какая-то запись, наверное, все же существует — обрывки, копии. Иначе он нипочем не дал бы мне уничтожить карту.

— Кстати, еще вопрос... Неужели капитан так сильно болен, что даже не смог встретиться со мной?

— Всему свое время, — ответил Садзаки.

Садзаки и женщина удалили горелые лохмотья со скафандра Вольевой. Этот процесс удивительно напоминал снятие панциря с краба. Наконец Садзаки что-то пробормотал женщине, и та бросила работу. Видимо, было решено, что дело слишком тонкое, чтобы заниматься им на складе.

В эту минуту бесшумно вошли три робота. Двое подхватили Вольеву и унесли ее, сопровождаемые Садзаки и женщиной. Силвест ее в прошлый раз на борту не видел, но сложилось впечатление, что она занимает не слишком высокое место в иерархии экипажа. Третий робот уселся на пол и мрачно уставился на Паскаль и Силвеста своим единственным окуляром.

— Садзаки даже не велел снять маску и очки, — сказал Силвест. — Как будто ему наплевать, что я у него в руках.

Паскаль кивнула. Она ощупывала свою одежду — должно быть, хотела убедиться, что гель-воздух не оставил на ней жирных и клейких пятен.

— Что бы там внизу ни случилось, это явно нарушило планы Садзаки. Иначе, надо думать, он проявил бы больше радости.

— Нет, Садзаки не таков. Выказывать эмоции — не его стиль. Но я все же думал, что он позволит себе позлорадствовать минуту-другую.

— Может, из-за того, что ты уничтожил запись...

— Да, это должно было его потрясти. — Говоря, Силвест прекрасно понимал, что разговор прослушивается. — Вполне возможно, что в копии, которую Садзаки сделал с записи Кэла, сохранились функционирующие фрагменты, несмотря на естественное ветшание, но никакого каналирования, разумеется, она не обеспечит, даже при условии стопроцентной конгруэнтности сима и реципиента.

Силвест нашел пару ящиков и передвинул их, чтобы использовать вместо стульев.

— Я уверен, что Садзаки уже пытался наложить сим на тело какого-нибудь бедняги.

— И потерпел неудачу?

— Да, и, скорее всего, с очень тяжелыми последствиями. Теперь он, надо полагать, думает, что я смогу работать с этой испорченной копией без каналирования, просто полагаясь на свое знание инстинктов и методологии Кэла.

Паскаль кивнула. Она была достаточно сообразительна, чтобы не задать напрашивающийся вопрос: что предпримет Садзаки, когда поймет, что сделанная им копия бесполезна? Вместо этого она спросила:

— А как ты думаешь, что произошло внизу?

— Не знаю. Похоже, Садзаки сказал правду: он тоже не понимает. Совершенно ясно, что в его планы это не входило. Может, борьба за власть внутри команды? А на планете — потому, что на борту у бунтовщиков не было шанса на победу?

Хотя идея казалась дикой, ничего другого он пока предложить не мог. Слишком давно, даже по местной шкале времени, он был здесь в последний раз, чтобы сейчас полагаться на свое обычно непогрешимое аналитическое мышление.

Придется действовать очень осторожно, пока он не определит соотношение сил внутри нынешней команды. Конечно, если ему дадут такую роскошь, как время.

Паскаль опустилась на колени около мужа. Оба уже успели снять маски, но только Паскаль сняла очки.

— Мы в опасности? Если этот Садзаки решит, что не может тебя использовать...

— То он вернет нас целыми и невредимыми на Ресургем. — Силвест взял Паскаль за руки.

Вокруг рядами стояли громадные пустые скафандры, и выглядело это жутко — как будто Силвест с женой незваные гости в египетской гробнице, среди мумий.

— Садзаки никогда не сможет отказаться от мысли, что я способен пригодиться ему в будущем.

— Надеюсь, это так... Ты ведь очень сильно рискуешь. — Паскаль глядела на него с незнакомым выражением тихой, спокойной тревоги. — Не только своей жизнью, но и моей.

— Садзаки мне не начальник. Необходимо было напомнить ему об этом. Чтобы понял: хоть он и умен, я всегда буду на шаг впереди.

— Может, у него и нет копии сознания Кэлвина, но зато есть ты. А значит, он хозяин положения.

Силвест улыбнулся и дал ответ — правдивый по сути, а по форме именно такой, какого ждал Садзаки:

— Но это не то положение, которое будет подчиняться любому хозяину.

Садзаки и женщина вернулись примерно через час в компании с огромным химериком. Силвест с трудом узнал триумвира Хегази. Типичный представитель своей субкультуры, тот был почти так же кибернизован, как капитан. И за прошедшие годы Хегази еще глубже похоронил свою человеческую сущность под слоем механических приспособлений, а различные протезы заменил новыми, более элегантными. В частности,

он приобрел современный энтоптический антураж, который, реагируя на движения тела, создавал каскад радужных иллюзий; они возникали на долю секунды и растворялись в воздухе.

В отличие от него, Садзаки носил непритязательный корабельный костюм, лишенный украшений и знаков различия, но подчеркивавший изящество его телосложения. Впрочем, Силвест был достаточно умен, чтобы не судить о человеке по таким признакам, как рост, упитанность или отсутствие видимых боевых протезов. Несомненно, под кожей Садзаки тоже скрывались машины, придавая ему нечеловеческую быстроту движений и силу. Он был не менее опасен, чем Хегази, и мог двигаться вдвое быстрее его. Об этом Силвест знал.

— Не могу сказать, триумвир, что я в самом деле рад вас видеть, — обратился он к Хегази, — но, признаться, вы удивили меня тем, что до сих пор не развалились под тяжестью своих протезов.

— Пожалуй, тебе следует принять это как комплимент, — сказал Садзаки второму триумвиру. — Вряд ли можно услышать от Силвеста что-нибудь более лестное.

Хегази погладил пальцами усы, которые он отращивал, несмотря на то что на черепе практически не оставалось непротезированного места.

— Посмотрим, как он будет шутить, когда ты покажешь ему капитана. Думаю, это зрелище быстренько сотрет ухмылку с его физиономии.

— Еще как сотрет, — кивнул Садзаки. — Кстати, о физиономиях. Дэн, вы не откажетесь показать свою? — Садзаки как бы случайно дотронулся до пистолета на поясе.

— Охотно, — ответил Силвест.

Он поднял руку и сорвал очки. Позволяя им соскользнуть на пол, наблюдал за лицами людей, которые взяли его в плен. Они впервые увидели, что случилось с глазами Силвеста. Может, и слышали что-то, но шок от зрелища был сильнейшим. То, что «на коленке» состряпал Кэлвин, никак не тянуло на чудо дизайна. Он не усовершенствовал зрение сына, а всего лишь дал ему убогую замену: никакой эстетики, только грубая функциональность. Если нужен пример для сравнения, его

можно найти в древнем учебнике по хирургии: это деревянная нога.

— Вы, конечно, в курсе, что я лишился зрения? — спросил Силвест, переводя взгляд с одного на другого. — На Ресургеме это всем известно.

— Какое у ваших глаз разрешение? — спросил Хегази с искренним интересом. — Их трудно назвать произведением искусства, но готов поспорить: вы видите весь электромагнитный спектр, от инфракрасного до ультрафиолетового. А есть акустическая картинка? А электронное увеличение?

Прежде чем ответить, Силвест упер в Хегази долгий и мрачный взгляд.

— Триумвир, я вам только одно скажу: при обычном освещении и с небольшого расстояния я могу узнать свою жену.

— Неплохо... — Хегази продолжал как зачарованный пялиться на пленника.

Силвеста и Паскаль повели вглубь корабля. В прошлый раз его проводили прямо в лазарет. Тогда капитан еще мог худобедно передвигаться на малые расстояния. Но сейчас Силвест пересекал отсеки, где ему все было незнакомо. Это, конечно, вовсе не обязательно означало, что они находятся далеко от медчасти, — корабль по сложности не уступал небольшому городу, и запомнить все его «улицы» и «переулки» было очень трудно даже тому, кто провел на его борту добрый месяц. И все-таки Силвест чувствовал, что находится на совершенно неизвестной ему территории, что он идет по тем участкам корабля — Садзаки и его товарищи называли их уровнями, — которых ему раньше не показывали. Если не подводила память, то лифт сейчас уносил его от узкого носа корабля вниз, туда, где конический корпус расширялся до максимума.

— Незначительные технические дефекты ваших глаз меня не волнуют, — сказал Садзаки. — Мы можем их легко выправить.

— Без работающей версии Кэлвина? Я так не думаю.

— Тогда просто вырвем глаза и поставим что-нибудь получше.

— Я бы не советовал. В отсутствие Кэлвина толку от этого не будет.

Садзаки что-то пробормотал себе под нос. Лифт остановился.

— Значит, вы не верите, что у нас есть исправная копия? Что ж, вы правы. У нашей копии огромные недостатки. Она стала совершенно бесполезной задолго до того, как мы попробовали к ней обратиться.

— С софтом такое иногда случается.

— Да... Наверное, в конце концов я все-таки убью вас. — Садзаки плавным движением достал пистолет из кобуры, дав Силвесту заметить бронзовую змейку, обвивающую ствол.

Система была неизвестна тому — то ли пулевое оружие, то ли лучевое, — но не могло быть сомнений, что на таком расстоянии выстрел окажется смертельным.

— Сейчас вы меня убивать не станете. Я вам не для этого нужен здесь, если учесть, сколько труда вы потратили на поиски.

Палец Садзаки застыл на спусковом крючке.

— Дэн, вы недооцениваете мою привычку действовать по вдохновению. Я могу убить вас просто потому, что это было бы идиотизмом космических масштабов.

— Тогда придется искать другого врача для вашего капитана.

— И что же я потеряю?

Зеленый огонек под нижней челюстью змейки сменился красным, палец Садзаки побелел.

— Подождите, — сказал Силвест. — Не надо меня убивать. Неужели вы поверили, что я разбил единственную в мире копию сознания Кэла?

Садзаки не сумел скрыть облегчения:

— Есть и другая?

— Да. — Силвест кивнул на жену. — И она знает, где ее искать. Знаешь ведь, Паскаль?

Несколькими часами позже Кэл сказал:

— Я всегда знал, сын, что ты хладнокровный и расчетливый подонок.

Они находились возле капитана. Садзаки увел было Паскаль, но теперь она вернулась вместе с другими членами коман-

ды, которых Силвест знал. И с призраком, которого он надеялся никогда больше не увидеть.

— Бесчувственное... подлое... ничтожество... — Призрак говорил спокойно, как плохой актер, механически, без эмоций произносящий свою роль. — Безмозглая крыса!

— От ничтожества к крысе? — хмыкнул Силвест. — Похоже, я быстро расту в твоих глазах?

— Не льсти себе, сынок, — оскалился Кэлвин, наклоняясь в кресле вперед. — Думаешь, ты такой великий умник? Ошибаешься. Сейчас я держу тебя за яйца, если предположить, что они у тебя есть. Эти люди сказали мне, что ты наделал. И ради чего? Чтобы создать видимость, будто ты разрушил их планы. — Он возвел глаза к потолку. — Какая жалкая причина для отцеубийства! Я еще мог бы оправдать тебя, если бы ты укокошил меня по каким-то высшим соображениям! Но нет! Ты на такое благородство просто не способен! Сказать, что ты меня разочаровал, — значило бы признать, что я ждал от тебя чего-то значительного! Но ведь этого не было никогда.

— Если бы я действительно убил тебя, — проговорил Силвест, — наш разговор создал бы ряд онтологических проблем. Кроме того, я всегда знал о существовании еще одного экземпляра своего папаши.

— Но ты убил одну из моих личностей!

— Сожалею, Кэл, но ты допускаешь категориальную ошибку. Ты же всего-навсего программа. Быть скопированным или стертым — для тебя по определению нормально. — Силвест уже готовился к новым возражениям Кэла, но тот почему-то молчал. — И я сделал это не ради разрушения планов Садзаки. Мне было необходимо... его сотрудничество, как и ему — мое.

— Мое сотрудничество? — сощурил глаза триумвир.

— Мы еще дойдем до этого. А пока я скажу вот что: уничтожая копию, я знал, что существует дубликат, и вы меня заставите предъявить его или сообщить, где он находится.

— Значит, вы совершили бессмысленный поступок?

— Ни в коем случае, Юдзи-сан. Какое-то время я наслаждался, видя, как вы считаете ваш план сорванным. Риск стоил того, чтобы заглянуть в вашу душу. Признаться, не самое приятное зрелище.

— Как ты узнал, что меня скопировали? — спросил Кэл.

— Я думала, что его скопировать нельзя, — сказала женщина, которую Силвесту и Кэлу представили как Хоури. Она была миниатюрна и похожа на лису, и ей, наверное, нельзя было доверять полностью, как и Садзаки. — Я думала, существуют способы защиты от копирования — спойлеры и тому подобная дрянь...

— Это касается только альфа-копий, милочка, — объяснил Кэлвин. — Уж не знаю, к добру или к худу, но альфой я не являюсь. Всего лишь бета, причем не самого лучшего качества. И не важно, что я могу пройти все тесты Тьюринга, главное, что с философской точки зрения сознанием я не обладаю. А стало быть, у меня и души нет. И по этой причине не возникнет никаких этических проблем, если моих личностей будет больше чем одна. Однако... — Он с шумом перевел дыхание, заполнив таким образом тишину, которую иначе мог бы заполнить своими высказываниями кто-нибудь другой. — Не верю я больше в эту нейрокогнитивную чушь. Я не могу говорить за свою альфа-личность, поскольку эта запись исчезла два века назад, но я по каким-то причинам обладаю сознанием! Не знаю, может, на такое способны все беты, а может, я один, благодаря сложности своего интеллекта, набравшей критическую массу. Не знаю. Я знаю только, что мыслю, а потому дико злюсь.

Все это Силвест слышал далеко не в первый раз.

— Кэл — запись сознания на бета-уровне, соответствующая стандарту Тьюринга. Им, бетам, просто положено высказываться в таком ключе. Если бы они не претендовали на наличие сознания, то автоматически не попадали бы в этот стандарт. Но это совершенно не означает, что высказывания Кэла, вернее, произносимые им звуки имеют под собой прочный фундамент разума.

— Я могу те же самые доводы применить к тебе, мой дражайший сын, — возразил Кэлвин. — И вот куда это нас приведет: поскольку о судьбе альфа-записи нет даже предположений, приходится допустить, что я — это все, что от меня осталось. Далее. Может, тебе это трудно понять, но один лишь факт, что я являюсь чем-то драгоценным и уникальным, заставляет

меня решительнейшим образом возражать против снятия с меня копий кем бы то ни было. Каждый акт копирования принижает мое значение. Меня как бы ставят на ту же полку, что и любой товар, который производят, дублируют и уничтожают, если он случайно не соответствует чьим-то представлениям о полезности. — Кэл помолчал. — Итак, хоть я и не утверждаю, что не приму мер к повышению моей способности выживать, я добровольно не дам согласия на копирование.

— Но ты же дал его. Ты разрешил Паскаль переписать тебя в «Нисшествие во тьму»!

Она сделала это очень осторожно, и на протяжении нескольких лет Силвест даже не подозревал о существовании записи. Он сам позволил ей общаться с Кэлвином, чтобы облегчить подготовку своей биографии. В обмен на это она добилась для него разрешения вернуться к любимым амарантийцам и к переписке со значительно сузившимся кругом сторонников.

— Это была его идея, — оправдывалась Паскаль.

— Да... это я должен признать. — Кэл набрал в легкие воздуха, что создало впечатление, будто он готовится к длительному выступлению, несмотря на то что запись Кэлвина «думала» куда быстрее человека. — Времена были опасные, не хуже теперешних, конечно, как я понял после пробуждения, но тоже весьма тяжелые. Мне показалось заманчивым сохранить хоть часть себя на случай уничтожения оригинала. Я думал не о копии, а скорее об очертаниях, абрисе. Пожалуй, даже не о думающей машине в представлении Тьюринга.

— И что же заставило тебя переменить свое решение? — спросил Силвест.

— Проработав над твоей биографией несколько месяцев, Паскаль начала вкраплять в нее фрагменты моей личности. Это были совсем незначительные отрывки. Но однажды она скопировала достаточно большой кусок оригинала, чтобы он вступил во взаимодействие с ранее переписанными частями. И в какой-то момент их, а точнее, меня перестала привлекать идея кибернетического самоубийства ради того, чтобы доказать свою правоту. Фактически в процессе копирования я по-

чувствовал себя живым — даже более собой, чем раньше. — Кэл пожаловал аудиторию улыбкой. — Конечно, я понял, в чем тут дело. Паскаль скопировала меня в чрезвычайно мощный компьютер — информационно-вычислительный центр правительства в Кювье, где тогда набиралось «Нисшествие». И к этому центру было подключено куда больше архивов и сетей, чем мне позволил использовать ты в Мантеле. Я получил пищу для своего могучего интеллекта. — Кэл спокойно выдержал взгляды окружающих, а затем мягко добавил: — Это была шутка, если кто не понял.

— Копии биографии продавались свободно, — сказала Паскаль. — Одну из них добыл Садзаки, даже не понимая, что она содержит в себе модель Кэлвина. А как ты узнал, что он там? — Она посмотрела на Силвеста. — Подсказала скопированная версия Кэла?

— Нет, и я сомневаюсь, что он захотел бы сказать, будь у него такая возможность. Я просто вычислил. Биография получилась слишком большой для того объема материала, который мы подобрали. А точнее, на пятнадцать процентов больше. Ты поступила очень умно, закодировав Кэла среди самых незначительных файлов, но его там оказалось слишком много, чтобы можно было легко скрыть. Какое-то время я подозревал, что там прячется целый пласт нюансов моей жизни, — думал, ты их припрятала для тех, кто проявит настойчивость в поисках. Однако в конце концов я понял: избыточной емкости вполне достаточно, чтобы вместить копию Кэла. Тогда все встало на свои места. Конечно, полной уверенности не было... — Он поглядел на модель Кэла. — Хочешь сказать, ты и есть настоящий Кэл, а то, что я уничтожил, — всего лишь копия?

Кэл поднял ладонь с подлокотника, как бы призывая к окончанию диспута:

— Нет, я вовсе не намерен так упрощать. Как ни крути, что представляла собой эта копия, если не мою личность? Но то, чем я был тогда, пока ты не уничтожил карту, — всего лишь тень того, что я есть сейчас. Давай считать: то был мой мистический двойник, — и покончим на этом.

— Так... — Силвест шагнул вперед, постукивая ногтем по зубам. — Выходит, я тебя вовсе не убивал?

— Не убивал, — ответил Кэлвин с обманчивым миролюбием. — Но мог убить, и это главное. А потому, мой дорогой, боюсь, в истории ты останешься грязным подонком и отцеубийцей.

— До чего же трогательно! — прокомментировал Хегази. — Больше всего на свете я ценю доброе семейное согласие.

Они отправились к капитану. Хоури уже бывала здесь, но так и не успела привыкнуть к обстановке, а потому нервничала. Ана понимала, что зараженная материя еле сдерживается холодом, обволакивающим капитана.

— Кажется, я знаю, чего вы от меня хотите, — сказал Силвест.

— Разве это не очевидно? — взглянул на него Садзаки. — Мы на такие хлопоты пошли — неужели только для того, чтобы спросить, как вы поживаете?

— От вас всего можно ожидать, — парировал Силвест. — Ваше поведение и раньше не всегда казалось мне нормальным, так с какой стати ему меняться сейчас? А кроме того, не будем обманывать друг друга и утверждать, что внизу произошло именно то, что и должно было произойти.

— Что вы хотите этим сказать? — вспыхнула Хоури.

— Пожалуйста, не притворяйтесь, будто не поняли.

— Не поняла чего?

— Что на самом деле ничего не было. — Силвест уставился на нее провалами глазниц; это больше походило на работу бездумного сторожевого сканера, чем на проявление человеческого любопытства. — Хотя, возможно, вы и правда ничего не поняли. Кстати, вы кто?

— У вас еще будет время задать любые вопросы, — вмешался Хегази, который нервничал все больше, так как капитан был уже совсем рядом.

— Нет, — буркнула Хоури. — Я хочу знать. Что вы подразумеваете под этим «ничего не было»?

Силвест ответил медленно и спокойно:

— Я говорил о поселке, который Вольева стерла с лица земли.

Хоури сделала несколько шагов вперед и загородила дорогу процессии:

— А ну-ка, поподробнее!

— Это может и подождать, — вмешался Садзаки, тоже выходя вперед и сталкивая с дороги Хоури. — Тебе еще самой придется объяснить твою роль в происходящем, да так, чтобы это объяснение меня удовлетворило. — Триумвир уже давно поглядывал на Хоури косо, убежденный, что две смерти в ее присутствии не могут быть простым совпадением.

Вольева лежала сейчас без сознания, а Мадемуазель исчезла, и некому было защитить Хоури. Как на собственные подозрения отреагирует Садзаки и какие меры примет для дознания — долго ждать ответов на эти вопросы не придется.

За нее ответил Силвест:

— Зачем ждать? Думаю, нам всем не мешало бы разобраться в ситуации. Садзаки, вы побывали на Ресургеме не для того, чтобы добыть экземпляр моей биографии. Вы не знали, что «Нисшествие» содержит копию сознания Кэла, пока я вам об этом не сказал. Просто прихватили, сочтя, что она может пригодиться на переговорах со мной. Так какова же была настоящая цель высадки?

— Разведка, — осторожно ответил Садзаки.

— Не только. Вы действительно отправились собирать сведения. Но еще вы должны были внедрить свою информацию.

— О Фениксе? — спросила Хоури.

— Не просто о Фениксе. Этого Феникса не существовало, и его предстояло создать. — Силвест позволил себе актерскую паузу, затем продолжил: — Это был рукотворный фантом. Он отсутствовал на старых картах, которые хранились в Мантеле, но, когда мы обновили их по свежим материалам, поступившим из Кювье, Феникс возник. Мы решили, что это совсем новый поселок. Каюсь, я дал маху — можно было догадаться сразу. Мы не допускали и мысли, что оригиналы карт могут быть подчищены.

— Двойная глупость, — согласился Садзаки. — Если бы вы догадались насчет Феникса, получили бы возможность выяснить, где нахожусь я.

— Мне даже в голову не пришло...

— И я нисколько об этом не жалею, — перебил Садзаки. — Иначе наш сегодняшний разговор мог бы и не состояться. Впрочем, мы прибегли бы к другим средствам, чтобы заполучить вас.

Силвест кивнул:

— Полагаю, что логичным следующим шагом было бы уничтожение более крупного населенного пункта, тоже фиктивного. Но сильно сомневаюсь, что трюк удался бы вам дважды. Свербит неприятная мыслишка: во второй раз вы бы подорвали что-то более реальное.

Холод казался твердым как сталь — тысячи острых крючков скребли кожу, угрожая проникнуть вглубь, дойти до кости. Но он перестал восприниматься, когда люди оказались во владениях капитана, поскольку тамошняя стужа была несравнимо сильнее.

— Он болен, — сказал Садзаки. — Разновидность плавящей чумы. Слыхали о ней?

— До нас доходили кое-какие вести из Йеллоустона, — ответил Силвест, ни разу пока не взглянувший на капитана. — Насколько они правдивы, не берусь судить.

— Нам не справиться с болезнью, — тихо проговорил Хегази. — Мы только затормозили ее развитие посредством глубокой заморозки. Она, вернее сказать, он, вирус, постепенно распространяется, поглощая массу корабля и преобразуя ее в собственную ткань.

— Значит, капитан еще жив, по крайней мере, с биологической точки зрения?

Садзаки кивнул:

— Конечно. Впрочем, ни один организм нельзя назвать живым при такой температуре. Но если согреть капитана... какие-то его фрагменты могут возобновить функционирование.

— Как-то это не вселяет больших надежд.

— Вы здесь для того, чтобы лечить Бреннигена, а не сомнения высказывать.

Капитан больше всего напоминал статую с серебристыми щупальцами; они тянулись на десятки метров, завораживая зловещей биохимерической красотой. Криокапсула в центре

промороженного отсека номинально функционировала — благодаря то ли заложенной в нее конструкторами сверхнадежности, то ли какому-то чуду. Но от ее симметрии ничего не осталось — корпус был измят и местами разорван медленной, как ползущий ледник, и такой же неудержимой силой. Увеличиваясь в объеме, тело капитана сокрушило бóльшую часть приборов жизнеобеспечения и контроля; исчезли и окружавшие капсулу энтоптики. Уцелевшие датчики в основном показывали чепуху — бессмысленные письмена маразматичных машин.

Хоури нисколько не огорчил выход энтоптиков из строя. Ей казалось, что иначе иллюзии тоже претерпели бы жуткие деформации. Хороводы изуродованных серафимов и искалеченных херувимов только подчеркивали бы тяжесть болезни капитана.

— Вам нужен не врач, а священник, — сказал Силвест.

— А Кэлвин говорит иначе, — ответил Садзаки. — Ему не терпится взяться за работу.

— Тогда копия, сделанная в Кювье, просто сошла с ума. Ваш капитан не болен. Он даже не мертв, поскольку того, что было когда-то живым, уже не осталось.

— Тем не менее вы нам поможете, — заявил Садзаки. — У вас будут ассистенты. Скоро поправится Илиа. Она считает, что ей удалось получить перспективное средство от чумы — новый ретровирус. На небольших срезах ткани он проявил себя хорошо. Но Вольева оружейник, а испытывать ретровирус на капитане — задача для медика. Зато она предоставит вам все необходимые инструменты.

Силвест улыбнулся, глядя на Садзаки:

— Уверен, вы уже обсудили это с Кэлвином.

— Скажем так: его известили. Он готов попытаться, допускает эффективность ретровируса. Вам от этого легче?

— Я преклоняюсь перед мудростью Кэлвина, — ответил Силвест. — Он врач не чета мне. Но прежде, чем мы предпримем какие бы то ни было действия, надо договориться об условиях.

— Условий не будет, — твердо сказал Садзаки. — Смиритесь с этим. Не надейтесь, что мы забудем о возможности влиять на вас через Паскаль.

— Не советую даже пытаться — вы очень сильно пожалеете.

Хоури что-то кольнуло. Уже несколько раз у нее возникало подозрение: дело нечисто. То же самое, должно быть, испытывали и другие, хотя на их лицах ничего нельзя было прочесть. Слишком уж самоуверенно держался Силвест. Да, причина именно в этом. Так не должен вести себя тот, кого похитили и принуждают к весьма неприятному занятию. А он нахален, будто у него полный рукав козырей.

— Я вылечу вашего несчастного капитана, — сказал Силвест. — В крайнем случае докажу, что этого сделать нельзя. Но взамен вы мне окажете небольшую услугу.

— Извините, — вмешался Хегази. — Но когда торг идет с позиций слабости, услуг не просят.

— А кто говорит о слабости? — Силвест опять улыбнулся, на этот раз с откровенной злостью и с чем-то еще, опасно похожим на радость. — Перед тем как я покинул Мантель, тюремщики сделали мне последнее маленькое одолжение. Едва ли они считали себя чем-то обязанными, но ведь речь шла о пустяке. И этот пустяк давал возможность подложить вам свинью, что весьма импонировало этим людям. Они расставались со мной насовсем — но не понимали, почему должны дать вам именно то, что вы хотите получить.

— Мне все это не очень нравится, — сказал Хегази.

— Поверьте, вам это понравится еще меньше. А сейчас я вынужден задать вам вопрос, чтобы прояснить наши позиции.

— Валяйте! — бросил Садзаки.

— Вам известно, что такое «горячая пыль»?

— Не забывайте, что вы разговариваете с ультра.

— Я помню. Просто хочу убедиться, что у вас не будет иллюзий. Итак, вы знаете, что частицы «горячей пыли» могут быть заключены в контейнер меньше булавочной головки? Конечно знаете. — Он постучал пальцем по подбородку на манер опытного адвоката. — Вы в курсе, что сюда прилетал Ремиллиод? Это последний субсветовик, который торговал с Ресургемом.

— Да, мы в курсе.

— Ну так вот: Ремиллиод продал нам «горячую пыль». Совсем немного, но достаточно для колонии, которая затевала масштабный проект по ландшафтной архитектуре на поверхности планеты. Часть этих «булавочных головок» — порядка

дюжины — попала в руки людей, которые держали меня в плену. Продолжать или вам уже все ясно?

— Боюсь, я понял, — сказал Садзаки, — но вы все-таки продолжайте.

— Одна из этих «булавочных головок» включена в зрительную систему, которую в свое время для меня изготовил Кэл. Этой системе не нужен ток, и, если вы даже разберете мои глаза, все равно не узнаете, в какой из деталей заключена бомба. Впрочем, вы вряд ли на это пойдете, так как попытка манипулировать с моими глазами обязательно закончится взрывом, причем сила взрыва будет такова, что превратит передний километр корабля в совершенно бесполезный кусок стекла. Убейте меня или окажите воздействие, которое изменит функциональные параметры моего организма, и адская машина рванет. Это ясно?

— Как стекло.

— Отлично. Причините вред Паскаль, и случится то же самое. Я могу спустить пружинку по желанию, отдав ряд нейронных сигналов. Конечно, я и сам погибну при этом — результат будет ошеломляющий. — Силвест сложил руки на груди, улыбаясь, как статуя Будды. — Что скажете насчет небольших мирных переговоров?

Садзаки не произнес ни слова за время, показавшееся чуть ли не вечностью. Безусловно, он обдумывал услышанное от Силвеста. Затем сказал, будто не обращаясь ни к кому:

— Мы можем проявить гибкость.

— Отлично. Тогда, вероятно, вам будут интересны мои условия?

— Не терпится услышать.

— Благодаря пережитым недавно неприятностям, — сказал Силвест, — я получил неплохое представление о возможностях вашего корабля. Подозреваю, что та скромная демонстрация показывает лишь одно из самых небольших его достоинств?

— У нас есть... другие возможности, но на такие темы лучше побеседовать с Илиа. К чему вы клоните?

Силвест усмехнулся:

— Прежде чем отвечу на этот вопрос, вы меня кое-куда отвезете.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Система Дельты Павлина, год 2566-й

Они вернулись в рубку.

В прошлый раз Силвест тоже здесь бывал. И провел в общей сложности несколько сот часов. Но все же рубка снова произвела на него сильное впечатление. Кольца из пустых кресел, амфитеатром поднимающиеся к потолку, придавали помещению сходство с залом суда, где вот-вот должно начаться слушание важнейшего дела. Сейчас сюда войдут присяжные и рассядутся по креслам. Судебное решение уже созрело, оно висит в воздухе и будет немедленно оглашено.

Силвест перебрал свои ощущения и не нашел среди них ни одного, хоть отдаленно напоминавшего чувство вины, а потому решил, что наказание ему не грозит. Но на его плечах лежала тяжесть, знакомая любому судье — бремя ответственности. Есть задача, которую Силвест должен решить не только публично, но и в соответствии с требованиями высочайшего мастерства. И если он потерпит фиаско, не только пострадает его достоинство — будет разорвана длинная и тщательно подготовленная цепь событий, приведшая его в данную точку. Цепь, которая тянется из прошлого, из невообразимой дали.

Силвест огляделся и увидел в геометрическом центре помещения какой-то шар. С трудом по ряду наиболее типичных признаков его глаза узнали голографический глобус Ресургема.

— Мы все еще на орбите? — спросил Силвест.

— Какой смысл, если вы здесь? — покачал головой Садзаки. — У нас не было других дел на Ресургеме.

— Опасаетесь мести колонистов?

— Допускаю, что они могли бы создать для нас кое-какие неудобства.

Все помолчали, а потом Силвест сказал:

— Ресургем вас никогда не интересовал, я прав? Весь этот длиннейший путь вы проделали только ради меня. Похоже на глупость, переходящую в одержимость.

— На все про все ушло несколько месяцев, — усмехнулся Садзаки. — Для нас, разумеется. Не льстите себе, никто бы

не стал гоняться за вашей особой годами. Вернемся, однако, к нашим делам. На первый вопрос отвечаю: мы не на орбите. Как только вы оказались на борту, мы ушли с ускорением от эклиптики.

— Я же еще не сказал, куда мне нужно попасть.

— Не сказали. Но мы хотим оставить между собой и колонией хотя бы одну стандартную астрономическую единицу, после чего притормозить и обдумать ситуацию. — Садзаки щелкнул пальцами, подзывая робокресло, сел и подождал, пока придвинутся еще четыре — для Силвеста, Паскаль, Хегази и Хоури. — Конечно же, мы рассчитываем, что в это время вы уже будете заниматься лечением капитана.

— Разве я говорил, что не сделаю этого?

— Нет, — ответил Хегази, — но свое согласие опубликовали чертовски мелким шрифтом.

— Не стоит упрекать меня в том, что я пытаюсь извлечь выгоду из крайне неблагоприятной ситуации.

— Мы и не думали вас упрекать, — сказал Садзаки, — но были бы рады, если бы вы прояснили свои требования. Разве это не резонно?

Силвест в кресле парил рядом с Паскаль, которая сейчас смотрела на него так же нетерпеливо, как экипаж «Ностальгии по бесконечности». Разница лишь в том, подумал он, что она знает гораздо больше, почти все, что можно знать. Во всяком случае, столько же, сколько знает он, — как бы незначительна ни была доля истины в этом знании.

— Вы не позволите мне взглянуть на Ресургем и окрестности с этой точки? — спросил Силвест. — В принципе я и сам могу, но хотелось бы получить от вас разрешение и консультацию.

— По пути к Ресургему мы обновили карты, — ответил Хегази. — Можете вывести их из памяти корабля на дисплей.

— Покажите, как это делается. Привыкайте к тому, что некоторое время я побуду у вас на борту не только пассажиром.

Поиск нужных карт занял минуту. Еще столько же понадобилось, чтобы спроецировать их на сферу в нужном ракурсе, с учетом современного положения Ресургема. Получилась модель планетной системы в реальном времени, с одиннадцатью

планетами и их главными спутниками, а также с крупнейшими кометами. Космические тела и их орбиты были представлены в приятных глазу красках.

Поскольку масштаб был довольно велик, планеты с земными характеристиками, включая Ресургем, сосредоточились в средней части модели. Тугой узел концентрических орбит завязывался вокруг звезды Дельта Павлина. Далее шли планеты помельче, затем газовые гиганты и кометы, еще дальше — два небольших газовых мира типа Юпитера, которых гигантами не назовешь; наконец, планета типа Плутона — пойманный гравитационным полем Дельты Павлина кусок кометы с двумя лунами.

Пояс Койпера из первичного кометного вещества был виден в инфракрасной части спектра — странной формы косяк, шишковидный конец которого направлен в сторону от звезды. Дальше, в пределах примерно двадцати астрономических единиц, то есть десяти световых часов, не было ничего. Материя тут если и присутствовала, то была очень слабо связана со звездой и ощущалась лишь как гравитационное поле, но орбиты здесь были растянуты на века и легко разрушались при вторжении космических тел извне. Защитная оболочка магнитного поля звезды так далеко не простиралась, и здешние космические тела часто попадали под шквалы галактической магнитосферы. В этом мощном магнитном ветре сливались поля всех звезд, похожие на маленькие завихрения в области гигантского циклона.

Но этот огромный объем космоса не был совершенно пуст. Содержавшийся в нем объект на первый взгляд казался монолитным, и то лишь потому, что выставленный по умолчанию масштаб изображения не позволял увидеть состав этого образования. Оно лежало в том месте, куда указывал пояс Койпера. Собственно, своим гравитационным полем оно и растянуло этот пояс, и создало «вздутие» на его конце — именно наличие этого «вздутия» выдавало местонахождение объекта. Сам объект был совершенно невидим для невооруженного глаза, находящегося от него уже в миллионе километров; впрочем, вряд ли найдутся желающие подлететь к нему на такое расстояние.

— Всем вам известно, что это за объект, — сказал Силвест, — хотя вряд ли раньше вы придавали ему значение.

— Нейтронная звезда, — проговорил Хегази.

— Отлично. Знаете что-нибудь еще о ней?

— Только то, что у нее есть спутник, — ответил Садзаки. — Но вряд ли это придает ей какую-то исключительность.

— Разумеется, не придает. У многих нейтронных звезд есть планеты — предполагается, что это сгустившиеся пары исчезнувших двойных звезд. Иногда же такие планеты рассматриваются как тела, каким-то образом избежавшие уничтожения, когда создавался пульсар в процессе взрыва более тяжелой звезды. — Силвест покачал головой. — Но ничего сколько-нибудь удивительного в этом нет. Итак, вы можете спросить, почему он меня в таком случае занимает?

— Вполне резонный вопрос, — фыркнул Хегази.

— Потому что там есть нечто странное. — Силвест увеличивал изображение, пока не стала хорошо видна планета, с удивительно высокой скоростью обращающаяся вокруг нейтронной звезды. — Этот объект имел огромное значение для амарантийцев. Он отражается в артефактах их поздней истории со все возрастающей частотой. Чем ближе к Событию, то есть к звездной вспышке, которая их всех погубила, — тем чаще.

Он понял, что завладел вниманием аудитории. Если угроза гибели корабля интересовала этих людей в аспекте самосохранения, то теперь Силвест взбудоражил их интеллект. Он не сомневался, что с командой «Ностальгии по бесконечности» ему будет легче, чем с колонистами, поскольку Садзаки и его товарищи имели преимущество — опыт космических полетов и понимание космических же проблем.

— И что же это? — спросил Садзаки.

— Я не знаю. Но вы поможете узнать.

Хегази тоже задал вопрос:

— Полагаете, на этой планете может что-то быть?

— Или внутри ее. Мы никогда этого не выясним, если не подберемся поближе.

— А вдруг это ловушка? — спросила Паскаль. — Не думаю, что мы вправе отбросить такую возможность, особенно если Дэн прав насчет срока...

— Какого срока? — встревожился Садзаки.

Силвест сцепил пальцы.

— Я подозреваю... нет, это не подозрение, а скорее вывод, что амарантийцы дошли до той стадии прогресса, когда возможны космические полеты.

— Из того, что я узнал на поверхности, не следует, что найденные артефакты стопроцентно подтверждают такую точку зрения, — сказал Садзаки.

— Да как они могут стопроцентно подтверждать? Артефакты из области хайтека гораздо менее надежны, чем какие-нибудь примитивные орудия. Керамика лежит тысячелетиями, а микросхемы стремительно превращаются в пыль. Но заметьте: нужен очень высокий технологический уровень, чтобы похоронить целый город под обелиском. Если амарантийцы оказались на это способны, у нас нет оснований думать, что они не могли добраться до границ своей солнечной системы, а может, и выйти за ее пределы.

— Уж не думаете ли вы, что амарантийцы достигли других солнечных систем?

— Я этого не исключаю.

Садзаки усмехнулся:

— И где же они теперь? Я допускаю, что одна технологическая цивилизация может быть начисто стерта другой — но только при условии, что она не успела распространиться на многие миры. Иначе бы она что-то оставила после себя.

— Возможно, так и случилось.

— Мир около нейтронной звезды? Вы рассчитываете найти там ответы на свои вопросы?

— Если бы я знал ответы, не было бы причин туда лететь. — Силвест опустил подбородок на сцепленные пальцы. — Вы доставите меня как можно ближе к этой планете и обеспечите мою безопасность на время исследования. Если для этой цели придется использовать грязные штучки с вашего корабля, вы передадите их в мое распоряжение!

Хегази выглядел заинтересованным и в то же время испуганным.

— Думаете, мы можем там встретиться с чем-то таким, против чего понадобится самое мощное оружие?

— А разве осторожность бывает лишней?

Садзаки повернулся ко второму триумвиру. На мгновение почудилось, что, если бы никого, кроме них, в каюте не оказалось, они обменялись бы мыслями молча, как компьютеры. Когда они заговорили, это было своего рода повторением их мыслей, предназначенным для Силвеста.

— То, что он сказал об устройстве типа «мертвая рука» в его глазах, — это возможно? Я имею в виду уровень технологии на Ресургеме. Успели бы они поставить такую штуковину за то малое время, которым располагали?

Хегази потребовалось время для ответа.

— Я думаю, Юдзи-сан, что не учитывать такую возможность мы не можем.

Вольева пробудилась ото сна в корабельном лазарете, в палате для выздоравливающих. Она не нуждалась в специальном уведомлении о том, что пробыла без сознания не час и не два, а несколько суток. Достаточно было прислушаться к своим ощущениям — мозг был вялым, как будто проспал целую вечность. Следовательно, ранение было не из легких, как и процесс излечения.

Ей уже случалось чувствовать себя так, будто она проспала чуть ли не всю жизнь, хотя на самом деле прикорнула совсем ненадолго. Но не теперь. Ее нынешние сны были долгими и насыщенными событиями, как длинные и сумбурные сказки дотехнологической эпохи. Казалось, она заново переживает свои приключения, которых хватило бы на много толстенных томов.

Однако в памяти от этих снов осталось очень мало. Илиа была на борту своего корабля, потом вне его... Где именно — неясно... Потом произошло что-то ужасное. Все, что ей запомнилось, — это грохот и ярость. Но как это понимать? Где она побывала и что с ней случилось?

Смутно — первоначально казалось, что это случайный обрывок сна, — она вспомнила Ресургем. Затем стали возвращаться события, и этот процесс не был подобен сходу лавины или наступлению прилива, а скорее напоминал пробуксовку машины в грязи. Мозг исторгал бессвязные, хаотически пере-

мешанные обрывки воспоминаний. Но когда удалось расположить их в более или менее удовлетворительной хронологической последовательности, Вольева вспомнила ультиматум, произнесенный с орбиты ее голосом замершему в ужасе миру. А еще позже — спуск в сердце бури, и страшный жар, и потом столь же страшный холод в животе... И наконец, стоящую над ней Суджик — это ее рука причиняла боль.

Открылась дверь, вошла Ана Хоури. Одна.

— Проснулась? — сказала та. — Так я и думала. Я поставила здесь прибор, чтобы сообщил мне, когда твоя нейронная активность дойдет до порога трезвого мышления. Хорошо, что ты снова с нами, Илиа. Твоя умная голова тут лишней не будет.

— Сколько... — Голос был вялым, надломленным, поэтому Вольева начала снова: — Сколько времени я пролежала? И где мы вообще?

— Десять дней после ранения... Но это долгая история, мы еще вернемся к ней. Как ты себя чувствуешь?

— Бывало и хуже. — И тут же Илиа поймала себя на обмане: она не могла вспомнить случая, когда бы чувствовала себя столь же мерзко. Но почему-то ей казалось, что в подобных ситуациях принято говорить именно так. — А что за ранение?

— Похоже, ты кое-что подзабыла.

— Хоури, ответь на вопрос.

Ана приблизилась к Вольевой, а комната взяла на себя труд подвести для нее тяжелое кресло прямо к постели.

— Суджик, — сказала Хоури. — Она пыталась убить тебя на Ресургеме. Ты это помнишь?

— Не очень.

— Мы спустились за Силвестом, чтобы доставить его на корабль.

Вольева молчала. Имя этого человека прозвенело в ее голове с каким-то металлическим тембром, будто скальпель, упавший на пол.

— Силвест... Да. Я помню, что мы нашли его. Удалось доставить? Садзаки получил, что хотел?

— И да и нет, — ответила Хоури после недолгой заминки.

— А Суджик?

— Она хотела тебя убить из-за Нагорного.

— Понятно... Что ж, на всех не угодишь.

— Я думаю, повод у нее все-таки был. Она надеялась, что я приму ее сторону.

— И?

— Я ее прикончила.

— Из этого следует, что ты спасла мне жизнь? — Впервые Вольева подняла голову с подушки. Ощущение было такое, будто голова привязана к кровати эластичным проводом. — Бросай ты это занятие, Хоури, пока в привычку не вошло. Еще одна смерть... Пожалуй, следует ожидать, что Садзаки начнет задавать вопросы.

Сейчас она не отважилась бы на большее. Такие слова любой старший по команде мог сказать юнге. Для того, кто подслушивал, оно не обязательно означало, что Вольева знает о Хоури больше, чем другие триумвиры.

И в то же время желание предостеречь было искренним. Первая смерть — в тренировочном зале, другая — на Ресургеме. В обоих случаях Хоури не была зачинщицей, но ее причастности к убийствам достаточно, чтобы насторожить Вольеву, а значит, она и Садзаки наведет на какие-то размышления. И если он решит провести дознание, то от допроса с пристрастием Ане не отвертеться. А под «пристрастием» триумвир может понимать все что угодно. Садзаки вполне способен прибегнуть к пытке. Пожалуй, даже к глубокому тралению мозга. В этом случае он вполне может узнать, что Хоури — лазутчица, внедренная на корабль с целью украсть орудия из тайного склада. А его следующий вопрос почти наверняка будет таким: не было ли о сем обстоятельстве известно и Вольевой? И если он сочтет нужным протралить сознание и ей...

Этого нельзя допустить.

Как только Илиа поправится, она отведет Хоури в «Паука», где можно говорить свободно. А сейчас бессмысленно думать о том, что ей не по силам.

— А что было после? — спросила она.

— После гибели Суджик? Все, веришь ли, шло по плану. Предстояло поднять на корабль Силвеста, а мы с Садзаки были целы.

Она подумала о Силвесте, который сейчас находился где-то на корабле.

— Значит, Садзаки получил то, чего добивался?

— Нет, — очень осторожно ответила Хоури. — Он только думает, что получил. А на самом деле все обстоит иначе.

В течение следующего часа Хоури рассказывала Вольевой о том, что произошло с момента появления Силвеста на борту. В этом не было ничего такого, что Садзаки хотел бы утаить от Вольевой. Однако Илиа ни на миг не забывала, что получает информацию, профильтрованную через восприятие Хоури, а потому неполную и не обязательно достоверную. О целях и задачах экипажа, о многих нюансах межличностных отношений Хоури, скорее всего, не имела никакого представления; чтобы во все это вникнуть, надо было провести на борту не год и не два. Но в конце концов Илиа пришла к заключению, что самые важные пробелы в ее понимании случившегося все-таки восполнены.

И то, что она услышала, ей совершенно не понравилось.

— Думаешь, он блефует? — спросила Хоури.

— Насчет «горячей пыли»? — Слабейшее шевеление Вольевой означало пожатие плечами. — Кто знает. Нет сомнений, что Ремиллиод продал «горячую пыль» колонистам. Мы своими глазами видели результаты ее применения. Но это не детская игрушка, с которой можно обращаться без чрезвычайной осторожности. Было ли у колонистов время, чтобы внедрить адскую машину в глаз Силвеста? Ведь они едва ли могли заняться этим, прежде чем мы ударили по Фениксу... С другой стороны... исходить из того, что он солгал, слишком опасно. Никаким сканированием извне не установить наличие или отсутствие «горячей пыли» без риска вызвать взрыв. Это очень сильно усложняет задачу Садзаки. Или он верит Силвесту, или рискует и кладет на кон все, что у нас есть. По крайней мере во втором случае ущерб поддается количественной оценке.

— А ты не допускаешь, что выполнение условий Силвеста чревато сравнимым уроном?

Вольева хмыкнула, подумав об этих условиях. На своем веку она не сталкивалась ни с чем по-настоящему чуждым, выходящим за рамки восприятия. А ведь там наверняка лежит

много такого, о чем не мешало бы знать... Там можно получить много полезных уроков.

Если бы Силвест имел дело с ней, ему бы не пришлось прибегать к угрозам.

— Знай он нашего брата ультра получше, не стал бы шантажировать, имея такую соблазнительную наживку, — сказала она. — Меня эта нейтронная звезда интригует с той самой минуты, как мы вошли в систему. И знаешь что? Я кое-что обнаружила в непосредственной близости от нее. Слабый источник нейтрино! Похоже, он обращается вокруг планеты, которая, в свою очередь, обращается вокруг нейтронной звезды.

— А что может быть источником нейтрино?

— Многое. Но таким мощным? Могу только одно предположить: это машина. Продукт очень высокой технологии.

— Ее оставили амарантийцы?

— Этого нельзя исключать. — Вольева с усилием улыбнулась. Она тоже думала, что источник нейтрино — артефакт амарантийской цивилизации, но не бралась этого утверждать. — Вот доберемся до нейтронной звезды, тогда и узнаем.

Нейтрино — элементарные частицы, лептоны с полуцелыми спинами. Они бывают трех сортов: электронные, мюонные и тау-нейтрино, что зависит от типа породившей их ядерной реакции. Эти частицы имеют массу и высокую энергию — они двигаются чуть медленнее, чем свет, — а потому во время полета осциллируют, то есть переходят из сорта в сорт.

К тому времени, когда датчики корабля улавливали поток нейтрино, он представлял собой трудноразделимую смесь всех трех сортов. По мере уменьшения расстояния до нейтронной звезды, а вместе с тем и сокращения периода осцилляции, в смеси выделился преобладающий сорт. Энергетический спектр приобрел бóльшую четкость, стало проще отслеживать и интерпретировать периодические вариации излучения. Когда расстояние между кораблем и нейтронной звездой сократилось до одной пятой астрономической единицы, или до двадцати миллионов километров, Вольева уже гораздо яснее представляла себе, что именно вызывает непрерывный выброс частиц, среди которых доминируют самые тяжелые — тау-нейтрино.

И то, что она узнала, ее очень сильно встревожило.

Но она решила подождать, пока корабль подойдет ближе, а уж потом поделиться мыслями с остальной командой. Все-таки Силвест держит ее под контролем, и вряд ли соображения Вольевой заставят его отклониться от выбранного порядка действий.

Хоури уже почти привыкла погибать.

У практикуемого Вольевой ситуационного моделирования были свои минусы, и один из них заключался в том, что обычно учения доходили до той стадии, когда в реальных условиях кто-нибудь из участников обязательно был бы убит или в лучшем случае искалечен, а потому не способен следить за дальнейшими событиями, не говоря уж о том, чтобы как-то влиять на их ход. Вот и сейчас происходило нечто в этом роде. Что-то ударило со стороны Цербера, какое-то неизвестное оружие огромной разрушительной силы, и играючи разнесло весь корабль. Никто бы не пережил такую атаку, но отделенное от тела сознание Хоури никуда не делось, оно наблюдало, как куски бывшего субсветовика неторопливо разлетаются прочь в розовом сиянии своих ионизированных внутренностей.

«У Вольевой это любимый способ наказывать за ошибки», — подумала Хоури.

— Ты когда-нибудь слышала о воспитании боевого духа у подчиненных? — ядовито спросила она.

— Слышала, — ответила Вольева. — Но так и не поняла, зачем это нужно. По-твоему, что лучше: быть живым трусом или храбрым мертвецом?

— Но я же все равно умираю. Почему ты так убеждена, что у нас будут неприятности, когда мы туда доберемся?

— Я всегда предполагаю худшее, — уныло ответила Вольева.

На следующий день Вольева почувствовала в себе достаточно сил, чтобы встретиться с Силвестом и его женой. Когда те вошли в медицинский бокс, она уже сидела в постели, держа на коленях компад и редактируя сценарии предназначенных для Хоури боевых ситуаций. При появлении гостей Илиа поспешила вывести на экран наименее воинственную заставку.

Впрочем, Вольева сомневалась, что Силвесту будут понятны ее шифрованные программы. Даже ей самой эти каракули иногда представлялись ею же придуманным и пока еще плохо освоенным языком.

— Вы поправились, — сказал Силвест, садясь рядом с ней; с другого бока к нему пристроилась Паскаль. — Это хорошо.

— Хорошо потому, что вас заботит мое состояние, или потому, что нуждаетесь в экспертной поддержке?

— Конечно последнее. Между нами, Илиа, вроде нет любви, так к чему притворяться?

— О вашей любви я и мечтать бы никогда не посмела. — Вольева отложила компад. — Мы с Хоури поспорили насчет вас. Я... нет, мы решили в конце концов, что разумнее всего доверять вам. Так что до поры можете считать, что все вами сказанное я, — тут она дотронулась до лба, — принимаю за истину. Конечно, я оставляю за собой право изменить свое мнение в любой момент и без всякого предупреждения.

— Полагаю, такая позиция будет самой конструктивной для всех нас, — ответил Силвест. — И уверяю вас как ученый ученого, что говорю правду и ничего кроме правды. Это относится не только к моим глазам.

— Вы о планете?

— Да, о Цербере. Наверное, вас уже ознакомили с существом дела?

— Вы рассчитываете обнаружить там нечто, имеющее отношение к гибели амарантийской цивилизации.

— Что вы знаете об амарантийцах?

— В основном ортодоксальные представления. — Она снова взяла компад и быстро открыла файл с документами, полученными из Кювье. — Только малая часть этих материалов — труды доктора Силвеста. Но у меня есть и ваша биография. В ней содержится много ваших мыслей.

— Изложенных преимущественно с точки зрения скептика, — сказал Силвест, покосившись на Паскаль.

Вольева это поняла лишь по наклону его головы — судить о направлении взгляда было невозможно.

— Естественно. Но главная мысль все же видна. В рамках этой парадигмы... я согласна, что Цербер-Гадес интересен для исследователей.

Силвест кивнул. То, что Вольева правильно произнесла название бинарной системы «планета — нейтронная звезда», произвело на него хорошее впечатление.

— Что-то притягивало сюда амарантийцев в конечный период их существования. И я хочу знать, что это было.

— И еще вас интересует вопрос, не имеет ли это что-то отношения к Событию?

— Интересует, вы правы. — Ответ был не таким, какого ожидала Вольева. — А еще интересует, что будет, если мы не уделим этому вопросу должного внимания. Возможно, существует угроза нашей безопасности. Если мы что-нибудь выясним, то не исключено, что сумеем избежать судьбы амарантийцев.

Вольева задумчиво постукивала пальцем по нижней губе.

— Может быть, похожим образом рассуждали и амарантийцы.

— Тогда лучше подойти к этой ситуации с позиций силы. — Силвест снова взглянул на жену. — Сказать по правде, ваше появление — дар небес. Кювье не смог бы послать экспедицию в этот район, даже если бы я сумел убедить колонию в важности этого мероприятия. И оружия у нас мощного не было, а если бы мы и ухитрились им обзавестись, оно бы все равно не сравнилось с вооружением вашего корабля.

— Вижу, небольшая демонстрация нашей огневой мощи была не совсем правильно понята.

— Пожалуй... но без нее меня бы, наверное, не отпустили.

Вольева вздохнула:

— К сожалению, я считаю точно так же.

Прошло еще около недели, и корабль оказался на расстоянии двенадцати миллионов километров от Цербера-Гадеса, где и встал на орбиту нейтронной звезды. Вольева предложила собрать всю команду и пассажиров на совещание. Теперь, решила она, вполне подходящее время, чтобы объяснить им причину ее глубочайших страхов. Сделать это будет непросто, и вот вопрос: как отнесется к ее сведениям Силвест? То, что она готовится сообщить, не только подтверждает, что они приближаются к чему-то опасному, но имеет для него личное и, веро-

ятно, исключительно важное значение. Она не такой уж тонкий знаток характеров, а Силвест в высшей степени сложный человек, и поверхностный анализ возможных последствий тут ничего не даст. Главное, думала она, что новость будет для него крайне неприятной, болезненной.

— Я обнаружила кое-что, — сказала она, когда все смолкли. — И уже довольно давно. Нейтринную эмиссию вблизи Цербера.

— Как давно? — спросил Садзаки.

— Еще до того, как мы прибыли на Ресургем. — Видя, что Садзаки мрачнеет, она поспешила добавить: — Тогда еще не было ничего такого, о чем следовало бы доложить вам, триумвир. Мы даже не знали, что нам предстоит лететь в этом направлении. И природа излучения тоже была неясна.

— А теперь? — спросил Силвест.

— Теперь у меня есть... более надежные данные. Когда мы приблизились к Гадесу, стало ясно, что эмиссия — почти чистые тау-нейтрино уникального характера, явно носящие признаки человеческой технологии.

— Значит, то, что вы обнаружили, — искусственного происхождения?

— Таков мой вывод.

— Двигатель работы сочленителей, — сказал Хегази, и Вольева слегка наклонила голову.

— Да, только такой двигатель может давать чистую тау-нейтринную «подпись», сходную с тем, что дает источник, обращающийся вокруг Цербера.

— Значит, там есть другой корабль? — спросила Паскаль.

— Таким было первое мое предположение, — ответила Вольева, но голос звучал неуверенно. — И я практически не ошиблась. — Она отдала шепотом команду браслету, заставив центральную сферу-дисплей ожить и приступить к выполнению программы, которую Илиа установила перед совещанием. — Было очень важно подождать, пока мы не окажемся достаточно близко для визуальной идентификации источника.

Сфера показывала Цербер, мир величиной с Луну. По сути, это была менее гостеприимная копия Ресургема. Монотонно-серая поверхность вся покрыта кратерами. И темна: Дельта

Павлина была отсюда в десяти световых часах, а ближайшая звезда Гадес вообще не давала света. Хотя маленькая нейтронная звезда и родилась довольно горячей при взрыве сверхновой, она давным-давно остыла и теперь излучала лишь в инфракрасной зоне спектра. Для нормальных глаз она была видима лишь тогда, когда ее гравитационное поле, действуя как линза, заставляло фоновые звезды вспыхивать яркими световыми дугами. Но даже если бы Цербер купался в свете, там не виднелось бы ничего, способного привлечь амарантийцев. Самые лучшие датчики Вольевой, с разрешающей способностью в считаные километры, составили карты поверхности планеты. Объект же, вращавшийся вокруг Цербера, Вольева изучала даже в более крупном масштабе.

Она увеличила изображение этого объекта. Сначала он казался продолговатой серой кляксой на фоне звезд, чуть сбоку от Цербера. Именно таким она увидела его десять дней назад, прежде чем корабль задействовал свои дальнозоркие глаза. Уже тогда Илиа не могла игнорировать свои подозрения. А теперь, когда стали видны детали, подозрения только окрепли.

Пятно обрело массу и форму, грубо клиновидную, как у осколка стекла. Вольева заключила объект в пространственную решетку, — это позволило определить его размеры. В длину он имел три или четыре километра.

— *При таком разрешении*, — *пояснила* Вольева, — *источник нейтрино делится на два.*

Илиа показала их: серо-зеленые пятна были хорошо видны на утолщенном конце объекта. Когда детали прорисовались еще четче, выяснилось, что серо-зеленые пятна крепятся на концах элегантных, с прямой стреловидностью крыльев.

— Это субсветовик, — сказал Хегази.

Даже не будь увеличение таким мощным, ошибка была исключена. В космосе прямо по курсу находился космический корабль, очень похожий на «Ностальгию по бесконечности». Источники нейтрино представляли собой изготовленные сочленителями ускорители, расположенные по бокам корпуса.

— Двигатели на холостом ходу, — сказала Вольева. — Поток нейтрино стабилен, но тяги нет.

— Мы можем как-нибудь опознать корабль? — спросил Садзаки.

— Это без надобности. — Всех удивило глубочайшее спокойствие в голосе Силвеста. — Я знаю его название.

По дисплею пробежала новая волна детализации, как бы стирая прежнее изображение. Корабль вырос и занял почти всю сферу. Теперь все стало очевидным даже для тех, кто не понял раньше: он был продырявлен, выпотрошен, покрыт глубокими воронками. Исчезли целые акры обшивки в носовой части, бесстыдно открыв космическому вакууму сложную структуру уровней и коммуникаций.

— И? — спросил Садзаки.

— Это погибший «Лореан», — бесстрастно произнес Силвест.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

На подходе к Цербер-Гадесу, год 2566-й

Кэлвин «воскрес» в медицинском центре субсветовика; как и прежде, он восседал в несоразмерно огромном кресле с капюшоном.

— Ну, и где же мы теперь? — спросил он, протирая глаза, как будто очнулся от сладкого сна. — Все еще носимся вокруг этой паршивой планеты?

— Мы покинули Ресургем, — ответила ему Паскаль. — Сейчас находимся на краю гелиосферы Дельты Павлина, вблизи системы Цербер-Гадес. Мы обнаружили «Лореан».

— Прости, я не ослышался?

— Нет, вы не ослышались. Вольева показала нам корабль. Это точно «Лореан».

Кэлвин нахмурился. Как и Силвест с Паскаль, он считал, что «Лореан» давным-давно покинул систему Дельты Павлина. Это случилось в самом начале существования ресургемской колонии — Алисия и другие мятежники украли корабль, чтобы вернуться на Йеллоустон.

— Да как такое может быть?

— Мы не знаем, — ответил Силвест, который стоял, облокотившись на полностью подготовленный операционный стол. — Все, что нам известно, мы тебе сказали. Ты не пони-

маешь ничего, так же как и мы. — Беседуя с Кэлвином, Силвест часто подкалывал его, но на этот раз почему-то решил придержать язык.

— Корабль цел?

— Если бы! Ему крепко досталось.

— Есть выжившие?

— Сомневаюсь. «Лореан» расстрелян. Нападение было внезапным, иначе бы команда постаралась увести его из этого района.

Кэлвин помолчал, потом сказал:

— Значит, Алисия погибла. Жаль.

— Мы не знаем, как это случилось, не знаем, кто напал на корабль, — произнес Силвест. — Но надеемся в ближайшее время что-нибудь выяснить.

— Вольева отправила дрон, — сообщила Паскаль. — Это очень быстрый робот, он должен вскоре добраться до «Лореана». Собственно, ему уже пора вернуться. Она сказала, что робот проникнет на борт и выяснит, не сохранились ли электронные записи.

— И тогда?

— Мы узнаем, кто расправился с «Лореаном».

— Но этого будет мало, согласись. Сколько бы мы ни узнали о «Лореане», ты не согласишься повернуть назад. Все-таки я хорошо изучил тебя, Дэн.

— Это тебе только кажется, — парировал тот.

Паскаль встала и кашлянула.

— Нельзя ли отложить перебранку? Если вы не сможете работать вместе, Садзаки будет мало проку от вас.

— Что бы ни думал на мой счет Садзаки, — холодно возразил Силвест, — он будет делать то, чего я потребую.

— Вот тут ты прав, — поддержал Кэлвин.

По приказу Паскаль из переборки выдвинулся густо усеянный приборами секретер, похожий на те, что были популярны на Ресургеме, а из пола — стул. Паскаль расположилась перед изогнутым пультом цвета слоновой кости. Она вызвала схему коммуникаций и принялась устанавливать необходимые связи между модулем Кэлвина и медицинской аппаратурой — как будто вязала сложную «кошачью колыбель» прямо в воздухе.

Когда были сделаны все подключения, Кэлвин опробовал их и указал, где расширить или сузить диапазон частот, куда добавить сетевую топологию. Эта процедура заняла лишь несколько минут, а когда закончилась, Кэлвин мог оперировать сервомеханизмами лазарет. Он тут же создал уйму металлических рук, свисающих с потолка, подобно щупальцам медузы.

— Вы не представляете себе, каково это в ощущениях, — сказал Кэлвин. — После многолетнего перерыва я могу действовать как часть физического мира. Да, в первый раз после того, Дэн, как я исправил твои глаза. — Он говорил, а многосуставные руки исполняли сверкающий танец; лезвия, лазеры, зажимы, молекулярные манипуляторы и датчики кружились буйным серебряным вихрем.

— Очень впечатляет, — сказал Силвест, ощущая на лице этот ветер. — Только будь, пожалуйста, поосторожнее!

— Да я за день мог бы починить твои глаза! — заявил вдруг Кэлвин. — Получилось бы лучше, чем раньше. Они и внешне были бы как настоящие. Черт, с такой технологией я могу имплантировать тебе человеческие глаза — это будет даже проще.

— Не надо ничего переделывать, — ответил Силвест. — Мои глаза — единственный козырь против Садзаки. Исправь только то, в чем напортачил Фолкендер.

— Ах да, Фолкендер... — Оставаясь неподвижным, Кэлвин чуть приподнял бровь. — Ты уверен, что это разумно?

— Будь поосторожнее с ними, не коли куда попало.

Алисия Келлер Силвест была предпоследней женой Силвеста. Они сочетались браком на Йеллоустоне, в те далекие годы, когда будущая экспедиция на Ресургем еще только планировалась в мельчайших деталях. Вместе закладывали Кювье и начинали раскопки; живя в полном согласии, провели там первые годы. Она была выдающимся ученым, пожалуй, даже слишком выдающимся, чтобы долго оставаться в тени славы Силвеста. Будучи человеком свободомыслящим, Алисия стала отдаляться от мужа, как в личных отношениях, так и в профессиональных. И когда колонии пошел четвертый десяток, Алисия была уже не одинока в своем мнении о том, что собрано уже достаточно сведений об амарантийцах, а значит,

пора сворачивать экспедицию, которая и не задумывалась как постоянная, и лететь к Эпсилону Эридана. Если за тридцать лет не открыто ничего из ряда вон выходящего, где гарантия, что за следующие тридцать лет археологи добьются потрясающих результатов?

Алисия и ее сторонники считали, что амарантийцы не заслуживают дальнейших дорогостоящих исследований, что Событие было всего лишь несчастным случаем, не имевшим космического значения. В этих взглядах нетрудно было увидеть разумное зерно. Амарантийцы были к тому же не единственным видом вымерших разумных существ, известных человечеству. И вполне вероятно, за пределами постоянно увеличивающегося объема изученной Галактики в недалеком будущем откроют новые цивилизации, чье богатейшее археологическое наследие только и ждет, когда его раскопают.

Сторонники Алисии считали, что Ресургем следует закрыть, а лучшим умам колонии пора вернуться на Йеллоустон и найти более интересные темы научного поиска.

Сторонники Силвеста, конечно, возражали самым решительным образом. К этому времени Алисия и Силвест были уже совершенно чужими людьми, но даже в моменты самых острых конфликтов сохраняли холодное уважение к способностям друг друга. Любовь выветрилась, но восхищение осталось.

А потом был мятеж. Сторонники Алисии давно угрожали покинуть Ресургем, и теперь они выполнили обещание. Не сумев перетянуть на свою сторону Силвеста и его людей, заговорщики захватили «Лореан», находившийся на парковочной орбите.

Мятеж был бескровным, но похищение навлекло на колонию многие беды. На «Лореане» находились все суда для путешествий между планетами системы, так что колонисты оказались привязанными к Ресургему. Не было средств для ремонта спутников связи или строительства новых, пока через несколько десятилетий не прибыл корабль Ремиллиода. Роботов, репликационной техники и имплантатов после бегства Алисии тоже почти не осталось.

И все же именно фракция Силвеста оказалась в выигрыше.

— Запись в судовом журнале, — сказал призрак Алисии, вплывая в рубку. — Двадцать пятые сутки после ухода с орби-

ты Ресургема. Против моего желания решено по дороге посетить нейтронную звезду. Это не потребует значительной коррекции курса, и нам не придется делать большой крюк, чтобы добраться до Эридана. Что касается разницы во времени, то она ничтожно мала в сравнении с многолетним периодом, которого потребует возвращение домой.

Силвест с трудом узнал Алисию. Да, немало воды утекло, и былая ненависть угасла. Это просто чужая женщина. На ней темно-зеленое платье, каких никто в Кювье после мятежа не носил, а старомодная прическа кажется театральной.

— Дэн был уверен, что в этих краях находится нечто важное, но доказательств, как всегда, не имел.

Его удивили эти слова, сказанные задолго до того, как он нашел монумент с загадочными надписями. Неужели уже тогда его одержимость амарантийской культурой была столь сильна? Не очень приятно сейчас получить подтверждение этому. Алисия была права: он не имел доказательств.

— Мы увидели нечто странное, — продолжала Алисия. — То был удар кометы по Церберу — планетке, обращающейся вокруг нейтронной звезды. Такие удары, должно быть, редки, особенно на столь большом удалении от пояса Койпера. Это, естественно, привлекло наше внимание. Однако, подойдя ближе, чтобы исследовать поверхность Цербера, мы не обнаружили там никакого кратера.

Силвест почувствовал, как на его голове шевельнулись волосы.

— И?.. — Он ощутил, что произнес это одними губами, будто в рубке перед ним стояла сама Алисия, а не ее проекция, извлеченная из памяти погибшего корабля.

— Игнорировать это явление мы не могли, — продолжала Алисия. — Даже если оно подтверждало гипотезу Дэна насчет того, что в системе Цербер-Гадес есть нечто таинственное. Поэтому мы изменили курс, чтобы подойти ближе. — Она сделала паузу. — Мы обнаружили нечто важное... трудно поддающееся объяснению. Сомневаюсь, что у нас есть моральное право не сообщить об этом в Кювье. Если мы этого не сделаем, то никогда не сможем считать себя настоящими учеными, людьми с чистой совестью. Завтра все выяснится. Мы приблизим-

ся на дистанцию, с которой можно запустить беспилотные устройства.

— Есть еще что-нибудь? — спросил Вольеву Силвест. — Сколько времени она вела запись?

— Почти сутки, — ответила та.

Они сидели в «Пауке», надежно защищенном, по мнению Вольевой, от пытливых глаз Садзаки и других находившихся на борту людей. Произнесенную Алисией речь прослушали еще не целиком — этот процесс требовал больших затрат времени и эмоциональной энергии. Тем не менее истина в первом приближении уже была ясна, и она вовсе не обнадеживала. «Лореан» внезапно подвергся беспощадной атаке вблизи Цербера. Вскоре Вольева и ее товарищи будут знать гораздо больше об опасности, навстречу которой идут.

— Надеюсь, ты понимаешь, — сказала Вольева, — что, если нас ожидают неприятности, тебе придется занять кресло в ЦАПе.

— Не уверена, что от этого будет польза, а не вред, — ответила Хоури и, как бы оправдываясь, добавила: — Мы же помним, сколь неприятные события происходили там совсем недавно.

— Да. Вообще-то... лежа в лазарете, я убедила себя, что ты знаешь об этом гораздо больше, чем говоришь. — Вольева откинулась на темно-бордовый плюш кресла, поигрывая латунными переключателями на старинной клавиатуре. — Полагаю, ты сказала мне правду насчет того, что тебя подослали. Однако, похоже, на этом правда и кончилась. Остальное — ложь, рассчитанная на то, чтобы удовлетворить мое любопытство. Своего ты добилась, я не вынесла твой вопрос на суд триумвирата. Но в истории стажера Аны Хоури многое кажется непонятным. Например, случай с орудием из тайного склада. Когда оно перестало нам подчиняться, почему вдруг навелось на Ресургем?

— Это была ближайшая цель.

— Слишком гладко получается. На самом деле причина в Ресургеме, я угадала? И еще тот факт, что ты оказалась у нас на борту, только когда узнала, куда мы летим... Да, Ресургем — вполне подходящее место для инсценировки захвата склада,

однако ничего подобного не планировалось. Ты очень способная, Хоури, но у тебя не было никаких шансов отнять контроль над этим оружием у меня или у других членов триумвирата. — Вольева подперла подбородок рукой. — Отсюда очевидный вопрос: если твоя первоначальная история — легенда, что ты делаешь у нас на корабле? — Она выжидающе глядела на Хоури. — Можешь говорить откровенно, так как следующим, кто спросит тебя об этом, будет Садзаки. Уверена, что ты заметила: к твоей особе он относится подозрительно, особенно после гибели Кьярваль и Суджик.

— Но я же тут ни при чем... — Голос Аны вдруг потерял прежнюю уверенность. — Суджик мстила тебе. Я чисто случайно оказалась рядом.

— Я собственноручно отключила вооружение твоего скафандра. Только я могла вернуть тебе контроль над боевыми системами, но в тот момент мне было не до того — меня убивали. Как же тебе удалось снять блокировку и расстрелять Суджик?

— Это не я. — Хоури сделала паузу и добавила: — Кто-то другой. Тот, кто проник в скафандр Кьярваль и заставил его напасть на меня в тренировочном зале.

— Значит, это не Кьярваль пыталась с тобой разобраться?

— То-то и оно... Едва ли Кьярваль питала ко мне теплые чувства, но я почти уверена, что она не собиралась прикончить меня именно в тренировочном зале.

Тут можно было многое подвергнуть сомнению, но Вольева, похоже, приняла слова Аны за чистую монету.

— И что же именно произошло?

— Та... тварь, которая была внутри моего скафандра, хотела, чтобы я оказалась в десантном отряде, предназначенном для доставки Силвеста. Для этого было необходимо вывести Кьярваль из игры.

Да, в этом присутствовала определенная логика. Вольева до сих пор не задумывалась о том, почему погибла Кьярваль. Ей всегда казалось почти неизбежным, что кто-нибудь из команды возненавидит Хоури. Вероятнее всего, это будет Кьярваль или Суджик. Равно как и то, что одна из них может разозлиться на саму Вольеву. Случилось и то и другое, но сейчас

эти события выглядели частями чего-то большего. Как рябь от движения огромной акулы, плывущей у самой поверхности воды.

— Почему же этой твари понадобилось, чтобы ты была в десантной группе?

Хоури открыла рот, чтобы ответить, но запнулась.

— Илиа, я не уверена, что сейчас подходящее время... Мы рядом с «Лореаном» и с тем, что его погубило...

— Я тебя пригласила сюда не пейзажами любоваться. Помнишь, что я сказала насчет Садзаки? Выбирай: или я — единственный человек, хотя бы отдаленно похожий на твоего друга и союзника, — или Юдзи-сан. Когда он начнет тебя допрашивать с применением своих железяк, раздумывать будет поздно. Я ничуть не преувеличиваю. В части траления мозгов Садзаки никогда не отличался искусством и деликатностью.

— Тогда я начну с самого начала. — Похоже, довод подействовал на Хоури. Это было хорошо, иначе Вольевой пришлось бы подумать о том, чтобы стряхнуть пыль с собственных, не слишком корректных методов. — То, что касается моего военного прошлого... все правда. Вот с тем, как я попала на Йеллоустон, — тут сложнее. Даже сейчас не знаю, что из этого случайность, а что — дело ее рук. Мне лишь известно, что она выбрала меня именно ради этой миссии.

— Она — это кто?

— Могу сказать только, что она обладает огромными возможностями в Городе Бездны. А может быть, и на всей планете. Называет себя Мадемуазелью. Она ни разу не произнесла своего настоящего имени.

— Опиши ее. Возможно, мы знаем ее, имели с ней дело когда-то.

— Сомневаюсь. Она не... — Хоури замялась. — Она не из ваших. Может, раньше была ультра, но не теперь. Мне представляется, что в Городе Бездны она давно. Но влияние приобрела позже — после вспышки чумы.

— Она пользуется влиянием, а я о ней ничегошеньки не знаю?

— Да, и в этом ее сила. Она действует не на виду. Мадемуазели не нужна публичность, чтобы ее желания мгновенно ис-

полнялись. Она даже не слишком богата, но контролирует больше ресурсов, чем кто бы то ни был на этой планете. Ей достаточно пальцем шевельнуть... А вот добыть корабль она не может. Поэтому вы ей и понадобились.

— Почему ты сказала, что раньше она могла быть одной из нас?

Хоури замялась:

— Для меня самой это неочевидно. Но человек, который на нее работает, — Манукян, так он себя зовет, — наверняка был когда-то ультра. По нескольким случайно оброненным фразам я догадалась, что он нашел ее где-то в космосе.

— Нашел? В смысле, спас с погибшего корабля?

— Я решила, что так и есть. У нее там полно статуй из рваного металла — по крайней мере сначала я их приняла за статуи. Позже они оказались обломками космического корабля. Ей они как будто служат напоминанием о чем-то.

Что-то проснулось в памяти Вольевой, она даже позволила своим мыслям погрузиться ниже уровня сознания.

— Ты ее хорошо рассмотрела?

— Нет, я видела только компьютерную проекцию, а она не обязательно точна. Живет Мадемуазель в паланкине, как и все герметики.

О герметиках Вольева кое-что знала.

— Она не обязательно герметик. Паланкин может служить для маскировки. Знать бы о ее происхождении... Этот Манукян больше ничего не говорил?

— Нет. Вроде у него чесался язык... но ничего важного я так и не услышала.

Вольева наклонилась к Хоури:

— Язык чесался? А почему тебе так показалось?

— Ну, такой уж у него стиль поведения. Общительный парень. Пока он вез меня, непрерывно травил байки о своих подвигах и знакомствах со знаменитостями. И ни единого слова о взаимоотношениях с Мадемуазелью. Это была закрытая тема, — наверное, потому, что он на Мадемуазель работал. И все-таки было видно, что ему не терпится о ней порассказать.

Вольева побарабанила пальцами по консоли:

— А не может ли быть, что он нашел способ это сделать?

— Не поняла.

— Я и не ожидала, что поймешь. Манукян ничего не сказал, но почему-то мне кажется, что он все-таки довел правду до твоего сведения.

Да, неспроста несколько минут назад шевельнулась память. Вольева постаралась вспомнить момент вербовки Хоури и осмотр, которому подвергла ее, доставив на борт.

— Я, конечно, еще не полностью уверена...

Хоури озадаченно смотрела на нее:

— Ты во мне что-то нашла? Внедренное Манукяном?

— Да. Выглядело это вполне невинно, во всяком случае тогда. К счастью, у меня есть дурная привычка, которой нередко обзаводятся те, кто балуется научными исследованиями. Я никогда ничего не выбрасываю.

Вольева говорила правду. Ей всегда было труднее выбросить ненужную вещь, чем оставить ее в лаборатории. В тот первый момент находка предстала сущим мусором, но зато теперь Илиа может провести качественный анализ металлического осколка, извлеченного из тела Хоури.

— Если я права и это проделка Манукяна, мы, возможно, узнаем кое-что о Мадемуазели. Но ты обязана рассказать абсолютно все о том, чего она хотела от тебя. Впрочем, нам уже известно, что это в какой-то степени касается Силвеста.

Хоури кивнула:

— Именно так. И боюсь, эта часть моей истории тебе особенно не понравится.

— Мы закончили детальное исследование поверхности Цербера с его орбиты, — сказало изображение Алисии, — и не нашли никаких следов удара кометы об эту поверхность. Есть очень много метеоритных кратеров, но они старые. Все это очень загадочно. — Тут она выдвинула свою версию, которая заключалась в том, что комета исчезла за миг до соприкосновения с Цербером. Но даже эта гипотеза предполагала использование некой оборонительной технологии. — Однако ничего подобного мы не обнаружили. На поверхности спутника не замечены следы существования каких-либо рукотвор-

ных конструкций. Тогда мы решили отправить группу дронов, способных садиться на планету. Возможно, они найдут то, чего не увидели мы, — спрятанные в пещерах или каньонах машины. Мы надеялись, что автоматические системы как-то отреагируют на появление наших разведчиков.

«И похоже, они отреагировали, — горько усмехнулся Силвест. — Но совсем не так, как ожидала Алисия».

Вольева запустила следующий отрывок записи. На планету отправились дроны — крохотные автоматические космолеты, хрупкие и проворные, как стрекозы. Они быстро падали на Цербер — там не было атмосферы, способной их задержать, — а у самой поверхности включали тормозные двигатели. С «Лореана» видели яркие искорки, оживлявшие серый фон. Одна за другой эти искры меркли, словно желая сказать, что даже крошечный мертвый мир на много порядков больше любого творения человеческих рук.

— Запись в журнале, — сказала Алисия после небольшого перерыва. — От дронов начали поступать любопытные сообщения. — Алисия смотрела куда-то в сторону — должно быть, на дисплей с данными. — На поверхности отмечается повышенная сейсмическая активность. Мы этого ожидали, но подвижки коры до сих пор не замечены, хотя орбита планеты не является строгой окружностью и возможны приливо-отливные сжатия. Похоже, дроны спровоцировали сейсмику, но это кажется нам полной чушью.

— Не большей чушью, чем то, что планета стирает следы столкновения с кометой, — заметила Паскаль и добавила, поглядев на Силвеста: — Я вовсе не хотела быть несправедливой к Алисии.

— Это справедливая критика, — ответил он и повернулся к Вольевой: — Кроме записей Алисии, найдено что-нибудь? Там должны быть телеметрические данные от дронов.

— Они есть, — тихо ответила Вольева, — только мы их еще не обработали. Материал сырой.

— Покажи.

Вольева шепнула своему браслету несколько слов. В ту же минуту рубка как будто исчезла, а на чувства Силвеста обрушился шквал синестезии. Он погрузился в поток информации,

идущей от одного из разведчиков Алисии. Как и предупреждала Вольева, предоставленный датчиками материал был совершенно сырым. Но Силвест знал, чего следует ожидать, и его восприятие получило лишь встряску, а не болезненный удар.

Он плыл над Цербером. О высоте судить было трудно, так как основные детали фрактального рельефа — ущелья, кратеры, серые лавовые покровы — с любого расстояния смотрелись бы почти одинаково. Но вот разведчик доложил, что летит в полукилометре над поверхностью планеты. Он обнюхивал кору подобно охотничьему псу, высматривал малейшие признаки сейсмической активности, о которой говорила Алисия. Цербер казался древним и неизменным, как будто здесь ничего не случалось уже много миллиардов лет. Если что и двигалось на его поверхности, так это тень разведчика — да и та рождалась только при включении его двигателя.

Что видело это беспилотное устройство? В доступном человеческому зрению спектре — ничего. Проникнув в сенсорику разведчика (по ощущениям — как будто надеваешь перчатку неподходящего размера), Силвест обнаружил нейронные команды, поступавшие в различные информационные каналы. Он обратился к датчикам тепла, но температура на поверхности планеты не менялась. Весь электромагнитный спектр не показывал никаких аномалий. Нейтрино и все экзотические частицы упорно оставались в пределах допустимых параметров.

Когда же Силвест переключился на гравиметрическое изображение, он сразу понял, что дело нечисто. Его поле зрения покрылось цветными прозрачными контурами, обозначающими градиенты силы тяготения. Контуры двигались.

И в этом движении не было ничего естественного.

Какие-то объекты, достаточно большие, чтобы их зарегистрировали детекторы массы, перемещались под корой, и это было очень похоже на сжимающиеся клещи. И все это происходило как раз под парящим Силвестом.

Сначала он предположил, что под планетарной оболочкой движутся потоки перегретой магмы, но это утешительное заблуждение длилось не больше секунды.

По равнине прочертились линии; образовав звездоподобную мандалу, они сошлись в одну точку.

Смутно Силвест понимал, что такие же звезды появляются сейчас и под другими разведчиками. Линии ширились, превращались в глубочайшие провалы, через которые Силвест мог заглянуть в то, что для него выглядело как многокилометровая люминесцирующая пропасть. Какие-то гибкие твари сворачивались в кольца, шевелили сизыми щупальцами шириной с каньон. Движения отличались дивной деловитостью, можно сказать, целенаправленностью, — на такое способны только машины.

Ему стало тошно — как будто надкусил яблоко и обнаружил в нем колонию деятельных копошащихся червей.

Теперь он знал: Цербер — не планета. Это механизм.

Кольчатые создания вырвались из звездообразной дыры на равнину и, как в дурном сне, понеслись к Силвесту — не иначе вознамерились сорвать его с неба. Наступило страшное мгновение белизны — поблекли все его чувства, — но тут сенсорный поток от Вольевой оборвался с оглушающей внезапностью, и Силвест, едва не крича от экзистенциального шока, вдруг ощутил, как его «я» возвращается в тело, сидящее в рубке «Ностальгии по бесконечности».

Он с огромным трудом собрал оставшиеся силы. Потом еще хватило времени увидеть, как Алисия с лицом, искаженным животным страхом — а может быть, наоборот, ужасом понимания, — пытается выговорить что-то непослушными губами за секунду до гибели.

И тут ее изображение растворилось в статических помехах.

— Теперь мы, по крайней мере, знаем, что он сумасшедший, — сказала Хоури. — Если даже эти записи не убедили его отказаться от мысли идти к Церберу, то, наверное, этого не сделает уже ничто на свете.

— Вполне возможно, что демонстрация бортового журнала дала обратный результат. — Голос Вольевой звучал еле слышно, хоть она и считала, что в «Пауке» можно говорить без опаски. — Теперь Силвест не предполагает, а знает наверняка: тут есть нечто достойное изучения.

— Инопланетная техника?

— Очевидно. И даже не исключено, что мы сможем выяснить ее предназначение. Теперь понятно, что Цербер не на-

стоящая планета. По всей вероятности, это ядро планетарного происхождения, окруженное механической оболочкой и прикрытое искусственной корой. Данное обстоятельство объясняет, почему не обнаружено следов от удара кометы: кора успела восстановиться до того, как приблизилась Алисия.

— Что-то вроде камуфляжа?

— Похоже на то.

— Но зачем привлекать к себе внимание, уничтожая безоружных разведчиков?

Вольева, похоже, уже успела подумать и над этим вопросом.

— Допустим, на малых дистанциях — километр и менее — камуфляж выглядит неубедительно. Допустим, разведчики могли вот-вот раскрыть тайну планеты, и Церберу нечего было терять. Скорее, наоборот — он выигрывал, захватывая дроны, изучая их и получая какие-то сведения о потенциальном противнике, необходимых ему.

— И все-таки зачем понадобилось снабжать планету фальшивой корой?

— Не имею понятия. Думаю, и Силвест не знает. Потому-то и требует, чтобы мы подошли поближе. — Вольева еще больше понизила голос. — Вообще-то, он даже попросил меня разработать операцию.

— Какую операцию?

— По проникновению внутрь Цербера. — Илиа помолчала. — Конечно, он знает о тайном складе. И считает, что орудия способны помочь ему, ослабив оборону инопланетян на каком-нибудь участке. — Ее голос дрогнул. — Ты как думаешь, эта твоя Мадемуазель заранее знала, какова будет роль Силвеста?

— Она все время твердила: его нельзя допустить на борт.

— Мадемуазель сказала это еще до того, как ты попала к нам?

— Нет, после.

Ана сообщила об имплантатах в своей голове. И о том, как Мадемуазель заложила ей в мозг визуальное представление о себе, которое должно было контактировать с ней в полете.

— Это было неприятно, — сказала Хоури. — Но она дала мне иммунитет к наведенной лояльности, и, похоже, за это я должна быть ей благодарна.

— Наведенная лояльность сработала как надо, — ответила ей Вольева.

— Нет, я просто притворялась. Мадемуазель подсказывала, что и когда говорить. Наверное, у нас неплохо получалось, иначе мы с тобой вряд ли вели бы сейчас эту дискуссию.

— И все-таки она не могла полностью исключить того, что ты станешь верным членом команды.

Хоури пожала плечами:

— Разве это важно? И какое значение может иметь эта лояльность сейчас? Ты открыто сказала, что Садзаки ждет лишь малейшей ошибки с моей стороны. И вообще, команду от распада удерживает только одно — угроза Силвеста прикончить нас всех, если не сделаем того, что взбредет в голову. У Садзаки мания величия, на нем самом не мешало бы испытать те методы, которые он испытывает на тебе.

— Но ведь ты не дала Суджик расстрелять меня.

— Верно, я это сделала. Но если бы она сказала, что собирается разделаться с Садзаки или даже с дурачком Хегази, я уверена, что мой ответ был бы совсем другим.

Вольева помолчала, обдумывая услышанное.

— Ладно, — сказала она, — будем считать тему лояльности исчерпанной. Что еще сделал этот имплантат?

— Когда ты подключала меня к артсистемам, Мадемуазель, бывало, подключалась тоже, чтобы войти — или ввести свою копию — в ЦАП. Думаю, она хотела прибрать к рукам как можно больше контроля над кораблем, а ЦАП был для нее только отправной точкой.

— Архитектура ЦАПа не позволила бы Мадемуазели выйти за его пределы.

— Она и не вышла. Насколько мне известно, Мадемуазель не подчинила себе ничего, кроме вооружения.

— Ты имеешь в виду орудия из тайного склада?

— Да, Илиа, взбесившейся пушкой управляла она. Тогда я не могла тебе сказать правду, но знала, что происходит. Она хотела уничтожить Силвеста, не дожидаясь, когда мы доберемся до Ресургема.

— Сдается мне, — сказала Вольева брезгливо, — для этого надо обладать порочным умом. Стрелять из пушки по воробь-

ям... Я уже просила тебя рассказать, почему она так сильно желает Силвесту смерти.

— Тебе это не понравится. Тем более что Силвест собирается так много для нас сделать.

— Давай к делу.

— Хорошо-хорошо, — сказала Хоури. — Но есть еще кое-что, еще один осложняющий фактор. Его зовут Похититель Солнц, и, кажется, ты с ним знакома.

У Вольевой было такое лицо, словно внутри у нее разошлись швы на не успевших зарубцеваться ранах.

— Тьфу ты! — сказала она. — Опять это проклятое имя!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На подходе к системе Цербер-Гадес, год 2566-й

Силвест всегда понимал, что этот момент настанет. Но до сих пор ухитрялся держать это понимание подальше от своих каждодневных мыслей, признавая только самый факт его существования, но не задумываясь над возможными последствиями, — так математик может до поры забыть о слабо обоснованной части доказательства, пока все остальное не будет досконально выверено.

Садзаки настоял, чтобы они с Силвестом спустились на капитанский уровень и запретил Паскаль и остальным членам команды сопровождать их. Силвест предпочел бы, чтобы жена была рядом, но упорствовать не стал.

Это был первый случай после его прибытия на «Ностальгию», когда он остался наедине с Садзаки. В лифте Силвест стал лихорадочно подыскивать тему для разговора. О чем угодно, лишь бы не о той мерзости, которая ждала их впереди.

— Илиа говорит, что ее роботам на борту «Лореана» нужно еще три-четыре дня, — сказал Садзаки. — Вы уверены, что хотите продолжать эти исследования?

— Не надейтесь, я не передумаю, — ответил Силвест.

— Тогда у меня нет иного выбора, как присоединиться к вам. Я оценил обстановку и пришел к выводу, что существует реальная угроза.

— Думаете, для меня это новость? Садзаки, я слишком хорошо вас знаю. Если бы вы мне не поверили, то заставили бы лечить капитана, еще пока мы крутились вокруг Ресургема. А потом тихо избавились бы от меня.

— Ошибаетесь! — Голос Садзаки явно нес игривую нотку. — Вы недооцениваете мою любознательность. Думаю, я позволил бы вам добраться до этих мест — хотя бы для того, чтобы узнать, сколько правды в вашем рассказе.

Силвест, конечно, не поверил, но счел излишним устраивать диспут по столь мелкому поводу.

— Ну а теперь, послушав Алисию, вы все равно не верите мне?

— Эти записи так легко фальсифицировать! Разрушение корабля могло быть делом рук его команды. Я не буду верить в эти сказки, пока из Цербера не выскочит что-нибудь и не нападет на нас.

— Сильно подозреваю, что ваши сомнения вскоре будут развеяны, — проворчал Силвест. — Дня через четыре-пять. Если, конечно, Цербер не успел издохнуть.

Больше они ни о чем не говорили, пока не добрались до места.

Конечно, это был далеко не первый их совместный визит к капитану, но облик этого человека по-прежнему шокировал Силвеста. Каждый раз Силвест чувствовал себя так, будто видит этот ужас впервые в жизни. Доля истины тут была: недавно Кэлвин поколдовал над его глазами, воспользовавшись великолепным медицинским оснащением корабля. Кроме того, со времени предыдущего посещения капитан заметно изменился. Резко возросла скорость его распространения по кораблю, как будто началась гонка к некоему загадочному состоянию; и процесс ускорялся по мере приближения корабля к Церберу.

«Возможно, — думал Силвест, — я прибыл очень своевременно, если вообще хоть чем-то способен помочь капитану».

Подмывало предположить, что это ускорение трансформации капитана имеет важное и даже символическое значение. В конце концов, этот человек очень болен — если такое состояние можно назвать болезнью. Трагедия Бреннигена продолжается уже многие десятилетия, и вот теперь она переходит на новый виток.

Однако такой взгляд был наверняка ошибочен. Он не учитывал временны́е рамки: релятивистский полет сжал эти десятилетия в горстку лет. В последнем «расцвете» капитана не было ничего невероятного. И ничего зловещего, возможно.

— Что теперь? — спросил Садзаки. — Те же процедуры, что и раньше?

— Спрашивайте Кэлвина — он тут главный.

Садзаки задумчиво кивнул, будто только сейчас об этом узнал.

— Дэн, вы тоже могли бы кое-что сказать, ведь он работает при вашем посредничестве.

— Именно поэтому вам не следует полагаться на мои чувства. Я ведь даже не поприсутствую при лечении.

— Не поверю ни на секунду. Вы останетесь в полном сознании, насколько я помню по прошлому разу. Возможно, без права решающего голоса, но все равно — активный участник события. И вам будет весьма неприятно, — это мы тоже помним.

— Не слишком ли быстро, Садзаки, вы сделались специалистом по Силвесту?

— Иначе стали бы вы нас избегать?

— Я не избегал. У меня просто не было такой возможности.

— Я имею в виду не только ваше пребывание в тюрьме. Если вспомнить, как вы там вообще появились, на Ресургеме. Что это, если не бегство от нас?

— А может, у меня были другие причины перебраться на Ресургем?

Силвест ожидал, что Садзаки подхватит тему, но уходили минуты, а триумвир помалкивал. Возможно, ему просто надоел разговор. Силвесту вдруг пришло в голову, что этот человек живет настоящим и думает о будущем, а прошлое для него особого интереса не представляет. Ему скучно копаться в возможных мотивациях или всяких там «что было бы, если», потому что управлять уже случившимися событиями он не способен.

Силвест слышал, что Садзаки побывал у жонглеров образами, — он и сам так поступил перед путешествием к завесе. Для посещения жонглеров могла быть только одна причина,

а именно решение подвергнуться нейротрансформации, открыть свой разум иным формам мышления — человеческая наука такого дать не могла. Поговаривали — впрочем, это могли быть слухи, — что трансформации, проделанные жонглерами, имели неприятные побочные эффекты, что почти все они сопровождались потерей какой-нибудь способности. Ведь в человеческом мозгу конечное число нейронов, да и число возможных межнейронных соединений тоже конечное. Жонглеры могли изменить эту сеть, но только при условии разрушения ряда уже существовавших соединений. Возможно, и Силвест что-то потерял, но сам он эту пропажу выявить не сумел.

С Садзаки же дело обстояло иначе. Этот человек явно утратил некоторые качества, присущие человеческой натуре, причем утратил почти полностью. В общении он стал сух и холоден, но это почти не бросалось в глаза.

На Йеллоустоне, в лаборатории Кэлвина, Силвест однажды имел дело с неплохо сохранившейся компьютерной системой, построенной за несколько веков до Транспросвещения, когда исследования в области искусственного интеллекта переживали расцвет. Система предназначалась для подражания человеческой речи, что́ вначале и делала, отвечая на любые вопросы с очевидной компетентностью. Но эта иллюзия исчезала после обмена первыми фразами. Вскоре становилось ясно, что машина уводит разговор в сторону, игнорируя неудобные вопросы с невозмутимостью сфинкса. С Садзаки до такой крайности не доходило, но ощущение уклончивости возникало. Она даже не казалась искусственной. Садзаки не прятал безразличие, но и не выглядел социопатом с комплексом сверхчеловека. Да и зачем бы ему отрицать собственную натуру? Триумвиру нечего было терять, и он был по-своему чужд человечеству — впрочем, как и любой другой член экипажа «Ностальгии по бесконечности».

Когда Силвест уже понял, что ему не нужно ждать допроса о причинах эмиграции на Ресургем, Садзаки обратился к кораблю, приказав разбудить Кэлвина и спроецировать его компьютерный образ в командную рубку. Сидящий в кресле с капюшоном человек появился почти тотчас. Как обычно, Кэлвин устроил короткую пантомиму «Пробуждение гения»: он

потягивался, оглядывался по сторонам и при этом не выражал ни малейшего интереса к окружающему.

— Ну и когда же мы начнем? — наконец спросил он. — Когда же я войду в тебя? Чинить твое зрение, Дэн, с помощью здешней техники — просто танталовы муки. В первый раз за много лет я вспомнил, чего лишился.

— Боюсь, что не скоро, — ответил Силвест. — Это всего лишь... как бы попонятнее выразиться... пробный шурф?

— Тогда зачем понадобилось меня будить?

— Досадно в этом признаваться, но мне нужен твой совет.

Из темного коридора появились два серворобота на гусеничном ходу, с могучими «торсами», сплошь усаженными манипуляторами и датчиками. Они были абсолютно стерильны и отдраены до блеска, но казались тысячелетней рухлядью, которой место в лучшем случае в музее, а в худшем — на свалке.

— У них нет слабых мест, которые могла бы поразить чума, — сказал Силвест. — Нет частей, невидимых для невооруженного глаза. Нет ничего саморемонтирующегося, самовоспроизводящегося или изменяющего форму. Вся кибернетика управляется из точки, находящейся в километре отсюда, а связь — по оптическим кабелям. Ничто способное к самовоспроизводству не коснется их, пока мы не используем ретровирус Вольевой.

— Очень предусмотрительно.

— Но тонкую работу придется делать вам, — вмешался Садзаки.

Силвест поднес руку к лицу:

— Мои глаза не иммунны, Кэл, так что будь очень осторожен. Если их коснется чума...

— Уж поверь, я буду сама осторожность. — Откинув голову на спинку своего «трона», Кэлвин захохотал, точно пьяница, довольный собственной дурацкой шуткой. — Если лопнут твои глаза, даже я не смогу восстановить собственный шедевр.

— Ну, раз ты понимаешь степень риска, — к делу.

Роботы устремились к разбитой статуе ангела — телу капитана. Сейчас казалось, то, во что он превратился, не выползло из саркофага с медлительностью ледника, а рванулось струями

лавы, чтобы мгновенно застыть в космическом холоде. В любом направлении, не перекрытом близкой стеной, капитан выпростался из капсулы на десятки метров. Поближе к бывшему телу новообразования имели вид цилиндров толщиной в древесный ствол; цветом они походили на ртуть, а составом — на жидкую глину с вкраплениями самоцветов. Все это поблескивало и непрестанно шевелилось, поражая своей таинственной деловитостью. Дальше, на периферии, потоки «лавы» ветвились и переплетались, образуя нечто вроде рисунка бронхов. Эта сеть на самом краю микроскопически истончалась и постепенно сливалась с «субстратом» — с самим кораблем. И все это играло дифракционными красками, как растекшаяся по воде нефть.

Серебристые роботы, казалось, растворялись в серебряном фоне. Они встали по бокам увечной криокапсулы, примерно в метре от нее. Там было очень холодно: дотронься Силвест до капсулы в любом месте, и его плоть тотчас примерзнет, чтобы вскоре стать пищей для чудовищной чумы. Перед началом операции придется согреть капитана, и тогда чума не упустит возможности резко повысить скорость трансформации. Но по-другому нельзя, ведь температура, при которой содержится капитан, сделает непригодными все инструменты, кроме самых простых.

Роботы выдвинули кронштейны с датчиками. Магнитно-резонансным томографам предстояло заглянуть под чумные выделения и выявить механические, химерические и биологические участки в том, что некогда было человеком. Силвест приказал роботам передавать увиденное прямо на его глаза и получил изображение различных слоев капитана в сиреневом свете. Ценой большого усилия он выделил в этой массе остатки человеческой плоти. Это походило на призрачный контур, проступающий сквозь краску на многократно переписанной старинной картине.

Томографы делали свое дело, выявляя все новые детали, все четче прорисовывая изуродованную анатомию. Глядя на это, невозможно было не содрогнуться от ужаса. Но Силвест глядел и не содрогался.

— Итак, чем мы... чем ты будешь заниматься? — обратился он к Кэлвину. — Лечением человека или стерилизацией машины?

— Ни тем ни другим, — сухо ответил Кэл. — Мы будем чинить капитана, который, боюсь, вышел за рамки обеих этих категорий.

— Вы мыслите безукоризненно, — сказал Садзаки, отступая от криокапсулы, чтобы дать Силвесту лучший обзор. — Теперь речь уже не идет о лечении и даже о ремонте. Я предпочел бы термин «реставрация».

— Согрейте его! — приказал Кэлвин.

— Что-о-о?

— Вы слышали. Я хочу, чтобы он был теплым. Это ненадолго, конечно. Мне нужно сделать несколько биопсий. Я так понимаю, что Вольева брала анализы только на периферии капитана. Она поступила правильно, и срезы, полученные ею, дают ценную картину распространения чумы. Кроме того, без этих проб ей бы не удалось создать ретровирусы. Но нам сейчас надо проникнуть в эпицентр, туда, где еще остались живые ткани. — Он усмехнулся, наслаждаясь отвращением, которое было написано на лице Садзаки.

«А у тебя, оказывается, сохранилась кое-какая способность сопереживать, — подумал он. — Или, правильнее сказать, атрофированная культя этой способности».

На мгновение он ощутил некое родство с триумвиром.

— Чем вы так заинтересовались?

— Его клетками, разумеется. — Кэлвин погладил скругленный конец подлокотника. — Говорят, плавящая чума поражает наши имплантаты, растворяет их в плоти, одновременно блокируя ремонтные механизмы. Мне кажется, деятельность вируса выходит за эти рамки. Я полагаю, что он стремится вызвать гибридизацию, то есть создать своего рода гармонию между живой материей и кибернетической. Именно этим он и занимается здесь: ничего ужасного, кроме попытки срастить капитана с его собственной кибернетикой и с корабельной. Это почти гуманизм, почти искусство, почти польза.

— Вряд ли вы бы так говорили, если бы лежали на его месте, — произнес Садзаки.

— Совершенно верно. Поэтому я и хочу ему помочь. И именно поэтому мне надо заглянуть в его клетки. Я должен выяснить, затронула ли чума его ДНК, пытается ли она взломать его клеточную механику.

Садзаки протянул руку к капсуле:

— В таком случае действуйте! Разрешаю согреть капитана. Но только на время, необходимое для дела. Затем вы вернете его в прежнее состояние, в каковом он и будет пребывать вплоть до операции. И еще я требую, чтобы срезы не покидали этого помещения.

Силвест заметил, что рука триумвира мелко дрожит.

— Все это должно иметь какое-то отношение к войне, — говорила Хоури в «Пауке». — Война Рассвета — так ее называла Мадемуазель. Это было очень давно. Миллионы лет назад.

— Откуда тебе об этом известно?

— Мадемуазель дала мне как-то урок по истории Галактики. Чтобы я понимала, насколько велика ставка. И на меня это подействовало. Ты способна допустить, что сотрудничество с Силвестом — не самая хорошая идея?

— У меня и мысли не было, что это полезно.

«Подброшу-ка я ей еще идейку», — подумала Хоури.

Вольева испытывала совершенно детское любопытство в отношении системы Цербер-Гадес даже сейчас, зная, что там находится нечто очень опасное. И этот интерес только возрастал. Раньше его подогревала только аномальная нейтринная «подпись». Теперь с помощью «призрака» Алисии Илиа собственными глазами увидела инопланетную технику. Пожалуй, Вольева была зачарована ничуть не меньше Силвеста. Разница заключалась лишь в том, что с Вольевой можно было спорить. Она сохранила какую-то часть здравого рассудка.

— Думаешь, у нас есть шанс предупредить Садзаки о степени риска?

— Очень малый. Мы слишком много скрывали от него. Он вполне способен убить нас за это. И меня очень беспокоит перспектива траления твоего разума. Совсем недавно он снова упомянул об этом. Мне удалось его отвлечь, но... — Илиа вздохнула. — Впрочем, Силвест пока держит вожжи в своих

руках. Чего Садзаки хочет и чего не хочет — почти не имеет значения.

— Может, попробуем достучаться до Силвеста?

— Ничего не получится. Никакая аргументация не способна его поколебать, а в твоем рассказе, боюсь, такой аргументации вообще нет.

— Но ты-то мне веришь?

Вольева приподняла руку:

— Кое-чему из услышанного я верю, Хоури, но далеко не всему. Отдельные события, которые ты берешься объяснить, я видела сама, например бунт пушки. Мы знаем, что в определенный момент оказались вовлечены инопланетные силы, и это мешает мне с порога отмести версию о Войне Рассвета. Но то, что мы имеем, не складывается в понятную картину. — Помолчав, она добавила: — Может, когда мы проанализируем осколок...

— Какой еще осколок?

— Который поместила в твое тело Мадемуазель. — И Вольева рассказала о найденном сразу после появления Хоури на борту предмете. — Я тогда решила, что это просто часть снаряда, оставшаяся с войны. Потом задумалась, почему ее не удалили врачи. Надо было мне еще тогда обратить внимание на одну странность... Но это явно был не рабочий имплантат, а кусочек металла с зазубринами.

— И ты не знаешь, что это такое?

— Нет, я... — И Вольева сообщила Хоури, что в осколке гораздо больше интересного, чем показалось вначале.

Его состав был необычен даже для человека, которому приходилось работать с весьма редкими сплавами. Кроме того, то, что она поначалу сочла производственными дефектами, на самом деле могло быть результатом более поздних напряжений, — усталостные изменения на наноуровне.

— Может, осколок подскажет нам что-нибудь важное, — сказала Хоури. — Но это, скорее всего, мало что изменит. Я все равно не могу сделать то, без чего нам не выбраться из этой кучи дерьма. Я не могу убить Силвеста.

— Не можешь. Но если ставки поднимутся... Если, например, станет предельно ясно, что убить его необходимо, тогда придется подумать о способе.

Потребовалось некоторое время, чтобы значение слов Вольевой дошло до Хоури.

— Самоубийство?

Илиа мрачно кивнула.

— А пока я буду со всем старанием выполнять поручения Силвеста. Иначе я могу всех нас подвергнуть большому риску.

— Пойми же наконец, — вздохнула Хоури. — Я не имею в виду, что мы все обязательно погибнем, если провалится атака на Цербер. Я имею в виду, что даже в случае ее успеха случится нечто ужасное. Именно поэтому Мадемуазель хочет убить Силвеста.

Вольева плотно сжала губы и медленно покачала головой — с таким лицом мать увещевает упрямого ребенка.

— Я не могу поднимать мятеж на основании таких туманных предсказаний.

— Тогда, возможно, это придется сделать мне.

— Будь осторожна, Хоури. Будь очень-очень осторожна. Ты даже не представляешь, насколько опасен Садзаки. Он ждет любого повода, чтобы раскроить тебе череп и поглядеть, что там внутри. Впрочем, он может обойтись и без повода. Силвест же... не знаю. Я бы тоже хорошенько подумала, прежде чем переходить ему дорогу. Особенно сейчас, когда он почуял запах добычи.

— Тогда подберемся к нему с другого бока. Через Паскаль. Понимаешь? Я расскажу ей все, если увижу, что она способна его образумить.

— Она тебе не поверит.

— Поверит, если ты меня поддержишь. А ведь ты это сделаешь, правда? — Ана глядела на Вольеву в упор.

Триумвир вернула ей долгий, пристальный взгляд и уже была готова ответить, когда зачирикал ее браслет. Она задрала обшлаг и взглянула на экран. Ее вызывали наверх.

Командная рубка, как всегда, казалась слишком большой для крошечного экипажа корабля, и присутствие пассажиров никак не влияло на это впечатление. «До чего же жалкая картина», — подумала Вольева, и у нее мелькнуло желание позвать сюда всех любимых и давно умерших, пусть хотя бы за-

полнят пространство и придадут немного торжественности собранию. Но это было бы унизительно. Да и сама Вольева, принимая самое деятельное участие в проекте Силвеста, не испытывала ни малейшего душевного подъема. Если и были у нее какие-то теплые чувства к этому безумному предприятию, их погасил недавний разговор с Хоури. Стажер, конечно же, права: сама близость к Церберу-Гадесу несет в себе невообразимый риск. Но что может поделать Илиа?

Если будет разрушен корабль и погибнут все находящиеся на его борту люди, беды на этом не кончатся. По словам Хоури, этот вариант даже предпочтительнее, чем успех Силвеста, чем его проникновение вглубь Цербера. Такая удача станет лишь прелюдией к чему-то ужасному. Если рассказ Аны о Войне Рассвета хотя бы наполовину правдив, все закончится очень плохо не только для Ресургема, но и для человечества в целом.

Вольева уже подготовилась совершить самую роковую ошибку в своей карьере. Впрочем, это трудно было назвать ошибкой, так как у Илиа просто не оставалось выбора.

— Что ж, — сказал триумвир Хегази, царственно нависая над ней вместе со своим креслом, — попытка не пытка. Надеюсь на лучшее.

Она тоже надеялась на лучшее, но выказывать свои чувства при Хегази считала излишним.

— Учтите, — обратилась Илиа ко всем, — как только мы сделаем дело, отступать будет некуда. Это плохая новость, но с ней следует считаться. Планета может отреагировать немедленно, и вряд ли ее отклик покажется нам приятным.

— А может и не отреагировать, — возразил Силвест. — Я уже не раз говорил: Цербер постарается не привлекать к себе нежелательного внимания.

— Полагаю, нам следует довериться доктору, — вмешался Садзаки, сидевший сбоку от Силвеста. — Он ведь такой же смертный, как и мы.

Вольевой захотелось поскорее покончить со всем этим. Она вывела из спящего режима голографическую сферу, поместила в нее изображение «Лореана» в реальном времени. Корабль выглядел так же, как и в первый раз, его корпус был испещрен жуткими ранами, полученными — теперь это было

известно — вскоре после того, как Цербер обнаружил и уничтожил беспилотных разведчиков.

Но внутри этих обломков непрерывно трудились роботы Вольевой. Сначала там был лишь небольшой отряд, созданный первым роботом, которого она послала на поиск журнала Алисии. Рой механизмов рос необычайно быстро, строя себя прямо из корабельного металла. Эти дроны взаимодействовали с системами самовоспроизводства и саморемонта «Лореана», которые не смогли включиться после его гибели. Все быстрее появлялись новые и новые поколения машин, и через день-два началась работа над самим кораблем: восстановление его внутреннего устройства и оболочки.

Со стороны эта бешеная деятельность была бы совершенно незаметна, если бы не выделение тепла, которым сопровождается любая работа.

Вольева погладила браслет и убедилась, что все его индикаторы работают нормально. Сейчас начнется! И она уже не в силах воспрепятствовать этому процессу.

— Боже! — воскликнул Хегази.

«Лореан» менялся на глазах. Его пострадавшая оболочка исчезала, отваливалась целыми акрами. Корабль медленно заворачивался в кокон из отлетающих фрагментов. То, что обнажалось, тоже имело форму погибшего «Лореана», но было скользким и свежим, точно новая кожа змеи.

Ремонт был не из сложных — «Лореану», в отличие от «Ностальгии по бесконечности», не пришлось бороться с вирусом-убийцей. Этот корабль не пытался укусить спасающую его руку. Если лечение «Ностальгии» походило на ампутацию гангренозных органов и прижигание здоровой ткани, то «Лореан» был мягкой глиной в руках опытного скульптора.

Ракурс изменился, так как масса накопившихся обломков заставила «Лореан» повернуться вдоль продольной оси. Двигатели сочленителей стояли на своих местах и продолжали работать. Теперь их контролировала Вольева при посредстве браслета. Конечно, двигатели уже никогда не разовьют мощности, необходимой для достижения релятивистских скоростей, но это и не входило в намерения Вольевой. Нынешнее путешествие «Лореана» — его последнее путешествие, к сожа-

лению, — будет оскорбительно коротким для такого корабля. Теперь субсветовик почти пуст, его внутренний объем уменьшился, зато растолстел конический корпус. Исчезло «донце» в корме, и «Лореан» стал похож на колоссальный остроконечный кулек.

— Дэн, — обратилась к Силвесту Вольева, — мои машины нашли тела Алисии и других членов команды. Большинство мятежников спали в холодильных камерах... Они тоже не пережили расстрел.

— К чему ты это говоришь?

— Если хочешь, можно переправить их сюда. Конечно, это потребует небольшой задержки — придется посылать за ними шаттлы.

Она ожидала, что на обдумывание ответа у Силвеста уйдет не меньше часа. Но он сказал сразу:

— Никаких задержек. Ты права, Цербер наблюдает за нашими работами.

— А трупы?

Его ответ прозвучал так, будто иного решения и быть не могло:

— Они должны упасть вместе с кораблем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Орбита Цербера-Гадеса, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Скоро начнется...

Значительную часть каюты занимала яркая энтоптическая проекция. Паскаль лежала на кровати, наполовину в тени, и казалась скоплением абстрактных скульптурных округлостей. Силвест, подобрав под себя ноги, сидел на татами, слегка покачиваясь взад и вперед и наслаждаясь приятными воспоминаниями о нескольких кубиках корабельной водки, которые он проглотил несколько минут назад. После многих лет вынужденного воздержания устойчивость Силвеста к алкоголю упала до нулевой отметки, что в данном случае было плюсом, так как возбудило процесс отрешения его от внешнего мира.

Водка не заглушила внутренних голосов, скорее, усилила их, создав эффект эхо-камеры.

Один голос был так громок, что едва не глушил остальные. Он задал неудобный вопрос: что именно Силвест рассчитывает найти на Цербере? У того не было ответа, он продвигался вслепую — спускался по темной лестнице с неизвестным числом ступеней. Может случиться, что в какой-то момент нога не встретит тверди, а провалится в пустоту, и сердце обомрет от страха.

Подобно шаману, манипулирующему духами воздуха с помощью пальцев, Силвест заставил модель планетарной системы, спроецированную перед ним, прийти в движение. Сравнительно небольшой объем космоса включал в себя Гадес, орбиту Цербера и — на самой границе — приближающиеся машины людей, сейчас уже не скрытые планетой. Геометрическим центром этой композиции был Гадес, зловеще светившийся тусклым багрянцем. Крохотная нейтронная звезда имела в диаметре всего несколько километров, но она доминировала над своим окружением — ее гравитационное поле бешено вращалось.

Объекты, находившиеся в двухстах двадцати тысячах километров от нейтронной звезды, успевали обежать ее по орбите дважды в час. Когда дневник Алисии был изучен более тщательно, выяснилось, что один беспилотный зонд был уничтожен именно на этом расстоянии от Гадеса, и Силвест провел еще одну красную линию, которая отмечала смертельную границу. Цербер расправился с зондом, будто этот маленький мир считал защиту тайн Гадеса не менее важным делом, чем защиту собственного благополучия.

Очередная загадка. Что же она дает? Силвест так и не нашел ответа на этот вопрос. Он понял лишь одно: в этих местах нет ничего предсказуемого и даже логичного. Если постоянно помнить эту истину, у него будет шанс победить там, где тупые машины — и его бывшая жена — потерпели поражение.

Орбита Цербера находилась гораздо дальше, за девятьсот тысяч километров от Гадеса, и планета пробегала ее каждые четыре часа и шесть минут. Силвест иллюминировал эту орбиту холодным зеленым цветом — она казалась безопасной, во всяком случае, пока никто не приближался к самой планете.

Что касается оружия Вольевой — бывшего «Лореана», — то оно собственными силами переходило на более низкую орбиту, что пока не вызвало никакой реакции со стороны Цербера. Однако Силвест не сомневался: где-то там, внизу, есть нечто, отлично знающее об их присутствии. И это нечто пристально наблюдает за ждущим приказа Вольевой кораблем. Оно просто хочет увидеть, что случится дальше.

Силвест приказал модели сжаться, чтобы не заслонять их субсветовик. Он находился в двух миллионах километров от нейтронной звезды. Всего шесть световых секунд, что примерно соответствует предполагаемой дальности действия энергетического оружия, хотя оно должно для этого обладать огромными размерами. Одному только прицелу, чтобы дать разрешение, позволяющее увидеть корабль, необходима ширина в несколько километров. Впрочем, никакое материальное оружие сюда не добьет, разве что град релятивистских снарядов может представлять опасность. Но и это маловероятно. Судьба «Лореана» показывала, что Цербер предпочитает действовать быстро и скрытно, не устраивая демонстраций огневой мощи.

«Ну да, — подумал он. — Все абсолютно предсказуемо. И в этом кроется ловушка».

— Дэн, — сказала проснувшаяся Паскаль, — уже поздно. Тебе нужно отдохнуть перед завтрашним днем.

— Я говорил вслух?

— Как положено настоящему психу. — Взгляд Паскаль нервно пошарил по каюте и остановился на схеме. — Значит, это все же случится? У меня ощущение нереальности происходящего.

— Ты говоришь об этой операции или о капитане?

— И о том и о другом. Мне кажется, они неразделимы, зависят друг от друга. — Она замолчала, а Силвест пересел на кровать и стал ласкать лицо Паскаль, пробуждая давно похороненные воспоминания — те, которые он свято хранил в заключении на Ресургеме. Паскаль ответила на его ласку, и уже через минуту они занимались любовью со всей страстью людей, находящихся на грани эпохального свершения и знающих, что близость может никогда не повториться, а потому каждая ее минута драгоценна.

— Амарантийцы ждали достаточно долго, — сказала Паскаль. — И тот бедняга, которому ты хочешь помочь, тоже. Нельзя ли нам отделаться от них от всех?

— С чего вдруг?

— Мне не нравится, что с тобой происходит. Неужели не чувствуешь, что тебя сюда затащили насильно? Что на самом деле от тебя ничего не зависит?

— Теперь уже не остановиться.

— Нет! Еще не поздно, и ты это знаешь. Прикажи Садзаки немедленно повернуть. Пообещай сделать для капитана все, что в твоих силах. Я думаю, Садзаки боится тебя, он согласится на любые условия. Оставь Цербер-Гадес, пока он не сделал с нами того же, что сделал с Алисией.

— Обстрел застал их врасплох, а мы подготовлены. И это громадная разница. Фактически мы ударим первыми.

— Что бы ты ни рассчитывал найти, оно не окупит риска, на который мы идем. — Паскаль сжала его лицо в ладонях. — Неужели не понимаешь, Дэн? Ты уже победил! Ты доказал свою правоту. Ты получил то, чего добивался всю жизнь.

— Этого недостаточно.

Паскаль мерзла, но лежала рядом с ним не укрывшись. А Силвест то погружался в неглубокий сон, то выныривал из него. Он давно уже забыл, что значит спать по-настоящему. Паскаль почти права. И нечего этим амарантийцам стаями носиться в его мозгу. Оставили бы его в покое хоть на одну ночь. Жена просит, чтобы он забыл их навсегда. Исключено! Перед ним никогда не стояло такого выбора, а сейчас он и подавно не откажется от задуманного.

Даже желание расстаться с амарантийцами хоть на несколько часов отнимало уйму сил — больше, чем у него было. Его сны — это сны амарантийцев. И когда он просыпается, то часто за силуэтом спящей жены на стенах видит смыкающиеся крылья — чуждые, зловещие, ждущие своего часа.

Скоро начнется.

— Ты почти ничего не почувствуешь, — сказал Садзаки.

Триумвир говорил правду, во всяком случае поначалу. Хоури почти ничего не ощутила, когда началось траление, — лишь слегка давил шлем на выбритую голову, располагая свои ска-

неры с должной точностью. Ана слышала пощелкивание и посвистывание, но не более того. Даже щекотки не было, которой она ждала.

— Триумвир, в этом нет необходимости.

Садзаки уточнял параметры траления, набирая команды на нелепой старомодной консоли. Разрезы головы Хоури — нечеткие моментальные снимки — возникали вокруг него.

— Значит, тебе не о чем беспокоиться. Совершенно не о чем. Это всего лишь рутинная процедура. Тебе следовало ее пройти еще в момент вербовки, но моя коллега была категорически против...

— А сейчас-то какой смысл? Что я такого сделала?

— Сейчас, Хоури, мы в сложной ситуации. В нашем экипаже не должно быть людей, на которых я не могу во всем положиться.

— Но если вы сожжете мои имплантаты, какой будет прок от меня.

— Не придавай чрезмерного значения страшилкам Вольевой. Она просто прячет от меня свои маленькие профессиональные секреты — на случай, если я решу, что вполне способен взять на себя ее обязанности.

На экранах уже демонстрировались имплантаты Хоури — крошечные геометрически правильные островки порядка в аморфной, как суп, нейронной структуре. Садзаки набрал новую команду, сканер увеличил изображение одного имплантата. У Хоури зачесалась кожа под шлемом. Трал серией головокружительных увеличений «удалял» с имплантата слой за слоем, обнажал его сложноконструированные глубины. Так спутник-шпион смотрит на город, меняя разрешение оптики и видя сначала районы, потом улицы, а потом детали архитектуры.

Где-то в этом хитросплетении, заключенные в некую вполне физическую форму, находились данные, из которых возникал симулякр Мадемуазели.

Прошло немало времени с ее последнего «визита». Тогда, на Ресургеме, среди страшной бури, Мадемуазель сказала, что умирает, потерпев поражение от Похитителя Солнц. Закончилась ли эта война, или затянувшееся молчание объясняется

тем, что Мадемуазель последние силы тратит на сопротивление? Нагорный сошел с ума, как только Похититель Солнц овладел содержимым его черепной коробки. Предстоит ли то же самое Хоури, или враг предпочтет действовать скрытно в ее сознании? Может быть, — и эта мысль страшила — он чему-то научился на ошибках с Нагорным? И многое ли из этого станет очевидным для Садзаки, когда он закончит тралить разум Аны?

Садзаки забрал Хоури прямо из ее каюты. С ним был Хегази в качестве силовой поддержки. Сейчас этот триумвир отсутствовал, но, даже если бы Садзаки явился один, Хоури не оказала бы сопротивления. Вольева в свое время предупредила, что Садзаки куда сильнее, чем кажется, и хотя Ана была неплохо обучена приемам рукопашного боя, она почти не сомневалась, что Садзаки справился бы с ней.

В кабинете, предназначенном для траления, стояла атмосфера пыточной камеры. Он был без преувеличения пропитан страхом. Когда-то — может, десятилетия назад — здесь произошло нечто настолько ужасное, что следы не стерлись и по сию пору. Техника была допотопной и чудовищно громоздкой — ничего подобного Хоури еще не видела на этом корабле. Даже если эта аппаратура подвергалась апгрейду, чего по ее внешности не скажешь, она все равно не шла ни в какое сравнение с тралами, которыми пользовалась контрразведка на Окраине Неба. Такие тралы, как у Садзаки, оставляют после себя поля поврежденных нейронов, как наглый налетчик оставляет по всему дому следы грабежа. Вряд ли эти приборы намного совершеннее, чем те разрушительные машины, которыми пользовался Кэл Силвест при сканировании своих Восьмидесяти..

Но сейчас Ана была полностью в руках Садзаки. Он уже кое-что узнал о ее имплантатах: выяснил конструктивные особенности, прочел содержащуюся информацию. Зная все это, он может приступить к выявлению паттернов коры головного мозга, вытягивая из черепа сеть нейронных связей. Хоури немало знала о тралении благодаря знакомству с парнями из разведки. Топология нервных связей определяет долговременную память и черты личности; все это не просто взаимосвязано, а

практически нерасторжимо. И хотя здешнее оборудование не блистало новизной, алгоритмы фильтрации памяти вполне могли оказаться эффективными. За века были проанализированы десятки миллиардов человеческих умов, на основе изученных паттернов созданы статистические модели, позволившие, в свою очередь, выявить корреляцию между строением нейронной сети и содержимым памяти. Одинаковые впечатления имели свойство запечатлеваться в одинаковых структурах, из которых, как из кирпичиков, строились более сложные воспоминания. Эти кирпичики — функциональные блоки — никогда не бывают абсолютно похожими у разных людей, за исключением очень редких случаев, но их расшифровка не представляет особых трудностей, поскольку природа никогда сильно не отклоняется от пути минимизации энергетических затрат для каждого конкретного решения. Статистические модели умели вполне четко выявлять такие функциональные блоки, а затем и связи между ними, из которых, собственно, и состоит память. Все, что надо было сделать Садзаки, — это идентифицировать достаточное количество таких структурных кирпичиков и закартировать иерархические связи между ними, после запустить свои алгоритмы, которые должны разобраться с этой схемой. Тогда у Хоури не останется никаких секретов от триумвира Садзаки. Он сможет с легкостью читать ее воспоминания.

Прозвучал сигнал тревоги. Садзаки взглянул на один из дисплеев: имплантаты Аны светились красным светом, и это свечение грозило залить прилегающие к ним области мозга.

— Что случилось? — спросила она.

— Индуктивный нагрев, — беззаботно ответил Садзаки. — Имплантаты слегка потеплели.

— Так не пора ли прекратить?

— Нет-нет! Еще рано. Как я полагаю, Вольева должна была защитить их от электромагнитных импульсов. Небольшой скачок температуры не причинит серьезного ущерба.

— Но у меня голова болит... Мне это не нравится.

— Спокойно, Хоури! Уверен, ты выдержишь.

Словно ниоткуда пришло мигреневое давление, совершенно невыносимое, — будто Садзаки зажал ее голову в тиски и стал поворачивать винт. Должно быть, температура в черепе

повысилась куда сильнее, чем свидетельствуют датчики. Садзаки редко принимает близко к сердцу чужие интересы — наверняка он так откалибровал приборы, что они не покажут убийственную для мозга температуру, пока не будет поздно...

— Нет, Юдзи-сан, она не выдержит. Отпустите ее.

Чудесным образом это оказался голос Вольевой. Должно быть, Садзаки узнал о ее приходе задолго до Хоури и тем не менее сохранил выражение безразличия и скуки.

— В чем дело, Илиа?

— Вы отлично знаете в чем! Прекратите промывку, пока не убили нашего стажера.

Теперь Вольева стояла так, что Хоури видела ее. Тон был властным, хотя оружия Ана не заметила.

— Я пока не узнал ничего полезного, — возразил Садзаки. — Мне нужно еще несколько минут, и...

— Еще несколько минут, и она мертва. — С типичным для нее прагматизмом Вольева добавила: — Ее имплантаты тоже будут разрушены без надежды на восстановление.

Возможно, вторая фраза подействовала на Садзаки сильнее, чем первая. Он слегка понизил интенсивность тока. Красный цвет сменился менее тревожным розовым.

— Я думал, имплантаты получили необходимую закалку.

— Это ведь опытные образцы, Юдзи-сан. — Вольева подошла к дисплеям и вгляделась в изображения. — О нет... вы глупец, Садзаки, вы просто законченный идиот! Они почти наверняка испорчены! — Было похоже, что она говорит сама с собой.

Садзаки какое-то время стоял молча. Ана подумала, что сейчас он бросится на Вольеву и убьет одним неуловимым движением. Но триумвир, скривив рот, повернул несколько выключателей, прекращая траление памяти Хоури. Он поглядел на гаснущие дисплеи, а затем грубо сорвал шлем с ее головы.

— Твой тон и выбор выражений здесь неуместны, триумвир, — произнес он.

Хоури заметила, что его рука скользнула в карман брюк и нащупала там нечто, показавшееся ей похожим на шприц.

— Вы чуть не убили моего артиллериста! — сказала Вольева.

— Я еще с ней не закончил. Да и с тобой тоже. Ты ведь кое-что добавила в эту аппаратуру, верно, Илиа? Сигнальное устройство, сообщившее тебе, когда заработал трал. Очень ловко.

— Я всегда принимаю меры против неоправданного расходования корабельных ресурсов.

— Да, разумеется...

Ответ Садзаки повис в воздухе, и в нем угадывалась угроза. Триумвир повернулся и не спеша вышел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Орбита Цербера-Гадеса, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Силвест думал о том, что складывается симметричная до жути ситуация. Через каких-нибудь несколько часов орудия из корабельного тайного склада начнут битву со скрытой иммунной системой Цербера. Вирус против вируса, зуб против зуба. А накануне этой атаки Силвест собирается вступить в бой с плавящей чумой, которая не то пожирает, не то, наоборот, чудовищно раскармливает пораженного ею капитана. Эта симметрия как будто намекала на существование некоего порядка вещей, о котором Силвест мог лишь догадываться. Не по душе было ему такое ощущение — это как вступить игру и в разгаре ее обнаружить, что правила гораздо сложнее, чем ты себе представлял.

Чтобы бета Кэлвина могла функционировать посредством Силвеста, последнему надо было войти в полубессознательное состояние, сходное с лунатизмом. Кэлвин будет обращаться с ним как с марионеткой, получая потоки данных через глаза и уши Силвеста и двигаясь с помощью его же нервной системы. Даже говорить ему придется через Силвеста.

У того препараты-нейроингибиторы уже вызвали квазипаралич всего тела. Еще с прошлого раза он помнил, как это неприятно в ощущениях.

Силвест думал о себе как о машине, в которую вселился призрак.

Его руки, став хирургическими инструментами, срезали поросль на периферии. Приближаться к сердцу капитана не стоит — крайне велик риск заразить чумой свои имплантаты. На каком-то этапе — в этот раз или в следующий — все же надо будет подобраться к самому сердцу. Но сейчас Силвесту не хотелось думать об этом.

Сейчас они работали довольно близко к капитану, и Кэлвин пользовался простыми, не рассуждающими роботами, прибывшими из других частей корабля; но даже они не были неуязвимы. Недавно один из них совершил ошибку, и теперь его опутывала тонкая фиброзная сеть чумы.

Хотя эта машина не содержала никаких молекулярных компонентов, выяснилось, что она вполне годится в пищу трансформирующей матрице. Робот, так сказать, послужил топливом для болезни капитана.

Кэлвину пришлось воспользоваться более грубыми инструментами, однако это была лишь временная заминка. В какой-то момент — без сомнения, скоро — придется ударить по чуме единственным оружием, которое теоретически способно ее поразить, чем-то очень похожим на нее саму.

Силвест ощущал, как кипят мыслительные процессы Кэлвина где-то рядом с его собственными. Это не имело ничего общего с так называемым сознанием; симулякр, который руководил человеческим телом, был не более чем подобием, но он как-то взаимодействовал с нервной системой Силвеста. Казалось, что-то вздымается в нем, оседлав волну хаоса. Конечно, и научные знания, и его собственные предрассудки отрицали такую возможность, — но как еще объяснить то чувство раздвоения, что охватило Силвеста? Он не решился спросить у Кэлвина, не ощущает ли и тот нечто подобное. Не решился, поскольку сомневался в том, что ответу можно будет верить.

— Сынок, — сказал Кэлвин, — есть одна вещь, которую я давно хотел обсудить с тобой, но откладывал до нынешней минуты. Меня это очень беспокоит, но я не рискнул заводить речь в присутствии наших... клиентов.

Силвест знал, что только он слышит голос Кэлвина. Следовательно, не надо говорить вслух, достаточно субвокализировать, благо Кэлвин уже контролирует голосовые связки носителя.

— Сейчас тоже не время. На тот случай, если ты не заметил: операция идет полным ходом.

— Именно насчет операции я и хочу поговорить с тобой.

— Коли так, говори быстрее.

— Мне кажется, что здесь не надеются на наш успех.

Силвест поглядел на свои руки, которыми сейчас управлял Кэлвин. Они продолжали работать, пока шел обмен мыслями. Он чувствовал присутствие Вольевой, которая стояла рядом, ожидая инструкций. Силвест сложил в уме фразу:

— Ты о чем?

— Думаю, Садзаки очень опасный человек.

— Отлично. Значит, нас уже двое. Но ведь это не причина прекратить сотрудничество с ним.

— Начнем с того, что я ему благодарен, — сказал Кэлвин. — В конце концов, он ведь меня спас. Но потом я попытался представить, как ситуация выглядит с его точки зрения. И мне подумалось: а не спятил ли он малость? Любой нормальный человек давным-давно позволил бы капитану умереть. Тот Садзаки, которого я знал раньше, был истово верен Бреннигену, но тогда в этом был хоть какой-то смысл. По крайней мере, у нас была надежда спасти капитана.

— А сейчас ее нет?

— Он заражен вирусом, победить который не смог Йеллоустон с его колоссальными ресурсами. Согласен, эта планета сама подверглась атаке вируса, но ведь там есть анклавы, не тронутые чумой или продержавшиеся несколько месяцев. В этих местах люди располагали техникой ничуть не менее серьезной, чем здешняя, и они боролись, искали лекарство... Но так и не нашли. И мы даже не знаем, насколько близко к цели они подбирались и в какие попадали тупики. Может, кто-то оказался в шаге от успеха — но не успел сделать этот шаг.

— Я сказал Садзаки, что спасти капитана может только Господь Бог. Он не поверил, но это уже его проблема.

— А по-моему, проблема как раз в том, что он поверил. Именно поэтому я и говорю: победы от нас не ждут.

В этот момент Силвест смотрел прямо на капитана, поскольку Кэлвин, исходя из собственных интересов, предоставил ему такую возможность. Глядя на этот чудовищный сим-

биоз вируса и человека в упор, Силвест испытал нечто сродни просветлению, осознав вдруг правоту Кэлвина. Можно провести необходимую подготовку для исцеления капитана, установить, в какой степени разрушено его тело, но на этом все и кончится. Что бы они ни пытались предпринять, на какие бы ухищрения ни шли, сколь бы блестящие концепции ни выдвигали, — это будет ритуалом и не более того. Они обречены на неудачу. Или, что еще хуже, им просто не позволят добиться успеха.

Эта мысль была тем более тревожной, что возникла она у Кэлвина, а не у Силвеста. Отец давно понял то, что́ для сына только на́чало смутно вырисовываться в последние дни.

И это открытие для Силвеста стало шоком.

— По-твоему, он нам помешает?

— По-моему, он уже помешал. Мы оба заметили: с тех пор как нас взяли на борт, скорость распространения чумы на капитанском уровне значительно выросла. Заметили, но не придали этому значения. Объяснили не то случайностью, не то игрой нашего воображения. Теперь я считаю иначе. Садзаки решил его подогреть...

— Да... я и сам пришел к этому выводу. Есть и другие подтверждения.

— Биопсия. Те срезы, которые я заказывал.

Силвест отлично понимал, к чему все это ведет. Робот, которому поручили взять образцы клеток, наполовину съеден чумой.

— Ты не допускаешь, что он случайно подставился? Считаешь, это дело рук Садзаки?

— Или кого-нибудь из его людей.

— Она?

У Силвеста взгляд будто по собственной воле обратился в сторону женщины.

— Нет, — пробормотал Кэлвин вслух, хотя в этом не было необходимости. — Не эта. Я вовсе не хочу сказать, что верю ей, но она не похожа на покорную служанку Садзаки.

— О чем ты говоришь? — спросила Вольева, приближаясь.

— Не подходите слишком близко, — произнес Кэлвин голосом Силвеста, который на время разучился не только гово-

рить самостоятельно, но и формулировать фразы. — Мы могли ненароком распылить споры чумы. Вряд ли вам хочется вдохнуть их.

— Я невосприимчива, — ответила Вольева. — Во мне нет пищи для чумы.

— Тогда почему в стороне держитесь?

— Потому что тут холодно, черт побери! — Она помолчала. — Погодите-ка. С кем из вас я сейчас разговариваю? Это Кэлвин, да? С вами, наверное, надо быть повежливей, ведь не вы нас держите в заложниках.

— Вы сама любезность, — услышал свой голос Силвест.

— Надеюсь, вы пришли к единой линии поведения? Триумвир Садзаки будет крайне недоволен, если заподозрит, что вы не выполняете своих обязательств по договору.

— Триумвир Садзаки, — ответил Кэлвин, — запросто может оказаться причиной наших проблем.

Вольева подошла еще ближе и задрожала еще сильней, поскольку, в отличие от Силвеста, не запаслась термоодеждой.

— Не уверена, что правильно поняла вашу последнюю фразу.

— Вы правда считаете, что он хочет вылечить капитана?

Она глянула так, будто получила пощечину:

— С чего бы ему не хотеть?

— Давно командует, привык к власти. Ваш триумвират — сплошной фарс. Настоящий капитан — Садзаки, даром что официально не носит этого звания. И вы с Хегази это знаете отлично. Свое место без драки Юдзи-сан не уступит.

Она ответила слишком быстро для того, чтобы слова прозвучали убедительно:

— Я бы на вашем месте сосредоточилась на работе, которую вы взялись проделать, и перестала гадать о желаниях триумвира. Ведь именно он привел вас сюда. Пролетел уйму световых лет, чтобы заручиться вашей помощью. Вряд ли так поступил бы человек, который не хочет видеть своего капитана здоровым.

— Он не поленился обеспечить наш провал, — сказал Кэлвин. — И пока мы будем биться лбом об стену, он даст экипажу новый проблеск надежды, подскажет имя человека или на-

звание средства, способного вылечить Бреннигена. Вот только их придется сначала найти. И вы глазом не успеете моргнуть, как отправитесь на поиски, которые тоже затянутся на века.

— В таком случае, — сказала Илиа осторожно, словно подозревала, что ее заманивают в ловушку, — почему Садзаки не прикончил капитана давно? Это укрепило бы его позиции.

— Потому что тогда ему пришлось бы искать для вас применение.

— Применение?

— Да, и об этом вам следует подумать в первую очередь. — Кэлвин положил инструменты и отступил от капитана, — так актер готовится выйти на залитую светом сцену, чтобы произнести свой коронный монолог. — Этот крестовый поход с целью спасения капитана — единственная миссия, в которой вы согласны участвовать. Возможно, когда-то вам хотелось поскорее достичь цели, но этого не случилось, и со временем все потеряло значение. У вас на борту есть оружие, мне об этом известно. Я знаю даже о том оружии, о котором вы не любите говорить. Сейчас оно годится лишь на роль аргумента в случае, когда вам нужно что-нибудь получить — например, меня, человека, способного подвергнуть капитана лечебным процедурам, но не способного ни в малейшей степени улучшить его самочувствия.

Силвест обрадовался, когда Кэлвин замолчал на несколько секунд. Теперь он мог перевести дух и смочить пересохший рот.

— Пойдем дальше. Если Садзаки внезапно станет капитаном, как он должен будет поступить? Оружие останется в ваших руках, но против кого вы его обратите? Вам придется буквально на пустом месте создавать врага. Вряд ли у этого врага будет что-то нужное вам — ведь у вас есть корабль, а чего еще можно желать? Идеологические противники? Маловероятно. Я понаблюдал за вами и теперь могу поручиться: у вас совершенно нет идеологических установок, кроме разве что установки на выживание. Думаю, Садзаки в глубине души понимает ситуацию. Если он займет капитанский пост, вы рано или поздно будете вынуждены воспользоваться орудиями, хотя бы по той причине, что они существуют. И я не имею

в виду мелкий трюк вроде того, что вы проделали на Ресургеме. Теперь вы пойдете до конца, и каждому из этих монстров найдется применение.

Вольева соображала быстро, и Силвесту уже было известно об этом.

— В таком случае мы должны быть благодарны триумвиру Садзаки. Не убивая капитана, он не дает нам сорваться в пропасть. — Но взятый ею тон скорее подошел бы адвокату дьявола, который приводит возможные доводы в защиту нечистого только для того, чтобы подчеркнуть их еретичность.

— Ну да, — скептически произнес Кэлвин. — Возможно, вы и правы.

— А я вот не верю вашей болтовне! — вышла вдруг из себя Вольева. — Будь вы одним из нас, само появление таких мыслей расценивалось бы как предательство.

— Да ради бога, не верьте. Но мы останемся при своем мнении, поскольку видели, как Садзаки саботирует операцию.

В глазах Вольевой мелькнуло удивление, но она подавила это чувство со свойственной ей эффективностью.

— Кэлвин, мне не интересен ваш параноидальный бред. Заявляю это, полагая, что веду разговор именно с вами. У меня есть долг по отношению к Дэну, заключающийся в том, чтобы доставить его на Цербер. И у меня есть долг по отношению к вам — помочь с лечением капитана. Обсуждение любых других проблем считаю излишним.

— Ретровирус у вас с собой?

Вольева пошарила в кармане куртки и вынула пузырек:

— Он хорошо убивал образцы чумы, которые мне удалось изолировать и культивировать. Но будет ли эффективен сейчас — большой вопрос.

Силвест почувствовал, как рванулась его рука, поймал брошенный Вольевой пузырек. Крошечный стеклянный автоклав напомнил ему о том, который он носил в кармане накануне свадьбы.

Но воспоминание сразу померкло.

— Работать с вами — просто удовольствие, — сказал Кэлвин.

Вольева оставила Кэлвина (или Дэна Силвеста — она никогда не знала точно, с кем имеет дело), подробно проинструктировав его, как применять препарат.

«Это напоминает отношения фармацевта с врачом», — подумала она.

Илиа сделала сыворотку, которая хорошо проявила себя в лабораторных условиях, что позволило сформулировать общие принципы ее применения и способ введения в организм. Однако окончательное решение, связанное с жизнью и смертью больного, находится в компетенции врача, и она не имеет права вмешиваться.

В самом деле, если бы способ применения сыворотки не был столь важен, зачем понадобилось бы тащить на борт корабля Силвеста? Ее ретровирус — это лишь часть лечения, хотя, возможно, и главная.

Вольева вошла в лифт и поехала в рубку, стараясь не думать об услышанном от Кэлвина (конечно же, это был он) насчет Садзаки. Это было нелегко. Слишком много логики, здравого смысла. А что можно сказать насчет попытки сорвать лечение капитана? Она хотела потребовать доказательств, но, похоже, побоялась получить то, чего нельзя опровергнуть. Как сама Илиа заявила — и это было в каком-то отношении правдой, — такой ход мысли равносилен предательству.

Но ведь она и так неоднократно совершала поступки, которые можно расценить как предательство.

Садзаки не доверяет ей. Это очевидно. Ее несогласие в вопросе траления мозга Хоури — только один момент. А встраивание жучка в аппаратуру, чтобы о ее включении сразу узнавала Вольева? Это, пожалуй, еще серьезнее. Не пустяковый выход за рамки полномочий, который можно списать на заботу о вверенном ей имуществе, а свидетельство паранойи, страха и затаенной ненависти. И все же хорошо, что она подоспела вовремя! Траление не причинило Хоури большого вреда, полученные ею легкие травмы быстро заживут. И вряд ли Садзаки успел закартировать мозг Хоури достаточно подробно. Максимум, что он получил, — смутные воспоминания, на которых обвинение не построишь.

Впредь, думала она, Садзаки будет действовать осторожнее. Он понял, что потеря артиллериста сейчас — непозволительная роскошь. Но что, если фокус его подозрений перенесется на Вольеву? Ее ведь тоже можно подвергнуть тралению. Садзаки с легкостью пойдет на это... если только не побоится полностью разрушить отношения между триумвирами, — отношения, которые построены на идее равенства. У Илиа нет имплантатов, способных разогреться и сжечь мозг. А кроме того, работа с «Лореаном» переведена на автоматический режим и период максимальной полезности Вольевой для Садзаки миновал.

Она переговорила со своим браслетом. Осколок, извлеченный из тела Хоури, доставил ей уйму хлопот. Удалось худобедно определить химический состав и рисунок напряжений, и она попросила корабль сравнить осколок с другими материалами, сведения о которых хранились в банках памяти. Версия насчет того, что это дело рук Манукяна, казалась правдоподобной, — вещество явно было произведено не на Окраине Неба.

Корабль все еще вел поиск, зарываясь в глубины своей памяти. Теперь он изучал технологическую информацию двухсотлетней давности. Абсурдно лезть в такие дебри времени... С другой стороны, какой смысл останавливаться на полпути?

Через несколько часов корабль дойдет до момента основания колонии на Йеллоустоне, то есть доберется до немногих материалов, оставшихся от эпохи Американо. И тогда можно будет сказать Хоури, что поиск был очень тщательным, пусть и не дал результатов.

Вольева вошла в рубку. Одна.

Гигантский зал был темен, если не считать слабого сияния, исходившего от сферического дисплея, на котором застыла двойная звезда Дельта Павлина — Гадес. Никого из команды в рубке не было — во всяком случае, из оставшихся в живых, подумала она. Не было и мертвых, которых в прежние времена неоднократно вызывали из архивных хранилищ, чтобы использовать их познания в языках, на которых теперь уже никто не говорит. Одиночество вполне устраивало Вольеву.

Меньше всего хотелось бы сейчас встретиться с Садзаки, да и присутствие Хегази не было желательным. Даже с Хоури говорить не хотелось. Слишком много вопросов возникало при общении со стажером, а сейчас хватало других забот.

По крайней мере, несколько минут Илиа сможет побыть в своей родной стихии — одиночестве. И как бы глупо это ни казалось, забыть обо всем, что угрожает превратить порядок в хаос.

Если на то пошло, самая приятная компания для Илиа — это вооружение корабля.

Переделанный «Лореан» перешел на более низкую орбиту, не спровоцировав Цербер на ответные действия, хотя и оказался всего в десяти тысячах километров от планеты. Вольева называла этот большой конический объект «Плацдармом», ведь таково и было его предназначение. Это было оружие Вольевой и только Вольевой, поэтому никто другой ему имен не давал. Конус имел четыре тысячи метров в длину — почти столько же, сколько «Ностальгия по бесконечности», которая, можно сказать, являлась его матерью. Он был пустотелым. Даже стены походили на соты — в полостях хранились запасы боевых кибервирусов, по своей структуре наиболее близких к тому агенту, который будет применен для лечения капитана. Более крупное оружие, как лучевое, так и метательное, пряталось в специальных капонирах. Вся эта конструкция прикрывалась слоем гипералмаза в несколько метров толщиной, который должен был разрушиться при столкновении с планетой. Ожидалось, что ударная волна распространится по всей протяженности «Плацдарма», оболочка из пьезоэлектрического кристалла постепенно поглотит ее энергию и направит ее в системы вооружения. Скорость «Плацдарма» при ударе будет незначительной, меньше километра в секунду, поскольку он должен резко затормозить, прежде чем воткнется в кору. А сама кора перед столкновением размягчится — кроме собственных фронтальных орудий «Плацдарма», ее обстреляют и орудия из тайного склада.

Она связалась с «Плацдармом» через браслет. Нельзя сказать, что разговор получился содержательным. «Личность» этого оружия была крайне примитивной. Да и чего можно ожи-

дать от «мозга» возрастом в несколько дней? В некотором смысле это было даже хорошо: куриные мозги не начнут выдумывать идеи, совершенно лишние для корабля-камикадзе. «Плацдарму» отведен очень короткий век, и вряд ли будет польза, если он начнет анализировать свои ощущения.

Пляшущие по сфере цифры доложили ей об общей готовности «Плацдарма». Пришлось доверять системе, суммировавшей все показатели, — досконально изучить свое детище Вольева не успела. Она просто изложила собственные представления о конструкции оружия, но основная работа по проектированию была проделана автономной программой, которая не стала беспокоить Вольеву донесениями о технических проблемах, возникавших по ходу дела, и способах их решения. Так большинство матерей, производя на свет ребенка, не знают, как у него расположены артерии и нервы, не разбираются в биохимии и метаболизме.

Но редкое дитя, уже осознающее себя, обрекается беспощадной матерью на раннюю смерть.

Чирикнул браслет. Вольева глянула на дисплей, ожидая сообщения о какой-нибудь технической неполадке, — на борту «Плацдарма» все еще работали ремонтные системы.

Но это вышла на связь «Ностальгия по бесконечности» — ей удалось идентифицировать анализируемый фрагмент. Пришлось обратиться к технической документации двухсотлетней давности, и теперь сходство с имеющимся образцом не вызывает сомнений. И, кроме рисунка напряжений, которым материал подвергся явно гораздо позже, чем появился на свет, все параметры совпадают, расхождения не превышают допустимой погрешности.

Вольева все еще сидела в рубке, о чем и сказала кораблю.

— Выведи на дисплей, — велела она.

На сфере появилось увеличенное изображение осколка в видимом спектре, а также серия снимков, начиная от сделанного с помощью электронного микроскопа и показывающего серую изломанную кристаллическую структуру и заканчивая пестрым, полученным с помощью магнитно-резонансного томографа, который демонстрировал, хоть и расплывчато, отдельные атомы. В нескольких окнах на сфере появились рент-

генографические и масс-спектрографические диаграммы. На Вольеву обрушился вал технических подробностей. Все это было привычно и понятно ей; большинство измерений она сделала сама.

Илиа подождала, пока все изображение сдвинется на правую половину экрана; рядом с ним появился очень похожий набор графиков, описывающий образец из корабельного хранилища. Атомное разрешение было таким же, отсутствовало лишь напряжение металла. Химический состав, количественное соотношение изотопов, свойства кристаллической решетки были идентичны. Множество фуллеренов, включенных в неуглеродные аллотропы, перемежались слоями разных металлов и загадочных сплавов. Присутствовали вкрапления иттрия и скандия, следовые количества стабильных трансурановых элементов, — возможно, они придавали материалу исключительную прочность...

Вольева знала, что на корабле можно найти и более странные вещества; некоторые она сама же и синтезировала. Осколок необычен, но это все же явно продукт человеческой технологии — некоторые бакитрубки принадлежат к демархистской эпохе, а стабильные трансурановые элементы широко применялись в двадцать четвертом — двадцать пятом веках.

Короче говоря, материал осколка был удивительно похож на тот, из которого делались корпуса звездолетов в указанное выше время.

Очевидно, корабль пришел к такому же выводу. Но как мог оказаться в теле Хоури фрагмент старинного космического судна? И что хотел сказать ей Манукян, если это послание от него? А может, Вольева ошибается и осколок никак не связан с Мадемуазелью, — может, это всего лишь некая труднообъяснимая случайность? Или это какой-то совершенно особенный, чем-то знаменитый корабль?

Наверное, так оно и есть. Технология типична для определенного времени, но материал уникален, поскольку способен выдерживать невероятное давление — даже в военной области не бывает изделий такой прочности.

По мере того как эти мысли раскладывались в голове Вольевой по полочкам, ей становилось все яснее, что осколок мог

принадлежать только одному типу космических судов — контактному кораблю Силвестовского института по изучению затворников.

Тщательный анализ содержания изотопов показал, что это тот самый корабль, который доставил Силвеста к Завесе Ласкаля. Теперь у Вольевой было достаточно данных. Круг замкнулся. Подтвердился тот факт, что Мадемуазель, о которой говорила Хоури, тесно связана с Силвестом. Впрочем, Хоури знала об этом и раньше... а следовательно, послание Манукяна содержит гораздо более важную информацию.

Конечно, Вольева уже начала догадываться, в чем тут дело, и эта догадка не на шутку испугала ее. Ведь Мадемуазель никак не могла быть той, о ком она подумала. Человек не способен пережить гравитационные шквалы, что бушуют вблизи Завесы Ласкаля! Однако Манукян сказал Хоури, что он нашел свою нанимательницу в космосе. Отчего же не допустить, что облик герметика просто скрывает страшные физические уродства, каких не могла оставить на теле человека даже чума?

— Покажи мне Карину Лефевр, — распорядилась Вольева, вспомнив имя женщины, которая считалась погибшей возле завесы.

Огромное, как образ какой-нибудь языческой богини, лицо смотрело на Вольеву с дисплея. Женщина была молода, и по тому, что виднелось ниже шеи, можно было понять, что одета она по моде йеллоустонской Бель-Эпок, золотого века этой планеты, который предшествовал веку плавящей чумы. Лицо показалось знакомым — не поразительно знакомым, но достаточно, чтобы стало понятно: когда-то Илиа его видела. Да, ей попадалась фотография в десятке исторических документов, и каждый из них утверждал, что эта женщина давным-давно мертва — уничтожена непостижимыми космическими силами. Конечно же! Теперь понятно, откуда на осколке следы чудовищных давлений. Перепады гравитации у Завесы Ласкаля могли из металла выжать кровь.

Никто не сомневался, что Карина Лефевр приняла страшную смерть.

— Свинство! — выругалась триумвир Илиа Вольева, у которой не осталось никаких сомнений.

Еще в детстве Хоури заметила, как с нею что-то происходит, когда она ненароком хватается за что-нибудь горячее, например за ствол ракетомета сразу после выстрела. В таких случаях сначала возникала не боль, а чувство, предупреждающее о возможности сильного болевого шока, который не заставит себя ждать. И когда это ощущение исчезало, на миг сменяясь полным покоем, казалось, что она успеет отдернуть руку и не обжечься. Но не успевала никогда, и настоящая боль неотвратимо обрушивалась, и спасало лишь одно — моральная готовность к ожогу.

Это всегда удивляло Ану. Если предварительная боль не заставляет вовремя отдернуть пальцы, то зачем она вообще нужна? И даже когда Хоури узнала, что промежуток между двумя ощущениями имеет вполне логичное психологическое объяснение, этот феномен все равно казался ей чуть ли не издевательством.

Вот такое первое предупреждение она получила и сейчас, сидя с Вольевой в «Пауке». Та сообщила, кому, как ей кажется, принадлежит лицо на дисплее. Карине Лефевр, сказала она. И Хоури ощутила легкий шок, как эхо, летящее впереди будущего сильного потрясения. Очень слабое эхо, а затем мгновение тишины.

И наконец настоящий удар.

— Как такое может быть? — спрашивала Хоури, еще не успев мало-мальски прийти в себя. — Это же невероятно! В этом нет никакого смысла!

— А по-моему, смысла тут предостаточно, — возразила Вольева. — Теперь все складывается в картину. И отмахнуться от фактов нельзя.

— Но все же знают, что она умерла! Не только на Йеллоустоне знают, но и во всем цивилизованном космосе! Илиа, она погибла, и это была страшная смерть! Мадемуазель не может быть Кариной Лефевр!

— А я думаю, очень даже может. Манукян сказал, что нашел ее в космосе. Вероятно, так и было. Он обнаружил Карину Лефевр дрейфующей вблизи Завесы. Скорее всего, посетил ее раздавленный корабль с целью наживы, обнаружил там

Карину и привез на Йеллоустон. — Тут Вольева остановилась перевести дух, но не позволила Хоури вклиниться. — Можно такое допустить? Можно. По крайней мере, это позволяет связать ее с Силвестом и понять, почему она хочет его уничтожить.

— Илиа, я читала о том, что с ней произошло! Ее разорвало гравитационными флуктуациями вблизи завесы. Манукяну некого было спасать!

— Конечно некого — в том случае, если Силвест не солгал. Не забывай: обо всем, что там произошло, мы можем судить только с его слов. Ни единой записи приборов не сохранилось.

— Ты хочешь сказать, что она не погибла?

Вольева приподняла руку, она всегда так делала в тех случаях, когда Хоури понимала ее не вполне точно.

— Нет... Возможно, она и в самом деле умерла, но не так, как рассказывал Силвест. А может, умерла не в том смысле, как это понимаем мы. И сейчас она жива, но не по-настоящему... хоть ты и видела ее собственными глазами.

— Я ее почти не видела. Только ящик, в котором она ездит!

— И ты решила, что она герметик, поскольку пользуется чем-то похожим на паланкин. А ведь нельзя исключать умышленную попытку ввести тебя в заблуждение.

— Но ее же разорвало в клочья! Это доказано!

— А если Завеса не убила ее? Лефевр пережила нечто ужасное — но именно пережила. Возможно, что-то спасло ее.

— Силвест должен знать!

— Может быть, он не смеет признаться в этом самому себе. Надо поговорить с ним. Пригласим его в «Паука», здесь нас не потревожит Садзаки. — Вольева еще не окончила фразу, как ее браслет чирикнул и на экране появилось лицо с глазами, спрятанными за бесцветными полусферами. — Заговори о черте, увидишь его рога, — выругалась Вольева. — В чем дело, Кэлвин? Вы ведь Кэлвин?

— В данный момент, — ответил мужчина. — Хотя боюсь, очень скоро Садзаки перестанет считать меня полезным.

— О чем вы? — Не дожидаясь ответа, Вольева сказала: — Мне необходимо поговорить с Дэном. Это срочно, и буду весьма признательна...

— Думаю, то, что имею сообщить я, не менее важно, — ответил Кэлвин. — Это о вашем агенте, Вольева. О ретровирусе, которого вы выкормили.

— А что с ним?

— Он, видите ли, работает не так, как ожидалось. — Кэлвин отступил назад, и Хоури увидела за ним капитана — серебристого, покрытого слизью, как статуя, по которой ползают слизни. — Мне кажется, ваш ретровирус только ускоряет смерть.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Силвест не заставил себя долго ждать. К его неудовольствию, с Вольевой оказалась Хоури — женщина, спасшая ее на Ресургеме. Если Вольева была чем-то вроде неизвестной переменной в его планах, то с Хоури дела обстояли еще хуже, так как Силвест совершенно не мог понять, куда клонятся ее симпатии — то ли на сторону Вольевой, то ли на сторону Садзаки, а может, на чью-то еще. Впрочем, полностью разделяя тревогу Кэлвина, он решил выбросить эти вопросы из головы.

— Ускоряет смерть? Что вы хотите этим сказать?

— Именно это, и ничего больше, — заставил его проговорить Кэлвин, прежде чем женщины успели прийти в себя. — Вирус был введен согласно вашим инструкциям. Но дело выглядит так, будто мы сделали чуме мощную питательную инъекцию. Она распространяется быстрее, чем раньше. Если бы я не полагался на вашу честность, то сказал бы, что ретровирус фактически помогает болезни.

— Черт побери! — выругалась Вольева. — Извините, не сдержалась. Я от усталости с ног валюсь.

— И это все, что вы можете нам ответить?

— Я проверяла свой агент на небольших количествах чумного вируса, — осторожно сказала Вольева. — И он всегда ока-

зывал сильное воздействие. Я не могла обещать, что ретровирус будет действовать на тело, пораженное инфекцией, с той же эффективностью... но допускала, что даже в самом худшем случае мы получим положительный эффект, пусть и очень слабый. Чума должна бросить на ретровирус хотя бы часть своих ресурсов. Я надеялась ослабить ее до той степени, когда бы мы могли с ней справиться обычными средствами или, по крайней мере, остановить ее развитие.

— Но мы наблюдаем нечто совсем иное, — ответил Кэлвин.

— То, что говорит Вольева, похоже на правду, — вмешалась Хоури, и Силвест обнаружил, что смотрит на нее с таким негодованием, будто сомневается в ее праве на существование.

— И что же вы наблюдаете? — спросила Вольева. — Учтите, я спрашиваю не из любопытства.

— Мы перестали вводить сыворотку, — ответил Кэлвин. — Так что рост стабилизировался. Но когда сделали первый укол, чума активизировалась. Такое впечатление, будто она поглощает массу ретровируса быстрее, чем вещество корабля.

— Но это же нелепо! — воскликнула Вольева — Корабль не может сопротивляться чуме! По-вашему, выходит, что агент просто скармливает себя вирусу, спеша превратиться в удобоваримую пищу!

— Как если бы солдаты в окопах сдались, не успев даже услышать от врага призыва к капитуляции, — кивнула Хоури.

— Очень похоже, — задумчиво произнесла Вольева, и Силвест впервые почувствовал между этими женщинами нечто вроде взаимного уважения. — Но все равно это невозможно. Чтобы такое произошло, чума должна взломать механизм репликации, а это никогда не бывает легко.

— Ну что ж, попробуйте сами.

— Нет уж, спасибо. Дело не в том, что я вам не верю. Просто попытайтесь посмотреть на ситуацию с моей точки зрения. С нее все выглядит так, будто я сама развела эту чертовщину. То есть полная бессмыслица.

— А если допустить нечто иное? — вмешался Кэлвин.

— Что именно?

— Может, это саботаж? Я вам уже говорил о своих подозрениях. Кое-кто не хочет, чтобы лечение капитана прошло

успешно. — Кэлвин не желал откровенничать в присутствии Хоури, да и Садзаки мог подслушивать. — Разве вашу сыворотку нельзя подменить?

— Придется подумать над этим, — ответила Вольева.

Силвест израсходовал не весь объем сыворотки, которую дала ему Вольева, поэтому она могла проверить молекулярную структуру вещества с помощью той же аппаратуры, которой пользовалась при анализе осколка из тела Хоури. Когда Илиа сравнила пробу из пузырька с пробами из ее лабораторных запасов, они оказались идентичными, в пределах допустимого колебания квантовой точности. Вплоть до второстепенных химических связей маловажных атомов в наименее значимых молекулярных компонентах.

Вольева сверила структуру агента со своими записями и увидела, что та ничуть не отличается от чертежа, который она держала в голове на протяжении последних субъективных лет. Никто не шалил с ее вирусом, не вырывал ему зубы. Версия Силвеста не стоит выеденного яйца! У Вольевой камень упал с души, ведь ей так не хотелось верить, что Садзаки решил саботировать лечение. Это слишком чудовищно, чтобы быть правдой. Конечно, Юдзи-сан не ангел, но вряд ли он способен на такую подлость.

Зато существовала другая возможность.

Вольева покинула лабораторию и вернулась к капитану, отчаянно ругая себя за то, что недодумалась раньше и тем самым обеспечила себе уйму работы.

Силвест спросил, что ей понадобилось на капитанском уровне. Илиа долго смотрела на него, прежде чем ответить.

Да, тут есть связь с Завесой Ласкаля. В этом она уверена. Мадемуазель пытается отомстить — за его трусость, или за предательство, или еще за что-то, что могло ее погубить вблизи от завесы? Может, причина кроется глубже и она как-то связана с инопланетянами? Может, не обошлось без защитников завесы, которых Ласкаль насторожил во время своего путешествия? С чем Илиа столкнулась сейчас: с человеческой злобой или с чем-то совсем чуждым и древним, как сами затворники?

Было много такого, о чем следовало поговорить с Силвестом, но сделать это можно было лишь в безопасном «Пауке».

— Мне нужна еще одна проба, — сказала она. — С периферии, из той зоны, куда ты вводил сыворотку. — Илиа вынула лазерную кюретку, быстро сделала несколько надрезов, взяла соскоб ткани, которая ощущалась как металлическая стружка, и поместила в подготовленный контейнер.

— А что с агентом? Он изменен?

— До него никто не дотрагивался, — ответила она.

Затем перевернула кюретку и начертала ею мелкие буквы на переборке рядом с ложем капитана. Задолго до того, как Садзаки сможет прочесть эту надпись, капитан поднимется над ней, подобно приливной волне, и скроет.

— Что ты делаешь? — спросил Силвест.

Но Вольева повернулась и покинула отсек, не ответив.

— Ты был прав, — сказала Илиа, когда они оказались в полной безопасности, за пределами «Ностальгии по бесконечности», в «Пауке», прицепившемся к оболочке корабля этаким нахальным стальным паразитом. — Это действительно саботаж. Только в несколько иной форме, чем я думала вначале.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Силвест, на которого «Паук» произвел сильнейшее впечатление. — Я думал, ты сравнила ретровирус с более ранними сериями.

— Я сделала это и не выявила никакой разницы. Таким образом, осталась только одна возможность.

Повисло молчание. Его нарушила Паскаль Силвест:

— Должно быть, капитан... то есть чума получила предохранительную прививку! Кто-то украл всю серию проб и денатурировал агент, удалив летальность вируса и стремление к размножению, после чего запустил его в ткань плавящей чумы!

— Это единственная версия, которая объясняет все, — отозвалась Вольева.

— Думаете, это дело рук Садзаки? — спросила Хоури.

Обращалась она к Силвесту.

Он кивнул:

— Кэлвин, можно сказать, предвидел, что Садзаки попытается сорвать операцию.

— Не понимаю, — сказала Хоури. — Вы говорите, что капитан получил прививку. Разве это не к лучшему?

— Не в данном случае. Ведь прививку получил не капитан, а живущая в нем и на нем чума, — ответила Вольева. — Нам было известно, что она гиперадаптивна. Это всегда представляло серьезнейшую проблему: каждое молекулярное оружие, которое мы применяли, наталкивалось на несокрушимую оборону и моментально оказывалось разбито и пожрано. Но в этот раз я надеялась скрытно получить преимущество. Ретровирус обладал огромной силой, и был шанс, что он сумеет обойти средства разложения. Но чума получила возможность познакомиться с ретровирусом до того, как он предстал перед ней в своей активной форме. И к тому времени, когда Кэлвин ввел сыворотку, чума уже знала, на что та способна. Она придумала, как разоружить ретровирус и привлечь его на свою сторону, даже не затратив на это собственной энергии. И капитан стал разрастаться еще быстрее.

— Но кто мог это сделать?! — воскликнула Хоури. — Я думала, ты единственный человек на борту, способный на нечто в этом роде.

Силвест кивнул:

— Хотя я все еще считаю, что Садзаки пытается сорвать операцию... мне кажется, эта проделка не в его стиле.

— Согласна, — поддержала его Вольева. — Садзаки просто не обладает необходимым опытом.

— А второй? — спросила Паскаль. — Химерик?

— Хегази? — Вольева отрицательно покачала головой. — Можешь вычеркнуть и его. Он станет проблемой, если кто-нибудь из нас вздумает противоречить триумвирату, но подобная тайная деятельность вовсе за пределами его возможностей. Нет. С моей точки зрения, на корабле есть только три человека, способные на такое. Одна из них я.

— Кто остальные двое? — спросил Силвест.

— Кэлвин, — ответила Вольева. — Но в силу известных причин он автоматически выпадает из числа подозреваемых.

— А второй?

— Вот тут мы переходим в область фантастики. Кроме меня и Кэлвина, единственный человек, способный так обойтись с ретровирусом, — это тот, кого мы пытаемся вылечить.

— Капитан? — изумился Силвест.

— Я бы сказала, теоретически он может это сделать. — Вольева хмыкнула. — Конечно, если еще не умер.

Хоури с большим интересом ждала, как отреагирует на ее слова Силвест, но он сохранил ледяное спокойствие.

— Не имеет значения, кто это был. Если не сам Садзаки, наверняка тот, кто действовал в его интересах. — Силвест обратился к Вольевой: — Я правильно понял: в своих выводах ты не сомневаешься?

Она кивнула:

— К сожалению, да. И что это означает для вас с Кэлвином?

— Что это означает для нас? — Силвест, казалось, удивился ее вопросу. — Да абсолютно ничего. Во-первых, я никогда не обещал вылечить капитана. Сразу сказал Садзаки, что считаю эту задачу невыполнимой. И я ничуть не преувеличивал. Кэлвин полностью согласен со мной. Если уж быть совсем откровенным, я не уверен, что Садзаки стоило затевать саботаж. Даже если бы ваш ретровирус не оказался денатурирован, сомневаюсь, что сыворотка доставила бы чуме много хлопот. Так что же изменилось? Мы с Кэлвином будем притворяться, что лечим капитана, и на каком-то этапе все убедятся, что у нас ничего не получается. Мы ничем не покажем Садзаки, что знаем о его вредительской деятельности. Конфликт с этим человеком нам ни к чему, особенно сейчас, когда необходимо разобраться с Цербером. — Силвест спокойно улыбнулся. — И я не думаю, что Садзаки сильно расстроится, узнав, что наши старания ничего не дали.

— Вы утверждаете, что ничего не изменилось? — Хоури огляделась в поисках поддержки, но не сумела прочесть выражения лиц. — Что-то слабо верится.

— Силвесту безразлична судьба капитана, — сказала Паскаль. — Разве вы этого еще не поняли? Он будет делать только самое необходимое, чтобы у Садзаки не было повода заявить о нарушении договора. А вот Цербер для Дэна — это все! Сильнейший магнит! — Она говорила так, будто Силвест был где-то далеко.

— Да, — сказала Вольева. — Я рада, что вы затронули этот вопрос, поскольку есть обстоятельства, которые нам с вами следует обсудить. Это касается как раз Цербера.

Силвест насмешливо глянул на нее:

— Вы-то что знаете о Цербере?

— Слишком многое, — ответила ему Хоури. — Просто чертовски много.

Она начала свою историю с того момента, с которого только и имело смысл начинать, — с самого начала. Со своего пробуждения на Йеллоустоне, с участия в «Игре теней» в качестве киллера и вплоть до того, как ее завербовала Мадемуазель, сделавшая предложение, от которого было очень трудно отказаться.

— Кто эта женщина? — спросил Силвест, когда с частностями было покончено. — И чего она хотела от вас?

— Дойдем и до этого, — отрезала Вольева. — Будь терпелив.

Хоури казалось, что прошла вечность с тех пор, как эту же историю она рассказывала Вольевой. О том, как пыталась проникнуть на корабль и была обманута женщиной, которая решила заполучить нового артиллериста, не спрашивая согласия кандидата. Как Мадемуазель все время находилась в ее голове, выдавая лишь ту информацию, что была необходима в данный момент. Как Вольева подключила Хоури к оперативной матрице тайного склада и как Мадемуазель обнаружила проникшую туда некую сущность — программу, называющую себя Похитителем Солнц.

Паскаль посмотрела на Силвеста:

— Имя мне вроде знакомо... Клянусь, я где-то слышала его. Ты не помнишь?

Силвест не отвечал.

— Что бы ни представляла собой эта сущность, — продолжала Хоури, — она уже проникла в голову одного бедолаги, бывшего до меня стажером-артиллеристом. И свела его с ума.

— Не понимаю, какое отношение все это имеет ко мне, — пожал плечами Силвест.

И тогда Хоури сказала ему напрямик:

— Мадемуазель определила, когда именно эта сущность появилась на центральном артиллерийском посту.

— Отлично, продолжайте!

— И это совпадает с вашим прошлым посещением корабля.

Хоури рассчитывала, что это сообщение лишит Силвеста дара речи или, по крайней мере, сотрет с его лица высокомерную мину. В ее жизни, полной неприятных событий, такие моменты торжества случались редко и потому доставляли особенное удовольствие. Но Силвест очень быстро опомнился, восстановил полный контроль над своими чувствами. И холодно спросил:

— Что же все это значит?

— Это значит ровно то, о чем вы думаете, но в чем боитесь признаться! — вырвалось у Хоури. — Ту дрянь, о которой идет речь, принесли сюда вы.

— Какая-то разновидность нейропаразита, — пришла на помощь стажеру Вольева. — Он проник вместе с тобой, а потом остался на борту. Вполне возможно, что Похититель Солнц находился у тебя в имплантатах, а может даже, в самом мозгу и был независим от всякой техники.

— Это очень дикое предположение! — Голосу Силвеста явно недоставало убедительности.

— Возможно, ты носил паразита много лет, даже не подозревая о его существовании, — продолжала Вольева. — С тех пор как побывал там, должно быть.

— Побывал где?

— У Завесы Ласкаля. — Голос Хоури вторично хлестнул Силвеста, как порыв штормового ветра с дождем. — Мы проверили хронологию, все сходится. Возможно, попав на корабль, паразит не оставил вас, а просто разделился пополам. Одна часть нашла себе отличное убежище в ЦАПе, а другая по-прежнему живет в вашей голове.

Силвест встал и дал знак жене сделать то же самое.

— Не желаю больше слушать эту чушь!

— Думаю, придется еще потерпеть, — усмехнулась Хоури. — Ведь мы не успели рассказать вам ни о Мадемуазели, ни о том, чего она от меня потребовала.

Силвест посмотрел на нее в упор, постоял, как бы решая, уходить или оставаться, причем на его лице отражалось отвращение. По прошествии минуты или двух он вернулся на свое место.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

— Сожалею, — сказал Силвест, — но вряд ли существовала возможность вылечить этого человека.

Его собеседниками, не считая капитана, были двое триумвиров. Тот, что поближе, — Садзаки — стоял перед капитаном, сложив руки на груди и склонив набок голову, — как будто разглядывал дерзкую модернистскую фреску. Хегази держался от чумы метрах в трех-четырех, не желая подходить к капитану, чья периферия получила новый импульс к росту. Он старался казаться хладнокровным, но хотя видна была лишь малая часть его лица, на ней, словно татуировка, лежала печать ужаса.

— Он мертв? — спросил Садзаки.

— Нет-нет, — поспешил ответить Силвест. — Дело в другом. Наши методы не дают нужных результатов. Последняя инъекция, считавшаяся самой перспективной, скорее причинили ему вред, чем пользу.

— Последняя инъекция, считавшаяся самой перспективной? — как попугай повторил Хегази; его гулкий голос эхом отдавался от стен.

— Ретровирус Илиа Вольевой. — Силвест понимал, что надо быть очень осторожным — Садзаки не должен сообразить, что разоблачен. — По какой-то причине сыворотка подействовала не так, как ожидалось. Я не виню в этом Вольеву — откуда ей было знать, как поведет себя основная часть тела капитана, пораженная чумой. Вольева раньше работала лишь с крошечными частицами тканей.

— И в самом деле — откуда? — спросил Садзаки.

После этой краткой реплики Силвест понял, что ненавидит его. И эта ненависть так же неотвратима, как сама смерть. Однако он понимал, что с этим человеком придется иметь дело и дальше, и, какое бы презрение ни вызвал Садзаки, ничто из происходящего здесь и сейчас не должно отразиться на операции по уничтожению Цербера.

В определенном смысле ситуация даже улучшилась. Силвест убедился, что Садзаки вовсе не мечтает увидеть капитана

здоровым, — а значит, не надо тратить времени на попытки вылечить Бреннигена. Возможно, еще какое-то время придется терпеть присутствие Кэлвина у себя в голове, пока эта игра будет продолжаться, но цена не столь уж высока, и Силвест готов ее платить. Кроме того, он был бы даже рад вмешательству Кэлвина. Так много всего происходит, так много надо понять и усвоить, — пожалуй, сейчас неплохо иметь второй разум, паразитирующий на его собственном: пусть анализирует факты и предлагает альтернативные решения.

— Лживый подонок, — шепнул Кэлвин. — Раньше у меня были сомнения, но теперь я знаю точно. Надеюсь, чума когда-нибудь доест последний атом этого корабля, а вместе с ним и Садзаки. Он это заслужил.

Силвест обратился к Садзаки:

— Сказанное вовсе не означает, что мы сдались. С вашего разрешения мы с Кэлом продолжим работу...

— Сделайте все, что сможете, — ответил Садзаки.

— Ты им разрешаешь продолжать?! — вскричал Хегази. — И это после того, как они его едва не прикончили?

— Вы хотите предложить что-то другое?! — спросил Силвест, сознавая театральность разговора. — Если мы не готовы рискнуть...

— Силвест прав, — перебил Садзаки. — Кто возьмется предсказать, как отреагирует капитан на самое невинное вмешательство? Чума — живой организм, и она вовсе не обязана подчиняться логическим правилам, а потому каждый наш шаг связан с определенным риском, хоть и может казаться нам совершенно безвредным. Например, если мы захотим просветить капитана магнитным полем, где гарантия, что чума не воспримет это как стимул для перехода в новую фазу роста или, наоборот, не рассыплется в порошок? Сомневаюсь, что в любом из этих случаев капитан останется жив.

— Коли так, — проворчал Хегази, — может, нам вообще отступиться?

— Нет, — ответил Садзаки с таким ледяным спокойствием, что Силвест испугался за здоровье Хегази. — Это вовсе не значит, что мы должны опустить руки. Это значит, что нам

нужна новая парадигма. Я имею в виду нечто лежащее за пределами хирургического вмешательства. У нас на борту самый талантливый кибернетик из всех, родившихся после Транспросвещения, и ни у кого нет такого опыта работы с молекулярным оружием, как у Вольевой. Кроме того, есть медтехника, не уступающая лучшим мировым образцам. И тем не менее мы терпим поражение. По очень простой причине. Сила, ловкость и приспособляемость нашего врага превосходит все, что мы можем себе вообразить. То, что раньше было подозрением, оказалось истиной. Плавящая чума возникла за пределами человеческой цивилизации. Вот почему она всегда опережала нас и будет опережать. Если, конечно, мы собираемся и дальше воевать, исходя из наших представлений, а не по ее собственным правилам.

«Вот пьеса и подошла к своему еще не написанному финалу», — подумал Силвест.

— Какую же парадигму вы имеете в виду?

— Единственный логический ответ, — сказал Садзаки так, будто подразумевал заведомо известную истину, — заключается в том, что эффективное лекарство против чуждой нашему миру болезни можно найти лишь в нечеловеческой медицине. Вот его-то мы и будем искать, сколько бы времени ни понадобилось на это и как бы далеко ни пришлось лететь.

— Нечеловеческая медицина, — пробормотал Хегази, будто пытаясь оценить масштаб этого понятия. А может, он просто привыкал к мысли, что теперь это словосочетание будет звучать часто. — И что же конкретно ты имеешь в виду?

— Сначала побываем у жонглеров образами, — произнес Садзаки с таким отсутствующим видом, словно разговаривал в полном одиночестве, убивая скуку. — А если они не вылечат Бреннигена, будем искать дальше. — Внезапно его взгляд уперся в Силвеста. — Однажды, знаете ли, мы у них побывали. Я и капитан. Не вы один попробовали на вкус соленую водичку в их океане.

— Не стоит терять ни минуты в обществе этого психа, — шепнул Кэлвин, а Силвест молча кивнул.

Вольева уже в шестой или седьмой раз на протяжении последнего часа сверилась с браслетом, хотя поступающие данные за это время почти не изменились. Браслет лишь подтверждал, что убийственный контакт между Цербером и «Плацдармом» должен состояться примерно через полдня, и никто пока не высказал по этому поводу возражений, а тем более не попытался воспрепятствовать.

— Ты поминутно смотришь на эту штуковину, но какой с того прок? — спросила Хоури, которая осталась в «Пауке» вместе с Вольевой и Паскаль.

Уже несколько часов они находились за бортом «Ностальгии по бесконечности», лишь изредка заходя внутрь — например, чтобы проводить Силвеста на встречу с триумвирами. Садзаки не удивился отсутствию Вольевой — видимо, считал, что хлопочет в служебных помещениях, добавляя последние штрихи к плану атаки. Но через час-другой она должна будет показаться, если не хочет возбудить подозрений. А потом начнется сама операция, и первым этапом будет «размягчение» планетарной коры, для чего Вольева использует часть орудий из тайного склада, направив всю их мощь на одну точку Цербера — ту самую, куда вслед за тем обрушится «Плацдарм».

Когда Вольева снова взглянула на браслет — на этот раз случайно, — Хоури сказала:

— И все-таки на что ты надеешься?

— На что-нибудь неожиданное. Вполне подошел бы серьезный сбой в работе оружия.

— Значит, вы и впрямь не хотите, чтобы эта идиотская затея удалась? — спросила Паскаль. — А ведь несколько дней назад носились с нею, будто это ваш звездный час. Не слишком ли крутой поворот?

— Это было до того, как я поняла, кто такая Мадемуазель. Если бы это выяснилось раньше...

Вольева обнаружила, что не знает, как закончить фразу. Теперь было совершенно очевидно, что в сложившейся ситуации применение такого страшного оружия, как «Плацдарм», — потрясающая безответственность. Но разве это понимание способно что-то изменить? Неужели она считает себя обязанной использовать оружие только потому, что способна

на это? Только потому, что у нее получился красивый и грозный снаряд и хочется, чтобы равные ей увидели, какие изощренные боевые машины способна она изобретать?

Эти мысли вызывали тошноту, но в них заключалась правда. Илиа создала «Плацдарм», а теперь могла лишь надеяться, что на каком-нибудь позднем этапе вопрос о его применении отпадет сам собой. Короче говоря, ситуация, в которой она оказалась, выглядела безвыходной.

Перестроенный «Лореан» сближался с Цербером, постепенно сбрасывая скорость. К тому времени, когда они соприкоснутся, скорость «Плацдарма» будет не больше, чем скорость пули, но масса этой пули составит несколько миллионов тонн.

Если бы «Плацдарм» на такой скорости ударился о планету с обычной поверхностью, его кинетическая энергия превратилась бы в тепловую, последовал бы страшный взрыв, и драгоценная игрушка Вольевой сгорела бы, как спичка. Но Цербер не был обычной планетой. По ее оценке, подтвержденной многократным моделированием, «Плацдарму», обладающему колоссальной массой, предстояло прорвать тонкий слой искусственной коры, за которым прятался внутренний мир. А вот что случится, когда «Плацдарм» пробьет пленку и ударится о само тело Цербера, — об этом Вольева могла только догадываться.

И теперь эти догадки пугали ее до дрожи. Интеллектуальное тщеславие (а может, и что-то еще) привело Силвеста к этой опасной точке, но и Вольеву было трудно счесть невинной, она тоже подчинялась труднообъяснимым побуждениям. Сейчас она сожалела, что взялась в этот проект с таким жаром, не пожалела сил для успешной атаки «Плацдарма». И даже страшно подумать, что произойдет, если ее детище не подкачает.

— Знать бы сразу, — сказала она наконец. — Возможно, мне и удалось бы что-нибудь изменить. А теперь уже поздно.

— Я же говорила тогда, что надо остановить это безумие, — упрекнула ее Хоури. — А ты не прислушалась. Вот мы и оказались по уши в дерьме.

— Вряд ли я бы выступила против Садзаки на основании каких-то видений, которые якобы были у тебя в ЦАПе. Он бы просто убил нас обеих, вот и все.

«Хотя теперь очень вероятно, — подумала она, — что нам все равно придется выступить против Садзаки. Пока мы еще что-то можем сделать с помощью „Паука“, но скоро его будет мало».

— Надо было довериться мне, — повторила Хоури.

«В других обстоятельствах, — гневно подумала Вольева, — я бы крепко врезала тебе по башке».

Но ответила она очень спокойно:

— Ты могла бы рассчитывать на доверие, если бы не наврала с три короба и не проникла на корабль обманным путем. А теперь что толку болтать.

— А что еще мне оставалось? Ведь Мадемуазель держит в заложниках моего мужа!

— Правда держит? — Вольева наклонилась вперед. — Хоури, ты это знаешь наверняка? Я спрашиваю: ты его видела своими глазами или это очередной ее фокус? Разве ты не в курсе, что воспоминания можно имплантировать?

Голос Хоури смягчился, как будто женщины не обменялись только что едкими словами:

— К чему ты клонишь?

— К тому, что с ним, может быть, ничего не случилось. Ты думала об этом? Что, если на самом деле он никогда не покидал Йеллоустона?

Паскаль вклинилась между спорщицами:

— Довольно ссориться! Если и правда может произойти что-то ужасное, то раздоры нужны нам меньше всего. На случай, если вы не заметили: на этом борту я единственный человек, который вовсе не стремился сюда попасть.

— Да, можно сказать, тебе просто выпал счастливый лотерейный билет, — усмехнулась Хоури.

Паскаль бросила на нее сердитый взгляд:

— Ладно, пусть не все, что я сейчас сказала, правда. Мне тоже кое-что здесь нужно. У меня есть муж, и я не хочу, чтобы он пострадал. Да и другим зла не желаю — а ведь вы можете здорово влипнуть, и случится это только потому, что он чего-

то очень сильно хочет. Вот потому-то мне и нужна ваша помощь. По-моему, здесь только вы смотрите на происходящее примерно так же, как и я.

— А как смотришь ты? — поинтересовалась Вольева.

— Мне это все кажется неправильным, — ответила Паскаль. — По крайней мере, с тех пор, как прозвучало одно имя.

Вольева даже не спросила, что это за имя.

— Ты говорила, что оно тебе знакомо.

— Оно не только мне знакомо, но и Силвесту. Похититель Солнц — это из амарантийской культуры. Так звали одного из богов или мифологических героев, а может быть, и реального исторического персонажа. Дэн слишком упрям, а может, слишком испуган, чтобы признаться в этом.

Вольева взглянула на браслет. Никаких новостей. Она согласилась выслушать Паскаль.

Рассказ оказался интересным. Не было ни преамбулы, ни экспозиции, просто благодаря хорошо подобранным и четко изложенным фактам Вольева как будто собственными глазами увидела ключевые события амарантийской истории. Теперь понятно, почему журналистке Паскаль так блестяще удалась биография Силвеста.

Амарантийцы — исчезнувшая раса разумных существ, происходивших от птиц и обитавших на Ресургеме. К этому времени команда корабля уже получила от Силвеста достаточно сведений о них, чтобы Илиа и Хоури могли поставить услышанное от Паскаль в правильный контекст.

Вольеву очень взволновала причастность амарантийцев к сложившейся ныне ситуации. Еще совсем недавно слабо верилось, что ее собственные проблемы связаны с затворниками, но позже причинные зависимости стали вполне очевидны. А теперь во всю эту кашу валятся еще и амарантийцы... Какая может быть связь между двумя расами инопланетян, если они ничуть не схожи между собой, если они давным-давно выпали из галактической реальности? Даже время их существования разительно не совпадает.

Согласно тому, что рассказал Ласкаль Силвесту, затворники исчезли — возможно, удалились в свои сферы реструктурированного пространства-времени за много миллионов лет

до появления амарантийцев, забрав с собой артефакты и технологии, которые нельзя было оставить в наследство менее развитым видам разумных существ. Именно это в конце концов заставило Силвеста и Лефевр появиться на границе завесы: приманка из складированных знаний. Сами затворники чудовищно чужды — для человека это нечто вроде многоногих хитиновых тварей из кошмарных снов. Что касается амарантийцев, то они, хоть и имели в предках птиц, обладали четырьмя конечностями и ходили на двух ногах, по каковой причине выглядели не столь дико.

Похититель Солнц создавал необходимую связь между событиями и их участниками. Корабль Вольевой никогда раньше не посещал планету Ресургем. Никто из побывавших на его борту не был знаком с амарантийским аспектом этой запутанной истории. Но тем не менее Похититель Солнц вошел в жизнь Вольевой на несколько лет субъективного времени и на многие десятилетия планетарного. Силвест — ключевая фигура, тут не могло быть сомнений, однако некоторые логические связи упорно ускользали от Илиа.

Жена Силвеста продолжала свой рассказ, а разум Вольевой уже забегал вперед и пытался привести события в какой-никакой порядок. Паскаль говорила о погребенном городе — огромном скопище амарантийских строений, раскопанном в то время, когда Силвест сидел в тюрьме. Центральное здание этого города, увенчанное высоким шпилем, украшено фигурой, которая не совсем похожа на амарантийца, а скорее на амарантийский аналог ангела. Причем ваятель уделил скрупулезное внимание анатомическим особенностям: ангел выглядел так, будто умел летать.

— И это был Похититель Солнц? — спросила пораженная Хоури.

— Не знаю, — ответила Паскаль. — Нам известно лишь, что настоящий Похититель Солнц был обыкновенным амарантийцем и что он собрал стаю отступников. Точнее говоря, социальную кладу. Мы полагаем, это были экспериментали-сты, изучавшие природу своего мира и подвергавшие сомнению древние мифы. У Дэна есть гипотеза, будто Похититель Солнц увлекался оптикой и мастерил зеркала и линзы. Бук-

вально — похищал солнце. Возможно, он экспериментировал с полетами, что-нибудь вроде простых машин и планеров. Чем бы он ни занимался, это была ересь.

— А с какой целью поставили статую?

Паскаль рассказала, как стаю ренегатов прозвали отлученными, как они исчезли из истории на несколько тысячелетий.

— Если мне будет позволено высказаться, — прервала ее Вольева, — то я бы предположила, что отлученные удалились в какой-нибудь укромный уголок и наизобретали там уйму всякой всячины.

— Дэн тоже так считает. Он думает, что они прошли колоссальный путь развития и получили возможность вообще покинуть Ресургем. Затем, незадолго до События, вернулись, но теперь для тех, кто оставался на планете, они были... как боги. Так что эта статуя создана для прославления новых богов.

— Боги, ставшие ангелами? — спросила Хоури.

— Генная инженерия, — уверенно ответила Паскаль. — Летать они не могли даже с помощью тех штуковин, которые отрастили себе. Зато победили силу гравитации. Вышли в космос.

— И что дальше?

— Народ Похитителя Солнц вернулся на Ресургем незадолго до конца эпохи амарантийцев. Нам не удалось составить точную хронологию, но, похоже, они привезли его с собой...

— Привезли что?

— Событие. То, что погубило жизнь на Ресургеме.

Когда они брели коридором, по колено затопленным корабельной слизью, Хоури спросила:

— Нельзя ли как-нибудь остановить твое оружие до его встречи с Цербером? Задам вопрос иначе: ты его контролируешь?

— Замолкни! — зло прошипела Вольева. — Все, что мы говорим тут, внизу... — Она не окончила фразу и указала на стены, подразумевая всевозможные виды спрятанных там подслушивающих устройств — часть шпионской сети, которую, как она считала, соорудил Садзаки.

— И что дальше? — Хоури сильно понизила голос — какой смысл нарываться на неприятности? — но бросать разговор неоконченным ей тоже не хотелось. — Если дела и дальше будут идти так, как сейчас, очень скоро у нас возникнет конфликт с остальными триумвирами. Да и не думаю я, что жучки Садзаки есть везде. Суджик тоже так не считала. Даже если я ошибаюсь, сейчас ему всяко не до нас.

— Говорю тебе: это опасно. — Однако тут до Вольевой дошел намек на то, что в недалеком будущем их с Хоури увертки непременно перерастут в открытый мятеж, и она подтянула рукав куртки, чтобы взглянуть на браслет, на экране которого светились диаграммы и бежали друг за другом цифры. — С помощью этой штучки я могу контролировать почти все. Но какой толк? Садзаки убьет меня, если поймет, что я собираюсь саботировать операцию. А он поймет, как только «Плацдарм» отклонится от заданного курса. И еще не забывай: Силвест грозится нас всех взорвать в случае неподчинения. Я не знаю, какова будет его реакция на мои действия.

— Плохая, но я думаю, это ничего не изменит.

Тут вмешалась Паскаль:

— Дэн не выполнит угрозу. Ничего такого в его глазах нет, он сам мне сказал. Но Садзаки этого не знает, так что Дэн уверен в своем конечном выигрыше.

— Ты твердо убеждена, что он не солгал?

— К чему такие вопросы?

— В данных обстоятельствах такие вопросы вполне уместны. Я боюсь Садзаки, но если возникнет необходимость, то смогу потягаться с ним. А вот с твоим мужем — нет.

— Этого не произойдет, можешь мне верить.

— Похоже, у нас появился выбор, — сказала Хоури.

Они как раз подошли к лифту. Дверь открылась, но им пришлось сделать усилие, чтобы забраться в кабину, так как она остановилась слишком высоко. Хоури стряхнула слизь, постучав носками сапог о стенку, и добавила:

— Илиа, ты должна прекратить это безобразие. Если снаряд достигнет Цербера, нам всем конец. Мадемуазель об этом знала с самого начала, потому-то и считала, что Силвеста надо уничтожить. Да, она предвидела, что он так или иначе по-

пробует добраться сюда. Сейчас у меня в голове нет полной ясности, но в одном я точно уверена: Мадемуазель не сомневалась, что нам всем придется плохо, если Силвесту удастся задуманное. Плохо — это слишком мягко сказано.

Лифт двинулся вверх, но Вольева еще не сообщила, куда они направляются.

— Похоже, его науськивает Похититель Солнц, — сказала Паскаль. — Подбрасывает идеи, ставит перед ним цели.

— Идеи? — удивилась Хоури.

— Например, прилететь сюда, в эту систему. — Вольева заметно оживилась. — Хоури, а помнишь, как мы с тобой воспроизводили Силвеста, что хранился в памяти корабля после его первого визита?

Хоури кивнула. Она хорошо помнила, как смотрела в глаза симулякру и думала, что будет убивать реального человека.

— И как он намекнул, что уже тогда планировал экспедицию на Ресургем? Нас это обеспокоило, так как в то время он еще ничего не мог знать об амарантийцах. Ну, теперь все становится на свои места. Дело в Похитителе Солнц, который уже тогда сидел в мозгу Силвеста и направлял его мысли. Едва ли Силвест понимал, что с ним происходит.

Хоури задумчиво проговорила:

— Похоже, Похититель Солнц и Мадемуазель сражаются друг с другом. Похититель Солнц — виртуальная сущность, а Мадемуазель сидит на Йеллоустоне в ящике... И они дергают за поводки, натравливая нас, как бойцовых псов, друг на друга.

— Наверное, ты права, — ответила Вольева. — Похититель Солнц уже давно не дает мне спокойно жить. Кстати, а ведь мы ничего не слышали о нем с тех пор, как уничтожили взбесившуюся пушку.

Хоури промолчала. Она-то знала, что Похититель Солнц вошел в ее мозг, когда она в последний раз находилась в ЦАПе. Позднее, на Ресургеме, Мадемуазель сказала, что Похититель Солнц постепенно поглощает Хоури и неминуемо одержит верх через несколько часов или, самое большее, дней. Но с тех пор прошло много недель. Сама Мадемуазель, по ее собственным подсчетам, должна быть уже мертва.

Но внешне ничего не изменилось. По правде говоря, Ана даже лучше себя чувствовала, чем сразу по пробуждении на

орбите Йеллоустона. Проклятый имплантат «Игры теней» — тот, что позволял ощущать близость жертвы, — не работает. Мадемуазель не досаждает ночными визитами и нравоучениями. А Похититель Солнц, отпраздновав победу, похоже, тут же отдал концы.

Но Хоури в это не верила; отсутствие Похитителя Солнц основательно действовало на нервы. Тревога и напряжение будут расти и расти, пока он не появится вновь. А в том, что появится, можно не сомневаться.

Ана знала, что Похититель Солнц будет еще менее приятным обитателем ее мозга, чем Мадемуазель.

— А зачем ему показываться? — спросила Паскаль. — Он и так уже почти победил.

— Почти победил, — согласилась Вольева, — но то, что мы задумали, может потребовать его вмешательства. Думаю, нам следует подготовиться к этому. Особенно тебе, Хоури. Ты знаешь, что Похититель Солнц проник в Нагорного, и поверь, знакомство с ним не доставило Борису большого удовольствия.

— Так, может, лучше запереть меня где-нибудь, пока не поздно? — Сама Хоури сначала этим словам не придала значения, но прозвучали они серьезно. — Я не шучу, Илиа. Лучше так, а то еще придется пристрелить меня.

— С удовольствием бы, — сказала Вольева, — но пока незаметно, чтобы мы численно превосходили противников. В данный момент нас трое против Садзаки и Хегази. И один бог знает, чью сторону возьмет Силвест, если дойдет до драки.

Паскаль промолчала.

Они достигли боевого архива — о том, что это и есть цель путешествия, Вольева не сказала до самого конца. Этот огромный длинный отсек Хоури еще никогда не посещала, но зато ей не надо было объяснять, что такое боевой архив. Она побывала во многих арсеналах, и здешний ничем принципиально не отличался.

— Похоже, крутую кашу мы завариваем, — сказала она.

Довольно большая часть архива была отведена под склад оружия и цеха по его производству. Здесь насчитывалось около тысячи образцов вооружения, они лежали на стеллажах в полной боевой готовности. И за короткий срок можно было

изготовить еще десятки тысяч единиц — собрать по голографическим чертежам, хранившимся в других отсеках корабля.

— Да, — ответила Вольева, и в ее голосе сквозило нечто похожее на удовольствие, — в таких случаях полезно иметь под рукой что-нибудь огнестрельное. Давай, Хоури, воспользуйся боевым опытом и подбери все, что нужно. И поторопись, мы ведь не хотим, чтобы Садзаки запер нас здесь, как в мышеловке.

— А ты, кажется, уже входишь во вкус?

— Вхожу. А знаешь почему? Может, это самоубийственная затея, и пусть даже наша гибель окажется напрасной, но, по крайней мере, мы начинаем что-то делать.

Хоури медленно кивнула, — конечно же, Вольева права. Долг солдата — не допускать, чтобы события шли без его вмешательства, даже если это вмешательство ни к чему хорошему не приведет.

Вольева быстро показала, как управлять самыми простыми функциями боевого архива — контроль, на радость Аны, оказался почти целиком интуитивным, — а затем взяла Паскаль за руку и повернулась, чтобы уйти.

— Куда ты?

— В рубку. Садзаки хочет, чтобы я была там при размягчении коры Цербера.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Силвест уже несколько часов не виделся с женой и теперь опасался, что она не будет присутствовать при кульминации того, к чему он стремился чуть ли не всю жизнь. Оставалось десять часов до соприкосновения «Плацдарма» Вольевой с Цербером, а меньше чем через час должна была начаться первая атака, имевшая целью взрыхлить кору планеты. Это важное событие, но, похоже, Силвест обречен наблюдать за ним в отсутствие Паскаль.

Телекамеры ни на секунду не выпускали из поля зрения «Плацдарм», и даже сейчас его изображение парило в голографической сфере, будто находилось совсем рядом с «Носталь-

гией по бесконечности», хотя на самом деле их разделяло около миллиона километров. «Плацдарм» был виден в профиль с той минуты, как он вышел из троянской точки, — прежде висел, сориентированный на девяносто градусов по ходу часовой стрелки от линии, соединяющей Гадес с его невидимым отсюда спутником. Ни тот ни другой корабль не занимал истинной постоянной орбиты, но слабое гравитационное поле Цербера давало возможность удерживать их на заданных траекториях с минимальным расходом топлива на коррекционную тягу.

С Силвестом в рубке сидели Садзаки и Хегази, освещенные красноватым сиянием дисплея. Красный цвет преобладал. Гадес был достаточно близок, чтобы выглядеть пурпурным пятном, а Дельта Павлина, хотя и далекая, роняла ржаво-красные лучи на все, что кружилось в ее системе. И поскольку дисплей был единственным источником света в рубке, часть красноты досталась и ей.

— Где же, тысяча чертей, застряла эта корова Вольева?! — шипел Хегази. — Ей давно пора показывать в действии свою адскую машину.

«Неужели эта баба рискнула сделать то, о чем еще ни разу не осмелилась завести речь? — подумал Силвест. — Неужели решилась сорвать атаку, хотя весь замысел операции принадлежит ей самой?»

Если так, значит он совершенно не понял характера этой женщины. Она решила свалить на него свои грехи, руководствуясь бредовыми галлюцинациями другой идиотки — Хоури... Но как можно было принять их всерьез? Да нет, она просто разыгрывала адвоката дьявола, проверяла прочность убеждений Силвеста!

— Молись, чтобы дело обстояло именно так, сынок, — шепнул ему Кэлвин.

— Ты что же, теперь читаешь мои мысли? — громко спросил Силвест, решив пока ничего не утаивать от неполного триумвирата, собравшегося в рубке. — Недурен фокус, Кэлвин.

— Можешь назвать это прогрессирующей адаптацией, — продолжал внутренний голос. — Согласно ряду теорий, если позволишь провести у тебя в мозгу достаточно долгий срок, может произойти нечто именно в этом роде. А если без шуток,

дело вот в чем: я построил модель твоих нервных процессов и продолжаю совершенствовать ее. С каждым днем она все реалистичнее. Сначала я мог лишь коррелировать то, что считывал с твоих реакций. А теперь мне не нужно ждать реакции, чтобы догадаться, какой она будет.

— Ну, так прочитай вот это: а пошел ты в...

— Если хочешь отделаться от меня, — сказал Кэлвин, — то мог бы сказать это еще несколько часов назад. Однако похоже, что ты привыкаешь к моему присутствию и оно тебе даже нравится.

— Это временно, — возразил Силвест. — И не вздумай сам привыкнуть, Кэл. Я вовсе не планирую видеть тебя здесь постоянно.

— Меня беспокоит твоя жена.

Силвест глянул на триумвиров. Внезапно ему расхотелось позволять, чтобы они слушали его половину разговора с Кэлвином, а поэтому он мгновенно переключился на «внутренний» диалог:

— Я тоже беспокоюсь о ней, но это совершенно не твое дело.

— Я видел, как она среагировала на попытку Вольевой и Хоури перетащить ее на свою сторону.

Да, подумал Силвест. И кто, говоря по совести, способен упрекнуть ее за это? Ему самому было достаточно неприятно, когда Вольева внезапно ввернула в разговор имя Похитителя Солнц. Точно глубинную бомбу сбросила. Конечно, Вольева не могла знать, сколь огромное значение имеет это имя, и поначалу Силвест надеялся, что жена не вспомнит, где его слышала, или даже вообще не вспомнит, что слышала. Но Паскаль слишком умна. И это одна из причин, по которым он ее любит.

— Это не значит, Кэл, что им удалось добиться своего.

— Я рад, что ты так уверен в себе.

— Она не попытается остановить меня.

— Ну, это еще вопрос, — сказал Кэлвин. — Видишь ли, если она считает, что ты встал на опасный путь, и если любит тебя так, как это представляется мне, то попытается тебя спасти. Это вытекает как из любви, так и из голой логики обстоя-

тельств. Впрочем, возможны и другие варианты. Это не значит, что она вдруг тебя возненавидит или будет извлекать удовольствие, препятствуя осуществлению твоих амбиций. На самом деле все обстоит наоборот. Мне кажется, твоя целеустремленность пугает ее.

Силвест опять взглянул на дисплей, на точеный конус «Плацдарма».

— Вот что я думаю, — снова заговорил Кэлвин. — В происходящем есть нечто, пока ускользающее от нашего восприятия. Надо быть очень и очень осторожными.

— Кажется, до сих пор я и был очень осторожен.

— Я знаю. Тот факт, что где-то рядом таится опасность, сам по себе увлекателен. Это как приглашение двигаться дальше. Ведь именно такое у тебя возникает ощущение, признайся. Любой аргумент, который против тебя выдвигают, только укрепляет твою решимость. Это потому, что новая порция знания вызывает у тебя новый приступ голода и этому голоду ты не способен противостоять, даже понимая: то, чем ты объедаешься сегодня, может завтра тебя погубить.

— Я сам не мог бы высказаться лучше. — Силвест подивился тому, насколько же отец прав. Но уже через секунду он выбросил эту мысль из головы, повернулся к Садзаки и громко спросил: — Где черти носят эту проклятую бабу? Неужели она не понимает, что нам надо работать?

— Я здесь, — сообщила Вольева, вошедшая в сопровождении Паскаль.

Она молча вызвала пару кресел, и обе женщины поднялись к центральному ряду, где устроились неподалеку от остальных. Отсюда спектакль, разыгрывавшийся на дисплее, был виден лучше всего.

— Тогда пусть грянет бой, — повелел Садзаки.

Вольева вызвала тайный склад. Это был ее первый контакт с тамошними ужасами после инцидента с мятежной пушкой.

Где-то на задворках мозга копошилась мысль, что в любое время любое из этих орудий может повести себя столь же своевольно и непредсказуемо. Илиа никак не могла изгнать эту противную мысль, но была готова встретить опасность лицом

к лицу. А если Хоури сказала правду, если Мадемуазель, захватившая тогда управление орудием, сейчас мертва, поглощена беспощадным Похитителем Солнц, то уже не она, а кто-то другой, возможно, попытается завладеть сверхмощными артсистемами и сорвать планируемый удар.

Для атаки на Цербер Вольева отобрала несколько страшилищ. В ее списке, составленном по предполагаемому убыванию разрушительной силы, они находились в самом конце. Их потенциал можно было сравнить с потенциалом штатной корабельной артиллерии. Вольева активировала шесть штук, и они доложили о готовности через ее браслет; сейчас их иконки в виде черепов зловеще пульсировали. Машины покинули свои места и по паутине рельсов медленно перебрались из склада в меньший, переходной отсек, откуда отправились за борт «Ностальгии по бесконечности», превратившись, по сути, в роботизированный отряд канонерских лодок. Внешне артсистемы не походили друг на друга, разве что надписи на боках этих выходцев из ада были одинаковы.

Только две машины, релятивистские ракетометы, обладали некоторым функциональным сходством — как у моделей, призванных выполнять одну и ту же задачу, поставленную заказчиком перед разными конструкторскими бюро. Видом они слегка напоминали старинные гаубицы. На длинном стволе торчали десятки каких-то трубчатых обвесов и других похожих на раковые опухоли вспомогательных систем.

Остальные четыре орудия тоже не блистали особой красотой и включали в себя гамма-лучевой лазер (на порядок больший по размерам, чем соответствующая корабельная установка), суперсимметричный лучемет, кварковый дезинтегратор и пушку, стреляющую снарядами с начинкой из антиматерии.

Все это было куда слабее, чем то мятежное орудие — оно могло с легкостью уничтожить целую планету. Но Вольевой вовсе не хотелось больше видеть такие чудовища активированными рядом со своим кораблем. А еще, напомнила она себе, план заключается вовсе не в том, чтобы разрушить Цербер, а лишь в том, чтобы проколоть скорлупу этой планетки. Такая задача требует исключительно деликатного обращения с оружием.

— А теперь дай-ка что-нибудь такое, с чем даже новичок может справиться, — попросила Хоури, взволнованно топтавшаяся в арсенале перед окошком выдачи. — Только учти, игрушки нам ни к чему, оружие должно иметь приличную убойную силу.

— Лучевое или пулевое, госпожа?

— Если лучевое, то невысокой мощности. Мы же не хотим, чтобы Паскаль наделала дырок в корпусе корабля.

— Разумная предусмотрительность, госпожа. Не пожелаете ли присесть и подождать, пока я поищу что-нибудь соответствующее вашим пожеланиям?

— Если не возражаешь, то госпожа лучше постоит.

В арсенале Ану обслуживала гамма-копия личности, состоявшая лишь из простецкой голографической физиономии, спроецированной на высоте человеческого роста над прилавком с прорезью в крышке. Сначала Хоури разглядывала оружие, выставленное в застекленных пирамидах вдоль стен; на подсвеченных этикетках указывались принцип действия, дата выпуска, история применения и так далее. Это было удобно, и Хоури быстро выбрала для себя и Вольевой легкие электромагнитные пистолеты, стрелявшие иглами. Сходное по конструкции оружие использовалось в «Игре теней» на Йеллоустоне.

Поскольку Вольева довольно зловеще упомянула и о более тяжелом вооружении, то Хоури решила запастись и им, но выставленные образцы ее не удовлетворили. Она нашла лишь отличный скорострельный плазмобой, выпущенный века три назад, но ничуть не устаревший, причем система целенаведения с подпиткой от нервной системы стрелка́ делала это оружие исключительно удобным в ближнем бою. Когда Хоури взяла почти невесомый плазмобой в руки, ей показалось, будто она встретилась со старым другом. У него даже чехол был приятен на вид и на ощупь: черная крапчатая кожа лоснилась от масла, в окошках виднелись дисплеи и разъемы.

Это ружье вполне подходило Ане, но что взять для Вольевой? Она искала на пирамидах, сколько позволяла ситуация, то есть минут пять, и, хотя тут не было недостатка в оружии самого волнующего и даже потрясающего облика, того, что соответствовало ее замыслу, не нашлось.

И тогда Хоури обратилась к памяти арсенала. Ее уведомили, что существует порядка четырех миллионов образцов ручного огнестрельного оружия, изготовленных за двенадцать веков истории оружейной промышленности, от простейших кремневых аркебуз с раструбом на конце ствола до чрезвычайной сложности компактных систем, гарантирующих мгновенную аннигиляцию.

Однако даже это колоссальное собрание образцов оружия не исчерпывало потенциала боевого архива. Ведь он обладал еще и творческими способностями. Получив примерную спецификацию требуемого образца, архив разрабатывал его чертежи, комбинируя оптимальные характеристики уже существующих видов, пока не возникал новый концепт. Буквально через несколько минут после изготовления чертежа оружие могло быть синтезировано.

Когда все эти операции были проделаны (равно как и с пистолетом для Паскаль, который вообразила Хоури), крышка на прилавке отскочила, и на обитой фетром подставке из его глубин появились оба экземпляра, сверкающие ультрастерильностью и еще хранящие тепло закалки.

Хоури взяла пистолет, поглядела вдоль ствола, проверила балансировку, прошлась по настройкам параметров луча, доступ к которым открывался нажатием клавиши на рукоятке.

— Он вам очень идет, госпожа, — сказал боевой архив.

— Это не для меня, — ответила Хоури, пряча пистолет в карман.

Шесть артсистем, отобранных Вольевой, включили двигатели и разлетелись в разных направлениях от корабля, следуя сложными курсами к боевым позициям, с которых предстояло нанести удары под разными углами по точке будущего приземления «Плацдарма». А тот продолжал сокращать расстояние, отделяющее его от Цербера, одновременно непрерывно сбрасывая скорость. Вольева была почти уверена, что планета уже сообразила: к ней приближается объект искусственного происхождения и весьма внушительных размеров. Возможно, Цербер даже понял, что этот объект раньше был «Лореаном».

Где-то под корой, созданной механизмами, уже идут споры. Некоторые компоненты наверняка доказывают, что объект следует немедленно атаковать и что лучше ударить по приближающейся махине до того, как она станет реальной угрозой. Другие же звенья оборонительной системы призывают к осторожности, указывая, что объект еще весьма далек от Цербера и контратака должна быть мощной, дабы обеспечить полную аннигиляцию, прежде чем он сможет нанести удар, и что такая преждевременная демонстрация силы способна привлечь нежелательное внимание со стороны. Более того, могут утверждать пацифистски настроенные элементы, приближающийся объект пока не проявил никакой враждебности. Допустим, он даже не подозревает, что Цербер — искусственная планета. Вполне возможно, он только обнюхает ее и улетит по своим делам.

Вольевой не хотелось победы пацифистов. Она желала победы сторонникам мощного превентивного удара, и лучше бы это случилось немедленно. Она всем сердцем мечтала увидеть, как Цербер атакует и разделается с «Плацдармом». Хуже после этого не станет, как не стало хуже после расправы над зондами Силвеста. Вполне возможно, что привычка Цербера наносить контрудары — не та опасность вселенских масштабов, которую так хотела предотвратить Мадемуазель. Ведь до сих пор никто не проник вглубь планеты, не разобрался, что там к чему. Так что есть возможность признать свое поражение и отправиться по домам.

— Это пушки из тайного склада, — кивнул на дисплей Садзаки. — Илиа, ты собираешься управлять ими отсюда?

— А почему бы и нет?

— Я бы предпочел, чтобы этим занималась Хоури, находясь в ЦАПе. Все-таки это ее прямая обязанность. — Он повернулся к Хегази и шепнул достаточно громко, чтобы услышали все: — Я уже перестал понимать, зачем вообще мы взяли на борт эту женщину... и почему я позволил Вольевой остановить траление.

— Какая-то польза от нее вроде есть, — осторожно ответил химерик.

— Хоури находится в ЦАПе, — солгала Вольева. — Страхует меня. Но без необходимости я к ней не обращусь. Вы удовлетворены, Юдзи-сан? Это мои пушки, и вы не вправе отстранить меня от управления ими, тем более что вся операция находится под моим руководством.

Поступившие на браслет, а частично и на дисплей рубки сведения гласили, что через тридцать минут орудия появятся в расчетных точках, примерно в четверти миллиона километров от корабля. Когда они прибудут туда, у Вольевой не останется оправданий для дальнейшего откладывания атаки.

— Ладно, — ответил Садзаки. — Мне просто показалось, что ты утратила интерес к нашей операции. Но сейчас я снова слышу нашу старую верную Вольеву.

— Что внушает надежду, — буркнул Силвест.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

На сферическом дисплее черные иконки орудий из тайного склада неслись к своим позициям, их чудовищная сила ждала, когда же ее спустят с цепи. По-прежнему «Цербер» не отвечал никак. Он просто висел в космосе, серый, изъязвленный, как склоненная в молитве голова прокаженного.

Когда наконец наступил момент удара, сфера подала тихий звуковой сигнал, и по экрану браслета пробежала цепочка цифр. Показания стремились к нулю, по достижении которого числа снова стали расти.

Первым обрел голос Силвест. Он повернулся к Вольевой, которая уже несколько минут сидела не шевелясь.

— Почему ничего не происходит? Разве так и задумывалось? Твои дурацкие пушки должны были открыть огонь!

Вольева, будто выйдя из транса, подняла взгляд от браслета.

— Они без приказа не стреляют, — ответила Илиа тихо. — А приказа я не отдала.

— Прости, что ты сказала? — переспросил Садзаки.

— Ты прекрасно понял, что я сказала, — ответила она, повышая голос. — И не отдам.

И снова наигранное спокойствие Садзаки казалось страшнее любой вспышки ярости.

— У нас еще есть несколько минут, — сказал он. — Тебе стоит хорошенько подумать, прежде чем ситуация станет необратимой.

— Я считаю, — прервал его Силвест, — что ситуация уже стала такой некоторое время назад.

— Этот вопрос находится в компетенции триумвирата! — воскликнул Хегази, и суставы его стальных пальцев грохнули по подлокотнику. — Илиа, если ты сейчас же отдашь приказ, то мы, возможно...

— Не собираюсь, — ответила Вольева. — Назовите это мятежом или предательством, мне наплевать. Мое участие в этой безумной авантюре закончилось. — Она вдруг со злостью посмотрела на Силвеста: — Ты знаешь причину моего решения, так что нечего корчить изумленную рожу.

— Она права, Дэн. — Это вступила в разговор Паскаль, и все глаза обратились к ней. — Ты ведь знаешь это. Мы не можем пойти на такой риск, несмотря на твое желание.

— Значит, ты тоже поверила болтовне Хоури, — сказал Силвест.

Новость о переходе жены на сторону Вольевой для него не стала неожиданностью, а потому не причинила сильной боли. Он даже восхищался поступком Паскаль, хоть и сознавал, насколько неуместно это чувство.

— Она знает то, чего не знаем мы, — ответила Паскаль.

— Да какого дьявола Хоури лезет в наши дела? — глядя на Садзаки, сердито спросил Хегази. — Это же нижний чин. Разве мы обязаны принимать во внимание ее слова?

— К сожалению, обязаны, — ответила Вольева. — Все, что вы слышали, правда. Продолжение эксперимента было бы самой худшей ошибкой за всю историю человечества.

Садзаки вместе с креслом подъехал к Вольевой.

— Если ты не собираешься атаковать, то хотя бы передай контроль над орудиями мне. — И он протянул руку, словно ожидал, что Илиа беспрекословно отдаст браслет.

— Мне кажется, ты должна это сделать, — присоединился к нему Хегази. — В противном случае у тебя будут большие неприятности.

— В этом я нисколько не сомневаюсь, — ответила Вольева и сорвала с руки браслет. — Садзаки, для тебя он совершенно бесполезен. Склад повинуется только мне и Хоури.

— Давай сюда браслет!

— Ты пожалеешь об этом. Считай, я тебя предупредила.

Вольева протянула браслет Садзаки. Тот жадно схватил его, будто драгоценный золотой амулет, и долго вертел в пальцах, как бы играя, прежде чем застегнуть на своем запястье. Он смотрел, как загорается крошечный дисплей, как бегут по нему цифры и диаграммы — точно так же, как минуту назад бежали для Вольевой.

— Говорит... триумвир... Садзаки. — Он облизывал губы, прежде чем произнести очередное слово. — Корабль, мне неизвестен протокол передачи контроля, а потому я прошу твоего содействия. Я хочу, чтобы шесть перемещенных за борт орудий из тайного склада выполнили...

Садзаки смолк на середине фразы. Он глядел на запястье сначала с удивлением, а мгновение спустя чуть ли не с ужасом.

— Подлая старая сука! — заорал потрясенный Хегази. — Я знал, что у тебя лежит туз в рукаве, но уж никак не думал, что буду прав в буквальном смысле этих слов!

— А я вообще все понимаю буквально, — отозвалась Вольева.

Лицо Садзаки выражало нестерпимую боль, браслет с огромной силой давил на его запястье. Кулак разжался, кисть мгновенно приобрела сизый цвет. Свободной рукой он пытался сорвать браслет, но все было напрасно, и Вольева это знала наперед. Замок браслета, видимо, заперся наглухо, и теперь Садзаки предстоял долгий и мучительный процесс ампутации кисти, по мере того как будут стягиваться запрограммированные полимерные цепи.

Браслет сразу понял, что его поместили на руку человека с ДНК, не совпадающей с той, которая записана в его памяти. Однако сжиматься он начал лишь в тот момент, когда Садзаки отдал приказ. Эту отсрочку Вольева была склонна рассматривать как проявление широты своей души.

— Скажи ему, пусть прекратит, — выдавил Садзаки. — Пусть отпустит... Гребаная ты сука... Ради бога...

Вольева уже подсчитала, что через две-три минуты браслет перережет кисть. Две-три минуты — и в рубке раздастся громкий треск кости. Если только его не заглушат вой и стоны Садзаки.

— Все твои беды — из-за дурных манер, — объяснила она. — Разве так просят? Бывают ситуации, когда лучше не жалеть вежливости.

— Прекрати! — воскликнула Паскаль. — Прошу тебя... Что бы ни произошло дальше... это не так важно, как то, что происходит сейчас.

Вольева пожала плечами и обратилась к Хегази:

— Триумвир, ты не хуже меня можешь удалить браслет, а то тут скоро станет очень грязно. Уверена, у тебя найдется средство.

Хегази поднес к глазам свою металлическую кисть, будто хотел удостовериться, что она не сделана из плоти и крови.

— Скорее! — визжал Садзаки. — Сними это с меня!

Хегази поставил свое кресло впритык к креслу другого триумвира и принялся за дело. Похоже, этот процесс доставлял Садзаки даже больше страданий, чем сужение браслета.

Силвест молчал.

Наконец Хегази справился с задачей. К этому времени его металлические руки были по локоть в крови. То, что осталось от браслета, выскользнуло из его пальцев и упало метрах в двадцати.

Садзаки, который все еще жалобно стонал, с отвращением смотрел на повреждения, нанесенные браслетом его руке. Кисть держалась, но кость и мышцы вылезли наружу, а кровь толчками лилась из широкой раны. Пытаясь остановить ее, Садзаки прижал руку к животу. Наконец он перестал стонать и после долгого молчания повернул ничего не выражающее лицо к Вольевой.

— Ты мне заплатишь за это, — пообещал он. — Клянусь, заплатишь.

И как раз в это мгновение вошла Хоури и открыла огонь.

Конечно, у нее на уме был план, хоть и не слишком подробный. И когда Хоури вступила в рубку и увидела целый водопад крови, она не стала тратить время на тщательную

проверку и доработку этого плана. Вместо этого Ана решила стрелять в потолок, пока не привлечет к себе всеобщее внимание.

Для этой цели Хоури выбрала плазмобой, поставив его на минимальную мощность и отключив автоматический режим, с тем чтобы нажимать на спуск перед каждым выстрелом. Уже первый выстрел проделал в потолке кратер диаметром около метра. Потолок ответил градом зазубренных обожженных осколков. Опасаясь, что дыра может стать слишком глубокой, Хоури послала следующий заряд чуть левее, а третий — чуть правее воронки. Здоровенный обломок рухнул на голографический дисплей, какое-то время огромная сфера мигала и дергалась, пока ей не удалось восстановить свою стабильность. Затем Хоури, столь театрально анонсировавшая свое появление, дезактивировала оружие и повесила на плечо. Вольева, которая, надо думать, представляла себе дальнейшие действия подруги, прямо из кресла прыгнула к ней, преодолев разом пятиметровое расстояние. Хоури бросила ей легкий иглострел, взятый из пирамиды в арсенале.

— А это для Паскаль, — сказала она, отправляя следом маломощный лучевой пистолет.

Вольева поймала оба и быстро перебросила Паскаль ее игрушку.

Хоури, успевшая к этому времени оценить обстановку, еще раз взглянула на источник кровавого дождя, к этому времени уже почти прекратившегося. Садзаки выглядел очень плохо, он нянчил свою руку так, будто она была сломана в нескольких местах или раздроблена пулей.

— Илиа, — сказала Хоури, — ты начала бал, не дождавшись меня. Я разочарована.

— Так уж сложились обстоятельства, — ответила Вольева.

Хоури поглядела на дисплей, пытаясь понять, что произошло за стенами корабля.

— Пушки открыли огонь?

— Нет, я не отдала им приказа.

— А теперь уже и не отдаст, — вмешался Силвест. — Хегази сломал ее браслет.

— Это значит, что Хегази на нашей стороне?

— Нет, это значит, что он плохо переносит вид крови, — ответила Вольева. — Особенно если это кровь Садзаки.

— Ему нужна помощь, — вмешалась Паскаль. — Ради бога! Мы не можем позволить, чтобы он истек кровью.

— Ничего, выживет, — отмахнулась Вольева. — Он же химерик, как и Хегази, только не явный. Наномеды уже взялись за восполнение ущерба. Даже если бы браслет оторвал ему руку, он отрастил бы новую. Разве я не права, Юдзи-сан?

Тот выглядел так, будто у него не хватило бы сил отрастить новый ноготь, не то что руку. Наконец он кивнул:

— Кто-нибудь поможет мне добраться до лазарета? В моей фармакопее нет ничего волшебного, а болевые рецепторы работают вовсю. Я не хочу умереть от шока.

— Он прав, — поддержал Хегази. — Не следует переоценивать его порог выносливости. Чего вы хотите: чтобы он жил или чтобы умер? Решайте побыстрее. А в лазарет его могу отвести я.

— С остановкой в арсенале? — Вольева покачала головой. — Спасибо, но лучше не надо.

— Тогда я его отведу, — вызвался Силвест. — Уж настолько-то вы мне доверяете?

— Я доверяю вам не больше, чем взбесившемуся роботу, — сказала Вольева. — Но вы не знаете, как обращаться с арсеналом, даже если попадете туда. А Садзаки не в том состоянии, чтобы давать здравые указания.

— Это означает согласие?

— Только побыстрее, Дэн. — Вольева подкрепила приказ взмахом пистолета, причем ее палец прочно лежал на спусковом крючке. — Если не вернетесь через десять минут, пошлю за вами Хоури.

Через минуту-другую мужчины покинули рубку. Садзаки навалился на Силвеста всем своим весом, он явно не мог передвигаться самостоятельно. Хоури подумала, что раненый может лишиться сознания, не добравшись до лазарета, и обнаружила, что ей на это наплевать.

— Кстати, об арсенале, — сказала она. — Вряд ли стоит беспокоиться о том, что кто-то сможет им воспользоваться. Я расстреляла его ко всем чертям, как только получила, что хотела.

Вольева обдумала сообщение, а потом кивнула:

— Разумное тактическое решение, Хоури.

— Тактика тут ни при чем. Это из-за той мерзкой рожи, что заведовала архивом. Я терпела-терпела, а потом взяла и сожгла ее.

— Значит ли это, что мы победили? — спросила Паскаль. — Достигнуты ли поставленные цели?

— Думаю, да, — ответила Хоури. — Садзаки вышел из игры, и я не верю, что наш друг Хегази способен доставить нам много неприятностей. И не похоже, что твой муженек собирается сдержать слово и укокошить нас всех, если не получит того, чего хочет.

— Какой разочаровывающий финал, — буркнул Хегази.

— Я же вам говорила, что он блефует, — напомнила Паскаль. — Он блефовал. Стало быть, все кончилось? И мы можем отозвать пушки? — Она взволнованно смотрела на Вольеву.

— Конечно. — Илиа достала из кармана куртки и защелкнула на запястье новый браслет с таким видом, будто это была самая обычная вещь в мире. — Согласись, было бы очень глупо не носить с собой запасного.

— Я всегда верила в тебя, Илиа, — хмыкнула Хоури.

Вольева поднесла браслет к губам и тихо проговорила несколько фраз. То, что звучало как мантра, на самом деле было цепочкой команд, посланных в обход многих устройств защиты. Когда внимание всех присутствующих сосредоточилось на браслете, Вольева приказала:

— Всем боевым машинам из тайного склада вернуться на корабль. Повторяю, всем боевым машинам из тайного склада вернуться на корабль.

И не произошло ровным счетом ничего. Даже когда истекли секунды допустимого временного лага. Только иконки на дисплее вдруг поменяли цвет с черного на красный и замигали с неприятной регулярностью.

— Илиа, что это значит? — спросила Хоури.

— Это значит, что они приготовились к бою и вот-вот откроют огонь, — сказала Вольева так спокойно, будто ничего другого и не ожидала. — Это значит, что сейчас произойдет нечто очень скверное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Итак, Вольева снова утратила контроль над ситуацией.

Она беспомощно наблюдала, как орудия открыли огонь по Церберу. Первыми, конечно же, нашли свои цели лучевые пушки, о чем сообщили бело-голубые вспышки на аридной серой поверхности планеты в той самой точке, куда по замыслу должен был ударить «Плацдарм». Орудия, стреляющие релятивистскими снарядами, лишь немного отстали от лучевых, и сведения об их успехах дошли до зрителей несколькими секундами позже. Сфера показывала эффектные, быстро следующие друг за другом пульсации — это дождем сыпались на цель и вонзались в кору Цербера снаряды, начиненные нейтронием и антиматерией.

Все это время Вольева держала браслет у рта и отдавала отрывистые команды, но с каждым разом все слабела надежда вернуть власть над оружием. На какую-то жалкую секунду в голову закралась мысль, что новый браслет — всего лишь подделка. Впрочем, даже это не могло объяснить, почему боевые машины вдруг заработали в автономном режиме. Они действовали целенаправленно, в точности как та пушка, что отказалась вернуться в чрево корабля.

Значит, кто-то захватил контроль над ними.

— Что происходит? — спросила Паскаль.

Судя по ее тону, она не ожидала получить внятный ответ.

— Это, должно быть, Похититель Солнц, — сказала Вольева, оставив попытки вернуть орудия под свое управление. — Вряд ли это может быть Мадемуазель, сидящая в голове у Хоури. Если бы даже она набралась сил и сумела воздействовать на пушки, она бы постаралась не допустить того, что мы видим.

— Наверное, часть Похитителя Солнц осталась в ЦАПе, — произнесла Хоури и сразу пожалела об этом. После некоторой заминки она продолжила: — Я вот что хочу сказать: мы уже давно знаем, что он может контролировать ЦАП. Потому-то и сопротивлялся Мадемуазели, когда она пыталась уничтожить Силвеста с помощью той мятежной пушки.

— Но как он добился настолько полного контроля? — Вольева растерянно покачала головой. — Не все команды, которые я отдаю орудиям через браслет, должны проходить через ЦАП. Я же понимала, чем рискую.

— Ты хочешь сказать, что он заблокировал и обходные каналы?

— Так мне, во всяком случае, представляется.

Теперь дисплей показывал, что артсистемы прекратили атаку. Лишившись запасов снарядов и энергии, они дрейфуют в направлении Гадеса, где им суждено висеть на орбитах миллионы лет, пока какая-нибудь мощная гравитационная пертурбация не швырнет их на Цербер или не унесет к троянским точкам; в этом случае они переживут даже смерть Дельты Павлина, которой не избежать судьбы всех красных гигантов.

Вольева испытывала странное удовлетворение от мысли, что эти орудия уже не обратятся против нее, им вообще никогда не найдется применения. Но это было слабым утешением. Удар по Церберу нанесен, остановить движение «Плацдарма» невозможно, он уже на подходе. На дисплее она видела результаты обстрела — уносимые в космос плюмажи распыленного реголита.

Силвест добрался до лазарета, таща на себе беспомощного Садзаки. Худощавый и спортивный, тот оказался на диво тяжел. Силвест предположил, что это из-за массы наномедов, которые сейчас побежали по кровеносным сосудам. Они дремали в каждой клетке тела Садзаки, дожидаясь кризиса — такого как нынешний. Раненый температурил, и это говорило о том, что лечебные механизмы приступили к бешеному размножению, к накоплению сил, к извлечению молекул из здоровых тканей для восполнения ущерба. Глянув на кисть триумвира, Силвест обнаружил, что кровь уже не течет, а жуткая рана, опоясывающая запястье, прикрыта похожей на пленку оболочкой, сквозь которую слабо виднеется янтарного цвета новая ткань.

Из лазарета появились роботы-санитары, подбежали, подхватили Садзаки и положили на каталку. Несколько минут над ним хлопотали машины, на лебединых шеях кронштейнов

склонялись под разными углами мониторы, разнообразные нейронные сканеры нежно ощупывали череп. Вроде бы ни один из аппаратов не заинтересовался раной Садзаки, — наверное, другие системы уже проконтролировали ход самолечения и причин для вмешательства не обнаружили. Садзаки, несмотря на слабость, был в сознании.

— Не следовало так доверять Вольевой, — сказал Силвест со злостью. — Она все испортила, и это из-за того, что прибрала к рукам слишком много власти. Это ваша фатальная ошибка, Садзаки.

Триумвир ответил еле слышно:

— Разумеется, мы ей верили, болван! Вольева — одна из нас! Член триумвирата! — Потом он хрипло выдавил: — А что вам известно о Хоури?

— Это «крот», — ответил Силвест. — Ее подсунули на корабль с заданием найти меня и убить.

Садзаки отреагировал так, будто сказанное Силвестом не имело ни малейшего значения.

— И это все?

— Это все, чему я поверил. Не знаю, кто ее послал и почему, но она дала какие-то сумбурные объяснения, которые Вольева и моя жена приняли за чистую монету.

— Это еще не конец, — прошипел Садзаки.

Под его широко открытыми глазами лежали желтые круги.

— О чем вы?

— Именно об этом, — ответил триумвир, закрывая глаза и роняя голову на подушку. — Еще ничего не кончилось.

— Садзаки выживет, — произнес Силвест, входя в рубку.

Он явно не знал о том, что произошло в его отсутствие.

Силвест осмотрелся, и Вольева отчетливо увидела его недоумение. На первый взгляд в рубке ничего не изменилось с той минуты, когда он повел Садзаки в лазарет. Те же самые люди держали в руках то же самое оружие. Но вот их настроение было совсем другим. Хегази, даром что находился под прицелом игольного пистолета Хоури, явно не выглядел побежденным. Впрочем, и особой радости на его лице не было видно.

«Что-то мы упустили, — подумала Вольева, — и Хегази это понимает».

— Непредвиденная ситуация? — спросил Силвест, одобрительно глядя на дисплей, где светился Цербер с пробитой «шкурой» и вытекающей в космос «кровью». — Твои пушки все-таки открыли огонь, как и было задумано.

— Сожалею, — покачала головой Вольева, — но я тут ни при чем.

— Тебе следует прислушаться к ее словам, — сказала мужу Паскаль. — То, что здесь происходит, происходит не по нашей воле. Оно сильнее нас, Дэн. И сильнее тебя, как ни трудно в это поверить.

Силвест злобно оскалился:

— Ты что, еще не поняла? Именно так все и было задумано Вольевой!

— Да ты спятил! — воскликнула Илиа.

— Теперь у тебя появился шанс, — продолжал Силвест. — Ты проверила в деле свою пробивалку планет, но благодаря совершенно случайному и крайне удобному стечению обстоятельств твоя совесть осталась незапятнанной. — Он дважды хлопнул в ладоши. — Правда, я в восторге.

— Чем тут можно восторгаться? — буркнула Вольева. — Тем, что жить нам осталось всего ничего?

И хотя она ненавидела Силвеста за сказанное им, в душе понимала, что эти слова нельзя просто отмести. Она сделала все от нее зависящее, чтобы предотвратить обстрел Цербера, — но успеха не добилась. Черт побери, да если бы она не вывела пушки на позиции, за нее это сделал бы Похититель Солнц — тут не может быть никаких сомнений. Но теперь, когда обстрел все же произошел, в ней вдруг проснулось фаталистическое любопытство. «Плацдарм» идет заданным курсом, и нет оснований надеяться, что Вольевой удастся его остановить — предыдущие попытки ничего не дали. Но если нельзя влиять на события, можно, по крайней мере, следить за их ходом, и даже болеть за успех своего детища — какими бы ужасными ни были последствия.

Да, теперь только и остается, что ждать.

А время шло не быстро и не медленно, поскольку события, которым предстояло свершиться, одновременно и пугали Вольеву, и завораживали.

В тысяче километров над Цербером «Плацдарм» готовился к последнему этапу торможения. Сияли двигатели сочленителей — будто разом зажглись два миниатюрных солнца и залили резким светом ландшафт. Кратеры и ущелья вдруг обрели преувеличенную рельефность, и в этом беспощадном сиянии планета и впрямь казалась искусственной, будто ее создатели перестарались, пытаясь представить Цербер пассивной жертвой многотысячелетней метеоритной бомбардировки.

Дисплей браслета показывал картинку, поступавшую с обращенных вниз камер «Плацдарма». Они образовывали кольца, которые располагались на корпусе в нескольких сотнях метров друг от друга и были разбросаны по всей четырехкилометровой длине корабля. Таким образом, как бы глубоко конус ни воткнулся в планету, часть камер останется над ней. Сейчас Вольева пыталась заглянуть под кору Цербера сквозь еще не затянувшуюся рану, нанесенную пушками из тайного склада.

Силвест не солгал.

Там, внизу, находилось нечто огромное, органическое, похожее на скопление гигантских труб или клубок колоссальных змей. Жар недавней атаки уже ослаб, и, хотя из дыры все еще валили серые клубы, Вольева предположила, что их порождает скорее горящий металл, нежели расплавленные кристаллические породы. Ни одна из змееподобных труб не шевелилась, их серебристые сегментированные бока были покрыты черными пятнами ожогов и рваными пробоинами шириной в сотни метров, откуда вырывались наружу пучки более тонких «змеек».

Вольева не знала, получил ли Цербер смертельную рану или всего лишь царапину, которая заживет через несколько дней. И это непонимание внушало страх. Илиа бросила вызов чему-то совершенно чуждому, неизвестному — и, возможно, непознаваемому.

А вскоре инопланетное существо ответило ударом на удар. Когда это произошло, Вольева подпрыгнула в кресле, хотя и разум ее, и чувства были наготове. «Плацдарм» в этот момент находился всего в двух километрах от поверхности Цербера, то есть на расстоянии примерно в половину длины конуса.

Действие разворачивалось настолько стремительно, что с трудом воспринималось зрением. Между двумя ничтожно ма-

лыми мгновениями «кора» изменилась. Вокруг пробоины почти километрового диаметра образовались концентрические кольца серых бугров, этакие огромные волдыри. Едва Вольева успела их заметить, как они лопнули, исторгнув сонмы мелких и мельчайших серебристых предметов, которые устремились к «Плацдарму» искрящимися роями светляков.

Илиа не знала, что это: комочки антиматерии, или крошечные ракеты со сверхмощными боеголовками, или капсулы с вирусами, или миниатюрные пушечные батареи. Она понимала одно: эти рои несут гибель ее детищу.

— Ну, — шептала она. — Ну же...

Ей не пришлось разочароваться. Возможно, по другому счету было бы лучше, если бы созданное ею оружие моментально прекратило свое существование, но в этом случае Илиа лишилась бы огромного удовольствия наблюдать, как «Плацдарм» отражает нападение. Боевые системы, расположенные вокруг «кормы», нащупывали лазерными и бозерными лучами каждый сверкающий уголек задолго до того, как тому удавалось коснуться конической гипералмазной брони.

Звездолет-снаряд увеличил скорость, преодолев оставшиеся два километра за треть минуты. Кора вокруг пробоины рябила и полыхала от его попаданий. На корпусе «Плацдарма» тоже появлялись небольшие воронки, достигавшие его «споры» взрывались, давая розовые вспышки, но это не наносило ущерба боевым качествам корабля. Острая как игла вершина конуса уже прошила кору, угодив точно в центр отверстия.

Бежали секунды, «Плацдарм» уже задевал края дыры. Кора крошилась и рвалась, от пробоины радиально разбегались линии новых разломов. Каменные «волдыри» все еще выплевывали свои «споры», но теперь уже на бóльших расстояниях от «раны», как будто механизмы, питавшие их, были повреждены или истощили свои запасы. «Плацдарм» погрузился в недра Цербера уже на сотни метров, от него разбегались ударные волны, корпус содрогались по всей длине. Пьезоэлектрические буферные кристаллы, которые Вольева внедрила в корпус, смягчали удары, превращая его энергию в тепловую, которая передавалась вооружению «Плацдарма».

— Скажи, что мы побеждаем! — молил Силвест. — Ради бога, подтверди, что у нас получается!

Вольева считывала данные, поступавшие на браслет. На какое-то время антагонизм между ней и Силвестом бесследно исчез, осталось лишь присущее обоим любопытство.

— Вроде получается, — ответила она. — «Плацдарм» уже пробился на километр. Он двигается с постоянной скоростью километр за девяносто секунд. Тяга двигателей доведена до максимума — там огромное механическое сопротивление...

— Через что он проходит?

— Не знаю. Судя по данным Алисии, искусственная кора имеет толщину порядка полукилометра, но в оболочке нашего снаряда слишком мало датчиков — они бы ослабили его сопротивляемость кибернетическим видам оружия.

То, что поступало с бортовых камер «Плацдарма» в рубку «Ностальгии по бесконечности», было похоже на абстрактную композицию: половина конуса «вверх ногами» на голой серой поверхности. Эту поверхность корчат судороги, «волдыри» мечут свои «споры» во всех направлениях, будто их механизмы целенаведения сошли с ума. «Плацдарм» замедлял свое продвижение, и, хотя вся сцена разыгрывалась в полной тишине, Вольева вполне могла вообразить оглушительный треск ломаемого камня и металла. Именно это услышала бы она, будь на Цербере атмосфера, способная передавать звуки, и будь у корабля органы слуха, которые не оглохли бы от чудовищного грохота.

Браслет сообщил, что давление на острие конуса сильно понизилось, как будто корабль-снаряд пробился сквозь кору и встретил пустоту под ней.

Спуск снова замедлился.

На дисплее браслета заплясали черепа со скрещенными костями — символы означали, что «Плацдарм» подвергся новой мощной атаке молекулярного оружия. Вольева ожидала именно этого. Вот уже антитела просачиваются сквозь защитную оболочку, встречая и нейтрализуя инопланетных врагов...

Медленнее... еще медленнее... Полная остановка.

Глубина проникновения близка к расчетной. Километр с третью конуса торчит над растрескавшейся поверхностью Цербера; это похоже на верхнюю часть какого-то гигантского фортификационного сооружения. Кормовые орудия «Плацдарма»

все еще палят по «огневым точкам», расположенным вокруг невидимого сейчас кратера, но ответные рои «спор» теперь приходят с расстояния в несколько десятков километров. Понятно, что явной угрозы они не представляют, разве что сама кора окажется способной на быструю регенерацию.

В ближайшие минуты «Плацдарм» постарается надежно заякориться, закрепить достигнутый успех. Он будет анализировать молекулярное оружие противника и вырабатывать средства противодействия.

«Плацдарм» не посрамил своего творца.

Вольева развернула кресло так, чтобы сидеть лицом к остальным, и вдруг заметила — спустя целую вечность, — что все еще держит в руке пистолет.

— Мы вошли в Цербер! — сказала она.

Все это выглядело не то как урок биологии для богов, не то как порнофильм, рассчитанный на планеты с разумным населением.

После того как «Плацдарм» закрепился на занятом рубеже, прошло несколько часов, и Хоури провела их рядом с Вольевой. Вместе они анализировали ход вялотекущей битвы. Своими геометрическими формами единоборцы напоминали гигантскую сферическую клетку и — карлика в сравнении с ней — конический вирус. Приходилось все время напоминать себе, что этот конус имеет размеры приличной горы, а клетка занимает целую планету.

Казалось, там вообще ничего не происходит, но это только потому, что конфликт шел на молекулярном уровне, на невидимом и почти невообразимом фронте, а поле битвы занимает какие-то жалкие десятки квадратных километров. Сначала Цербер без особого успеха пытался избавиться от врага с помощью высокоэнтропийного оружия, стремился превратить его в мегатонны атомного пепла. Новая тактика Цербера напоминала процесс пищеварения. Он не отказался от намерения раздробить «Плацдарм» на атомы, но решил сделать это методично, — так ребенок разбирает игрушку на мелкие части, вместо того чтобы расколотить ее на куски, и при этом аккуратно

раскладывает детали по коробочкам, чтобы потом соорудить из них какую-нибудь фантастическую конструкцию. В этом была своего рода логика: предшествующая атаке «Плацдарма» артподготовка аннигилировала несколько кубических километров планеты, и предположительно оружие Вольевой в своем составе имело те же пропорции изотопов и элементарных частиц, что и уничтоженная в бою часть Цербера. Корабль-снаряд представлял собой огромный потенциальный резервуар материи, который вполне мог покрыть потребности планеты и избавить ее от необходимости расходовать собственные весьма ограниченные запасы. Вполне возможно, что Цербер всегда старался использовать случайно прилетевшие космические тела, чтобы восстанавливаться под непрерывным разрушительным воздействием метеоритов и космических лучей. Не исключено, что и первый беспилотный разведчик Силвеста был захвачен по этой причине — планетарным механизмом двигал элементарный голод, а не боязнь выдать себя. Цербер руководствовался слепым инстинктом, как венерина мухоловка, а вовсе не заботой о будущем.

Однако «Плацдарм» был создан вовсе не для того, чтобы его переваривали, не встречая ни малейшего сопротивления.

— Смотрите, Цербер учится у нас, — произнесла Вольева.

Сидя в рубке, она разбиралась с арсеналом молекулярного оружия, который планета выставила против «Плацдарма». Рисунки, которые показывала Вольева, выглядели бы куда уместнее на страницах учебника энтомологии: шеренги узкоспециализированных металлических жучков. Часть из них предназначалась для демонтажа и представляла собой передовую линию амарантийской обороны. Физически атакуя «Плацдарм», они отщипывали от его корпуса атомы и молекулы с помощью своих манипуляторов, разрывали химические связи. Кроме того, они вступали в рукопашные схватки с штурмовыми войсками Вольевой. Крупицы материи, которые удавалось урвать демонтажникам, передавались букашкам потолще, стоявшим во втором эшелоне. Эти создания хлопотали, как неутомимые интенданты, идентифицируя и сортируя добычу. Если это получалось легко — например, когда попадался

кусочек вещества с простой структурой, — его сразу отправляли на утилизацию, каковой занимались еще более крупные фабричные жуки: они производили других букашек по зашитым в свою программу лекалам. Если же трофей имел более сложную структуру, его спешили передать еще одной «породе» жуков, которая изучала вещество на предмет его полезных свойств. Будучи найдено, такое свойство всячески исследовалось, а полученная информация также поступала к фабричным жукам. И новое поколение солдат Цербера оказывалось на йоту боеспособнее предыдущего.

— Цербер учится, — повторила Вольева таким тоном, будто узнала нечто в высшей степени интересное и столь же опасное. — Расшифровывает наши контрмеры и использует выявленные принципы для усиления своих агентов.

— Не понимаю твоего воодушевления, — сказала Хоури, откусывая от выращенного на корабле яблока.

— А что такого? Довольно изящная система. Я тоже могу учиться у Цербера, но какой смысл? То, чем он занимается, — просто методичный бесконечный процесс, в нем нет никакой творческой мысли. — Она произнесла это с искренним восхищением.

— Ага, впечатляет, — отозвалась Хоури. — Слепое воспроизводство — ничего хитрого. Но так как это происходит в миллиардах мест одновременно, нас тупо побеждают числом. Скажешь, нет? Ты вот будешь сидеть тут и ломать голову, а на конечный результат это не окажет никакого влияния. Рано или поздно Цербер разгадает все трюки, какие только есть у тебя в заначке.

— Пока еще не совсем так. — Вольева кивком указала на схему. — Думаешь, я настолько глупа, что брошу в бой наши самые совершенные методы? На войне так не делается. Ты никогда не потратишь на врага больше сил и средств, чем необходимо в данной ситуации. Это как в покере: никто не открывает слишком рано свои лучшие карты. Ты будешь ждать, пока ставки не вырастут, чтобы выиграть побольше.

И она объяснила, что оружие, применяемое пока «Плацдармом», самое устаревшее и не слишком эффективное. Илиа

раскопала его голографические чертежи в военном архиве и слегка адаптировала к нынешней ситуации.

— Лет на триста устарело, — добавила она.

— Но Цербер учится.

— Верно, но технологический отрыв велик и пока остается стабильным, — возможно, именно потому, что способ использования наших разгаданных секретов лишен творческого начала. При таком подходе интуитивные скачки исключены, и амарантийская оборона может эволюционировать только линейно. С помощью древних счетов компьютерную программу не взламывают. Я могу довольно точно определить, сколько Церберу понадобится времени, чтобы достичь нашего нынешнего уровня. Сейчас он тратит примерно десять дней на каждые три-четыре часа нашего корабельного времени. Это дает нам неделю форы. Вот тогда-то и начнется самое интересное.

— А разве сейчас не интересно? — Хоури покачала головой, уже не впервые думая, что душа Вольевой для нее потемки. — Но как удается «Плацдарму» совершенствовать свое вооружение? У него что, на борту есть боевой архив?

— Нет, это было бы слишком опасно.

— Верно. Все равно что отправить солдата в тыл к противнику, нагрузив его всеми секретами, которыми располагает командование. Но как же в таком случае происходит обучение «Плацдарма»? Ты отправляешь требуемые данные, только когда они становятся необходимыми для него? Разве это менее рискованно?

— Ты права, происходит нечто в этом роде, но степень защиты гораздо выше, чем ты думаешь. Передачи кодируются с использованием одноразовых «шифровальных блокнотов». Сгенерированный случайным образом набор символов определяет те изменения, которым подвергнется каждый бит содержащейся в сигнале информации; от этого набора зависит, ноль надо добавить или единицу. После расшифровки сигнала повторить эту процедуру невозможно — для этого в точности должен быть скопирован «шифровальный блокнот». Конечно, в распоряжении «Плацдарма» он есть, но я его очень надежно спрятала — за толстенными, в несколько десятков

метров, стенами из гипералмаза. Оптическая связь с бортовой шифровальной машиной тоже защищена исключительно хорошо. А в самом крайнем случае, если «Плацдарму» придется совсем туго и возникнет угроза захвата «блокнота», я просто прекращу передачу.

Хоури доела яблоко вместе с лишенной семян сердцевиной.

— Значит, такая возможность все же есть, — сказала она после недолгого обдумывания.

— Возможность чего?

— Да покончить со всем этим. Ведь мы хотим этого, скажи?

— А ты не допускаешь, что уже нанесен невосполнимый ущерб?

— Мы не можем этого знать наверняка. Однако давай предположим, что точка невозврата еще не пройдена. В конце концов, все, что мы пока видели, — лишь слой камуфляжа, ниже которого расположен слой защитных вооружений, обязанных этот самый камуфляж защищать. Все это, конечно, изумительно, и сам факт, что технология нам абсолютно чужда, означает: здесь есть чему поучиться. Но мы так и не выяснили до сих пор, что там прячется на самом деле. — Подчеркивая значение своих слов, Хоури стукнула кулаком по подлокотнику, да так сильно, что Вольева вздрогнула. — Там есть то, до чего мы еще не добрались, даже мельком не увидели. И не увидим, пока Силвест туда не пролезет.

— Мы его не отпустим. — Вольева похлопала по игольному пистолету и засунула его за пояс. — Ситуация под нашим контролем.

— Не совсем. Есть риск, что он взорвет адскую машинку, спрятанную у него в глазу, и покончит с нами.

— Но ведь Паскаль сказала, что это блеф.

— И я верю, что она действительно так думает. — Хоури не надо было продолжать; судя по медленному кивку Вольевой, та поняла. — Я предлагаю кое-что получше. Пусть Силвест отправляется, если хочет, но мы позаботимся о том, чтобы проникнуть внутрь ему было нелегко.

— А под этим ты подразумеваешь...

— Ладно, Илиа, договорю, если ты еще не сообразила. Придется дать «Плацдарму» умереть. Пусть победит Цербер.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

— Все, что нам известно, — произнес Силвест, — это что снаряд Вольевой проделал сквозную дыру в оболочке планеты. Возможно, достиг машинного яруса, который я видел во время первого полета разведчика.

С тех пор как «Плацдарм» закрепился на Цербере, прошло уже пятнадцать часов, и за это время Вольева не сделала ровным счетом ничего, отказавшись даже послать в недра планеты механических шпионов.

— Похоже, функция этих машин — поддерживать существование камуфляжной оболочки. Они латают дыры, сохраняют иллюзию реальности ландшафта, собирают материалы, в которых нуждаются. Кроме того, это первая линия обороны.

— Но что находится внизу? — спросила Паскаль. — Мы ничего не успели толком рассмотреть, когда раскрылась кора. Сомневаюсь, однако, что машины стоят прямо на коренных породах. Не могу поверить, что за этим механизированным фасадом лежит самое обыкновенное планетное тело.

— Об этом мы скоро узнаем, — сказала Вольева и плотно сжала узкие губы.

Ее шпионы были примитивны до смешного — даже проще роботов, которых Кэлвин и Силвест использовали при попытке вылечить капитана. Примитивность эта была неслучайной: Вольева не желала, чтобы Церберу удалось познакомиться с более высокой технологией. А для решения первоочередных задач таких автоматов будет достаточно. «Плацдарм» может производить их в огромных количествах, и эта многочисленность компенсирует нехватку ума.

Каждый робот был величиной с кулак и имел необходимые только для передвижения конечности, а также глаза. Что еще нужно разведчику? Мозги, правда, начисто отсутствовали — не было даже простейшей сети с несколькими тысячами нейронов. Насекомое по сравнению с таким дроном — великий мыслитель. Зато имелся крошечный экструдер, позволявший выпускать изолированное оптоволокно.

Управлял дронами «Плацдарм». Все команды и сведения передавались в обоих направлениях через оптический кабель, что гарантировало сохранение секретности.

— Кажется, мы обнаружили новый слой автоматов, — сказал Силвест. — Возможно, это еще одна линия обороны. Но ведь где-то должно быть и то, что нуждается в такой защите.

— Должно ли? — спросила Хоури, которая продолжала держать Силвеста под прицелом зловещего плазмобоя с той минуты, когда началось совещание. — А может, вы просто одержимы своей красивой фантазией? Вас послушать, так внутри планетки спрятан ларец с сокровищами, а весь этот камуфляж, вся эта защита — чтобы безмозглые обезьяны вроде нас не тянули свои грязные лапы. А что, если нет там никакого ларца? Что, если нас поджидает весьма неприятный сюрприз?

— Возможно, она права, — поддержала Паскаль.

Силвест поглядел на плазмобой:

— Не надо льстить себе. Не надо воображать, будто ты сумела додуматься до того, что еще не пришло мне в голову, — сказал он холодно, и непонятно было, кому это адресовано: Хоури или его жене.

— Да я и не мечтала, — фыркнула Хоури.

Через полтора часа первый разведчик размотал свой кабель и исчез в полости под корой планеты. Наконец-то Силвесту удалось заглянуть в ее недра! В том, что открылось его взгляду, он сумел разобраться не сразу.

Перед разведчиком, точно тела павших богов, высились гигантские змееподобные образования — беспорядочно переплетенные, истерзанные, не подающие признаков жизни. Невозможно было даже предположить, какие функции выполняли эти машины, хотя, вероятно, во главу угла ставилась сохранность лежавшей над ними коры. Очевидно, именно в них проснулись молекулярные орудия, брошенные навстречу пришельцу. Сама кора фактически тоже являлась машиной, она обеспечивала сходство Цербера с обыкновенной планетой. У «змей» такой строгой специализации, видимо, не было.

Здесь было не так темно, как ожидал Силвест. Свет сквозь пробоину не проникал — ее, точно пробка, закупорил собой «Плацдарм». Зато сами «змеи» испускали слабое серебристое сияние; похоже светятся кишки некоторых глубоководных океанских животных, населенные биолюминесцентными бактериями. Функции этого свечения определить было невозможно, да, впрочем, их могло и не быть вовсе. Силвест предположил, что это случайный, побочный эффект работы амарантийской нанотехники. Как бы там ни было, благодаря этому свечению можно было видеть на десятки километров в том направлении, где планетарная псевдокора сходилась с горизонтом яруса, на котором лежали «змеи». Еще какие-то громадные штуковины, похожие на кривые древесные стволы, поддерживали без видимого порядка крышу. Впечатление было такое, будто находишься в залитом лунным светом доисторическом лесу. Неба не видно, земля почти неразличима из-за густого подлеска, корни деревьев туго переплелись, и все это окрашено в графитно-серый цвет.

— Интересно, что находится ниже, — сказал Силвест.

Вольева задумала детоубийство.

Избежать его было невозможно. Лишить «Плацдарм» информации, необходимой для создания средств защиты от механизмов Цербера, — значит приговорить детище к медленной смерти. Без необходимой поддержки с «Ностальгии по бесконечности» фабрика молекулярного оружия, спрятанная в ядре «Плацдарма», не сможет производить более совершенную и эффективную продукцию. Она будет обречена выпускать изделия, устаревшие на два века, не способные долго противостоять бессмысленному прогрессу планетарной обороны. Рукотворное чудо военной техники будет переварено до последнего атома, тонким слоем размазано по планете; его жалким останкам предстоит выполнять совсем другие функции на протяжении неисчислимых миллионов лет.

И все же придется пойти на это. Хоури права: сдача «Плацдарма» — единственный способ изменить ситуацию в свою пользу. Уничтожить корабль-снаряд Вольева не может, так как

орудия из тайного склада захвачены Похитителем Солнц, и он сорвет любую попытку воспользоваться этими машинами. Остается одно — погубить свое детище, лишив его притока знаний. Жестокое решение.

Никто, кроме Илиа, не видел, как на дисплее ее браслета непрерывно бегут запросы «Плацдарма» на новую информацию. Уже час, как «Плацдарм» заметил, что обещанная ему подпитка прекращена. Первый сигнал носил чисто технический характер — корабль проверял, работает ли передающий луч. Позднее он стал требовать настойчивее, хотя вежливости не утратил. Теперь машина теряла дипломатические навыки — она ощутила эквивалент тревоги.

Конечно, до паники было еще далеко. Системы Цербера пока не превзошли возможности сопротивления «Плацдарма». Корабль даже проинформировал Вольеву о том, сколько времени он продержится, если исходить из нынешнего темпа эскалации возможностей противника. Через два часа напор Цербера сравняется с силой сопротивления «Плацдарма», и тогда судьба последнего будет решена — время его гибели будет зависеть лишь от массы обеих сторон. Цербер победит — других вариантов математика не допускает.

«Так умирай же скорее», — подумала Вольева.

Именно в тот момент, когда эта мольба возникла в ее мозгу, произошло нечто невероятное.

Выражение спокойствия, которое Вольевой еще удавалось сохранять на лице, внезапно исчезло.

— Что случилось? — спросила Хоури. — Ты будто увидела...

— Вот именно, — ответила та. — Я увидела призрак. Его зовут Похитителем Солнц.

— И? — вмешался Силвест.

Она с трудом оторвала глаза от браслета:

— Он возобновил передачу информации «Плацдарму»!

Взгляд Вольевой снова уперся в браслет, как будто она надеялась, что случившееся — всего лишь морок. По ее лицу было понятно: как ни чудовищно происходящее, оно все еще отражается на дисплее.

— Что же нам следует предпринять в первую очередь? — спросил Силвест. — Буду весьма обязан, если подскажешь.

Хоури еще крепче сжала обтянутый кожей приклад плазмобоя. Ей все меньше нравилась ситуация; страх как ножом резал нервы.

— У оружия не бывает протоколов оценки собственного морального износа, — сказала она, но тут же передернула плечами, будто сбрасывая чужие чары. — Нет... я хочу сказать, есть вещи, которые оружие знать не должно, за исключением редчайших случаев... — Она помолчала, беспокойно оглядывая слушателей, не будучи уверена, что ее понимают. — Ему не положено знать, как усилить свою боевую мощь, до того момента, когда такое становится жизненно важным. Тут должно быть очень точно рассчитано время апгрейда...

— Вы с Вольевой пытаетесь уморить его голодом, — сказал Силвест.

Хегази, сидевший с ним рядом, промолчал, но легонько кивнул, словно был правителем, подтверждающим судебный вердикт.

— Нет, мы...

— Не надо оправдываться, — перебил Силвест. — Если бы я хотел того же, что и вы, то есть срыва операции, предпринял бы нечто похожее. Время вы рассчитали тоже безупречно. Оставалось лишь ждать и наблюдать, как вашей игрушке приходит конец. Представляю, какое наслаждение вы при этом испытывали.

— Козел! — Хоури сплюнула. — Узколобая эгоистичная гнида!

— Поздравляю, — поклонился ей Силвест. — Пятибуквенные ругательства освоены, можно переходить к четырехбуквенным. Между прочим, при этом не обязательно направлять дурацкую железяку мне в лицо.

— Да запросто, — ответила Ана, но плазмобой не отклонился ни на дюйм. — Я как раз подумала, не взять ли на мушку другую деталь твоей анатомии.

Хегази повернулся к Вольевой:

— Не объяснишь ли, что тут происходит?

— Судя по всему, Похититель Солнц захватил управление всеми коммуникационными системами корабля, — ответила Илиа. — Это единственная версия. Только таким способом могла быть аннулирована моя команда прекратить передачу информации на «Плацдарм». — Сказав это, она тут же отрицательно мотнула головой. — Впрочем, маловероятно. Мы же знаем, что он торчит в ЦАПе, а между ЦАПом и коммуникациями физической связи нет.

— Похоже, теперь есть, — произнесла Хоури.

— В этом случае... — В полутьме рубки четко виднелись полумесяцы белков Вольевой. — В этом случае больше не существует логических барьеров между коммуникациями и остальным кораблем. Если Похититель Солнц уже продвинулся так далеко, то он сможет дотянуться и до всего остального.

Молчание затянулось. Похоже, всем, даже Силвесту, требовалось время, чтобы оценить серьезность ситуации. Хоури пыталась угадать мысли Силвеста, но пока не получалось даже определить, многое ли он понимает в происходящем. Возможно, все еще рассматривает его как параноидальную фантазию, которую создало подсознание Аны, заразив Вольеву и Паскаль. Наверное, в душе Силвест отказывался верить словам Хоури, несмотря на факты. А впрочем, какие такие факты? Кроме восстановления подачи информации на «Плацдарм», нет ничего, что подтверждало бы выход Похитителя Солнц за пределы центрального артиллерийского поста.

— Ты! — нарушил тишину возглас Вольевой, которая ткнула пистолетом в сторону Хегази. — Ты, свинья! Ты наверняка участвовал в этом! Садзаки вышел из игры, у Силвеста нет нужных знаний, значит это твоя работа!

— Не понимаю, о чем ты.

— Ты помог Похитителю Солнц! Сознавайся!

— Возьми себя в руки, триумвир.

Хоури совсем растерялась. Она даже не знала теперь, в какую сторону надо направлять плазменное оружие. Силвест был потрясен не меньше Хегази.

— Послушай, — сказала Хоури, — сколько я служу на этом корабле, столько и вижу, как он старательно вылизывает зад-

ницу Садзаки. Но это еще не значит, что он способен на такую глупость, как помощь Похитителю Солнц.

— Здравая мысль, — пробормотал Хегази. — Спасибо.

— Не спеши ее благодарить, — процедила Вольева, — твоя непричастность не доказана. Хоури права, помогать Похитителю Солнц — величайший идиотизм. Но кто сказал, что ты не идиот? У тебя были возможности... и ты химерик. Не исключено, что он поселился и в тебе. В этом случае для нас слишком опасно находиться с тобой рядом. — Она кивнула Хоури. — Ана, отведи его в какой-нибудь шлюз.

— Она решила меня убить? — говорил Хегази, под прицелом плазмобоя шагая по притопленному коридору и распугивая крыс-уборщиц. — Вышвырнуть в космос?

— Нет, она решила запереть тебя там, где ты не сможешь причинить вреда, — ответила Хоури, не испытывая желания болтать с подконвойным.

— Что бы она ни вообразила, я этого не делал. Стыдно признаться, но для таких задач у меня недостаточно опыта. Ты мне веришь?

Хегази изрядно надоел Хоури, но она решила ответить, чтобы триумвир побыстрее заткнулся.

— Я не уверена в твоей причастности, — сказала она. — Тебе пришлось бы провести кое-какую подготовку еще до того, как Вольева решила бросить собственное оружие. Когда же это стало ясно всем, у тебя уже точно не было времени. Ты постоянно торчал в рубке.

Они подошли к воздушному шлюзу, совсем маленькому — в нем помещался лишь один человек в скафандре. Как и все остальное в этой части корабля, рычаг двери и сама дверь шлюза были покрыты слизью, ржавчиной и плесенью. Но каким-то чудом механика еще работала.

— Так зачем же ты это делаешь? — спросил Хегази, когда дверь со скрежетом открылась и Хоури втолкнула его в плохо освещенную шлюзовую камеру. — Зачем, если не считаешь меня виноватым?

— Да просто ты мне не нравишься, — ответила она и заперла дверь снаружи.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Когда они наконец оказались в своей каюте, Паскаль тихо произнесла:

— Дэн, боюсь, из этой истории тебе без потерь не выбраться. Понимаешь, о чем я?

Ее муж до крайности вымотался, но мозг продолжал бешено работать, хотя самыми желанными были мысли о сне. Ведь если «Плацдарм» продержится достаточно долго, чтобы Силвест успел совершить запланированное путешествие в недра Цербера, сейчас есть последняя возможность как следует выспаться. Как следует — это часов десять, а еще лучше суткидругие. Он собирается вступить в неведомый и чуждый мир, и там ему понадобится предельная осторожность. А Паскаль явно вознамерилась отговорить его.

— Слишком поздно, — ответил Силвест устало. — Во-первых, мы выдали себя, во-вторых, причинили огромный ущерб Церберу. Мое появление у него внутри вряд ли значительно повлияет на ситуацию, зато мы узнаем гораздо больше, чем от шумных шпионов Вольевой.

— Ты же не знаешь, что ждет тебя там.

— Отчего же, знаю. Ответ на вопрос, что случилось с амарантийцами. Неужели ты не понимаешь, насколько важна эта информация для человечества?

Силвест видел, что она понимает, но ее душа противится. Потом Паскаль сказала:

— Что, если твое любопытство сродни тому, которое довело их до гибели? Ты же видел, что произошло с «Лореаном».

Силвест подумал об Алисии, погибшей под обстрелом. Почему он пожалел времени, чтобы извлечь ее тело из-под обломков? Сейчас вдруг распоряжение бросить ее труп вместе с «Плацдармом» на Цербер показалось чудовищным, как будто было отдано не им. И даже не Кэлвином, а кем-то, спрятавшимся за их спиной. Эта мысль заставила его поморщиться, и он тут же похоронил ее под грузом других мыслей, раздавил, как давят таракана.

— Но мы же узнаем, верно? — сказал он. — Наконец-то узнаем. И даже если Цербер убьет нас, кто-нибудь другой все равно выяснит, что случилось, — прилетев сюда с Ресургема или даже из другой системы. Ты должна понять, Паскаль: я считаю такой риск оправданным.

— Значит, дело не только в любопытстве! — Она смотрела на Силвеста так, будто ожидала развернутого ответа.

Он выдержал этот взгляд, зная, какими загадочными могут казаться его расфокусированные глаза.

— Хоури внедрили в команду этого корабля, чтобы убить тебя. Она сама призналась. Вольева допускает, что подослать сюда Ану могла Карина Лефевр.

— Это не просто невозможно, Паскаль. Это прямое оскорбление!

— И все же это может оказаться правдой. А еще чем-то гораздо более серьезным, чем обыкновенная месть. Возможно, Лефевр и вправду умерла, но кто-то унаследовал ее облик и разум. И этот кто-то знает, как опасно то, с чем ты легкомысленно играешь. Разве не следует учитывать такую возможность, сколь бы странной она ни казалась?

— Случившееся возле Завесы Ласкаля не может иметь отношения к тому, что произошло с амарантийцами.

— Ты не можешь быть стопроцентно уверен в этом.

Силвест разозлился и бросил ей в лицо:

— Могу, потому что я там был! Потому что отправился по стопам Ласкаля в Пространство Космического Откровения. И то, что было показано Ласкалю, было показано и мне! — Держа Паскаль за руки, он старался говорить тише. — Они древние, очень древние. И такие чуждые, что прямо дрожь берет. Они касались моего разума... Я видел их... и они ничуть не походили на амарантийцев.

Впервые после отлета с Ресургема он заглянул в прошлое, вернулся к тому моменту, когда изуродованный модуль контактного корабля несся вдоль чудовищной завесы. Древние, как фоссилии, умы затворников вползали в его мозг. То был миг постижения прорвы знаний. Ласкаль сказал правду. Пускай затворники совершенно чужие в биологическом смысле, пускай они неимоверно далеки от того, что человеческий ра-

зум считает нормальной формой сознательной жизни и уже одним этим вызывают отвращение. Зато в динамике мышления они куда ближе к людям, чем можно было ожидать, учитывая различия в строении тел.

Какое-то время эта дихотомия беспокоила Силвеста... но потом тревога прошла. А как же иначе жонглеры смогли бы переналадить его мозг, чтобы он думал подобно затворникам, если бы базовые принципы мыслепостроения не были сходны?

Затем он припомнил и созревающий нарыв их общения, и падающие на него брызги памяти — беглые взгляды на историю затворников. Миллионы лет эти существа рыскали по всей Галактике — по той, давней, не похожей на нынешнюю, — выискивая и собирая опасные игрушки, брошенные народами еще более древними, чем их собственная цивилизация. Теперь все эти сказочные вещи лежали совсем рядом с ним. За границей завесы... Он уже почти проник туда с помощью хитрости.

И вдруг...

Будто на миг раздвинулся театральный занавес или тучи образовали просвет, и там мелькнуло нечто мимолетное, то, о чем он почти забыл и вспомнил только сейчас. Оно должно было оставаться скрытым, замаскированным пластами личности... Личности и памяти давно исчезнувшей расы... Но то и другое успело истлеть, как старый армейский камуфляж.

И еще нечто, прячущееся в завесе... и еще один довод — в пользу его существования...

Но это воспоминание было настолько трудноуловимым, оно так ловко ускользало от Силвеста, что, пока он не остался наедине с Паскаль, оно ощущалось лишь как осадок сомнения.

— Обещай, что ты никуда не пойдешь, — молила Паскаль.

— Поговорим об этом утром, — ответил он.

Силвест проснулся в своей каюте. Поспать удалось совсем чуть-чуть, и этого, конечно, не хватило, чтобы прогнать из крови усталость.

Он не мог ни увидеть, ни услышать того, что нарушило сон. Вдруг заметил, что голографический экран возле кровати бледен — так зеркало отражает лунный свет.

Силвест передвинулся, чтобы активировать связь, не разбудив при этом спящую Паскаль. Впрочем, он напрасно опасался — жена спала очень крепко. Спор, который они вели перед сном, казалось, дал ей необходимое успокоение.

На экране появился Садзаки, позади была видна медицинская аппаратура.

— Вы один? — тихо спросил Садзаки.

— Здесь моя жена, — прошептал Силвест. — Она спит.

— Тогда буду краток. — Садзаки показал изуродованную руку: влажная корочка вернула запястью прежнюю форму, хотя все еще продолжала светиться, свидетельствуя, что интенсивное лечение далеко не окончено. — Я чувствую себя достаточно сносно, чтобы покинуть лазарет. И вовсе не собираюсь идти по стопам Хегази.

— Тогда перед вами серьезная проблема. Вольева и Хоури прибрали к рукам все стреляющее и приняли меры, чтобы вам не удалось вооружиться. — Силвест еще больше понизил голос. — Вряд ли будет трудно убедить Вольеву, чтобы и меня посадила под замок. Мои угрозы насчет судьбы корабля особого впечатления на нее не производят.

— Она просто уверена, что вы не посмеете зайти так далеко.

— А если она права?

Садзаки покачал головой:

— Теперь все это уже не имеет значения. Через несколько дней — самое большее через пять — «Плацдарм» начнет сдавать позиции. Но пока еще есть окошко, сквозь которое вы можете пролезть внутрь планеты. Только не говорите, что сведения, поступающие от роботов-разведчиков, удовлетворяют вас.

— Хорошо, не скажу.

Паскаль зашевелилась.

— Тогда принимайте мое предложение, — сказал Садзаки. — Я сам проведу вас в эти недра. Мы вдвоем, и никого больше. Возьмем скафандры — помните, как вас сюда доставили с Ресургема? Нам не понадобится даже шаттл. До Цербера доберемся меньше чем за день. Еще два дня понадобятся на проникновение внутрь, день — чтобы там осмотреться, и еще день — на возвращение тем же путем. К тому времени вы будете знать дорогу.

— А вы?

— Пойду с вами. Я уже сказал, как нам следует поступить в отношении капитана.

Силвест кивнул:

— Рассчитываете найти в Цербере что-нибудь пригодное для лечения Бреннигена.

— Надо же с чего-то начинать.

Силвест огляделся. Голос Садзаки был похож на шорох листьев, колеблемых ветром, и это подчеркивало тишину, придавало ей таинственности — каюта скорее походила на спроецированную волшебным фонарем картинку, нежели на обыкновенное жилое помещение. Он подумал о битве, кипящей в недрах Цербера в эту самую минуту, о яростно сталкивающихся механизмах, хотя большинство их размерами лишь немного превосходит бактерию. Грохот этого сражения неуловим для человеческих чувств, но оно тем не менее бушует вовсю, и Садзаки прав: осталось всего несколько дней, а потом неисчислимые полчища чужих нанороботов начнут стремительно разрушать могучую осадную машину Вольевой.

Каждая секунда, на которую он отложит свое проникновение в недра Цербера, означает, что в этих недрах он проведет на секунду меньше, и на ту же секунду приблизится срок его неизбежного возвращения на корабль. А ведь рубка к тому моменту может оказаться наглухо закрытой.

Снова шевельнулась Паскаль, но Силвест знал, что она крепко спит. Она выглядела не более реальной, чем мозаичные птицы, которые украшали стены каюты, — разбудить ее не легче, чем этих птиц.

— Слишком уж неожиданно, — сказал Силвест.

— Но ведь вы ждали этого момента едва ли не всю жизнь, — повысил голос Садзаки. — Не говорите, что вы не готовы воспользоваться таким шансом. Не говорите, что боитесь того, что можете там обнаружить!

Силвест знал: надо решать немедленно, пока на него не обрушился подлинный смысл и ужас происходящего.

— Где мы встретимся?

— За бортом, — ответил Садзаки и тут же объяснил почему: он хочет свести к минимуму риск случайной встречи с

Вольевой, Хоури или даже с женой Силвеста. — Они считают меня больным, — добавил Садзаки, поглаживая запястье. — Но если встретят за пределами лазарета, то поступят так же, как с Хегази. Отсюда мне проще добраться до скафандра, обойдя отсеки, где мое присутствие может быть зафиксировано.

— А я?

— Идите к ближайшему лифту. Я прикажу ему доставить вас к скафандру. Вам не придется ничего делать, скафандр сам обо всем позаботится.

— Садзаки, я...

— Через десять минут вы должны покинуть корабль. Скафандр привезет вас ко мне. — Перед тем как отключиться, Садзаки добавил с усмешкой: — И настоятельно советую не будить жену.

Садзаки сдержал слово. Лифт и скафандр знали совершенно точно, куда надо доставить Силвеста.

По пути он никого не встретил. Никто не помешал скафандру обмерить его, адаптироваться к его параметрам и наконец мягко, даже ласково окутать собой нового хозяина.

Не было никаких признаков того, что корабль заметил открытие люка или выход Силвеста в космос.

Вольева проснулась. Черно-белый сон с армиями каких-то воинственных насекомых прервался совершенно неожиданно.

Хоури лупила кулаком в дверь каюты и кричала, но спросонья Вольева не разобрала ни слова. Когда же она открыла дверь, прямо в лицо ей уставился плазмобой. Хоури заколебалась, а потом неохотно опустила оружие, как будто не была уверена, что за дверью никто не прячется.

— Что случилось? — спросила Вольева.

— Паскаль подняла тревогу, — ответила Ана. Пот крупными каплями выступил у нее на лбу, на ложе ружья мокрые ладони оставили темные пятна. — Она проснулась, а Силвеста и след простыл.

— Исчез?

— Но кое-что оставил! Она жутко переживает, но все же отдала это, чтобы я показала тебе. — Плазмобой повис на ремне, Хоури вынула из кармана какой-то клочок.

Вольева протерла глаза и взяла бумагу. Прикосновение осязательных бугорков на пальцах активировало скрытое послание, и на фоне переплетающихся птичьих силуэтов нечетко проявилось лицо Силвеста.

«Боюсь, я солгал тебе, — зазвучал его голос с бумаги. — Паскаль, мне будет очень жаль, если ты возненавидишь меня, но я надеюсь, этого не случится, ведь мы столько пережили вместе. — Голос стал еле слышен. — Ты умоляла меня отказаться от затеи проникнуть внутрь Цербера. И все же я ухожу. В ту минуту, когда ты услышишь эти слова, я уже буду в пути, и меня никто не сможет остановить. Мне ничем не оправдать свой поступок, кроме того, что я должен его совершить, и, думаю, ты всегда понимала это. Тем более что волей судьбы мы оказались так близко от этого места. — Он замолк, чтобы перевести дух или обдумать дальнейшее. — Паскаль, ты единственная, кто догадался о том, что на самом деле произошло у Завесы Ласкаля. И ты знаешь, как я восхищаюсь тобой. Вот почему я не побоялся признаться тебе. Клянусь, то, что я рассказал, мне тогда казалось истиной. Это ни в коем случае не было очередной ложью. И вот теперь эта женщина, которую Хоури считает Кариной Лефевр... Она подослала Хоури, чтобы убить меня, чтобы не подпустить к Церберу!»

На несколько секунд бумага смолкла. Затем опять зазвучал голос Силвеста:

«Паскаль, я вел себя так, будто не поверил ни единому ее слову. Возможно, я и в самом деле тогда не верил. Я гнал призраков прошлого, я хотел убедить себя самого, что происходящее ныне не имеет никакого отношения к тому, что случилось там, у завесы.

Ты понимаешь меня, правда? Я обязан дойти до конца, иначе призраки не умолкнут. Может быть, я должен поблагодарить Хоури. Она дала мне толчок, хотя я никогда еще не испытывал такого страха перед своей возможной находкой. Я не думаю, что она, даже все они, плохие люди. И уж конечно, это никак не относится к тебе, моя Паскаль. Я знаю, они убедили тебя, и ты пытаешься отговорить меня, потому что любишь. И, делая выбор, я предаю твою любовь. Невозможно выразить словами, какую боль я испытываю при этом.

Поймешь ли ты меня? И сможешь ли простить, когда я вернусь? Разлука не будет долгой — каких-нибудь пять дней. А может, и гораздо меньше. — Он опять помолчал, прежде чем добавить постскриптум. — Я беру с собой Кэлвина. И сейчас, когда записываю эти слова, он во мне. Я бы солгал, если бы сказал, что мы не пришли к... новому равновесию. Думаю, он будет полезен».

Изображение на бумаге померкло.

— Знаешь, — сказала Хоури, — были моменты, когда мне становилось его жаль и он даже казался симпатичным. Но он все испортил.

— Ты сказала, что Паскаль переживает.

— А как бы ты себя чувствовала на ее месте?

— Не знаю. Возможно, он прав. Возможно, она действительно знала о том, что должно произойти. И вполне вероятно, что ей следовало бы хорошенько подумать, прежде чем выходить замуж за такую свинью.

— Считаешь, он уже далеко?

Вольева бросила взгляд на бумагу, как будто надеялась получить новую информацию.

— Надо полагать, ему посодействовали. Тех, кто мог содействовать, осталось мало. В общем-то, никого, если не считать Садзаки.

— Его, конечно, не стоит исключать. Наверное, он вылечился быстрее, чем мы ожидали.

— Нет. — Вольева нажала на свой всеведущий браслет. — Я знаю, где находится каждый член триумвирата. Хегази — в воздушном шлюзе, Садзаки — в лазарете.

— Как насчет того, чтобы на всякий случай проверить?

Вольева схватила комплект одежды, достаточно теплой, чтобы можно было посетить любой отсек с искусственной атмосферой. Сунула за пояс игольный пистолет, а на плечо повесила тяжелый двуручный автомат, который Хоури выбрала для нее в арсенале. По сути, это было спортивное оружие с огромной начальной скоростью пули, изобретенное в двадцать третьем столетии. Продукт Первой Панъевропейской Демархии лежал в чехле из черного неопрена. По бокам ложа были инкрусти-

рованы два китайских дракона из золота и серебра, с рубиновыми глазами.

— Ни в малейшей степени не возражаю, — сказала она.

Они достигли воздушного шлюза, в котором был заперт Хегази. Последнему нечем было заниматься, кроме любования собственной персоной в полированных стенках. Так, во всяком случае, считала Вольева в те редкие минуты, когда вспоминала об арестованном триумвире. Вообще-то, ненависти к Хегази она не испытывала — слабоват он был, чтобы вызывать к себе такое чувство. Порой ей казалось, что существовать он способен только в тени Садзаки.

— У тебя с ним не было проблем? — спросила Вольева.

— Нет... разве что он все время доказывал свою невиновность. Говорил, что не выпускал Похитителя Солнц из ЦАПа. Звучало довольно искренне.

— Это очень старая техника, известная под названием «ложь».

Вольева поправила на плече автомат с китайскими драконами и взялась за рычаг механизма, открывающего внутреннюю дверь шлюза. Ноги прочно уперлись в покрытый слизью пол.

Нажим.

— Не могу открыть.

— Давай я попробую! — Хоури оттеснила ее и налегла на рычаг. — Нет, — сказала она после нескольких попыток. — Заело, должно быть.

— Ты, часом, не заварила дверь?

— Может, и стоило.

Вольева постучала:

— Хегази, ты меня слышишь? Что у тебя с дверью? Не можем открыть.

Ответа не последовало.

— Он там, — сказала Вольева после консультации с браслетом. — Не слышит через плиту?

— Мне это не нравится, — буркнула Хоури. — Дверь была в полном порядке, когда я уходила. Придется стрелять в за-

мок. — Не ожидая согласия Вольевой, она крикнула: — Хегази! Слышишь меня? Мы будем стрелять в дверь!

Она сорвала с плеча плазмобой. На предплечье напряглись крутые мышцы. Другой рукой она прикрыла лицо и для надежности отвернулась.

— Подожди! — крикнула Вольева. — Мы слишком торопимся. А что, если открыта внешняя дверь шлюза? В таких случаях срабатывают датчики давления и задраивают внутреннюю дверь.

— В этом случае Хегази не доставит нам неприятностей. Разве что он умеет жить не дыша по нескольку часов.

— Верно. И все же не следует пороть горячку.

Хоури подошла к двери вплотную:

— Если тут и есть панель, показывающая давление за дверью, то ее нипочем не найти под грязью. Я могу поставить коллимацию на минимум. Просверлим дыру толщиной с иголку.

— Валяй, — согласилась Вольева после некоторого колебания.

— Хегази, мы изменили план! Я проделаю отверстие вверху двери. Если ты стоишь, то сейчас самое время сесть и подумать о приведении твоих дел в порядок.

Ответа не последовало.

«Плазмобою поставленная задача может показаться оскорбительной, — подумала Вольева. — Все равно что нарезать свадебный торт промышленным лазером».

И все же Хоури своего добилась. Вспышка, треск — это плазменное ружье плюнуло тонким продолговатым семечком шаровой молнии в дверь. Образовавшаяся дырочка была очень похожа на лаз жука-древоточца.

В течение секунды из нее тянулся серый дым.

А затем с шипением ударила темная дуга кипятка.

Не теряя времени даром, Хоури просверлила дыру большего диаметра. Теперь ни она, ни Вольева не сомневались, что за дверью нет живых. Хегази или мертв по неизвестной причине, или неизвестным образом покинул шлюзовую камеру. Эта струя бурой жидкости под высоким давлением — его последнее послание бывшим тюремщикам.

Хоури снова выстрелила, и струйка превратилась в поток толщиной в руку, ударивший с такой силой, что попавшая под него Ана не устояла на ногах. Рядом с ней в толстый, по щиколотку, слой слизи шлепнулось и ружье. Слизь зашипела, коснувшись раскаленного ствола. К тому времени, когда Хоури кое-как встала, поток унялся, лишь струйки толчками выплескивались из отверстий в двери. Хоури подняла плазмобой и стерла с него грязь, сомневаясь, что оружие осталось исправным.

— Это корабельная слизь, — сказала Вольева. — Такая же, как и та, в которой мы стоим. Я ее вонь всюду узнаю.

— Значит, шлюз полон слизи?

— Только не спрашивай, откуда она взялась. Сделай еще дыру, побольше и пониже.

Хоури так и поступила. Потом просунула в отверстие руку и завозилась с внутренними запорами, стараясь не касаться раскаленного металла. Вольева права, думала она, именно датчики давления заперли дверь. Но каким образом в шлюз могло накачаться столько этой гадости?

Дверь открылась, остававшаяся в шлюзовой камере слизь торжественно хлынула в коридор.

И вынесла то, что осталось от Хегази. Трудно было сказать, что явилось причиной смерти — избыточное давление или его мгновенный сброс. Но металлические и органические элементы триумвира, похоже, расставались друг с другом легко.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

— Тут без сигареты не разберешься, — сказала Вольева.

Ей понадобилась чуть ли не минута, чтобы вспомнить, куда она засунула пачку. Когда Илиа наконец отыскала курево в том кармане куртки, которым реже всего пользовалась, то не стала торопиться ни с открыванием пачки, ни с выуживанием из нее мятой белой палочки. Лишь слегка придя в себя, она сделала глубокую затяжку. То, что происходило с ее нервами,

напоминало кружение подхваченных ветром перьев; сейчас они помаленьку возвращались на землю.

— Его убил корабль, — сказала она, глядя на останки Хегази, но стараясь не принимать близко к сердцу увиденное. — По-другому это не объяснить.

— Убил? — спросила Хоури, держа под прицелом лохмотья триумвира, которые покачивались на густой слизи возле ее ног; она будто опасалась, что эти куски плоти могут вдруг заняться самовосстановлением. — Ты хочешь сказать, это не несчастный случай?

— Нет, это не несчастный случай. Я знаю, Хегази был в сговоре с Садзаки, а следовательно и с Силвестом. И все же убил его Похититель Солнц. Правда, тут есть о чем подумать?

— Похоже на то.

Может, Хоури и сама просчитала бы варианты, но Вольева на всякий случай решила объяснить ей случившееся.

— Силвест на пути к Церберу. А поскольку мне не удалось уничтожить «Плацдарм», уже ничто не помешает Силвесту проникнуть внутрь планеты. Понимаешь? Это значит, победа Похитителю Солнц обеспечена. Остальное — всего лишь вопрос времени и поддержания статус-кво. Никто не стоит у него на пути.

— Никто, кроме нас, — произнесла Хоури, потупившись, подобно умному ученику, который хочет произвести впечатление на учителя, но не хочет раздражать одноклассников.

— Вот именно. Опасность для него представляем мы с тобой, а еще Паскаль. Хегази тоже был потенциальной угрозой. И только по одной причине: он был человеком. — Разумеется, Вольева гадала на кофейной гуще, но ей все сказанное казалось логичным. — Для такого существа, как Похититель Солнц, человеческая лояльность... слишком зыбкая, неупорядоченная материя — возможно даже, непознаваемая. Он привлек на свою сторону Хегази или, по крайней мере, тех, кому Хегази был предан. Но разве он мог постичь механизм верности и освоить принципы управления им? Сомневаюсь. Хегази был элементом, который приносил определенную пользу, но мог сломаться в дальнейшем. — Вольева говорила с ледяным спокойствием, которое исходило из понимания собственной абсолютной

незащищенности, и знала, что еще никогда не приближалась к этому пониманию так близко. — А поэтому он должен был умереть. Цель Похитителя Солнц почти достигнута, и я думаю, он захочет поступить точно так же и с нами.

— Если он решит погубить нас...

— А разве он сейчас не этим занят? Возможно, пытается вовсю. Но часть корабельных отсеков не подчиняются центральному контролю, а значит, Похититель Солнц ограничен в своих действиях. Тело, которым овладел этот паразит, разбито параличом и наполовину разъедено проказой.

— Как поэтично! Но что это означает для нас?

Сигарета уже была докурена до фильтра. Вольева зажгла новую.

— Это означает, что Похититель Солнц попытается нас убить, и трудно предугадать, каким способом он воспользуется. Скажем, выпустить в космос весь воздух он не может, поскольку каналов для передачи такой команды просто не существует. Даже я не смогла бы этого сделать, если бы не открыла все шлюзы, отключив тысячи различных электромеханических предохранительных устройств. Вполне возможно, что затопить помещение объемом больше воздушного шлюза ему тоже не под силу. Но что-нибудь он изобретет, за это я ручаюсь.

Внезапно, почти не думая, она схватила свой автомат и направила его в темный длинный коридор, ведущий к шлюзу.

— В чем дело?

— Ни в чем, — ответила Вольева. — Просто я боюсь. До смерти боюсь. Хоури, я правильно понимаю: у тебя нет соображений насчет того, как нам быть?

У Аны соображения, однако, имелись.

— Надо найти Паскаль. Она гораздо хуже нас ориентируется на корабле. И если начнется заваруха...

Вольева раздавила недокуренную сигарету о ствол автомата.

— Ты права. Нам не следует разделяться, и мы не будем этого делать. Как только...

Что-то с шумом возникло из темноты и остановилось метрах в десяти от них.

Вольева тут же взяла силуэт на прицел, но не выстрелила. Какой-то инстинкт сказал ей, что эта штуковина явилась сю-

да не ради убийства. Это был один из гусеничных роботов, которых, как она помнила, Силвест использовал в неудачной попытке вылечить капитана. Управлялись такие машины по большей части кораблем, а не собственным мозгом.

Его фасеточные глаза, укрепленные на невысоких стержнях, уставились на женщин.

— Он не вооружен, — тихо проговорила Вольева и тут же поняла, что шепот тут ни к чему. — Наверное, послан выследить нас. Мы в одном из слепых отсеков — он не просматривается кораблем.

Датчики робота легонько покачивались с боку на бок, как будто он определял точное местонахождение женщин. Затем он попятился во тьму.

Хоури разнесла его вдребезги.

— Зачем ты это сделала? — спросила Вольева, когда эхо взрыва замерло вдали и ее глаза перестали жмуриться от яркой вспышки. — Все, что он видел, уже передано кораблю. Стрельба бессмысленна.

— А чего он на меня так нахально пялился? — ответила Хоури. — И вообще... одной заботой меньше.

— Понятно, — сказала Вольева. — Знаешь, с какой скоростью корабль производит этих роботов? Через двадцать секунд будет готов новый.

Хоури поглядела так, будто Вольева выдала понятную только самой себе шутку. Однако та говорила совершенно серьезно. То, что она поняла лишь сейчас, напугало ее куда сильнее, чем появление робота. Если корабль догадался прибегнуть к помощи роботов ради получения информации, то вполне логично, что он постарается приспособить такие машины и для убийства оставшихся на борту людей.

Не успела Вольева додумать эту мысль до конца, как ей пришлось еще раз обмереть от страха. Корабельная слизь невдалеке всколыхнулась, из нее вынырнула маленькая голова с черными глазами-бусинками. Тварь секунду-другую смотрела на Илиа, а затем взмахнула голым хвостом и исчезла в темноте.

Вольева вспомнила, что крысы-уборщицы тоже подчиняются кораблю.

Когда сознание вернулось — а Силвест не сразу смог вспомнить, при каких обстоятельствах лишился его, — вокруг кружилось множество размазанных звезд. Танец был настолько диким, что Силвест испугался, как бы его не затошнило от такого зрелища.

Что он вообще здесь делает? И почему чувствует себя так странно — будто каждую клетку тела набили ватой?

Потому что он в скафандре, вот почему! В одном из тех специальных скафандров, которыми пользуются ультра с корабля. Такие же снасти доставили его и Паскаль с Ресургема на борт «Ностальгии по бесконечности».

Этот скафандр наполняет легкие какой-то жидкой дрянью вместо воздуха!

— Что случилось? — произнес он про себя, но так, чтобы простейший встроенный прибор для чтения мыслей смог воспринять вопрос.

— Я разворачиваюсь, — проговорил скафандр. — Маневрирую центральным двигателем.

— Где мы, черт возьми?

Разбираться в своих воспоминаниях было тяжело — все равно что искать концы в комке невероятно запутанной пряжи. Даже подступиться страшно.

— Мы более чем в миллионе километров от корабля, а до Цербера осталось немногим меньше.

— И весь этот путь мы прошли за... — Силвест осекся. — Нет, не помню. Подскажи, сколько мы летим.

— Стартовали семьдесят четыре минуты назад.

Чуть больше часа, подумал Силвест. Но он бы поверил, даже если бы скафандр сказал, что прошли целые сутки.

— Наше среднее ускорение — десять *g*. Мне приказано не отставать от триумвира Садзаки.

Вот теперь Силвест вспомнил. Вызов от Садзаки чуть ли не в полночь, пробежка к складу скафандров. Потом всплыло, хотя и не во всех деталях, прощальное письмо, которое он оставил Паскаль. Это была уступка с его стороны, единственная роскошь, которую он себе позволил. Но даже будь у него несколько дней для подготовки побега, вряд ли он поступил бы иначе. Наверняка не взял бы с собой ни средств для записи

впечатлений, ни камеры для съемки подземных видов. Ведь у него есть доступ к библиотеке скафандра и его богатой сенсорике.

Эти скафандры очень хорошо вооружены, они способны защищаться от всех средств нападения, с которыми до сих пор имел дело «Плацдарм» Вольевой. Они умеют «выдавливать» из себя инструментарий для различных анализов, создавать в себе пустоты для хранения образцов и результатов их изучения. Кроме того, подобно космическому кораблю, скафандр может действовать автономно.

Силвест подумал, что скафандр на самом деле является кораблем. Это сложный, необычайно гибкий аппарат, в котором есть место только для одного пассажира. Скафандр способен действовать в качестве шаттла, а при необходимости может быть превращен в средство передвижения по поверхности планеты. Без этой штуковины нельзя было бы и надеяться на путешествие в глубины Цербера.

— Хорошо, что я проспал разгон, — сказал Силвест.

— Ничего другого вам не оставалось, — ответил скафандр, демонстрируя полное отсутствие интереса. — Пришлось подавить ваше сознание. А теперь приготовьтесь к снижению скорости. Когда вы снова очнетесь, мы уже будем близки к цели нашего путешествия.

Силвест начал было формулировать следующий вопрос — он хотел узнать, почему до сих пор не объявился Садзаки, — но скафандр снова погрузил его в сон, такой же беспробудный, как и предыдущий.

Вольева решила побыть в рубке, пока Хоури не разыщет Паскаль. Теперь она не рисковала пользоваться лифтами, но, к счастью, ей предстояло подняться всего лишь на двадцать уровней. Утомительно, но переносимо, а главное, практически безопасно. В лестничные колодцы корабль не пошлет роботов, даже летающие машины, которые снуют в обычных коридорах на сверхпроводящих магнитных полях. И все же она держала автомат наготове, пока поднималась по длиннющим винтовым лестницам, останавливаясь лишь перевести дух да прислушаться, не крадется ли кто-нибудь по пятам, не поджидает ли впереди.

В пути она коротала время, придумывая способы, которыми корабль может ее умертвить. Это была интересная интеллектуальная задача, которая проверяла глубину знаний Илиа, причем в неожиданном аспекте; теперь на привычные вещи приходилось смотреть с совершенно непривычных позиций. Однажды, и не так уж давно, она сама побывала в ситуации, аналогичной той, в которой сейчас находился корабль. Она собиралась убить Нагорного или хотя бы обезвредить его, что практически было одно и то же. В конце концов она прикончила Нагорного, так как он первым попытался расправиться с ней.

Теперь способ, которым она добилась своего, занимал ее мысли. Илиа так резко ускоряла и замедляла движение корабля, что стажер разбился всмятку. Рано или поздно — и она не видела никаких препятствий, способных этому помешать, — корабль сам доберется до этой идеи. И когда это произойдет, Вольевой лучше бы находиться где-нибудь подальше от лестничного колодца.

Илиа достигла рубки без помех, хоть и проверила каждую тень по пути, убедившись, что там не подстерегает машина или, того хуже, крыса. Она не знала, на что способны крысы, но узнавать совсем не хотелось.

Рубка была пуста. В ней ничего не изменилось за недолгое время отсутствия Вольевой. Последствия учиненного Хоури погрома остались не устранены. Даже пятна крови Садзаки виднелись на полу этого гигантского полусферического помещения. Голографический дисплей светился, забрасывая Вольеву массой постоянно обновляемых данных о состоянии Цербера и «Плацдарма». На мгновение в ней проснулся материнский интерес к собственному детищу, которое так стойко держалось против атакующих войск планеты. И хотя она испытывала законную гордость, все равно хотелось, чтобы «Плацдарм» проиграл и Силвесту не удалось проникнуть в недра Цербера. Разумеется, если он сможет добраться живым до планеты.

— Зачем ты пришла сюда? — прозвучал голос.

Она повернулась, будто получив обжигающий удар хлыстом. С одного из высоких ярусов рубки на нее смотрел стоя-

щий человек. Незнакомый — просто закутанный в темный плащ мужчина со скрещенными на груди руками и скалящимся черепом вместо лица.

Вольева нажала на спуск, но мужчина не дрогнул, когда пуля пронзила его. Ионизированный след выстрела затрепетал, точно стяг.

Рядом с первой фигурой появилась вторая, одетая несколько иначе.

— Срок твоей службы истек, — сказал она на самом древнем норте.

Этот вариант языка Вольева знала плохо, а потому с большим трудом поняла значение слов.

— Что тебе нужно? — спросил первый мужчина, но тут рядом с ним появился еще один, а затем еще и еще.

Тени далекого прошлого обступили Вольеву со всех сторон.

— Экая наглость!.. — Возглас утонул в голосах других призраков, стоявших справа от нее.

— У тебя нет таких прав, триумвир. Я обязан предупредить тебя...

— Ты серьезно злоупотребила властью и должна передать ее...

— ...Горько разочаровались, Илиа, и обязаны, со всей деликатностью, потребовать, чтобы ты...

— ...Сняла с себя привилегии...

— ...Совершенно неприемлемо...

Когда хор превратился в непрерывный бессловесный рев, а собрание мертвецов заполонило весь зал, Вольева закричала. Куда бы она ни обращала взор, всюду ее окружала масса древних лиц, шевелящих широко разинутыми ртами, будто каждый из призраков был тут единственным оратором. И каждый будто воображал, что всеобщее внимание обращено именно на него. Казалось, они молятся ей. Молятся, ибо она всемогуща. Молятся и одновременно жалуются. Сначала со злобой, будто она их чем-то разочаровала, потом с ненавистью и презрением, как будто она не только обманула их, но обманула постыдно и при этом еще совершила неслыханный грех, такой мерзкий, что о нем даже сказать нельзя, а можно лишь кривить губы и метать взгляды, полные стыда за нее.

Вольева подняла автомат. Соблазн выпустить в этих придурков всю обойму был нестерпим. Убить их, конечно, нельзя, зато можно повредить проецирующую технику.

Но боеприпасы надо беречь. Арсенал теперь недоступен.

— Отстаньте! — завопила она. — Убирайтесь куда подальше!

Один за другим мертвецы смолкали и исчезали. А перед тем как исчезнуть, каждый укоризненно качал головой, будто ему было стыдно находиться рядом с Вольевой.

И вот наконец Илиа полностью отвоевала рубку. Она дышала резко и часто; надо было успокоиться. Медленно выкурила сигарету, стараясь дать отдых мозгам. Пальцы поглаживали автомат. Вольева радовалась, что не выпустила весь магазин, хотя, ее бы воля, она с наслаждением разгромила бы рубку. Прикосновение к оружию было необычайно приятно. Хоури подобрала ей отличную стрелялку. На ложе золотом и серебром горели китайские драконы.

И тут заговорил дисплей.

Вольева подняла глаза и увидела лицо Похитителя Солнц.

Паскаль открыла Вольевой значение этого имени, так что никем иным он быть и не мог. Но эта сущность оказалась гораздо страшнее, чем представляла себе Илиа. Потому что она не просто видела Похитителя Солнц. Она видела его таким, каким он видел себя сам, и, похоже, с рассудком у него обстояло неблагополучно. Вольева вспомнила Нагорного и только теперь поняла, почему тот сошел с ума. Ничего удивительного — попробуй поживи с этаким чудищем в голове да попытайся понять, как оно туда попало и чего от тебя хочет. Можно только пожалеть погибшего артиллериста! А что, если и у самой Вольевой развился психоз в контакте с этим привидением, маячащим в каждом ее сне, стоящим за первой утренней мыслью?

Наверное, некогда Похититель Солнц был амарантийцем. Но он изменился — возможно, по собственной воле — благодаря генной инженерии, вылепив из себя и своих отлученных совершенно новый биологический вид. Они приспособили собственное анатомическое строение для полетов в условиях нулевой гравитации. Вырастили огромные крылья. Сейчас эти

крылья были видны — возвышались над круглой лысой головой, а та, казалось, стремительно приблизилась бы к Вольевой, если бы не упиралась в невидимое препятствие.

Пожалуй, правильнее было бы назвать это голым черепом. Глазницы, правда, не пустовали, их до краев заполняла кромешная мгла, такая же черная и бездонная, какой Вольева представляла себе завесу затворников. Кости Похитителя Солнц испускали мертвенное сияние.

— Что бы я ни говорила раньше, — сказала Вольева, когда первый шок от увиденного прошел, а вернее, понизился до переносимого, — думаю, что ты уже придумал способ убить меня. Если, конечно, твоя цель заключается в этом.

— Ты не можешь знать, чего я хочу.

Когда он говорил, слова не звучали, но смысл удивительным образом доходил до Вольевой — как будто ее рассудок выхватывал его из молчания. Сложные челюсти Похитителя Солнц вообще не двигались. Ей вспомнилось, что устная речь не была у амарантийцев важным средством общения. Эта цивилизация развивалась на базе визуальных изображений. И эта база, надо полагать, была достаточно мощной, чтобы сохраниться даже после того, как Похититель Солнц покинул Ресургем и подверг свой народ трансформации столь радикальной, что по возвращении на родную планету они были приняты за крылатых богов.

— Зато я знаю, чего ты не хочешь, — сказала Вольева. — Ты не хочешь допустить, чтобы кто-нибудь помешал Силвесту достигнуть Цербера. Поэтому и решил нас уничтожить.

— Его миссия для меня исключительно важна, — признал Похититель Солнц, но тут же поправился: — Для нас. Для тех, кто выжил.

— Выжил после чего? — Может, это последний шанс достичь перемирия с ним. — Нет, постой-ка... Что еще вы могли пережить, кроме гибели амарантийского мира? Или речь о другом? Неужели ты нашел способ не умирать?

— Теперь ты знаешь, где я вошел в Силвеста. — Это был не вопрос, а скорее бесстрастное утверждение.

«Интересно, — подумала Вольева, — многое ли из наших рассуждений стало известно Похитителю Солнц?»

— Должно быть, в Завесе Ласкаля, — сказала она. — Только в этой версии я вижу хоть какой-то смысл.

— Там мы обрели убежище на девятьсот девяносто тысяч лет.

Совпадение было слишком явным, чтобы не придавать ему значения.

— То есть с того времени, как на Ресургеме погибло все живое?

— Да. — Это прозвучало в мозгу как зловещее шипение. — Завесы сделаны нами. Последняя отчаянная попытка нашей стаи, предпринятая уже после того, как оставшиеся на планете амарантийцы превратились в пепел.

— Не понимаю... Ласкаль рассказывал, да и сам Силвест обнаружил...

— От них скрыли истину. Ласкалю представили вымысел, вместо нас он увидел древнюю культуру, нисколько не схожую с нами. Настоящее предназначение завес осталось для него тайной. Ему показали приманку, которая могла пробудить интерес у других и привести их к нам.

Вольева поняла, как сработала ловушка. Ласкалю дали понять, что завесы представляют собой склады опасных технологий, которые человечество было бы совсем не прочь прибрать к рукам. Разве отказались бы люди от двигателей, позволяющих преодолевать скорость света, и тому подобного? Когда Ласкаль рассказал об этом Силвесту, тот, естественно, еще сильнее захотел проникнуть в завесу. Ему удалось получить поддержку всей демархистской общины Йеллоустона — в случае успеха экспедиции эта группировка получила бы невообразимое преимущество.

— Но если это ложь, — сказала Вольева, — то каково же настоящее предназначение завес?

— Триумвир Вольева, завесы нам нужны для того, чтобы прятаться за ними. — Казалось, Похититель Солнц играет с нею, наслаждаясь ее непониманием. — Это убежища. Области реконструированного пространства-времени, где мы можем жить не боясь.

— Не боясь кого?

— Тех, кто пережил Войну Рассвета. Тех, кого прозвали ингибиторами.

Вольева кивнула. Многого она еще не понимала, но одна вещь была вполне ясна. То, что рассказала Хоури — фрагменты странного сна, увиденного в ЦАПе, — очень походило на правду. Стажер запомнила далеко не все, многое она изложила не в правильной последовательности, но теперь стало очевидным: все это потому, что от Хоури ожидали понимания чего-то слишком огромного, слишком чуждого, слишком апокалиптического, — того, что ее разум был просто не в силах понять и сохранить. Ана сделала все от нее зависящее, но одного старания тут мало.

Теперь же Вольевой предлагали самой сложить фрагменты картины, вот только подход к этой задаче подразумевался совершенно другой.

О Войне Рассвета Хоури узнала от Мадемуазели, которая не хотела, чтобы Силвест добился успеха. А Похититель Солнц, напротив, всеми силами пытается этот успех обеспечить.

— Так что же происходит? — спросила Вольева. — Я догадываюсь, чем ты тут занимаешься. Задерживаешь меня. Знаешь, что я ужасно хочу получить ответы на кучу вопросов. Что ж, будь по-твоему.

Похититель Солнц молча ждал, когда Вольева начнет спрашивать. Задав множество вопросов и получив ответы, Вольева решила, что трата одного патрона будет оправданной. Она выстрелила в дисплей, и огромный стеклянный шар разлетелся на миллиард осколков. В этом же взрыве исчезло и лицо Похитителя Солнц.

Хоури и Паскаль шли кружным путем к лазарету, избегая лифтов и недавно отремонтированных коридоров, по которым легко могли передвигаться роботы. Обе держали оружие на изготовку, предпочитая палить во все, что казалось хоть немного подозрительным; доставалось и невинным теням, и пятнам на стенах.

— И что, он совсем никак не предупредил, что хочет отправиться на Цербер? — спросила Хоури.

— Нет. Он не собирался уходить так внезапно. Вернее, вчера мне что-то показалось, но я постаралась его отговорить.

— А что теперь ты о нем думаешь?

— Что ты хочешь услышать? Он мой муж, и мы любим друг друга. — Сказав это, Паскаль чуть не упала; Хоури едва успела ее подхватить. Паскаль смахнула слезы с покрасневших глаз. — Ненавижу его за то, что он сделал. На моем месте и ты ненавидела бы. И я не понимаю его... но все равно люблю. Постоянно думаю: а вдруг он уже умер? Это ведь возможно, да? А если и нет, то где гарантия, что я его увижу?

— Там, куда он отправился, не слишком безопасно, — произнесла Хоури и тут же подумала: но намного ли опаснее, чем сейчас на корабле?

— Да, я знаю. Думаю, он даже не подозревает, какой опасности подвергает и себя, и всех нас.

— Твой муж — не какой-нибудь безвестный обыватель. Это сам Силвест! — Хоури напомнила спутнице, что до сих пор жизнь Силвеста представляла собой череду невообразимых удач. — Было бы странно, если бы фортуна покинула его в тот час, когда до цели всей его жизни рукой подать. Вдобавок он ловкач каких поискать — есть шанс, что и на этот раз выкарабкается.

Панегирик хоть и немного, но успокоил Паскаль.

Только после этого Хоури рассказала ей о гибели Хегази и о том, что корабль, по всей вероятности, вознамерился уничтожить всех, кто еще остался на борту.

— Садзаки здесь не должно быть, — сказала Паскаль. — Я хочу сказать, что у него есть дело поважнее, чем валяться в лазарете. Ведь Дэн не знает, как добраться до Цербера. Поэтому он нуждается в помощи кого-то из вас.

— Вот и Вольева так думает.

— Зачем же мы сюда пришли?

— Видимо, Илиа ждет подтверждения своих предположений.

Хоури сильным толчком отворила дверь, ведущую в лазарет из частично затопленного короткого коридора. Одновремен-

но она успела отвесить ловкий пинок крысе, очутившейся на пороге. В клинике стоял необычный запах. Ана сразу насторожилась.

— Паскаль, что-то здесь не так.

— А что полагается говорить в таких случаях? «Иди, я прикрою»? — Паскаль держала маломощный лучевик наперевес, причем выглядела так, будто не была уверена в своем умении с ним обращаться.

— Да, — кивнула Хоури. — Прикрой меня. Совсем неплохая мысль.

Она двинулась вперед, водя перед собой стволом плазмобоя.

Когда Хоури вошла в лазарет, тот отреагировал на ее присутствие, усилив освещение. Хоури в свое время навещала здесь раненую Вольеву; она считала, что неплохо запомнила планировку.

Прежде всего она взглянула на кровать, где должен был лежать Садзаки. Над изголовьем висел набор шарнирных и откидных медицинских сервомеханизмов — этакая стальная рука с множеством когтистых пальцев. И все они были покрыты кровью. Успевшая загустеть, она напоминала восковые натеки.

— Паскаль, не надо сюда...

Но Паскаль уже успела увидеть то, что лежало на кровати под инструментами. Постель тоже была в крови. Разглядеть, где кончался Садзаки, а где начинались его выпотрошенные внутренности, представлялось почти невозможным. Он чем-то напоминал капитана, но вместо серебряного цвета здесь господствовал красный. Как будто художник нарисовал на одну и ту же тему две картины, но в разных тонах. Две половины одного страшного диптиха.

Грудь трупа была раздута, она высоко вздымалась над постелью, будто по телу Садзаки бежали гальванические токи. Но сама грудная клетка была разодрана. На дне рваной раны, тянувшейся от грудины до лобка, запекалась кровь; как будто чудовищная ручища разорвала Садзаки почти пополам и вытащила все внутренности. Скорее всего, так и было.

Возможно, это произошло, когда триумвир заснул. Пытаясь удостовериться в этом, Хоури вгляделась в его лицо. Но различить выражения не удалось — слишком много крови.

Нет, Садзаки почти наверняка не спал.

Хоури почувствовала, как сзади приблизилась Паскаль.

— Я уже видела смерть, — сказала та. — На моих глазах убили отца.

— Но такого тебе видеть не приходилось.

— Ты права, — ответила Паскаль.

И тут грудь Садзаки будто взорвалась. Из нее что-то вылетело, неразличимое в фонтане крови, — а миг спустя плюхнулось на окровавленный пол и помчалось прочь, волоча за собой похожий на червя голый хвост.

И тут же еще три крысы высунули из Садзаки острые морды, раздувая ноздри и злобно тараща на Хоури и Паскаль черные бусины глаз. Эти зверьки тоже выскочили из разверстой груди мертвеца, шлепнулись на пол и последовали за первой крысой. Все они моментально скрылись в темном углу комнаты.

— Давай-ка сматываться, — сказала Хоури.

Не успела она договорить, как что-то сдвинулось. Стальная рука со слепящей быстротой устремилась к ней и схватила парой кривых, как клешни, с алмазными резцами инструментов, да так ловко, что она успела лишь пронзительно взвизгнуть. Клешни терзали куртку, а Хоури, напрягая все силы, пыталась вырваться из стального капкана.

Ей удалось высвободиться, но машина успела вцепиться в плазмобой и мощным рывком выдернула из рук. Хоури рухнула на пол, в жидкую грязь, успев заметить, что ее куртка в крови Садзаки. А вот несколько пятен поярче — это уже ее собственная кровь.

Хирургическая машина держала плазмобой на виду, как бы хвалясь захваченным трофеем. Парочка наиболее ловких манипуляторов начала ощупывать клавиши управления и поглаживать кожу приклада; аппарат явно испытывал при этом садистское наслаждение. Манипуляторы наводили ствол на Хоури.

Паскаль подняла свой лучевик и разнесла всю установку. Измазанные кровью металлические фрагменты рассыпались по останкам Садзаки. Плазмобой Хоури шлепнулся в слизь

обугленным, от него шел зловонный дым, из разбитого корпуса вылетали голубые искры.

Хоури поднялась с пола, всем телом ощущая кровь и грязь, в которой успела выпачкаться с головы до ног.

Безнадежно испорченный плазмобой злобно жужжал, искры сыпались все гуще.

— Сейчас взорвется! — крикнула Хоури. — Бежим!

Они повернули к двери и только спустя секунду сообразили, что путь к отступлению отрезан.

Их были тысячи. Они шли в три слоя, утопая в скользкой жиже. Причем каждой крысе была безразлична собственная судьба: уборщицы перли безумной массой в предчувствии близкой победы. А сзади нажимали новые крысы — сотни, тысячи. Они лезли друг на друга; они покрывали весь пол коридора в пределах видимости.

Хоури выхватила оставшееся у нее оружие — маломощный иглострел, который она ценила только за точность боя. Ана водила стволом вдоль фронта крысиной волны, а Паскаль палила из лучевика, тоже не сказать что самого подходящего оружия в данной боевой ситуации. Крысы вспыхивали и взрывались, но каждую погибшую спешили заменить десятки живых. Первые ряды грызунов уже подступили вплотную к лазарету.

Внезапно коридор вдали залился ослепительным светом, а затем раздалась серия взрывов, таких частых, что они сливались в сплошной рев. Гром и вспышки приближались, ударные волны подбрасывали крыс в воздух. Вонь от горящих грызунов казалась невыносимой.

Постепенно крысиный натиск ослабел, а затем и вовсе прекратился. В дверях возникла Вольева. Ее автомат плевался дымом, дуло приобрело цвет свежей лавы. За спиной у Хоури вдруг прекратил шипеть ее испорченный плазмобой, и наступившая тишина казалась зловещей.

— Самое время убраться отсюда, — проговорила Вольева.

Паскаль и Хоури бросились к ней, давя крыс — и дохлых, и в панике ищущих укрытие. А потом на Ану обрушилась сзади раскаленная волна чудовищной силы, и она почувствовала, что летит.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

На подлете к поверхности Цербера, год 2566-й

На этот раз ощущение амнезии прошло быстрее, хотя виды, открывшиеся Силвесту, были для человеческого глаза не просто дикими, а невообразимыми.

— Мы спускаемся к «Плацдарму», — проинформировал его скафандр лишенным всякой аффектации голосом, как будто это было самое заурядное событие в мире.

По визору скафандра бежали какие-то изображения, но глаза Силвеста не успевали сфокусироваться на них, и он приказал проецировать изображения прямо в мозг. Стало лучше: ложные контуры поверхности — теперь уже огромные, занимающие половину неба, — рисовались в сиреневых тонах, и этот мир казался еще более складчатым, еще более похожим на мозг, чем раньше. Естественное освещение практически отсутствовало, если не считать два слабых красных маячка: Гадес и Дельту Павлина. Скафандр это компенсировал, смещая почти инфракрасные фотоны в видимый спектр.

Что-то торчало над горизонтом, мигая в зеленых тонах.

— «Плацдарм», — сказал Силвест, желая хотя бы услышать человеческий голос. — Я его вижу.

Отсюда «Плацдарм» казался совсем маленьким — будто шальной осколок изувечил статую бога. Цербер имел в диаметре около двух тысяч километров, «Плацдарм» — всего четыре километра в длину, но бóльшая его часть утонула в коре. Малая величина этого сооружения в сравнении с огромной планетой лучше всего говорила об искусстве Илиа, ухитрившейся загнать ядовитый шип в бок исполина. Даже отсюда поверхность вокруг «Плацдарма» выглядела воспаленной, даже гангренозной; к такой ране планета явно не была готова. Кора в радиусе нескольких километров от корабля больше не пыталась выглядеть реальной. Там Силвест видел гексагональную сетку, которая по периферии расплывалась, превращаясь в «камень».

Через несколько минут он должен был оказаться над открытым основанием конуса. Силвест уже ощущал, как грави-

тация потягивает за внутренности, хотя он по-прежнему находился в гель-воздушной среде. Сила тяготения составляла тут четверть земной, но падение с той высоты, на которой сейчас находился Силвест, закончилось бы плохо. Даже скафандр не спас бы.

Теперь, в конце пути, новый объект появился в непосредственной близости от Силвеста. Он затребовал увеличение и миг спустя увидел скафандр — точно такой же, как его собственный, серебряный на фоне черного неба и чуть-чуть опережающий его в полете. Скафандр тоже направлялся к «Плацдарму», вернее, к круглому отверстию в его корме. «Мы как планктон, — подумал Силвест, — который море несет в глотку кальмара, застрявшего между зубами кита».

«А пути-то назад нет», — мелькнуло в мозгу.

Три женщины бежали по коридору, выстланному ковром из крысиных трупиков и каких-то черных скорлупок — наверное, тех же крыс, только сгоревших. У них был один исправный автомат на всех, но он вполне мог уничтожить любого робота, высланного им наперерез. Впрочем, для такой задачи сгодится и пистолет, хотя к нему нужна опытная рука и немного удачи.

Время от времени под ногами дергался пол, и это здорово действовало на нервы.

— Что все это значит? — Хоури прихрамывала — ей серьезно досталось при взрыве в лазарете.

— Это значит, что Похититель Солнц экспериментирует, — ответила Вольева. После каждых двух-трех шагов ей приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание. У нее мучительно болел бок, как будто открылись все раны, полученные на Ресургеме. — До сих пор он пытался покончить с нами простейшими средствами, вроде роботов и крыс. А потом сообразил: если научится управлять ускорением, находясь в безопасном месте, то сумеет убить нас резкими колебаниями тяги. — Задыхаясь, она преодолела еще несколько метров. — Именно так я избавилась от Нагорного. Но Похититель Солнц еще плохо знаком с кораблем, хоть и сумел завладеть контролем. Он меняет скорость постепенно, стараясь понять, как работает двигатель. А когда поймет...

— Неужели нет места, где бы мы могли чувствовать себя в безопасности? Куда не проникнут ни крысы, ни механизмы? — спросила Паскаль.

— Нет такого места, куда не проникнет ускорение.

— Тогда надо поскорее покинуть корабль. Ты это имеешь в виду?

Вольева остановилась и внимательно осмотрела коридор. Вроде он не из тех, которые прослушиваются.

— Не нужно иллюзий, — сказала она. — Если мы убежим с корабля, то вряд ли сможем потом вернуться. С другой стороны, мы обязаны остановить Силвеста, конечно, если имеется хоть один шанс.

— Но как мы доберемся до Дэна? — спросила Паскаль.

Очевидно, задачу остановить Силвеста она представляла по-своему: сначала разыскать его, а потом не пускать вперед.

— Думаю, твой муж забрал скафандр, — сказала она. — Если верить моему браслету, то все шаттлы на своих местах. К тому же у него нет опыта их пилотирования.

— А может, он получил помощь от Похитителя Солнц? — вмешалась Хоури. — Слушайте, не лучше ли нам поспешить? Мне кажется, мы бежим наобум, но все равно я предпочла бы двигаться, вместо того чтобы торчать здесь.

— Наверняка он взял скафандр, — сказала Паскаль. — Это в его стиле. Но он не смог бы в одиночку.

— А как насчет помощи Похитителя Солнц?

Паскаль затрясла головой:

— Исключено! Дэн в Похитителя Солнц даже не верит. Возникни у него мысль, что его кто-то к чему-то толкает, он бы отказался от такой помощи.

— А может, у него не было выбора? — произнесла Хоури. — Ладно, будем считать, он взял скафандр. Как же мы поймаем его?

— Только на Цербере. — Об этом не хотелось думать. Вольева прекрасно знала, как быстро можно преодолеть миллион километров, если человек способен выдержать постоянное ускорение в десять *g*. — Сами мы не можем взять скафандры, особенно того типа, которым воспользовался твой муж. Это слишком опасно. Придется лететь на шаттле. У него скорость

меньше, но зато и меньше вероятность, что Похититель Солнц проникнет в его контрольную матрицу.

— А что ему помешает?

— Клаустрофобия. Шаттлы устарели на триста лет в сравнении со скафандрами.

— И чем это может помочь нам?

— Имея дело с паразитическими инопланетными разумами, я всегда предпочитаю пользоваться простейшими средствами. — Затем спокойно, будто ставила точку в конце разговора, Вольева прицелилась и застрелила крысу, которая осмелилась высунуть нос в коридор.

— *Я помню это место,* — сказала Паскаль. — Ты привела нас сюда, когда...

Хоури открыла дверь с изображением паука.

— Входи, — произнесла она. — Чувствуй себя как дома. Ну, еще можешь помолиться, чтобы я вспомнила, как Вольева обращалась с этой штуковиной.

— А где мы с ней встретимся?

— Снаружи, — ответила Хоури. — Я на это искренне надеюсь. — Она закрыла дверь «Паука» и, морща лоб, напряженно вгляделась в пульт с латунными и медными переключателями.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Орбита Цербера-Гадеса, год 2566-й

Подходя к капитану, Вольева вынула из кобуры иглострел. Она понимала, что необходимо поскорее добраться до ангара с шаттлами — любая ее задержка может сыграть на руку Похитителю Солнц, который сейчас целеустремленно занимается подготовкой убийства. Но прежде, чем покинуть корабль, необходимо кое-что сделать. В этом не было логики, но она понимала, что не переступит через свою совесть.

Илиа спустилась по трапу на капитанский уровень, в такую жуткую стужу, что казалось, воздух замерзает прямо в горле. Крысы тут не попадались: слишком холодно. Да и роботам

сюда добираться трудно из-за риска превратиться в часть капитана, стать добычей чумы.

— Ты слышишь меня, подонок? — Перед этим она отдала браслету приказ слегка подогреть капитана, восстановить его мыслительный процесс. — Если да, то слушай внимательно. Наш корабль захвачен.

— А мы все еще крутимся у Пухляка?

— Нет... нет, мы не у Пухляка. Пухляк был очень давно.

Прошло несколько секунд, и капитан спросил:

— И кто же захватил наш корабль?

— Инопланетная сущность с весьма неприятными амбициями. Погибло большинство наших. Из тех, кого ты мог знать, — Садзаки и Хегази. Оставшиеся в живых собираются бежать с корабля. Не думаю, что мы когда-нибудь вернемся. Вот почему я собираюсь совершить то, что может показаться тебе чрезмерным.

Она навела пистолет на бесформенную глыбу криокапсулы с капитаном.

— Я собираюсь тебя подогреть. Несколько десятилетий мы считали, что надо держать тебя в холоде, при самых низких температурах. Это ничего хорошего не дало, — видимо, неправильным был сам подход к проблеме. Сейчас, мне кажется, будет правильным, если ты получишь возможность захватить этот проклятый корабль...

— Я не думаю...

— Капитан, мне неинтересно, что ты думаешь. Я все равно поступлю, как считаю нужным.

Палец напрягся на спусковом крючке. Она прикидывала, с какой скоростью Бренниген начнет распространяться по кораблю, когда разогреется, и цифры получались совершенно потрясающие... Экипаж никогда не предполагал, что пойдет на это.

— Илиа, пожалуйста...

— Слушай, ты, свинья! — выкрикнула она. — Может это сработает, может, нет. Но за свою многолетнюю помощь — должен же ты ее помнить — я прошу только одного: чтобы и ты для нас кое-что сделал.

Она уже была готова всадить заряд в криокапсулу, но что-то заставило ее повременить.

— Хочу сказать тебе еще кое-что. Насчет того, кем ты был... вернее, кем ты стал, чтоб тебе провалиться в ад.

Вольева ощущала во рту горечь и сухость и понимала, что теряет драгоценное время, но не могла не довести дело до конца.

— Что ты хочешь мне сказать?

— Ты вместе с Садзаки летал на планету жонглеров образами. Летал, я знаю. В команде об этом говорили, даже сам Садзаки рассказывал. Но вот о чем не было разговоров, так это о том, что сделали жонглеры с вами обоими. Кое-какие слухи, впрочем, ходили, но их запустил сам Садзаки, чтобы сбить меня с толку.

— Там ничего не произошло.

— Еще как произошло! В тот раз, много лет назад, ты убил Садзаки.

Насмешливо, будто просто не расслышал Вольеву, капитан переспросил:

— Я убил Садзаки?

— Ты заставил это сделать жонглеров. Уговорил стереть его сознание и записать твое на освободившуюся нейроматрицу. Ты стал им.

Пришлось умолкнуть, чтобы восстановить дыхание, хотя она уже почти выговорилась.

— Собственного существования тебе показалось мало. А может, ты понимал, что этого тела надолго не хватит. Тем более что кругом кишат вирусы. Поэтому ты вселился в своего помощника, а жонглеры послушно исполнили то, чего ты от них потребовал. Ведь они совершенно не похожи на нас; такое понятие, как убийство, для них совершенно непостижимо. Я правильно говорю?

— Но...

— Заткнись! Вот почему Садзаки не хотел, чтобы ты выздоровел, — к этому времени он уже стал тобой. И вот почему ему удалось денатурировать мою сыворотку против чумы — он обладал твоим опытом. Да я за одно это убила бы тебя, свинья,

но ты и так уже мертв, ведь то, что осталось от Садзаки, сейчас гниет в нашем лазарете.

— Садзаки мертв? — Казалось, слова о других смертях в экипаже не достигли сознания капитана.

— Думаешь, тебя это оправдывает? Теперь ты один. Волен поступать как хочешь. И для тебя единственный способ защититься от Похитителя Солнц — это расти. Пока чума не захватит корабль целиком.

— Но... пожалуйста...

— Ты убил Садзаки, капитан?

— Это было... так давно...

Вольева выпустила целую обойму в криокамеру. Чудом сохранившиеся дисплеи мигнули в последний раз и погасли. В помещении быстро теплело, на капсуле лед заискрился влагой.

— Я ухожу, — шепнула она. — Мне нужно было узнать правду. Думаю, что имею право пожелать тебе удачи, капитан.

И Вольева поспешила прочь, боясь оглянуться и увидеть происходящее за ее спиной.

Скафандр Садзаки дразняще маячил впереди, пока они спускались в воронку «Плацдарма». Наполовину погруженный в тело планеты, конус, который еще несколько минут назад казался таким крошечным, теперь занимал все поле зрения, а его почти отвесные стены заслоняли горизонт со всех сторон. Временами «Плацдарм» содрогался, и Силвест напомнил себе, что этот механизм ведет смертельную битву с защитными системами Цербера, а потому слепо полагаться на него не следует. Стоит только «Плацдарму» проиграть поединок, и он будет переварен за считаные часы. Рана в коре планеты затянется, а с ней исчезнет и путь отступления.

— Надо пополнить запас реакционной массы, — сказал скафандр.

— Что?

Впервые с тех пор, как они покинули корабль, Силвесту ответил Садзаки:

— Мы израсходовали много топлива, чтобы добраться сюда. Необходимо запастись им до того, как окажемся на вражеской территории.

— Каким способом?

— Оглянитесь. Тут колоссальные залежи этой массы, они только и ждут, чтобы их кто-нибудь использовал.

Ну конечно! Никто не помешает им забрать часть запасов у «Плацдарма»! Силвест согласился, тем более что ему ничего не пришлось делать — Садзаки взял на себя управление и его скафандром.

Одна из крутых, слегка изогнутых стен поднималась совсем рядом, из нее торчали какие-то красные наросты и скопления механизмов. Величина этой стены поражала воображение. Она походила на дамбу, чьи стены, закругляясь, сходятся далеко-далеко. Где-то в этой стене, подумал Силвест, замурованы тела Алисии и ее друзей-мятежников.

Здесь существовала сила тяжести, достаточная, чтобы вызвать страх высоты. Силвесту казалось, что он падает в бесконечной шахте. Где-то внизу — почти в километре — звездообразное пятнышко скафандра Садзаки опустилось на полку метровой ширины. Ноги скафандра мягко коснулись выступа, и Садзаки выпрямился, готовый снова рухнуть в бездну.

— Что мне делать? — спросил Силвест.

— А ничего, — ответил Садзаки. — Ваш скафандр прекрасно знает, как ему действовать. Советую наконец довериться ему, он ведь предпринимает все необходимое для вашего выживания.

— По-вашему, это должно меня воодушевить?

— А вы считаете, воодушевление не нужно? Вы ведь готовитесь вступить в совершенно чуждую среду обитания, где до сих пор не бывал ни один смертный.

Пока они обменивались этими фразами, из груди скафандра Силвеста вылезло нечто вроде хобота и коснулось стены «Плацдарма». Еще несколько секунд, и хобот мерзко запульсировал, по всей его длине побежали утолщения.

— Какая гадость, — буркнул Силвест.

— Почему же? — возразил Садзаки. — Он всасывает из стены тяжелые элементы. «Плацдарм» щедро делится с нами, так как видит в скафандрах своих друзей.

— А что будет, если в недрах Цербера у нас кончится энергия?

— Задолго до того, как нехватка энергии станет проблемой для вашего скафандра, вы уже будете мертвецом. Реакционная масса необходима только двигателям. Для всех остальных нужд энергии у него предостаточно.

— Ваши слова насчет мертвеца мне не очень понравились.

— Что ж, возвратиться еще не поздно.

«Проверяет меня», — подумал Силвест.

Сначала это показалось ему даже разумным, но уже через миг он понял, что боится — даже самому себе не хочет признаться, как сильно боится. Примерно так же, как на подходе к Завесе Ласкаля. Как и тогда, он знал, что единственный способ преодолеть страх — это идти вперед. И встретиться с тем, что порождает этот страх.

Но когда закончилась заправка, Силвесту пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы соскочить с карниза и продолжить полет в пустоте, ограниченной стенами «Плацдарма».

Они опускались все ниже и ниже, и секунды казались бесконечными; лишь изредка процесс падения разнообразили выбросы маневровых двигателей. Садзаки постепенно снижал автономность Силвестова скафандра, чтобы некоторыми функциями спутник мог управлять самостоятельно.

Сейчас они двигались со скоростью тридцать метров в секунду, но было ощущение, что скорость возрастает по мере сужения воронки. Садзаки держался от Силвеста в двухстах-трехстах метрах, однако за визором шлема не было видно лица триумвира, и Силвесту казалось, что он летит в полном одиночестве. Вполне возможно, что ни одно разумное существо не приближалось к Церберу на такое расстояние со времени последнего визита амарантийцев. Чьи же призраки обитали тут в минувшие тысячи столетий?

— Приближаемся к последней трубе впрыска, — предупредил Садзаки.

В этом месте внутренний диаметр конуса не превышал тридцати метров. Стена уходила в бездну почти вертикально. Скафандр падал прямо по центру этого колодца, причем ориентировался сам, без указаний Силвеста. Садзаки летел чуть позади.

— Не отниму у вас честь войти первым, — сказал триумвир. — Ведь вы так долго этого добивались.

Теперь они спускались по узкой шахте, которой не было видно конца. Почувствовав их появление, на стенах зажглись редкие красные светильники. Скорость казалась громадной, тошнота — почти невыносимой. Что-нибудь подобное может испытывать существо, которое выдавливают из громадного шприца. Силвест вспомнил, как Кэлвин демонстрировал ему когда-то движение эндоскопа, старинного медицинского инструмента с объективом на конце тонкого кольчатого тела, по кровеносной системе одного из пациентов. Его поразило тогда, как быстро этот «червь» проник в артерию.

Еще почему-то вспомнилось ночное путешествие в Кювье, после того как Силвеста арестовали на раскопках обелиска. Тогда он долго летел по узким каньонам в руки своей политической Немезиды. А было ли в его жизни время, когда он точно знал, что ждет там, где кончаются несущиеся мимо глухие стены?

Потом шахта вдруг исчезла. Двое падали в пустоте.

Вольева достигла ангара и задержалась возле одного из обзорных окон. Надо было убедиться, что все шаттлы на месте и что данные, сообщенные ей браслетом, не подменены Похитителем Солнц.

Плазмокрылые трансатмосферные корабли пребывали в полной исправности, они рядами стояли в своих пеналах, как пули в обойме. С помощью браслета Илиа могла бы хоть сейчас приступить к подготовке шаттла, но это было опасно: если Похититель Солнц насторожится, ее план будет сорван. В данный момент она находилась в относительной безопасности, поскольку в эту часть корабля не могли свободно проникать сенсоры Похитителя Солнц. Во всяком случае, она на это надеялась.

Просто взойти на борт какого-нибудь шаттла Вольева не могла. Обычные пути к этим аппаратам проходили по тем отсекам корабля, в которых она боялась показаться. Там сервороботы имели свободу маневра, а крысы-уборщицы поддерживали прямую биохимическую связь с Похитителем Солнц.

Из оружия у нее оставался только пистолет-иглострел; автомат она отдала Хоури. И хотя Вольева не сомневалась в сво-

ем профессионализме, она понимала: есть предел тому, чего можно добиться умением и настойчивостью. Особенно на корабле, который располагает временем для синтеза автономно передвигающихся вооруженных роботов.

Поэтому ей долго пришлось искать оптимальный путь к шлюзу — не к тому, что вел в космос, а к тому, который позволял проникнуть в ангар с его сильно пониженным давлением воздуха. Шлюзовая камера была полузатоплена корабельной слизью, системы освещения и отопления там не работали. Это давало надежду, что Похититель Солнц не сможет наблюдать за ней и даже не узнает о ее присутствии.

Вольева открыла шкаф в шлюзовой камере и очень обрадовалась, обнаружив скафандр, ничуть не пострадавший от корабельной слизи.

Скафандр был не таким массивным, как тот, которым воспользовался Силвест. Он был менее разумен, не имел сервосистем и интегрированных ускорителей. Вольева очень четко произнесла серию кодовых слов в браслет, а затем настроила скафандр так, чтобы он подчинялся лишь голосовым командам, произнесенным в ее коммуникатор, а не полученным через свои акустические сенсоры. После этого Илиа укрепила на спине реактивный ранец и всмотрелась в клавиатуру управления, как будто напряжением воли могла вызвать из памяти умение обращаться с этой техникой. Наконец решила, что основные принципы управления вспомнятся, когда в этом возникнет надобность.

Засунув пистолет во внешний инструментальный пояс, она без приключений перебралась из шлюза в ангар. При этом реактивный ранец давал самую слабую постоянную тягу — Илиа не хотела взмыть к потолку. Нигде на борту сейчас не было невесомости, поскольку корабль не кружил по орбите Цербера, а занимал по отношению к нему постоянную позицию, едва-едва подрабатывая двигателями.

Наконец Вольева выбрала шаттл. Это была сферическая «Печаль расставания». В конце ангара Илиа заметила парочку сервороботов бутылочно-зеленого цвета, которые снялись со своей стоянки и медленно двинулись к ней. Это были механизмы автономного полета — шары, усаженные клешнями-захва-

тами и режущими инструментами для ремонта шаттлов. Очевидно, шпионская сеть Похитителя Солнц распространялась на этот ангар. Что ж, ничего не поделаешь. Вольева захватила иглострел не для того, чтобы деликатничать с примитивными рабочими машинами.

В каждый шар пришлось всадить несколько игл — найти важные органы было нелегко.

Изувеченные роботы плавали по ангару, истекая дымом. Вольева повозилась с контролем, заставив ранец ускорить ее продвижение. «Печаль расставания» была уже близко, даже виднелись крошечные предупредительные и объяснительные надписи на фюзеляже, почти все на давно забытых языках.

Из-за круглого бока шаттла высунулся еще один робот. Он был крупнее первых двух, кирпичного цвета; из яйцеобразного корпуса во множестве торчали манипуляторы и датчики.

В одной руке он что-то держал, направляя на Вольеву. Все вокруг приобрело ярко-зеленую веселую окраску. Вольевой захотелось вырвать глаза из глазниц. Робот стрелял из лазера. Илиа ругнулась — ее скафандр вовремя утратил прозрачность, но зато она практически ослепла на время.

— Похититель Солнц! — крикнула она, предположив, что ее слышат. — Ты совершаешь очень серьезную ошибку!

— Я так не думаю.

— Смотрю, ты совершенствуешься, — сказала Илиа. — Прежде речь давалась тебе тяжелее. Что случилось? Ты добрался до трансляторов естественного языка?

— Чем дольше я среди вас, тем лучше вас понимаю.

Скафандр снова обретал прозрачность.

— Уж всяко лучше, чем ты понимал Нагорного.

— В мои намерения не входило мучить его кошмарами.

Голос Похитителя Солнц, как и в прошлый раз, не улавливался, в отличие от смысла его слов. Это было похоже на шепот из приемника, пробивающийся сквозь помехи.

— Да кто бы сомневался, — хмыкнула Вольева. — И меня убивать ты не хочешь, верно? Других — пожалуй, но не меня. Пока, во всяком случае. «Плацдарму» еще могут понадобиться мой опыт и навыки.

— Уже не понадобятся, — ответил Похититель Солнц. — Силвест проник в Цербер.

Плохие новости. Совсем плохие, хотя Илиа еще несколько часов назад предвидела, что это произойдет.

— Тогда должна быть другая причина. Все равно тебе нужно, чтобы «Плацдарм» действовал. Едва ли ты заботишься о благополучном возвращении Силвеста. Но если «Плацдарм» погибнет, ты не узнаешь, проник ли Дэн на необходимую глубину и совершил ли то, что для тебя так важно. А тебе позарез надо это знать.

Вольева приняла отсутствие реакции за молчаливое признание того, что она близка к истине. Не исключено, что Похититель Солнц еще не научился увиливать от ответа — если это искусство присуще только человеческой цивилизации, оно может быть новым для него.

— Позволь мне взять шаттл, — попросила она.

— Этот корабль слишком велик, чтобы войти в Цербер, если ты надеешься разыскать там Силвеста.

Неужели он и в самом деле воображает, будто такая мысль не приходила Вольевой в голову? На миг ей стало искренне жаль Похитителя Солнц, слишком слабо оснащенного, чтобы понять, как работает человеческий мозг. В некоторых аспектах он действует неплохо — например, когда запугивает или соблазняет; приманки для эмоциональных натур ему удаются. Его логику вовсе нельзя назвать ущербной, но он переоценивает ее роль в людских делах. Вот сейчас подчеркнул, что задача, которую Вольева собирается взять на себя, самоубийственная, — и поди ждет, что Илиа откажется от своей затеи и примет его сторону. «Ах ты, жалкий монстр», — подумала она.

— Я должна сказать тебе одно важное слово.

Говоря, Илиа медленно продвигалась к воздушному шлюзу. Был риск, что робот кинется наперехват. Но если он и намеревался это сделать, то не успел — Вольева произнесла все необходимые «заклинания», которые предшествовали главному слову, — без этой подготовительной процедуры оно бы не возымело действия. Илиа никогда не предполагала, что придется сказать его в такой вот ситуации. Но ведь и в прошлый раз, когда оно прозвучало, ситуация была из ряда вон выходящей.

Вольева вообще тогда диву давалась, что это название не стерлось в памяти.

Пожалуй, тянуть больше нельзя.

— «Паралич»! — выкрикнула она.

Робот даже не пытался задержать Вольеву, когда та бежала к «Печали расставания» и лезла в люк. Несколько секунд дрон бессмысленно парил в воздухе, а затем юркнул к стене. Оставшись без связи с кораблем, он мог полагаться только на ограниченный запас собственных поведенческих схем. С самим роботом ничего не произошло, так как программа «Паралич» воздействовала только на главные системы корабля. И первой среди этих систем отключилась радиооптическая сеть управления всеми бортовыми роботами.

Теперь одни лишь автономные роботы еще продолжали функционировать так, будто ничего не произошло, но их больше не контролировал Похититель Солнц. Теперь повсюду тысячи механизмов, ранее управлявшихся кораблем, толпятся у терминалов, стремясь подсоединиться к системе контроля напрямик. Даже крысы впадут в ступор, так как аэрозоли, рассылающие им биохимические инструкции, тоже парализованы. Лишенные постоянного надзора, грызуны обратятся к архетипам поведения своих диких предков.

Вольева закрыла шлюз и с облегчением заметила, как начал разогреваться почуявший ее шаттл. Она на руках перемещалась по кабине, где навигационные приборы уже зажигали свои пульты и перенастраивались на предпочитаемый ею интерфейс «жидкая поверхность».

Теперь оставалось только одно — вывести шаттл из «Ностальгии по бесконечности».

— Ты тоже почувствовала? — спросила Хоури, осваиваясь с плюшево-латунной роскошью «Паука». — Весь корабль дрожит, как при землетрясении.

— Думаешь, это Илиа устроила?

— Она велела нам отцепиться от корабля, когда услышим сигнал. И еще сказала, что пропустить его нельзя. Согласись, эту трясучку не заметить трудно.

Ана хорошо знала себя: если тянуть с решением, она неизбежно усомнится в собственных ощущениях, а то и начнет внушать себе, что не было никакой тряски. Потом окажется, что они опоздали. Вольева сказала четко, ясно и недвусмысленно: получишь сигнал — действуй, Хоури, и побыстрее. Времени будет мало, предупредила она.

И Хоури решилась.

Она передвинула два одинаковых латунных бегунка до упора. Не потому, что видела, как это делает Вольева, а просто в надежде, что это необдуманное, случайное и, возможно, нелепое действие закончится именно так, как ей хочется: «Паук» возьмет да и отцепится от корпуса корабля.

И «Паук» в самом деле отцепился.

— Через несколько секунд, — сказала Хоури, чей желудок на резкий спад гравитации до нуля отреагировал скачком к самому горлу, — мы или погибнем, или останемся живы. Если это был сигнал от Илиа, то выход за борт для нас не опасен. А если нет, мы попадем на прицел штатной корабельной артиллерии.

Хоури наблюдала, как корабль уменьшается, удаляясь вверх и вбок, пока ослепительный, сравнимый с солнечным огонь субсветовых двигателей не заставил ее отвести глаза. «Паук» располагал механизмом закрытия иллюминаторов, но способ привести его в действие в памяти Хоури не сохранился.

— Почему корабль не может нас сразу расстрелять?

— Слишком велик риск нанести вред самому себе. Илиа говорила, что такие ограничения зашиты в программы управления артсистемами, и даже Похититель Солнц ничего не может с этим поделать. Он вынужден играть по правилам. Похоже, мы выходим из мертвой зоны.

— Как по-твоему, что это был за сигнал? — Паскаль была явно не прочь поговорить.

— Есть специальная программа, она погребена в недрах «Ностальгии», там, где Похитителю Солнц до нее не добраться. Ей подчиняются бесчисленные прерыватели цепи по всему кораблю. Если Вольева ее запускает, разом вырубаются тысячи систем. Наступает всеобщий паралич. Отсюда и тряска, я думаю.

— Пушек это тоже касается?

— Нет... не совсем. Насколько я помню из ее объяснений, выключатся некоторые датчики и отдельные средства целеведения, но сам ЦАП остается дееспособен. Это я помню точно. Зато весь корабль, пожалуй, разболтается не слабо — Похитителю Солнц понадобится время, чтобы сосредоточиться и восстановить контроль. Только после этого он сможет заняться стрельбой.

— Но сами пушки при этом остаются в боеготовности?

— Вот потому-то нам и следует поторапливаться.

— Если мы с тобой сидим и разговариваем, не значит ли это...

— Наверное, ты права, — с маниакальной улыбкой подтвердила Хоури. — Мы поняли сигнал правильно и какое-то время будем в безопасности.

Паскаль тяжело вздохнула:

— И что дальше?

— Надо найти Илиа.

— Это не должно быть трудно. Она сказала, от нас ничего не требуется, надо только дождаться сигнала...

Хоури оборвала фразу. Она вглядывалась в корабль, вздымавшийся над ними, подобно соборному шпилю. Что-то с ним не то...

Что-то нарушало его симметрию.

Что-то рвалось из глубин наружу.

Все началось с появления ничтожного выступа — будто из пробитого яйца высунул кончик клюва цыпленок. Потом — белый свет, потом — серия взрывов. Отлетели измятые куски корпуса — словно невидимая рука гравитации срывала завесу, открывая картину разрушений на корабле.

Отсюда дыра, проделанная в корпусе огромного корабля, казалась совсем маленькой, хотя ее диаметр был не меньше ста метров.

Через это отверстие, проделанное Вольевой, на свободу вырвался ее шаттл. Он на мгновение повис рядом с колоссальной махиной «Ностальгии по бесконечности», затем сделал пируэт и устремился к «Пауку».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Орбита Цербера-Гадеса, год 2566-й

Всю черную работу по погрузке «Паука» на борт «Печали расставания» Вольева предоставила Ане. Это была достаточно сложная операция, во всяком случае, куда сложнее, чем казалось сначала. «Паук» был слишком велик, чтобы сразу поместиться в грузовой отсек; никак не получалось сложить его ноги, чтобы не мешали дверям отсека закрыться.

В конце концов Вольева была вынуждена вызвать целый отряд роботов, которые силой заставили ноги «Паука» принять нужное положение. Стороннему наблюдателю (которого тут, разумеется, не было, если не считать нависшей полупарализованной громадины корабля) эта процедура показалась бы возней эльфов, поймавших какое-то крупное насекомое и решивших запихнуть его в шкатулку.

Наконец Вольевой удалось закрыть люк, спрятав последний прямоугольник мерцающего звездного неба. Зажглись внутренние огни, раздался нарастающий вой — это уравнивалось атмосферное давление шаттла и «Паука». Снова появились роботы и быстро пришвартовали модуль, чтобы его не мотало по отсеку. Минутой позже в «Паук» вошла Вольева, уже без скафандра.

— Следуйте за мной, — приказала она звонким голосом. — Чем скорее мы окажемся вне досягаемости корабельных орудий, тем лучше.

— А какая у них досягаемость?

— Да черт их знает.

— Здорово ты его шарахнула своей программой, — сказала Хоури, когда все трое, перебирая руками, влезли в кабину шаттла. — Что называется, от души. Даже мы в «Пауке» ощутили.

— Надеюсь, нашему приятелю досталось крепко, — ответила Вольева. — После тех экспериментов с мятежной пушкой я слегка расширила прерывающие возможности «Паралича», чтобы в следующий раз он работал не только по корпусу, ну и глубже. Жаль, недодумалась поставить взрывные

устройства возле субсветовых двигателей. Тогда бы мы разнесли корабль вдребезги.

— Разве это не затруднило бы нам возвращение домой?

— Скорее всего, да. Зато Похитителю Солнц почти наверняка пришел бы конец. Кроме того, — добавила она, подумав, — без корабля «Плацдарм» слабел бы быстрее, поскольку не получал бы никаких апдейтов из арсенала. Мы одержали бы полную победу.

— Можно ли считать это самым оптимистическим из твоих прогнозов?

Вольева не ответила.

Они достигли кабины экипажа, которая показалась Хоури достаточно современной, как и многое другое на борту этого шаттла. Все белое и стерильное, точно в кабинете дантиста.

— Слушай, — взглянула Вольева на Паскаль, — я не знаю, насколько глубоко проник «Плацдарм» внутрь, но, если он сейчас погибнет, чего мы все хотим, это не обязательно пойдет на пользу твоему мужу.

— Если считать, что он уже добрался туда.

— Ну, на этот счет вряд ли можно сомневаться.

— С другой стороны, — заметила Хоури, — если Силвест уже внутри, то поражение «Плацдарма» ничего не изменит, разве что помешает нам добраться до Дэна. — Помолчав, она добавила: — Ведь мы попытаемся? Если так, то надо, по крайней мере, попробовать.

— Кто-то должен это сделать. — Вольева уселась в пилотское кресло, пристегнулась и протянула руки к старинному пульту управления с чуткими клавишами. — А теперь настоятельно советую расположиться поудобнее. Я собираюсь за минимальный срок максимально увеличить расстояние между нами и кораблем.

Она еще не закончила фразу, как включились, загудели двигатели, а стены, пол и потолок, до сих пор не бросавшиеся в глаза, вдруг обрели поразительную четкость и рельефность.

Когда стены шахты вдруг исчезли и открылась беспредельная бездна, пропало и ощущение стремительного вертикального полета. Силвест напрягся всем телом, ожидая жесточай-

шей перегрузки. Конечно, то была чистой воды иллюзия: он падал по-прежнему, даже еще быстрее, но при отсутствии ориентиров не было и чувства движения.

Силвест проник в недра Цербера.

— Ну и? — сказал Кэлвин, промолчавший, казалось, несколько дней. — Неужели это именно то, чего ты ожидал?

— Это пока ничто, — ответил Силвест. — Так, прелюдия.

И все же кое-что здесь было, а именно удивительнейшая архитектура — ничего подобного Силвесту до сих пор видеть не приходилось. Над ним круглился свод — крыша этого мира, пронзенная острием «Плацдарма». Пространство было залито сиянием, — это, похоже, люминесцировали гигантские «змеи», свернувшиеся в колоссальные кольца на полу, если, конечно, это было полом. Огромные кривые опоры, явно органические, поднимались к потолку, очень похожие на стволы деревьев. Видно было куда лучше, чем на картинке, поступавшей на корабль от робота-разведчика. Вскоре Силвест различил, что «стволы» растут не снизу, а, наоборот, выходят из потолка и корни теряются в полу. Свод не казался живым, он был безусловно кристаллического происхождения.

Миг спустя Силвеста осенило: пол куда старше потолка — последний создавался вокруг планеты, когда формирование пола было уже закончено. Похоже, они соответствовали двум разным этапам развития амарантийского знания.

— Смотрите, куда падаете, — сказал Садзаки. — Влепиться в пол на большой скорости нежелательно. А еще меньше смысла напороться на какую-нибудь боевую систему, которую «Плацдарм» еще не успел нейтрализовать.

— Думаете, тут еще могли остаться элементы обороны?

— Надеюсь, на этом уровне их нет, — сказал триумвир, — но ниже мы запросто можем столкнуться с ними. Если эти системы не использовались вот уже миллион лет, есть шанс, что они успели... — он помолчал, видимо подыскивая слово, — заржаветь.

— Вряд ли нам стоит на это полагаться.

— Да, пожалуй, не стоит.

Реактивный двигатель скафандра увеличил мощность, вместе с этим росло и ощущение силы тяжести. Пока всего чет-

верть g, а потолок по-прежнему устрашает своей огромностью, зависнув над Силвестом от силы в километре. Значит, чтобы выбраться отсюда, снова придется преодолеть это расстояние. А под ногами еще тысячи километров, и знать бы, в какие бездны ему предстоит опуститься, разыскивая то, к чему его так влечет.

Он надеялся, что заберется не слишком глубоко. Пять дней, отведенные на путь туда и обратно, — это, как теперь выяснилось, опасно малый срок. Когда ты сидишь на корабле и изучаешь расчеты Вольевой, они не вызывают сомнений. А вот здесь, когда представленные ее уравнениями силы скристаллизовались в колоссальные грозные формации, не больно-то верится в исполнимость благоприятных прогнозов.

— Что, сынок, медвежья болезнь? — съязвил Кэлвин.

— Ты теперь и эмоции мои читаешь?

— Нет. Просто твои эмоции — копия моих. Мы же думаем почти одинаково. — Помолчав, Кэлвин добавил: — А вот я не стыжусь признаться, что очень боюсь. И задаюсь вопросом: имеет ли кусок компьютерной программы право на такой страх? Глубокая мысль, а, Дэн?

— Не разбрасывайся глубокими мыслями, они тебе наверняка еще пригодятся.

— Уверен, вы ощущаете свою незначительность, — вмешался Садзаки так, будто слушал разговор. — Что ж, это вполне естественно. Вы и в самом деле незначительны посреди всего этого величия. А вам бы, наверное, хотелось, чтобы было наоборот?

Навстречу им двигался испещренный геометрическими узорами пол. О его близости говорил тревожный писк скафандра. Оставалось меньше километра, хотя казалось, протяни руку — и дотронешься.

Силвест почувствовал, как скафандр начинает сжиматься, готовясь к приземлению. Сто метров. Они опускались на плоский кристаллический блок — возможно, упавший сверху кусок потолка. Величиной он не уступал приличному танцполу. Силвест увидел, как в полированной поверхности блока отражаются выхлопы двигателя скафандра.

— Выключите двигатель за пять секунд до посадки, — распорядился Садзаки. — Жар может активировать какую-нибудь оборонительную систему, а это нам ни к чему.

— Да, — согласился Силвест. — Пожалуй, это последнее, о чем стоит помечтать.

Он знал, что скафандр не допустит травм при падении с небольшой высоты, и все же пришлось напрячь волю, чтобы подчиниться Садзаки и полностью убрать тягу за пять секунд до приземления. Скафандр слегка раздулся и выбросил из себя пружинящие армированные пластины. Плотность гель-воздуха возросла; Силвеста так сдавило, что он едва не лишился чувств. Зато сам контакт с полом был едва ощутимым.

Силвест моргнул и тут же понял, что лежит на спине. «Шикарно, — подумал он. — Ничего не скажешь, эффектный выход на сцену».

Затем скафандр подскочил, и Силвест вместе с ним оказался на ногах.

Он ступил на Цербер.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Внутри Цербера, год 2567-й

— Сколько прошло времени?

— Вне корабля мы провели один день. — Голос Садзаки казался тонким и далеким, хотя его скафандр находился в нескольких десятках метров от Силвеста. — У нас еще полным-полно времени. Не стоит волноваться.

— Верю, — ответил Силвест. — Во всяком случае, часть меня верит. А вот другая часть настроена более скептично.

— Другая часть — это, надо думать, я, — тихо произнес Кэлвин. — И ты прав, я сомневаюсь, что у нас еще много времени. Не стоит расслабляться, ведь мы пока так мало знаем о Цербере.

— Если это была попытка поднять мой боевой дух...

— Никоим образом.

— Тогда помолчи, пока не родишь что-нибудь конструктивное.

Они уже проникли на несколько километров во второй ярус Цербера. Вроде и немало: по вертикали они спустились на расстояние, сравнимое с высотой самых знаменитых земных гор. Но все равно двигались слишком медленно. При такой скорости им нипочем не вернуться вовремя, и еще вопрос, успеют ли добраться до своей заветной цели. Очень скоро «Плацдарм» сдастся под неустанным напором систем защиты коры и, по всей вероятности, будет поглощен Цербером или брезгливо выплюнут в космос.

Второй ярус — коренные породы, на которых извивались «змеи» и в которые запускали свои корни поддерживающие крышу «деревья», — имел структуру, сходную с кристаллической и заметно отличавшуюся от квазиорганических структур, располагавшихся выше. Людям в скафандрах пришлось спускаться по узким щелям между сходящимися кристаллическими формами, — так муравьи снуют в зазорах между кирпичами. Это было медленное дело, оно быстро истощало запасы реакционной массы, — так как отвесное падение приходилось то и дело притормаживать тягой.

Сначала Силвест предложил воспользоваться «кошками» с одножильным шнуром, которые могли выпускать (выращивать, выдвигать — Силвест не вникал в детали) скафандры, но Садзаки не согласился. Это сэкономило бы реакционную массу, но сильно замедлило спуск, а предстояло преодолеть еще сотни километров. Кроме того, это лишило бы их свободы маневра, заставив пользоваться лишь строго вертикальными «шахтами», и превратило в естественные цели для гипотетических противодиверсионных систем. Поэтому бóльшую часть пути они пролетели по воздуху, останавливаясь лишь для сбора образцов минералов, из которых состоял Цербер. Последний пока не возражал против такого вампиризма, а кристаллы содержали достаточно тяжелых элементов, чтобы сгодиться на роль топлива.

— Похоже, Цербер не знает о нашем присутствии, — заметил Силвест.

Ему ответил Кэлвин:

— Может, и не знает. В его памяти, наверное, не сохранилось никого, кто спустился бы на такую глубину. Средства об-

наружения незваных гостей и защиты от них могли атрофироваться от долгого бездействия. А может, их и не было никогда.

— Скажи, почему я произвожу на тебя впечатление человека, которого все время надо подбадривать?

— Потому что я принимаю твои интересы очень близко к сердцу. — (Силвест представил себе ухмылку Кэлвина, хотя эта симуляция не имела визуальных компонентов.) — Во всяком случае, я верю в то, что сказал. Думаю, чем глубже спустимся, тем меньше будет вероятность того, что в нас почуют нечто вредоносное. Это как человеческое тело — основная часть болевых рецепторов находится в коже.

Силвест вспомнил, как однажды мучился желудочными коликами — отправился в поход из Города Бездны и в дороге выпил слишком много воды. Есть ли хоть капля смысла в словах Кэлвина? Спору нет, они подействовали успокаивающе. Если верить отцу, все, что лежит ниже, сковано полусном. И тогда получается, что мощная оборона наверху не имеет смысла, потому что ядро планеты не действует ныне так, как планировали амарантийцы... Может, в этом мощном сундуке о семи замках и нет никаких сокровищ? Может, там лежит только ржавый хлам?

Не стоит так думать. Если все происходящее не лишено смысла, если последние пятьдесят лет его жизни имеют хоть какое-то значение, если его гипотезы — не пустые фантазии, то здесь должно быть нечто достойное поиска. Трудно было выразить словами, что заставляло Силвеста верить в это. Но его вера оставалась незыблемой.

Прошел еще один день спуска. Почти все время Силвест спал. Скафандр его будил лишь изредка, когда происходило нечто заслуживающее особого внимания. Например, если внешние параметры сильно менялись, выходя за рамки допускаемых величин, и скафандр считал нужным, чтобы хозяин сам оценил обстановку.

Не было никаких признаков того, что Садзаки спал в пути. Силвест допускал, что аномальная физиология позволяет триумвиру не спать. Его кровь сгущалась и очищалась с помощью циркулирующих в ней лечебных микроботов. Мозг, измененный жонглерами образами, мог обходиться даже без короткого сна.

На легких участках они спускались со скоростью до километра в минуту. Обычно это случалось, когда попадалась глубокая «шахта». Разумеется, обратный путь займет меньше времени, так как скафандры запомнят дорогу, если, конечно, в структуре самого Цербера не произойдет серьезных изменений. А пока нередко спуск на несколько километров заканчивался тупиком или «шахта» становилась слишком узкой. В этом случае приходилось отступать и искать новый путь среди многочисленных боковых ответвлений.

Они действовали методом проб и ошибок, так как датчики скафандров видели лишь на несколько сот метров, да к тому же со всех сторон обзору мешали массивы кристаллической породы. И все же путники преодолевали километр за километром, омываемые неестественным зеленовато-синим излучением стен.

Окрестная геология постепенно менялась. Появились какие-то полосы шириной в несколько километров, неподвижные, как ледники. Здесь кристаллы крепко держались друг за друга, но сводчатые полости и вертикальные разломы производили впечатление, будто «языки льда» свободно плывут в пространстве, молчаливо отрицая само понятие гравитации.

«Что же это? — недоумевал Силвест. — Мертвая материя или нечто куда более загадочное? Может, это детали планетарного механизма, столь огромного, что его невозможно ни увидеть, ни вообразить? Если это машины, то следует допустить, что они используют некое туманное состояние квантовой реальности, где такие концепции, как тепло и свет, растворяются в неопределенности».

Само собой, «ледники» и были холодны как лед, о чем сообщали температурные датчики скафандра, но иногда за полупрозрачной поверхностью этих образований он угадывал мощное скрытое движение, — так сквозь циферблат из органического стекла проглядывают работающие внутренности часов. Когда же Силвест обратился к скафандру с просьбой проанализировать это явление с помощью его сенсорики, результаты оказались слишком сумбурными, чтобы от них была польза.

После сорока часов утомительного спуска они сделали важное открытие. Здесь кристаллические породы образовывали

переходную зону толщиной примерно в километр. «Шахты» в ней были шире, чем те, по которым путники спускались прежде. Диаметр некоторых из них достигал двух километров.

Стены всех десяти исследованных шахт излучали тот же неприятный зеленоватый свет, что и кристаллические образования на верхних уровнях, и эти стены едва уловимо подрагивали; напрашивалось предположение, будто все это — части огромного механизма, некие разнообразные и загадочные функции. Силвесту вспомнились великие пирамиды Египта, они тоже были пронизаны шахтами и тоннелями — рабочие, которые замуровывали расположенные внутри пирамид захоронения, нуждались в путях наружу. Может, и здешние полости предназначены для чего-то подобного? А может, они нужны для отвода тепла от работавших внизу огромных машин, которые сейчас бездействуют?

То, что Силвест и Садзаки нашли эти «шахты», можно было считать подарком судьбы — они сильно облегчали спуск. Но подарок не был лишен недостатков: стены гладкие; если на пришельцев нападут, спасения искать будет негде. Путей лишь два: наверх и вниз. Если оттягивать спуск, то опасность застрять в Цербере возрастает, ведь «Плацдарму» долго не продержаться. Поэтому они решили рискнуть и спуститься.

Но спуск здесь вовсе не означал свободного падения. Оно годилось раньше, когда вертикальные участки пути не превышали километра, а здесь из-за величины «шахт» возникали новые проблемы.

Исследователи вскоре обнаружили, что стены «шахт» таинственным образом притягивают их к себе и что без коррекции курса не избежать ударов о блеклую яшмовую кручу. Разумеется, это действовала сила Кориолиса — та самая невидимая сила, которая изгибает векторы ветров на вращающихся планетах и создает циклоны. Здесь сила Кориолиса мешала линейному спуску, ибо Цербер тоже вращался. Силвест и Садзаки должны были постоянно создавать дополнительный угловой момент при движении к центру планеты. И все же спуск проходил быстрее, чем раньше.

Они успели преодолеть сотню километров, когда началась атака.

— Движется, — сказала Вольева.

Прошло уже десять часов с того момента, как они покинули корабль. Илиа была совершенно измотана, хоть и успела несколько раз вздремнуть, зная, что очень скоро ей могут понадобиться все силы. Правда, от такого отдыха было мало проку. Требовались куда более продолжительные периоды беспамятства, чтобы восстановиться после бесчисленных физических и психических перегрузок последних дней.

Но сейчас Вольева не хотела спать, как будто дошла до той границы усталости, за которой прячется крошечный «аварийный» запас энергии. Бесспорно, этого запаса надолго не хватит, но сейчас Илиа радовалась своей бодрости.

— Что движется? — спросила Хоури.

Вольева кивнула на светящуюся белым подковообразную консоль шаттла, на дисплей с выведенными ею самой окнами с данными.

— Что же еще, если не этот трижды проклятый корабль!

Паскаль зевнула, просыпаясь.

— Что случилось-то?

— Снова мы влипли, вот что случилось. — Пальцы Вольевой легко забегали по клавиатуре, вызывая новые цифры и диаграммы, хотя она не очень-то и нуждалась в дополнительной информации. — Субсветовик лег на курс и движется. Это означает две новости, обе скверные. Во-первых, Похититель Солнц восстановил все главные системы управления, которые я заблокировала программой «Паралич».

— Что ж, десять часов — совсем недурно. Мы успели отойти довольно далеко. — Паскаль кивнула на дисплей, показывавший их местонахождение: шаттл прошел почти треть расстояния, отделявшего его от Цербера.

— А вторая новость? — спросила Хоури.

— Похититель Солнц накопил достаточно опыта в управлении двигателями. Раньше он только осторожно обнюхивал их, боясь повредить корабль.

— И что это означает для нас?

Вольева указала на тот же дисплей, что и Паскаль.

— Предположим, он теперь полностью контролирует двигатели и знает рамки допустимого. Если и дальше будет идти

этим же вектором, то вскоре выйдет нам наперехват. Он хочет добраться до нас прежде, чем мы доберемся до Дэна или хотя бы до «Плацдарма». На этом расстоянии мы слишком малая цель, и лучевые орудия для нашего уничтожения непригодны из-за дисперсии. От снарядов же мы можем уклоняться, велев автопилоту вести шаттл зигзагами и произвольно менять курс. Но все равно корабль скоро сократит дистанцию.

— Скоро — это когда? — нахмурилась Паскаль. — Разве мы не сделали мощный рывок на старте?

«Привычка задавать такие вопросы — не самая лучшая ее черта», — подумала Вольева, но своего раздражения ничем не выдала.

— Сделали. Но теперь ничто не помешает Похитителю Солнц разогнать корабль до нескольких десятков *g*. Нас такое ускорение просто превратит в кашу, а для него предела нет. К тому же на корабле не осталось живых существ, кроме тех, что бегают на четырех лапах, пищат и оставляют грязные пятна, когда ты их пристрелишь.

— Там еще капитан, — сказала Хоури. — Хотя я и не уверена, что его можно принимать в расчет.

— Я спросила: скоро — это когда, — напомнила Паскаль.

— Если повезет, как раз успеем дойти до Цербера, — ответила Вольева. — Но у нас не останется времени на разведку, и отступать будет некуда. Полезем внутрь планеты, чтобы спастись от корабельных орудий. Да и там надо будет спрятаться поглубже. — Она громко хмыкнула. — Может быть, твой муж с самого начала был прав, и сейчас он рискует гораздо меньше, чем мы. Пока, во всяком случае.

На стенах шахты проявлялись узоры, отдельные кристаллические участки светились более интенсивно. Узоры были такие большие, что Силвест не сразу узнал в них амарантийские пиктограммы. Дело было даже не в размерах, а в том, что они отличались от того рисуночного письма, с которым он имел дело раньше. Практически другой язык. Интуитивно он понял, что видит письменность отлученных — стаи, последовавшей за Похитителем Солнц в изгнание, а потом к звездам.

Десятки тысячелетий отделяли эти письмена от прочитанных на Ресургеме, и казалось чудом, что он способен видеть в них какой-то смысл.

— О чем речь? — спросил Кэлвин.

— Это не приветствие, — ответил Силвест. — И это еще мягко сказано.

— И что же именно тут сказано? — Садзаки, похоже, услышал их тихий разговор.

— Объясняется, зачем они произвели этот уровень, — ответил Силвест. — Произвели — в буквальном смысле слова.

— Ну что ж, — произнес Кэлвин, — ты убедился наконец, что этот мир — амарантийское изделие?

— При других обстоятельствах можно было бы по этому поводу и пропустить стаканчик, — рассеянно откликнулся Силвест.

Он был изумлен и напуган тем, о чем рассказывали стены, и под воздействием прочитанного у него рождались самые дикие мысли. Не раз при чтении амарантийских текстов он испытывал то же самое, но никогда еще не был настолько уверен в своей правоте.

— Пожалуйста, продолжайте, — раздался голос Садзаки.

— Как я уже говорил, это предупреждение. Здесь сказано, что дальше идти запрещено.

— Пожалуй, это может означать, что мы находимся невдалеке от того, ради чего сюда явились.

У Силвеста было аналогичное впечатление, хотя обосновать его он вряд ли сумел бы.

— Предупреждение гласит: внизу есть нечто такое, чего нам не следует видеть, — сказал он.

— Видеть? Это следует понимать буквально?

— Амарантийцы мыслили образами, Садзаки. Общий смысл таков: они не хотели, чтобы мы слишком приближались к их тайне.

— Значит, логично предположить, что их тайна имеет ценность.

— А если это действительно предупреждение? — вступил в разговор Кэлвин. — Я не имею в виду угрозу. Я имею в виду

добрейший, идущий от самого сердца совет держаться подальше. Нельзя ли это проверить, проанализировав контекст?

— Было бы можно, имей мы дело с обычным амарантийским текстом. — Силвест не признался, что считает предположение Кэлвина правильным, — у него не было рациональных подтверждений, только зыбкое ощущение. Но и подавить это ощущение он не мог.

Тогда он задумался над возможной причиной поступка амарантийцев. Если они сочли необходимым оставить специальное предупреждение на планете, вооруженной самым страшным оружием, которое было в их распоряжении, то спрашивается, какого монстра создала эта цивилизация?

Или обнаружила?

Эта мысль нашла свободное место в уме Силвеста и удобно расположилась там. Что называется, осенило.

Стая Похитителя Солнц что-то нашла. Где-то далеко-далеко, на самом краю системы.

Силвест все еще пытался разобраться со своими ощущениями, как вдруг ближайший иероглиф отделился от стены, оставив на своем прежнем месте полость. За ним последовали другие. Целые слова, словосочетания и предложения, огромные как дома, отчаливали от стены и кружили вокруг Силвеста и Садзаки со спокойствием опасных хищников. Они плавали в пустоте, поддерживаемые какой-то силой, невидимой для датчиков скафандров. Похоже, ни гравитационное, ни магнитное поле к этому отношения не имели.

Сначала Силвест был просто поражен абсурдным поведением этих предметов, но вскоре понял, что за ним стоит жесткая логика; просто она совершенно чужая. Если предупреждением пренебрегают, оно старается быть доходчивее — разве это не логично?

Но для отвлеченных размышлений вдруг не осталось времени.

— Защитным системам скафандров перейти на автоматический режим, — приказал Садзаки. Его голос утратил обычное ледяное спокойствие и поднялся почти на октаву. — Похоже, эти штуковины собираются нас раздавить.

Как будто это не было понятно без его комментариев!

Слова образовали вокруг них сферу, а затем каждый неуклюже полетел по спирали. Силвест предоставил своему скафандру полную свободу действий. Тот первым делом опустил щиток, защищающий глаза даже от ослепительных плазменных взрывов. Потом временно отключил системы ручного управления. Это было разумно: работу скафандра человек не сделает лучше, а значит, не надо и вводить его в соблазн.

Даже за опущенным щитком перед глазами Силвеста полыхал фейерверк. Было понятно, что лишь оболочка скафандра отделяет его от мультиспектральной радиационной бури. Снова и снова срабатывали двигатели, бросая его вперед и назад, вверх и вниз, да с такой силой, что темнело в глазах, словно он ехал на поезде сквозь череду коротких тоннелей в горах. Казалось, что скафандр пытается удрать, мечется в разные стороны, но всякий раз напарывается на мощный удар.

Наконец Силвест потерял сознание по-настоящему и надолго.

«Печаль расставания» разгонялась, пока не набрала четыре *g* постоянного ускорения. Время от времени программа резко меняла ее курс, на тот случай, если субсветовик решит применить против шаттла кинетическое оружие. Бóльших перегрузок находившиеся на борту шаттла люди не смогли бы выдержать без скафандров или противоперегрузочных костюмов. Конечно, и четыре *g* — не рай, особенно для Паскаль, еще менее привычной к таким делам, чем Хоури. Это означало, что из кресел не встать, что движения рук должны быть сведены к минимуму. Правда, можно было разговаривать и даже вести что-то вроде вялых дискуссий.

— Ты же говорила с ним? — спросила Хоури. — С Похитителем Солнц? Я это сразу поняла по твоему лицу, когда ты спасла нас от крыс в лазарете. Я ведь права, скажи?

Голос Вольевой прозвучал так, будто ее душили:

— Если у меня и были какие-то сомнения в твоей истории, они испарились, когда я увидела его рожу. Это самое настоящее инопланетное чудовище. И я поняла, через какие муки прошел Борис Нагорный.

— Поняла, отчего он сошел с ума?

— Наверное, со мной случилось бы то же самое, если бы Похититель Солнц очутился в моей голове. И вот что еще меня беспокоит: а вдруг безумие Нагорного сказалось на Похитителе Солнц?

— А мне каково, по-твоему! — воскликнула Хоури. — Ведь эта дрянь сидит у меня в мозгу!

— Ошибаешься, в твоем мозгу Похитителя Солнц нет. — Вольева отрицательно покачала головой, что при перегрузке в четыре *g* можно было бы расценить как клинический идиотизм. — Он просидел в тебе какое-то время, достаточно долго, чтобы без остатка уничтожить Мадемуазель. Но потом был вынужден уйти.

— И когда же он ушел?

— Когда Садзаки решил протралить тебя. Думаю, это моя ошибка. Я не должна была допустить, чтобы он хотя бы включил трал. — Для человека, признающегося в своей вине, Вольева говорила до неприличия равнодушно. Вероятно, считала, что одного факта признания ошибки уже более чем достаточно. — Пока Садзаки сканировал твои нейронные паттерны, Похититель Солнц внедрился в них, добрался до трала и зашифровал себя среди данных. Оттуда он мог коротким прыжком достичь любой другой системы корабля.

Паскаль и Хоури слушали Вольеву в полном молчании, наконец Ана процедила:

— Илиа, как ты могла допустить, чтобы Садзаки занимался со мной этим? Не самое разумное из твоих решений.

— Похоже на то, — ответила Вольева так, будто эта мысль пришла ей в голову впервые.

Когда закончился обморок — а он мог длиться и несколько секунд, и десятки минут, — щиток уже не закрывал обзор.

Силвест неудержимо падал в «шахту». Он повернул голову и наверху, в нескольких километрах, увидел пожарище. Стены на месте недавней схватки были покрыты выбоинами и пятнами ожогов. Некоторые слова еще крутились в воздухе, но бóльшая часть их была расстреляна, идеограммы утратили смысл. И, как бы соглашаясь с тем, что предупреждение сделалось бесполезным, слова перестали быть оружием. Силвест видел,

как они возвращаются в свои углубления — будто вспугнутые вороны рассаживаются по деревьям.

И что-то еще было не так.

Где же Садзаки?

— Что за чертовщина? — спросил Силвест, надеясь, что скафандр справится с идиоматической лексикой. — Где он?

— Были приведены в действие автономные оборонительные системы. — Скафандр отвечал так, будто информировал хозяина о стоящей с утра погоде.

— Спасибо, это я уже понял, но где Садзаки?

— Осуществляя маневр уклонения, его скафандр понес серьезный ущерб. Запасные телеметрические механизмы сообщили об обширных и, возможно, неисправимых повреждениях главного и вспомогательного двигателей.

— Я спросил тебя, где он?

— Его скафандр не способен ни снизить скорость падения, ни преодолеть силу Кориолиса, прижимающую его к стене «шахты». Телеметрия работает неустойчиво. Судя по прорывающимся данным, сейчас он в пятнадцати километрах под нами, падает со скоростью одна целая одна десятая километра в секунду.

— Все еще падает?

— Похоже на то. Двигатели не работают, а использовать для торможения кошку со шнуром при такой скорости не удастся. Он будет падать, пока не встретит препятствие.

— Ты хочешь сказать, что он погибнет?

— Скорость в конце будет такова, что выживание возможно только в рамках статистической погрешности.

— Один шанс на миллион, — подал голос Кэлвин.

Силвест изогнулся так, чтобы можно было глядеть вертикально вниз. Пятнадцать километров — это в семь раз больше, чем ширина «шахты». Он всматривался, продолжая одновременно падать в эту пропасть. Вроде бы увидел вспышку-другую на самом пределе видимости. Может, это Садзаки, ударяясь о стены, высекает искры?

Новых вспышек не было. И если он и в самом деле видел эти вспышки, то они, по-видимому, делались все меньше. Больше он не видел ничего, кроме гладких стен «шахты».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Орбита Цербера-Гадеса, год 2567-й

— Ты все же кое-что узнала, — заключила Паскаль, обращаясь к Вольевой. — Похититель Солнц о чем-то тебе сказал. Поэтому ты изо всех сил пытаешься остановить его.

С той минуты, как шаттл совершил поворот на полпути между Цербером и точкой, где Вольева увеличила тягу до четырех *g*, она чувствовала себя чуть менее уязвимой. Теперь выхлопы двигателей «Печали расставания» уже не были обращены к преследующему кораблю, и шаттл перестал быть легкой мишенью. Конечно, у этого маневра имелся и минус — выхлопы были обращены к Церберу, что могло быть расценено им как враждебность, даже если планета еще раньше не усвоила, что гости вовсе не склонны соблюдать ее интересы.

С этим, увы, приходилось мириться.

Субсветовик шел с постоянным ускорением шесть *g*, и этого было вполне достаточно, чтобы постепенно сократить расстояние между ним и шаттлом и часов через пять выйти на дистанцию эффективного огня. Похититель Солнц мог бы двигаться и быстрее, но не делал этого. По его поведению Вольева поняла, что он еще продолжает осторожно экспериментировать с правилами кораблевождения. Дело не в том, думала она, что тварь озабочена собственным благополучием. Если «Ностальгия по бесконечности» разрушится, то же вскоре случится и с «Плацдармом». И хотя Силвест находится внутри планеты, очевидно, Похититель Солнц должен убедиться, что его цель достигнута. Следует как можно дольше сохранять пробоину в коре Цербера, чтобы посланный изнутри сигнал мог беспрепятственно выйти в космос.

Вольева считала, что благополучное возвращение Силвеста планом Похитителя Солнц не предусмотрено.

— Это было то самое, что показывала мне Мадемуазель? — После многочасовой перегрузки голос Хоури звучал так, будто она выходит из тяжелого запоя. — То самое, что до сих пор не укладывается у меня в голове?

— Не уверена, что мы когда-нибудь в этом разберемся, — ответила Вольева. — Я ведь знаю только то, что он мне показал. Может, не врал, но как проверить?

— Не начать ли вам с самого начала и не рассказать ли, о чем идет речь? — спросила Паскаль. — А уж потом можете драться между собой из-за отдельных деталей.

Консоль загудела — уже в третий или четвертый раз за последние часы. Это означало, что радарный луч субсветовика прошелся по корме шаттла. Дистанция еще измерялась световыми секундами, то есть «Печаль расставания» могла несколькими импульсами маневровых двигателей выйти из прощупываемой радаром зоны. Но писк консоли действовал на нервы, так как давал понять, что субсветовик не сбился со следа, он старается подобраться поближе, чтобы открыть точный огонь. Пройдут еще часы, прежде чем возникнет такая ситуация, но намерения преследователя очевидны.

— Тогда начну с того, что мне известно, — начала Вольева, с трудом наполняя легкие воздухом. — Когда-то Галактика была населена гораздо плотнее, чем нынче. Миллионы различных культур, но при этом лишь горстка по-настоящему серьезных игроков. Вообще-то, именно такой полагается сегодня быть Галактике по всем модельным прогнозам, учитывающим количество звезд спектрального класса G и планет земного типа на орбитах, допускающих жидкое агрегатное состояние воды. — Вольева явно отклонялась от темы, но Паскаль и Хоури решили не одергивать ее. — Расхождение этой модели с реальностью всегда считалось великим парадоксом. По теории жизнь должна встречаться нам куда чаще, чем это происходит на самом деле. Эволюционные теории, исследующие развитие разума в зависимости от применения орудий труда, дают не столь четкие выкладки, но и они выявляют ту же проблему. Цивилизаций должно быть гораздо больше.

— Отсюда и парадокс Ферми, — заметила Паскаль.

— Чего-чего? — насторожилась Хоури.

— Старинный дихотомический вопрос насчет относительной простоты межзвездных полетов, особенно для кораблей-роботов, и полного отсутствия таких полетов у негуманоид-

ных культур. Единственный логический вывод: в Галактике не было никого, кто мог бы послать в космос корабли.

— Но Галактика огромна, — возразила Хоури. — Разве нельзя допустить, что где-то такие цивилизации существуют, но мы о них ничего не знаем?

— Не сходится, — уверенно ответила Вольева, и Паскаль согласно кивнула. — Галактика, конечно, велика, но не настолько, а кроме того, у нее весьма почтенный возраст. Едва какая-нибудь цивилизация начинает посылать в космос роботов, все остальные узнают об этом, скажем, в течение миллиона лет. А Галактика старше в несколько тысяч раз. Согласна, несколько поколений звезд должны родиться и умереть, прежде чем накопится достаточное количество тяжелых элементов, чтобы обеспечивать цивилизацию энергией, но, даже если бы культуры, строящие машины, возникали раз в миллион лет, у них была бы тысяча возможностей подчинить себе всю Галактику.

— На такие вопросы всегда было только два ответа, — возразила Паскаль. — Во-первых, цивилизации есть, но мы их не видим. Этот аргумент годился несколько веков назад, сейчас он не проходит. Сотни звезд с их планетными системами закартированы до последнего квадратного дюйма.

— Может быть, они и не существовали никогда?

Паскаль кивнула:

— И это объяснение годилось только для того времени, когда мы знали о Галактике очень мало. В частности, не предполагали, что в ней предостаточно мест, пригодных для возникновения жизни. Об этом нам только что сказала Илиа: звезды соответствующего типа с соответствующими планетами на соответствующих орбитах. А биологические модели дают более высокий поток однородных событий, в том числе и для разумных культур.

— Значит, это неправильные модели, — возразила Хоури.

— Или, наоборот, правильные, — возразила Вольева. — Едва мы вышли в космос, покинув Первую систему, нам стали попадаться по всей Галактике мертвые цивилизации. Они погибли не меньше чем миллион лет назад, а некоторые гораздо раньше. Но следы их существования говорят об одном: наша

Галактика была когда-то довольно густонаселенной. Почему же она внезапно так опустела?

— Война! — воскликнула Хоури, и на минуту воцарилось молчание.

Его прервала Вольева. На этот раз она говорила тихо и печально, будто речь зашла о чем-то сокровенном.

— Да, — сказала она. — Война Рассвета. Вроде так ее назвали?

— Я помню.

— Когда же это было? — спросила Паскаль.

На мгновение Вольева почувствовала симпатию к этой женщине, оказавшейся между двумя людьми, которые явно приобщились к неким тайнам, но, вместо того чтобы просветить собеседницу, сосредоточились на выявлении ошибочных представлений и сомнений друг друга. А ведь Паскаль об этом даже не догадывается. Пока.

— Это было миллиард лет назад, — ответила Хоури, и на этот раз Вольева не перебивала ее. — Похоже, война пережевала и выплюнула все эти цивилизации, и мы теперь видим лишь их жалкие бесформенные останки. Думаю, нам никогда не узнать, из-за чего все началось и кто пережил войну. Мы лишь знаем, что выжившие больше походили на механизмы, чем на организмы, хотя представить себе эти механизмы мы вряд ли способны — все равно что троглодит пытался бы вообразить нашу нынешнюю технику, экстраполируя от орудий труда, которыми он располагал. Между прочим, у них было название — то ли сами его придумали, то ли получили от других. Всех деталей я не помню, но название засело в голове.

— Ингибиторы, — сказала Вольева.

Хоури кивнула:

— И оно было заслуженным.

— В смысле?

— Я имею в виду то, чем они занимались потом, — сказала Хоури. — Не во время войны, а после нее. Похоже, они обрели веру. Взяли на себя нечто вроде священной миссии. До Войны Рассвета в Галактике царила разумная органическая жизнь. Те же, кто уцелел на руинах, представляли собой нечто иное, я бы сказала, постразумное. И теперь им было гораздо проще делать свое дело.

— И что же это за дело?

— Ингибиция. В буквальном смысле. Они взялись подавлять развитие разумных культур по всей Галактике, чтобы предотвратить новую Войну Рассвета.

В разговор вступила Вольева:

— Но задача не исчерпывалась лишь уничтожением цивилизаций, переживших войну. Пришлось менять условия на тех планетах, где со временем могла возникнуть разумная жизнь. Ингибиторы не занимались звездной инженерией, — возможно, столь радикальное вмешательство противоречило их жестким моральным установкам. Поэтому препятствия развитию жизни создавались в меньших масштабах, локально, без воздействия на эволюцию звездных систем. Это могло быть, например, незначительное изменение орбиты кометы, с тем чтобы планета дольше обычного подвергалась метеоритной бомбардировке. Даже если бы жизнь ухитрилась найти себе нишу, например, глубоко под землей или на дне океанов у гидротермальных источников, она вряд ли достигла бы достаточно сложных форм, чтобы угрожать ингибиторам.

— Вы говорите, это было миллиард лет назад, — сказала Паскаль. — Но за этот срок мы прошли путь от одноклеточного организма до Хомо сапиенс. Мы что же... проскочили сквозь сеть ингибиторов?

— Именно так, — ответила Вольева. — Потому что сеть обветшала и в ней появились дыры.

Хоури кивнула:

— Ингибиторы засеяли Галактику машинами, которые должны были фиксировать появление жизни, а затем подавлять ее. В течение долгого времени, похоже, все шло по плану, вот почему сегодня Галактика не кишит разумной жизнью, хотя условий для ее существования хватает. — Она покачала головой. — Должно быть, это звучит так, будто я знаю все досконально.

— Может, ты и правда знаешь, — сказала Паскаль. — И я готова выслушать все, что ты можешь рассказать. Давай выкладывай.

— Ладно-ладно. — Хоури завозилась в кресле, явно пытаясь сделать то, чем Вольева занималась весь последний час:

спасти ссадины и синяки от контакта с твердыми поверхностями. — Машины проработали на совесть несколько сот миллионов лет. Потом начались проблемы. Техника ломалась, не справлялась с задачами. Начали появляться разумные культуры, что раньше пресекалось еще при их зарождении.

Судя по лицу Паскаль, она увидела связь между событиями.

— Например, они прозевали амарантийцев.

— Вот именно. Но это не единственная культура, проскочившая через сеть. Уникальность амарантийцев в том, что по случайности они создали свою цивилизацию совсем рядом с нашей частью Галактики. И благодаря этому обстоятельству оказали сильное воздействие на нас.

Разговор опять перешел к Вольевой:

— Возможно, ингибиторы приставили к Ресургему своего механического соглядатая, но он перестал работать задолго до зарождения там разумной жизни. Амарантийцы создали цивилизацию, а затем среди них появился подвид, совершивший космические путешествия, и все это почему-то не привлекло внимания ингибиторов.

— Похититель Солнц?

— Да. Он увел в космос отлученных, изменил их биологически и психически. Если и осталось сходство с покинутыми соотечественниками, то лишь в общности происхождения и в языке. Стая исследовала свою солнечную систему, а позже ушла за ее границы.

— Где они нашли... — Паскаль кивнула на изображение Гадеса и Цербера, — вот их. Ты это имеешь в виду?

Хоури кивнула и довела рассказ до конца. Это почти не заняло времени.

А Силвест все летел и летел вниз, забывая отмечать длительность своего падения. Но вот уже над ним почти двести километров «шахты», а до ее конца — несколько километров. Внизу мигали огоньки, собираясь в узоры вроде созвездий. На секунду он испугался, что эти огоньки — звезды, что он пролетел сквозь весь Цербер. Не успев родиться, эта мысль умерла. В мигании пятнышек было что-то слишком правильное, искусственное, разумно-целенаправленное.

Из «шахты» он выпал в пустоту, точно так же, как раньше выпал в пустоту из воронки «Плацдарма». И обнаружил, что продолжает лететь сквозь огромный, ничем не занятый объем, причем этот объем показался ему куда больше, чем гигантский зал под корой Цербера. Никакие корявые стволы с кристаллического пола тут не поднимались и потолка не подпирали. И вообще, Силвест сомневался, что за кривым горизонтом есть еще что-нибудь. А вот пол внизу точно был — как, возможно, был и потолок, безо всяких опор нависающий над этим огромным объемом, миром внутри мира. Что за сила поддерживала его, противодействуя гравитации, — об этом Силвест мог только догадываться. Сам же он знай себе падал к звездному полу, до которого оставались считаные десятки километров.

Найти Садзаки было нетрудно, и Силвест сделал это еще в процессе своего одинокого полета, благо его собственный скафандр прекрасно функционировал. Он определил местонахождение погибшего спутника и опустился в десяти метрах от него.

Триумвир врезался в пол на большой скорости. Это было совершенно очевидно. Впрочем, что еще могло случиться с человеком, который падал двести километров по вертикали, не имея никакой возможности управлять своим полетом? По-видимому, скафандр наполовину погрузился в металлический пол, отскочил вверх и наконец вновь рухнул на пол лицом вниз. Садзаки так и лежал, будто решил отдохнуть.

Силвест не надеялся увидеть Садзаки живым, но растерзанный и изодранный скафандр производил ужасное, близкое к шоку впечатление. Больше всего он походил на китайскую куклу, изувеченную злым ребенком. Скафандр был весь в дырах, он даже окраску свою потерял. Часть повреждений он получил в бою, а потом, когда падал, сила Кориолиса швырялa его на стены «шахты».

Силвест с помощью своего скафандра с трудом перевернул его на спину. Он знал: зрелище не будет приятным, но все равно нужно это пережить, хотя бы и с большим напряжением воли. К Садзаки он не испытывал особых симпатий, но не мог не отдавать должное его уму и упорству — взять хотя бы эту многолетнюю гонку за Силвестом. «Садзаки, — думал Сил-

вест, — это тонкий, отлично настроенный инструмент, пригодный, к сожалению, только для одной задачи».

Спереди шлем скафандра Садзаки пересекала широкая, в палец, трещина. Подчиняясь душевному порыву, Силвест опустился рядом на колени.

— Жаль, что все кончилось вот так, — прошептал он. — Мы не были друзьями, Юдзи-сан, но под конец мне хотелось, чтобы вы видели происходящее так же, как видел его я. Думаю, вам было бы приятно услышать это.

И тут он понял, что скафандр пуст. Перед ним лежала всего лишь пустая оболочка.

Вот что было известно Хоури.

Отлученные достигли далеких окраин своей солнечной системы примерно через тысячу лет после расставания с ядром амарантийской культуры. Вполне естественно, что прогрессировали они медленно: приходилось преодолевать не только ограничения технологического характера, но и куда более прочные рамки собственной психологии.

Сначала отлученные сохраняли стайные инстинкты своих собратьев. Они создали общество, в высшей степени зависящее от визуальных коммуникативных моделей, состоящее из высокоорганизованных коллективов, где индивидуум сам по себе играл крайне малозначительную роль. Одиночка, потерявший свое положение в стае, заболевал своеобразным психозом, — человек нечто подобное испытывает при полной сенсорной депривации. Даже мелкие группы не могли выдержать такую пытку. Это обусловливало невероятную стабильность амарантийской культуры и ее устойчивость против заговоров и измен.

Но это также означало, что самоизоляция для отлученных чревата безумием.

Они это поняли и приняли меры. Взялись менять себя, культивировать в своей среде социопатию. Через сотни поколений они перестали быть одной стаей, разбившись на десятки узкоспециализированных кланов, каждый со своей формой помешательства... Иначе как помешательством это не могло бы показаться тем, кто остался на Ресургеме.

Разделившись на малые дееспособные коллективы, отлученные получили возможность все дальше уходить от Ресургема и отказываться от средств коммуникации, которые зависели от света. Самые отъявленные социопаты, улетевшие дальше всех от своего солнца, наконец обнаружили Гадес и загадочную планету на его орбите.

К этому времени отлученные уже прошли через ряд философских увлечений, которые Вольева и Паскаль кратко изложили слабо разбиравшейся в таких вещах Хоури.

Отлученные задались тем же вопросом: почему Галактика так слабо населена, если по расчетам дело должно обстоять совершенно иначе? Они искали голоса других культур во всех диапазонах: оптическом, радио, гравитационном и даже нейтринном — но безрезультатно. Наиболее авантюрные, а может, наиболее асоциальные натуры — это как посмотреть — даже уходили за пределы своей системы, но и там не нашли ничего важного, о чем стоило бы известить соплеменников. Несколько развалин тут и там, желеобразный загадочный организм, обнаруженный на океанической планете, будто туда его завезли умышленно, вот и все.

А потом они нашли артефакт, круживший на орбите Гадеса. И все остальное мигом потеряло значение.

Бесспорно, эта вещь имела искусственное происхождение. В данную точку космоса ее доставила какая-то цивилизация бог знает сколько миллионов лет назад. Казалось, она так и просит проникнуть внутрь и постичь тайны, которых там полным-полно. И отлученные приступили к изучению находки.

Вот тогда-то и начались проблемы.

— Это был ингибитор! — воскликнула Паскаль. — Его нашли отлученные, да?

— Он ждал там миллионы лет, — ответила Хоури. — Ждал, пока они эволюционировали от динозавров или птиц. Ждал, пока они учились пользоваться орудиями труда, открывали для себя огонь...

— Просто ждал, — эхом отозвалась Вольева.

За ее спиной тактический дисплей уже несколько минут пульсировал красным, сообщая, что «Печаль расставания» оказалась в пределах действия лучевого оружия преследующе-

го корабля. Уничтожение шаттла с такого расстояния маловероятно, но не исключено. Просто эта процедура требует времени.

— Ждал, когда к нему подойдет кто-нибудь явно разумный, — продолжала Вольева. — Он не бьет издалека и вслепую, поскольку это не соответствует его задаче и означает неправильное расходование ресурсов. Ингибитор подманивает жертву, чтобы узнать о ней как можно больше. Откуда она? Какой располагает технологией? Как мыслит? Как взаимодействует с себе подобными?

— Сбор разведданных.

— Да. — Голос Вольевой звучал печальнее колоколов на погребальной мессе. — Ингибитор очень терпелив. Но рано или поздно он решает, что вся нужная информация получена. И тогда... только тогда он действует.

— Вот как погибли амарантийцы на Ресургеме, — пришла к выводу Паскаль. — Он что-то сделал с их солнцем, может, спровоцировал выброс корональной массы, и этого хватило, чтобы сжечь Ресургем, уничтожить на нем жизнь и превратить его в мишень для метеоритов на несколько сот тысяч лет.

— Обычно ингибиторы не рассчитывались на такой долгий срок, — заметила Вольева, — но этот был поставлен очень поздно, вот и дотянул до наших времен. Однако дело еще и в том, что отлученные уже стали космическими кочевниками. Ингибитор должен был охотиться за ними, преследовать на расстоянии в десятки световых лет, если придется.

И тут снова расположенные в корпусе датчики сообщили о контакте шаттла с радарным лучом. Следующий сигнал дал понять, что преследователь проводит пробную фокусировку луча.

— Робот-ингибитор, вращавшийся вокруг Гадеса, мог поднять тревогу, — сказала Хоури, стараясь не обращать внимания на предвестника неминуемой беды. — Передать собранную информацию таким, как он, предупредить о возможном приближении отлученных.

— Вряд ли это был тот случай, когда можно сидеть на месте и ждать появления добычи, — возразила Вольева. — Машина, надо полагать, переключилась на более активный режим.

Например, она могла производить охотничьи дроны, натасканные на химический состав жертв. В каком бы направлении ни бежали отлученные, свет все равно обогнал бы их, подсказав другим ингибиторам, что пора устроить засаду.

— У отлученных не было ни единого шанса.

— Но едва ли им грозило немедленное уничтожение, — вмешалась Паскаль. — Отлученные, скажем, могли вернуться на Ресургем и принять меры к частичному сохранению своей культуры. Тем более если знали, что на них идет охота и что их солнце готовится разрушить родную планету.

— Возможно, на это ушло десять лет, возможно, сто. — Судя по тону, для Вольевой срок не имел значения. — Доподлинно мы знаем лишь одно: им удалось проникнуть дальше, чем другим.

— Но в итоге все погибли? — спросила Паскаль.

— Кое-кто выжил, — ответила Хоури. — В некотором смысле.

За спиной Вольевой заголосил тактический дисплей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Внутри Цербера, год 2567-й

Последний ярус был пуст.

Чтобы сюда добраться, Силвесту понадобилось три дня. Ровно день назад он оставил пустой скафандр Садзаки на полу третьего яруса, а за это время спустился примерно на пятьсот километров. Силвест знал: если он остановится и начнет думать о пройденных расстояниях, то потихоньку сойдет с ума. А поэтому что было силы гнал из головы умопомрачительные цифры. Вполне достаточно того факта, что он находится здесь, в совершенно чуждой для человеческого сознания обстановке. И ни к чему усугублять обуревающий его страх слоновьей дозой клаустрофобии.

И все-таки запрет был недостаточно строг. За каждой мыслью прятался цепкий ужас: а вдруг каким-нибудь движением Силвест нарушит зыбкое равновесие, и все пойдет вразнос, и гигантский потолок обрушится ему на голову?

Каждый новый ярус, через который проходил Силвест, очевидно, представлял особый этап развития амарантийской архитектуры. А может, и этап истории. Пожалуй, дело обстояло даже сложнее. Сменявшие друг друга пласты, как казалось Силвесту, не демонстрировали технического прогресса. Скорее, каждый из них выражал самостоятельный концептуальный подход к решению проблемы. Похоже, когда сюда прибыли первые амарантийцы, они что-то нашли (что именно, он даже не брался угадывать) и решили окружить искусственной оболочкой, усиленной средствами автоматической защиты. Затем, должно быть, прибыла вторая группа, которая задумала окружить находку второй оболочкой, посчитав, что новые фортификационные сооружения будут более надежны. Самая последняя группа сделала еще один логический шаг вперед, так закамуфлировав свои укрепления, что они потеряли всякое сходство с искусственными сооружениями.

Было совершенно невозможно определить, когда начиналось строительство этих ярусов и сколько тысячелетий продолжалось. Силвест не стал даже размышлять об этом. Возможно, ярусы строились почти одновременно, а может, процесс растянулся на миллионы лет, прошедших между отлетом Похитителя Солнц с Ресургема и возвращением его уже в образе бога.

И естественно, Силвеста изрядно беспокоило увиденное в скафандре Садзаки.

Вернее, не увиденное.

— А его там и не было, — сказал Кэлвин, проникая в мысли Силвеста. — С самого начала не было. Неудивительно, что он ни разу не позволил тебе приблизиться к его скафандру.

— Ох и ловкая же сволочь!

— Вот уж точно! С тем лишь исключением, что эта ловкая сволочь вовсе не Садзаки.

Силвест попытался объяснить себе этот парадокс, но успеха не достиг.

— Но если не Садзаки... — Он не закончил фразу, вспомнив, что за весь срок путешествия вне корабля ни разу не видел триумвира во плоти. Садзаки обратился к нему из клини-

ки, но не было никаких оснований считать, что это действительно Юдзи-сан.

— Постой, но ведь кто-то управлял скафандром, пока он не грохнулся? — Кэлвин занимался своим любимым делом — притворялся абсолютно спокойным в тяжелейшей ситуации, только сейчас бравады в его поведении было меньше. — Я бы сказал, что метод исключения оставляет нам только одного подозреваемого...

— Похитителя Солнц! — Силвест произнес имя, словно проверяя, не вызовет ли догадка Кэлвина абсолютного отторжения. Оказалось терпимо. — Это он? Значит, Хоури была права во всем.

— Я бы сказал, что на данном этапе мы поступили бы весьма глупо, отклонив эту версию. Хочешь, я продолжу?

— Нет, — сказал Силвест. — Пока не надо. Дай мне самому обдумать ситуацию, а потом можешь одаривать своей божественной мудростью сколько захочешь.

— Да о чем тут думать-то?

— Как о чем? Идти ли нам дальше или возвращаться.

Решение было отнюдь не самым легким в жизни Силвеста. Теперь он знал, что им манипулировали — возможно, на протяжении всей «охоты на Цербера». Но как далеко зашли эти манипуляции? Проходил ли его мыслительный процесс под жестким контролем с того самого момента, как он вернулся от Завесы Ласкаля — то есть чуть ли не всю жизнь, — с тем, чтобы привести к такому вот концу? Может, он вообще погиб там, а на Йеллоустон вернулся автомат, действующий и чувствующий как прежний Силвест, но направляемый к одной-единственной цели, которой он сейчас почти достиг?

Ладно, положа руку на сердце, имеет ли это все хоть какое-нибудь значение?

Как бы ни были фальшивы его чувства и иррациональна логика, именно здесь он мечтал оказаться, сколько себя помнит.

Обратно повернуть Силвест не может. Во всяком случае, до тех пор, пока не узнает правду.

— Скотина ты свинская! — воскликнула Вольева.

Первый выстрел гразера попал в нос «Печали расставания» через тридцать секунд после того, как завыл тактический дисплей. Корабль едва успел выбросом обляционного материала погасить энергию гамма-фотонов, а затем, когда иллюминаторы рубки автоматически сделались непроницаемыми, Вольева успела увидеть серебристую вспышку — это «жертвенная» броня корпуса исчезала в облаке металлических ионов. «Печаль расставания» вся содрогнулась от мощнейшего удара, как будто в нее попал тяжелый снаряд.

К воющим сиренам присоединились новые. Бóльшая часть широкого тактического дисплея переключилась в боевой режим, графически отражая готовность вооружений шаттла.

Бесполезно. Все бесполезно. Оборонительные системы «Печали расставания» слишком слабы и ориентированы на ближний бой, они не могут противостоять мегатонному противнику. Некоторые орудия «Ностальгии по бесконечности» куда больше шаттла, но почему-то они еще не ведут огонь.

Колоссальное серое тело Цербера заполнило треть неба, видимого из иллюминаторов шаттла. Сейчас надо бы сбросить скорость, а они теряют драгоценные секунды, позволяя себя поджаривать. Даже если бы они отразили атаку, скорость шаттла осталась бы опасно большой.

А тем временем следующая часть корпуса уже превратилась в пар.

Вольева позволила пальцам вести разговор с шаттлом, программировать хитроумный маневр уклонения, который позволил бы выйти из убийственного фокуса гразера. У этой программы был существенный недостаток: она предусматривала рывки с перегрузками до десяти *g*.

Вольева выполнила все необходимые процедуры и потеряла сознание.

Помещение было просторным, но не пустым.

Триста километров в ширину, подумал Силвест, взяв эту цифру практически с потолка — все попытки скафандра с помощью радара измерить диаметр подземного зала оказались бесплодными. Нет сомнений, причина этих неудач находилась

в центре полости. Она не только на скафандр действовала, но и на самого Силвеста, хоть и по-другому. У него разболелась голова.

На самом деле объектов было два, и какой из них удивительней, Силвест не взялся бы судить. Они двигались, вернее, один обращался вокруг другого. Тот, что кружил, смахивал на драгоценный камень, но имел такую сложную конфигурацию, что определить его форму не представлялось возможным. Не скажешь даже, какого он цвета, — в движении предмет вовсю бликовал. Силвесту было понятно лишь, что «самоцвет» огромен — десятки километров в диаметре. А может, это только иллюзия — ведь опять скафандр не сумел дать точную цифру. С тем же успехом можно просить, чтобы скафандр объяснил скрытый смысл какого-нибудь хайку, когда и с явным-то смыслом большие проблемы.

Силвест попытался увеличить участок поверхности «самоцвета» с помощью своей глазной механики, но тот не только не желал увеличиваться, но даже как будто норовил уменьшиться. Что-то странное происходило с пространством-временем вблизи этого объекта.

Попытался Силвест воспользоваться и опцией «захват изображений», но и тут его ожидал неуспех: на снимке, как ни странно, объект сделался вконец расплывчатым, словно он менялся гораздо быстрее на микроскопических отрезках времени, чем на отрезках, изменяемых секундами. Силвест попытался разгадать эту загадку и как будто даже преуспел, но вскоре иллюзия понимания развеялась.

Что же до второго, стационарного объекта, то с ним, пожалуй, дело обстояло еще хуже. Он выглядел рваной раной в реальности — разверстый зев, откуда бил белый свет поразительной силы и интенсивности. Такой свет видят умирающие — он манит их к жизни после смерти.

Силвест тоже ощутил этот призыв. Свет был так силен, что человеку полагалось бы ослепнуть. Но чем напряженнее он вглядывался в сияющие глубины, тем свет меньше резал глаза, тем быстрее превращался в успокаивающую бездонную белизну.

Свет отражался в летящем по орбите «самоцвете», который вовсю отбрасывал разноцветные лучи на стены гигантского зала.

— Вот гляжу я на эту потрясающую иллюминацию, — произнес Кэлвин, — и во мне стремительно крепнет ощущение собственной ничтожности. С тобой то же самое происходит?

— Конечно. — Это прозвучало так тихо, что Силвест и сам не услышал.

Но Кэлвин понял.

— Тогда, может, хватит? Ты узнал то, что от нас пытались скрыть. Нечто совершенно непостижимое. Один Бог знает, что это такое.

— Возможно, это Он и есть. Бог.

— Глядя на этот свет, я готов согласиться с тобой.

— Значит, ты тоже чувствуешь?

— Я не уверен в том, что чувствую. И не уверен в том, что мне нравятся мои ощущения.

Помолчав, Силвест спросил:

— Как думаешь, они это сами создали или случайно наткнулись?

— С каких это пор тебя интересует мое мнение? — Кэлвин нарочито поколебался, а потом Силвест услышал примерно то, чего и ожидал услышать. — Нет, Дэн, они этого не создавали. Амарантийцы, бесспорно, были умны, возможно, умнее нас. Но они не были богами.

— Тогда это сделал кто-то другой.

— И я надеюсь, этого другого мы никогда не встретим.

— Крепись, отец. У меня нет сомнений, что эта встреча состоится, и очень скоро.

Невесомый, Силвест полетел вглубь зала, туда, где танцевал «самоцвет» и лились прекрасные лучи.

Придя в себя, Вольева услышала писк консоли. Это означало, что «Ностальгия по бесконечности» снова нащупала шаттл радаром и теперь перенацеливает гразеры. На это уйдет лишь несколько секунд, и даже маневр уклонения, с выбором курса по принципу генерации случайных чисел, не продлит этот срок надолго.

Вольева взглянула на индикатор состояния корпуса: слой «жертвенного» металла истончился до нескольких миллиметров, резервуары постановщика помех опустели. Шаттл выдержит максимум два попадания.

— Мы еще живы? — Похоже, Хоури удивилась тому, что ей удалось сформулировать вопрос.

Еще одно попадание, и корпус даст десятки течей, стравливая воздух в космическое пространство, — если, конечно, не разлетится вдребезги. Тепловую энергию первых попаданий удалось благополучно рассеять, но парировать следующие удары было труднее, их смертоносный жар проникал внутрь шаттла.

— Отправляйтесь в «Паук», — крикнула Вольева, сбрасывая скорость, чтобы перемещение людей внутри корабля стало возможным. — Его обшивка выдержит еще несколько попаданий.

— Нет! — Хоури едва не сорвалась на крик. — Нельзя! Здесь у нас есть хоть какой-то шанс!

— Она права, — поддержала Паскаль.

— Шанс вы получите только в модуле, — ответила Вольева. — Как цель «Паук» меньше. Корабль предпочтет заняться шаттлом, а «Паука», если нам повезет, примет за обломок.

— А что будет с тобой?

Вольева разозлилась:

— Я похожа на любительницу корчить из себя героя? Ждите меня там. Но сначала мне нужно ввести алгоритм смены курса в мозг шаттла. Если считаешь, что справишься с этим лучше...

Хоури заколебалась, как будто предложение Вольевой не было абсурдным. Затем она отстегнулась от кресла, поманила Паскаль и кинулась к двери так, будто за ней гналась смерть.

Впрочем, слово «будто» вряд ли здесь уместно.

Вольева выполнила свое обещание, введя самую хитрую программу уклонения, на какую только хватило ее фантазии. Она не была даже уверена, что маневр не прикончит всю команду шаттла — несколько секунд женщинам придется терпеть перегрузку в пятнадцать *g*. Но разве это важно? Смерть застигнет их в отключке, в густом, черном, теплом тумане перегру-

зочного обморока... Разве это не приятнее в тысячу раз, чем изжариться в вакууме под невидимыми гамма-лучами?

Держа в руках шлем, который был на ней в момент посадки на борт шаттла, и мысленно отсчитывая оставшееся до начала маневра время, она приготовилась идти к остальным.

Хоури преодолела полпути до «Паука», когда жар хлестнул ее по лицу. За этим последовал омерзительный звук — со скрежетом прогибался корпус шаттла. Освещение в грузовом отсеке погасло — электрическая сеть «Печали расставания» не выдержала обстрела. А «Паук» имел собственное энергоснабжение, поэтому его плюшевое великолепие было отлично видно через смотровые окна.

— Входи! — крикнула Ана спутнице.

И хотя конвульсии шаттла сопровождались таким грохотом, будто целый оркестр музицировал на ржавых металлических листах, жена Силвеста услышала приказ и влезла в «Паука» за миг до того, как страшная ударная волна пронеслась по отсеку (вернее, по тому, что от него осталось), сорвав модуль с якорей, на которые его поставили роботы Вольевой.

Теперь слышалось и жуткое завывание воздуха, вырывающегося изо всех отсеков шаттла. Хоури ощутила его напор, резко затруднивший продвижение вперед. «Паук» накренился и повернулся, его ноги дико царапали палубу. В смотровом окне она видела Паскаль, но эта женщина ей ничем помочь не могла. А как управлять «Пауком», она знала еще хуже, чем Хоури.

Ана обернулась, мечтая увидеть Вольеву, которая знает, что надо делать. Но увидела только пустой коридор и услышала только жуткий хлюпающий рев убегающего в космос воздуха.

— Илиа!

Проклятая дура сделала именно то, чего боялась Хоури! Осталась в рубке шаттла, хоть и обещала, что переберется в «Паука».

В меркнущем свете Ана видела дрожь корпуса шаттла — похоже вибрирует дека скрипки. И вдруг невидимый отлив, что тащил Хоури прочь от «Паука», уравновесился декомпрес-

сией, разбушевавшаяся в грузовом отсеке. Ана уже почти ничего не различала — по глазам ударила космическая стужа. Хоури бросило вперед, в отверстие, туда, где еще секунду назад был металл...

— Где я?

Едва задав этот вопрос, она сообразила, что находится в «Пауке». Для того, кто провел в нем много времени, ошибка была исключена. Здесь тепло, спокойно, удобно, тихо. Целая вселенная отделяет тебя от той секунды, которая запомнилась последней. Руки болят, и сильно, но в остальном самочувствие вполне сносное для такой серьезной переделки, как падение из чрева гибнущего шаттла в направлении открытого космоса.

— У нас получилось, — сообщила Паскаль, но в ее голосе не звучало ни малейшего торжества. — Не пытайся дергаться, ты страшно обожгла руки.

— Обожгла? — Хоури лежала на одной из плюшевых кушеток, что примыкали к стенам; голова упиралась в латунно-плюшевую спинку. — Как меня угораздило?

— Ударилась о «Паука». Тебя сквозняком швырнуло прямо на него. И все же ты сумела по стенке добраться до шлюза, продышав вакуумом минимум пять секунд. Металл так быстро остыл, что ты получила морозные ожоги.

— Ничего не помню. Ничего! — Но достаточно было взглянуть на ладони, чтобы убедиться: услышанное — правда.

— Ты вырубилась, как только оказалась на борту. Вполне естественно при таком болевом шоке.

Паскаль говорила тоскливым тоном, будто считала все сделанное Хоури бесполезным. И Ана подумала: а может, так и есть? Самое лучшее, что их ждет, — это посадка на Цербере, где придется считать, за какой срок с ними справятся оборонительные системы коры и скоро ли их обнаружит и добьет собственный субсветовик. Если не случится ни того ни другого, они все равно умрут от холода или удушья. Хоури порылась в памяти: не говорила ли ей Вольева, сколько времени «Паук» способен протянуть автономно?

— Илиа...

— Она не успела, — ответила Паскаль. — Погибла. Я видела, как это произошло. Через секунду после того, как ты оказалась на борту, шаттл взорвался.

— Как думаешь, Вольева сделала это намеренно, давая нам шанс спастись? Чтобы нас приняли за обломок, как она сказала?

— Если так, то мы ей обязаны жизнью.

Хоури сняла куртку и рубашку, снова натянула куртку и, разорвав рубашку на тонкие полосы, перевязала покрытые темными пузырями ладони. Они жутко болели, но это было не так уж и страшно. На тренировках она и посильнее стирала руки о веревки, а если еще вспомнить, как приходилось таскать тяжелые раскаленные орудия... Она скрипнула зубами и решила перенести боль в самый конец списка насущных проблем.

Впрочем, вышедшие на передние позиции списка проблемы вызывали соблазн нырнуть обратно в пучину боли. Однако Хоури ему не поддалась. Если она не в силах изменить свою судьбу, то, по крайней мере, может глядеть в глаза реальности — до последнего мига.

— Мы скоро умрем? — спросила Хоури.

Паскаль кивнула:

— Но не так, как ты думаешь.

— Не сядем на Цербер?

— Не сядем. Даже если бы умели управлять «Пауком». Мы промахнемся мимо Цербера. На его орбите тоже не останемся — наша скорость слишком велика.

Услышав про Цербер, Хоури нашла его в смотровом окне: он как будто был теперь дальше, чем до гибели шаттла. Должно быть, они проскочили мимо планеты на скорости, которая передалась им от «Печали расставания», а это сотни километров в секунду.

— И что теперь будет?

— Можно только догадываться, — ответила Паскаль. — Думаю, мы упадем на Гадес. — Она кивнула на лобовое окно, за которым впереди краснела точка. — Тебе не кажется, что он лежит прямо по курсу?

Хоури не надо было напоминать, что Гадес — нейтронная звезда и что такого явления, как безопасное сближение с нейтронной звездой, в природе не существует. Ты или держишься от нее подальше, или погибаешь. Нет во Вселенной силы, которая отменила бы этот закон. В космосе правит гравитация, а она не делает скидок на обстоятельства, справедливы они или нет.

Вблизи нейтронной звезды гравитация настолько сильна, что из алмаза выжмет воду, а гору сотрет в щепотку пыли. Собственно, для того, чтобы испытать на себе эту мощь, нет необходимости подходить к звезде слишком близко. Несколько сот тысяч километров будет в самый раз.

— Да, — сказала Хоури. — Думаю, ты права. И это плохо.

— Угу, — отозвалась Паскаль. — Ничего хорошего.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Внутри Цербера, год 2567-й

Для себя Силвест назвал это место Пещерой Сокровищ.

Название было вполне подходящим. Здесь он провел меньше часа (в чем не был уверен, так как давно перестал следить за временем), и все, что успел увидеть, показалось ему чудесным. Пожалуй, для многих находок это слово было даже слишком пресным. Ему не хватило бы целой жизни, чтобы познакомиться даже с малой долей содержащегося в этом зале, хотя бы приблизительно понять суть вещей и явлений.

Когда-то Силвесту случалось натыкаться на области потенциального знания, которых прежде никто не видел и не пытался постичь хотя бы теоретически. Однако он понимал, что те ощущения — ничто по сравнению с нынешними. Здесь он может провести лишь несколько часов, иначе потеряет последние шансы на спасение. А что можно сделать за этот жалкий срок? Очень мало даже в обычных условиях.

Зато к его услугам системы скафандра, а также собственное зрение, поэтому можно рискнуть. История не простит, если он сделает меньше, чем может. И что еще важнее, он сам себе этого не простит.

Он приказал скафандру лететь к центру зала, к тем двум предметам, которые так разожгли его любопытство. К источнику трансцендентального света и огромному «самоцвету», вращающемуся вокруг него.

Когда Силвест добрался туда, стены зала пришли в движение. Как будто их засасывало вихревое поле этих двух объектов. Как будто само пространство свертывалось, образуя воронку смерча. Как будто окружающая среда меняла свою природу, переходя в текучее состояние.

Скафандр пытался анализировать происходящее, торопливо сообщал подробные данные о бушующих вокруг флуктуациях, о квантах, меняющих свои значения на совершенно незнакомые. Силвест припоминал, что нечто подобное происходило на пути к Завесе Ласкаля. Как и тогда, ощущения представлялись ему естественными, хотя по мере приближения к источнику света и его блистающему спутнику он чувствовал, что все его существо кем-то или чем-то анализируется и переводится в некие символы.

Понадобился час, чтобы достигнуть «драгоценного камня», и он уже сомневался, что верно определил размеры зала. По мере его приближения скорость вращения «камня» неуклонно сокращалась, пока не достигла нуля. Теперь с головокружительной быстротой вращались уже стены зала. Силвест понял, что находится достаточно близко, хотя за весь проведенный им здесь срок «самоцвет» ничуть не изменился в размерах.

Сейчас этот объект снова двигался, больше всего напоминая детский калейдоскоп. Непрерывно менялись симметричные узоры, состоящие из цветных отражений, вот только происходило это в трех измерениях, а может, и в четырех. Время от времени «самоцвет» грозно метал в Силвеста копье или стрелу света, и тот щурился, но не позволял себе пятиться, напротив, понемногу приближался, когда объект переходил в фазу относительно медленных трансформаций. Силвест понимал, что его выживание нисколько не зависит от того, с какого расстояния скафандр будет изучать главную загадку Цербера. Такие мелочи тут значения не имели.

— Как думаешь, что это? — Голос Кэлвина звучал так тихо, что был почти неотличим от мыслей Силвеста.

— А я-то надеялся, что ты просветишь меня по этому вопросу.

— Ну извини, мой запас озарений кончился. Разошелся за долгую жизнь.

Вольева дрейфовала в космосе.

Она не погибла при взрыве «Печали расставания», хотя и не успела добраться до «Паука» вовремя. Зато ей удалось надеть шлем за долю секунды до того, как корпус шаттла вспыхнул, подобно коснувшемуся свечи крылу бабочки. Кувыркаясь в гуще других обломков, Вольева перестала быть мишенью для субсветовика. Ни на нее, ни на «Паука» он не обращал внимания.

Илиа не могла умереть просто так — это было бы совершенно не в ее стиле. И хотя знала, что шансы на выживание статистически ничтожны, а ее поведение совершенно нелогично, она считала своим долгом прожить отведенный ей срок до последнего часа. Вольева проверила запасы воздуха и энергии, убедилась, что они невелики. Ведь скафандр она надевала второпях, полагая, что он понадобится только для перехода через ангар до шаттла. Не догадалась даже подключить его к заправочному модулю в шаттле. А ведь это подарило бы ей несколько дней жизни, тогда как теперь у нее меньше суток.

Она знала, что сможет продлить срок, если будет спать, когда не требуется бодрствовать. Конечно, какое-то время надо провести в полном сознании.

Вольева запрограммировала скафандр на свободный полет и велела разбудить ее лишь в том случае, если произойдет что-либо интересное или, что вероятнее, возникнет непосредственная угроза жизни. А теперь она проснулась. Следовательно, что-то случилось.

Она спросила у скафандра, тот ответил.

Он ответил.

— Черт! — выругалась Илиа.

Оказалось, ее только что засек радар «Ностальгии по бесконечности». Тот самый, который нащупал шаттл перед тем, как в ход были пущены гамма-лучевые пушки. Луч был мощный, значит корабль совсем близко, в десятках тысяч киломе-

тров. По такой малоподвижной, беззащитной и очень заметной цели, как Вольева, это будет просто стрельба в упор.

Оставалось лишь надеяться, что Похититель Солнц сжалится и прикончит ее быстро. Возможно, выстрелит из оружия, которое она сама же и создала.

Не в первый раз она прокляла собственную изобретательность.

Илиа с трудом активировала бинокль скафандра и обшарила звездное небо в том направлении, откуда пришел луч радара. Сначала она видела только звезды да мглу, но затем возник и корабль — светящийся уголек. Он неуклонно приближался.

— Это не амарантийские дела, верно? В этом мы согласны?

— Ты имеешь в виду «самоцвет»?

— Да как ни назови... А свет уж точно обязан своим появлением не им.

— Разумеется, не им. — Силвест только теперь понял, как он рад присутствию Кэлвина, сколь бы иллюзорным оно ни было. — Что бы ни представляли собой эти штуковины и чем бы они тут ни занимались, амарантийцы их только обнаружили.

— Полагаю, ты прав.

— Возможно, они даже не поняли, что нашли, а если и поняли, то не до конца. И тем не менее сочли необходимым спрятать эти предметы от целой Вселенной, окружить их оболочкой. Спрашивается, что заставило их так поступить.

— Жадность?

— Может, и жадность. Только эта версия не объясняет предупреждения, которое мы получили по пути сюда. Нельзя ли допустить, что амарантийцы решили оказать услугу всему живому? Если не могли ни уничтожить объекты, ни увезти куда подальше.

Силвест задумался.

— Тот, кому первоначально принадлежали эти вещи, явно хотел привлечь к ним внимание, раз оставил их болтаться вокруг нейтронной звезды. Как полагаешь?

— Приманка?

— Нейтронная звезда — штука не такая уж редкая, и все-таки это экзотика, особенно для цивилизации, недавно вышед-

шей в космос. С известной уверенностью можно было предположить, что амарантийцы обязательно заглянут сюда, хотя бы из чистого любопытства.

— Но ведь они не были последними?

— Думаю, да... — Силвест перевел дыхание. — Ты не считаешь, что нам следует повернуть назад, пока еще есть время?

— С точки зрения рациональности — да. Такой ответ тебя устроит?

И они двинулись вперед.

— Давай сначала займемся светом, — сказал Кэлвин несколькими минутами позже. — Хочется взглянуть на него поближе. Может, это и глупо звучит, но мне он кажется более загадочным, чем летающий предмет. И если я должен поплатиться жизнью за возможность рассмотреть одну из этих вещей, то пусть это будет источник света.

— Ты прямо мысли мои читаешь.

Силвест уже начал делать то, что предложил Кэлвин, как будто сам этого желал. Действительно, в этом сиянии было нечто глубинное, древнее, необъяснимое. Силвест не мог выразить свои чувства в словах или даже уяснить их для себя, но теперь они рвались наружу, и он знал, что они верны. Именно свет — то, к чему следует идти.

Она была серебристой, эта сверкающая брешь в реальности, одновременно и неистовая и спокойная. По мере приближения Силвеста к «самоцвету» тот, застывший в неподвижности, казалось, уменьшался в размерах. Ровное жемчужное сияние окружало скафандр. Силвест забеспокоился насчет зрения, но не ощутил ничего, кроме теплоты. Впрочем, еще он чувствовал, как в нем медленно растет способность понимать. Постепенно он потерял из виду и остальной зал, и «самоцвет»; теперь его обволакивала серебряно-белая метель. Но страха он не испытывал. Не было даже чувства опасности. Только смирение, но смирение радостное, идущее изнутри.

Медленно, точно подчиняясь волшебству, его скафандр стал обретать прозрачность, серебристое сияние просачивалось сквозь него. Вот оно коснулось кожи Силвеста, а потом проникло и глубже — в плоть и кость.

Это было не совсем то, чего он ждал.

Наконец к Силвесту вернулось сознание (вернее, он спустился к сознанию — в тот момент представлялось, что оно находится внизу). А до того было только понимание.

Он снова был в зале, на довольно значительном расстоянии от белого света, но все еще внутри описываемой «самоцветом» орбиты.

Теперь он знал.

— Ничего себе прогулялись, а? — Наверное, трубный рев прозвучал бы более уместно в тишине этого зала, чем голос Кэлвина.

— Ты... испытал то же, что и я?

— Похоже. Будь я проклят, если это не самые дикие ощущения в моей жизни. Устроит тебя такой ответ?

Такой ответ годился. Не было необходимости убеждать себя, что Кэлвин пережил ровно то же, что и Силвест. Что на какое-то время их сознания — и даже нечто большее — слились и невидимо потекли вместе с триллионами сознаний других существ. И что он прекрасно усвоил все, ибо в момент слияния разумов на все вопросы были даны исчерпывающие ответы.

— Нас прочли, да? Этот свет — сканирующее устройство, машина для считывания и хранения информации.

Слова звучали вполне здраво, но, произнеся их, Силвест понял, что выражается крайне примитивно, что грубость и бедность его речи снижает значение открытия. С таким словарем не выразить точно и полно то, что он понял и ощутил в этом месте. Тем более что в первые же минуты по его пробуждении эти впечатления стали блекнуть. А ведь ему необходимо высказаться, худо-бедно сформулировать свои чувства, записать все это в память скафандра, хотя бы для потомства, что ли.

— На мгновение мне показалось, что нас самих превратили в информацию и подсоединили ко всем другим ее источникам, когда-либо существовавшим или по крайней мере уловленным этим светом.

— Со мной тоже так было, — сообщил Кэлвин.

А Силвест подумал, не разделяет ли с ним Кэлвин и прогрессирующую амнезию — постепенную утечку полученных знаний?

— Мы ведь побывали на Гадесе, как считаешь? — Мысли Силвеста метались, точно всполошенное стадо по загону, искали выхода, пытались выразиться в словах, прежде чем исчезнуть неизвестно куда. — Гадес вовсе не нейтронная звезда. Может, и был ею, но теперь это не так. Его трансформировали, переделали в...

— В компьютер, — продолжил за него Кэлвин. — Вот что такое Гадес. Это компьютер, сделанный из атомизированного вещества, из звездной материи, призванный обрабатывать информацию и хранить ее. И свет — это вход в компьютер, путь для подключения к матрице. Думаю, что в какой-то момент мы оказались внутри ее.

На самом деле все было куда невероятнее.

Когда-то у звезды с массой в тридцать-сорок раз больше массы земного Солнца закончился период термоядерного синтеза. Несколько миллионов лет она расточительно тратила энергию, а потом взорвалась и превратилась в сверхновую. При этом в самой ее середке чудовищное гравитационное давление сжало кусок материи в пределах его собственного радиуса Шварцшильда, и там образовалась черная дыра.

Черной дырой это космическое тело называлось потому, что ничто, даже свет, не могло вырваться за пределы критического радиуса. Материя же и свет могли падать в черную дыру, увеличивая ее и без того огромную массу и силу притяжения.

И вот появилась цивилизация, придумавшая, как использовать это явление. Ей была известна техника, с помощью которой черную дыру можно преобразовать в нечто совершенно парадоксальное.

Во-первых, пришлось подождать, пока Вселенная значительно состарится и бóльшая часть звезд превратится в красных карликов, чьей собственной массы не хватает для того, чтобы обеспечивать термоядерную реакцию. Затем с десяток таких карликов были согнаны к черной дыре и образовали вокруг нее хоровод, который стал питать дыру звездным веществом, проливая его за поглощающий свет горизонт.

Это Силвест понял — или велел себе считать, что понял. А вот следующую, главную часть охватить умом было куда

труднее. Так буддийский коан, имеющий внутреннее противоречие, всегда противится восприятию.

Попав на рубеж черной дыры, частицы вещества продолжали падать туда по своим траекториям и выходили на орбиты вращения вокруг ядра с невероятной плотностью, вокруг сингулярности в центре черной дыры. Скользя по этим силовым линиям, пространство и время как бы сливались, и в какой-то момент их уже нельзя было разделить. И что самое важное, однажды возникала ситуация, когда они обменивались траекториями: траектория в пространстве становилась траекторией во времени и наоборот. И один из таких пучков траекторий позволял открыть тоннель, по которому можно перебрасывать материю в прошлое, в частности к началу формирования черной дыры.

— Я сейчас просматриваю тексты двадцатого века, — пробормотал Кэлвин, который явно следил за ходом мыслей Силвеста. — Этот эффект был известен, вернее, предсказан уже тогда. Видимо, он проистекал из математических уравнений, описывавших черные дыры. Только в ту пору к нему никто серьезно не относился.

— У тех, кто создавал Гадес, подобных предрассудков не было.

— Наверное, ты прав.

А дальше произошло вот что. Свет, энергия, потоки частиц направлялись по этим особым траекториям, все глубже уходя в прошлое с каждым оборотом вокруг ядра. С точки зрения остальной Вселенной, ничего не происходило, ведь дыра отгородилась от нее непроницаемым барьером, и обнаружить нарушения закона причинности было невозможно. Согласно математическим выкладкам, в которые заглянул Кэлвин, таких нарушений и быть не могло, поскольку траектории не должны были выйти наружу, в окружающую Вселенную.

И все же происходило именно это. Чего не заметили математики, так это крошечного набора траекторий — ничтожной доли процента от всего их количества, — который нес кванты назад, к моменту рождения черной дыры, к ее коллапсу при взрыве сверхновой.

И в этот момент незначительное давление, созданное частицами из будущего и нацеленное наружу, задержало гравитационный поток.

Эта отсрочка была почти неизмерима, вряд ли она превышала самый малый теоретически возможный отрезок времени, его квант, — но она существовала в реальности. И ее хватило, чтобы послать слабейшую волну причинности обратно в будущее.

Эта рябь причинности сталкивалась с поступающими извне частицами и создавала решетку причинных связей — стоячую волну, симметрично уходящую в прошлое и будущее.

Попавший в эту решетку коллапсирующий объект теперь уже не мог считать себя принадлежностью черной дыры. И так начальные условия для него были пограничными, а тут еще эта неопределенность... Наверное, подвешенного состояния можно избежать, если оставаться над радиусом Шварцшильда или коллапсировать до стабильной конфигурации, какую имеют странные кварки и вырожденные нейтроны.

И объект начинал метаться между двумя состояниями. Неопределенность крепла и порождала нечто совершенно уникальное в нашей Вселенной. Возможно, где-то далеко-далеко, в других черных дырах, происходили подобные события и возникали схожие парадоксы.

Объект достиг стабильной конфигурации, и потому его парадоксальный характер не бросался в глаза окружающей Вселенной. Выглядел он как нейтронная звезда, да и был таковой снаружи. Но уже на глубине нескольких сантиметров от его поверхности звездное вещество было уложено в тонкие конструкции, способные производить вычисления с быстротой молнии.

Такая самоорганизация осуществлялась спонтанно по мере того, как поступающая материя делала выбор между двумя противоположными состояниями.

Верхняя часть коры планеты состояла из должным образом переработанной материи, способной хранить информацию. Причем большей плотности информации даже теоретически не давало ни одно вещество во Вселенной.

И она мыслила.

Глубже кора незаметно переходила в мерцающую бурю несостоявшихся возможностей, где внутренняя часть коллапсировавшего объекта плясала под музыку беспричинности. И пока кора занималась бесконечным моделированием и столь же бесконечными расчетами, ядро соединяло прошлое с будущим, позволяя информации беспрепятственно перетекать из одного в другое. Таким образом, кора превратилась в элемент колоссальной параллельной вычислительной системы, причем другими элементами этой системы были версии ее самой, лежащие в прошлом и будущем.

Этот компьютер понимал: при всей его феноменальной вычислительной мощности, охватывающей тысячелетия, он был лишь частью чего-то несравненно большего.

И у него было имя.

Силвест должен был дать хотя бы короткий отдых мозгу. Величие постигнутого меркло, оставались лишь гулкие отзвуки, эхо финальных аккордов самой грандиозной симфонии, когда-либо исполнявшейся перед публикой. Еще несколько минут, и вот он уже не уверен, что сможет вспомнить хотя бы это. Его голова просто не в состоянии вместить столько знаний. И странное дело: он ничуть не жалеет об ускользающих воспоминаниях.

Да, то были потрясающие мгновения, когда он обладал космическим знанием, — но для одного человека это непосильное бремя. Лучше хранить лишь память о памяти. Он не создан для того, чтобы мыслить как бог.

Казалось, прошло еще сколько-то минут, но, когда Силвест сверился с хронометром скафандра, он слегка удивился, обнаружив потерю нескольких часов. Конечно, нельзя было исключать, что в предыдущий раз хронометр дал неправильный ответ.

«Еще есть время, чтобы сбежать отсюда, — подумал Силвест. — Выбраться на поверхность, пока „Плацдарм“ не рухнул вниз».

Он поглядел на «самоцвет». Тот, несмотря на приобретенный Силвестом опыт, не стал менее таинственным. Он не прекратил своего кружения и не утратил манящей красоты.

Силвест чувствовал, что теперь знает о «самоцвете» куда больше, что время, проведенное в преддверии матрицы Гадеса, научило его кое-чему. Но полученные только что знания слишком плотно сплелись с накопленными ранее, и он не мог сейчас подвергнуть их кропотливому анализу.

Лишь одно он знал наверняка: у него появилось мрачное предчувствие, которого раньше не было.

И все-таки он пошел вперед, к «самоцвету».

Кровавое око Гадеса заметно увеличилось в размерах. Но для Хоури и Паскаль сама нейтронная звезда в центре этого яркого пятна останется лишь слабым проблеском. Во-первых, она имеет всего лишь несколько километров в диаметре, а во-вторых, женщины умрут задолго до того, как приблизятся на расстояние, с которого можно рассмотреть ее как следует. Их разорвет на клочки чудовищная гравитация.

— Чувствую, я должна тебе кое-что сказать, — заговорила Паскаль. — Вряд ли это произойдет быстро. Разве что нам очень повезет.

Хоури с трудом подавила в себе раздражение. Ей не нравилась эта претензия на высшее знание, хотя Паскаль во многих вещах действительно разбиралась лучше.

— Откуда такая уверенность? Ты же не астрофизик?

— Не астрофизик, но я помню, что рассказывал Дэн о гравитационных приливах и отливах, которые не позволяли дронам достигнуть Гадеса.

— Ты говоришь о нем так, будто он уже мертв.

— Нет, я не думаю, что он мертв, — ответила Паскаль. — Возможно, выжил. Но мы не выживем. У нас ни единого шанса.

— Все еще обожаешь своего подонка?

— Хочешь верь, хочешь нет, но этот человек, хоть и вел себя как одержимый, любил меня. И никто никогда не узнает, что это была за любовь.

— Может, твоего мужа не станут чересчур строго судить, когда выяснится, что он был чужой марионеткой?

— Думаешь, выяснится? Хоури, мы с тобой единственные, кому это известно. А для остальной Вселенной он просто мань-

як с навязчивой идеей. Кто там будет разбираться, что он использовал других людей только в ситуациях, когда не было выбора? Что его гнало вперед нечто гораздо более важное, чем моя или твоя жизнь?

Хоури кивнула:

— Знаешь, я когда-то хотела убить его, но только потому, что это была единственная возможность вернуть Фазиля. Ненависти к Силвесту не испытывала. Если уж по правде, так я не сказала бы, что он мне не нравится. Я всегда восхищалась людьми, которые ведут себя так нахально, будто все принадлежит им по праву рождения. Большинство на это просто не способны, а вот он держался, что твой король. И это было даже не нахальство, а что-то совсем другое. Что-то и впрямь достойное восхищения.

Паскаль ничего не ответила, но Хоури знала: по крайней мере часть услышанного та считает справедливым. Просто не готова прямо сказать, за что она на самом деле любит Силвеста. За то, что он, будучи самонадеянным подонком, совершил благородный поступок, причем проделал это с таким невыносимым апломбом, что поступок стал истинным подвигом, — чего не случилось бы, даже если бы Силвест носил власяницу.

— Слушай, — порывисто сказала Хоури, — у меня есть идея. Когда эти приливы с отливами начнут рвать нас в клочья, ты предпочтешь быть в здравом уме или в несколько затуманенном?

— Что ты имеешь в виду?

— Илиа говорила, эта штуковина построена, чтобы производить впечатление на клиентов. Планировалось этим клиентам показывать корабль снаружи, в надежде на хорошую сделку. Что-то мне подсказывает: на борту имеется приличный бар. Если только всю выпивку не выхлестали за прошедшие века. Но ведь он может оказаться самопополняющимся. Поглядим, а?

Паскаль ничего не ответила, а ведь с каждым мгновением они приближались к гравитационному колодцу Гадеса. И в ту секунду, когда Хоури решила, что спутница предпочла не услышать предложения, Паскаль отстегнулась от кресла и устремилась к корме «Паука», в неизведанные области плюша и латуни.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Внутри Цербера, последний зал, год 2567-й

Сияние обрело синеватый оттенок, как будто приближение Силвеста умиротворило «самоцвет», и тот решил приостановить спектральную игру. Силвест, как и прежде, сознавал, что приближаться к блистающему объекту опасно, но любопытство и ощущение предопределенности влекли его вперед. Будто из самых основ его разума выскочила потребность противостоять опасности и даже, если получится, приручить ее. Это был инстинкт, пробуждающийся при соприкосновении с огнем; это была мудрость, которая приходит вместе с болью.

Камень вдруг раскрылся перед ним, предварительно совершив ряд геометрических трансформаций (Силвест не уделил им должного внимания из боязни, что мозг не выдержит и развалится по плоскостям, сходным с плоскостями этого голубого кристалла).

— Ты хорошо подумал? — спросил Кэлвин. Его ворчание успело стать для Силвеста чем-то вроде естественного звукового фона.

— Слишком поздно возвращаться, — произнес голос.

Он не принадлежал ни Кэлвину, ни Силвесту, но казался знакомым, будто его источник долго прятался внутри Силвеста, но предпочитал помалкивать.

— Похититель Солнц, это ты?

— Он был с нами всю дорогу, — сказал Кэлвин. — Я не ошибаюсь, приятель?

— Дольше, чем вы можете себе представить. С тех самых пор, как ты, Дэн, побывал у Завесы Ласкаля.

— Значит, все, что говорила Хоури, — правда. — Силвест утверждал очевидное: если пустой скафандр Садзаки и оставлял какие-то сомнения в версии Хоури, то их развеяли откровения, полученные от света. — Чего же ты хочешь от меня?

— Только одного: чтобы ты вошел в... «самоцвет», как ты его называешь.

Теперь Силвест слышал только шипящий голос Похитителя Солнц, и от этого шипения мороз шел по коже.

— Не бойся, тебе не причинят вреда и не помешают вернуться назад.

— Ты сейчас готов наобещать чего угодно.

— Я говорю правду.

— А что с «Плацдармом»?

— Он еще действует. И будет действовать, пока ты не покинешь Цербер.

— Проверить-то ничего нельзя, — вклинился Кэлвин. — Все его обещания могут оказаться ложью. Он обманывал нас и направлял каждый наш шаг. И все только для того, чтобы затащить тебя сюда. С чего бы вдруг этой твари на сей раз говорить правду?

— С того, что теперь все это уже не важно, — ответил Похититель Солнц. — Ты зашел так далеко, что твои личные стремления теперь не играют никакой роли.

И Силвест вдруг почувствовал, что скафандр шагнул вперед, прямо в распахнутый «самоцвет», в коридор с блистающими гранеными стенами, ведущий куда-то в глубину.

— Что... — начал было Кэлвин.

— Я ничего не делаю, — ответил Силвест. — Этот мерзавец перехватил контроль над скафандром.

— Похоже на то. Управлял же он скафандром Садзаки. До сих пор этот паразит предпочитал сидеть в тени и ждать, когда ты сделаешь за него всю работу. Ну и лентяй!

— Оскорбляя его, — сказал Силвест, — мы вряд ли улучшим наше положение.

— У тебя есть идеи получше?

— Честно говоря...

Теперь коридор выглядел иначе — пылающий, похожий на трахею тоннель то и дело разветвлялся и поворачивал. Силвест сомневался, что все еще находится внутри «самоцвета». По его прикидкам, этот объект мог иметь в поперечнике от нескольких сот метров до десятков километров. Трудно определить размеры того, что постоянно меняет форму, — если вообще возможно.

— Хм... ты что-то сказал?

— Я говорил... — Силвест осекся. — Похититель Солнц, ты слышишь меня?

— Как всегда.

— Я не понимаю, зачем пришел. Если тебе удавалось контролировать скафандр Садзаки, если ты контролируешь и мой скафандр, то для чего понадобилось тащить меня сюда? Если хочешь что-то забрать из «самоцвета», разве не можешь это сделать без моей помощи?

— Эта штука реагирует лишь на органическую жизнь. Пустой скафандр оно примет за думающую машину.

— Штука? Хочешь сказать, это устройство?

— Ингибитор.

Какое-то мгновение это слово казалось лишенным смысла. Затем оно легонько коснулось знаний, полученных Силвестом в матрице Гадеса. Это воспоминание привело к другому... Создавалась бесконечная нить ассоциаций.

Только теперь он кое-что понял.

В частности, Силвест понял, что пора со всем этим кончать. Если он достигнет ядра огромного «самоцвета» — или машины-ингибитора, — то будет плохо, очень плохо. Трудно даже вообразить, насколько плохо.

— Нам нельзя идти дальше, — сказал Кэлвин. — Я теперь знаю, что это.

— Я тоже понял, хоть и с опозданием. Эту вещь здесь оставили ингибиторы. Поместили ее на орбиту Гадеса, рядом с мерцающим белым порталом. Портал древнее, чем ингибиторы. Их мало беспокоило, что они плохо понимали его предназначение и слабо представляли, кто его доставил в окрестности нейтронной звезды. Кстати, есть признаки того, что изучить его ингибиторы не удосужились, хотя он совсем не похож на обычные нейтронные звезды. Но если оставить в стороне загадку его происхождения, он вполне отвечал планам ингибиторов. Эти убийцы расставляли своего рода приманки для привлечения разумных органических существ. Поместив одну из них рядом с перспективным для изучения объектом, ингибиторы гарантировали появление визитеров. Именно такой стратегии они придерживались во всей Галактике: устанавливали свои машины вблизи объектов, представляющих большой астрофизический интерес, или вблизи руин погибших цивилизаций.

Вот так и попали сюда амарантийцы, занявшиеся изучением космоса и в какой-то момент привлекшие к себе интерес ингибитора. Он изучил пришельцев и вызнал их слабые места. А потом уничтожил всех, кроме горстки потомков отлученных, которым удалось найти путь к спасению. Одни воспользовались порталом и интегрировались в матрицу, в кору Гадеса, где и продолжили свое существование в качестве симулякров. Как муха вечно сохраняется в янтаре, так и они сохранились в ядерной материи, используемой для компьютерных операций.

«Вряд ли это можно считать жизнью, — подумал Силвест. — Но все же от них кое-что осталось».

Были и другие, сумевшие спастись от ингибитора. Но они тоже выбрали тяжелую судьбу и сожгли за собой мосты.

— Они стали затворниками? — Вопрос задал Кэлвин, а впрочем, это мог быть и Силвест, в моменты наивысшего умственного напряжения он нередко говорил вслух сам с собой. — Амарантийской цивилизации пришел конец. Ресургем уже погиб, большинство родившихся в космосе выслежены и уничтожены ингибиторами. Горстка вписалась в матрицу Гадеса. Другая группа, изучив принципы управления пространством-временем (возможно, на примере трансформаций, происходивших вблизи портала), нашла иное решение: забаррикадироваться от ингибиторов. Они разработали метод свертывания пространства-времени, сгустили его и даже превратили в твердое тело. Таким образом, оно стало непроницаемым щитом. И они затаились, заперев за собой врата навеки.

— И все же это лучше, чем сгинуть без следа.

На мгновение мысли Силвеста обрели полную ясность. Он понял, каково было затворникам сидеть за своими завесами, бесконечно ждать, практически ничего не зная о происходящем снаружи, не имея почти никаких средств для связи со Вселенной. Так крепки, так непроницаемы были стены, которыми они себя окружили. Им было известно — даже когда они обрекали себя на заточение, — что машины, созданные ингибиторами, ветшают со временем, постепенно теряют способность выполнять свою задачу по уничтожению разума. Очень и очень не скоро — спустя миллионы лет — затворники, заключенные в кокон из пространства-времени, задумались, не исчезла ли угроза их жизни.

Но они не могли просто убрать завесы и осмотреться по сторонам, это было бы слишком опасно: а ну как машины ингибиторов начеку? Может, они молчат нарочно, пытаясь сбить с толку затворников и выманить из укрытий на огромную космическую арену, где их удастся с легкостью перебить, тем самым завершив миллионолетнюю историю преследования и уничтожения этого вида разумных существ.

И вдруг оказалось, что в космосе появились другие! Возможно, в этой его области что-то благотворно влияло на развитие позвоночных существ, или причины были иными — не суть. Пришедшие будто из ниоткуда люди-космонавты напомнили затворникам, кем они сами были когда-то. У этих людей было даже нечто сродни амарантийскому психозу: одновременная тяга к дружбе и одиночеству, к уютной жизни в обществе себе подобных и рискованным скитаниям в просторах космоса. Этот психоз гнал их вперед, только вперед.

Первым, с кем встретились затворники, был Филип Ласкаль, а произошло это вблизи от завесы, носящей его имя.

Жестокое пространство-время вынуло его разум, разобрало на молекулы и собрало заново; в результате из блестящего ученого получился бормочущий недоумок. Но этот недоумок оказался непрост. Затворники кое-что вложили в него, а именно знания, которые он должен был передать другому, тому, кто будет к ним ближе по интеллекту... А еще они добавили приманку, которая заставит этого другого искать встречи с ними.

Перед смертью Ласкаль передал свои знания юному Дэну Силвесту. И посоветовал побывать у жонглеров образами.

Это потому, что амарантийцы когда-то посетили жонглеров, впечатали свои нейронные паттерны в их океан. Эти паттерны могли стабилизировать границу завесы, они позволяли пришельцу глубже погрузиться в толстые складки пространства-времени без риска быть разорванным гравитационными напряжениями. Именно так Силвест, выдержав на планете жонглеров определенную трансформацию разума, получил возможность вплыть на волнах гравитационной бури в саму завесу.

Оттуда он вышел живым.

Но изменившимся.

Кроме того, с ним вернулась некая сущность. Она величала себя Похитителем Солнц, хотя теперь Силвест знал, что это всего лишь мифологическое прозвище. Правильнее всего этого «наездника» назвать коллажем из симулякров, искусственной личностью. Внутри завесы ее создали те затворники, что желали использовать Силвеста в качестве своего представителя. Чтобы он распространял влияние затворников за пределами непроницаемого кокона из пространства-времени.

Оглядываясь в прошлое, можно сказать, что ничего особенного от Силвеста не требовалось.

Полететь на Ресургем, где лежат кости их предков.

Найти ингибитор.

Занять такую позицию, чтобы ингибитор, если он все еще действует, мог идентифицировать Силвеста как представителя новой разумной цивилизации.

В этом случае ингибиторы придут к выводу, что они должны немедленно приступить к уничтожению человечества.

Если же этого не случится, затворники выйдут на простор.

Теперь синеватое свечение, окружавшее Силвеста, казалось ему зловещим. Он знал, что самим своим появлением здесь нанес непоправимый вред. Ингибитор наверняка уже понял, что к нему явился представитель разумного вида, достойного того, чтобы на него открыть охоту.

Как Силвест ненавидел амарантийцев! И себя — за то, что посвятил бóльшую часть жизни их изучению. Но что он мог сделать теперь? Да и времени на обдумывание не оставалось.

Тоннель расширился, и Силвест, по-прежнему не управлявший своим костюмом, оказался в огромном зале с фасеточными стенами, залитом все тем же мертвенным голубым сиянием. В воздухе там висели предметы самых диковинных форм, они чем-то напоминали человеческие клетки под микроскопом. Каждый из этих предметов был очерчен прямыми линиями, вместе они образовывали сложные соединения квадратов, многоугольников и ромбов. Парящие скульптуры невозможно было отнести ни к одной эстетической тенденции.

— Что это? — спросил он почему-то шепотом.

— Считай их головоломками, — ответил Похититель Солнц. — Если ты разумный исследователь, в тебе проснется любопытство, захочется завершить их, собрать в логические конструкции то, что предложено в виде отдельных частей.

Силвест понял, что имеет в виду Похититель Солнц. Вот, например, ближайший набор фрагментов... Несколькими движениями можно превратить его в тессеракт. Хм... соблазнительно...

— Я не хочу этого делать, — сказал он.

— А тебе и хотеть не надо. — Для демонстрации своей власти Похититель Солнц заставил скафандр протянуть руки к набору, который, кстати, был куда ближе, чем казалось Силвесту. Пальцы схватили фрагмент и перенесли на нужное место. — Будут и другие тесты, и другие залы, — продолжал инопланетянин. — Твои психические процессы подвергнутся тщательному изучению, а позже то же самое произойдет и с твоей физиологией. Не могу обещать, что второй этап доставит тебе большое удовольствие, но и фатальным он не станет. А потом будут другие процедуры, призванные создать более подробный образ врага. — В голосе Похитителя Солнц появилось что-то вроде иронии; по-видимому, долгое пребывание в человеческом обществе позволило ему обзавестись кое-какими человеческими чертами. — Ты, к сожалению, останешься единственным образцом вида гомо сапиенс, побывавшим в этой машине, но уверяю тебя, на роль образца ты годишься, как никто другой.

— Вот тут-то ты и ошибаешься, — возразил Силвест.

В безжалостном, почти беззвучном голосе Похитителя Солнц впервые послышалась тревога.

— Прошу объяснить.

Некоторое время Силвест молчал, как будто обдумывая требование.

— Кэлвин, — начал он, — я хочу кое-что сказать. — Даже в этот момент он еще толком не знал, к кому обращается и что произнесет. — Когда мы с тобой были в белом свете, когда видели, что содержится в матрице Гадеса, я кое-что понял. Надо было понять это много лет назад.

— Понял о себе?

— Да, о себе. О том, кто я. — Силвесту хотелось разрыдаться, и от того, что другой возможности это сделать не будет, — хотелось еще сильнее. Но не позволили искусственные глаза. Он никогда не плакал. — И о том, почему теперь не могу тебя ненавидеть — ведь это означает ненавидеть себя самого. Сомневаюсь, что я вообще когда-нибудь ненавидел тебя.

— Значит, все-таки не получилось? Я имею в виду то, что планировал в отношении тебя. Но не стану лгать, будто разочарован тем, что из тебя вышло. — Кэлвин тут же поправился: — Тем, что вышло из меня.

— Я рад, что все выяснилось, хоть и только сейчас.

— Что собираешься делать?

— Ты отлично знаешь что. У нас же теперь все общее. — Силвест вдруг поймал себя на том, что смеется. — Мои секреты в том числе.

— А, так ты и о том самом маленьком?

— Что? — проскрежетал Похититель Солнц — будто радиоприемник уловил трескучий голос далекого квазара.

— Надо полагать, ты прослушивал разговоры, которые я вел на корабле? — Теперь Силвест обращался уже к инопланетянину. — Я имею в виду тот случай, когда позволил собеседникам думать, что блефую.

— Блефуешь? О чем ты?

— О «горячей пыли» в моих глазах, — ответил Силвест.

Он снова рассмеялся, но теперь уже громче и веселее.

А потом запустил серию нейронных сигналов, которые так долго и бережно хранил в памяти. Они вызвали каскад событий в сложной схеме его искусственных глаз, а те в свою очередь добрались до контейнеров с микроскопическими крупицами антиматерии.

И стал свет. Ярчайший и чистейший. Такого Силвест не видел никогда и нигде, даже в портале, ведущем в Гадес.

И больше не было ничего.

Вольева увидела это первой.

Она все ждала, когда же «Ностальгия по бесконечности» прикончит ее. Следила за огромным конусом, черным как

ночь, — затмевая звезды, тот скользил к ней с целеустремленностью акулы. Где-то внутри этой громадины различные системы спорили между собой, как лучше отправить ее на тот свет, выбирали способ поинтереснее. Только этот спор и мог служить объяснением тому факту, что Илиа еще жива, поскольку сейчас она была досягаема для любого корабельного орудия.

Казалось, с переходом под контроль Похитителя Солнц «Ностальгия по бесконечности» приобрела нездоровое чувство юмора. Как будто она намеревалась предать Вольеву смерти с садистской медлительностью; для начала жертва пусть помучается ожиданием хоть каких-нибудь событий. Собственное воображение стало для Илиа самым лютым врагом. Оно старательно напоминало о многочисленных системах, способных потрафить вкусам Похитителя Солнц. Одни могут сварить ее за несколько часов, другие расчленить не убивая — взять, к примеру, лазеры, прижигающие рану. На худой конец, можно прислать роботов, предназначенных для внешнего ремонта, чтобы раздавили ее.

Да, уж на что на что, а на свою изобретательность Вольева не жаловалась никогда.

И вдруг она увидела свет на поверхности Цербера, примерно там, где находился «Плацдарм». Вспышка длилась какую-то долю секунды — гигантский светляк, засиявший только для того, чтобы тут же погаснуть.

Или это колоссальный взрыв?

Она смотрела, как разлетаются во все стороны куски породы и оплавленных механизмов.

Хоури с трудом верилось, что она до сих пор жива. На этот раз просто не могло быть сомнений: все кончено. Чего она могла ожидать, придя в чувства? Ну, во-первых, чудовищной боли в гравитационных лапах Гадеса, разрывающих на куски и ее тело, и ее душу. Еще мигрени — худшей с тех пор, как Мадемуазель пробудила в Ане память о Войне Рассвета. Даром, что ли, Ана и Паскаль разыскали тот бар и выхлестали весь алкоголь, который там был.

Однако Хоури пришла в себя быстро и не заметила ни малейшего похмелья — сознание было ясным, как отмытое окон-

ное стекло. А вот и другой сюрприз: она находится вовсе не в «Пауке». Напрягая мозг, она вспомнила, что уже просыпалась — и были чудовищные гравитационные волны, и они с Паскаль ползли на середину каюты, где разница напряжений, казалось, была поменьше. Конечно, проку от этого быть не могло — хватка нейтронной звезды беспощадна. Им оставалось одно: каким-нибудь способом ослабить агонию.

Но где же, черт побери, она находится?

Хоури проснулась, лежа лицом вниз на твердой, как бетон, поверхности. А над ней крутились звезды — точь-в-точь носящиеся по всему небу колеса повозок. В этом движении было что-то неправильное, будто Ана смотрела на них сквозь толстую линзу, простирающуюся от горизонта до горизонта.

Обнаружилось, что двигаться она может. Хоури попыталась встать, но тут же упала.

На ней был скафандр.

Но ведь в «Пауке» она не носила скафандра. Этот же — точная копия того, в котором она спускалась на Ресургем, и того, в котором Силвест отправился на Цербер. Как же так? Ей все приснилось? Но никогда в жизни у нее не бывало таких реалистичных снов. Сколь бы ни был правдоподобен сон, в нем всегда есть внутренние противоречия: начни приглядываться, и вся конструкция вскоре развалится...

Равнина, на которой лежала Хоури, имела цвет остывающего металла. Он сверкал, но не так сильно, чтобы слепить глаза. Местность была плоской, примерно как пляж при отливе. На ней — теперь Ана это отлично видела — был какой-то рисунок. Не случайный, а хорошо продуманный, вроде орнамента на персидском ковре. За одним рядом деталей орнамента следовал другой, пока где-то вдали узор не становился совсем мелким, почти микроскопическим. Вполне возможно, что дальше шли полосы с еще более мелким рисунком — на субъядерном или квантовом уровне.

Фрагменты узора двигались, они то выходили из фокуса, то снова входили в него и никогда не повторялись, непрерывно изменяясь. От этого зрелища Ану вскоре замутило, и она перевела взгляд на горизонт.

Он был совсем близко.

Хоури встала и пошла. Под ногами хрустел блестящий грунт. Фрагменты перестраивались, появились ровные ступенчатые камни, идти по ним было очень удобно.

Впереди что-то появилось.

Оно поднималось над дугой горизонта. Небольшой холмик с цоколем возвышался на фоне звездного купола. Хоури подошла ближе и уловила какое-то движение. Холмик был похож на вход в метро — три низкие стены обрамляли ступеньки, которые вели вглубь этого странного мира.

А вот и фигурка, поднимающаяся по лестнице изнутри. Походка сквозит силой и спокойствием, как будто эта женщина собралась на утреннюю прогулку. В отличие от Хоури, на ней нет скафандра. Она одета так же, как в последний момент, когда ее видела Ана.

Паскаль Силвест.

— Долго же мне пришлось ждать. — Ее голос с трудом донесся до Хоури сквозь безвоздушное черное пространство, что разделяло их.

— Паскаль?

— Да, — ответила та, а потом уточнила: — В некотором смысле. Знаешь, это не так-то просто объяснить. Я столько раз репетировала...

— Что случилось, Паскаль? — Хоури показалось неприличным спрашивать, почему на собеседнице нет скафандра. И почему она не умерла. — Где мы?

— А ты еще не догадалась?

— Да вот представь себе.

Паскаль сочувственно улыбнулась:

— Ты на Гадесе. Помнишь о нем? Нейтронная звезда, та, что притягивала нас. Вернее, не притягивала...

— Я на нейтронной звезде?

— Да. Сомневаюсь, что ты этого ожидала.

— Правильно делаешь, что сомневаешься.

— Я тут столько же, сколько и ты, — сказала Паскаль. — То есть считаные часы. Но я жила под корой, а там события происходят быстрее. Так что по ощущениям я здесь пробыла куда дольше.

— Насколько дольше?

— Лет на десять... хотя время тут в некоторых отношениях вообще не течет.

Хоури кивнула, будто поняла, о чем идет речь.

— Паскаль... пожалуй, тебе бы стоило объяснить...

— Хорошая мысль. Я сделаю это по пути вниз.

— Куда-куда?

Паскаль показала на лестницу, ведущую вниз с равнины вишневого цвета, — как будто соседку приглашала на коктейль.

— Внутрь, — сказала она. — В матрицу.

А смерть все медлила.

Целый час Вольева, включив увеличивающую опцию визора скафандра, наблюдала, как «Плацдарм» теряет форму, подобно неудачному горшку на гончарном круге. Потом он стал растворяться в коре. Она переваривала его, поскольку бой с Цербером был проигран.

Слишком быстро.

Неправильность происходящего давила Вольевой на психику. Пусть близка ее собственная гибель, но все равно тошно видеть смерть собственного творения, тем более что оно погибает заведомо преждевременно.

Не в силах больше терпеть, Илиа повернулась к кораблю, приближавшемуся с неуклонностью кинжала, и широко раскинула руки. Она не знала, принимает ли корабль голосовые команды.

— Иди же, свинья! Давай, убей меня! К черту, не хочу этого видеть! Кончай же!

На коническом корпусе затлел оранжевый огонек внутреннего освещения, — это открылся люк. Вот сейчас оттуда вынырнет какое-нибудь полузабытое мерзкое оружие, может ею самою и созданное в порыве пьяного вдохновения...

Вместо этого появился шаттл и медленно направился к ней.

Если верить рассказу Паскаль, то нейтронная звезда фактически таковой не являлась. Точнее, являлась ею раньше и станет однажды, если не помешает какая-нибудь третья сила. В деталях говорить об этом Паскаль наотрез отказалась, но

общий смысл был ясен. Эту нейтронную звезду превратили в гигантский компьютер с невероятным быстродействием, который обладал фантастической способностью связываться со своими прошлыми и своими будущими «я».

— А что тут делаю я? — спросила Хоури, когда они спустились. — Нет, спрошу иначе: а что тут делаем мы? И как вышло, что ты знаешь обо всем куда больше моего?

— Я уже говорила, — ответила Паскаль, останавливаясь на ступеньке, — что пробыла в матрице дольше тебя. Хоури, тебе не понравится то, что я сейчас скажу. Дело в том, что ты мертва... во всяком случае сейчас.

Хоури удивилась меньше, чем сама ожидала. Услышанное от Паскаль показалось ей вполне естественным.

— Мы погибли в колебаниях гравитации, — совершенно спокойно продолжала Паскаль. — Когда приблизились к Гадесу, перепады разорвали нас. Это были пренеприятнейшие минуты, но большинства ощущений нет в записи, так что ты об этом ничего не помнишь.

— В записи?

— Согласно всем законам природы, нас должно было разнести на атомы. В известном смысле именно это и произошло. Но информация о каждом из наших атомов, о связях между ними была преобразована в поток гравитонов, который понесся к Гадесу. Та же сила, что явилась причиной нашей гибели, проанализировала нас и передала все полученные сведения матрице.

— Понятно, — медленно произнесла Хоури, уже готовая принять услышанное как данность, во всяком случае на время. — И что же произошло, когда нас передали матрице?

— Мы... хм... воскресли в виде моделей. А поскольку моделирование в коре идет гораздо быстрее, чем снаружи, я провела там несколько десятилетий субъективного времени.

Она говорила таким тоном, будто оправдывалась.

— А я не помню, чтобы где-то провела несколько лет.

— Это потому, что с тобой все обстояло иначе. Нас оживили, но ты здесь оставаться не захотела. И поэтому ничего не помнишь. Фактически сама отказалась от этих воспоминаний. Решила, здесь нет ничего такого, что могло бы удержать тебя.

— Намекаешь, здесь есть нечто, способное удержать тебя?

— Верно, есть! — воскликнула Паскаль. — Но до этого мы еще дойдем.

Они спустились по лестнице почти до конца. От этого места отходил освещенный фонарями коридор; расположенные наобум огоньки создавали впечатление волшебной сказки. Приглядевшись к стенам, Хоури увидела ту же компьютерную игру узоров, что и на поверхности Гадеса. Казалось, рядом кипит машинная деятельность, проводятся недоступные пониманию Аны алгебраические расчеты.

— Так кто же я теперь? — спросила Хоури. — И что собой представляешь ты? Говоришь, я умерла. Но я-то этого не ощущаю. И не чувствую, что смоделирована в какой-то там матрице. Я же только что была на поверхности!

— Ты человек из плоти и крови, — ответила Паскаль. — Ты умерла, и тебя создали заново. Твое тело состоит из химических элементов, ранее содержавшихся в матрице коры. После того как синтез организма завершился, тебя привели в сознание. Скафандр тоже восстановлен матрицей.

— Хочешь сказать, если кто-нибудь, одетый в скафандр, имеет глупость приблизиться к Гадесу...

— Нет... — Паскаль осторожно подбирала слова. — Есть и другой путь в матрицу. Гораздо проще. Во всяком случае, раньше был.

— Должно быть, я все-таки труп. На нейтронной звезде жить нельзя. И внутри ее тоже.

— Я ж тебе сказала: это не настоящая нейтронная звезда.

И Паскаль объяснила, как все получилось. Как матрица создала «карман» слабой гравитации, в котором они могут существовать. Это возможно благодаря циркуляции огромных масс дегенеративной материи в недрах Гадеса. Которая, не исключено, является побочным продуктом непрекращающегося вычислительного процесса. Подобно рассеивающей линзе, этот поток отводит гравитацию прочь. Другие силы, не менее могучие, не дают разрушить стены движущимся с околосветовыми скоростями частицам.

— А о себе что расскажешь?

— Я не такая, как ты, — ответила ей Паскаль. — Тело, которое я ношу, — что-то вроде куклы-рукавички. Я его надела,

чтобы встретиться с тобой. Оно создано из того же ядерного вещества, что и кора. Нейтроны связаны странными кварками, и поэтому я не разлетаюсь на частички под напором собственного квантового давления. — Паскаль дотронулась до лба. — И я сама не мыслю. Мышление — оно тут кругом, в самой матрице. Тебе это может показаться ужасной грубостью, и я заранее извиняюсь, но я бы умерла со скуки, если бы нечем больше было заняться, кроме разговоров с тобой. У нас совершенно разные вычислительные мощности... Ты не обиделась? Правда? В этом нет ничего личного. Надеюсь, ты это поймешь.

— Забудем, — отозвалась Хоури. — Наверняка я чувствовала бы то же самое.

Теперь коридор расширился и вдруг превратился в прекрасно обставленный рабочий кабинет ученого, оборудованный приборами и отделанный материалами, которые появились в последние пять-шесть веков. Из цветов преобладал коричневый — цвет нынешней эпохи: коричневыми были деревянные полки на стенах, переплеты старинных бумажных книг, антикварный письменный стол, выстроенные по его краям, не иначе как с декоративной целью, древние, с золотым отливом инструменты. Деревянные витрины занимали место в простенках, где отсутствовали стеллажи. В них лежали пожелтевшие кости инопланетных животных, которые напоминали динозавров или огромных нелетающих птиц, если забыть о чрезвычайно вместительных черепах, явно предназначавшихся для очень мощного мозга.

Была тут и современная техника: сканирующие устройства, тончайшие режущие инструменты, стойки с картами эйдетической и голографической памяти. Винтажный серворобот застыл в углу, слегка наклонив голову, — ни дать ни взять верный лакей, позволивший себе чуток вздремнуть на ногах.

Окна с поднятыми жалюзи открывали вид на сухую и сильно пересеченную местность: сплошь вылизанные ветрами плоские горы и каньоны. Все это купалось в красноватом сиянии заходящего солнца, которое уже почти исчезло за бесформенным горизонтом.

Из-за письменного стола, с таким видом, будто ему помешали, встал Силвест.

Сначала вторжение, видимо, рассердило его, но затем складки лица смягчились, а на губах возникло нечто похожее на улыбку.

Хоури заглянула в его глаза — обычные человеческие глаза.

— Рад, что вы нашли время навестить нас, — сказал он. — И надеюсь, Паскаль ответила на все вопросы, которые вас беспокоили.

— Почти на все, — кивнула Хоури, входя в кабинет и удивляясь изысканности его убранства.

Это была великолепная имитация, лучше Ане еще не приходилось видеть. К тому же — и эта мысль одновременно волновала и пугала — все здесь было сделано из ядерного вещества такой большой плотности, что даже самый маленький предмет на столе — пресс-папье — упадет на пол в центре комнаты, попробуй ты швырнуть его в дальнюю стену.

— Но не на все, — добавила она. — Вы-то как тут оказались?

— Возможно, Паскаль упомянула, что в матрицу ведет и другой путь. Я его отыскал. И прошел. Вот и все.

— А что же случилось с...

— С моим реальным «я»? — Он улыбнулся — будто радовался собственной шутке, которую вряд ли оценит собеседник. — Сомневаюсь, что оно уцелело. Откровенно говоря, меня это не интересует. Я и сам вполне реален. Таков, каким был всегда.

— А что случилось на Цербере?

— Это долгая история, Хоури.

И все-таки он рассказал. О том, как он спустился в глубь планеты. О том, что скафандр Садзаки оказался пустым. О том, как заставил себя все же идти вперед. И о том, что он нашел в последнем зале.

Наконец описал, как он попал в матрицу — в тот момент память Силвеста отделилась от памяти его второго «я».

Когда он говорил о гибели своего второго «я», это прозвучало столь твердо, что Хоури подумала: откуда у него такая уверенность? Возможно, была какая-то тонкая, нематериальная связь между ними, просуществовавшая до самого конца.

Но некоторые вещи даже Силвест понимал весьма слабо, и от Аны это не укрылось. Он не постиг божественность, во всяком случае, постиг не больше, чем в то мгновение, когда купался в ослепительном белом свете портала.

«Не тогда ли Силвест сделал свой выбор? Знает ли это он сам?» — подумала Хоури.

Если матрица смоделировала Силвеста и если вычислительные способности этой матрицы беспредельны... то какие ограничения наложены на него, кроме тех, которые выбрал его собственный разум?

И вот что еще она узнала: Карину Лефевр в живых сохранила часть завесы, но ничего случайного в этом не было.

— Похоже, затворники делятся на две фракции, — говорил Силвест, поигрывая старинным микроскопом на столе, наклоняя его зеркальце из стороны в сторону, будто хотел поймать последний луч заходящего солнца. — Одна желала, чтобы я разузнал, существует ли еще ингибитор и представляет ли угрозу. Другая, я думаю, о человечестве заботилась не больше первой, но была осторожнее. Она полагала, что это не самый лучший способ — совать нос в ингибитор и выяснять, реагирует ли еще на органику.

— А что теперь будет с нами? Кто в конечном счете победил? Похититель Солнц или Мадемуазель?

— Никто, — ответил Силвест, отставляя микроскоп. Обклеенное бархатом основание мягко стукнуло по столу. — Во всяком случае, таково мое интуитивное ощущение. Думаю, мы... — Он поправился: — Думаю, я подошел достаточно близко, чтобы запустить этот механизм, чтобы дать ему стимул активировать все оставшиеся ингибиторы и начать войну против человечества. — Он усмехнулся. — Впрочем, война — это то, в чем участвуют минимум две стороны.

— И вы считаете, он все же не включился?

— Я надеюсь на это. Молюсь об этом. — Он пожал плечами. — Конечно, могу и ошибиться. Это раньше я говорил, будто никогда не ошибаюсь. Теперь я получил хороший урок.

— А как насчет амарантийцев и затворников?

— Время покажет.

— И все?

— Я не знаю всех ответов, Хоури. — Он оглядел кабинет, будто любуясь книгами на полках, убеждаясь, что они никуда не делись. — Их нет даже здесь.

— Пора возвращаться, — внезапно произнесла Паскаль.

Она появилась возле мужа, держа в руке стакан с прозрачной жидкостью. Может, с водкой? Поставила стакан на стол, рядом с отполированным черепом цвета пергамента.

— Куда возвращаться?

— В космос, Хоури. Разве не этого тебе хочется? Или собираешься остаток вечности проторчать здесь?

— Так ведь некуда возвращаться, — возразила Хоури. — Ты не хуже моего это знаешь. Корабль против нас. «Паук» уничтожен. Илиа убита...

— Нет, Хоури, она не убита. Она пережила взрыв шаттла.

Значит, Вольевой все же удалось залезть в скафандр? Ну и что ей это дало?

Хоури уже хотела задать этот вопрос, но тут же поняла: все услышанное ею от Паскаль правда, какой бы невероятной она ни казалась... и какой бы бесполезной эта правда ни была.

— А что будете делать вы?

Силвест потянулся к стакану с водкой и сделал маленький глоток.

— Неужели вы еще не догадались? Этот кабинет вовсе не для того сделан, чтобы удивить вас. Мы с Паскаль живем здесь, не говоря уже о том, что оба существуем еще и в самой матрице как компьютерные версии. Словом, все как всегда, только теперь это все — наше.

— Понятно... Больше новостей для меня не будет?

— Как сказать.

Паскаль придвинулась к мужу, обняла за талию, и оба одновременно посмотрели сквозь жалюзи на истекающий кровью чужой закат, на аридный, безжизненный ландшафт Ресургема.

И он стал преобразовываться.

Первые изменения возникли на горизонте. Смывающая все волна волшебства неслась на зрителей со скоростью наступающего дня. На небе возникли груды облаков — огромные, точно империи. Небо стало голубым, хотя солнце все еще погру-

жалось в сумерки. И ландшафт уже был не аридный, он превратился в бушующее море зелени, стремительно покрылся кустами и деревьями незнакомых Ане пород. Тут и там заблестели озера, по лесам и полям, между яйцевидными домиками запетляли дороги. Домики собирались в деревушки, а на горизонте уже вставали города, а над самым большим из них к небу взвился тонкий шпиль.

Хоури не могла оторвать глаз от этой картины, она онемела от красоты и величия увиденного. Перед ней восставал из праха давно исчезнувший мир... Среди домов двигались фигурки, быстрые, как птицы, — но ни одна из них не взлетела.

— Вот так и было когда-то, — сказала Паскаль. — По крайней мере, такой вид записан в матрице. Это не археологическая реконструкция, Хоури. Это Ресургем, на котором сейчас обитают амарантийцы. Возвращенный к жизни силой воли тех, кто выжил. Тот самый мир, до малейшей детали.

Хоури оглядела комнату и поняла.

— Вы будете его изучать?

— Не просто изучать, — ответил Силвест, отпивая еще глоток. — Мы будем жить в нем. Пока нам не наскучит, чего, я надеюсь, никогда не произойдет.

Хоури ушла, оставив их вдвоем в кабинете, где тут же начался серьезный, полный мудрости разговор, отложенный только для того, чтобы принять гостью.

Хоури поднялась по лестнице и снова оказалась на поверхности Гадеса. Кора планеты все еще горела красным огнем, по ней все еще бегали узоры компьютерных расчетов. Теперь, когда Ана пробыла здесь достаточно долго и ее нервы успокоились, она заметила, что твердь непрерывно вибрирует у нее под ногами, будто в глубинах планеты ревет огромная бесперебойно работающая машина. «Наверняка я недалека от истины, — сказала себе Хоури. — Ведь этот мир и есть огромный компьютер».

Она подумала о Силвесте и Паскаль, этих исследователях сказочного мира, начинающих свой новый рабочий день. С той минуты, как Хоури покинула кабинет, для них, вероятно, прошли многие годы. Впрочем, какое это имеет значение? Ана не

сомневалась: смерть они выберут только тогда, когда все остальное перестанет их интересовать. А это, по словам Силвеста, вряд ли произойдет в ближайшем или отдаленном будущем.

Хоури включила коммуникатор скафандра:

— Илиа! Ты слышишь меня? Черт побери! Это, конечно, бред собачий, но они сказали, что ты еще жива.

Только треск помех. Надежды рухнули. Хоури оглядела опаленный пейзаж и подумала: ну и что же дальше?

И вдруг:

— Хоури, это ты? Какого дьявола! Неужто сумела выкарабкаться?

Голос был странный. Он то резко повышался, то стихал, будто говорившая была пьяна, хотя подъемы и падения происходили с какой-то непонятной регулярностью.

— Я могла бы задать тебе такой же вопрос. Последнее, что я помню, — это как шаттлу настал конец. Уж не собираешься ли ты сообщить, что все еще болтаешься среди обломков?

— Я устроилась куда лучше, — сказала Вольева. — Сижу в шаттле. — Ее голос продолжал взлетать и падать по всему спектру. — В шаттле, понятно? Я на борту шаттла.

— Как это?

— Его послал корабль. «Ностальгия по бесконечности». — Теперь стало ясно: Вольева просто задыхается от волнения, умирает от желания высказаться. — Я-то думала, он хочет меня убить. Все ждала последнего удара. А вместо этого он послал за мной шаттл.

— Я что-то никак не пойму. Ведь корабль все еще в руках Похитителя Солнц! А он желает нас всех укокошить.

— Нет, — ответила Вольева с каким-то девичьим восторгом. — Нет! Так и было бы, если бы то, что я сделала, не сработало, а оно не могло не сработать.

— И что же ты сделала, Илиа?

— Я... гм... подогрела капитана!

— Ты серьезно?

— Еще как! Согласна, я шла на риск. Подумала: если паразит хочет захватить контроль над кораблем, самый надежный способ его победить — это напустить на него паразита посильнее. — Вольева умолкла, будто ожидая от Хоури подтвержде-

ния, что это весьма логичный ход. Не дождавшись отклика, Илиа продолжала: — Это было сутки назад. Чума уже наверняка трансформировала значительную часть корабля. У нее потрясающая скорость — сантиметр в секунду!

— По-твоему, это умно?

— Хоури, это самая глупая затея за всю мою жизнь! И все-таки она, похоже, сработала. В худшем случае мы меняем одного мегаломаньяка на другого, но тот, другой, уже не станет добиваться нашего уничтожения.

— Значит, шаг в правильном направлении. А где ты сейчас? Еще не на корабле?

— С чего бы. Последние часы я провела в поисках вас с Паскаль. Где вы, черт бы вас побрал? Я никак не могу взять пеленг.

— Лучше бы тебе этого не знать.

— Ладно, посмотрим. Но я хочу, чтобы ты как можно скорее оказалась на этом борту. Заруби себе на носу: я не вернусь на субсветовик одна. Вряд ли он сейчас выглядит таким, каким нам запомнился... Слышишь, Ана? Ты можешь до меня добраться?

— Наверное...

Хоури сделала все необходимое, чтобы покинуть поверхность Гадеса. Она не видела в своих действиях смысла, но Паскаль утверждала, что матрица обязательно поймет команду и переместит «карман» со слабой гравитацией в космос. Получится что-то вроде бутылки, в которой Хоури выберется из опасной зоны.

Ана широко раскинула руки, будто у нее были крылья, будто она умела летать.

Красная почва, вечно дрожащая и играющая геометрическими узорами, медленно ушла из-под ног.

Рейнольдс А.

Р 35 Пространство Откровения : роман / Аластер Рейнольдс ; пер. с англ. В. Ковалевского, Н. Штуцер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 640 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-07864-2

Около миллиона лет назад на планете Ресургем погиб народ амарантийцев — разумных потомков нелетающих птиц. Это случилось вскоре после того, как они освоили технологию космических путешествий.

Археолог Дэн Силвест готов идти на любой риск, чтобы разгадать секрет исчезновения амарантийской цивилизации. Иначе, убежден ученый, ее печальную судьбу может разделить расселившееся по планетам человечество. В результате мятежа Силвест лишился помощников и ресурсов, более того, он поставлен вне закона. Не видя других средств для достижения своей цели, он шантажом привлекает в союзники экипаж торгового звездолета «Ностальгия по бесконечности». Кажется, меньшим риском было бы заключить сделку с дьяволом. Вековые скитания в космосе, постоянная борьба за выживание превратили этих людей в расчетливые механизмы. Они безжалостны, бесстрашны и изобретательны, и они привыкли любой ценой добиваться своего. И один из них, между прочим, прибыл на Ресургем с тайным поручением убить Силвеста...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Литературно-художественное издание

АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС

ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Кирилла Иванова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Станислава Кучепатова

Подписано в печать 29.10.2014. Формат издания 60 × 90 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 40. Заказ № 4909/14.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): 16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-00, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Это «твердая» научная фантастика эпических масштабов, с бескрайними космическими пространствами, наполненными техническими чудесами.

Amazon.com

Эта книга — просто наслаждение. Меня «зацепило» на первой же странице. Отбушевавшие миллион лет назад войны инопланетян, коварные сверхинтеллекты-убийцы, артефакт чужой цивилизации — пожалуй, самое оригинальное и удивительное в современной фантастике. И обо всем этом написано твердой рукой настоящего ученого-практика.

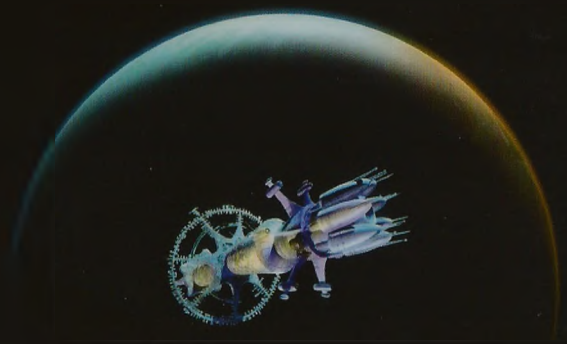
Стивен Бакстер, автор «Кораблей времени» и соавтор «Света иных дней»

Любители «твердой» НФ будут аплодировать таланту автора, умеющего великолепно создавать образы инопланетян и соединять, подчас с пугающими результатами, человеческий разум с машинным…

Publishers Weekly

У Рейнольдса не бывает недостатка в великих идеях… В «Пространстве Откровения» многие концепции вызывают трепет… Написано очень жестко и в высшей степени убедительно.

SF Cite

© Cover Art by Chris Moore

ISBN 978-5-389-07864-2 02
9 785389 078642
www.azbooka.ru

аластер рейнольдс

ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ

АЗБУКА

Это «твердая» научная фантастика эпических масштабов, с бескрайними космическими пространствами, наполненными техническими чудесами.

Amazon.com

Эта книга — просто наслаждение. Меня «зацепило» на первой же странице. Отбушевавшие миллион лет назад войны инопланетян, коварные сверхинтеллекты-убийцы, артефакт чужой цивилизации — пожалуй, самое оригинальное и удивительное в современной фантастике. И обо всем этом написано твердой рукой настоящего ученого-практика.

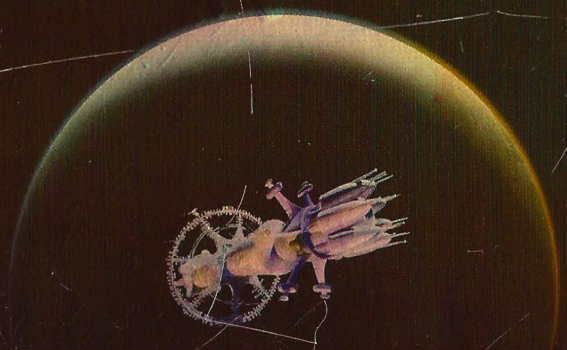
Стивен Бакстер, автор «Кораблей времени» и соавтор «Света иных дней»

Любители «твердой» НФ будут аплодировать таланту автора, умеющего великолепно создавать образы инопланетян и соединять, подчас с пугающими результатами, человеческий разум с машинным…

Publishers Weekly

У Рейнольдса не бывает недостатка в великих идеях… В «Пространстве Откровения» многие концепции вызывают трепет… Написано очень жестко и в высшей степени убедительно.

SF Cite

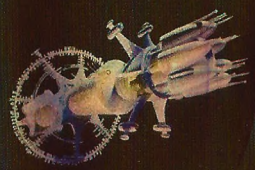
© Cover Art by Chris Moore

ISBN 978-5-389-07864-2 02

9 785389 078642

www.azbooka.ru

аластер рейнольдс

ПРОСТРАНСТВО ОТКРОВЕНИЯ

АЗБУКА